Р О С С И Й С К А Я А К А Д Е М И Я Н А У К
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ XXV (2)

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY XXV (2)

Proceedings of the 25th Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

21–23 июня 2021 г. — June 21–23, 2021

Институт Лингвистических Исследований
Российской академии наук

Санкт-Петербург
2021

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

Индоевропейское языкознание и классическая филология XXV (2) (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 21–23 июня 2021 г. / Гл. редактор Н. Н. Казанский. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2021. — 559 с.
(= Индоевропейское языкознание и классическая филология, т. 25 (2), 2021).
Indo-European linguistics and classical philology XXV (2) (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 21–23 June, 2021 / Edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2021. — 559 p.
(= Indo-European linguistics and classical philology, vol. 25, 2021).

ISSN 2306-9015 Indoevropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
ISSN 2658-6452 (электронная версия)
DOI: 10.30842/ielcp2306901525

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
академик РАН Н. Н. Казанский (гл. редактор);
д. филол. н. А. А. Алексеев (СПбГУ), Prof. Dr. G. Blažienė (Vilnius),
Prof. Dr. V. Blažek (Brno), д. филол. н. Н. А. Бондарко (ИЛИ РАН),
д. истор. н. Н. В. Брагинская (РГГУ),
д. филол. н. А. Ю. Братухин (Пермь, ПГНИУ),
д. филол. н. Н. П. Гринцер (РАНХиГС), Prof. Dr. H. Eichner (Wien),
к. филол. н. П. А. Кочаров (ИЛИ РАН),
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (ИЛИ РАН, отв. секретарь),
Prof. Dr. D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов (МГУ/ИВИ РАН),
д. филол. н. А. Н. Соболев (ИЛИ РАН), д. филол. н. А. И. Солопов (МГУ),
к. филол. н. А. В. Шацков (ИЛИ РАН)

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при ИЛИ РАН

ISSN 2306-9015
ISSN 2658-6452 (электронная версия)
DOI: 10.30842/ielcp2306901525

© Коллектив авторов, 2021
© ИЛИ РАН, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Маврояннис Т. (Mavrogiannis Th.) The Mosaics of the «House of Aion» at Nea Paphos: The *Palingenesia* of the Roman Empire in 348 A.D. during the conflict between Paganism and Christianity in the East..... 857

Матвеев Е. М., Смирнова А. С. Соименные персонажи в «Риторике» М. Ломоносова: предшествующая риторическая традиция и поэтическая практика второй половины XVIII века..... 881

Межерицкая С. И. “Κακοδαιμόνες σοφισταί”? О самопрезентации софистов в римском мире..... 894

Миролюбов И. А. Vita Saturnini: опыт комментария к выдуманному жизнеописанию..... 914

Мусбахова В. Т. Две традиции амазономахии у Плутарха (Thes. 27). Предварительные наблюдения..... 926

Найдич Л. Э., Либерт Е. А. *Plaut* или *Plot*? К изучению развития вокализма в нижненемецких диалектах меннонитов..... 936

Николаев А. С. (Nikolaev A.). Etyma graeca II..... 953

Никольский Б. М. Папирус P. Oxy. 2180 и «Царь Эдип» Софокла 511–512..... 977

Новичкова О. А. О семантических различиях древнегреческих глаголов со значением «снижение массы тела» в трактате Галена «Гигиена»..... 984

Осипова О. В. Дионисий Галикарнасский об изложении древнейшей истории..... 996

Пантелеев А. Д., Поникаровская М. В. Актеры и императоры: техниты Диониса в I–II вв..... 1003

Петросян А. Страна армян в начале I тыс. до н. э..... 1014

Попова И. Д. Развитие полисемии в глаголах движения (лат. ambire)..... 1032

Приходько Е. В. «Пидны» Стадиасма и «Кидна/ы» Птолемея: есть ли основания для отождествления?..... 1053

Рождественская Т. В. К вопросу о письменности XI–XIV вв. в древнерусском храме: сакральное и бытовое..... 1069

Салбиев Т. К. Индоевропейский меризм «мужи и скот» в осетинской поэтике (мифологический аспект)..... 1084

Сафронов А. В., Карлова К. Ф. Нубийский поход Птолемея Лага 1101

Солопов А. И. О склонении латинских топонимов, омонимичных именам нарицательным (типа Trēs Tabernae). 1117

Топорова Т. В. О космогоническом субстрате мифологического цикла «Старшей Эдды»..... 1126
Фалилеев А. И. Miscellanea Venetica III..... 1138
Хорьков М. Л. К вопросу об авторстве «Книжицы Любви» («Minnebüchlein») в свете её латинской версии..... 1153
Хорькова И. В. Фрагмент о повторе римских игр: детали и источники..... 1165
Черноглазов Д. А. «Плачьте, музы, о златоречивом!»: замечания о «Монодии на смерть щегла» Константина Манасси..... 1178
Черняк А. Б. Анна Комнина о населении Гема/Балкан (XIV, VIII, 6) 1191
Шарихина М. Г. Формирование традиции употребления форм иже, ꙗже, еже на месте греческого артикля в церковнославянской богослужебной литературе (на материале требников XIII–XVII вв.)..... 1203
Шацков А. В. Результатив и перфект в хеттском языке..... 1215
Шляхтер М. Е. О значении глагола *laoẏāno* ‘заставлять брать’ в поэтических и прозаических бенгальских текстах XVI-XVII вв..... 1227
Шумилин М. В. Особенности языка «Страстей св. Сусанны» (BHL 7937). Падеж и род..... 1237
Янзина Э. В., Корнеев О. В. О номинации и организационных аспектах античных атлетических состязаний..... 1275
Яценко М. В. Мотивы тем смерти и изгнания в древнеанглийской поэме «Исход»: принципы использования приемов эпического повествования в христианском эпосе..... 1297

Из истории гуманитарного знания в России

Бондарь Л. Д., Смирнов А. В. Словарный материал в научном наследии Д. Г. Мессершмидта и особенности интерпретации зоологической лексики..... 1311
Светозарова Н. Д. История «Щербовских кафедр»..... 1340
Панкратова Е. Г. К истории развития античной археологии 1930-х годах в СССР (по материалам архивно-следственного дела Г. И. Боровки)..... 1353
Андронов А. В., Супрунчук Н. В. Из акцентологического наследия Е. Д. Поливанова («К общефонетическому вопросу о функциях ударения», 1931)..... 1365
Забудская Я. Л. Функции трагических цитат в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха..... 1407

Список авторов II полутома..... 1418

CONTENTS

MAVROGIANNIS TH. The Mosaics of the «House of Aion» at Nea Paphos: The *Palingenesia* of the Roman Empire in 348 A.D. during the conflict between Paganism and Christianity in the East 857

MATVEEV E. M., SMIRNOVA A. S. Characters of the same name in M. Lomonosov's *Brief guide to eloquence*: the foregoing rhetorical tradition and the poetical practice in the 2nd part of the 18th century 881

MEZHERITSKAYA S. I. "Κακοδαιμόνες σοφισταί"? Self-presentation of sophists in the Roman world 894

MIROLYUBOV I. A. *Vita Saturnini*: commentary on a fictional biography 914

MUSBAKHOVA V. T. Two Traditions of Amazonomachy in Plutarch (*Thes*. 27). Preliminary Observations 926

NAIDITCH L., LIBERT E. A. *Plaut* или *Plot*? Studying the development of the vowel system in the Mennonite Low German dialects 936

NIKOLAEV A. Etyma graeca II 953

NIKOLSKY B. M. P. Oxy. 2180 and Sophocles' *Oedipus Tyrannos* 511–512 977

NOVICHKOVA O. A. About semantic differences of synonymous verbs with the meaning body weight loss in the Galen's treatise *Hygiene*. 984

OSIPOVA O. V. Dionysius of Halicarnassus on the presentation of the earliest history 996

PANTELEEV A. D., PONIKAROVSKAYA M. V. Actors and Emperors: the *Technitai of Dionysus* in the 1st–2nd Centuries AD 1003

PETROSYAN A. Primary homeland of Armenians 1014

POPOVA I. D. Development of polysemy in the verbs of movement (Lat. *ambire*) 1032

PRIKHODKO E. V. *Pydnae* of Stadiasmus and *Cydna* of Ptolemy: if there are any grounds for identification? 1053

ROZHDESTVENSKAIA T. V. Towards the Problem of Literacy of the XI–XIV Centuries in Old Russian Churches: the Sacred and the Profane 1069

SALBIEV T. K. Indo-European merism *men and cattle* in Ossetian poetics (mythological aspect) 1084

SAFRONOV A. V., KARLOVA K. F. The Nubian Expedition of Ptolemy, son of Lagos 1101

SOLOPOV A. I. On the declension of Latin place-names, homonymous with the appellative nouns (of the type 'Trēs Tabernae')..... 1117

TOPOROVA T. V. On the Cosmogonic Substrate of the Mythological Cycle of the *Elder Edda*..... 1126

FALILEYEV A. Miscellanea Venetica III..... 1138

KHORKOV M. L. On the question of authorship of the «Little Book of Love» («Minnebüchlein») in the light of its Latin version..... 1153

KHORKOVA I. V. Fragment on the renewal of Roman games: details and sources..... 1165

CHERNOGLAZOV D. A. «O muses, mourn for the golden-tongued!»: some notes on Constantine Manasses' *Monody on the death of the goldfinch*..... 1178

CHERNYAK A. B. Anna Komnena on the population of the Haemus mountains (Balkans) (XIV,VIII, 6)..... 1191

SHARIKHINA M. G. Formation of the tradition of using forms *izhe, yazhe, ezhe* in place of the Greek article in Church Slavonic liturgical literature (based on the Books of Needs of the 13th-17th centuries)..... 1203

SHATSKOV A. V. On the valence orientation of the PIE Language..... 1215

SHLYAKHTER M. E. On the meaning of *laoẏāno* 'to make (someone) take (something)' in the 16th-17th c. Bengali poetry and prose 1227

SHUMILIN M. V. Linguistic peculiarities in the *Passio Susannae* (*BHL* 7937). Case and gender..... 1237

YANZINA E. V., KORNEEV O. V. Ancient athletic festivals: names, organization and procedures (lexical issues)..... 1275

YATSENKO M. V. Motifs of Death and Exile in the Old English poem *Exodus*: Principles of the use of epic narration techniques in the Christian epic..... 1297

HISRORY OF RUSSIAN SCHOLARSHIP

BONDAR L. D., SMIRNOV A. V. Dictionary material in the scientific heritage of D. G. Messerschmidt and peculiarities of the interpretation of zoological vocabulary..... 1311

SVETOZAROVA N. D. On the history of the "Sherba memorial conferences"..... 1340

PANKRATOVA E. G. On the history of the Development of Ancient archeology in the 1930s in the USSR (based on the materials of the investigative case of Grigory Borovka)..... 1353

ANDRONOV A., SUPRUNCHUK M. From Evgenij Polivanov's accentological heritage: *The functions of accent as a problem of general phonetics*..... 1365

ZABUDSKAYA Y. L. Functions of tragic quotations in Plutarch's *Lives* 1407

List of authors..... 1418

DOI:10.30842/ielcp230690152549

Th. Mavrogiannis
(University of Cyprus)

THE MOSAICS OF THE «HOUSE OF AION» AT NEA PAPHOS: THE *PALINGENESIA* OF THE ROMAN EMPIRE IN 348 A. D. DURING THE CONFLICT BETWEEN PAGANISM AND CHRISTIANITY IN THE EAST

The mosaics of the «House of Aion» at Nea Paphos discovered in 1983 represent: (a) Leda with Zeus in form of a swan; (b) Dionysus as infant in the lap of Hermes; (c) the beauty contest between Cassiopeia, queen of Aethiopia and mother of Andromeda, and the Nereids with Aion, Sol and Luna presiding as judges; (d) a Dionysiac procession consisting of Maenads and Satyrs; (e) the judgment of Marsyas whose pride in his mastery of the aulos resulted in *hybris* against Apollo.

Following a survey of the dating of the mosaics and the possible historical context in which they were created, the interpretation of the images is discussed based on numerous parallels in monuments and literary texts. The handling of the Cassiopaea myth is compared with Lucian (*Dial. Mar.* 14, 4). The Dionysos' mysteries and the birth of Dioscuri are seen as a reflection of the cult of the Roman god Aion, and its connection with the *Ludi saeculares* is discussed: the games probably date to 348 A. D., when Constantius II celebrated the jubilee of Rome. The presence of Aion on the central panel would then reflect the conflict between Pagans and Christians in Cyprus.

Key words: Cyprus, «House of Aion» at Nea Paphos, Roman god Aion, Ludi saeculares, mosaics, Leda, Zeus, Dionysus, Cassiopeia, Nereids, Maenads, Satyrs, Marsyas.

Феодор Мавроянис
(Кипрский университет)

Мозаики из «Дома Эона» в Неа-Пафосе: *palingenesia* Римской империи в 348 г. и противостояние на Востоке язычества и христианства

Найденные в 1983 г. мозаики из триклиния римского дома изображают **(a)** Леду и Зевса в виде лебедя, **(b)** младенца Диониса на коленях у Гермеса, **(d)** процессию сатиров и менад Диониса, а также **(e)** суд над сатиром Марсием. В центре мозаики **(c)** представлен суд о красоте Кассиопеи, царицы Эфиопии (матери Андромеды) и кипрской Нереиды, причем Эон, Солнце и Луна отдают предпочтение Нереиде.

Автор интерпретирует мозаики на основе сопоставлений как с памятниками изобразительного искусства, так и с литературными текстами: изображенный вариант мифа о Кассиопее автор возводит к Лукиану (Lucian. *Dial. Mar.* 14, 4), мистерии Диониса и Диоскуры могут отражать культ римского Эона (Aion) и празднование на Востоке им-

перии юбилея Рима. Подробно рассматривается празднование Ludi saeculares (датируются 348 г.) и предполагается, что Констаций II отмечал их в условиях религиозного примирения, закрепленного Медиоланским эдиктом.

Ключевые слова: Кипр, «Дом Эона» в Неа-Пафос, культ Эона (Aion) в Римской империи, Ludi saeculares, мозаики, Леда, Зевс, младенец Дионис, процессия сатиров и менад, суд над Марсием, Кассиопея, Нереиды.

Table 1. Mosaics from the «House of Aion» at Nea Paphos.

Table 2. (a) Leda with Zeus in form of a swan.

Table 3. (b) Dionysus as infant sitting on Hermes' lap.

Table 4. (c) Contest between Cassiopeia and a Nereid

Table 5. (c) The Nereids (Doris, Thetis, Galateia), Zeus, Athena, Pontus

Table 6. (d) Dionysiac procession consisting of Maenads and Satyrs.

Table 7. (d) Judgment of Marsyas.

A) The Mosaics

The mosaics of the «House of Aion» at Nea Paphos hold a favourable place in the literature of Late Roman art and culture, far beyond their place of origin within the small province of Cyprus, for the mythological scenes depicted on five marvellous panels are so characteristically imbued to the Graeco-Roman culture that they gave rise to several ingenious interpretations. The Polish mission unearthed in 1983 a singular room — *triclinium* — dining room (68 m^2) of a large «Roman House» entered directly from the street and covered (16 m^2) with a series of mosaics whose interpretation is, still, pending. According to a vertical arrangement, the Mosaics include 2 panels in the upper part — 1 central developed panel — 2 panels in the lower part, all with scenes of characteristic myths: (a) up left: Leda with Zeus in the form of a swan; (b) up right: Dionysus as infant in the lap of Hermes, at the presence of *Anatrophe* and *Tropheus;* (c) central: the competition between Cassiopeia, queen of Aethiopia and mother of Andromeda, with the Nereids over a judgement of Beauty, astonishingly won by the Cypriot Nereid under the presence of Aion, Sol and Luna; (d) low

left: a procession of a Dionysiac *thiasos* consisting of Maenads and satyrs; (e) low right: the judgment of Marsyas who, proud of himself for his mastery of the *aulos*, provoked the *hybris* against Apollo. Unfortunately, all the interpretations are in line with the 19th century tradition of learned societies of erudite studies, which sought to solve riddles, rather than to explain what figured culture is and how culture is affected by art and literacy. Even if these mosaics do convey in their entirety a deeper and higher level of values, in transcending the naturalism of the images and tending to perceive the Invisible[1], there is a first and fundamental level of lecture to be followed: The one focused on the iconography and the literary versions of the myths which could give rise to a second empirical level, that of the moral paradigms in the Age of conflict between Paganism and Christianity. It would be inaccurate to assume that there was not any kind of research or even some certainties about the destiny of the individual's soul, but the more invisible the metaphysical sphere is, the more difficult it becomes to prove allegories. Thus, there must have been a multiple level reading, giving priority to the political meanings inherent to the perspective of a more expanded concept of «renaissance». This two-fold idea seems to be dominant in all the levels of lecture of the Mosaics, both as a private and as a public message. It cannot have been within the intentions of the owner of the House at Nea Paphos to create any complexes of illiteracy to his hosts. Instead, he must have settled down some common principles identifying the culture of an upper-class member within the structure of a very refined Pagan society. W. Daszewski who preferred among the whole composition to interpret the scene of Dionysos as an infant in the lap of Hermes, by considering it in a metaphysical sense as a promise for the salvation of the human soul through Dionysos, did attempt to bring into light the most profound essence of the culture of that Age, namely the necessity emerging for the Pagans to face with valid arguments the spreading of Christianity in Cyprus[2]. G. Bowersock considered as a valid method to start by commenting on the hold of Dionysos in the Late Cypriot society through Nonnus' *Dionysiaca*, written in Pagan

[1] Bianchi Bandinelli 1981[3]: 16–19; Plot. *Enneads* I, 4, 14; *Enneads* V, 8, 1; 'Quanto più la materia perde forma, tanto più è simile al modello originale'; cf. Saint Paul: 'il visibile non è che un velo posto dinanzi all'invisibile'.

[2] Daszewski 1985: 38–45; Parrish 1995: 307–32; against his interpretation, Deckers1986: 145–172.

Beirut around 450 A. D. However, this is only the latest representation in the iconographic tradition of New Dionysos who might be already created at Nea Paphos a century earlier. For G. Bowersock, as well, the scenes of Dionysos in the «House of Aion» were not fashion instances or mere repetition of content gaps, but a conscious response to Christianity through adequate pagan motives. The visibility of their meanings must have been therefore clear[3]. More adapted to the philosophical trends of this Age, the remarks of J. Balty traced a Neo-Platonic background for the «House of Aion», into which the heretical doctrine of Arianism would have found its privileged space even after the sentence against Areius at Nicaea in 325 A. D. Accordingly, she acknowledges that certain Monotheistic qualities present in the teaching of Plotinus were applied in an intentional way to the figurative program of the «House of Aion», as a response of the Cypriot Pagans towards Christians[4]. A conflict was to be expected, if we consider the literary production of that time. However, a question arises: had the hosts of the «House of Aion» read the *Symposium* of Plato, the *Enneads* of Plotinus or known the Neo-Platonic synthesis of Jamblichus in the first half of the 4th c. A. D., before entering that House? On his part, M. Olszewski is convinced to have decodified the system[5], by building up a theory based on the rules of the rhetorical art under the Empire, which were astonishingly transferred from the 2nd c. A. D. to the 4th c. A. D. Allegory, analogy, personification and the antithetic syntaxis would then be detectable in the composition. This could be a stroke of genius, but also a spirit-inspired speculation. He, too, descends into the political arena, as he reduces, in fact, the composition to the level of a severe critique against the principles of Christians. More recently, E. La Rocca, returned to the iconography of Dionysos, by reconsidering the value of implicit Christian patterns, without, however, commenting on the rest of the panels[6]. His idea that the mythical patterns go back perhaps to a Ptolemaic model rendering Ptolemy III Euergetes and Ptolemy IV Philopator as Hermes and Dionysos fails to be confirmed, even if Ptolemy III Euergetes made the dedication of the temple of Thoth — Hermes in his sanctuary at Hermoupolis Magna. If Alexandria has something to do with Nea Paphos during the Imperial times, this is Roman Alexandria, not

[3] Bowersock 1990, Ch. IV: 41–53, 49.
[4] Balty 1995.
[5] Olszewski 2020: 221–250; 2013: 207–239.
[6] La Rocca 2021; cf. Fowden 1986.

Ptolemaic. The problem of the transition from Paganism to Christianity[7], as it is at hand through the Cypriot evidence, is enormous, since we cannot easily perceive by the material culture its original ideological character, whether the procedure was polemic, antagonistic or conflictual, rather than smooth and syncretistic.

B) The chronology of the Mosaics

It is outstanding that we can delimitate the dating of the Mosaics within the years between the rising of the Roman *praetorium praesidis*, after the reforms of Diocletian and the building of the Basilica of Chrysopolitissa at Nea Paphos. The transition is a historical problem of political history, even if, at the same time, it becomes a cultural and social phenomenon, touching upon concrete religious cases which may prove enlightening towards the transformation of the society in Cyprus between 340 and 390 A. D. Concerning the issue of the main political character of this Age, the chronology of the «House of Aion» can be specified without any doubt: The Mosaics belong to the period between 335 and 350 A. D., still in the time of the declared institutional equity of political rights between Paganism and Christianity after the Edict of Mediolanum. This is a fact, not only because I have already pointed out on archaeological reasons that the adjacent «House of Theseus» is to be dated between the final years of Constantine and the early years of his son Constantius II[8], but also because, and even if metaphysics prevails in some sort of interpretation, the spiritual trends must be arranged within a concrete historical framework. Far from philosophical speculations, it is significant to underline Constantius' II political behaviour. Neoplatonism, Arianism or Hermetism, whatever had been the source of inspiration, they need to be historically identified, behind any gesture in the iconograpy, version of the myths or moral example. The «House of Theseus» and the

[7] In a recently published volume, the transition to Christianity is to be retraced on the grounds of the «House of Eustolios», not at all from the «House of Aion» on. Except from the fact that the Editor did not consider worthy of mention my study on the «House of Eustolius», which is accepted by the Department of Antiquities of Cyprus, as regards its chronology, to be put around 435 A. D. as I have extensively proofed, there is a protracted confusion between the 4th c. A. D. and the 5th c. A. D., not less than a consistent lack of basic notions of what is meant «Roman» in the East; Nasrallah, Luijendik, Bakirtzis (eds.) 2020.

[8] Micocka 2013: 117–134; Mavrojannis 2016: 323–347.

«House of Aion» occupy interconnected *insulae* within a basic Hippodamian ground plan. Whether this is the result of the reconstruction after the earthquake of 333 or after that one of 343 A. D., still remains open. More probably it is a date soon after 343 A. D., which is either to be confirmed or rejected. At any rate, a coin of Licinius found under the pavement of the Mosaic of Aion, often mentioned as some kind of determinant proof in dating the «House», does not have any more weight than as a generic *terminus post quem*. A single coin cannot overwhelm the monumental evidence. The necessity to be precise at this point is imperative, in order to draw some valuable conclusions on history as well as on artistic culture. Thus, it is essential to turn to what we have at our disposal, that is myths.

C) The Myth of Cassiopeia[9]

The preeminent panel is displayed at the center of the composition between two couples of panels which are horizontally arranged, below and above the central scene, and covered the *triclinium* of the «House». It is, therefore, suitable to use for the *Kallisteia* among the Nereids, the term «Main panel», which imposes, as method necessitates, to start any consideration by the overwhelming subject. The panels are independent, separated from each other through decorative frames, without any evident connection between them. However, there seems to exist some clear geometric structure, as if an inherent organic coherence ruled upon the single parts of the composition. An irrational criterion of interpretation has prevailed against this formal order. Threre would be represented profound philosophical meanings rendering as many abstract as mystic concepts which would be perceived only by initiated persons, today, as well as in the intentions of the owners of the «House of Aion» in Antiquity. It is astonishing enough that even E. La Rocca gave pre-eminency to the mythological scene of Dionysos, although the main subject is the Games of beauty. A lot of confusion was yielded by the attempt to identify the right literary version and to assign a role to each personality bearing an inscription. Among the female persons emerges Cassiopeia while she is being crowned. In the main scene there is a *thiasos* of some Nereids, which is represented at a highest level through Thetis, Doris and Galateia. This does not allow to overlook the fact that the

[9] Balty 1981: 95–10; Faulkner 2017: 105 and note 7.

central figure who has undertaken the role of the judge is Aion. Recently, T. Kaiser brought into light the literary version from the *Bibliotheca* of Apollodorus, so, he was to identify the figures in the landscapes of Phoenicia and Palaestina[10]. It should be noted that the version of Apollodorus cannot have constituted the source of inspiration for the mosaic, because in this version Cassiopeia will be punished for her arrogance, for having challenged the Nereids. Anyway, when Apollodorus asserts that «Arriving in Ethiopia, which was ruled by Cepheus, [Perseus] found the king's daughter Andromeda exposed as prey to a sea monster; for Cassiepeia, the wife of Cepheus had claimed to rivel the Nereids in beauty, boasting that she surpassed them all», he knows that Cepheus has a Cypriot personality, as founder of Keryneia, and Cassiepeia was the wife of the Aethiopians — Cypriots, according to a known passage of Herodotus, recalling the Aethiopian roots of some Cypriots, namely the inhabitants of Amathous (Hdt. VII 90). It is a symptomatic example of *hybris* like the *hybris* of Marsyas against Apollon. Here, the presence of ΠΛΑΝΗ seems to be a reminder of the Hermetic religion. The supporters of Hermetism taught that God was intangible, unborn, eternal, unchanged, identified with the *agathon,* which was his proper name, as well as Creative and Father. Hermetics consider that only themselves held the truth, whereas all other people committed an error: Μετανοήσατε οἱ συνοδεύσαντες τῇ πλάνῃ καὶ συγκοινωνήσαντες τῇ ἀγνοίᾳ. The deceit — *plane* should

[10] Apollod. *Bibl.,* II 4, 3: «Arriving in Ethiopia, which was ruled by Cepheus, [Perseus] found the king's daughter Andromeda exposed as prey to a sea monster; for Cassiepeia, the wife of Cepheus had claimed to rivel the Nereids in beauty, boasting that she surpassed them all. The Nereids were enraged by this, and Poseidon, who shared their anger, sent a sea-flood and a monster against the land. Now Ammon had prophesied deliverance from this calamity if Cepheus' daughter Andromeda were offered as prey to the monster, and compelled by the Ethiopians, Cepheus had done so and tied his daughter to a rock. As soon as Perseus as saw her, he fell in love, and promised Cepheus that he would destroy the monster if he gave him the rescued girl as a wife. When oaths had been sworn to effect, Perseus confronted the monster and killed it, and set Andromeda free. Phineus, however, who was a brother of Cepheus and had been promised Andromeda beforehand, plotted against Perseus; but when Perseus learned of the conspiracy, he showed the Gorgon to Phineus and his fellow plotters, turning them to stone on the spot»; cf. Ovid. Metam. IV 604–803, esp. IV 668–701; cf. Strabo I 2, 35 = C 42–43; Kaiser 2011: 323–339.

justify the choice of Marsyas and Apollo in our composition as a Hermetic message. According to the schema of boasting that Cassiepeia would be more beautiful than the Nereids, there is the Mosaic of Palmyra (National Museum of Damascus, 220–230 A. D.), discovered in a house behind the Temple of Bel, where the familiar story of Cassiepeia, as the most beautiful of all, is portrayed. And yet, the version of Nea Paphos is overturned: Cassiopeia not only surveys, without punishment, but she wins in the festival of beauty. G. Bowersock had noted how difficult it is to find the reason for such a radical transformation and moreover where its legitimacy lies, a privilege which would have allowed Cassiopeia to reach from a lower level to the highest rank among the Nereids. No ancient author mentions anything similar, except for a passage of Lucian of Samosata in his «Dialogues of the Sea-Gods», in which he reveals a completely different attitude towards the idea of punishment of Cassiopeia, something like an intervention of rational readjustment. Lucian, ca. 180 A. D. writes, with an ample knowledge and deep experience of the Greek mythological circles, especially in the geographic area of his fatherland Syria, in Palaestina and Cyprus. He is familiar with the phantasy of marine divinities expanded in this region, which also include the rivers Orontes and Euphrates. The Mosaic of Cassiopeia from Apamei-on-Orontes with the crowning of Cassiopeia (330–340 A. D.) Antioch and the Mosaic of Andromeda and Perseus from Zeugma attest a kind of triumph of a new version. However, they do not ensure to whom the cradle of the Nereids belongs: Cyprus or Syria. Let us see, what Lucian says in concrete terms. It is surprising that the Nereid Doris is speaking, as if there was a fixed hierarchy in the literature. What the Nereids said is an *encomium* to tolerance since Lucian offers the key to comprehend that just before this dialogue or even soon after that a new version of Cassiopeia's myth really arose. There must have been a local version, thus a Cypriot myth. The center of the composition could not but be dedicated to Cyprus. On the other hand, it is difficult to accept such a change in the myth without accentuating what Lucian hints: Cassiopeia is exonerated by the Nereids, as she was punished severely out of fear for her daughter. There emerges a new version of the myth which is not attested in literature but it appears in the figurative arts (Apameia, Palmyra, Philippopolis). The Greek text of Lucianus[11] is as follows:

[11] Floridi 2018: 205–245.

Dial. Mar. 14, 4:

ΙΦΙΑΝΑΣΣΑ Ἐγὼ μὲν οὐ πάνυ τῷ γεγονότι ἄχθομαι· τί γὰρ ἡ παῖς ἠδίκει ἡμᾶς, εἰ ἡ μήτηρ αὐτῆς ἐμεγαλαυχεῖτο καὶ ἠξίου καλλίων εἶναι;

ΔΩΡΙΣ Ὅτι οὕτως ἂν ἤλγησεν ἐπὶ τῇ θυγατρὶ μήτηρ γε οὖσα.

ΙΦΙΑΝΑΣΣΑ Μηκέτι μεμνώμεθα, ὦ Δωρί, ἐκείνων, εἴ τι βάρβαρος γυνὴ ὑπὲρ τὴν ἀξίαν ἐλάλησεν· ἱκανὴν γὰρ ἡμῖν τιμωρίαν ἔδωκεν φοβηθεῖσα ἐπὶ τῇ παιδί. Χαίρωμεν οὖν τῷ γάμῳ.

D) The *palingenesia* of Dionysos

It is Plutarch who transmits the basic concept in the Mysteries of Dionysos: Plut. *De esu carnium* I, 7, p. 996 C: τὰ γὰρ δὴ περὶ τὸν Διόνυσον μεμυθευμένα πάθη τοῦ διαμελισμοῦ καὶ τὰ Τιτάνων ἐπ᾽αὐτὸν τολμήματα, κολάσεις τε τούτων καὶ κεραυνώσεις γευσαμένων τοῦ φόνου, ᾐνιγμένος ἐστὶ μῦθος εἰς τὴν παλιγγενεσίαν. According to Plutarch, the passions of Dionysos, namely the tearing of his body and the aggressions of the Titans, constitute the nucleus of the tale speaking in an apocryphal way on his renaissance, not as Dionysos but as Zagreus. The same concept is attested in Book 13 of the Corpus Hermeticum: Ἑρμοῦ τρισμεγίστου πρὸς τὸν υἱὸν Τάτ ἐν ὄρει λόγος ἀπόκρυφος περὶ παλιγγενεσίας καὶ σιγῆς ἐπαγγελίας. It constitutes the description of the process of divinization through the *gnosis* acquired by an ecstatic vision. Roman seems to be the political character of the representations according to Plutarch, who says that the term παλιγεννεσία was firstly used by Democritus. The term is normal to the Mysteries of Dionysos, son of Zeus and Semele in Zagreus. Plutarch in fact says[12]: τὰ γὰρ δὴ περὶ τὸν Διόνυσον μεμυθευμένα πάθη τοῦ διαμελισμοῦ καὶ τὰ Τιτάνων ἐπ᾽αὐτὸν τολμήματα, κολάσεις τε τούτων καὶ κεραυνώσεις γευσαμένων τοῦ φόνου, ᾐνιγμένος ἐστὶ μῦθος εἰς τὴν παλιγγενεσίαν. The renaissance, that is divinization, is the greatest principle of Hermes Trismegistos[13]. ὁρῶν τιν᾽ἐν ἐμοὶ ἄπλαστον ἰδέαν (codd. Θέαν) γεγενημένην ἐξ ἐλέου Θεοῦ, καὶ ἐμαυτὸν διεξελήλυθα εἰς ἀθάνατον σῶμα. Καὶ εἰμὶ νῦν οὐχ ὁ πρίν, ἀλλ᾽<ἀν>εγεννήθην ἐν νῷ. — ἔγνωκας, ὦ τέκνον, συνετέθη ἡ νοερὰ

[12] Plut. *De esu carn.* 1, 7 = *Moralia* 996 C :

[13] W. Scott, *Hermetica I. Introduction, Texts and Translation*, pp. 238–246: 13 Ἑρμοῦ Τρισμεγίστου πρὸς τὸν υἱὸν Τὰτ [ἐν ὄρει] λόγος ἀπόκρυφος περὶ παλιγγενεσίας καὶ σιγῆς ἐπαγγελίας; Versnel 1998: 27–244, on dating the birth of Hermes Trismegistos; Fowden 1986: 22–31, and on Hermetica, pp. 31–44.

γένεσις οὐσία, καὶ τὴν δωδεκάτην ἐξελαύνει καὶ ἐθεωρήθημεν ἐθεώθημεν τῇ ταυτῇ γενέσει. The version of the birth of Dionysos by Hermes testifies that there is an attempt to combine the political renaissance of the Roman Imperium with the private *gnosis*, on how to save the soul. The independent panels harken back to Mysteries: From Leda and Zeus generated the Dioscuri, whose mysteries connected with the sanctuary of the Kabeiroi in Samothrace, and no less with the Kabeirion in Boeotia, constitute a promise for a new life after death. In this sense the Mysteries of Dionysos and Hermes Trismegistos, should be interpreted.

E) The Roman tradition of the Aion and its political meaning

I shall try, instead of unveiling *apokrypha*, to reconstruct the fragments of a lost material chapter of history regarding Roman Cyprus, so as to demonstrate that a concrete iconographic program resulted as part of a wider framework of political events. Thus, we consider the Mosaic as a testimony for the culture emerging in an age of transformations within the society and the religion of Cyprus and the East[14]. After the study of W. Daszewski, even if he promoted Dionysos as the key personality of the whole representation, and despite the fact that the Mosaic is focused on the scene of Aion and Cassiopeia, opinions start to be moving towards every direction of esoteric doctrines without a solid archaeological basis. Some scholars simplify the idea of a historical conflict between Pagans and Christians in Cyprus, which needs to be taken into serious consideration, for such a persistence in the Graeco-Roman iconography cannot be random or an instance of contemporary fashion. It expresses an entire world which is still meaningful to the citizens of Nea Paphos. Other scholars tend to oversimplify, by putting forward the idea that there is a general decorative trend appropriate for a *triclinium*, in any case not a protracted in the time antagonism between ideas on visible Naturalism and Christian symbols. The world of the Invisible takes many pages for any reconstruction. And, whether explicitly expressed or hinted at, only initiated persons could approach the immaterial reality of the metaphysic. On the grounds of the difficulties to overcome, some objective criteria often led to a fundamental misunderstanding on the main concept depicted in the center of the composition: The

[14] Iacono 1934.

Greek Aion is thought to have been identical to the Roman Aion[15], whereas the Roman antiquarian tradition assigns proper religious features which may or may not have been transmitted into the Greek interpretation of 340–350 A. D.[16] It is a phenomenon of religious and cultural syncretism which occurred sometimes in the past, but it presupposes keeping under constant evaluation what is «Roman» and what is «Greek». Greek is the choice to express concepts through mythological *paradeigmata*, Greek are the versions of the myths, Greek is their language, but this does not mean that the identity of the owners was Greek, as well. By the time of Aelius Aristides the division was not made between Greeks and Barbarians, but between «Romans» and «not Romans», even in the Greek-speaking East. In fact, what is in the private sphere «Greek» officially speaks «Roman». Thus, the mosaics belong to the Roman Art and not to the Greek Art. This point has some consequences as to who may have the priority among the figurative subjects.

F) The Evidence for *praefectus praetorio* Flavius Philippus from Chytroi.

Flavius Philippus is said to have been «second only after the Emperor». Muriel Moser depicted the political situation settled in Rome after Magnetius' hold on Rome. She stresses the honorary statues dedicated to the *praefectus praetorio* Flavius Philippus. An unpublished inscription from Perge sheds new light into the constitution of a substitute *Senatus* in Constantinople, in order to delegitimise the position of Magnetius in Rome, by continuing the policy of the Constantinian heritage, as if Constantius II was the new restorer of peace and stability in imitation of his father, Constantine. Magnetius, who came to power for a few months in June 350 A. D., was against Constans but also under threat by Nepotianus in Rome. Nevertheless, in March 350 A. D. the troops of Illyricum proclaimed Vetranius as Emperor. The immediate threat for Constantius was supported by Vulcacius Rufinus, *comes Orienti* in the early 340's A. D., *praefectus praetorio* in Italy in 344 A. D., and a little later in the Illyricum. Constantius moved immediately to the West. On 15 March 351 A. D. Constantius II elevated his cousin Gallus to the rank of Caesar in Sirmium, lining up his troops against

[15] Zunz 1989; cf. Rochette 1992: 485–488; Foucher 1996: 5–30; Keizer 2000: 53–71; cf. Levi 1944: 269–314.
[16] Moser 2018: Chapter 5; Crisis and Innovation; cf. Forsyth 1912: 51–57.

Magnetius. The new imperial name of Gallus was Caesar Flavius Claudius Constantius Gallus. He married Constantina, Constantius' sister. Constantius succeeded in defeating Magnetius at Mursa in 351 A. D., thus, not accepting Magnetius as co-ruler in the West. Gallus and Constantina set out for Antioch after the battle at Mursa. They were kept under close supervision by Constantius, as he was the new rival, this time in the East. His confident, Thalassius ensured the interests of Constantius as *praefectus praetorio per Orientem* at Antioch. Two more important persons, Flavius Magnus, proconsul of Asia in 352–353 A. D. and Musonianus *proconsul Achaiae* in the same years, represented the interests of Constantius in the East[17]. Hence, a new senatorial class was being formed, consisting of personalities deriving from the East, who after having held important magistratures, they constituted the new *senatus* in Constantinople. This was for the first time an alternative *senatus* against the *senatus* in Rome. Several statues were dedicated after the battle of Mursa to the most exceptional supporter of Constantius, the *praefectus praetorio* Flavius Philippus. We possess an ample part of a fragmentary text of an *Oratio ad Senatum*, through which Constantius II informed the senators of his wish to erect statues of gold to his *praefecto praetorio per Orientem* Flavius Philippus, just like in the present case, through a statue erected in his honour at Perge in Pamphylia. This might therefore be the earliest document speaking about the existence of a *senatus* in Constantinople. The seat of Flavius Philippus was at Antioch, so his move to Constantinople, by changing domicile and being granted citizenship, was due to his election in the new *senatus.* Three further bases have been found for Philippus, in Ephesus, Alexandria Troas, Cyprus. The base from Ephesus contains the imperial order to a magistrate called Marinus to set up a gilded statue in honour of a close friend of the Emperor, Philippus, who had in several ways contributed to the stability of an Emperor, whose name is lost[18]. L. Swift and J. Oliver

[17] Barnes 1992: 249–260.

[18] *Ob ha[s igitur] | [causas, patres con]scribti, quae aeternae memoriae mandanda sunt memorabili s[tudio ce]- | [lebrantes tam proba]tam fidem inauratae statuae premiis muneramur quam cele[berrimis] | [locis illi dedica]ndam decernimus uti eius nomen inscribt[um monu]– | [mentis non minus qu]am ipsiu[s for]ma dignationis nostrae gratum fauorem uestr[ique] | [amplissimi coetus] inlustre st[ud]ium perenni commemoratione designet, ut h[ac pri]- | [mum in urbe dignis] uirtutis praemiis donatus merito iudicetur in qua familiae suae fundata[...] | […….. a]dfectu nostri nominis consecrauit. Et quia non minus eius*

concluded to the name of Constantius II. The importance lies in the dedication of two more *statuae inauratae* of Flavius Philippus in Cyprus, precisely in Chytroi-Kythrea. The monument was erected at Chytroi by Constantius and his Caesar Gallus (A. D. 351–354) in honour of Flavius Philippus who had been *praefectus praetorio per orientem* since 344 A. D.[19]

Dd. Nn.
[C]onstant[ius] victor ac
[T]riumfat[or se]mper Aug. et
Claudius Constantius
Nobili[ssimus C]aesar, pro
Virtutum [hone]st(o) et laboru[m]
Quos in p[raefectur]a emensu[s est,]
Viro clar[issimo] Filippo pr[aef.]
Praetorio[statua]m ex aere
Fusam aur[oque d]ecoratam
Conloca[ri iusse]runt.

How do we explain this extraordinary honour for the closest friend of the Emperor in Cyprus? Was the choice of Chytroi a random one or did it actually meet certain religious and political requirements, so

laboribus o[mni]-| [um fere ciuitatum] commodis populisq(ue) prospectum e(st) quam patriae nominis nostri, in sing[ulis ur]- | [bibus ……..]nsui cura obsequioq(ue) rectorum statuas mirabili uiro erigi a[……] | [placuit, ut huius] effigies omnium semper oculis occurrat cuius deuota officia cunctoru[m] | [semper mentibus] reuolbuntur. «It is hence for these reasons, Conscript Fathers, namely honouring with a memorable marker that which is necessary to be celebrated in eternal memory, we recompense his proven fidelity with the reward of gilded statues, which we order to be dedicated and erected to him in the most prominent locations, so that his name inscribed on the monuments will not least by its representation reveal in eternal commemoration the thankful grace of our esteem and of the illustrious attention of your very distinguished assembly, so that it will be judged that he has deserved the worthy rewards of his virtues he received first in the city in which he has consecrated the seat of his family on account of his attachment to our name. And because through his labours he has cared for almost all the cities and people no less than he cared for the home city that carries our name, we rule that in all cities [….] statues are to be erected through the care and attention of the governors to this admirable individual […] and we order that the images of him whose loyal services are always brought back to the memory of all men present themselves always to everyone's eyes».

[19] Swift, Oliver 1962: 247–264.

vital for Cyprus? A passage of the Roman — Byzantine Historian Zosimus describes the Roman ritual in honour of the Roman Aion, as it was founded during the *aetas regia* in Rome itself. The passage is outstanding, not only because it translates the Roman cult into a Greek identity, but also because it attests that at the time of Justinian what was thought to be Aion was nothing else than the original Roman cult of *saeculum*. This means, without any doubt, that in the time of Constantius II, the Roman *saeculum* was perceived through the representation of the Greek Aion, and by no means the Hellenistic Aion. The first attestation of Aion in its Roman political meaning appears in the funerary monument of Zoilos at Aphrodisias in Caria. According to Zuntz, Aion would remind of the celebration of the *Ludi saeculares* by Augustus in 17 B.C. Zoilos must have played a decisive role in the war against Q. Labienus Parthicus in 41/40 B.C., as suggested by the personifications of Ἀνδρεία — Virtus and Τιμή — Honos[20]. The political meaning of Aion is decodified by an inscription found at Eleusis (IG II^2 4705= SIG^3 1125)[21]. The Eleusis inscription permits to establish a firm connection between Aion and the political power of Rome — εἰς κράτος Ρώμης. The dedication of a statue of Aion in the sanctuary of Demetra and Kore at Eleusis is made by Quintus Pompeius, son of Aulus, along with his brothers Aulus and Sextius, εἰς κράτος Ῥώμης καὶ διαμονὴν μυστηρίων. G. Bowersock underlined that this mysteric version of the cult of Aion was deeply rooted in Alexandria by the time of Saint Epiphanius[22]. What the celebration of the Roman *saeculum* was intended to mean under auspices of the cult of Ditis-Plouton-Aion and Persephone-Kore is actually demonstrated for Late Alexandria, thanks to a passage of Saint Epiphanius the Koreion of Alexandria in the late 4th cent. A. D. The celebration of the feast in Rome in honour of Plouton and Kore is confirmed by Johannes Lydus[23]. The two cults were accompanying in Rome since

[20] Hermary 1995: 542–544; cf. Piganiol 1936: 219–224, on the *carmen saeculare*, pp. 222–224; Quet 1981: 97–108, 103–108; Lerouge-Cohen 2010: 176–188; Lichtenberger 2015: 110–122, 115–117.

[21] *Archaiologike Ephemeris* 1887, p. 113, no 33; Graindor 1922: 429–443 : III. Un écho des « Ludi saeculares» à Athènes, pp. 440.

[22] Zuntz 1988: 291–103.

[23] Bowersock 1990: 22–23; cf. Suda, s.v. Ἡραΐσκος: οὕτω διέγνω τὸ ἄρρητον ἄγαλμα τοῦ Αἰῶνος ὑπὸ τοῦ θεοῦ κατεχόμενον, ὅν οἱ Ἀλεξανδρεῖς ἐτίμησαν, Ὄσιριν ὄντα καὶ Ἄδωνιν.

249 B.C. through sacrifices to *Dis pater — Plouton* and *Proserpina-Persephone*. And this connection appears in the version of Zosimos, mentioning the *aition* of the institution of the festival, as being the originary one. Thus, according to the Roman ritual, in the Koreion of Alexandria between 375 and 378 A. D. «torchbearers descend into an underground cavern and come up with a wooden xoanon», distinguished by a gold mark — *sphragis* in the shape of a cross on its brow». After carrying the image seven times around the temple, they take it back into the underground cavern. The liturgy meant ταύτῃ τῇ ὥρᾳ σήμερον ἡ Κόρη (τουτέστιν ἡ παρθένος) ἐγέννησε τὸν Αἰῶνα. Bowersock concludes that the Eleusis text, the Aphrodisias frieze, and the Merida mosaic, published by A. Alföldi[24], «suggest that there was a self-conscious ideological use of Aion in the early empire that was directly connected with the establishment of Roman imperial power».

Table 8. An altar from Vitsada, 15 km away by Chytroi – Kythrea. It is depicted Hekate and the rapt of Propserpina-Kore by Aion-Ploutonios; Cypriot Museum, 140-120 B. C.

[24] Alföldi 1979; Quet 1981: 97–108.

G) The *Ludi saeculares* of 348 A. D. in Chytroi — Kythraea?

Zosimus says that the *Ludi saeculares* were interrupted, falling into disuse at the time of Diocletianus. The centrality for the Roman imperial ideology had been emerged during the celebration of the Ludi in 248 A. D. by the Emperor Philip the Arab, which coincided with the 1000 years *ab Urbe condita*[25]. F. Coarelli has demonstrated the two different computes used to settle the celebration of the Ludi, 100 years and 110 years, starting from the rationalization that it took place in 17 B. C.[26], since Augustus would not have enough time to celebrate his *saeculum aureum* still in life. By Claudius it returned to the most accredited tradition. The discovery of the *Acta Severiana* in 1931 pointed out that Septimius Severus celebrated the Ludi in 204 A. D., according to Augustus compute. By following the compute of 100 years after the celebration of Philipp the Arab in 248 A. D., in the line with the *Ludi saeculares* celebrated by Claudius in 47 A. D.[27], we would expect the celebration at the time of Constantius II in 348 A. D. Zosimus said that the Games were not performed at the time of Diocletianus and not even under Constatine according to the Severian compute[28]. The mosaic of Aion from Sahba — Philoppolis, representing Cassiopeia as well, confirms the

---

[25] Turcan 2014: 151–163: A Re-examination of the reverse of a medaillon stamped in 248 A. D. for the milenary of Rome, which commmerated the *Ludi saeculares* with racing chariots'.

[26] Coarelli 1991: 211–245.

[27] Tac. *Ann.* XI, 11; Suet. *Claud.* 21, 4.

[28] Zosim. II 7: Ἔτι τοίνυν ὡς τὸ θεοπρόπιόν φησί καὶ τὸ ἀληθὲς ἔχει, τούτων ἁπάντων κατὰ θεσμὸν ἐπιτελουμένων ἐφυλάττετο μὲν ἡ Ῥωμαίων ἀρχή. καὶ διετέλεσαν τὴν καθ᾽ἡμᾶς πᾶσαν ὡς εἰπεῖν οἰκουμένην ὑφ᾽ ἑαυτοὺς ἔχοντες. ἀμεληθείσης δὲ τῆς ἑορτῆς ἀποθεμένου ὑπὸ Διοκλητιανοῦ τὴν βασιλείαν, ὑπερρύη κατὰ βραχὺ καὶ ἔλαθε κατὰ τὸ πλέον βαρβαρωθεῖσα. ... βούλομαι δὲ καὶ ἐκ τῶν χρόνων ἀληθῆ δεῖξαι τὸν λόγον. Ἀπὸ γὰρ τῆς Χίλωνος καὶ Λίβωνος ὑπατείας, καθ᾽ἣν Σεβῆρος τὴν τῶν Σεκουλαρίων ἦγαγον ἑορτήν, ἄχρις ὅτε ὁ Διοκλητιανὸς ἐννάκις ὀκτάκις δὲ Μαξιμιανὸς γεγόνασιν ὕπατοι, διέδραμεν εἷς ἐνιαυτὸν πρὸς τοῖς ἑκατόν, καὶ τότε Διοκλητιανὸς ἰδιώτης ἐκ βασιλέως ἐγένετο καὶ Μαξιμιανὸς ταὐτὸ τοῦτο πεποίηκε. Τρὶς δὲ ἤδη γεγονότων ὑπάτων Κωνσταντίνου καὶ Λικιννίου τῶν δέκα καὶ ἑκατὼν ἐνιαυτῶν ὁ χρόνος συνεπληροῦτο, καθ᾽ ὅν ἔδει τὴν ἑορτὴν κατὰ τὸ νενομισμένον ἀχθῆναι. Τούτου δὲ μὴ φυλαχθέντος ἔδει εἰς τὴν νῦν συνέχουσαν ἡμᾶς ἐλθεῖν τὰ πράγματα δυσκληρίαν.

Roman political character of Aion[29]. Otherwise, it is impossible to understand the political meaning without referring to the religious aspect inherent in the Roman festival[30]. The passages which concern it are as follows: (1) Valerius Maximus II, 5: *Valesius vir locuples rusticae vitae duobus filiis et filia ad desperationem usque medicorum laborantibus aquam calidam iis a foco petens ... orta deinde vox est, habiturum eos salvos, si continuo flumine Tiberi devectos Tarentum portasset ibique ex Ditis patre et Proserpinae ara petita aqua recreasset. ... et ab eo iussus egredi Tarentum † id nomen ei loco est † cupide adrepto calice aquam flumine haustam eo, unde fumus erat obortus, iam laetior pertulit, divinitus dati remedii quasi vestigia quaedam in propinquo nactum se existimans ... dum tenacius omen aprehendit, contractis levibus et quae fors obtulerat nutrimentis pertinaci spiritu flammam evocavit calefactamque aquam pueris bibendam dedit. Qua potato salutari quiete sopiti diutina vi morbi repente sunt liberati patrique indicaverunt vidisse se in somnis a nescio quo deorum spongea corpora sua petergeri et praecipi ut ad Ditis patris et Proserpinae aram, a qua potio ipsis fuerat adlata, furvae hostiae immolarentur lectisterniaque ac ludi nocturni fierent*; (2) Zosimus, *Hist.* II 1–3, about 425–518 A. D.: *ἐκ τοῦ μακρότατον ἀνθρώπου βίον τὸ μέσον διάστημα περιλαμβάνει ταύτης τῆς ἑορτῆς. Σέκουλα γὰρ τὸν αἰῶνα Ῥωμαῖοι καλοῦσι, συντελεῖ δὲ πρὸς λοιμῶν καὶ φθορῶν καὶ νόσων ἀκέσεις. ἔσχε δὲ τὴν ἀρχὴν ἐξ αἰτίας τοιᾶσδε. Οὐαλέσιος, ἀφ᾽οὗ τὸ Οὐαλεριανῶν κατάγεται γένος ... νόσου δὲ τοῖς αὐτοῦ παισὶν ἐνσκηψάσης ὑπέρ τῶν ἰατρῶν τέχνην διὰ τῶν μάντεων ᾔει ... ἀποβλέπων δὲ εἰς τὸ κεραυνόβλητον ἅλσος ἀκούειν φωνῆς ἔδοξεν, ἀπάγειν εἰς Τάραντα ἐγκελευομένης τὰ τέκνα, κἀκεῖσε θερμήναντα τοῦ Τιβέρεως ὕδωρ ἐπὶ τῆς Ἅδου καὶ Περσεφόνης ἐσχάρας τοῖς παισὶ δοῦναι πιεῖν ... Τάραντά τε γὰρ πόρρω που τῆς Ἰταλίας εἶναι, καὶ οὐκ ἄν ἐν ταύτῃ τοῦ Τιβέρεως ὕδωρ φανήσεσθαι. Διδόναι δὲ αὐτῷ πονηρὰν ἐλπίδα καὶ τὸ θερμῆναι τὸ ὕδωρ ἐπὶ βωμοῦ χθονίων δαιμόνων ἀκοῦσαι. ἐπὶ τούτοις ἀπορησάντων καὶ τῶν τερατοσκόπων, αὖθις πειθόμενος ἄγνω δεῖν τῷ θεῷ πείθεσθαι, καὶ ἐμβαλὼν πλοίῳ ποταμίῳ τὰ τέκνα κατήγαγεν τὸ πῦρ. Ἐκθανόντων δὲ αὐτῶν ὑπὸ καύματι, τούτῳ προσέπλει τῆς ὄχθης τῷ μέρει καθ᾽ὅ τὸ τοῦ ποταμοῦ ῥεῖθρον ἠρεμαῖον ἐδόκει ... ἀρυσάμενος δὲ ἐκ τοῦ Θύμβριδος ὕδωρ, καὶ τοῦτο θερμήνας ἐπί τινος κατὰ τὸν τόπον ὑπ᾽αὐτοῦ πεποιημένης ἐσχάρας, ἔδωκε πιεῖν τοῖς παισίν. Οἱ δὲ*

[29] Quet 1999: 269–330; p. 318 : «Philippe l'Arabe n'a pas utilisé la légende *Saeculum Aureum*»; on *saeculum novum* and *Milliarum saeculum*, ibid.
[30] Barker 2015: 161–170.

ἅμα τῷ πιεῖν ὕπνου προσγενομένου κατέστησαν ὑγιεῖς. ὄναρ δὲ θεασάμενοι, προσαγαγεῖν ἱερεῖα μέλανα Περσεφόνῃ καὶ Ἅιδῃ καὶ τρεῖς ἐπαλλήλους ἄγειν παννυχίδας ᾠδῶν καὶ χορῶν, ἀφηγήσαντο δὲ τὸν πατέρα τὸ ὄναρ ὡς ἀνδρὸς μεγάλου καὶ θεοπρεποῦς ταῦτα ποιεῖν ἐπὶ τοῦ Ἀρείου πεδίου, καθ'ὅ καὶ ἀνεῖται τόπος εἰς γυμνάσιον ἵππων. Βουλομένῳ δὲ τοῦ Οὐαλεσίου βωμὸν αὐτόθι καθιδρῦσαι, καὶ τῶν λιθοξόων ὀρυττόντων ἐπὶ τούτῳ τὸν τόπον, βωμὸς εὑρέθη πεποιημένος, ἐν ᾧ γράμματα ἦν «Ἅιδου καὶ Περσεφόνης». According to Valerius Maximus and Zosimus the *Ludi saeculares* had their origin in a sacrificial rite *pro valetudine* for children born with disabilities, celebrated by the *gens Valeria* in the Tarentum, in the Campus Martius in Rome. They were performed in the span of 100 years reminding the start of a new *saeculum*, or new generation, in the πυρφόρον πεδίον, where a volcanic water leak moved up in bubbles and an altar dedicated to Plouton and Proserpina — Kore indicated the entrance into the underworld. The first attested celebration falls in 249 B.C., though F. Coarelli reconstructed the historicity of the earliest celebrations. They were next held in 146 B.C. The *bella civilia* did not permit their celebration in 49 B. C. Then, came Augustus and the *quindecimviri* must have invented the celebration each 110 years (456, 346, 246, 126, 17 B. C., the *saeculum* being taken as lasting 110 years, according to Censorinus (*de die nat*. 17, 8 Sallman)[31]. The double chronology of reckoning is preserved in the Imperial Times: 47 A. D. under Claudius, 88 A. D., under Domitian, 147 A. D. under Antoninus Pius, 204 A. D. under Septimius

[31] Cens. De die nat. 17, 8–9; *Primos enim ludos seaculares exactis regibus post Romam conditam annis CCXLV a Valerio Publicola institutos esse, <.....> ad XVvirorum commentariis, anno CCXCVIII M. Valerio Spurio Verginio conss., ... secondi ludi fuerunt Antia auctore M. Valerio Corvo M. Popilio Laenate IIII> anno post urbem conditam octavo et quadrigentesimo, ut vero in commentariis XV virorum scriptum est anno CCCC et decimo M. Valerio Corvino II C. Poetilio cons. Tertii ludi fuerunt Antiate Lioque auctoribus P. Claudio Pulvhro L. Iumio Pullo cons. <.....> anno quingentesimo duodevincesimo P. Cornelio Lentulo C. Licinio Varo cons. De quartorum ludorum anno triplex opinio est. Antias enim et Varro et Livius relatos esse prodiderunt L. Manlio Censorino M.' Manilio cons. post Romam conditam anno DCV. At Piso Censorius et Cn. Gellius, sed et Cassius Hemina, qui illo tempore vivebat, post annum factos tertium adfirmant Cn. Cornelio Lentulo Lucio Mummio Achaico cons., id est anno DCXXVIII; in XVvirorum autem commentariis notantur sub anno DCXXVIII <M.> Aemilio Lepido L. Aurelio Oreste cons.*; Coarelli 1993: 214–215: «sono apocrifi i ludi del 456, 346, 326 e 126».

Severus, two *saecula* after the Augustan celebration, 248 A. D. under Philippus the Arab, 262 A. D. under Galienus, whereas in 304 A. D. there arose the intention to celebrate them under Maximianus, but without a known outcome[32]. All we know about Chytroi tends to confirm the presence of «Hot Waters» in the Kefalovryso of Kythraea[33]. An altar found at Vitsada, 10 km away from Chytroi depicting the Rapt of Proserpina by Plouton, ensures then the presence of a sanctuary dedicated to Demetra, Kore and Plouton, corresponding to the Roman *Ditis* and *Proserpina*, in Chytroi. It attests that the dedication to Flavius Philippus was made at Chytroi as self-representation after his *labora* in Cyprus, which cannot have been but the celebration of the *Ludi Saeculares* by the «Second magistrate» of the Empire in 348 A. D. The independent dating of the Mosaics of the «House of Aion», after the earthquake of 343 A. D., explains the presence of Aion of the Roman Imperium in the Central panel, during the conflict between Pagans and Christians in Cyprus[34].

References

Alföldi, A. 1979: *'Aion in Merida and Aphrodisias', mit Beiträgen von E. Alföldi-Rosenbaum, K. T. Erim und J. Reynolds*. Mainz am Rhein.

Balty, J. 1995: Mosaïques antiques du Proche-Orient: chronologie, iconographie, interprétation. *Annales littéraires de l'Université de Besançon* 551.

Balty, J.-C. 1981: Une version orientale méconnue du mythe de Cassiopée. In: L. Kahill and C. Augé (eds.), *Mythologie gréco-romaine, mythologies périphériques*. Colloques internationaux du CNRS no. 593. Paris, 95–10;

[32] Bilynskyi Dunning 2016.

[33] Ἀ. Βοσκός, 'Χύτροι, ἡ Κυθρέα τῶν ἀρχαίων Χρόνων. Ἀπὸ τὸν μῦθο στὴν Ἱστορία', C. Yalloukas, Chr. Papakonstantinou (eds), Χύτροι-Κυθρέα. Χιλιάδες χρόνια Ἱστορίας, Πολιτισμοῦ καὶ Προσφορᾶς, Λευκωσία 2016. Σούδα χ 623 Χύτροι· πόλις τις ἐν Κύπρῳ, οὕτω καλουμένη. ἔστι δὲ καὶ Ἀττική τις ἑορτὴ Χύτροι. ἤγετο δὲ ἡ ἑορτὴ μηνὸς Ἀνθεστηριῶνος τρίτῃ ἐπὶ δέκα, ὡς Φιλόχορος. Σούδα χ 370, Χόες· ἑορτή τις ἦν παρ' Ἀθηναίοις, ἀγομένη ᾽Ανθεστηριῶνος δωδεκάτῃ. φησὶ δὲ Ἀπολλόδωρος ᾽Ανθεστήρια καλεῖσθαι κοινῶς τὴν ὅλην ἑορτήν, Διονύσῳ ἀγομένην, κατὰ μέρος δὲ Πιθοιγίαν, Χόας, Χύτρους (…). Χύτροι· ἑορτὴ _Ἀθήνησιν (…).Θεόπομπός φησι τοὺς διασωθέντας ἐκ τοῦ κατακλυσμοῦ ἕψειν χύτρᾳ πανσπερμίας, ὅθεν οὕτω κληθῆναι τὴν ἑορτήν, καὶ θύειν <αὐ>τοῖς <ἔθος ἔ>χουσιν Ἑρμῇ Χθονίῳ· (…) τοῦτο δὲ ποιῆσαι τοὺς περισωθέντας ἱλασκομένους τὸν Ἑρμῆν καὶ περὶ τῶν ἀποθανόντων.

[34] Ladouceur 2018: 50–64.

Barker, G. 2015: 'The Coinage of Carausius: Developing the Golden Age Ideology through the Saecular Games. *The Numismatic Chronicle* 175, 161–170.
Barnes, T. D. 1992: 'Praetorian Praefects, 337–361. *ZPE* 94, 249–260.
Bianchi Bandinelli, R. *Roma.* 1981[3]: *La fine dell'arte antica,* Milano.
Bilynskyi Dunning S. Chr. 2016: *Roman Ludi saeculares from the Republic to Empire* (PhD). Toronto.
Bowersock, G. 1990: *Hellenism in Late Antiquity*. Cambridge.
Bowersock, G. W. 1990: *Hellenism in Late antiquity*, Cambridge, Ch. IV: Dionysus and His World.
Coarelli, F. 1991: Note sui Ludi saeculares. In: *Spectacles sportifs et scéniques dans le monde Étrusco-Italique* (Rome, 3–4 Mai 1991), Roma, 1993. 211–245.
Daszewski, W. A. 1985: *Dionysos der Erlöser. Griechische Mythen im späten Zypern. Kulturgeschichte der antiken Welt* (Sonderband. Trierer Beiträge zur Altertumskunde, Bd. 2), München, 38–45;
Deckers, J. 1986: Dionysos der Erlöser: Bemerkungen zur Deutung der Bodenmosaiken im «Haus des Aion» im Nea Paphos auf Zypern durch W. Daszewski. *Römische Quartalschrift für Christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte* 81, 3, 145–172.
Faulkner, A. 2017: Nonnus' Younger Legend: The Birth of Beröe and the Didactic Tradition. *Greece & Rome* 64, 2, 103–114.
Floridi, L. 2018: Luc. DMar 14: 'Perseo e Andromeda tra iconografia e teatro (con un'appendice su DMar 12)'. *Aevum Antiquum* N.S. 18, 205–245.
Forsyth, G. 1912: *Time in Roman Religion. One Thousand Years of Religious History*. London, 51–57.
Foucher, L. 1996 : Aiôn, Le Temps absolu'. *Latomus* 55, 1, 5–30.
Fowden, G. 1986: *The Egyptian Hermes. A Historical Approach to the Late Pagan Mind*, Princeton.
Graindor, P. 1922: Auguste et Athènes. *Révue belge de philologie et d'histoire* 1, 3, 429–443.
Hermary, A. 1995: Smith, R. R. R. Aphrodisias I. The Monument of C. Julius Zoilos. *L'antiquité Classique* 64, 542–544.
Iacono, V. 1934: La ΠΑΛΙΓΕΝΝΕΣΙΑ in S. Paolo e nell'ambiente romano, *Biblica, Commentarii ad rem Biblicam scientifice investigandam*, vol. 15.
Kaiser, T. 2011: Interpretations of the Myth of Andromeda at Iope. *Syria* 88, 323–339.
Keizer, H. M. 2000: 'Eternity' Revisited: A Study of the Greek Word αἰών. *Philosophia Reformata* 65, 53–71;
La Rocca, E. 2021: *Hermes – Thoth e Dioniso redentore. Dall'Egitto dei Tolomei al tardo-antico: Studi sul mosaico della Casa di Aion a Nea Paphos* (Bullettino della Commissione Comunale Archeologica di Roma, Supplementi, vol. 28). Roma,
Ladouceur, J. 2018: Christians and Pagans in Roman Nea Paphos: Contextualizing the 'House of Aion' Mosaic. *UCLA Historical Journal* 29, 50–64.
Lerouge-Cohen, Ch. 2010: 'Entre légende monetaire et légende noire: de nouveau sur Q. Labienus Parthicus Imp(erator). *Historia* 59, 176–188.

Levi, D. 1944: Aion. *Hesperia* 13, 269–314.
Lichtenberger, A. 2015: Herod, Zoilos, Philopappos. Multiple Identities in the Graeco-Roman World. Eretz-Israel, 110–122.
Mavrojannis, Th. 2016: 'La Maison de Thésée', à Nea Paphos: Le *praetorium* de l'époque de Constantin. In: Balandier, C. (ed.) *Fondation et développement urbanistique d'une ville chypriote*. Bordeaux, 323–347.
Micocka, J. 2013: The Late Roman Insula at Nea Paphos in the Light of New Research'. *Athens Journal of History* 4, 2, 117–134.
Moser, M. 2018: *Emperor and Senators in the reign of Constantius II. Maintaining Imperial Rule Between Rome and Constantinople in the Fourth c. (A.D 350–361)*, Cambridge.
Nasrallah, L., Luijendik, A.-M., Bakirtzis, Ch. (eds.) 2020: *From Roman to Early Christian Cyprus. Studies in Religion and Archaeology*, Tübingen.
Olszewski, M. 2013: The Iconographic Programme of the Cyprus Mosaic from the House of Aion reinterpreted as an Anti-Christian Polemic. In: V. Dobrowolski (ed.), *Et in Arcadia ego. Studia memoriae Professoris Thomae Micocka dicata,* Warsaw, 207–239.
Olszewski, M. 2020: Les figures de rhétorique et l'antithèse dans la narration allégorique de la mosaïque de la Maison d'Aîon à Paphos (Chypre). In: K. Jakouviak, A. Lajtar (eds), *Ex Oriente Lux, Studies in Honour of J. Mlynarczyk*, Warsau, 221–250 ;
Parrish, D. 1995: A Mythological Theme in the Decoration of Late Roman Dining – Rooms: Dionysos and His Cercle. *Revue Archéologique* 2, 307–332;
Piganiol, A. 1936: Jeux séculaires. *RÉA* 38, 219–224.
Quet, M. H. 1999: La mosaïque dite d'Aiôn de Shahba – Philippopolis. Philippe l'Arabe et la conception Hellène de l'ordre du monde, en Arabie, à l'aube du Christianisme. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 10, 269–330.
Quet, M.-H. 1981: Aîon. À propos d'un livre récent'. *RÉA* 83, 97–108.
Rochette, Br. *L'Antiquité Classique* 61, 485–488.
Scott, W. *Hermetica I. Introduction, Texts and Translation*, 238–246
Swift, L. J., Oliver, J. 1962: Constantius on Flavius Philippus. *AJPh* 83, 247–264.
Turcan, R. 2014 : Le millénaire de Rome au Grand Cirque ; un cas de condensé symbolique. *Journal des Savants*, 151–163.
Versnel, H. 1998: *Inconsistencies in Greek and Roman Religions. Volume 1. Ter Unus*, Leiden, 27–244.
Zuntz, G. 1988: Aion Ploutonios. *Hermes* 116, 291–103.
Zunz, G. 1992: 'Aion, Gott des Römerreichs', Heidelberg.

DOI:10.30842/ielc230690152550

Е. М. Матвеев (СПбГУ / ИЛИ РАН)
А. С. Смирнова (ИЛИ РАН)

СОИМЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ В «РИТОРИКЕ» М. ЛОМОНОСОВА: ПРЕДШЕСТВУЮЩАЯ РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Статья посвящена приему обыгрывания антропонимов в русской поэзии XVIII в. Прием уподобления героев соименным персонажам обнаруживается в барочной восточнославянской риторике и поэзии XVII в. и еще раньше — в произведениях античной, христианской и новолатинской словесности. В статье рассматривается, как этот прием описан в «Кратком руководстве к красноречию» М. Ломоносова, ориентировавшегося на примеры из риторического трактата Н. Коссена, и какое развитие в панегирической поэзии XVIII в. получил один из приведенных в риторическом руководстве примеров.

Ключевые слова: антропонимы, риторика, русская панегирическая поэзия, XVIII век

E. M. Matveev (SPbU / Institute for Linguistic Studies, RAS)
A. S. Smirnova (Institute for Linguistic Studies, RAS)

Characters of the Same Name in M. Lomonosov's "Brief Guide to Eloquence": the Foregoing Rhetorical Tradition and the Poetical Practice in the 2nd part of the 18th century

The article focuses on the method of playing with names (topos ἀπὸ τοῦ ὀνόματος) in Russian poetry of the 18th century. The assimilation of characters to the same-name heroes is revealed in the baroque East Slavic rhetoric and poetry of the 17th century and even earlier — in the ancient, Christian and Neo-Latin literature (E. Curtius, H. Keipert, L. Sazonova). The authors of the article examine how the *argument from the name* was described in M. Lomonosov's "Brief Guide to Eloquence" and in its source, N. Caussin's "De eloquentia sacra et humana". There are two groups of examples of the arguments. The first group is where the characters of the same names have the same destiny and the second one is where the same name does not influence the fate. The curious quantity of four mythical Actaeons in Lomonosov's treatise gets its explanation in Caussin's guide to rhetoric. Though rhetoricians had considered this topos an unconvincing argument, one of the rhetoric examples was then developed in Russian panegyric literature. Some poetical fragments (from

A. Sumarokov, V. Petrov and G. Derzhavin) where the method of playing with the name *Constantin* is represented show that the rhetorical logic was not topical for the poets and they even could use the topos from the name for the political project of Catherine the Great.

Keywords: anthroponyms, rhetoric, Russian panegyric poetry, 18th century

1. Заметным приемом поэтического языка русской панегирической поэзии XVIII века является обыгрывание антропонимов, относящихся к соименным героям: так, русские императоры и члены их семей могли уподобляться своим небесным покровителям (Павел I — апостолу Павлу, Александр Павлович — Александру Невскому, Михаил Павлович — архангелу Михаилу и т. д.) или соименным историческим деятелем прошлого (в частности, великий князь Александр Павлович мог сопоставляться с Александром Македонским). Истоки этого приема, как показала Л. И. Сазонова, можно обнаружить в барочной восточнославянской риторике и поэзии XVII века (Sazonova 2002). Исследовательница продолжает наблюдения над видами актуализации внутренней формы имени, сделанные в середине прошлого века Э. Р. Курциусом на материале античной, христианской и новолатинской литературы и риторики (Curtius 2021: 145–153), а позднее Г. Кайпертом на материале русской словесности XVII века (Keipert 1988). В статье «Имя в риторике и поэзии XVII века у восточных славян» Сазонова выделяет характерные особенности этимологизации имени, а также обращает внимание на связанные с этим приемом случаи смыслового обыгрывания соименных героев: «Этимологическое истолкование как источник похвалы или поношения окружало имя семантической аурой, которая еще более расширялась при сочетании с уподоблением реальных лиц преимущественно христианским святым или библейским персонажам. Поэтика двоящегося образа, берущая начало в принципе отражения <…>, использовала *имя как аллегорию*. Имя царя Алексея Михайловича — также имя Алексея Человека Божия. Зеркальное отражение имен святого и царя-тезки образует лестный для царя аллюзивный образ, и святой выступает уже не только как самостоятельный персонаж, но как аллегория» (Sazonova 2002: 11). Сазонова приводит и другие примеры уподобления царей их небесным покровителям: Федора Алексеевича сопоставляли с Федором Стратилатом,

Ивана Алексеевича — с Иоанном Предтечей, Петра Великого — с апостолом Петром (Sazonova 2002: 11–12).

Из XVII века традиция уподобления героев соименным персонажам переходит в риторику и поэзию XVIII века. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим: 1) как этот прием описан в важнейшем восточнославянском риторическом трактате — в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова (в § 83); 2) каковы источники примеров соименных персонажей, приведенных в этом параграфе (прежде всего, загадочных *четырех Актеонов*); 3) какой из приведенных Ломоносовым примеров «соименства» получил развитие в дальнейшем в русской панегирической поэзии XVIII века.

2. В § 83 «Краткого руководства к красноречию» Ломоносов рассуждает о доказательствах, выведенных из имени, и выделяет три вида: 1) доказательство через «наклонение частей слова», т. е. с использованием однокоренных слов; 2) доказательство «от первообразных речений», т. е. при помощи этимологии; 3) доказательство через «одноименных», в жизни которых обнаруживается что-то общее. Второй вид доказательства Ломоносов не считает неоспоримым, но допускает «некоторую вероятность» и приводит пример: слово «бог» происходит от слова «бег»/«бежать» в греческом, русском, немецком языках, следовательно, древние греки, славяне и немцы считали богами то, что находится в постоянном движении, «то есть солнце, луну, звезды или великие реки» (Lomonosov 2011: 125). Третье же доказательство, по мнению Ломоносова, «не имеет никакого основания и совсем тщетно», однако именно ему посвящена большая часть параграфа. Приведем его полностью: «Когда представляется несколько одноименных, которые имели подобные свойства или приключения, и потому и о прочих того же имени то же заключается, то не имеет никакого основания и совсем тщетно. Ибо, хотя четыре Актеона несчастливый конец имели, как Плутарх в житии Серториевом пишет, что один был от своих псов растерзан, два от диких вепрей убиты, четвертый присушным зелием напоен был и, от того взбесившись, умер, и хотя примечено, что римские кесари, которые Каии назывались, несчастливо умерли, однако из того не следует, чтобы тому же и с другими одноименными случаться должно было, ибо весьма многие примеры противное тому показывают. Константин Великий в Царе-граде утвердил греческую империю, но, напротив того, на Константине Палеологе оная окончилась, и между

тем были другие государи того же имени, которых ни тому, ни другому уподобить нельзя» (Lomonosov 2011: 125–126).

3. Обращает на себя внимание первый пример об Актеонах. В упомянутой Ломоносовым биографии Сертория («Серторий и Эвмен»), сочиненной Плутархом, рассказывается не о четырех, а только о двух из них: «Иные люди охотно отыскивают в исторических книгах и устных преданиях примеры случайного сходства, которые могут показаться порождением разумной воли и провидения. Таковы истории двух Аттисов — сирийского и аркадского (оба они были убиты вепрем), такова судьба двух Актеонов (одного из них растерзали собаки, а другого — любовники) или двух Сципионов: сперва один Сципион одержал победу над карфагенянами, а затем второй окончательно разгромил их»[1].

Судьба двух убитых вепрем Актеонов, о которых говорит Ломоносов, имеет сходство с судьбой Аттисов, также упоминаемых Плутархом. Но кажется малоправдоподобным, что можно было спутать имена «Актеон» (Ἀκταίων, Actaeon, Acteon) и «Аттис» (Ἄττις, Attis).

Энциклопедические словари и справочники с разной степенью подробности различают трех Актеонов, из них один — мифический правитель Аттики, другой — охотник, растерзанный своими собаками, третий — несчастный, погибший от преследований влюбленного в него Архия[2]. Помимо историй Плутарха в античной традиции существует ряд версий о растерзанном охотнике Актеоне (Hyg. Fab. 180; Eur. Bacch. 337–340; Apollod. III 4,4; Paus. 9.2.3 (Stesichor.); Ovid. Met. 3,138; Diod. Sic. 4.81.4). Они различаются между собой причиной, по которой охотник терпит страдания от своих же собак: 1) дерзкий Актеон видит нагую богиню, 2) хочет жениться на ней, 3) соревнуется с ней в искусстве охоты. Варианты также касаются и способа превращения в оленя: 1) Актеон обращается оленем, попав на охоту Артемиды, 2) превращен божеством в оленя, 3) Артемида накидывает ему на плечи шкуру оленя. Также варьируется и каратель (разгневанная Артемида или ревнивый Зевс). Однако измененные детали мифа не создают новое лицо, нового героя, более того, некоторые считают, что

[1] Plutarch 1994: 5. Ср. также: Pseudo-Plutarch 2014: 460.
[2] Напр., Wentzel 1893: 1209–1212.

второй Актеон, погибший от возлюбленного, — это видоизмененный миф об Актеоне-охотнике[3].

Отмеченная М. И. Сухомлиновым параллель к ломоносовскому фрагменту у Н. Коссена — в четвертой книге его руководства «О духовном и светском красноречии» — позволяет увидеть, что Ломоносов действительно не «придумал» четырех Актеонов[4]. Рассмотрим фрагмент про Актеонов: Plutarchus, in Sertorio quatuor Actaeonas numerat, infelici nomine & exitu. Primus laceratus est a suis canibus : duo apri occursu perempti; Syrus unus, alter in Arcadia : tertius, in Boeotia a canibus disceptus : amatorius furor ultimum laniavit (Caussinus 1630: 225)[5]. Если подсчитывать Актеонов Коссена так, как они представлены, то кажется, что в тексте перечисляются не четыре человека, а пять: первый растерзан своими собаками, два (один сириец, другой аркадянин — значит, второй и третий) разорваны вепрем, *четвертый* (у Коссена он пронумерован третьим) в Беотии разорван собаками, любовная страсть убила последнего.

Однако мы не можем отыскать никаких следов других Актеонов, кроме уже упомянутых нами выше. Мог ли Коссен здесь преувеличить или, более того, сбиться в подсчете Актеонов?

Нет сомнений в том, что ученые эпохи Возрождения не могли себе позволить выдумывать дополнительные мифы или персонажей. Вероятно, при составлении этого фрагмента Коссен отвлекся. Рассчитывая убедительно изложить “fatalem quendam nominum cum rebus consensum” (роковое сочетание имен и событий), он сначала описал судьбы Актеонов и Аттисов, не называя их имен, причем между Актеонами оказались Аттисы. Перейдя с порядковых числительных на количественные и задержавшись на происхождении героев (как у Плутарха в описании Аттисов), Коссен продолжает считать и нумерует «третьим» снова первого Актеона, растерзанного собаками в Беотии. Последним стоит Актеон, о коринфском происхожде-

---

[3] Lübker 1885: 15–16.

[4] Sukhomlinov 1895: Прим. 365.

[5] ‘Плутарх в «Сертории» перечисляет четырех Актеонов с несчастливым именем и кончиной. Первый был растерзан своими собаками; двое убиты от столкновения с вепрем; один сириец, другой в Аркадии, третий в Беотии разорван собаками; последнего погубило любовное исступление’ (*здесь и далее перевод цитат из Коссена А. С. Смирновой*).

нии которого Коссен не упоминает. Затем, видимо, вернувшись к своему тексту, Коссен вставляет ссылку на Плутарха и подсчитывает всех Актеонов[6].

У Коссена обсуждаемый здесь пример включен в главу «О происхождении и этимологии имен» (Caussinus 1630: 224–226). Начав с библейской истории о том, что Адам дал название всему живому, автор перечисляет противопоставленные друг другу значения слов «Бог» и «Адам» в еврейском языке; затем переходит к сообщению о том, что греки и римляне также интересовались происхождением слов и написали много книг об этимологиях, отдельно упомянув словарь Etymologicon Magnum (у греков) и ученого Марка Варрона (у римлян). Далее Коссен сообщает о том, что, согласно некоторым, имена влияют на судьбу. Вслед за примером об Актеонах он перечисляет Аттисов (Duo Attyes illustres fuerunt, alter Syrus, alter Arcas: uterque ab apro intersectus est — ‘Было два знаменитых Аттиса, один сириец, другой аркадянин; оба они были убиты вепрем’), последовательность упоминания об их происхождении имеет сходство с фрагментом об Актеонах: Syrus unus, alter in Arcadia. Далее упоминаются два города — Хиос (на одноименном острове) и Смирна (в Малой Азии), которые, как отмечает Коссен, с греческого переводятся соответственно «фиалка» и «мирра» (suavissimae plantae, violae & myrrhae), — в одном Гомер родился, в другом умер. Затем рассказывается о двух Юлиях, двух Агриппинах, двух Фаустинах, о Цезарях, носивших имя Гай, об имени Глостер у англичан и Мюльберг — у немцев. Вслед за этими многочисленными примерами «бесполезного наблюдения» (vanissimae observationis) Коссен приводит противоположные примеры, когда носители одинаковых имен имели разную судьбу: Август и Августул, Константин I (Великий) и Константин последний (Палеолог). Далее в главе сообщается о многочисленных этимологиях, в которых значение слова часто сравнивается с его звучанием, среди них есть также пример о

[6] Все просмотренные нами издания руководства Коссена содержат один и тот же текст. В других риторических руководствах, которые могли быть известны Ломоносову (Квинтилиан, Г. Фосс, Ф. Помей, Б. Лами, М. Радау, Ф. Прокопович, И. Готтшед и др.), ничего похожего на данный фрагмент из Коссена не обнаруживается.

греческом слове θεός (бог), происходящем от θεῖν (бежать), подкрепленный объяснением, взятым из Etymologicon Magnum[7].

Из рассмотренной нами подробной главы Коссена в своем риторическом руководстве (§83) Ломоносов использует пример с этимологией слова «бог» для второго вида доказательства от имени. Для третьего вида доказательства он упоминает только об Актеонах и Гаях[8] (таким образом, один выбранный им пример мифический, другой — исторический), затем переходит к противоположному примеру (когда носитель того же имени не имеет схожей судьбы) о византийских императорах Константинах[9].

4. Несмотря на то, что Ломоносов предупреждал своих читателей, что не следует слишком увлекаться уподоблением соименных персонажей, русские поэты XVIII века не всегда внимали этому предостережению. И один из приведенных в «Кратком руководстве к красноречию» примеров, с именем *Константин*, получил развитие в послеломоносовской русской панегирической словесности. Речь идет об одном из самых

---

[7] В этом греческом словаре, составленном неизвестным лексикографом в Константинополе в XII в., s.v. θεός сообщается, что «язычники считали первыми богами Солнце и Луну, которые постоянно двигаются по небу, как будто бегут» (Etymologicon Magnum 1816: Col. 404). Об истории этимологического соположения лексем *Бог* и *бег* см.: Ivanov 2009.

[8] Ср. фрагмент о Гаях у Коссена и Ломоносова: Caesares omnes, quibus Caii praenomen fuit, ferro periisse ‘Все Цезари, личное имя которых было Гай, погибли от меча’ (Caussinus 1630: 226); и: ‘Римские кесари, которые Каии назывались, несчастливо умерли’ (Lomonosov 2011: 126).

[9] Ср. фрагмент о Константинах у Коссена и Ломоносова: Sed haec plena vanissimae observationis ostendunt exempla contraria Augusti, & Augustuli, Constantini primi, & vltimi; quorum hi Imperia fundarunt, illi fundata amiserunt ‘Но то, что это полно бесполезного наблюдения, показывают противоположные примеры Августа и Августула, Константина первого и последнего; из которых эти [Октавиан Август и Константин I Великий] основали государства, те [Ромул Августул и Константин Палеолог] потеряли основанное (Caussinus 1630: 226); и: ‘<…> однако из того не следует, чтобы тому же и с другими одноименными случаться должно было, ибо весьма многие примеры противное тому показывают. Константин Великий в Царе-граде утвердил греческую империю, но, напротив того, на Константине Палеологе оная окончилась, и между тем были другие государи того же имени, которых ни тому, ни другому уподобить нельзя’ (Lomonosov 2011: 126).

известных антропонимических сюжетов русской панегирической поэзии XVIII века — об уподоблении великого князя Константина Павловича и императора Константина Великого, связанном с так называемым «греческим проектом» Екатерины II: Константин должен был стать императором восстановленной Византийской империи, с территории которой Екатерина мечтала изгнать турок.

Как отмечает А. Л. Зорин, «очевидно, что ко времени рождения в 1779 г. великого князя Константина Павловича проект уже существовал в достаточно разработанном виде» (Zorin 2001: 33). Об этом, в частности, свидетельствует ода А. П. Сумарокова «Государыне Императрице Екатерине Второй, на день коронования Ея Сентября 22 дня, 1770 года», где есть такие строки:

Хор ангельский провозгласит:
Во вышних Богу буди слава.
Восторжествуй Палеолог;
В Софийский храм нисходит Бог,
И гибнет адская держава!

Поборствует России рок,
Возставить имя *Константина*:
Подвержется Тебе восток,
Великая Екатерина! (Sumarokov 2009: 153)

Интересно, что сама Екатерина пыталась опровергнуть слухи о значимости имен, данных ею великим князьям. А. Л. Зорин в книге «Кормя двуглавого орла…» приводит в русском переводе фрагмент письма Екатерины Ф. Гримму (написанного по-французски): «Позволено ли так обсуждать простые имена, которые даются при крещении. Надо иметь расстроенное воображение, чтобы к этому придираться: должна ли была я назвать господина А. и господина К. Никодемом или Фаддеем? Святой первого находится в его родном городе, а второй родился через несколько дней после праздника своего святого» (Zorin 2001: 64). В переводе Зорина допущена неточность: Екатерина пишет, что Константин родился не «через несколько дней после праздника своего святого», а «за несколько дней до праздника своего святого»[10]. Видно, что императрица в определенном смысле манипулирует цифрами: великий князь Константин родился 27 апреля, а память его

[10] «le second est né peu de jours avant la fête du sien» (SbRIO 1878: 148).

небесного покровителя, равноапостольного царя Константина, отмечается 21 мая (ст. ст.). Между этими двумя датами — почти целый месяц, а вовсе не «несколько дней». Зорин пишет, что Екатерина пыталась «отрицать очевидное — смысл имени Константин», при том, что, по словам исследователя, «политический смысл имени великого князя Константина Павловича был ясен всем с момента его крещения» (Zorin 2001: 62). Об этом свидетельствуют, в частности, оды, посвященные рождению великого князя. Например, в оде В. П. Петрова «На всевожделенное рождение великого князя Константина Павловича» (1779) эксплицирована соименность Константина Павловича с Константином Великим, основателем Константинополя, победителем узурпатора Максенция:

Тезоименный исполину,
Максентий коим побежден,
Защитник веры, слава Россов,
Гроза и ужас чалмоносцов,
Великий Константин рожден (Petrov 2016: 132)

Далее в этой же оде используется характерный для «одической механики» прием (Proskurina 2006: 72): разверзаются небеса, и с небес к новорожденному великому князю обращается Константин Великий:

Раскрылось небо! во порфире
Стоит зря долу *Константин*,
И слышан глас его в эфире:
«Петрово Племя, Павлов Сын,
Кой перстом рока в мир извлекся,
И *именем Моим нарекся*;
Расти, мужайся, стани в бой.
Град, иже древле Мной основан,
Тебе во область уготован,
Определенно то судьбой» (Petrov 2016: 133).

Феномен соименности становится предметом поэтической рефлексии не только у Петрова, об этом же пишет и Г. Р. Державин в оде «На переход альпийских гор» (1799):

Кто витязь сей багрянородный,
Соименитый и подобный
Владыке византийских стран?
Еще Росс выше вознесется,
Когда и впредь не отречется
Несть *Константин* воинский сан (Derzhavin 1864–1883: 2, 290).

Здесь идет речь о том, что великий князь Константин Павлович принимал участие в итальянском походе Суворова.

В рассматриваемом нами фрагменте «Риторики» Ломоносов указывал, что Константином звали не только первого христианского императора Римской империи, перенесшего столицу в Византий (Константинополь), но и последнего византийского императора. Это соименство также могло быть частью формируемого аллюзивного образа великого князя. Косвенным подтверждением этого является фрагмент из оды Державина «На приобретение Крыма» (1784):

Магмет, от ужаса бледнея,
Заносит из Европы ногу,
И возрастает *Константин*!» (Derzhavin 1864–1883: 1, 185).

К этим строкам в «Объяснениях на сочинения» Державин помещает следующее примечание: «Отношение к Константину Палеологу, царю константинопольскому, с котораго смертью пало греческое царство, и что наместо его возрастает великий князь Константин Павлович, котораго государыня желала возвесть на престол, изгнав Турков из Европы» (Derzhavin 1864–1883: 1, 185).

Имя *Константин* упоминается у Державина еще раз — в оде «На взятие Измаила» (1790). В ней есть строфа, в которой говорится о важной геополитической роли Российской империи. Здесь, как поясняет Я. Грот, обращаясь «к Англии и Пруссии, которые оказывали самое сильное сопротивление видам России на Турцию», Державин пишет:

… Росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз,
Темиров попирать ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз,
Отмстить крестовые походы,
Очистить иордански воды,
Священный гроб освободить,
Афинам возвратить Афину,
Град *Константинов Константину*
И мир Афету водворить (Derzhavin 1864–1883: 1, 357).

Последние строки строфы сам Державин объясняет следующим образом: «Т. е. город Афины возвратить богине Минерве, под которою разумеется Екатерина <…> Константинополь подвергнуть державе великого князя Константина Павловича, к

чему покойная государыня все мысли свои устремляла» (Derzhavin 1864–1883: 1, 357). В поэтическом мире Державина предлагается возвратить град Константина Великого тому, кто им никогда не обладал — Константину Павловичу, «новому Константину».

Рассмотренные примеры демонстрируют, что для русских поэтов второй половины XVIII века риторическая «логика» Ломоносова, который стремился отчасти ограничить полет поэтической фантазии в отношении обыгрывания соименства, уже не была актуальна: в русской панегирической поэзии, отражающей политический проект Екатерины, возник персонаж, которого можно было уподоблять одновременно Константину Великому, который «утвердил греческую империю», и Константину Палеологу, на котором «оная окончилась», а также представить своеобразной «реинкарнацией» византийского императора и не видеть в этом никакого противоречия. Как видно, топос ἀπὸ τοῦ ὀνόματος, ставший в русской литературе эпохи барокко формой поэтического мышления (Sazonova 2002: 16), во второй половине XVIII века мог использоваться для конструирования политических проектов.

Литература

Caussinus 1630: *De eloquentia sacra et humana libri XVI*. Lutetiae Parisiorum, 1630.

Curtius E. R. 2021: *Evropeyskaya literatura i latinskoye Srednevekov'ye* [*Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*]. T. II. Moscow.
Курциус Э. Р. 2021: *Европейская литература и латинское Средневековье*. Пер., комм. Д. С. Колчигина. Под ред. Ф. Б. Успенского. Т. II. М.: Издательский Дом ЯСК.

Derzhavin G. R. 1864–1883: *Sochineniya. S ob'iasnitel'nymi primechanijami Ya. Grota*: in 9 tt. [Works. With notes of Ya. Grot. In 9 Vols.]. St. Petersburg.
Державин, Г. Р. 1864–1883: *Сочинения. С объяснительными примечаниями Я. Грота*: в 9 т. СПб.: В типографии Императорской академии наук.

Etymologicon Magnum 1816: *Etymologicon Magnum seu magnum grammaticae penu*, Friderici Sylburgii (ed.), editio nova correctior. Lipsiae: apud Io. Aug. Gottl. Weigel.

Ivanov S. V. 2009: [From the history of one etymology: *beg* [running] — *bog* [God]]. *Russkaya literature* [*Russian Literature*]. 1. 127–133.
Иванов С. В. 2009: Из истории одной этимологии: бег — Бог. *Русская литература* 1. 127–133.

Keipert 1988: Keipert H. Nomen est omen. Etymologie als Denkform bei russischen Autoren des 17. Jahrhunderts. *Sprache, Literatur und Geschichte der Altglaeubigen.* Akten des Heidelberger Symposions vom 28. bis 30. April 1986. Hrsg. von B. Panzer. Heidelberg: Winter. 100–132.

Lomonosov M. V. 2011: *Polnoye sobranie sochineniy* [*Complete Works*]. T. 7: *Trudy po filologii* 1739–1758 gg. [Vol. 7: *Works on Philology*]. Moscow; St. Petersburg.

Ломоносов М. В. 2011: *Полное собрание сочинений*: в 10 т. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758. М.; СПб.: Наука.

Lübker F. 1885: *Real'nyj slovar' klassicheskich drevnostej* [*Reallexikon des classischen Alterthums*]. St. Petersburg.

Любкер Ф. 1885: *Реальный словарь классических древностей*. СПб.: Изд-е Общества классической филологии и педагогики.

Petrov V. P. 2016: *Ody. Pis'ma v stihah. Vybor Maksima Amelina* [*Odes. Letters in Verses. Maksim Amelin's Choice*]. Moscow. Петров В. П. 2016: *Оды. Письма в стихах. Выбор Максима Амелина*. М.: Б.С.Г.-Пресс.

Plutarch 1994: *Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [*Parallel lives*]. V dvuh tomah. [In 2 Vols.]. Moscow.

Плутарх 1994: *Сравнительные жизнеописания*. В двух томах. Том II. М.: Наука.

Proskurina V. 2006: *Mify imperii: Literatura i vlast' v epochu Ekateriny* [*Myths of Impire*: *Literature and Power in epoch of Catherine the Great*]. Moscow.

Проскурина В. 2006: *Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II*. М.: НЛО.

Pseudo-Plutarch 2014: [Love Stories]. Transl. Rushkin I. *Antiquitas Aeterna.* 4, 459–468.

Псевдо-Плутарх 2014: Любовные рассказы. Пер. И. Рушкин. *Antiquitas Aeterna*. Вып. 4, 459–468.

Sazonova L. I. 2002: [A Name in Rhetoric and Poetry of East Slavs in XVII c.]. *Slavyanovedenie* [*Slavic Studies*]. № 1. 4–22.

Сазонова Л. И. 2002: Имя в риторике и поэзии XVII века у восточных славян. *Славяноведение*. № 1. 4–22.

SbRIO 1878: *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]*. Vol. 23. St. Petersburg. СбРИО 1878: Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 23. СПб.: Типография Императорской академии наук.

Sukhomlinov M. I. 1895: *Sochineniya M. V. Lomonosova s ob'yasnitel'nymi primechaniyami akademika M. I. Sukhomlinova* [*Lomonosow's Works with Notes of M. I. Sukhomlinov*]. Vol. 3. St. Petersburg.

Сухомлинов М. И. 1895: *Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова.* Т. 3. СПб.

Sumarokov A. P. 2009: *Ody torzhestvennyia. Elegii l'ubovnyia* [*Solemn Odes. Love Elegies*]. Vroon R. (ed.). Moscow.
Сумароков А. П. 2009: *Оды торжественныя. Елегии любовныя*. Издание подготовил Р. Вроон. М.: ОГИ.

Wentzel G. 1893: Aktaion 1–4. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hrsg. Wissowa G., Kroll W., Mittelhaus K. u. a. Stuttgart: Metzler. 1893. Band I, 1.

Zorin A. 2001: *Korm'a dvuglavogo orla…: Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII — pervoy treti XIX vv*. [*Feeding the double-headed Eagle.. Russian Literature and the State Ideology in the last third of XVIII — first third of XIX cc.*]. Moscow.
Зорин А. 2001: *Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX вв*. М.: Новое литературное обозрение.

DOI:10.30842/ielc230690152551

С. И. Межерицкая
(Санкт-Петербургский гос. университет)

“Κακοδαίμονες σοφισταί”? О САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СОФИСТОВ В РИМСКОМ МИРЕ

Изучение дошедших до нас текстов, относящихся к литературе Второй Софистики, показывает, что софистическое движение в Римской империи, как и ранее в классической Греции, не было однородным. Значительное расслоение среди софистов касалось не только их общественного статуса, материального положения, профессиональных успехов и пр., но и их самопрезентации, то есть того образа «идеального оратора», которому каждый из них стремился соответствовать в своих речах. Это расслоение еще больше усиливала жестокая конкуренция между софистами за популярность в обществе, материальные блага, признание со стороны римских властей и т. п., а их взаимные претензии и конфликты нередко выливались в затяжные ораторские баталии. Отдельную группу внутри софистического движения составляли так называемые «философствующие» софисты, которые не желали причислять себя к общей ораторской массе, занятой погоней за общественным успехом и благами и забывшей об истинных задачах красноречия. Во многом разделяя взгляды Платона на софистику классической эпохи, они подвергают современных софистов суровой критике, одновременно пропагандируя в своих речах нравственные и философские ценности. Отрицательная характеристика софистов, которую мы встречаем в сочинениях Диона Хрисостома и Элия Аристида — двух крупнейших греческих ораторов римской эпохи — не оставляет сомнения в том, что Вторая Софистика была весьма сложным и многоплановым литературным и культурным явлением в истории поздней античности.

Ключевые слова: древнегреческое ораторское искусство, античная риторика, Вторая Софистика, самопрезентация, Дион Хрисостом, Элий Аристид.

S. I. Mezheritskaya
(St. Petersburg State University)

“Κακοδαίμονες σοφισταί”? Self-presentation of sophists in the Roman world

A study of the extant texts of the literature of the Second Sophistic shows that the sophistic movement was diverse in its structure, both in the Roman Empire and earlier, in classical Greece. The significant differentiation among the sophists concerned not only their social status, material wealth, professional success, etc., but also their self-presentation.

It was intensified by their fierce competition for popularity in society, recognition by the Roman authorities, etc. Their mutual reproaches and conflicts often resulted in protracted oratory battles. A separate group within the sophistic movement were the so-called “philosophizing” sophists. They did not want to rank themselves among the general crowd of orators, who were chasing social success and benefits and forgetting about the true tasks of eloquence. Sharing Plato’s views on the sophistic of the classical era, they criticize modern sophists, while promoting moral and philosophical values in their speeches. The negative characterization of the sophists that we find in the writings of Dio Chrysostom and Aelius Aristides, two of the greatest Greek orators of the Roman era, leaves no doubt that the Second Sophistic was a very complex and multifaceted literary and cultural phenomenon in the history of late antiquity.

Keywords: ancient Greek oratory, ancient rhetoric, Second Sophistic, self-presentation, Dio Chrysostom, Aelius Aristides.

Относя «Троянскую речь»[1] Диона Хрисостома к раннему, до-философскому периоду его творчества, когда тот еще числился среди софистов, Х. фон Арним в своем труде о жизни и творчестве оратора замечает: «Исходя из обоих мест речи, где о софистах говорится в неблагоприятном смысле (§ 6 и § 14), нельзя заключить, что сам автор, хотя он это говорил, не принадлежал к софистам. Исократ тоже полемизирует с софистами, к которым, тем не менее, сам принадлежит. Вдобавок к этому, упоминание о софистах в § 6, которое звучит особенно недоброжелательно, скорее всего является *позднейшей интерполяцией* (курсив наш — С.М.)» (Arnim 1898: 168). Учитывая весьма важную в данном случае отсылку к Исократу, обратимся к его сочинению, о котором идет речь. В речи «Против софистов» Исократ действительно подвергает критике современных ему софистов, к которым причисляет не только риторов, но и философов[2] — за легкомысленность суждений и стремление к материальной выгоде в ущерб истинной задаче ораторского искусства, которую он видит в воспитании гражданских добродетелей. Тем самым Исократ очевидным образом противопоставляет себя типичным представителям софистической науки, становясь на позицию защиты риторики от всякого рода проходимцев, ловкачей и псевдоучителей мудрости. Разумеется, Исократ был не одинок в подобных взглядах на

[1] См. о ней подробнее: Mesk 1920–1921: 115–124; Szarmach 1978: 195–202.

[2] О многозначности слова «софист»: Фролов 2013: 281–282 .

софистику — его речь до известной степени отражает общие настроения в обществе того времени[3]. Однако значительным здесь является тот факт, что против софистов высказывается, по сути дела, такой же софист.

Этот известный факт вполне мог послужить примером для Диона Хрисостома, посвятившего свою речь тому же предмету, что и его прославленный предшественник[4]. Однако случай Диона требует более обстоятельного рассмотрения, поскольку касается взаимоотношений софистов римского времени, а также проблемы их самопрезентации, которой до недавних пор не уделялось достаточно внимания в исследовательской литературе[5]. Более того, за последние 60–70 лет существенно изменился сам подход к изучению софистической риторики. Осмысление Второй Софистики как уникального культурного феномена поздней античности способствовало кардинальному пересмотру и корректировке оценок и выводов, сделанных учеными позапрошлого и первой половины прошлого столетия[6]. Были переизданы, а во многих случаях изданы впервые сочинения отдельных софистов, оснащенные обширным научно-критическим аппаратом, различными индексами и переводами на ведущие европейские языки[7]. Сегодня существует целый ряд фундаментальных научных работ, определяющих большую значимость эпохи Второй Софистики как для истории греческого красноречия, так и для римской культуры в целом[8].

---

[3] Ср.: Xen. Cyn. 13, 6; Aristoph. Nub. 100–115; 358–361; 430–460; 950 sq; Plat. Gorg. 519b etc.

[4] Т. е. Троянской войне (ср. «Похвалу Елене» Исократа).

[5] Среди работ последнего времени, посвященных этому предмету, см.: Anderson 1993: 216–233; Glaeson 1995; Korenjak 2000; Gunderson 2000; Trapp 2012: 119–142; Demoen 2012: 207–228; Bowie 2012: 229–252; Korenjak 2012: 253–266.

[6] Критические высказывания о софистах и более чем скромная оценка их литературного творчества характеризуют целый ряд работ этого периода: Baumgart 1874: 38–39, 42, 63–64; Schmid 1889: 2; Norden 1898: 401–402; Van Groningen 1965: 47 и др.

[7] См., например: Menschung 1963; Barigazzi 1966; Albini 1968; Behr, Lenz 1976; Behr 1981–1986; Russell 1992; Russel, Trapp, Nesselrath 2016.

[8] См., в частности: Bowersock 1969; Bowie 1982: 29–59; Walker, Cameron, 1989; Anderson 1993; Schmitz 1997; Goldhill 2001; Borg 2004; Whitmarsh 2005.

Итак, обратимся к указанным пассажам из «Троянской речи», которые привлекли внимание Арнима. В них Дион непосредственно касается предмета своей речи, содержащей критику идущего от Гомера мифа о взятии Трои, а также упоминает о софистах, которым предстоит эту речь услышать:

(1) Προλέγω δὲ ὑμῖν ὅτι τοὺς λόγους τούτους ἀνάγκη καὶ παρ’ ἑτέρους ῥηθῆναι καὶ πολλοὺς πυθέσθαι· τούτων δὲ οἱ μέν τινες οὐ συνήσουσιν, οἱ δὲ προσποιήσονήσονται καταφρονεῖν, οὐ καταφρονοῦντες αὐτῶν, οἱ δέ τινες ἐπιχειρήσουσιν ἐξελέγχειν, μάλιστα δὲ οἶμαι τοὺς κακοδαίμονας σοφιστάς.

‘Я объявляю вам заранее, что эта речь моя непременно будет произнесена и перед другими и многие ее услышат, при этом одни не смогут ее понять, другие будут делать вид, что ни во что ее не ставят, хотя на самом деле не смогут пропустить ее мимо ушей, третьи возьмутся ее опровергать — и особенно рьяно, конечно, незадачливые софисты’ (Пер. Н. В. Брагинской).

(2) ἔτι δὲ οὐκ ἄξιον οἶμαι παριδεῖν οὐδὲ τὸ τῆς Ἑλένης, ἣ τοῦ Διὸς λεγομένη θυγάτηρ διὰ μὲν τὴν ἄδικον φήμην περιβόητος ἐπ’ αἰσχύνῃ γέγονε, διὰ δὲ τήν αὐτῆς ἰσχὺν θεὸς ἐνομίσθη παρὰ τοῖς Ἕλλησιν. ἀλλ’ ὅμως ὑπὲρ τηλικούτων ὄντος τοῦ λόγου τινὲς τῶν σοφιστῶν ἀσεβεῖν με φήσουσιν Ὁμήρῳ ἀντιλεγόντα καὶ ἐπιχειρήσουσιν διαβάλλειν πρὸς τὰ δύστηνα μειράκια, ὧν ἐμοὶ ἐλάττων λόγος ἐστίν ἢ πιθήκων.

‘Кроме того, думаю, не стоит упускать из виду странную долю Елены: считаясь дочерью Зевса, она между эллинов и ославлена несправедливой молвою за бесстыдство, и прославлена собственной мощью как божество. И вот, хотя нынешняя моя речь посвящена столь важным предметам, иные из софистов объявят меня нечестивцем за то, что я спорю с Гомером, и подучат беспомощных юнцов, до которых, впрочем, мне не больше дела, чем до кривляющихся мартышек, клеветать на меня’ (Пер. Н. В. Брагинской).

Как уже было отмечено, главное противоречие в обоих пассажах Арним видит в том, что Дион, сам будучи софистом, уничижительно высказывается о своих собратьях по ремеслу. Пример Исократа, весьма удачно приведенный самим ученым, по всей видимости, кажется ему недостаточно убедительным для разрешения этого противоречия, поэтому он обращается к стилистическому и языковому анализу текста. Прежде всего, Арним (Arnim 1898: 169) ставит под сомнение авторство Диона в первом их двух приведенных пассажей, отмечая необычное употребление выражения “*μάλιστα δὲ οἶμαι τοὺς κακοδαίμονας*

σοφιστάς”, где по правилам греческой грамматики на месте аккузатива ожидался бы номинатив (в подобных случаях *οἶμαι* обычно употребляется парентетически). Другой возможности — видеть здесь инфинитивную конструкцию с аккузативом, в которой опущен глагол *ἐπιχειρέω*, восстанавливаемый из предыдущей части предложения, мешает, по его мнению, несоответствие такого словоупотребления риторическому стилю. Наконец, третья возможность — связать рассматриваемое выражение с употребленным выше глаголом *πυθέσθαι* (предположив, что мы имеем дело с вероятной ошибкой в рукописи) — справедливо отсекается ученым на основании возникающего при этом смыслового противоречия: выделение софистов из общего числа тех, кому предстоит услышать речь Диона, кажется весьма странным и излишним, так как именно они обычно составляли большую часть публики. Исходя из этих соображений, Арним предлагает рассматривать фразу “*μάλιστα δὲ οἶμαι τοὺς κακοδαίμονας σοφιστάς*” как позднейшую интерполяцию в текст Диона.

По поводу второго пассажа ученый высказывает несколько надуманное предположение, будто под «софистами» здесь подразумеваются лишь школьные учителя риторики, а вовсе не профессиональные софисты. Таким образом Дион якобы подчеркивает свой более высокий статус оратора в сравнении со скромным положением простых учителей, способных лишь выучивать «кривляющихся мартышек» (δύστηνα μειράκια): «Если Дион отзывается о них презрительно, это не означает, что сам он не был софистом, но значит лишь, что он не держал школу» (Arnim 1898: 1670). Таким образом, выпад Диона против учителей риторики вполне объясняется его тщеславием, характерным для софистов в целом (Arnim 1898: 169). Однако данное утверждение не может не вызывать недоумения, если принять во внимание, например, свидетельство Филострата (VS I 491) о том, что Фаворин из Арелата «слушал <лекции> Диона, но был так же далек от него, как те, кто не слушал»[9]. Кроме того, странной кажется сама попытка Арнима разделить в данном контексте софистов и риторов[10], при том что многие

[9] Среди других «слушателей» Диона был и знаменитый смирнский оратор Антоний Полемон, который специально ездил для этого в Вифинию (см.: Philostr. VS. I 539).

[10] Подобная позиция характерна скорее для Элия Аристида, хотя и вызвана совсем другими причинами, о чем будет сказано позже.

софисты имели учеников и материально зависли от успеха своего преподавания (Philost. VS II 527; 590; 600; 606; 615 etc.).

Однако вернемся к первому пассажу Диона и, оставив до времени в стороне стилистический анализ текста, обратимся непосредственно к выражению “κακοδαίμονες σοφισταί” (‘злополучные софисты’). Подобная характеристика софистов из уст самого софиста действительно может показаться необычной, но лишь в том случае, если рассматривать последних как некое однородное сообщество людей, объединенных профессиональной деятельностью и более или менее сходным образом жизни. Однако такой обобщенный взгляд базируется исключительно на формальных признаках и не учитывает определенной дифференциации внутри самого софистического движения. Более того, он дает некоторое основание для критики Второй Софистики в духе Платона, который в диалоге «Горгий», как известно, положил начало полемике с софистами, обвинив риторику[11] в безразличии к истине и уподобив ее поварскому искусству (Plat. Gorg. 462d–465e). Со времени Платона дискуссия между философами и риторами не утихала на протяжении многих веков (см.: Arnim 1898: 4–114; Stanton 1973: 350–364: Vickers 1988: 83–213; Anderson 1993: 133–143), особенно же обострилась она в эпоху расцвета Второй Софистики. Софисты второй волны считали себя продолжателями традиций Горгия, Исократа и других ораторов древности и широко пользовались выработанными ими риторическими приемами и средствами. Как и их предшественники, софисты римской эпохи содержали риторические школы, взимали немалую плату за обучение, странствовали с лекциями по городам, выступали с речами и декламациями, участвовали в ораторских состязаниях и т. п. При этом, несмотря на свой высокий социальный статус и огромную популярность (см.: Bowersock 1969: 23 ff.), они подвергались жесткой критике со стороны философов. К старым платоновским обвинениям в адрес софистов и риторов прибавились новые — тривиальность тематики их речей, стремление выступать без подготовки (ex tempore), внимание к форме в ущерб содержанию, эксцентричная манера поведения, любовь к почету и роскоши и т. п. (ср.: Luc. Rhet. praec.).

И всё же корпорация софистов не была единой и однородной по своему составу. Существовавшая в ней внут-

[11] У Платона слова «софист» и «ритор» являются синонимами (см.: Gorg. 520a–b).

ренняя иерархия неизбежно приводила к тому, что некоторые софисты заметно выделялись среди остальных своим происхождением, имущественным положением, ораторской славой, общественным влиянием и пр. Флавий Филострат дает об этом ясное представление, создавая обширную галерею портретов софистов I–III вв. н. э., большинство сочинений и имен которых нам сегодня не известны. Так, об одних софистах — наиболее влиятельных и значимых — он говорит весьма подробно (ср., биографии Скопелиана (VS I 514–521), Антония Полемона (VS II 530–544), Герода Аттика (Ibid. 545–566), Александра из Селевкии (Ibid. 570–576) и пр.), другим уделяет всего несколько строк. Характерно, что, будучи сам софистом, Филострат нигде не употребляет слово «софист» в негативном смысле или в сочетании с пейоративной лексикой, как в упомянутом выше пассаже Диона. Тон его изложения — даже по отношению к малозначительным или не слишком хорошо зарекомендовавшим себя софистам — вполне нейтрален и беспристрастен. То же самое наблюдается и в тех случаях, когда кто-то из персонажей Филострата высказывается о других софистах (ср., например, слова Александра из Селевкии, обращенные к Героду: «О, Герод, все мы, софисты, — лишь крохи от твоего пира»[12] (Ibid. 574)). Единственным исключением во всем сочинении является, пожалуй, случай Вара Лаодикейского, который, по мнению Филострата, не достоин упоминаться среди софистов, ибо он «пошл, пуст и глуп, а ежели имел какое сладкогласие, осквернил его завываниями, под которые иной бесстыдник мог бы и сплясать»[13] (Ibid. 620).

Тем не менее, употребление слова «софист» в негативном смысле вполне соответствует ораторской традиции, идущей, как уже было отмечено, еще от Исократа. Эпоха Второй Софистики в этом отношении не является исключением. И хотя от большинства сочинений ее представителей до нас ничего не сохранилось, мы располагаем, наряду с речами Диона, обширным корпусом сочинений другого знаменитого софиста — Элия Аристида (117–180/81). Несмотря на свою принадлежность к

---

[12] Аллюзия на знаменитые слова Эсхила о Гомере (см.: Athen. VIII 347e).

[13] Пер. Е. Г. Рабинович. Сравнение софистов, злоупотребляющих мимикой, жестикуляцией и произнесением речей нараспев, с танцорами, встречается и у Аристида — в речи «Против тех, кто уподобляется плясунам (XXXIV K).

софистам, Аристид не только отказывался носить титул «софист», предпочитая вместо этого именоваться просто риторoм, но и часто негативно высказывался о собратьях по ремеслу, упорно не желая относится к их числу (см.: Stanton 1973: 355; Whitmarsh 2005: 18–19). Причина подобной неприязни оратора к современным софистам кроется, как кажется, в глубоком почитании им философии и особенно Платона[14], который, наряду с Демосфеном и Исократом, являлся главным стилистическим образцом аттикизма. Стремясь преодолеть тяготившее его противоречие между любовью к творчеству философа[15] и желанием защитить риторику от его нападок, Аристид написал три внушительные по объему апологетические речи: «К Платону, об ораторском искусстве» (Πρὸς Πλάτωνα περὶ ῥητορικῆς), «К Капитону» (Πρὸς Καπίτωνα) и «К Платону, в защиту четырех» (Πρὸς Πλάτωνα ὑπὲρ τῶν τεττάρων)[16].

В первой из них Аристид разворачивает сложную систему логической аргументации, доказывая ошибочность взглядов Платона на риторику как на растлительницу морали путем обнаружения ошибок и противоречий в самих сочинениях философа. В ней Аристид крайне пренебрежительно отзывается о софистах — своих современниках, которые, по его мнению, позорят подлинное ораторское искусство. Стремясь оправдать риторику в глазах философов, Аристид резко противопостав-

---

[14] Учитель Аристида, грамматик Александр из Котиэя, составлял комментарии к Платону и, по всей видимости, сумел привить юноше любовь к его сочинениям. Кроме того, в Пергаме Аристид изучал философию под руководством платоника Гая, а в Афинах — Луция, друга Герода Аттика и ученика Мусония Руфа (см.: Philostr. VS II 556–557). По всей видимости, известный фрагмент сочинения последнего дошел до нас именно в его передаче (имя Луция упоминается в латинском названии этого фрагмента). О своем обучении у философов, благодаря которым он приобрел глубокие познания в философии, Аристид говорит в третьей «платонической» речи, называя их «приемными отцами» (см.: III 690 D).

[15] Об этом говорит и тот факт, что по количеству цитат и аллюзий в сочинениях Аристида Платон занимает первое место. Любовь оратора к Платону заметна также в автобиографических «Священных речах», где имя Платона упоминается довольно часто (см.: L 19; 55–57; LI 58; 62–63).

[16] См. о них специально: Flinterman 2000–2001: 32–54; Trapp 2020: 85–113.

ляет ее софистике с точки зрения методов, целей и задач, подвергнутых в сочинениях Платона суровой критике. Вторая речь является возражением на критику, которую вызвала в философских кругах первая «платоническая» речь Аристида; она написана в форме письма к платонику Сексту Юлию Капитону, жрецу храма Асклепия в Пергаме. Третья речь представляет собой апологию четырех крупнейших политических деятелей и ораторов Греции – Перикла, Кимона, Мильтиада и Фемистокла, обвиненных Платоном в том, что они якобы развратили афинян своим красноречием и плохо управляли государством. Апология строится в форме последовательно сменяющих друг друга энкомиев каждому из упомянутых персонажей и заканчивается общим панегириком, где вновь встречаются аргументы Аристида в защиту риторики, отчасти уже известные читателю по первым двум «платоническим» речам[17].

Среди прочих сочинений Аристида, затрагивающих данную проблематику, обращают на себя внимание две полемические речи: «Против тех, кто уподобляется плясунам» (Κατὰ τῶν ἐξορχουμένων) и «К обвиняющим его в том, что он не выступает с речами» (Πρὸς τοὺς αἰτιωμένους ὅτι μὴ μελετῴη). В первой оратор обвиняет софистов в том, что, следуя низкому вкусу своих слушателей, они забыли об истинных задачах ораторского искусства и, подобно танцорам и мимическим актерам, стремятся лишь к эффектности своих выступлений. Здесь мы вновь встречаем аллюзию на Платона, в частности, на его учение о благе и красоте, на котором основана значительная часть аргументации речи:

> δεῖ γὰρ, οἶμαι, κάλλει μὲν χάριν εἶναι, χάριτος δὲ ἔρωτα ἐξηρτῆσθαι. ὅτῳ γὰρ ἄν τις χαίρῃ, τοῦτ' ἀνάγκη ποθεῖν. διὸ τῶν μὲν αἰσχρῶν οὔ φασιν ἔρωτα εἶναι, τῶν δὲ καλῶν κἀν θεοῖς εἶναι ποιηταὶ λέγουσιν. οὕτω τοίνυν καὶ τὸ τῶν λόγων κάλλος μετὰ τῆς ἁπάσης φύσεως καὶ τοῦτ' ἔχει, κηλεῖν τοὺς ἀκούοντας. ὥστ' οὐχ ὑπὲρ τοῦ πείθειν τὰ χείρω δεῖ λέγειν, ἀλλὰ πειρατέον ὡς κάλλιστα λέγειν, ἵν' ὡς πλείστους ἄγοιμεν. ὥσπερ γὰρ τῶν ἐπῳδῶν αἱ κράτισται μάλιστα ἄγειν πεφύκασιν, οὕτως οἱ κράτιστοι τῶν λόγων μάλιστα πείθειν πεφύκασι.
>
> ‘Ведь красоте, полагаю, присуще удовольствие, а удовольствие пробуждает любовь. Ибо всякий жаждет того, что доставляет ему удовольствие. Отсюда, говорят, “любви к безобразному не

[17] О софистах, недостойных называться риторами, см.: III 691 D.

бывает”[18], красота же, напротив, согласно пиитам, любезна богам. Равно и красота речей обладает по природе подобною силою — чаровать слушателей. А посему не для того, чтобы убеждать в дурном, потребны речи, но для того, чтобы стремиться говорить лишь хорошее и увлекать как можно больше людей. Ибо как искуснейшие маги сильнее всего обольщают, так и искуснейшие речи сильнее всего убеждают’[19] (XXXIV 25–26 K).

И далее:

Καὶ μὴν εἰ μὲν ἄλλου του χάριν ὁ λόγος εὑρέθη, μὴ τοῦ πείθειν, ἴσως ἄν τις ἀμφισβήτησις ἦν· ὅτε δ' ἐστὶν εὔδηλον ὡς ἐφ' ἓν τοῦτο ἅπασα ἡ τῆς λογικῆς δυνάμεως ἕξις ὥρμηται, δυοῖν ἀνάγκη δή που θάτερον, ἢ μὴ ὀρθῶς ἔχειν μηδ' ἱκανῶς τὸν λόγον, ἢ ὁμοῦ βέλτιστόν τε εἶναι καὶ κρατεῖν τῶν ἀκουόντων. ὥστ' οὐδὲν δεῖ διαφθείρειν αὐτὸν ὑπὲρ τοῦ κρατεῖν, ἀλλ' ὥσπερ τὰ μηχανήματα αἱρεῖν πέφυκε, κἂν μηδεὶς εἰδῇ τῶν ἐναντίων ἐξ ὅτων καὶ ὅπως συνετέθη, οὕτω λόγος εὖ συντεθεὶς τὸ αὑτοῦ δρᾷ, κἂν τοῖς ἀπειροτάτοις ἐντύχῃ.

‘Ежели бы сие искусство изобрели для другого дела, а не для того, чтобы убеждать посредством оного, было бы еще возможно о чем-то спорить. Но когда очевидно, что вся сила слова обращена единственно к этому, следует одно из двух: либо слово лживо и бессильно, либо оно — благо и имеет власть над слушателями. И стало быть, нет нужды губить его ради сей власти, ибо как осадные машины служат для захвата городов, даже когда никто из врагов не ведает, как и из чего они соделаны, так и ладно сложенная речь достигает своего, даже когда говорится перед неискушенными слушателями’ (Ibid. 33 K).

Это рассуждение Аристида со всей очевидностью отсылает нас к «Горгию» Платона (см.: Plat. Gorg. 502d–504e). Противопоставляя же себя софистам, которые своей несдержанностью в речах напоминают пьяниц (XXXIV 18 K), Аристид в то же время ведет скрытую полемику с самим Платоном, опровергая его слова о стремлении риторики льстить и угождать слушателям:

ἔστιν οὖν ὅ τι πώποτε πρὸς χάριν ἡμεῖς εἴπομεν τῶν ἀκροατῶν; οὐδὲ γρῦ. καίτοι πολλὰ καὶ παντοῖα. μόνοι γὰρ τῶν πώποτε ἁψαμένων λόγων εὐχόμεθα, ὅπερ μετριώτατον εἰπεῖν, ὁπόσα ἐστὶ καὶ νομίζεται περὶ λόγους ἀγαθὰ εἰς μίαν δύναμιν κατακλείσαντες δεικνύναι μεθ’

[18] См.: Plat. Symp. 201a.

[19] Здесь и далее отрывки из речей Аристида даны в переводе автора статьи.

ὑπερβολῆς. οὕτως ἐγώ. καὶ οὐδ' ὁτιοῦν φαίην ἂν χαρίζεσθαι καὶ οὐδὲν ὅ τι οὐ χαρίζεσθαι, ἀνθ' ὧν εἰκότως τὰ προσήκοντα χαρίζομαι.

‘Кроме того, разве произнесли мы однажды хоть слово в угоду слушателям? Ничуть! А говорили мы много разного. Понеже из всех, когда-либо причастных к искусству речей, мы одни по праву гордимся тем (и сие весьма слабо сказано), что, сохранив верность лишь силе слова, в полной мере показали всю пользу, каковою, по мнению многих, обладает красноречие. В том я ручаюсь. Пожалуй, я даже скажу, что ни в чем не угождаю, и вместе с тем нет ничего, в чем бы я не угождал, когда сия угода касается достодолжного’ (Ibid. 43 K).

Речь «К обвиняющим его в том, что он не выступает с речами» написана в оправдание длительного перерыва в ораторской практике, вызванного продолжительной болезнью Аристида, и по тону и содержанию напоминает «платоническое» сочинения оратора. Речь строится отчасти как собственная апология, отчасти как инвектива в адрес софистов, которых Аристид вновь обвиняет в том, что те, угождая во всем вкусам толпы, «порочат славу ораторского искусства» (XXXIII 13 K): их пустым декламациям вроде похвалы принятию ванн, стремлению к зрелищности выступлений и погоне за популярностью он противопоставляет собственные речи, работа над которыми занимает весь его досуг (Ibid. 20 K). Лишенный возможности из-за болезни вести регулярную ораторскую практику и иметь учеников, Аристид негативно отзывается о своих собратьях по ремеслу, всегда готовых говорить по любому поводу и на любую тему:

Ἐγὼ τοίνυν θεῶν εὐμενῶν ὄντων τοὺς μὲν κατ' αὐτοὺς τοὺς λόγους ἀγῶνας οὐ σφόδρα φήσαιμ' ἂν δεδιέναι, δέδοικα δὲ τοὺς δεινοὺς ἀνταγωνιστάς. εἴπω τίνας; τοὺς λίπα ἀληλιμμένους τουτουσὶ καὶ τὸν φοίνικα περικομίζοντας, οὐκ εἰς ἀκροάσεις μὰ Δία ῥητόρων συγκαλοῦντας.. <…> ὅταν οὖν ἑτέρωθεν μὲν ὁ ῥήτωρ ἀγωνιούμενος εἰσίῃ, ἑτέρωθεν δὲ ὁ ῥέμβος ὑμῖν ἀμφιθαλὴς ἥκῃ τὰ τοιαῦτα ὑπισχνούμενος, εἰκότως, οἶμαι, συμβαίνει τὴν νίκην ἐκείνου τοῦ μέρους γίγνεσθαι, καὶ μήτε πρεσβύτερον μηδένα μήτε νεώτερον ῥᾳδίως ἐθέλειν σωφρονεῖν.

‘И покуда боги к нам благосклонны, я, признаться, не слишком страшусь самих состязаний в речах, а вот противников своих сноровистых опасаюсь. Сказать вам каких? А таких, что, густо

умастившись маслом[20], носят с собою повсюду пальмовые листья[21], на риторские же чтения, клянусь Зевсом, не созывают. <…> И коли, с одной стороны, вступит в состязание ритор, а с другой — явится бродяга с пышной листвою и этакими посулами, то, без сомнения, победу стяжает последний, и нелегко будет убедить стар и млад почитать скромность’ (Ibid. 27–28 K).

К упомянутым сочинениям, в которых Аристид дает софистам подобную нелестную характеристику, примыкает речь «К городам о согласии» (Περὶ ὁμονοίας ταῖς πόλεσιν), написанная на глубоко волновавшую оратора и актуальную для того времени тему конкуренции между тремя крупнейшими городами — Эфесом, Пергамом и Смирной — за превосходство и культурное влияние в Азии. Здесь Аристид примеряет на себя роль Исократа в «Панегирике», призывая к единству эллинов, проповедуя взаимное согласие и восхваляя блага мирной жизни под римской властью. Примечательно, что свою речь Аристид также начинает с критики софистов, которые предпочитают «благородным и подобающим для речей темам» бесполезные споры или фиктивные декламации, которые «так же далеки от задач риторики, как если бы вовсе не имели к ней отношения» (XXIII 1 K).

В заключение обзора речей Аристида еще раз сошлемся на Филострата. В своем труде о софистах он приводит один характерный эпизод из жизни этого оратора, в подлинности которого мы не можем быть полностью уверены, но который хорошо согласуется с приведенным выше высказываниями оратора о софистах. Согласно Филострату (VS II 582–583), во время пребывания в Смирне Марка Аврелия Аристид, получив от него приглашение выступить с речью, потребовал день на подготовку, желая тем самым показать, что он не из тех софистов, что всегда готовы говорить на любую тему: “οὐ γὰρ ἐσμὲν τῶν ἐμούντων, ἀλλὰ τῶν ἀκριβούντων” (‘Ибо мы не из тех, кто изрыгает [слова], а из тех, кто тщательно выбирает’). Марк Аврелий удовлетворил просьбу оратора, и на следующий день тот выступил столь блестяще, что на долгие годы удостоился особого расположения императора.

---

[20] Аллюзия на атлетов.

[21] Как символ победы в риторических состязаниях (ср.: Luc. Rhet. praec. 25).

Непримиримая позиция Элия Аристида по отношению к софистам служит, на наш взгляд, прямой параллелью к приведенному выше высказыванию Диона Хрисостома, ясно демонстрирующему неприязнь этого оратора к названной части своей аудитории. В пользу данной точки зрения свидетельствует и тот факт, что само выражение "*οἱ κακοδαίμονες σοφισταί*" ('злополучные софисты'), перекликающееся с аристидовским "οἱ δείλαιοι σοφισταί" ('несчастные софисты') (L 95 K), встречается в других речах Диона. Ср., в частности:

> καὶ σύ, ἐπείπερ οὕτω πέφυκας, ἐὰν τύχῃς ἐπισταμένου ἀνδρός, ἱκανή σοί ἐστι μία ἡμέρα πρὸς τὸ συνιδεῖν τὸ πρᾶγμα καὶ τὴν τέχνην, καὶ οὐδὲν ἔτι δεήσῃ ποικίλων σοφισμάτων ἢ λόγων· ἐὰν δὲ μὴ τύχῃς διδασκάλου τοῦ Διὸς ἢ ἄλλου τοιούτου, ταχὺ καὶ σαφῶς φράζοντος ἃ δεῖ ποιεῖν, οὐδέν σοι πλέον, οὐδὲ ἂν ὅλον κατατρίψῃς τὸν βίον ἀγρυπνῶν τε καὶ ἀσιτῶν παρὰ τοῖς κακοδαίμοσι σοφισταῖς (IV 38–39).
>
> 'И ты, коли ты таковым родился, ежели встретится тебе ученый муж, то одного дня будет довольно, дабы узнать его деяния и искусство, и не будет у тебя более нужды в хитрых уловках и рассуждениях; а ежели не попадется тебе в наставники Зевс или ему подобный, каковой быстро и ясно научит, что от тебя требуется, ничего [из оного] у тебя не будет, хоть всю жизнь проведи, бессонный и голодный, среди злополучных софистов' (Пер. автора статьи).
>
> καὶ δὴ καὶ τότε ἦν περὶ τὸν νεὼν τοῦ Ποσειδῶνος ἀκούειν πολλῶν μὲν σοφιστῶν κακοδαιμόνων βοώντων καὶ λοιδορουμένων ἀλλήλοις, καὶ τῶν λεγομένων μαθητῶν ἄλλου ἄλλῳ μαχομένων, πολλῶν δὲ συγγραφέων ἀναγιγνωσκόντων ἀναίσθητα συγγράμματα, πολλῶν δὲ ποιητῶν ποιήματα ᾀδόντων, καὶ τούτους ἐπαινούντων ἑτέρων, πολλῶν δὲ θαυματοποιῶν θαύματα ἐπιδεικνύντων, πολλῶν δὲ τερατοσκόπων τέρατα κρινόντων, μυρίων δὲ ῥητόρων δίκας στρεφόντων, οὐκ ὀλίγων δὲ καπήλων διακαπηλευόντων ὅ, τι τύχοιεν ἕκαστος (VIII 9–10).
>
> 'Ибо то было время, когда можно было услышать, как толпа злополучных софистов, крича и ругая друг друга, рассуждала о храме Посейдона, и те, что зовутся их учениками, сражались один на один; а множество сочинителей читало бессмысленные книги; а множество пиитов пело свои поэмы, а другие их расхваливали; а множество фокусников показывало фокусы; а ватага предсказателей изрекала предсказания; а полчища риторов попирали справедливость; и мало кто из торговцев не торговал чем придется' (Пер. автора статьи).

Дион почти всегда использует термин «софист» в уничижительном смысле и никогда — в положительном (см.: Whitmarsh 2005: 17). Во многих его речах софисты упоминаются в одном ряду со льстецами, демагогами, шарлатанами и даже евнухами (ср., в частности: XXXII 12; IV 35–36; 132; XXXIX 3 etc.). Кроме того, слову «софист» в них часто сопутствуют такие эпитеты, как «невежественный» (ἀγνοῶν), «крикливый» (ἀλαζών) «наглый» (ἀναιδής) и т. п. Так, в речи «О Гомере и Сократе», представляющей собой фиктивный диалог между учителем риторики и его учеником, Дион (в диалоге — учитель), сравнивая последних с софистами, замечает: “οὐδέτερος γὰρ αὐτοῖν ἀλαζὼν ἦν οὐδὲ ἀναιδής, ὥσπερ οἱ ἀμαθέστατοι τῶν σοφιστῶν” (‘Не был никто из них ни крикливым, ни дерзким, как невежественные софисты’)[22].

Таким образом, второй из дискутируемых пассажей «Троянской речи» Диона, где оратор говорит о софистах уничижительно, не представляет собой ничего странного, в то время как гипотеза Арнима о том, что под «софистами» следует понимать школьных учителей риторики, напротив, кажется совершенно необоснованной. Более того, она мало согласуется с замечанием самого же ученого о тщеславии Диона, которое якобы демонстрируется оратором в сравнении учеников риторических школ с мартышками. Если бы речь действительно шла о школьных учителях, которые, разумеется, не представляли для Диона никакой опасности и над которыми, согласно Арниму, он демонстрирует явное превосходство, едва ли он вообще стал бы о них упоминать, не говоря уже о столь резкой критике риторов, заведомо уступающих ему в ораторском мастерстве[23]. Напротив, тот факт, что среди его аудитории неизбежно окажутся софисты — недоброжелатели и прямые конкуренты оратора, которые будут всячески критиковать произносимую им речь, не вызывает у Диона ни малейшего сомнения, о чем он считает нелишним заранее предупредить слушателей. И делает он это дважды (§ 6 и § 14), предвосхищая тем самым возражения потенциальных оппонентов. Точно также Аристид в проэмии к речи «К городам о согласии», стремясь подчеркнуть важность того, что ему предстоит сказать, противопоставляет себя софистам, которые, по его словам, «проводят время … в спорах или баламутя тех, кто приходит их послушать, чем

[22] См. другие примеры: Stanton 1973: 354.
[23] О софистах как высшей касте среди риторов см.: Anderson 1993: 22 ff.

только понапрасну смущают слушателей, ибо ни сами не кажутся лучше, ни других улучшить не способны» (XXIII 1 K).

Необходимо коснуться и отмеченного Арнимом необычного употребления глагола οἶμαι в первом из приведенных пассажей «Троянской речи». В случаях, где имеет место простое перечисление, глагол *οἶμαι*, как справедливо указывает ученый, употребляется обычно парентетически[24], поэтому мы были бы в праве ожидать после него номинатива. Появление же аккузатива заставляет видеть здесь инфинитивную конструкцию, зависящую от подразумеваемого глагола *ἐπιχειρεῖν* [*ἐξελέγχειν*]), против чего, однако, возражает Арним, ссылаясь на несоответствие такого словоупотребления риторическому стилю. Действительно, ни у одного из аттических ораторов подобного примера не встречается, да и в целом в греческой литературе классической эпохи оно довольно редко, что объясняется, по всей видимости, его разговорным характером. Лишь несколько случаев употребления эллиптической конструкции с аккузативом после *οἶμαι* — как правило, в сочетании с частицей *δέ* и союзом *καί* (реже с одним *δέ*) — встретилось нам в диалогах Платона и один случай — в «Пире» Ксенофонта (Xen. Symp. 8, 7). Ср., в частности:

> Ἀλλ' ἴσως οὐδὲν ἔσται, ὦ Σώκρατες, πρᾶγμα, ἀλλὰ σύ τε κατὰ νοῦν ἀγωνιῇ τὴν δίκην, οἶμαι δὲ καὶ ἐμὲ τὴν ἐμήν (Plat. Euth. 3e).
>
> ‘Скорее всего, мой Сократ, это ничем серьезным не кончится, и ты успешно выиграешь свою тяжбу, как и я, полагаю, свою’ (Пер. С. Я. Шейнман–Топштейн).
>
> ταῦτα ἐγώ σοι οὐ πείθομαι, ὦ Μέλητε, οἶμαι δὲ οὐδὲ ἄλλον ἀνθρώπων οὐδένα· ἀλλ' ἢ οὐ διαφθείρω, ἢ εἰ διαφθείρω, ἄκων, ὥστε σύ γε κατ' ἀμφότερα ψεύδῃ (Plat. Apol. Socr. 25e).
>
> ‘В этом я тебе не поверю, Мелет, да и никто другой, я думаю, не поверит. Но или я не порчу, или если порчу, то ненамеренно; таким образом, у тебя-то выходит ложь в обоих случаях’ (Пер. М. С. Соловьева).
>
> Ἐγὼ μέν, ὦ Λυσίμαχε καὶ Μελησία, ἐπαινῶ τε ὑμῶν τὴν διάνοιαν καὶ κοινωνεῖν ἕτοιμος, οἶμαι δὲ καὶ Λάχητα τόνδε (Plat. Lach. 180a).

---

[24] См. примеры такого употребления у Диона Хрисостома: Koolmeister, Tallmeister 1981: 308–309.

‘(Никий) Я со своей стороны, Лисимах и Мелесий, одобряю ваш замысел и готов в нем участвовать; думаю, что и Лахет также’ (Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн).

νῦν μέντοι, ὥσπερ ὡρμήσαμεν, ἴωμεν καὶ ἀκούσωμεν τοῦ ἀνδρός, ἔπειτα ἀκούσαντες καὶ ἄλλοις ἀνακοινωσώμεθα· καὶ γὰρ οὐ μόνος Πρωταγόρας αὐτόθι ἐστίν, ἀλλὰ καὶ Ἱππίας ὁ Ἠλεῖος — οἶμαι δὲ καὶ Πρόδικον τὸν Κεῖον — καὶ ἄλλοι πολλοὶ καὶ σοφοί (Plat. Protag. 314c).

‘А теперь пойдем, как мы собирались, и послушаем того человека; послушавши же его, и с другими побеседуем: Протагор ведь там не один, с ним и Гиппий Элидский, и, думаю, Продик Кеосский, да и много еще других мудрецов’ (Пер. Вл. С. Соловьева).

Σύμφημί σοι, ἔφη, ἐξ ὧν διεληλύθαμεν· οἶμαι δὲ καὶ ἄλλον ὁντινοῦν (Plat. Resp. 608b).

‘Я поддерживаю тебя на основании того, что мы разобрали. Думаю, что и всякий другой <тебя поддержит>, кто бы он ни был’ (Пер. А. Н. Егунова).

Однако у поздних греческих авторов подобная конструкция несколько раз появляется и в риторических текстах — в частности, у Лукиана, Либания и Гимерия [см. TLG]:

(ΑΧΙΛΛΕΥΣ) Ἑταιρικὴ μὲν ἡ παραίνεσις, ἐμὲ δὲ οὐκ οἶδ' ὅπως ἡ μνήμη τῶν παρὰ τὸν βίον ἀνιᾷ, οἶμαι δὲ καὶ ὑμῶν ἕκαστον (Luc. Dial. mort. 26, 4).

‘Ты меня утешаешь по-дружески, меня же не знаю как удручает воспоминание о жизни; думаю, и всех вас’ (Пер. автора статьи).

καὶ ὅστις οἶδεν ἀκριβῶς τὰ ἡμέτερα, πολλοὺς δὲ οἶμαι, καὶ τὴν σπουδὴν οὗτος ἐπαινεῖ τὴν ἐμήν (Liban. Declam. XXXIX 20).

‘И кто хорошо знает наши речи, — я думаю, и многие — тот похвалит мое усердие’ (Пер. автора статьи).

Ἰσοκράτης ὁ σοφιστής — γνώριμον δὲ ἅπασιν οἶμαι μετὰ τῶν λόγων καὶ τοὔνομα, ὅτι δι' ἐκεῖνον σοφιστῶν γλῶττα τὰς ποιητικὰς ἀτιμάσασα οἰκεῖον νόμον ἠσπάσατο — λόγῳ μὲν ἀεὶ τοῖς λόγων ἐρῶσι τὰ βασίλεια τῶν ἑαυτοῦ μουσείων ἀνεπετάνν[υεν. (Himer. Or. XXXIII)

‘Софист Исократ, всем, я думаю, известный благодаря своим речам и своему имени, потому что от него язык софистов, ослабив достоинство поэзии, обрел право на существование —

своей речью он навсегда подчинил поклонников красноречия своему искусству' (Пер. автора статьи).

Засвидетельствованные нами у поздних ораторов случаи употребления конструкции с аккузативом вместо номинатива после οἶμαι, а также тот факт, что выражение *"οἱ κακοδαίμονες σοφισταί"* встречается и в других речах Диона, не позволяют согласится с гипотезой Арнима о том, что в указанном пассаже из «Троянской речи» мы имеем дело с позднейшей интерполяцией. Если же принять во внимание, что негативные высказывания о софистах — вообще не редкость в сочинениях Диона (как раннего, риторического, так и позднейшего, философского периодов), то оба приведенных выше пассажа следует, на наш взгляд, рассматривать как квинтэссенцию его взглядов на современных софистов и, более того, как своего рода самопрезентацию оратора.

Отрицательная характеристика софистов, которую мы встречаем в сочинениях Диона Хрисостома и Элия Аристида — двух крупнейших греческих ораторов римской эпохи, убедительно показывает, что Вторая Софистика представляла собой гораздо более сложное в литературном и социально-культурном отношении явление, чем может показаться на первый взгляд. Фрагментарность наших сведений о софистической литературе этого периода, обусловленная, главным образом, отсутствием текстов самих софистов, не отменяет того факта, что софистическое движение в Римской империи, как и ранее в классической Греции, не было однородным. Более того, жестокая конкуренция между софистами, их взаимные претензии и конфликты, часто выливавшиеся в затяжные ораторские баталии[25], в известной степени напоминали непростые взаимоотношения между философами и риторами, о которых нам известно гораздо лучше. Значительное расслоение среди софистов касалось не только их общественного статуса, материального положения, профессиональных успехов и пр., о чем упоминает Филострат, но и их самопрезентации, то есть того образа оратора, которому каждый из них хотел соответствовать. Некоторое представление об этом дают дошедшие до нас сочинения Диона Хрисостома и Элия Аристида, и здесь мы приходим к крайне интересным выводам. Свойственное обоим любовь к философии и желание отмежеваться от толпы

[25] См. о ссоре Тимократа и Скопрелиана (Philostr. VS I 536), Полемона и Фаворина (Ibid. 49–491) и т. д.

обычных софистов заставили каждого из них идти собственным путем: Дион в итоге оставил софистическую риторику ради философии[26], а Аристид сделал борьбу с софистами одной из главных тем своего творчества.

Литература

Albini, U. 1968 (ed.): *Erode Attico. Περὶ πολιτεῖας.* Firenze.

Anderson, G. 1993: *The Second Sophistic. A cultural phenomenon in the Roman Empire*. London.

Arnim, H. von. 1898: *Leben und Werke des Dio von Prusa*. Berlin.

Barigazzi, A. (ed.) 1966: *Favorino di Arelate. Opere*. Firenze.

Baumgart, H. 1874: *Aelius Aristides als Repräsentant der sophistischen Rhetorik des zweiten Jahrhunderts der Kaiserzeit.* Leipzig.

Behr, C. A. (ed.) 1981–1986: *P. Aelius Aristides. The complete works*. Vol. 1–2. Leiden.

Behr, C. A., Lenz, F. W. (eds.) 1976: *P. Aelii Aristidis Opera quae extant omnia. Orationes I–XVI*. Leiden.

Borg, B. E. (ed.) 2004: *Paideia: The world of the Second Sophistic*. Berlin.

Bowersock, G. W. 1969: *Greek sophists in the Roman Empire*. Oxford.

Bowie, E. L. 1982: The importance of the sophists. *Yale Classical Studies*. 27, 29–59.

Bowie, E.L. 2012: The philotimia of Aristides. In: G. Roskam, M. de Pourco and L. van der Stockt (eds.). *The lash of the ambition: Plutarch, imperial Greek literature and dynamics of philotimia*. Louvain; Namur; Paris; Walpole, 229–252.

Brancacci, A. 1977: Le orazioni diogeniane di Dione Crisostomo. In: G. Giannantoni (ed.). *Scuole socratiche minori e filosofia ellenistica*. Bologna, 141–171.

Brancacci, A. 1985: *Rhetorice philosophusa: Dione Crisostomo nella cultura antica e bizantina*. Naples.

Demoen, K. 2012: Rivalry and envy, rehabilitation and self-promotion: Philotimia in Flavius Philostratus. In: G. Roskam, M. de Pourco and L. van der Stockt (ed.). *The lash of the ambition: Plutarch, imperial Greek literature and dynamics of philotimia*. Louvain; Namur; Paris; Walpole, 207–228.

[26] После высылки из Рима по указу Домициана Дион на протяжении четырнадцати лет вел жизнь бродячего философа-киника, зарабатывая на жизнь тяжелым физическим трудом и время от времени выступая с речами-диалогами на морально-философские и социально-политические темы (диатрибами), см.: Нахов 1976: 46–104; Лосев 1979: 179–191; Brancacci 1977: 141–171; Szarmach 1977: 77–90; Ferrante 1981; Brancacci 1985.

Ferrante, D. 1981: *La semantica di logos in Dione Crisostomo alla luce del contrasto tra retorica e filosofia.* Naples.

Flinterman, J.–J. 2000–2001*: "... largely fictions ...": Aelius Aristides on Plato's dialogue.* In: *Ancient narrative*. Vol. 1, 32–54.

Frolov, E. D. 2013 (ed.): *Isokrat. Protiv sopfistov.* In: *Isokrat. Malye atticheskije oratory. Rechi. Pisma.* [*Isocrates. Against sophists.* In: *Isocrates. Lesser Attic orators. Speeches, letters*]. Moscow.

Glaeson, M.W. 1995: *Making men: Sophists and self-presentation in Ancient Rome*. Princeton.

Goldhill, S. (ed.) 2001: *Being Greek under Rome: cultural identity, the Second Sophistic and the development of empire*. Cambridge.

Gunderson, E. 2000: *Staging masculinity: The rhetoric of performance in the Roman World*. Michigan.

Koolmeister, R., Tallmeister, T. 1981: *An index to Dio Chrysostomus*. Uppsala.

Korenjak, M. (hrsg.) 2000: *Publikum und Redner: Ihre Interaktion in der sophistischen Rhetorik der Kaiserzeit*. München.

Korenjak, M. 2012: Conversing with prosperity: Hermogenes, Aristides and sophistic φιλοτιμία. In: G. Roskam, M. de Pourco and L. van der Stockt (eds.). *The lash of the ambition: Plutarch, imperial Greek literature and dynamics of philotimia*. Louvain; Namur; Paris; Walpole, 253–266.

Losev, A.F. 1979: *Ellinisticheski-rimskaya estetika I–II vekov* [Hellenistic-Roman aesthetics of the I–II A.D.]. Moscow.

Menschung, E. (hrsg.) 1963*: Favorin von Arelate. Memorabilien und Omnigena historia*. Berlin.

Mesk, J. 1920–1921*:* Zur elften Rede des Dio von Prusa*.* W*iener Studien: Zeitschrift für klassische Philologie und Patristik*. 42, 115–124.

Nahov, I. M. 1976: Kinizm Diona Hrisostoma [Cynicism of Dio Chrysostom]. *Voprosy klassicheskoy filologii* [*The Questions of Classical Philology*]. VI, 46–104.

Norden, E. 1898: *Die antike Kunstprosa*. Bd. 1. Leipzig.

Russell, D. A. (ed.) 1992: *Dio Chrysostom. Orations VII, XII and XXXVI.* Cambridge.

Russel, D. A., Trapp, M., Nesselrath, N.-G. (eds.) 2016: *In praise of Asclepius. Aelius Aristides. Selected prose hymns*. Tübingen.

Schmid, W. 1889: *Der Atticismus in seinen Hauptvertretern von Dionysios von Halicarnass bis auf den zweiten Philostratus.* Bd. 2. Stuttgart.

Schmitz, T. 1997: *Bildung und Macht: zur sozialen und politischen Funktion der zweiten Sophistik in der griechischen Welt der Kaiserzeit*. München.

Stanton, G. R. 1973: Sophists and philosophers: Problems of classifications*. The American Journal of Philology* 94, 350–364.

Szarmach, M. 1977: Les Discours diogeniens de Dion de Pruse*. Eos* 65, 77–90.

Szarmach, M. 1978: Les “Discours Troyen” de Dion de Pruse. *Eos* 66, 195–202.

Thesaurus Linguae Graecae. URL: http://stephanus.tlg.uci.edu (дата обращения 5. 09. 2020).

Trapp, M. 2012: *Dio Chrysostom and the value of prestige.* In: G. Roskam, M. de Pourco and L. van der Stockt (eds.). *The lash of the ambition: Plutarch, imperial Greek literature and dynamics of philotimia*. Louvain–Namur–Paris–Walpole. P. 119–142.

Trapp, M. 2020: With all due respect to Plato: The Platonic Orations of Aelius Aristides. *Transactions and proceedings of the American Philological Association* 150, 85–113.

Van Groningen, B. A. 1965: General literary tendencies in the second century A. D. *Mnemosyne* 18, 41–56.

Vickers, B. 1988: *In defense of rhetoric*. Oxford.

Walker, S., Cameron, A. (eds.) 1989: *The Greek Renaissance in the Roman Empire*. London.

Whitmarsh, T. 2005: *The Second Sophistic*. Oxford.

DOI:10.30842/ielc230690152552

И. А. Миролюбов
(Московский гос. объединенный музей-заповедник)

VITA SATURNINI: ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ К ВЫДУМАННОМУ ЖИЗНЕОПИСАНИЮ

Статья посвящена жизнеописанию узурпатора Сатурнина, современника императора Галлиена, из сборника Scriptores Historiae Augustae. В научной литературе устоялось мнение о том, что данный персонаж является вымышленным лицом. Принимая эту точку зрения, автор сосредотачивает свое внимание на поисках прототипов различных эпизодов биографии. Само жизнеописание рассматривается как литературное произведение, в котором античный писатель попытался изобразить картину внутреннего состояния узурпатора.

Ключевые слова: Scriptores Historiae Augustae, Сатурнин, Галлиен, Валериан, римский император, древнеримская биография, источниковедение Древнего Рима, кризис III века.

Ivan A. Mirolyubov
(Moscow State Integrated Museum-Reserve)

Vita Saturnini: commentary on a fictional biography

Among the most important narratives on the history of the crisis of the Roman Empire in the third century is the collection of imperial biographies known as “Scriptores Historiae Augustae” (SHA). The abundance of references to non-existent sources, fictitious quotes and anachronisms makes this work difficult for perception and research work. One of the most difficult sections within this collection is Chapter XXIII, “Tyranni Triginta”. It tells about the usurpers during the reign of the emperor Gallienus. In an effort to bring the number of tyrants to the figure stated in the title, the author invented several personalities and among them — a certain general named Saturninus. Researchers have expressed a reasonable opinion that this is a fictional character. The present article examines the biography of Saturninus in search of prototypes, and also generally explores the author’s method of writing a fantastic biography. The study revealed several notable aspects. First, the author saturates a relatively small text with allusions, both explicit and hidden. Second, the life story itself is a clever trap for the researcher. It itself contains a minimum of specifics: we do not know the year, nor the place of the proclamation of Saturninus, nor the military units that he commanded, nor the duration of his usurpation. At the same time, in other parts of the collection, we can find some details that, at first glance, could complement an uninformative biography (for example, messages about people with the name Saturninus).

However, the author, either in direct text or through silence, does not provide an opportunity to identify these people. Thirdly, the biography of the usurper Saturninus contains a rare example, almost unique in ancient literature, of illuminating the internal emotional state of a Roman military leader who decided to gain power through usurpation. This, in turn, shows that SHA is a complex and multifaceted text, the research of which is a promising topic in the framework of the source study of Ancient Rome.

Key words: Scriptores Historiae Augustae, Saturninus, Gallienus, Valerianus, Roman emperors, genre of biography in ancient Rome, source study of Ancient Rome, crisis of the 3rd century.

К числу важнейших памятников римской историографии относится сборник императорских биографий, известный под названием Scriptores Historiae Augustae (далее — SHA[1]). Трактат заявлен как сочинение шести авторов, за псевдонимами которых скрывается, по всей видимости, один сочинитель или редактор[2]. Биографии императоров наполнены ссылками на вымышленные источники и анахронизмами. Объем вымысла растет по мере перехода к биографиям императоров III века. Это вполне понятно: правители этого кризисного периода слабо освещены в нарративной традиции, которая сама в этот период времени переживает серьезный упадок. В науке устоялось несколько негативное отношение к SHA как источнику информации. Вместе с тем, в ряде моментов трактат — уникальный источник, а кроме того он интересен как литературный памятник.

---

[1] Сочинению посвящено немало работ. Общий обзор мнений и характеристику этого произведения можно найти в изданиях: (Albrecht 2005: 1516–1519; Birley 2003: 127–149). Текст источника приводим по изданию Э. Холя (Hohl 1965), перевод — С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура (Доватур 1992).

[2] Эта точка зрения была высказана еще в XIX веке Г. Дессау, однако в дальнейшем дискуссия была продолжена с опорой на новейшие, компьютерные методы исследования текста. В настоящее время на вопрос об авторстве, как кажется, исчерпывающий ответ еще не дан (Hengst 2010: 177–185). В данной работе мы сосредоточимся на блоке биографий, подписанных «Требеллием Поллионом» и, в меньшей степени, «Флавием Вописком». По мнению Д. ден Хэнгста, за этими псевдонимами может скрываться редактор, который объединил весь сборник, включив в него биографии более ранних императоров (Hengst 2010: 182). В ходе исследования мы покажем, что по интересующему нас вопросу — конструкции биографии узурпатора Сатурнина — между двумя «авторами» присутствуют определенные связи.

Одна из наиболее необычных глав в составе сборника — XXIII, под названием «Tyranni Triginta» («Тридцать тиранов»). Вместе с жизнеописаниями императоров Валериана, Галлиена и Клавдия Готского она входит в блок, написанный «Требеллием Поллионом». В ней рассказывается о многочисленных узурпаторах, чьи выступления имели место при Галлиене, на правление которого приходится апогей кризиса III века (Southern 2001: 81–108; Potter 2004: 257–262). Числом тридцать автор стремится показать высокую степень децентрализации Римского государства. Впрочем, в подсчете тиранов он не согласен сам с собой. В рукописях жизнеописании Галлиена мы встречаем указание на «почти двадцать тиранов» (SHA Gall. duo 16.1[3]), а в биографии Клавдия, со ссылкой на фиктивное письмо этого императора, отмечено, что тиранов было шестьсот (SHA Claud. 9.1). Эта неточность указывает на искусственный характер этих подсчетов. Выбор в пользу именно «тридцати тиранов» легко объясним параллелью из истории Афин, где режим «тридцати тиранов» был установлен спартанцами после их победы в Пелопонесской войне. Впрочем, заявленное количество тиранов поставило автора перед необходимостью написать именно тридцать биографий узурпаторов. Отечественные комментаторы верно заметили, что в случае отсутствия материала глава наполнялась вымыслом, причем иногда речь идет о полностью выдуманных личностях (Доватур 1992: 365). Впрочем, тиранов «набралось» в итоге больше тридцати. Сам автор признает, что увлекся: longius mihi videor processisse quam res postulabat. sed quid faciam? (SHA Tyrann. trig. 32.7).

Из числа упомянутых в главе узурпаторов особое внимание привлекает некто Сатурнин. Его жизнеописание расположено ближе к концу главы, когда автор вычерпал из имеющихся у него источников большую часть информации. Интересен этот узурпатор тем, что на первый взгляд кажется совершенно реальным лицом, коль скоро узурпатор с таким именем[4] известен по сообщениям античных авторов (Kienast 2004: 256–257) и, что крайне важно, данным нумизматики (Webb 1968: 591). Время его активности выпадает на правление императора

[3] Данные рукописей к этому месту — смотри во втором томе SHA в издании Холя (Hohl 1965: 94).

[4] На монетах содержится его полное имя: Гай Юлий Сатурнин. Чтобы не путать его с Сатурнином — современником Галлиена (Сатурнин-узурпатор), далее будем называть эту персону Юлием Сатурнином.

Проба, но с учетом свободно расширяющихся хронологических рамок в рассказе «Требеллия Поллиона» о тиранах это могло бы нас не смущать. Однако коллега «Требеллия Поллиона», «Флавий Вописк», предвосхищает такой ход мысли и сообщает, что это разные люди (SHA Firmus et al. 11.1). Впрочем, ряд исследователей справедливо отмечал некоторые параллели между их жизнеописаниями (Stein 1921: 213; Hohl 1939: 130; Estiot 2002: 239; Johne 2008: 49). Еще один Сатурнин фиксируется в фастах как коллега императора Галлиена по консульству в 264 году. Однако попытки отождествить Сатурнина-узурпатора и Сатурнина-консула, встречающиеся в историографии (Jones, Martindale, Morris 1971: 805), упираются в молчание «Требеллия Поллиона», которое нельзя объяснить авторской безалаберностью: Сатурнин-консул известен автору (SHA Gall. duo 10.1[5]); кроме того, в жизнеописании еще одного узурпатора, Цензорина, он приводит подробный перечень должностей, где мы встречаем и двукратный консулат (SHA Tyrann. trig. 33.1). Принимая широко распространенное мнение о том, что Сатурнин-узурпатор — вымышленное лицо (Barnes 1972: 171; Estiot 2002: 239; Kienast 2004: 230), мы, тем не менее, не можем попросту отбросить его жизнеописание. Несмотря на отсутствие исторической информативности, оно является по-своему уникальным памятником — фантастической биографией вымышленного императора. В этой связи интерес вызывают прототипы вымышленного узурпатора и авторский метод написания вымышленной биографии.

Знакомство читателя с биографией Сатурнина начинается с фразы, которая призвана представить героя читателю: Optimus ducum Gallieni temporis, sed Valeriano delectus, Saturninus fuit (SHA Tyrann. trig. 23.1). Характерно само построение предложения: сведения, рекомендующие протагониста, предваряют его собственное имя. Жизнеописание начинается со слова optimus («наилучший»), которое сразу указывает, что речь пойдет о достойном человеке (vir bonus). Титул optimus в римской историографии имел прочные ассоциации с именем

[5] Впрочем, С. Эстиот, отмечая «соседство» Сатурнина-узурпатора и Сатурнина-консула, видит в этом сознательный шаг автора, стремящегося вызвать нужные ассоциации (Estiot 2002: 239). Составители старой «Просопографии Римской империи» не соотносили известия о Сатурнине-консуле и Сатурнине-узурпаторе (Rohden, Dessau 1897: 176). С этим согласен и Т. Д. Барнс (Barnes 1972: 171).

императора Траяна. Эта отсылка особенно примечательна в контексте imitatio Traiani — идеологической практики, распространенной среди императоров позднего Рима[6]. Прием сравнения с Траяном известен нашему автору: он использует его в жизнеописаниях узурпатора Викторина (SHA Tyrann. trig. 6.6) и Клавдия Готского (SHA Claud. 2.3; 18.4). С точки зрения информативности предложение на первый фраза весьма обстоятельно: мы узнаем, что Сатурнин был отмечен императором Валерианом («но особенно любил его Валериан») и принадлежал к числу лучших военачальников Галлиена (отметим еще раз, что автор при этом молчит о консулате, который бы позволил ему придать рассказу большую достоверность). Высокое положение Сатурнина в армии подтверждается «Требеллием Поллионом» и в жизнеописании Галлиена (SHA Gall. duo 9.1). Однако при более тщательном рассмотрении становится ясно, что достойное положение при дворе Валериана и Галлиена — общее место. Сюжет о том, как Валериан выделял кого-то из военачальников, повторяется «Требеллием Поллионом» в жизнеописании императора Клавдия Готского (SHA Claud. 14) и «Флавием Вописком» — в биографиях императоров Аврелиана (SHA Aurel. 8–14) и Проба (SHA Probus 4). Примечательно, что в биографии Аврелиана этот рассказ сопровождается фантастической историей о том, как его усыновил влиятельный советник Валериана и дальний родственник Траяна, некто Ульпий Кринит. Здесь примечательно соединение таких мотивов, как расположение Валериана и отсылка к образу Траяна. Таким образом, первая фраза являет собой соединение элементов, разработанных в других жизнеописаниях сборника; никакой уникальной информации здесь нет. Единственное конкретное известие — это указание, что мы должны локализовать пик карьеры и узурпацию Сатурнина в рамках правления императора Галлиена, при этом конкретной даты не дано[7].

Представив Сатурнина читателю, автор переходит к обстоятельствам провозглашения, которые сопровождает краткой характеристикой персонажа: hic quoque, cum dissolutionem

---

[6] Яркими примерами является пропаганда императоров Константина Великого, стремившегося состязаться с Траяном в славе (Barnes 2014: 165–166), и Феодосия Великого, который был земляком Траяна и претендовал на родство с ним (Epitome de caes. 48.8).

[7] К.-П. Йоне предлагал датировать эту вымышленную узурпацию 262 годом (Johne 2008: 49).

Gallieni, pernoctantis in publico, ferre non posset et milites non exemplo imperatoris sui sed suo regeret, ab exercitibus sumpsit imperium, vir prudentiae singularis, gravitatis insignis, vitae amabilis, victoriarum barbaris etiam ubique notarum. Характеристика Сатурнина не выходит за рамки обычных свойств, которыми должен обладать vir bonus — это prudentia (благоразумие) и gravitas (достоинство). Здесь эти качества важны еще и для того, чтобы противопоставить Сатурнина Галлиену, моральный облик которого критикует античная традиция. Соответственно, вполне логично выглядит причина провозглашения — невозможность терпеть распущенность Галлиена. «Требеллий Поллион» во введении к жизнеописаниям «тридцати тиранов» рассматривает эту причину в глобальном смысле и полагает, что она в принципе обусловила все узурпации в означенный период времени (SHA Tyrann. trig. 1). Примечательно, что провозглашению предшествовала какая-то внутренняя борьба Сатурнина: будучи «лучшим полководцем» Галлиена, т. е. служа ему, он, тем не менее, «управлял воинами не по способу своего императора (Галлиена — И. М.), а по своему собственному». Таким образом, в нескольких словах автор предлагает драматическую картину постепенного разочарования достойного полководца в правителе, итогом чего становится узурпация. Интересно, что у «Флавия Вописка» узурпатор Юлий Сатурнин, обращаясь к солдатам после провозглашения, подчеркивает свое уважение к императору Пробу: me aemulum esse cupitis, cui libens cedo et cuius esse dux cupio (SHA Firmus et al. 10.3). Учитывая представленное выше исследовательское мнение о сходстве жизнеописаний двух Сатурнинов, отметим важное различие: моральная проблема первого состоит в разочаровании императором, которому он хотел бы служить, тогда как второй императором не разочарован, но волей солдат принужден от него отложиться.

Далее автор переходит к краткому описанию церемонии провозглашения: hic ea die, qua est amictus a militibus peplo imperatorio, contione adhibita dixisse fertur: commilitones, bonum ducem perdidistis et malum principem fecistis. Говоря о «дне» провозглашения, автор не дает никаких указаний на конкретную дату. Более того, нет и косвенных данных, которые помогли бы ее вычислить — единственным хронологическим указанием является правление Галлиена. Неизвестно также, какие военные части представляли солдаты, провозгласившие Сатурнина императором. Отметим, что в отношении иных

узурпаторов «Требеллий Поллион» более аккуратен. К примеру, об Ингенуе он сообщает: «Tusco et Basso consulibus <…> Ingenuus, qui Pannonias tunc regebat, a Moesiacis legionibus imperator est dictus, ceteris Pannoniarum volentibus» (SHA Tyrann. trig. 9.1). Здесь присутствует точная датировка по консулам («в консульство Туска и Басса» = 258 год), дополненная временем пребывания Ингенуя в конкретной должности («Ингенуй, управлявший тогда Паннониями»), а также указание не только на военные части, осуществившие провозглашение, но и на легионы, которые это решение поддержали («был провозглашен мезийскими легионами с согласия прочих паннонских легионов»). Это обстоятельство указывает нам на примечательную странность авторского поведения: «Требеллий Поллион», перейдя уже непосредственно к узурпации, т. е. к кульминации жизнеописания, не трудится предложить читателю какие-то уточняющие детали, чтобы придать своему рассказу большую убедительность.

Из деталей провозглашения особое внимание привлекает императорская инсигния, а также речь самого нового императора. В качестве символа власти названо некое одеяние — peplum imperatorium. Peplum — деталь женского гардероба[8], потому не совсем ясно, что автор имеет в виду. Отечественные комментаторы (Доватур 1992: 369) обратили внимание на деталь в жизнеописании другого узурпатора, Цельза: его, за неимением подходящего облачения, нарядили в peplum со статуи местной богини (SHA Tyrann. trig. 29.1). В схожей ситуации оказался и Юлий Сатурнин (SHA Firmus et al. 9.3): он был наряжен в облачение богини Венеры[9]. Отметим, что использование детали женского гардероба находит параллель с рассказом Аммиана Марцеллина о провозглашении августом цезаря Юлиана, в ходе которого воины предлагали ему возложить на голову, за неимением диадемы, что-то из украшений жены. Юлиан отвечал, что «женское украшение было бы неподходящей приметой для первого момента власти» (Res Gest. XX.4.18). Vir bonus, обряженный в непонятное женское

[8] Само слово заимствовано из греческого, где означает, среди прочего, накидку, надеваемую на статую Афины (Oxford Latin Dictionary 1964: 1326). В этом качестве peplum упомянуто у Вергилия (Aen. I.480).

[9] Р. Сайм видит сходство этих деталей провозглашения Цельза и Юлия Сатурнина, однако эпизод с интересующим нас Сатурнином обходит стороной, хотя он ему также известен (Syme 1968: 56).

облачение, выглядит несколько неуклюже, и эта неуклюжесть интересным образом соотносится с речью Сатурнина. Автор приводит его слова: commilitones, bonum ducem perdidistis et malum principem fecistis («соратники, вы потеряли хорошего полководца и создали плохого государя»). Ставший на путь узурпации из чувства неприятия к Галлиену, Сатурнин вдруг обнаруживает нежелание принимать власть. Однако слова его правильно увязать с внутренней борьбой, о которой автор сообщает выше, а также общей нелепостью ситуации, когда для провозглашения использован элемент женского гардероба. Подобно Юлиану, Сатурнин имел все основания заметить, что, начавшись так нелепо, его правление не будет удачно. Характерно, что свои слова он произносит перед солдатами, которых впервые собрал на сходку в своем новом качестве. Здесь, кажется, автор использует неоднократно озвученную в сборнике SHA мысль о том, что для военачальника провозглашение императором — своеобразный рубеж, после которого он неизбежно потерпит неудачу. Объяснение этой мысли выражено в словах императора Проба, передаваемых «Флавием Вописком»: «Это вам невыгодно, воины, вам со мной не будет хорошо: ведь я не могу заискивать перед вами» (SHA Prob. 10.5). В письме Проба к префекту претория Капитопу (по всей видимости, фиктивном) содержится расшифровка этой мысли: «Отказаться от дела, навлекающего на меня столько ненависти, мне нельзя. Я должен играть ту роль, какую навязали мне воины» (SHA Prob. 10.6–7). Иными словами, между ролями полководца и императора SHA проводят определенное различие, суть которого состоит в том, что первому подобает быть строгим и требовательным, тогда как второму — более мягким в отношении солдат. Естественно, что vir bonus, не могущий меняться в силу своей внутренней убежденности, станет «плохим императором» в том смысле, что он будет плох для солдат, ожидающих от него заискивания. Пример тому — император Проб, типичный vir bonus[10], который, борясь с бездельем солдат, изнурял их сельскохозяйственными работами (SHA Prob. 21.2). Еще один важный аспект — именно сам факт узурпации. Сатурнин — по задумке автора — тиран, но стал он таковым на волне солдатского мятежа. Таким образом, автор развивает трагичес-

[10] «Флавий Вописк» подчеркивает, что Проб был достойным человеком, неоднократно обыгрывая значение его имени: probus — честный (SHA Prob. 4.3; 8.5).

кий мотив безвыходной ситуации: связывавший с узурпацией высокие цели, герой очевидно разочарован от осознания, что стал лидером мятежных солдат, потакать которым, к тому же, не сможет в силу личных убеждений.

Этот пессимизм Сатурнина определяет всю дальнейшую логику рассказа: denique cum multa strenue in imperio fecisset, quod esset severior et gravior militibus ab iisdem ipsis a quibus factus fuerat interemptus est (SHA Tyrann. trig. 23.4). Гибель Сатурнина представлена как результат развития его качеств: он strenuus, т. е. «деятельный» (каковым и бывает vir bonus), а его gravitas приобретает оттенок суровости (severitas). Итогом становится низвержение и гибель от рук воинов, «тех же самых, которые объявили его императором» — как отмечает автор.

Впрочем, автор не завершает жизнеописание на этой драматичной ноте, а предлагает вниманию читателя анекдот: huius insigne est quod convivio discumbere milites, ne inferiora denudarentur, cum sagis iussit, hieme gravibus, aestate perlucidis (SHA Tyrann. trig. 23.5). Это сообщение автора выпадает из общего контекста жизнеописания и своей курьезностью разрушает весь накал драматизма. Рассказ выглядит несколько запоздалой попыткой придать жизнеописанию конкретику: не сообщив точной даты выступления Сатурнина, не дав географической привязки, автор вдруг решает представить читателю конкретное распоряжение узурпатора. Это тем более заметно, что «Требеллий Поллион» указывает на «примечательность» решения Сатурнина. Сама суть распоряжения ничтожна: она касается порядка поведения за столом, хотя до этого речь шла о военачальнике, который встал на путь узурпации из чувства сопротивления недостойному Галлиену. Примечательно и то, что Сатурнин учитывает погодные изменения, предлагая воинам в летний период времени тончайшие, прозрачные (perlucida) плащи. Это плохо соотносится с образом строгого военачальника. Отметим, впрочем, что сам сюжет мог быть подсказан автору его наработками. В жизнеописании Галлиена «Требеллий Поллион» сообщает, что при этом императоре военные стали возлежать на императорских пирах в поясах, между тем как до того они их снимали. Наиболее вероятной причиной этого нововведения автор считает случай, когда Салонин, сын императора Галлиена, снял с оставленных военными поясов драгоценные украшения (SHA Gall. duo 22.2–3). Этот анекдот автор точно также оставляет «на закуску» и помещает его в завершение жизнеописания Галлиена и его сына

Салонина. Свой рассказ он завершает словами о том, что подобные сведения кажутся ему «достойными того, чтобы их отметить и запомнить». Застольное нововведение Сатурнина он также считает «замечательным». Таким образом, перед нами «замечательная» подробность, которая кажется сконструированной по образцу и призванной внести в очень литературное жизнеописание элемент исторической конкретики. Впрочем, здесь авторское решение выглядит неудачным.

Подведем итог всему сказанному. Жизнеописание узурпатора Сатурнина, несмотря на очевидно вымышленный характер, является сложным литературным произведением. Во-первых, при небольшом объеме оно богато аллюзиями. Некоторые из них лежат на поверхности: Сатурнин имеет тезку и «коллегу» (тоже узурпатора) во времена правления Проба, ему, как и целой плеяде императоров этого периода, некогда покровительствовал Валериан. Иные требуют от читателя знакомства с римской историей, как в случае с не совсем очевидной отсылкой к образу Траяна. Во-вторых, жизнеописание Сатурнина являет собой искусную ловушку для историка: минимальное количество конкретики внутри самого текста отчасти компенсируется данными вне его. Это касается не только жизнеописания Юлия Сатурнина, где нарочито подчеркивается, что два Сатурнина не являются одним и тем же лицом, но и сообщением о консульстве некоего Сатурнина в 264 году. Известие о консуле Сатурнина вынесено в жизнеописание Галлиена, где соседствует с упоминанием узурпатора: автор делает все, чтобы максимально сблизить два эти элемента, однако не дает окончательного ответа о тождестве консула и узурпатора. Третье примечательное обстоятельство — это драматизм. В немногих словах автор дает читателю представление о развитии внутреннего убеждения своего героя, показывает его эмоциональное состояние. Сатурнин переживает два разочарования: вначале Галлиеном, а затем своим выступлением. Эта линия завершается его трагической гибелью, которая вызвана нежеланием поступиться своими качествами, среди которых — требовательность и строгость. Неудачен лишь финал, которым автор пытается через анекдот привнести элемент конкретики. Впрочем, сама его вторичность и нелепая курьезность позволяет предполагать здесь авторскую шутку.

Список сокращений

CUP — Cambridge University Press.
SHA — Scriptores Historiae Augustae.
PLRE — Prosopography of the Later Roman Empire.
PIR — Prosopographia Imperii Romani.
PWRE — The Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft (Pauly–Wissowa).

Список литературы

Albrecht, M. von. 2005: Istoriya rimskoy literatury [Geschichte der römischen Literatur]. T. III. Moscow: Yu. A. Shichalin's Graeco-Latin Caninet.
Альбрехт, М. фон. 2005: История римской литературы. Т. III. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.
Barnes, T. D. 1972: Some Persons in the Historia Augusta. Phoenix 26 (№2), 140–182.
Barnes, T. D. 2014: Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Malden–Oxford–Chichester: Blackwell Publishing Ltd.
Birley, A. 2003: The Historia Augusta and Pagan Historiography. In: Marasco G. (ed.). Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. Leiden–Boston: Brill, 127–149.
Dovatur, A. I. 1992: Vlasteliny Rima: biografii rimskikh imperatorov ot Adriana do Diokletiana [Masters of Rome: imperial biographies from Hadrian to Diocletian]. Moscow: Nauka.
Доватур А. И. 1992: Властелины Рима: биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М.: Наука.
Estiot, S. 2002: Le tyran Saturninus: le dossier numismatique. In: Bonamente, G. Paschoud F. Historia Augustae Colloquium Perusinum VIII. Bari: Edipuglia, 209–241.
Hengst, D. den 2010: Emperors and Historiography: Collected Essays on the Literature of the Roman Empire. Leiden; Boston: Brill.
Hohl. E. 1939: Triginta Tyranni. In: PWRE. VIIA. 13. Halbband, 129–132.
Hohl, E. 1965: Scriptores Historiae Augustae. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
Johne, K.-P. 2008: Die Histora Augusta. In: Johne K.-P., Hartmann U. und Gerhardt T. Die Zeit der Soldatenkaiser. I. Band. Berlin: Akademie Verlag, 45–52.
Jones, A. H. M, Martindale, J. R., Morris, J. 1971: PLRE. Vol. I. Cambridge: CUP.
Kienast, D. 2004: Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
Oxford Latin Dictionary. Oxford: at the Calrendon Press, 1968.

Rohden, P. de, Dessau, H. 1897: PIR. Pars III. Berolini: apud G. Reimerum.
Southern, P. 2001: The Roman Empire from Severus to Constantine. London–New York: Routledge.
Stein, A. 1921: Saturninus. In: PWRE. IIA. Halbband III, 213.
Syme, R. 1968: Ammianus and the Historia Augusta. Oxford: at the Clarendon Press.
Webb, P. H. 1968: RIC. Vol. V, part. II. London: Spink & son, Ltd.

DOI:10.30842/ielc230690152553

В. Т. Мусбахова
(Фессалоники, Греция)

ДВЕ ТРАДИЦИИ АМАЗОНОМАХИИ У ПЛУТАРХА (*THES*. 27). ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

В *Thes*. 27 Плутарх излагает две традиции об аттической амазономахии, так что одна из них встроена в контекст другой. Одна восходит к патриотическому мифу, господствовавшему в послеперсидский период в искусстве и официальном дискурсе Афин, и повествует о сражении Тесея и афинян с амазонками, победа в котором отмечается на Боэдромиях. Другая представлена версиями, зафиксированными в аттидографической литературе 4 в. до н. э., согласно которым война с амазонками была долгой и закончилась мирным соглашением, а похищенная амазонка воевала на стороне Тесея; в память об этом афиняне приносят жертвы амазонкам перед праздником Тесея (в месяце Пианопсион). Версии этой традиции могут восходить к легендам конца 6 в. до н. э., возникшим как продолжение известного в это время мифа о похищении Антиопы. В патриотическом мифе, возникшем из этой традиции под впечатлением от персидского нашествия, Амазономахия была переосмыслена как битва афинян с иноземным агрессором, в результате чего фигура похищенной амазонки и вместе с ней связь с исходной традицией в нем были элиминированы, а сам миф стал использоваться как аналогия победы в Марафонской битве, а затем в войнах с персами в целом. Празднование этого события на Боэдромиях, в месяце, когда была одержана Марафонская и другие победы над персами, связано с новым развитием мифа, тогда как жертвоприношение амазонкам перед праздником Тесея является наследием старой традиции конца 6 в. до н. э.

Ключевые слова: Плутарх, Тесей, Антиопа, амазонки, амазономахия, Боэдромии.

V. T. Musbakhova
(Thessaloniki, Greece)

Two Traditions of Amazonomachy in Plutarch (Thes. 27). Preliminary Observations

In *Thes*. 27, Plutarch relates two traditions of the Attic Amazonomachy, one embedded into the other. The first tradition according to which Theseus and Athenians had defeated the Amazons in a single battle, whose victorious conclusion was celebrated at the Boedromia reflects the patriotically colored myth that dominated in the art and the official

discourse of Athens after the Persian Wars. The other one, attested in 4th century BC Atthidographers, tells of a long war against the Amazons in which Antiope (or Hippolyte) fought on Theseus' side and which ended in a peace treaty. In commemoration of that event, the Athenians sacrificed to the Amazons on the eve of the festival of Theseus (in the month of Pyanopsion). This tradition is likely to go back to legends that emerged in the late 6th century BC as a development of the story of the rape of Antiope. In the patriotic myth that arose from this tradition under the impact of the Persian invasion, the Amazonomachy was reinterpreted as a battle between the Athenians and a foreign aggressor — a story that could be easily analogized with the battle of Marathon and the Persian wars as a whole and in which any mention of the rape of Antiope as the main cause of the Amazons' attack on Attica was predictably suppressed. The celebration of this event at the Boedromia, in the month in which the battle of Marathon as well as other victories over the Persians took place, seems to have originated in the new patriotic tradition, while the sacrifice to the Amazons at the festival of Theseus in the month of Pyanepsion is probably inherited from the late 6th century version.

Keywords: Plutarch, Theseus, Amazons, Antiope, Amazonomachy, Boedromia.

В рамках повествования о приключениях Тесея (Plut. *Thes*. 26–27), связанных с амазонками, Плутарх рассказывает о войне с ними в Аттике, причиной которой послужило похищение Антиопы (Plut. *Thes*. 27). В этой главе отчетливо различимы две традиции аттической амазономахии.

1. Первая традиция передается кратко: πολὺν δὲ χρόνον ὄκνος ἦν καὶ μέλλησις ἀμφοτέροις τῆς ἐπιχειρήσεως, τέλος δὲ Θησεὺς κατὰ τι λόγιον τῶι Φόβωι σφαγιασάμενος συνῆψεν αὐταῖς. ἡ μὲν οὖν μάχη Βοηδρομιῶνος ἐγένετο μηνὸς, ἐφ' ἧι τὰ Βοηδρόμια μέχρι νῦν Ἀθηναῖοι θύουσιν (долгое время было промедление и нерешительность с обеих сторон, но наконец Тесей, как говорят, принеся жертвы Фобосу вступил с ними в сражение. Битва произошла в месяце Боэдромионе, в день, когда афиняне до нынешних времен празднуют Боэдромии).

2. Вторая традиция представлена как минимум двумя версиями, важнейшее отличие которых от предыдущей состоит в том, что это была не битва, а длительная война, закончившаяся мирным соглашением: ἀλλὰ τοῦ γε τὸν πόλεμον εἰς σπονδὰς τελευτῆσαι μαρτύριόν ἐστι ἥ τε τοῦ τόπου κλῆσις τοῦ παρὰ τὸ Θησεῖον, ὅνπερ Ὁρκωμόσιον καλοῦσιν, ἥ τε γινομένη πάλαι θυσία ταῖς Ἀμαζόσι πρὸ τῶν Θησείων (но свидетельством того, что война закончилась мирным соглашением, является название места рядом с Тесейоном, которое зовется Горкомосион [от

ὅρκος ‘клятва’], а также жертвоприношение амазонкам, совершавшееся в древности перед праздником Тесея).

Первое сообщение в тексте Плутарха выглядит некой вставкой, ибо он начинает свой рассказ, говоря о войне и даже предшествовавшей активным «боевым действиям» оккупации амазонками большой части Аттики: …οὐ γὰρ ἐν ἄστει κατεστρατοπέδευσαν οὐδὲ τὴν μάχην συνῆψαν ἐν χρῶι περὶ τὴν Πνύκα καὶ τὸ Μουσεῖον, εἰ μὴ κρατοῦσαι τῆς χώρας ἀδεῶς τῆι πόλει προσέμειξαν <...> τὸ δ’ ἐν τῆι πόλει σχεδὸν αὐτὰς ἐνστρατοπεδεῦσαι μαρτυρεῖται καὶ τοῖς ὀνόμασι τῶν τόπων καὶ ταῖς θήκαις τῶν πεσόντων (…и они бы не встали лагерем в городе, и не сражались бы в ближнем бою у Пникса и Мусейона, если бы, овладев страной, не вошли в город без опаски <...> о том же, что они разбили лагерь почти в самом городе свидетельствуют названия мест и могилы погибших).

Это введение по сути подготавливает пересказ версии Клейдема, подробно излагающего топографию амазономахии, где упоминаются Пникс и Мусейон, но вместо того, чтобы сразу к ней и перейти, Плутарх сначала вставляет выше процитированный текст (1) и лишь затем переходит к Клейдему.

Еще одна черта отличия между двумя традициями — это присутствие и роль в описываемых событиях похищенной амазонки. Поскольку в предыдущей главе Плутарх излагал разные версии похода Тесея в страну амазонок и приобретения там Антиопы, глава о войне с амазонками в Аттике начинается связующей фразой: Πρόφασιν μὲν ταύτην ὁ τῶν Ἀμαζόνων πόλεμος ἔσχε… (Таков был предлог войны амазонок…). Однако в выделенном пассаже первой традиции амазонка не играет никакой роли и даже не упоминается. Напротив, в версиях второй традиции ее роль значительна. Так, у Клейдема, который называет амазонку Ипполитой, она явилась посредницей при заключении мира с амазонками: τετάρτωι δὲ μηνὶ συνθήκας γενέσθαι διὰ τῆς Ἱπολύτης· Ἱπολύτην γὰρ οὗτος ὀνομάζει τὴν τῶι Θησεῖ συνοικοῦσαν, οὐκ Ἀντιόπην (на четвертый же месяц при посредничестве Ипполиты был заключен мир; ибо он [Клейдем] называет спутницу Тесея Ипполитой, а не Антиопой). Из этого сообщения следует, что похищенная Тесеем амазонка в войне со своими соплеменницами была на его стороне. В другой версии этой традиции, которую тут же приводит Плутарх, амазонка также воевала на стороне Тесея и погибла сраженная амазонкой Молпадией: ἔνιοι δέ φασι μετὰ τοῦ Θησέως μαχομένην πεσεῖν τὴν ἄνθρωπον ὑπὸ Μολπαδίας

ἀκοντισθεῖσαν, καὶ τὴν στήλην τὴν παρὰ τὸ τῆς Γῆς τῆς Ὀλυμπίας ἱερὸν ἐπὶ ταύτηι κεῖσθαι (некоторые же говорят, что сражавшаяся вместе с Тесеем амазонка пала пораженная дротиком Молпадии и что на ее могиле у святилища Геи Олимпийской установлена стела). Эти сведения передает и Павсаний, из которого мы дополнительно узнаем, что Молпадия в свою очередь погибла от руки Тесея и что в Афинах была известна и ее могила.[1]

Основные элементы второй традиции, присутствующие в разных версиях, можно суммировать следующим образом: поводом к войне стало похищение Антиопы (Ипполиты); война была долгой и завершилась не победой Тесея, а заключением мира с амазонками, при посредничестве похищенной амазонки или без него; последняя выступала на стороне Тесея; афиняне совершают жертвоприношение амазонкам перед праздником Тесея, т. е. в месяце Пианопсионе. Первую же традицию представляет компактная версия о сражении с амазонками, закончившемся, очевидно, победой Тесея, поскольку афиняне празднуют это событие жертвоприношением на Боэдромиях (т. е. в месяце Боэдромионе); похищенная амазонка никакой роли в этой истории не играет. Говоря, что сражение произошло после долговременной нерешительности с обеих сторон, Плутарх, очевидно, стремится вписать эту чужеродную традицию в контекст длительной войны с амазонками, изначально заданный им в этой главе.

Одним из источников сведений Плутарха о второй традиции был Клейдем, аттидограф, писавший в середине IV в. до н. э. Другим могла быть устная традиция (ἔνιοι δέ φασι ср. с Paus. 1.2.1. Ἀθηναῖοι δέ φασιν), что не исключает ее письменной фиксации у аттидографов того же времени. Что касается первой традиции, то она, на наш взгляд, представляет собой отголосок патриотического мифа об амазономахии, сложившегося в Афинах в процессе войн с персами. Выделить ее как таковую позволяет взгляд из другой перспективы, от истоков мифа. Там мы находим историю о похищении Антиопы, которая пользовалась заметной популярностью в аттическом искусстве, прежде всего в вазописи, в сравнительно короткий промежуток времени примерно с 610 по 490 гг. до н. э. (Bothmer 1957: 124–30).

[1] Paus. 1. 2. 1: ἐσελθόντων δὲ ἐς τὴν πόλιν ἐστὶν Ἀντιόπης μνῆμα Ἀμαζόνος <...> Ἀθηναῖοι δέ φασιν, ἐπεί τε ἦλθον Ἀμαζόνες, Ἀντιόπην μὲν ὑπὸ Μολπαδίας τοξευθῆναι, Μολπαδίαν δὲ ἀποθανεῖν ὑπὸ Θησέως. καὶ μνῆμά ἐστι καὶ Μολπαδίας Ἀθηναίοις.

В этот период, судя по вазам, широко распространяется и цикл новых подвигов Тесея (на пути из Трезены в Афины), отражая его превращение не только в общеаттического героя, но и в аттическую альтернативу Геракла (Walker 1995: 51f.). Подобно мифу о похищении Тесеем Елены, вызвавшем поход Диоскуров на Аттику (Зайцев 2006), сюжет о похищении Антиопы должен был спровоцировать продолжение в виде рассказа о походе мстящих амазонок против Тесея (Mills 1997: 31). Однако для раннего времени мы располагаем единственным вероятным письменным свидетельством о некоем подобии аттической амазономахии: в *Тесеиде*, как сообщает Плутарх, рассказывалось о том, что амазонки явились на свадьбу Тесея и Федры по призыву оставленной Антиопы и были перебиты пришедшим на помощь Гераклом (Plut. *Thes*. 28. 1–2)[2]. Это не означает, что в это время не существовало других версий мифа об аттической амазономахии. По свидетельству Плутарха, у Пиндара сыном Антиопы и Тесея был Демофонт, а не Ипполит, как в *Тесеиде* (Plut. *Thes*. 28. 2), а значит, она имела законный статус (Barrett 1964: 9) и могла быть во время нашествия амазонок на стороне Тесея[3]. Если такая история была, она, очевидным образом сближается с традицией аттидографов, сохраненной Плутархом, но истоки ее должны лежать в более раннем времени. О репрезентациях аттической амазономахии в искусстве до начала персидских войн мы ничего не знаем.

В послеперсидский период, напротив, в искусстве наблюдается всплеск интереса именно к теме амазономахии, причем она приобретает явственные черты мифологической аналогии победы над персами. Особенно показательно здесь монумен-

---

[2] Время создания *Тесеиды* является дискуссионным вопросом, но немало исследователей считают, что ее можно отнести к последней трети VI в. до н. э., полагая, что она повлияла на появление в вазописи ранее неизвестных сюжетов тесеевского цикла — группы приключений Тесея по дороге из Трезены в Афины (Jacoby 1949: 394f.; Barrett 1964: Mills 1997: 19f.). Роль Геракла в отражении нападения амазонок, на наш взгляд, является весомым аргументом в пользу архаической *Тесеиды* (ср. миф о спасении Тесея Гераклом из Аида, известный с начала VI в. до н. э., см. Mills 1997: 11, n. 38), поскольку в позднейших аттических амазономахиях протагонистом всегда является Тесей.

[3] Это возможно при условии, что три фрагмента Пиндара, связанные с амзонками (похищение Антиопы: Pi. fr. 175 S = Paus. 1. 2.1; рождение Демофонта: Pi. fr. 176 = Plu. *Thes*. 28. 2; поход амазонок против Тесея: Pi. fr. 174 S = Paus. 7. 2. 7), относились к одному нарративу.

тальное искусство. В Тесейоне (475), в Пестрой стое (конец 460-х), в Парфеноне (440-е гг. до н. э.) амазономахия является частью более широкой программы, иллюстрирующей разные аспекты легендарных достижений Тесея и предков афинян, внутри которой она является примером военной победы, одержанной ими в древние времена над иноземным захватчиком (Castriota 1992).

Немногочисленные упоминания в литературе V в. до н. э. представляют поход амазонок в Аттику как акт агрессии, ничего не сообщая о его причинах. Геродот пишет о победе афинян над вторгшимися в аттическую землю амазонками (Hdt. 9. 27: Ἔστι δὲ ἡμῖν ἔργον εὖ ἔχον καὶ ἐς Ἀμαζονίδας τὰς ἀπὸ Θερμώδοντος ποταμοῦ *εἰσβαλούσας* κοτὲ *ἐς γῆν τὴν Ἀττικήν*), включив ее в перечень достижений, которыми афиняне в споре с тегейцами якобы обосновывали свое право на левый фланг в сражении при Платеях (Flower, Marincola 2002: 152f.)[4]. Это первый дошедший до нас образец каталога славных деяний предков, сложившегося, согласно большинству исследователей, в традиции произнесения надгробных речей на официальных похоронах погибших в войнах, которая была установлена, скорее всего, после окончания войн с персами.[5] У Геродота амазономахия стоит рядом с участием афинян в Троянской войне и Марафонским сражением, что соответствует выбору сюжетов в живописной программе Пестрой стои[6]. В обоих

[4] Об этом споре упоминает и Плутарх, у которого Аристид дает отповедь тегейцам, говоря, что афиняне пришли не ссориться с союзниками, а сражаться с врагами; не восхвалять своих отцов, но самих себя предоставить Элладе как доблестных мужей (Plu. *Arist*. 12. 2–3).

[5] Steinbock 2013: 49f. n. 3. После Геродота все свидетельства, использующие каталог происходят из ораторской прозы V–IV вв. до н. э. (Lys. *Epit*. 4–26; D. *Epit*. 8–10; ср. Pl. *Menex*. 239 и др.). В них деяния предков перечисляются примерно в одном порядке: победа над амазонками, отражение нападения фракийцев (отсутствует у Геродота), помощь Гераклидам, захоронение тел Семерых, Марафонское сражение (как основное событие недавней истории, создающее связь между легендарным прошлым и настоящим, см. Thomas 1989: 222, 225).

[6] Кроме битвы при Эное, идентификация которой вызвала разные гипотезы (Stansbury-O'Donnell 2005: 78–81; Castriota 2005: 91f.), на картинах Стои были представлены Амазономахия, Совет ахейцев после взятия Трои и Марафонское сражение (Paus. 1. 15. 1–3). В послегеродотовких каталогах славных деяний предков вместо участия

контекстах амазономахия выступает как прямая аналогия Марафонского сражения.

Давно замечено, что из всех событий греко-персидских войн амазономахия оказалась наилучшей мифологической аналогией именно для Марафонской битвы (Kierdorf 1966: 90), поскольку она произошла в Аттике (что соответствует локализации мифа), на суше (а не на море, как Саламинское) и в ней афиняне сражались «одни» (Hdt. 9. 27: μοῦνοι Ἑλλήνων),[7] в отличие от битвы при Платеях, где победила коалиция греческих сил во главе со Спартой. Возможно, первая амазономахия этого типа была изображена на фронтальных метопах афинской сокровищницы в Дельфах, которая, по свидетельству Павсания была сооружена за счет персидских трофеев, взятых в Марафонском сражении (Paus. 10. 11. 5).[8] Вероятнее всего, именно оно и стало ключевым событием, давшим толчок рождению нового мифа, уподобившего амазонок персам. В силу естественного восприятия походов персов в материковую Грецию как иноземной агрессии предыстория аттической амазономахии — похищение Антиопы, а вместе с ним и ее роль в дальнейших событиях — были в нем преданы забвению, а сама амазономахия предстала битвой с напавшими иноземцами, которые были разгромлены афинянами во главе с Тесеем (Tyrrell 1984: 13–15; Mills 1997: 32 f.).

У Эсхила в *Эвменидах* говорится, что амазонки пришли войной из зависти к Тесею (A. *Eu*. 686). Эта мысль была позднее подхвачена Лисием, который рисует картину постепенного покорения амазонками окружающих народов, прямо отсыла-

---

афинян в Троянской войне фигурирует победа над фракийцами (см. пред. прим.)

[7] Это утверждение повторяется в афинской риторике, несмотря на участие в сражении платейцев, заслуги которых в Афинах признавались: платейцы были изображены на картине Марафонского сражения в Пестрой стое, а позднее наделены афинским гражданством (Walters 1981; Steinbock 2013: 128 ff.). Возможно, утверждая, что они сражались одни, афиняне подразумевали: без Спарты (ср. Isocr. *Areopag*. 75: καὶ *μόνοι* καὶ μετὰ Πελοποννησίων... νικήσαντες τοὺς βαρβάρους).

[8] О времени сооружения сокровищницы ведутся споры. Одни выступают за послемарафонскую дату, другие, опираясь главным образом на архаичность скульптуры, отстаивают разные даты в пределах 610–490 гг., большинство ок. 500 г. до н. э. (Coste-Messelière 1957: 259–267; Gauer 1968: 51–65; Harrisson 1965: 9–11; Bommelaer 1991: 135; Hoff 2009: 102 n. 4).

ющую к истории Персидской империи: Lys. *Epit*. 5: ἄρχουσαι δὲ πολλῶν ἐθνῶν, καὶ ἔργωι μὲν τοὺς περὶ αὐτὰς καταδεδουλομέναι, λόγωι δὲ περὶ τῆσδε τῆς χώρας ἀκούουσαι κλέος μέγα, πολλῆς δόξης καὶ μεγάλης ἐλπίδος χάριν παραλαβοῦσαι τὰ μαχομώτατα τῶν ἐθνῶν ἐστράτευσαν ἐπὶ τήνδε τὴν πόλιν (властвуя над многими народами, и на деле покорив всех соседей, слыша, однако, речи о великих достижениях этой страны, они, движимые большой надеждой снискать великую славу, взяли самые воинственные народы и выступили в поход на этот город). В целом тема захватнических устремлений амазонок, зеркально отражающая афинский образ персов, и значительность победы над ними, закономерно приведшей к победе при Марафоне, с которой начинается новая история афинского государства (Thomas 1989: 221ff.), занимает важное место в последующей риторической традиции (Tyrrell 1984: 13–19). Как Марафон в афинском сознании стал обобщением всех побед над персами, так и победная амазономахия стала их мифологическим выражением.

В этом смысле бесценно сообщение Плутарха о праздновании победы над амазонками на Боэдромиях. Его нельзя не сопоставить с тем фактом, что Марафонское сражение, так же как и остальные крупные события войн с персами (Саламинское и Платейское сражения), имели место в месяце Боэдромионе.[9]

Таким образом, уместно говорить о новом мифе о патриотической амазономахии, господствовавшем в официальном дискурсе Афин в послеперсидское время и унаследованном риторикой IV в. до н. э., и отличать его от преданий об аттической амазономахии, в которых сохранялась фигура амазонки. И здесь встает вопрос, к какому времени могут восходить легенды, которые мы находим у Плутарха и Павсания. Кажется маловероятным, чтобы истории о длительной войне, в которых похищенная амазонка играет важную роль, могли возникнуть в насыщенном патриотической риторикой контексте конца V — IV вв. до н. э., как иногда считают (Boardman 1982: 11f.). В таком случае они, вероятно, восходят к тому же времени, когда

[9] Традицию об учреждении Боэдромий в честь победы афинян над фракийцами, которая была одержана благодаря помощи Иона (Suda β 357), видимо, надо связывать с введением этого события в каталог славных деяний предков, что произошло, судя по всему, после Геродота, не упоминающего об этом свершении в своем каталоге. Победы над амазонками и фракийцами в позднейшей традиции были тесно сопряжены.

возник сам миф о похищении Антиопы, но были записаны в появившейся позднее аттидографической литературе, аккумулировавшей местные предания и легенды. Если допустить, что *Тесеида*, в которой рассказывалось о разгроме амазонок Гераклом на свадьбе Тесея и Федры была создана около или до 620 г. до н. э., когда появляются первые вазы с изображениями подвигов тесеевского цикла (Mills 1997: 19), то ближе к концу VI века до н. э., когда заметно возросла популярность Тесея как нового, аттического Геракла, как раз и мог сложиться миф, в котором вместо Геракла нападение амазонок отражает Тесей и афиняне. Тогда же, возможно, появился и обычай совершать жертвоприношение амазонкам перед праздником Тесея, накануне 8 Пианопсиона (о существовании Тесейона и, следовательно, праздника Тесея в VI в. до н. э. см. Arist. *Ath*. 15. 4). Представить наполнение такого мифа патриотическим содержанием в создавшихся исторических обстоятельствах гораздо легче, чем допустить возникновение нового мифа из ничего или из легенды о разгроме амазонок Гераклом.

Литература

Barrett W. S. 1964: Euripides. Hippolytos. Oxford.

Boardman J. 1982: Heracles, Theseus and Amazons. In: D. Kurtz and B. Sparkes (eds.). *The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens*. Cambridge, 1–28.

Bommelaer J.-F. 1991: *Guide de Delphes. Le Site*. Paris

Bothmer D. von 1957: *Amazons in Greek Art*. Oxford

Castriota D. 2005: Feminizing the Barbarian and Barbarizing the Feminine. Amazons, Trojans, and Persians in the Stoa Poikile. In: Ju. M. Barringer, J. M. Hurwit (eds.). *Periclean Athens and its Legacy. Problems and Perspectives*. Austin, 89–102.

Coste-Messelière P. de la 1957: *Les sculptures du Trésor des Athéniens*. Fouilles de Delphes. Vol. IV. Fasc. 4. Paris

Gauer W. 1968: *Weihgeschenke aus den Perserkriegen*. Tübingen.

Harrisson E. B. 1965: *Archaic and Archaistic Sculpture*. The Athenian Agora. Vol. XI. Princeton; New Jersey.

Jacoby F. 1949: *Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxford.

Hoff R. von den 2009: Heracles, Theseus and the Athenian Treasury at Delphi. In: P. Schulz (Hrsg.). *Structure, Image, Ornament: Architectural Sculpture of the Greek World*. Oxford, 96–104.

Kierdorf W. 1966: *Erlebnis und Darstellung der Perserkriege*. Göttingen.

Mills S. 1997: *Theseus, Tragedy and the Athenian Empire*, Oxford.

Stansbury-O'Donnell M. D. 2005: The Painting Program in the Stoa Poikile. In: Ju. M. Barringer, J. M. Hurwit (eds.). *Periclean Athens and its Legacy. Problems and Perspectives*. Austin, 73–87.

Steinbock B. 2013: *Social Memory in Athenian Public Discourse. Uses and Meanings of the Past*. Ann Arbor.

Thomas R. 1989: *Oral Tradition and Written Record in Classical Athens*. Cambridge.

Walker H. J. 1995: Theseus and Athens. New York; Oxford.

Zaitsev A. I. 2006: [Alcman's Hymn to the Dioscuri and Its Epic Sources]. In: *Issledovanija po drevnegrecheskoj I indoevropejskoj poesii* [*Works on Ancient Greek and Indo-European Poetry*] Series "Iz nasledija A. I. Zajtseva". Vol. IV. SPb., 165–296.

Зайцев, А. И. 2006: Гимн Диоскурам Алкмана и его эпические источники. В сб.: *Исследования по древнегреческой и индоевропейской поэзии. Серия «Из наследия А. И. Зайцева»*. Т. IV. СПб., 165–296.

DOI:10.30842/ielc230690152554

Л. Э. Найдич (Еврейский университет, Иерусалим)
Е. А. Либерт (Ин-т филологии СО РАН, Новосибирск)

PLAUT ИЛИ *PLOT*? К ИЗУЧЕНИЮ РАЗВИТИЯ ВОКАЛИЗМА В НИЖНЕНЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ МЕННОНИТОВ

В статье исследуется один из аспектов структуры и развития фонологии нижненемецкого диалекта меннонитов (*плаутдитч*). Материалы лингвистического архива В. М. Жирмунского — анкеты, заполненные информантами в 20-х годах XX века — сравниваются с данными современных диалектов сибирских меннонитов. В центре нашего внимания фонетико-фонологический статус гласных [aʊ]/[ɔ:] (< *a*) в исконно закрытом слоге. Дифтонгизация *a* в этой позиции была характерным признаком меннонитского диалекта, что следует и из заполненных носителями диалекта в 20-е гг. анкет в архиве Жирмунского: *daut* ‘das’, *Maun* ‘Mann’, *kaum* ‘Kamm’. В ряде современных говоров *плаутдитч* этот дифтонг по данным литературы подвергся изменениям: он перешел в долгий открытый лабиализованный монофтонг [ɔ:]. Анализ данных, собранных в последние годы в местах компактного проживания носителей диалекта в Сибири, показывает варьирование дифтонга и нового монофтонга. При этом произношение с отчетливым дифтонгом *au* считается говорящими архаизмом.

Цель нашего исследования — понять, каков ход развития указанного изменения и каковы его последствия для фонологической системы.

Ключевые слова: диахроническая фонология, германская диалектология, нижненемецкий диалект меннонитов (*Plautditsch*), дифтонгизация, монофтонгизация.

L. Naiditch (Hebrew University, Jerusalem)
E. A. Libert (Institute of Philology, Siberian Branch of RAS)

Plaut or *Plot*? Studying the development of the vowel system in the Mennonite Low German dialects

The article examines one of the synchronic and diachronic aspects of the phonology of the Mennonite Low German dialect (*plautditch*). Materials of the linguistic archive of V.M. Zhirmunsky — questionnaires completed by informants in the 1920s, are compared with the data of modern dialects of Siberian Mennonites. The paper is focused on the phonetic-phonological status of the vowels [aʊ] / [ɔ:] (<a) in originally closed syllable. Diphthongization of a > au in this position was a

characteristic feature of the Mennonite dialect, which also follows from the questionnaires filled by speakers in the 1920s in Zhirmunsky's archive: *daut* ‘das’, *Maun* ‘Mann’, *kaum* ‘Kamm’. In a number of modern *plautditch* dialects, this diphthong, according to the literature, was changed to a long open labialized monophthong [ɔ:]. An analysis of the data collected in recent years in the places of compact residence of the speakers of this dialect in Siberia and Altai region shows the variation of the diphthong and the new monophthong. At the same time, pronunciation with a distinct diphthong *au* is considered by speakers as archaism.

The purpose of our research is to understand the mechanism and the course of development of this change, as well as its consequences for the phonological system.

Key words: diachronic phonology, German dialectology, Mennonite Low German (*plautditsch*), diphthongization, monophthongization.

1. Меннониты как представители особой этно-конфессиональной общности

Меннониты — последователи одной из старейших протестантских церквей, основанной бывшим католическим священником Менно Симонсом (1496–1561), уроженцем Фрисландии (ныне Нидерланды). В 1543 году он стал епископом всех меннонитов (Penner 1984: 46–51). Основные принципы и правила учения Менно Симонса, сохранившиеся до сих пор в меннонитских общинах, — это принятие авторитета Библии как главного источника вероучения, крещение во взрослом возрасте, полное отрицание насилия, в том числе, невозможность воинской службы. Меннониты не признавались ни в Германии, ни в Нидерландах; они считались сектантами. Их особенно тяжелые столкновения с правительствами были вызваны отказом от военной службы. Около двух с половиной веков новой родиной основной группы меннонитов была область в Западной Пруссии, в низовьях Вислы, недалеко от Данцига (территория современной Польши). Именно там сформировался диалект меннонитов — последующие изменения лишь модифицировали его.

После первого раздела Польши (1772 г.) область около Данцига, где жили меннониты, отошла к Пруссии, и члены общины вступили в конфликт с прусским правительством из-за отказа от воинской повинности. Тогда и началось переселение меннонитов в Российскую империю. Меннониты воспользовались политикой Екатерины II, которая приглашала иностранных колонистов для развития сельского хозяйства и заселения

обширных пустующих территорий Причерноморья и Поволжья, недавно отвоеванных Россией у Оттоманской империи. Привилегии, предоставленные Екатериной II иностранным колонистам, включали свободу вероисповедания и освобождение от военной службы. Переселение меннонитов в Россию началось в 1789 году и продолжалось вплоть до 70-х годов XIX века. Первые меннонитские колонии (так называемые «старые») были основаны на Днепре, недалеко от Запорожья (Хортица) (см. Gameo. Chortitza)

Другая группа колоний была создана несколько позже (начиная с 1804 года) вблизи Мелитополя на реке Молочная. В результате роста населения из этих первичных (материнских) колоний формировались новые (дочерние). Они возникли вблизи Мариуполя, на Дону, в Крыму, на Волге, на Северном Кавказе, в Оренбургской области. Важный меннонитский центр возник в Александровском (Мариупольском) уезде Екатеринославской губернии, куда переселились меннонитские семьи из Хортицы. Первые меннониты в Сибири появились на территории Омского и Тюкалинского уездов в самом конце 1890-х гг. — начале XX в. В 1907 г. сформировалась и меннонитская община в Акмолинской области. К 1912 г. официально существовала Павлодарская меннонитская братская община. 1910–1914 гг. — время активного оформления меннонитских общин на Алтае. Вследствие депортации российских немцев, включая меннонитов, в 1940-х гг., меннонитские колонии на территории Украины и центра СССР были ликвидированы. Жители колоний оказались в Сибири (Алтайский край, Омская обл. и др.) и в Казахстане. Сибирские меннониты — это прежде всего потомки тех, кто добровольно переехал сюда в конце XIX–XX в. Доля депортированных среди них не так велика, частично это также дети тех, кто был сначала депортирован в Казахстан, а затем уехал в Сибирь. В разное время целым группам меннонитов удавалась эмигрировать. Сегодня наиболее крупные общины меннонитов существуют в Канаде, США, Бразилии, Уругвае, Белизе и Аргентине. Возникли они и в Германии в результате эмиграции российских немцев в последние десятилетия. Сохранение диалекта меннонитов в целом ряде общин во всем мире вызвано традицией и сознанием принадлежности к особому религиозному течению. Многочисленные переселения колонистов вызывали возможное смешение первоначальных диалектов, но в своих основных чертах *плаутдитч* сохранялся и широко употреблялся в семейной жизни.

2. Диалект меннонитов *плаутдитч* и его изучение

Меннонитский диалект относится к нижнепрусскому типу говоров, существовавших до второй мировой войны в области около Данцига — Гданьска (*die Danziger Nehrung* — в настоящее время Польша) (Mitzka 1930: 7, Moelleken 1987). Контактные языки — польский и кашубский, затем русский, украинский, а также для диалектов отдельных общин английский, испанский, португальский — оказали на него влияние в основном в области лексики (Thiessen 1963: 162–199), реже в сфере некоторых грамматических категорий (Гринева 1979). Меннонитские говоры в разных географических регионах в большой степени сходны между собой, их носители понимают друг друга. Сохранение этого диалекта и даже его переход в некоторых общинах в статус письменного языка связаны с желанием сохранить религиозные основы меннонитского учения[1].

Укрепление языкового статуса меннонитского диалекта, как и окончательное формирование *плаутдитч* за пределами Германии, позволяют некоторым исследователям считать его не просто одним из нижненемецких диалектов, но «дочерним языком немецкого» (*Tochtersprache des Deutschen*, *Ausbausprache*). Старые различия между говорами хортицкой и молочанской групп (Siemens 2012: 47–51) сегодня в большой степени стираются; но возникают и новые. Часто сами носители *плаутдитч* отмечают такие языковые региональные различия: «Они говорят не так, как мы» (см. сноску 4).

Первыми научными исследователями диалекта меннонитов были Вальтер Митцка (Mitzka 1922, 1924, 1930) и Якоб Квиринг (Quiring 1928), диссертация которого была посвящена диалекту Хортицы. В. М. Жирмунский поставил в 20-х годах задачу изучения немецких колоний на территории СССР. Им и его коллегами и учениками был собран обширный материал по фольклору и диалектам российских немцев. Был организован целый ряд экспедиций в районы Украины, Крыма, Ленинградской области (Svetozarova 2013, Žirmunskaja, Starec, Naiditsch, Svetozarova 2016). Кроме полевых исследований, в работе по описанию диалектов немцев-колонистов была использована и методика рассылки анкет,

[1] Здесь особенно важной оказывается деятельность отдельных ученых-активистов, которые разрабатывали возможные варианты фиксации *плаутдитч*, например, Г. Ремпель (Канада), И. Канакин (Россия), Х. Сименс (Германия).

заимствованная у составителей Немецкого Лингвистического Атласа (*Deutscher Sprachatlas*). Основу косвенного метода изучения диалектов группой В. М. Жирмунского составляла большая анкета, содержавшая 3 части:

1) 40 предложений немецкого диалектолога Георга Венкера (*Wenkers Sätze*),

2) 200 слов, добавленные Жирмунским с целью более систематического исследования фонетических и грамматических особенностей диалекта,

3) сведения о колонии и информанте, который заполнял анкету.

Исследователи просили носителей разных немецких диалектов на территории СССР перевести слова и фразы с литературного немецкого на их родной диалект.

Жирмунский и его ученики успели лишь частично обработать и опубликовать этот материал. Помимо целого ряда статей, ученый издал книгу о немецких диалектах на Украине, где затрагиваются и особенности меннонитских диалектов (Жирмунский 1928: 55). В результате начавшихся в 30-е годы репрессий против российских немцев, а также против их исследователей, работы были остановлены. Благодаря усилиям В. М. Жирмунского и его жены Нины Александровны Жирмунской, материалы исследований были сохранены и находятся сегодня в архиве РАН в Санкт-Петербурге. Постепенно они вводятся в научный оборот[2]. В ходе первичного изучения архива Жирмунского были выделены и частично обработаны анкеты, относящиеся к меннонитским диалектам (Naiditsch 2015, 2017). В них представлены меннонитские говоры областей Кривой Рог, Херсон, Луганск и Мариуполь (папки 391–394). На их основе проделана первая часть данного исследования. Вторая часть основана на работе с информантами — носителями диалекта меннонитов, проделанной Е. А. Либерт в марте 2019 г. и октябре 2020 г. на территории Сибири. Частично полевой материал собирался в деревнях Немецкого национального района на Алтае (Протасово, Шумановка, Кусак). Большая часть данных записана от респондентов

---

[2] В 2013–2016 гг. работы выполнялись при поддержке РГНФ, проект: «Германистические архивы в Санкт-Петербурге. Научная обработка архива В. М. Жирмунского в СПФ АРАН», проект № 13-04-00369. В работе участвовали Н. Д. Светозарова, Л. Э. Найдич, Л. Н. Пузейкина.

из деревни Неудачино (граница Новосибирской и Омской областей, Татарский район), где по нашим данным проживает 142 носителя меннонитского диалекта.

3. Дифтонгизация кратких гласных в *плаутдитч*

Одна из характерных черт диалекта меннонитов — дифтонгизация краткого *a* в закрытом слоге, кроме позиции перед заднеязычным согласным и *r*. Эта специфическая особенность почти совсем не имеет параллелей на немецкой диалектной карте. Речь идет о словах типа лит. нем. *das* и др. Ср. широко представленные в диалектных записях слова: *daut* ‘das, dass’, *Maun* ‘Mann’, *plaut* ‘platt’, *Kaum* ‘Kamm’, *aundasch* ‘anders’. Наличие дифтонга, восходящего к *a* в таких словах, отмечалось уже первыми исследователями *плаутдитч* (Quiring 1928: 53, Mitzka 1922: 118, Mitzka 1924: 8–9). Вальтер Митцка дал точную локализацию этого явления в нижненемецких говорах на довоенной диалектной карте: диалекты области около Данцига (*Nehrungsmundarten*); при этом он отмечает, что носители диалекта пишут в этих словах обычно *a*, но в литературе встречается интересное замечание: настоящий житель Данцига называет свой город *Daunzich*. (Mitzka 1922: 118). Митцка приводит зарегистрированные им примеры: *Faut* ‘Fass’, *kraub* ‘Krabbe’, *zaul* ‘soll’, *paup* ‘Pappe’, *kaum* ‘Kamm’, *blaus* ‘blass’. Фонетическое описание этого дифтонга находим во многих исследованиях — как старых, так и современных. Митцка отмечает велярный характер *a*, за которым следует глайд (*Gleitlaut*). Так же описывает этот дифтонг в плаутдитч Алтайского края Г. Г. Едиг: *a* произносится как слегка огубленный гласный заднего ряда, а последующий звук носит характер сверхкраткого *u*-образного неслогового элемента (*u-Nachschlag*) (Jedig 1966: 20). Первый компонент дифтонга может реализоваться «как чистый *a*, либо как сверхоткрытый *ɔ*»: *aupəl* ‘Apfel’, *glaut* ‘glatt’, *daut* ‘das’, *gaust* ‘Gast’, *baul* ‘Ball’, *launt* ‘Land’, *daunsə* ‘tanzen’ (Jedig 1966: 21–22). Возможны колебания перед *ld*, *lt* (Jedig, там же). И. Е. Авдеев (Avdeev 1963: 94) отмечает, что «ядро дифтонга [ou] воспринимается на слух как нечто среднее между [o] и [a], а вторая часть как едва улавливаемое [u]». Ср. также в (Tolksdorf 1985: 327), где отмечается, что в исконных колониях произносилось *au,* а в дочерних «может возникнуть полудолгое *oa*». Фонологический статус рассмат-

риваемого дифтонга как самостоятельной фонеты не вызывает сомнений.

Закрытый слог является позицией и другого изменения гласных: [ɛ] переходит в /a:/, кроме как перед *l* или *n* + *Kons*: [bra:t] ‘Brett’, [va:dɒ] ‘Wetter’. Это новое удлиненное [a:] совпадает с удлиненным [a:] перед заднеязычным, как в [da:x] ‘Tag’. Таким образом, в закрытом слоге /ɛ/ > /a/ > /a:/; /a/ > [au]/, /[ɔu]/ (>[ɔ:]). В то же время *a:*, *a* в открытом слоге подверглись сужению и огублению (*Verdumpfung*): /ʃlo:pə/ ‘schlafen’, /vo:tə/ ‘Wasser’ (частое изменение в немецких диалектах, ср. Жирмунский 1956: 239).

Итак, оказывается, что количественная оппозиция /a/ — /a:/ исчезла из системы (Kanakin, Wall, 1994: 11)[3]. При этом фонема /a:/ может реализоваться и как долгий, и как полудолгий (Nieuweboer 1998: 66). Соответствующим образом выглядят чередования по умлауту, имеющие грамматическую функцию: /gɔʊns/ ‘Gans’ — /ja:ns/ ‘Gänse’, где мы видим отражение умлаута *a* / *ɛ*, из чего следует, что умлаут предшествовал указанным изменениям. Рассматриваемое изменение гласных можно считать цепью притяжения и отталкивания: ɛ > a > a:, a > (a:) > au. Однако приведенные выше типичные для прусского нижненемецкого в районе *Danziger Nehrung* изменения вокализма сложно объяснить чисто системными факторами. Неясно, например, почему предпочтительной для этих сдвигов позицией был закрытый слог и что было первым толчком изменений. Исчезновение количественной оппозиции /a/ — /a:/, нарушающее симметрию вокализма, вряд ли можно объяснить потребностью системы. То же можно сказать и о появлении в результате возникшей в последнее время монофтонгизации дифтонга фонемы /ɔ:/. И. А. Канакин исходил в своих объяснениях из закономерностей развития системы. Он считал дифтонгизацию и последующую монофтонгизацию проявлением общей тенденции к сужению долгих гласных в *плаутдитч* — процесс, который начался еще до переселения меннонитов в Российскую империю: a > a: > au > ou > o: (*land* > *la:nd* > *laund* > *lound* >

[3] В Kanakin, Wall, 1994: 11 показывается, что в диалекте сибирских меннонитов эта оппозиция утрачена, однако не исключается, что в других меннонитских говорах, например, в старом хортицком и молочанском, она сохранена благодаря краткости гласного в словах типа /dax/.

lo:nd). (Канакин И. А., 2017, рукописный материал из домашнего архива ученого).

Как известно, дифтонгируются обычно долгие гласные. Растягивание (*Zerdehnung*), происходившее в целом ряде нижненемецких диалектов, исследователи связывают с позицией открытого ударного открытого слога (Lasch 1914: 36). Однако ряд описаний нижненемецких диалектов показывает и примеры удлинения гласного в закрытом слоге. Дело в том, что свободное примыкание (*schwach geschnittener Akzent*, *loser Anschluss*) возможно и в закрытом слоге перед lenes. На это указывал, например, Феликс Вортман (Wortmann 1970: 334), исследовавший нижненемецкие диалекты. Ср. также (Kusmenko, Naiditsch 1992), где даны примеры слабого примыкания и удлинения гласного именно в закрытом слоге в ряде германских языков и диалектов. Удлинение (растягивание) гласного в закрытом слоге как стадия развития гласного в *плаутдитч*, предшествующая дифтонгизации, не зафиксирована, хотя и возможна (ср. приведенную выше реконструкцию Канакина). Возможна, по-видимому, и непосредственная дифтонгизация краткого гласного как следствие свободного примыкания — *Kürzendiphthongierung*.

Дифтонг /ɔu/ или монофтонг /ɔ:/?

В анкетах из архива Жирмунского находим следующие слова, интересующие нас в связи с данной темой: das, Mann, alle, anders, fasten, Kasten, Hand, Wand, Kamm. Гласный в этих словах информанты обозначали обычно как диграф *au*. Колония Николайталь, область Кривой Рог: *daut* ‘das’, *Maun* ‘Mann’, *aundasch* ‘anders’, *aula* ‘alle’, *Hauspel* ‘Haspel’, *Haund* ‘Hand’, *Waund* ‘Wand’, *fausten* ‘fasten’, *Kausten* ‘Kasten’; то же самое колония Карасан, Симферопольская область, Крым: *Maun*, *daut*, *aundri*, *Haund*; то же Александровка, район Высокополье, Херсон: *daut*, *Kausti*, *fausti*, *Haunt* и т. д. в многочисленных анкетах. Письменный облик соответствующих слов в материале из архива кажется единообразным. При внимательном просмотре анкет в архиве Жирмунского оказывается, однако, что это единообразие все же иногда нарушается. Например, в анкете из Херсонской области, район Высокополье, почтовая станция Тиге находим следующие написания: *daut*, *Maun*, *aundri*, *aula*, но *Hond*, *Wond*. В диалекте из Луганской области, колония Ротер Штраль, Ивановка: *Maun*, *Haund*, но *wout* ‘was’,

Wound ‘Wand’. Эти «исключения» можно рассматривать как переход к отчетливой лабиализации дифтонга и к его монофтонгизации в /ɔ:/.

Традиции записи слов через *au* прослеживается и в наши дни. Так, изданные на *Plautdietsch* в Германии и в Канаде словари и публицистика отображают рассматриваемый звук исключительно как *au*: *Maun*, *waut*, *daut* (Rempel 1984, Plautdietsch Frint 2012), то же в тексте Нового Завета, перевод которого на *плаутдитч* был сделан в Канаде И. Нейфельдом: *gauns, aundasch, haud* (‘hatte’) и др. (Daut Niehe Testament 1987). Более того, именно на таком написании настаивают составители вышедшего недавно в Германии словаря *Plautdietsch* (Tiessen 2019).

Плаутдитч Сибири выступает как язык устного общения в быту, поэтому доступных для анализа письменных источников крайне мало. Но мы видим, что в словарных материалах, собиравшихся исследователями-носителями нижненемецкого диалекта меннонитов в Омске в 70–80е гг. в написании преобладает *au*: *maun*, *daut*, *glaus* ‘Glas’, *glaut* ‘glatt’, *grauf* ‘Grab’, но *hɔ:ma* ‘Hammer’ (Валл / Ведель / Едиг 1978–1981). В записях диалектных рассказов Генриха Классена (Оренбургская область, 1962–1975 гг.) (Klassen 1993) указанные словоформы пишутся через *au.*

Вместе с тем, исследователи языка меннонитов Сибири указывают на появление на месте старого *au* в закрытом слоге монофтонга /ɔ:/ (Kanakin, Wall 1994, Nieweboer 1998). Открытое /ɔ:/ в этих примерах было замечено и Л. Э. Найдич в работе с информантами из Оренбурга (Naiditsch 2001: 245, 2007: 256–257). Согласно И. Канакину и М. Валл, в сибирском диалекте меннонитов наблюдается вариативность [kɔum] и [kɔ:m] ‘Kamm’ и др., а Р. Нивебур указывает на формы с /ɔ:/ (типа ‘Kamm’) как на основные для говоров сёл Полевое и Протасово. Параллелью такому изменению гласных служит диалект меннонитов в Мексике: [dɔ:t] ‘das’, [glɔ:s] ‘Glas’, [mɔ:n] ‘Mann’ (Brandt 1992: 43–56).

Фонетико-фонологический статус [ɔ:] и [ɔʊ] в современных диалектах сибирских меннонитов

Диалект меннонитов в Сибири сегодня еще можно услышать в деревнях, традиционно считающихся немецкими, — Протасово, Полевое, Орлово на Алтае, Миролюбовка, Солн-

цевка, Петровка, Аполлоновка в Омской области, деревня Неудачино в Новосибирской области. Носители *плаутдитч* (или *платтдойч*, как говорят они сами) проживают компактно, соседствуя с носителями других немецких диалектов и с русскоязычным населением.

Представленный далее материал собран Е. А. Либерт в деревнях Немецкого национального района на Алтае (Протасово, Кусак, Шумановка) и в деревне Неудачино Новосибирской области. Записи свободной неподготовленной речи на диалекте были сделаны во время лингвистической экспедиции на Алтай (октябрь 2020 г.). Специально для данного исследования был составлен опросник, содержащий словоформы с исконным /a/ в закрытом слоге (всего около 50 слов разной частеречной отнесенности). Наиболее подробное исследование было проведено с тремя респондентами из деревни Неудачино (деревня находится на границе Новосибирской и Омской областей). Слова были записаны на диктофон при двукратном их произнесении и далее затранскрибированы. Кроме того, в нашем распоряжении имелась аудиозапись анкеты Жирмунского от современного носителя диалекта (записано весной 2019 г.). Во всех случаях учитывались и фиксировались все возможные комментарии респондентов. Работа велась с носителями языка разных поколений.

Далее мы приводим частотные слова, соответствующие литературным немецким ‘das, Mann, Land, was, anders, Kaspar’ (Неудачино Новосибирской области; Шумановка и Протасово Алтайского края). Все респонденты в таблице — женщины в возрасте от 50 до 65 лет[4].

---

[4] Хотелось бы особо отметить, что разница в произношении отдельных звуков, в особенности гласных, является характерной чертой не только разных населенных пунктов, где проживают «*плотдиче*» (носители «меннонитского диалекта»); часто эта разница может быть внутри одной семьи (в случае, если один из супругов прибыл из другого места, а это очень частое явление). Меннониты по-прежнему стараются жениться / выходить замуж «за своих», перемещаясь, например, из Омской области на Алтай и т. д. Поэтому выражение «они говорят немного не так, как мы» можно услышать очень часто и о жителях других деревень, с которыми, как правило, существует постоянное тесное общение, и о соседях по улице, и даже о ком-то из семьи.

Таб. 1. Слова с гласным, восходящим к краткому *а* в закрытом слоге.
Table 1. Words with a vowel, originating from short *a* in a closed syllable.

	Неудачино	Шумановка	Протасово
das	dɔʊt	dɔ:t	dɔ:t
Mann	mɔʊn	mɔʊn	mɔ:n
Land	lɔʊnt	lɔ:nt	lɔnt
was	vɔ:t	vɔ:t	vɔ:t
anders	ɔʊndaʃ	ɔ:ndaʃ	ɔ:ndaʃ
Kaspar	kɔ:spa	kɔ:spa	kɔ:spa

Собранный материал показывает варьирование [ɔ:], открытого монофтонга заднего ряда средне-нижнего подъема, и дифтонга [ɔʊ] в речи современных носителей *плаутдитч* в трех деревнях Сибири и Алтайского края. Ср. другие примеры варьирования гласного в одном и том же слове: [vɔ:nt] / [vɔʊnt] ‘Wand’; [hɔ:nt] / [hɔʊnt] ‘Hand’; [kɔ:spa] / [kɔʊspa] ‘Kaspar’; [hɔ:spa] / [hɔʊspa] ‘Haspel’; [krɔ:mp] / [krɔʊmp] ‘Krampf’ (д. Неудачино). Звуки [ɔ:] и [ɔʊ] находятся в отношении свободного варьирования, они входят в состав слов с одним и тем же значением, нигде не вступают в оппозицию и, следовательно, являются факультативными вариантами одной и той же фонемы (Trubezkoj 1960: 53). При этом один из вариантов (дифтонг или монофтонг) может закрепиться за определенным словом: [dɔʊt], но [vɔ:t], что подтвердили пять информантов разного возраста из Неудачино. Причину этой закрепленности пока установить не удалось (ударность? частотность?). Дифтонг закреплен и в слове [fɔuste] ‘fasten’, которое рассматривается носителями диалекта как «старое, традиционное». В этом случае наличие дифтонга можно объяснить семантическими и стилистическими причинами.

Важен и возраст информанта. Наиболее четкое, ясное произношение дифтонга характерно, по нашим наблюдениям, для речи старших носителей, тогда как в речи молодежи это скорее монофтонг /ɔ:/[5]. Дифтонг /ɔʊ/ характеризуется говорящими в своей первой части как переходный («не *о* и не *у*»), а второй элемент (ʊ) может быть слышен в некоторых словах как

[5] Варьирование произношения в зависимости от возраста говорящего в приведенной таблице не дается. Его подробное исследование еще предстоит.

«призвук». Что касается *a*-образного ядра дифтонга, зафиксированного в написании *au* в анкетах Жирмунского и в литературе на диалекте и о диалекте (*maun*, *daut*, *launt*), то такое произношение в рассматриваемых говорах нами не замечено. Одна из информантов (Неудачино), рассуждая о том, как правильно произносить указанный звук, сказала: «Наши родители и бабушки так могли говорить — *launt*, *plautdietsch*, сейчас люди скажут проще: *lont*, *plotdietsch*». Однако вывод о возникновении монофтонга на месте дифтонга в указанных словах даже в произношении молодого поколения нельзя считать однозначным. Информанты указывают на «краткий призвук у (ʊ)» после *o*. Более того, учительница немецкого языка из деревни Неудачино со стажем работы более 40 лет рассказала о регулярной ошибке, которую на протяжении десятилетий делали и продолжают делать дети, говорящие на *плаутдитч* и начинающие учить литературный немецкий язык. В словах с гласными *a* и *o* в корне дети часто пишут дифтонг: *Maun*, *daus*, *Waund*, а также *Brout* (вместо Mann, das, Wand, Brot). Перед нами слова, хорошо известные детям в диалекте, и они переносят привычку произносить дифтонг или дифтонгоид в этих же словах и на литературный немецкий. Если бы они воспринимали гласный в этих словах в диалекте как монофтонг, одни едва ли допускали бы такие ошибки.

Анализ звучащей речи носителей меннонитского диалекта из сел Протасово и Шумановка Алтайского края показывает скорее преобладание долгого [ɔ:], и это подтверждают данные Р. Нивебура, собиравшего там материал в 90е гг.

Показательны следующие оппозиции, возможные во всех изученных нами диалектах, но наиболее характерные для говоров Алтайского края:

/ɔ:/ и /ɔ/: /ɔ:s/ ‘als и /ɔs/ ‘Ochse’; /kɔ:m/ ‘Kamm’ и /kɔm/ ‘komm’; /rɔ:d/ ‘Rad’ и /kɔp/ ‘Kopf’, /gɔ:s/ ‘Gasse’ и /fɔks/ ‘Fuchs’; /mɔ:n/ ‘Mann’ и /dɔm/ ‘dumm’;

/ɔ:/ и /ɔa/: /ʃtɔ:t/ ‘Stadt’ и /ʃtɔat’/ ‘stark’; /dɔ:t/ ‘das’ и /dɔa/ ‘dort’;

/ɔ:/ и /əu/: dɔ:t ‘das’ и dəut ‘tot’;

/ɔ:/ и /u:/: /vɔ:t/ ‘was’ и vu:ta ‘Wasser’; /ɔ:p/ ‘auf’ и /u:p/ ‘Affe’; /ribəlplɔ:ts/ ‘Ribbelplots, вид пирога’ и /plu:ts/ ‘Backblech’.

/ɔ:/ и /a/: /gɔ:s/ ‘Gasse’ и /gaz/ ‘Gas’, /ɔ:pəl/ ‘Apfel’ и /apəl/ ‘Äpfel’.

Что касается оппозиции /ɔ:/ — /o:/, то она присутствует в речи многих информантов, однако, например, у носителей из Неудачино долгое закрытое /o:/ переходит в /u:/: ср. варианты

[vu:tɒ], [vo:tɒ] ‘Wasser’ (Nieuweboer 1998: 27–28, 71). Сужение долгих гласных соответствует общей тенденции развития вокалической системы *плаутдитч*, а, с другой стороны, устраняет асимметрию системы, т. е. противопоставление двух долгих одному краткому.

Рассматриваемые изменения можно реконструировать следующим образом: a > a: > au > ou > ɔʊ > ɔ: Такой сдвиг привел к образованию новой фонемы /ɔ:/; но фонетическое изменение в недрах одной и той же фонемы шло очень постепенно, с разной скоростью в разных говорах. Возможно, что уже в меннонитских диалектах на территории Пруссии и затем Украины первая часть дифтонга была велярной и несколько огубленной, хотя воспринималась как *а*, о чем свидетельствуют многочисленные записи. Огубленный вариант стал преобладать в говоре меннонитов Сибири. Его дальнейшая трансформация в долгий /ɔ:/ произошла, очевидно, не так давно — в конце прошлого века. Монофтонгизация приводит к образованию новой фонемы. Поскольку новый вариант не затрагивает сферу варьирования аллофонов других фонем, варьирование [ɔʊ] / [ɔ:] в одном и том же слове не затрагивает различительных возможностей языка. Это варьирование в одном и том же слове зависит от стиля речи (более полный или более разговорный), но иногда тотили иной вариант чаще используется в определенном слове или в зависимости от преференций информанта.

Заключение и выводы

В статье рассматривалось изменение, затронувшее фонологическую систему меннонитских диалектов (*плаутдитч*). Сравниваются данные хранящихся в архиве Жирмунского лингвистических анкет, заполненных носителями *плаутдитч* в 20-е годы прошлого века, со сведениями, полученными в настоящее время в ходе работы с носителями меннонитских говоров Сибири. Дифтонг, восходящий к краткому *а* в закрытом слоге фиксировался носителями диалектов в анкетах Жирмунского как *au*, за исключением нескольких случаев, отражающих, очевидно, тенденцию к его изменению. В современных диалектах меннонитов этот дифтонг часто переходит в монофтонг: открытое долгое /ɔ:/, не совпадающее с имеющимся в системе долгим закрытым /o:/. Было обнаружено, что в диалектах сёл Сибири, где живут носители *плаутдитч* в одних и тех же словах возможны и дифтонг [ɔʊ], и монофтонг [ɔ:]. Они представляют собой факультативные варианты, нигде не противопоставленные друг другу и не меняющие смысл слова.

Соответствующие дифтонг и монофтонг могут произноситься в одном и том же диалекте. Произношение рассмотренных слов с отчетливым дифтонгом, прежде всего с [au], где первая часть мало огублена, воспринимается, однако, как архаизм и более характерно для старшего поколения. В отдельных случаях монофтонг закрепляется за определенным словом: например, чаще говорят [vɔ:t] ‘was’, а не [vɔʊt], но [dɔʊt] ‘das, dass’; при этом, как уже было сказано выше, многочисленные дублеты свидетельствуют об отсутствии противопоставления дифтонга и монофтонга.

Выявление причин рассматриваемого изменения наталкивается на трудности. Монофтонгизация дифтонга вызывает, казалось бы, нежелательную с точки зрения системы асимметрию в вокализме: краткому /ɔ/ противостоят теперь две фонемы, /ɔ:/ и /o:/. Правда, последующий переход /o:/ в /u:/, наблюдающийся в речи многих информантов, может эту асимметрию устранить.

Поиски фонологических причин рассматриваемой нами монофтонгизации, таким образом, оказываются безуспешными. Если сдвиг гласных не нужен системе фонем, то можно было бы обратиться к чисто фонетическим причинам. Удлиненное огубленное ядро дифтонга и последующий краткий также огубленный глайд можно считать «нестабильным, склонным к монофтонгизации звуком». Происходит лабиализация и удлинение ядра дифтонга, и втягивание в него глайда. Однако, как известно, такие чисто фонетические объяснения не выдерживают критики.

В связи с поисками причин изменения и статуса новой фонемы возникает еще один вопрос. Какое место дифтонги (а их в *плаутдитч* много) занимают в системе, каковы их различительные признаки? Дифтонгизация как будто выбрасывает фонему из системы корреляций, не лишая ее, конечно, способности образовывать оппозицию. Монофтонгизация вернула рефлекс ср.н.нем. /a/ в систему корреляций. Эти соображения не объясняют причину рассматриваемого явления, но показывают его последствия.

Еще один важный для нас вопрос — фонологические различия между монофонемными дифтонгом, дифтонгоидом и монофтонгом — вопрос, который нельзя решить путем слуховой фонетики и инструментальных исследований. В связи с этим интересны описанные выше ошибки детей в написании слов литературного немецкого: *Maun* вместо *Mann.*

Изучение диалекта меннонитов Сибири и Алтайского края требует продолжения, в том числе новых записей «на местах» и работы с информантами. Меннонитский нижненемецкий, сохранившийся сегодня в разных концах земного шара, представляет собой одну из интереснейших разновидностей германских языков. Его изучение вносит вклад в типологию этих языков, в том числе в типологию их развития. Представленные нами данные показывают трудности фонологической интерпретации языкового материала даже при возможностях разного рода анализа.

Библиография

Avdeev, I. E. 1963: [The system of vocalic phonemes in Low German dialects of the Atai Region]. *Lingvisticheskiy sbornik. Novosibirskiy Gosudarstvennyj Pedagogicheskiy Instutut. Uchenye zapiski* 119, 83–99.
Авдеев, И. Е. 1963: Система гласных фонем нижненемецких говоров Алтайского края. Лингвистический сборник. *Новосибирский Гос. Пед. Ин-т. Ученые записки*. 119, 83–99.

Brandt, C. 1992: *Sprache und Sprachgebrauch der Mennoniten in Mexiko*. Marburg: N. G. Elwert Verlag. (= Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.V. Bd. 61).

Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online http://www.gameo.org/encyclopedia/contents/D5350ME.html. 15.IV.2021.

Gameo. Menn Simons. https://gameo.org/index.php?title=Menno_Simons_(1496-1561)

Gameo. Chortitza https://gameo.org/index.php?title=Chortitza Mennonite Settlement_(Zaporizhia_Oblast,_Ukraine).

Grineva, N. M. 1979: *Morfologiya imeni sushchestvitel'nogo i glagola v nizhnenemeckom govore sela Kusak Altayskogo kraya. Avtoreferat kandidatskoy dissertacii*. Leningrad, 1979. Гринева, Н. М. 1979: *Морфология имени существительного и глагола в нижненемецком говоре села Кусак Алтайского края*. АКД. Л.

Jedig, H. 1966: *Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai-Gebiets*. Berlin: Akademie (= Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. 112.5).

Kanakin, I., Wall, M. 1994: *Das Plautdietsch in Westsibirien*. Groningen: Rijksuniversiteit Groningen (Lingua Mennonitica. [Unpubliziertes Manuskript].)

Klassen, H. 1993: *Mundart und plautdietsche Jeschichte*. Marburg: N. G. Elwert Verlag. (= Schriftenreihe der Komission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.V. Bd. 65).

Lasch, A. 1914: *Mittelniederdeutsche Grammatik*. Halle a.S. Verlag von Max Niemeyer.

ttps://archive.org/details/mittelniederdeut00lasc/page/n5/mode/2up. 5.IV. 2021.

Mitzka, W. 1922/1968: Dialektgeographie der Danziger Nehrung. *Zeitschrift für deutsche Mundarten*, 117–134 (Wiederabdruck in: Mitzka, W. 1968: *Kleine Schriften zur Sprachgeschichte und Sprachgeographie*. Berlin: Walter de Gruyter, 191–210).

Mitzka, W. 1924: Sprachgeschichtliche Streifzüge auf der Danziger Nehrung. *Aus Festgabe des Deutschen Heimatbundes Danzig*. 3–21.

Mitzka, W. 1930: *Die Sprache der deutschen Mennoniten*. Danzig: Kasemann (= Heimatblätter des Deutschen Heimatbundes. Heft 1).

Moelleken, W. W. 1987: Die linguistische Heimat der rußlanddeutschen Mennoniten in Kanada und Mexiko. *Niederdeutsches Jahrbuch, Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung* 110, 89–123.

Naiditsch, L., Kusmenko Yu. 1992: Kurzsilbigkeit und ihre Beseitigung. Eine skandinavisch-oberdeutsche Parallele. In: *Sowjetische Skandinavistik: eine Anthologi*e. Hrsg. von Lilja Popowa. Frankfurt am Main: Verlag P. Lang. Texte und Untersuchungen zur Germanistik und Skandinavistik, 30. S.279–287.

Naiditsch, L. 2001: Die Entwicklung des Vokalismus im Mennonitenplatt. *Beiträge zu Linguistik und Phonetik. Festschrift für Joachim Göschel zum 70.Geburtstag.* Hg. Von Angelika Braun. Stuttgart: Steiner, 242–256 (= Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Beihefte. H.118).

Naiditsch, L. 2007: Archaismus und Innovation in den deutschen Inselmundarten. Phonologie des Mennonitenplatt. In: *Perspektiven Zwei. Akten der 2. Tagung Deutsche Sprachwissenschaft in Italien*. (Rom, 9.-11. Februar 2006). Hrsg.von Claudio Di Meola, Livio Gaeta, Antonie Hornung und Lorenza Rega. Roma 2007. Instituto Italiano di Studi Germanici. Italienische Studien zur deutschen Sprache 3. S. 253–260.

Naiditsch, L. 2015: Das Mennonitenplatt (Plautdietsch) nach den Fragebögen aus dem Archiv Schirmunski. Teil I. Probleme des Konsonantismus. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. Bd. LXXXII, H. 3, 331–349.

Naiditsch, L. 2017: Zur Lexik im Mennonitenplatt nach dem Archiv von V. M. Schirmunski. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 21, 1012–1036. https://tronsky.iling.spb.ru/static/tronsky2017.pdf

Penner, H. 1984: *Weltweite Bruderschaft*. 4. Auflage / H. Penner, H. Gerlach, H. Quiring. Weierhof: Mennonitischer Geschichtsverein.

Plautdietsch Frind. 2012 / 13. Utgow № 26. Rutjewa: Plautdietsch-Freunde e.V. 39 S.

Siemens, H. 2012: *Plautdietsch: Grammatik, Geschichte, Perspektiven* / H. Siemens. Bonn: Tweeback.

Rempel, H. 1984: *Kjennt jie noch Plautdietsch? A Mennonite Low German Dictionary*. Winnipeg, Manitoba, Canada.

Schirmunski, V. 1928: *Die deutschen Kolonien in der Ukraine.* Moskau : Zentral-Völkerverlag der Sowjet-Union.

Svetozarova, 2013: Svetozarova, N. D. [Reports on folkloristic and dialectological study travels by Viktor Žirmunskij as a unique source of information for Germanistics.]. *Magister Dixit*, 3 (09). Светозарова, Н. Д. 2013: Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материале фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского). *Magister Dixit*, №3 (09). https://cyberleninka.ru/article/n/otchety-ob-ekspeditsiyah-kak-unikalnyy-istochnik-informatsii-na-materiale-folklorno-dialektologicheskih-ekspeditsiy-v-m-zhirmunskogo (21.04.21).

Tiessen, J. 2019: *Plautdietsch. Wedabock — Wörterbuch — Dictionary*. 5., erweiterte Auflage bearb. von H. Siemens und E. Braun. Tweeback Verlag, Bonn.

Tolksdorf, U. 1985: Die Mundarten Danzigs und seines Umlandes. U. Tolksdorf. In: *Danzig in acht Jahrhunderten: Beiträge zur Geschichte eines hansischen und preußischen Mittelpunktes* / Hrsg. von B. Jähning, P. Letkemann. Münster, 313–336.

Trubezkoj, N. S.: 1960. [Foundations of Phonology]. Moscow. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Изд-во иностранной лит-ры. М., 1960.

Wall, G. I., Wedel, S. K., Jedig, G. G. 1978: [*Arbeitsergebnisse des Wortsammelns in niederdeutschen Mundarten*. Teil 1]. Omsk.
Валл, Г. И., Ведель, С. К., Едиг, Г. Г. 1978: *Из опыта работы по сбору материала нижненемецких говоров*. Часть 1. Вопросы структуры германских языков, вып. 3, 37–44.

Wall, G. I., Wedel, S. K., Jedig, G. G. 1979: Dasselbe. Teil II, 14–25.
Валл, Г. И., Ведель, С. К., Едиг, Г. Г. 1979: То же, часть II. *Вопросы диалектологии и истории немецкого языка.* Омск, 14–25.

Wall, G. I., Wedel, S. K., Jedig, G. G. 1980: Dasselbe. Teil III.
Валл, Г. И., Ведель, С. К., Едиг, Г. Г. 1980: То же, ч. III. *Вопросы диалектологии и истории немецкого языка*. Омск 24–52.

Wall, G. I., Wedel, S. K., Jedig, G. G. 1981: Dasselbe. Teil IV.
Валл, Г. И., Ведель, С. К., Едиг, Г. Г. 1981: То же, ч. IV. *Вопросы диалектологии и истории немецкого языка*. Омск, 25–66.

Wortmann Felix 1970: *Zur Geschichte der kurzen Vokale in offener Silbe. Gedenkschrift William Foerste*. Hg. von Dietrich Hofmann. Köln; Wien, 327–353.

Quiring, Jacob 1928: Die Mundart von Chortiza in Süd-Rußland. München: Druckerei Studentenhaus. [Dissertation, München].

Žirmunskaja A.V., Starec M. L., Naiditsch L. E, Svetozarova N. D. (Hrsg.) 2016: *Die Welt der deutschen Kolonie. Fotos aus den folkloristisch-dialektologischen Forschungsreisen von V. M. Schirmunski*. St.Petersburg. Nestor-Istorija.

DOI:10.30842/ielc230690152555

Alexander Nikolaev
(Boston University, USA)

ETYMA GRAECA II

This paper proposes new Indo-European etymologies for the following Ancient Greek words: ἀλέη 'heat' (*$h_2leu̯h_x$- 'to burn', cf. Ved. *rūrá*- 'hot', OIr. *loscaid* 'burns', etc.); ἀμείνων 'braver, better' (*$h_2mei̯$- 'to be strong', cf. Toch. B *maiwe* 'young', *maiyya* 'strength'); δυσπέμφελος 'dangerous, turbulent (of sea)' (*$g^{wh}emb^hh_1$- 'deep' cf. Ved. *gabhīrá*-, YAv. *jafra*-); ἔθειρα 'hair' (< *$h_1(e)\hat{g}^h$-$u̯er$-ih_2-, cf. Toch. AB *yok* 'a single hair', pl. *yākwa* < *$h_1ē\hat{g}^hu$-); θιβρός 'biting, stinging' (< *$d^hih_2g^w$-*ro*-, cf. Lith. *díegti* / *diẽgti* 'to poke, sting', Lat. *fīgere* 'to insert, pierce', Toch. AB *tsāk*^{ā}- 'to bite; to pierce', etc.); ἴλιον 'female pubis' (< *$h_2ih_{2/3}$-, cf. Pal. *īḫḫa*- 'flank', Lat. *īlia* 'groin'); μάρπτω 'seize' (*$merk^w$-, cf. Toch. A *märk*- 'take away', Lat. *merx* 'commodity' < *'what is taken/bought'); μῖμος 'mime' (*meh_2-*i*- '(to reveal by) making motion by hand', cf. Lith. *móju* 'wave hand', Proto-Slavic **majati* 'to make signs with a hand', Yazgulyam *amaw*- 'to motion with a hand'); ὠτίς 'bustard' (< *$u̯ōti$- 'bird-like', 'a sort of bird' ← *$u̯oti$-, cf. Hitt. *wattai*- 'bird').

Keywords: etymology, Indo-European reconstruction, Ancient Greek, Anatolian, Tocharian, Indo-Iranian, Balto-Slavic, Latin, Celtic.

А. С. Николаев
(Бостонский университет, США)

Etyma graeca II

В статье предлагается ряд новых этимологий для древнегреческих слов: ἀλέη 'жара' (*$h_2leu̯h_x$- 'гореть', ср. вед. *rūrá*- 'горячий, пылающий', др.-ирл. *loscaid* 'горит', и т. д.); ἀμείνων 'лучше, сильнее' (*$h_2mei̯$- 'быть сильным', ср. тох. B *maiwe* 'молодой', *maiyya* 'сила'); δυσπέμφελος 'опасный, бурный (о море)' (*$g^{wh}emb^hh_1$- 'глубокий', ср. вед. *gabhīrá*-, мл.-ав. *jafra*-); ἔθειραι 'волосы, грива' (< *$h_1(e)\hat{g}^h$-$u̯er$-ih_2-, ср. тох. AB *yok* 'волос', pl. *yākwa* < *$h_1ē\hat{g}^hu$-); θιβρός 'жгучий, острый' (< *$d^hih_2g^w$-*ro*-, ср. лит. *díegti* / *diẽgti* 'колоть, жалить', лат. *fīgere* 'протыкать, вставлять', тох. AB *tsāk*^{ā}- 'кусать, протыкать', и т.д.); ἴλιον 'женский лобок' (< *$h_1ih_{2/3}$-, ср. пал. *īḫḫa*- 'пах', Lat. *īlia* 'брюшная полость'); μάρπτω 'хватать' (*$merk^w$-, ср. тох. A *märk*- 'забирать', лат. *merx* 'товар', т. е. 'то, что берут'); μῖμος 'мим' (*meh_2-*i*- 'показывать руками, жестикулировать', ср. лит. *móju* 'машу', праслав. **majati* 'махать', язгулям. *amaw*- 'делать жест рукой'); ὠτίς 'дрофа' (< *$u̯ōti$- ← *$u̯oti$-, ср. хетт. *wattai*- 'птица').

Ключевые слова: этимология, праиндоевропейская реконструкция, анатолийские, тохарские, индоиранские, балтославянские языки.

9. ἀλέᾱ*

Att. ἀλέᾱ, Ion. ἀλέη 'heat, warmth' (Hom. +) is traditionally compared to the root of OE *swelan* 'to burn slowly', Lith. *svìlti* 'to smoulder', Gk. εἴλη 'the sun's heat' (PIE **su̯elh₁-* 'singe, burn')[1], but the complete absence of rough breathing (which would have been expected if the word continued a protoform with initial **su̯-*) makes this etymology very problematic: for instance, ἀλεαίνοιμι and ἐν ἀλέᾳ in Aristophanes (*Ec.* 540–41) are both transmitted with *spiritus lenis* in all of the seven manuscripts and no manuscripts aspirate ἀλεαίνει (Men. fr. 892 K.–A.) either[2]. The proponents of the etymological connection with **su̯elh₁-* have followed *LfgrE* 1.464 in supposing that psilotic Ionic ἀλέη was adopted as Attic ἀλέᾱ from Ionian medical and scientific writings. However, in Greek literature the word refers to the warmth of the sun or heat in general and does not carry specifically medical connotations: in *Od.* 17.23 the

---

* For the first instalment see Nikolaev 2014a from which the numeration in the present paper is continued. Greek texts are abbreviated after Liddell–Scott–Jones; Latin texts are abbreviated after Oxford Latin Dictionary. Translation of Homeric passages is by Lattimore, translations of other Greek and Latin texts are from Loeb Classical Library, unless otherwise indicated. Gk. = Ancient Greek, Goth. = Gothic, Lat. = Latin, Latv. = Latvian, Lith. = Lithuanian, Luw. = Luwian, Lyc. = Lycian, MCorn. = Middle Cornish, OAv. = Older Avestan (Gāthic), OBret. = Old Breton, OE = Old English, OIr. = Old Irish, ON = Old Norse, PIE = Proto-Indo-European, Toch. = Tocharian, Umbr. = Umbrian, Ved. = Vedic Sanskrit, YAv. = Younger Avestan. ">" denotes regular phonological development, "→" denotes morphological derivation.

I would like to thank Hannes Fellner, Jeffrey Henderson, Stefan Höfler, Boris Maslov, Craig Melchert, Sergio Neri, Alan Nussbaum, Martin Peters, Georges Pinault, David Sasseville, and Michael Weiss who kindly answered my questions and provided helpful feedback on individual ideas presented in this paper.

[1] See *GEW* 65–66, *EDG* 62–63, *DELG* 53. This traditional etymology was recently advocated with customary learning and ingenuity by Höfler 2016–2017: 181–184, 190–191 who posited a derivational chain **su̯elh₁-es-* → **su̯l̥h₁-s-ó-* 'having glowing heat' → **su̯ĺ̥h₁-s-eh₂* 'glowing heat'.

[2] 2nd cent. CE grammarian Aelius Dionysius states that ἀλεαίνω was pronounced with a rough breathing (α 81 Erbse: καὶ γὰρ τὸ 'ἁλεαίνεσθαι' δασύνουσιν οἱ Ἄττικοι), but this claim does not carry much weight since Aelius could easily have relied on analogy to genuine cases where an Ionic psilotic form stood next to an aspirated form in Attic.

reference is to the heat of the sun later in the day[3], while in Arist. *Ec.* 541 ἐν ἀλέᾳ ... καὶ στρώμασιν "in warmth and coverings" is a hendyadis for "in warm coverings"[4]. The word ἀλέη and its derivatives are frequently used in the Hippocratic corpus, but again they never denote fever or bodily heat[5]. Since the word does not have a specifically medical or scientific meaning which could have prompted its adoption into Attic from Ionian prose, the lack of rough breathing in Att. ἀλέᾱ presents an insurmountable obstacle for the derivation of the word from PIE **su̯elh₁-*.

A search for an alternative etymology is therefore warranted. The lack of contraction in Att. ἀλέᾱ suggests that the hiatus is due to the loss of intervocalic **u̯*, making the reconstruction of Proto-Gk. **aleu̯-* plausible: the glosses ἀλεόν· θερμὸν ἢ χλιαρόν and ἀλεός· διάπυρος (Hsch. α 2281 and 2282 Cunningham) can be unproblematically taken back to **aleu̯-ó-*, while a zero-grade root form **alŭ-* may be continued in ἀλυκρός 'lukewarm, tepid'[6] and perhaps in Hsch. α 3296 ἀλύνει· φύει. Another formation made from the same Proto-Gk. root **aleu̯-* is an *s*-stem **aleu̯-eh-* reflected in the adj. ἀλεεινός 'warm' and in the verb ἀλεαίνω 'to warm up' formed from *ἀλε(ε)h- with hyphaeresis[7]. Direct evidence for this *s*-stem is

---

[3] ἀλλ' ἔρχεο· ἐμὲ δ' ἄξει ἀνὴρ ὅδε, τὸν σὺ κελεύεις / αὐτίκ' ἐπεί κε πυρὸς θερέω ἀλέη τε γένηται "So go. This man whom you ordered will lead me, right after I get warm from the fire and there's heat".

[4] σὲ δ᾽ ἐν ἀλέᾳ κατακείμενον καὶ στρώμασιν / κατέλιπον, ὦνερ "I left you lying in warm spot, snugly blanketed, husband".

[5] Cf. *Vict.* 3.65 περιπάτοισιν [...] βραδέσιν ἐν ἀλέῃ "short walks in the sun"; *Morb. Sacr.* 13 ἢ καὶ ἐκ ψύχεος εἰς ἀλέην ἔλθῃ καὶ παρὰ πῦρ πολύ "if he leaves the cold for warmth and a large fire"; *Vict.* 3.68 φυλασσόμενον τὰς μεταβολὰς τῶν ψυχέων καὶ τῆς ἀλέης ἐσθῆτι παχείῃ "with the use of a thick garment to guard against sudden changes of heat and cold"; *Aër.* 19 ὁ γὰρ χειμὼν κωλύει καὶ τῆς γῆς ἡ ψιλότης, ὅτι οὐκ ἔστιν ἀλέη οὐδὲ σκέπη "they are stunted owing to the severe climate and the bareness of the land, where there is neither warmth nor shelter". The denominative verb ἀλεαίνω is used in the meaning 'apply warmth to, keep warm' in *Aff.* 26, *Mul.* 1.58, 2.17, *Epid.* 5.57, 7.76a.

[6] Call. fr. 270 Pfeiffer γέντο δ᾽ ἀλυκρά "they? became warm", Nic. *Al.* 386 ἀλυκρότερον 'slightly warmed', Suid. ἀλυκρά· χλιαρά 'warm', Hsch. α 3295 Cunningham ἀλυκρόν· εὐδινόν.

[7] Cf. μενεαίνω 'to rage, to desire' derived from the *s*-stem found in μένος 'rage, strength', ἀμενής 'feeble'.

found in the hapax ἐπᾱλής 'warm'[8] (Hes. *Op*. 49) which in my opinion is best explained as an endocentric augmentation of the same type that we find in Homeric εἴκελος 'similar' beside ἐπι-είκελος 'similar-ish', ξανθός 'yellow, brown' beside ἐπίξανθος 'brownish', etc.[9]. The meaning of ἐπαλής is therefore 'hot-ish, warm' which suits Hesiod's description of the smithy after hours quite well[10]. The stem *ἐπ-αλεε- can be analyzed as a form of an *s*-stem adjective -αλεεh- which matches the adj. ἀλεεινός < **aleehno-*.

Proto-Gk. **aleu̯-* can be compared with the following forms none of which have a satisfactory etymology: (a) Ved. *rūrá-* 'deliriously hot', used to denote a kind of *takmán-* 'fever'[11] (< $*h_2luh_x$*-ro-*); (b) Proto-Iranian **rau̯-* 'to burn' (< $*h_2leu̯h_x$-)[12]; (c) OIr. *loscaid* 'burns, consumes by fire' (< **luskā-*, a remodeling of thematic **luske/o-* < Insular Celtic **lūske/o-* < $*h_2luh_xsk\hat{e}/o$-)[13], and

[8] The *s*-stem may also be attested at S. *Ph.* 859 ἀλεὴς ὕπνος ἐσθλός "sleep in the heat is sound" (trans. Jebb), although most editors (Lloyd-Jones and Wilson, following Radermacher and Kraus) adopt Reiske's conjecture ἀδεὴς ("good sleep has no fears").

[9] See Strömberg 1946: 101–8.

[10] πὰρ δ᾽ ἴθι χαλκεῖον θῶκον καὶ ἐπᾱλέα λέσχην / ὥρῃ χειμερίῃ, ὁπότε κρύος ἀνέρας ἔργων / ἰσχάνει· ἔνθά κ᾽ ἄοκνος ἀνὴρ μέγα οἶκον ὀφέλλοι "pass by the bronze-worker's bench and his warm lounge in the wintry season, when the cold holds men back from fieldwork, but an unhesitating man could greatly foster his household".

[11] AVŚ 1.25.4+. *EWAia* 2.456 "Nicht klar".

[12] Chorasmian caus. *pcr'wy-* 'to heat up' < **pati-rāu̯a̯ia-*, Ossetic (Iron.) *arawyn* / (Dig.) *arawun* 'to burn in fire', see Cheung 2007: 19.

[13] British Celtic forms (MWelsh *llosci* 'to be on fire, to burn', MCorn. *lesky* 'to burn', OBret. *lescsit* gl. *extorruit* 'parched') cannot be reconciled with the Goidelic form without a host of ancillary assumptions: the only way of aligning the root vowel in Proto-British **loskī-* with that in OIr. *loscaid* is to reconstruct Proto-Celtic **loT-ske/o-* where an *o*-grade would be extremely peculiar. But rather than following the contrived scenario of Klingenschmitt (1982: 194 n. 40) who reconstructed Proto-Celtic **lo(p)sk-ī-*, viz. as a causative made from a secondary root based on a reanalysis of $*lh_2p$-$sk\hat{e}/o$- 'to be light' (Hitt. *lap-*, Gk. λάμπω), one may simply assume that MWelsh *llosci*, etc. are early Goidelic loanwords: this is a well-known and well-studied phenomenon, cf. MW *byth* 'always', MBret. *bez*, Corn. *byth* 'ever' which cannot be derived from Proto-Celtic **bitu-* (irregular [θ] in Welsh and Cornish, [z] in Breton) and are best explained as LW from OIr. *bith* 'perpetual'; cf. also MW *kerbyt*, OBret. *cerpit* 'chariot' vs. OIr. *carpat* 'id.' < Proto-Celtic **karbanto*, or MW *llwch* (OW *lichou)* and

perhaps (d) Luw. (:)*lūḫa-* 'warmth?' < *$h_2$lou̯$h_{2/3}$-eh_2 (with loss of initial *h_2 by the Saussure's effect)[14] and (e) Lat. *lūstrum* 'purification ceremony' < *$h_2$luh$_x$-s-tro- 'instrument of burning' (and hence of purification)[15]. Based on these forms, we can reconstruct a new PIE root *$h_2$leu̯h_x- 'to burn; to be hot'[16] and its derivatives, *$h_2$leu̯h_x-es- > Gk. *ἀλεεh- and *$h_2$leu̯h_x-ó- 'burning, hot' (cf. ἀλεός) substantivized as *$h_2$léu̯h_x-eh_2 > Ion. ἀλέη, Att. ἀλέᾱ.

10. ἀμείνων

ἀμείνων 'better, braver' does not have a universally accepted etymology[17]: this word (for which an original *ei̯ in the root is made certain by Lesbian and Thessalian personal names in Ἀμειν-) may be compared to Toch. B *maiwe* 'young', *maiyyā$_u$* (adj.) 'powerful, strong', *maiyya* ~ *maiyyo* 'strength, power' under the assumption that the original meaning of IE *$h_2$moi̯-u̯o- was 'strong' and it could be used to refer to youthful vigor, hence the meaning of Toch. B *maiwe*[18]. Under this analysis, ἀμείνων would have to be analyzed as a *faux* comparative, viz. an adj. *ἄμεινος 'strong' (< *$h_2$mei̯-no-) secondarily pressed into service as a suppletive comparative to

OBret. *loch* 'lake, pond' vs. OIr. *loch* (< Proto-Celtic *loku-), see Rhys 1895; Pedersen 1909: 24; Bauer 2019.

[14] It is unclear at present whether the same preform *(h_2)lou̯$h_{2/3}$-eh_2 > Luwic *lūHa- is the source of Lyc. B 3 pl. ipv. *lugãtu* (TL 44d.60; see *GLyk* 187) and Luw. (FLAMMAE)*la$_x$-há-nú-wa/i-ta$_x$* 'he burned down'.

[15] If one is willing to believe that the purifying agent in the original version of the *lustrum* was fire which is an assumption that our present knowledge of the ritual does not allow to either confirm or deny. As a parallel, compare *purgō* / *purigō* 'purify ceremoniously' < *pūr-agō < *puh$_2$r-h_2ĝe/o- 'to lead the fire about' with the PIE word for 'fire' (Umbr. *pir*, Gk. πῦρ) as the first compound member (Thurneysen 1912–1913: 278) or *februa* 'means of purification' usually taken from *feχro-, PIE *d^heg^{wh}- 'to burn' (Pisani 1979), but recently argued to go back to *fesro- < *d^h(u)$h_2$es-ro-, PIE *d^hu̯eh_2- 'to smoke' (Lat. *suffīre*, Gk. θύω) by Vine 2020.

[16] Depending on the assessment of Luw. (:)*lūḫa-*, the root-final laryngeal may be specified as *$h_{2/3}$-.

[17] *EDG* 91, *DELG* 71, *EDG* 86. For an overview of usage and semantics as well as for further bibliography see Dieu 2011: 29–47.

[18] A competing school of thought assumes that the original meaning of the Tocharian words was 'young' < 'small', and compares ON *mjór* 'slender, delicate' < *moi̯u̯o- 'little', following Lane 1938: 24, see *DoT*^{2} 509.

ἀγαθός[19] and remodeled as an -*ŏn*-stem by analogy to other *n*-stem comparatives[20].

11. δυσπέμφελος

The rare epic word δυσπέμφελος occurs once in the Iliad and three times in Hesiod. Its exact meaning is uncertain: in *Il*. 16.748, Hes. *Th*. 440 and *Op.* 618 δυσπέμφελος is applied to turbulent sea or the dangers of seafaring[21], while in *Op.* 722 it is used of a person, presumably in the sense 'disturbing' or 'troublous'[22]. In later Greek δυσπέμφελος occurs in the epigram composed by a certain Herodicus the Babylonian (*FGE* 1) possibly active in the second or first century BCE: there is no consensus about the text and the interpretation, but the meaning 'stormy, troublesome' is certain enough[23]. Finally, the word undergoes a large-scale revival in Nonnus where it is used as a recherché epithet of winds, torrents, and Hesiod's native town notorious for its miserable weather[24].

---

[19] Cf. *Il*. 15.641–2 ἀμείνων / παντοίας ἀρετάς, ἠμὲν πόδας ἠδὲ μάχεσθαι "stronger in every faculty, whether running or fighting".

[20] πλέον (n.) : πλέων (m./f.) = ἄμεινον (n.) : x, where x is resolved as ἀμείνων.

[21] *Il*. 16.746–8: εἰ δή που καὶ πόντῳ ἐν ἰχθυόεντι γένοιτο / πολλοὺς ἂν κορέσειεν ἀνὴρ ὅδε τήθεα διφῶν / νηὸς ἀποθρώσκων, εἰ καὶ δυσπέμφελος εἴη "If only he were somewhere on the sea, where the fish swarm, he could fill the hunger of many men, by diving for oysters; he could go overboard from a boat even if [the sea] is *δυσπέμφελος*"; Hes. *Op.* 618 εἰ δέ σε ναυτιλίης δυσπεμφέλου ἵμερος αἱρεῖ "if a desire for *δυσπέμφελος* seafaring grips you"; *Th*. 440 οἳ γλαυκὴν δυσπέμφελον ἐργάζονται "those who work hard on *δυσπέμφελος* sea" (but see Fusillo 1981 who argued that in this verse the kenning for 'sea' is τὸ δυσπέμφελον: by using a substantivization with a literal meaning 'the turbulent one' to refer to the sea, Hesiod would demonstrate, yet again, his notorious aversion to the marine world).

[22] μηδὲ πολυξείνου δαιτὸς δυσπέμφελος εἶναι "and do not be *δυσπέμφελος* in your mood at a dinner with many guests".

[23] τοῦθ᾽ ὑμῖν εἴη, δυσπέμφελοι "let these things be yours, you *δυσπέμφελοι* men". The editors, including Page, print voc.pl. assuming that the epithet refers to the rival grammarians of the school of Aristarchus ("you, turbulent people"), but the manuscript tradition of Athenaeus 5.222A, where the epigram is transmitted, has δυσπέμφελον which could be construed with preceding τοῦτο ("may this stormy (fate) be yours"). As modern commentators have correctly observed, the epithet resumes the nautical theme of the first verse φεύγετ᾽, Ἀριστάρχειοι, ἐπ᾽ εὐρέα νῶτα θαλάσσης / Ἑλλάδα.

[24] *Dion*. 2.550 (αὔρη); 13.75 (Ἄσκρη); 22.171 (προχέων ποταμὸς δυσπέμφελον ἀλκήν); 24.64 (αὔρη).

There can be little doubt that the original sense of δυσπέμφελος has to be sought in its application to the sea and its dangers[25].

The isolated[26] Greek word is in my opinion related to Indo-Iranian *gab^hHra- 'deep' > Ved. *gabhīrá*-, YAv. *jafra*-[27]: as a danger-conveying epithet of the sea, Gk. *dus-k^wemp^helo- is analyzable as a bahuvrīhi-compound meaning 'having depth, which is bad' or possibly 'having too much depth, which is bad'.[28] The initial voiced aspirate in PIE *$g^{wh}emb^hH$- would undergo dissimilation in both branches (Grassmann's Law): *(-)$g^{wh}emb^h$- > *(-)$k^{wh}emp^h$- > *(-)k^wemp^h-[29] > Gk. (-)πέμφ-[30], *$g^{wh}m̥b^h$- > Indo-Iranian *gab^h-[31].

Since the -*ī*- in Ved. *gabhīrá*- seems to point to a root-final laryngeal, the most economical solution would be to analyze the second member of Proto-Gk. *dus-$k^{w(h)}emp^helo$- 'having depth, which is bad' as a reflex of an adjective abstract *$g^{wh}émb^hh_1$-lo-^{m}

[25] It is uncertain how much trust may be placed in Hsch. π 1385 πέμφελα· δύσκολα, τραχέα, βαθέα 'difficult, rough, deep': Hansen is justifiably skeptical and suggests in his app. crit. that this is a *glossa decurtata* (viz. <δυσ>πέμφελα).

[26] The etymological dictionaries are unanimous in calling δυσπέμφελος an "expressive word without etymology" (*GEW* 426–7; *DELG* 290; *EDG* 361).

[27] The initial palatalization in the Avestan form is due to a contamination of full-grade root *$jamb^hH$- with zero-grade *gab^hH: the initial consonant was leveled out in both branches, as *g- in Indo-Aryan and as *j in Iranian (*jafra*- < **jabra*- < **gabra*- x **jamban*-).

[28] Not simply 'having bad depth(s)'; compare δυσηχής 'bringing woe (ἠχή), which is bad' (πολέμοιο δυσηχέος 7x *Il*., not tautological 'bringing bad woe') or δυσαής 'having too much gust, which is bad' (ἀνέμοιο δυσαέος *Il*. 5.865).

[29] I accept the rule according to which intervocalic ND^h > ND in posttonic syllables on the way to Greek (see Miller 1977: 37; Hajnal 2005: 196–8; Kümmel 2013: 160, 168–70, Miller 2010: 234–7), but even though this rule predicts that *(-)$g^{wh}émb^hH(e)lo$- should develop into Gk. †(-)πέμβελος, there would be plenty of ways for analogy to eliminate the allomorphy, especially since the derivational basis of *$g^{wh}émb^hH(e)lo$-^{m} 'depth' would have been an oxytone adjectival stem in *-*ló*- which would not be subject to Miller's rule.

[30] The "Aeolic" development of initial *k^w > p before *e is fully consonantal with the fact that in early Greek literature δυσπέμφελος occurs only in epic and may therefore be at home in epic Aeolic dialect.

[31] See Mayrhofer 1986: 112–5.

'depth' derived from the adjective *$g^{wh}m̥b^{h}h_1$-ló- 'deep'[32] directly reflected in Ved. *gabhīrá-*, YAv. *jafra-* and, with a different suffix, in Toch. A *k_upār* 'deep, deeply, depth'[33].

It remains to clarify the meaning of the Greek word. The passage from the Iliad cited above (16.748: εἰ δή που καὶ πόντῳ ἐν ἰχθυόεντι γένοιτο [...] εἰ καὶ δυσπέμφελος εἴη) is interesting in two ways: its syntactic structure shows that for the poet δυσπέμφελος was not an obsolete epithet fossilized in a formula, while the use of the epithet in the context of oyster farming makes it clear that the poet did not associate δυσπέμφελος with depth, since oysters are harvested in shallow waters[34]. The most adequate translation would be 'troublesome, dangerous' which suits the Hesiodic usage perfectly and presents an unobjectionable semantic development from the original meaning 'having (too much) depth, which is bad'.

12. ἔθειρα(ι)

In Homeric epics the word ἔθειρα is used twice to refer to the golden mane of horses belonging to Zeus and Poseidon and in another three instances the word is used of the horse hair crest on Achilles' helmet (including when it was donned by Patroclus)[35]. In the *Hymn to Apollo* (5.228) ἔθειρα denotes Tithonus' hair which has just begun turning grey, while the author of the *Hymn to Dionysus* chose to recycle the Homeric verse-end phrase καλαὶ δὲ περισσείοντο ἔθειραι "the lovely fringes were shaken" (*scil.* the plume on Achilles' helmet) to apply it to the god's locks. The word is only used in the plural in early hexameter poetry where nom.pl. ἔθειραι is

[32] For the mechanism of producing adjective abstracts with an accent-shift and a concomitant insertion of a new full-grade in the root see Rau 2007. Compare the following pairs (back-reconstructed for PIE): *h_xr̥nó- 'guilty' (Ved. *r̥ná-*) → *$h_x$érno-^{n} 'guilt' (YAv. *arəna-* 'injustice' attested in *arənat̰.čaēša-* 'punishing injustice') or *gn̥$h_1$tó- 'born' (Ved. *jātá-*) → *ĝénh$_1$to-^{n} 'the born one, child' (OHG *kind*).

[33] See Pinault 2019: 499 (*k_upār* < *kwäβāræ* < CToch. *kwämβāræ* < *g^wm̥b^hH-ró-*). Of course, the Indo-Iranian forms may also go back to *$g^{wh}m̥b^{h}h_1$-ró- 'deep' with the same suffix as in Toch. A *k_upār*.

[34] Cf. also Hes. *Th.* 440: those who γλαυκὴν δυσπέμφελον ἐργάζονται are fishermen, not sailors, so this poet is not talking about deep sea either. I thank B. Maslov for drawing my attention to this.

[35] Cf. also ἐθειράδες (Didymus' reading for γενειάδες of the paradosis) of Odysseus' beard at *Od.*16.176.

consistently verse-final. The word appears to have been exclusively poetic and does not appear in inscriptions until the Imperial times.

There is no satisfactory etymology for ἔθειρα on the books: "nicht sicher erklärt" (*GEW* 446), "uncertain" (*EDG* 376), while *DELG* 300 and *LfgrE* 2.410 endorse Frisk's earlier comparison with ὠθέω 'push, thrust' and with ἔθων paraphrased in the scholia as 'βλάπτων'[36]. While in theory hair may be described as 'that which one can shake back and forth'[37], methodologically it appears more prudent to look for potential cognates referring to hair.

ἔθειρα looks like a substantivized feminine adjective made with the same possessive suffix as πίειρα 'fatty, rich' (= Ved. *pī́varī* 'id.') standing next to masc. πίων 'fatty' (= Ved. *pī́van-*) and ultimately derived from **pih$_x$u̯r̥* (Gk. πῖαρ 'fat')[38]. If we apply this morphological analysis to ἔθειρα, one of the possible ways in which the form can back-reconstructed is **h$_1$(e)ǵ^{h}u̯erih$_2$-*[39], a derivative of **h$_1$eǵ^h-u̯r̥ /-u̯en-* (cf. **pih$_x$u̯r̥* → **pih$_x$u̯erih$_2$* > πίειρα). The heteroclitic stem **h$_1$eǵ^h-u̯r̥ /-u̯en-* with a complex suffix may have been derived from an *u*-stem, cf. **seh$_2$u̯l̥ / -u̯en-* 'sun' ← **sēh$_2$u-* 'burning' or **d^{h}emu̯r̥ / -u̯en-* (Lat. *femur, feminis* 'thigh') ← **d^h(o)/emu-* (Gk. θαμύς 'thick')[40]. Precisely such an *u*-stem is in my opinion directly continued in Toch. AB *yok* 'a single hair' < **h$_1$ḗǵ^{h}u-*[41]. The plural *yākwa* (PK NS 18 A al; M 3b7) with *a*-umlaut

---

[36] See Frisk 1930.

[37] As a parallel, Frisk adduced Lat. *crīnis* which he compared to Goth. *af-hrisjan* 'to shake off'; de Vaan calls this analysis "possible, but not very appealing" (*EDLIL* 145).

[38] For this well-known derivational mechanism see Nikolaev 2019: 793.

[39] For phonological development cf. **ǵ^{h}u̯ēr* (Russ. *zver'*) > θήρ).

[40] As a parallel for word meaning 'wide, thick, fat' giving rise to a word for 'thigh' cf. Mod. English *thigh* < Gmc. **þeuho-* < PIE **teu̯k-* (~ **teu̯h$_x$-*), Lith. *tùkti* 'to be(come) fat'. PIE **d^{h}emu-* may either have been substantivized as 'the thick one' or have acquired the meaning 'thigh' via the mechanism known as "transferred epithet", assuming that the word for 'thick', 'thickness' was used in a fixed expression with a word for 'leg' (in Nikolaev 2010: 58–63 I used an *exempli gratia* reconstruction **d^{h}emu-*sreno-* 'thick upper leg, thickness of the upper leg'; cf. Swed. (dial.) *bus-lägg* 'thigh' lit. 'swollen leg' [see Rietz 1862–7: 67] or Wakhi *bajlə́ng* 'thigh' lit. 'thick leg', see Steblin-Kamenskij 1999: 92). On the difference between these two mechanisms, namely, ellipsis-based substantivization and direct substantivization, see Höfler 2020.

[41] *DoT*^{2} 550–1 compares *yok* with Arm. *asr* 'fleece' and Ved.

confirms the *u*-stem, while sg. *yok* shows *u*-umlaut: *yok* < **'æku* < **h_1ēg̑^{h}u-* 'hair'. Toch. B *or* : pl. *ārwa* 'wood' (< **doru-*) provides a perfect phonological parallel for both sound changes, as Hilmarsson 1985 already recognized[42]. Further descendants of **$h_1$eg̑^{h}-* 'hair' are unclear at the moment[43].

θιβρός

In Hellenistic poetry we find adj. θιβρός of unknown meaning and etymology[44]. In Nic. *Th.* 35 the word is used of painful condition caused by a snake bite[45], while in *Al.* 554–6 the word is used to

---

yā́śu- tentatively translated as 'pubic hair', but the latter gloss is entirely conjectural: *yā́śu-* 'semen discharge' can be unproblematically analyzed with Karl Hoffmann (*apud* Witzel & Gōto 2007: 685) as a derivative of **h_xi̯eh_1-(k̂)-* 'to throw, to send forth' (*LIV*^{2} 225), cf. Lat. *ēiaculārī*; as to Arm. *asr*, it has been traditionally and plausibly analyzed as a reflex of **pokû-* (cf. Lat. *pecū*, Ved. *páśu-*, Myc. *po-ku-ta*, etc., see Pinault 2003: 169–173 and Martirosyan 2010: 122–124). Another etymology of Toch. AB *yok*, not registered by the etymological dictionaries, is due to Paul Widmer *apud* Balles 1999: 11 n. 21: Widmer reconstructs an acrostatic *i*-stem **h_1ēg^{w}i-* from the root **h_1ēg^w-* 'to gleam, to blaze' (**$h_1$og^w-ni-* 'fire') further identified by Balles in Lat. *sanguis* (< **h_1sh_2n̥-h_1g^w-o/i-* '*hell leuchtend wie Blut*') and by Nussbaum *apud* Balles in Gk. ἐρυσίβη and ἀκρῑβής (< **-h_1g^w-*); the downsides of this analysis of Toch. *yok* are that pl. *yākwa* must be treated as analogical and that the meaning 'color' (< *'gleaming') must be primary and the meaning 'hair' would be secondary, while the reverse ('hair' > '(any) color') is a much better-attested semantic development (see *DoT*^{2} 550).

[42] See Malzahn 2010: 10–12 for these sound changes.

[43] In principle, Hitt. *auwawa(i)-* (c.) 'spider' may be a Luwianism and continue **$h_1$eg̑^{h}-u̯o-* 'hairy', hence 'a hairy spider' with a characteristic Luwian loss of a voiced velar and change of Proto-Anat. **e* > *a*, but this etymology is not necessarily compelling from the zoological perspective and the meaning 'spider' is not certain, see Boddy 2021: 337 with references to older literature. Leaving this doubtful connection aside, for Greek and Tocharian one may reconstruct either **g̑^{h}* or **g^h* and possibly even **g$^{w(h)}$*. The similarity with PIE **(h_1)eg̑^{h}-* 'out(side)' is potentially intriguing.

[44] *GEW* 674, *DELG* 420, *EDG* 549. We also have personal names (Θίβρος, Θίβρων, Θίβραχος), see Bechtel 1917: 508. The earliest onomastic attestation is Σέβρον (viz. Θέβρον) Alcm. fr. 1.3 PMGF.

[45] Θιβρὴν δ' ἐξελάσεις ὀφίων ἐπιλωβέα κῆρα "you may expel the *θιβρήν* and harmful doom that snakes bring" (ed. Jacques 2002, trans. Gow and Schofield 1953).

describe turtle eggs cooked on the coals[46]. A scholion on Nic. *Ther*. 35a (Crugnola) translates θιβρός as 'hot', but there is no reliance on this ancient tradition: the paraphrase 'hot' may simply be due to the fact that the word θιβρός bears some similarity both to θερμός and to τέφρᾱ. I propose that the meaning of θιβρός may have been 'stinging, biting, mordant' which is an epithet equally well-suited for sharp pain caused by snake's venom and for slightly sharp, piquant taste of turtle eggs[47].

If the word θιβρός belonged to the same semantic field as ὀξύς, δριμύς, or πικρός and referred to various unpleasant sensory experiences, the use of the word in two more Hellenistic fragments becomes clear. The same scholion on Nic. *Ther*. 35a cites Call. fr. 654 (Pfeiffer) θιβρῆς Κύπριδος ἁρμονίης (Ἁρμονίης?) and Euphorion fr. 115 (Lightfoot) θιβρήν τε Σεμίραμιν[48]. Arena 1970 aptly compared the Callimachean fragment with Emp. fr. 122.2 DK Ἁρμονίη θεμερῶπις and marshalled other arguments in favor of the view that for Hellenistic poets the word θιβρός was confused with ("*contaminato*") and influenced by another rare word θεμερός 'solemn, august, venerable'. This is in principle possible, but a more economical solution would be to accept that in these two fragments Aphrodite and Semiramis are described as 'stinging', 'biting', 'tart' or 'bitter'. Both the goddess and the queen are emblematic of Eros[49], and it requires no detailed substantiation that for Greeks Eros could be stinging or bitter: one only needs to think of Sappho's Ἔρος ... γλυκύπικρον (fr. 130 Voigt) or Aeschylus' δηξίθυμον ἔρωτος ἄνθος "heart-stinging flower of love" (*Ag.* 743). It may even be possible to go a bit further and surmise that the word θιβρός carried the specific

[46] Ναὶ μὴν ῥητίνη τε καὶ ἱερὰ ἔργα μελίσσης / ῥίζα τε χαλβανόεσσα καὶ ὤεα θιβρὰ χελύνης / ἀλθαίνει τότε νέρθε πυρὸς ζαφελοῖο κεραίῃς "again, pine-resin and the sacred produce of the bee and the root of all-heal and the *θιβρά* eggs of the tortoise are curative when you mix then on a hot fire".

[47] An excellent parallel in English, suggested to me by B. Maslov, may be seen in the word *tart* whose meanings, at least through its history, have ranged from 'sharp, severe, painful' to 'sharp to the sense of taste, pungent' to 'acrimonious' (of a person).

[48] Following the scholia, students of these fragments have translated θιβρή with 'hot', 'burning', or 'sultry', e.g. D'Alessio 1996: 2.761: "della bruciante Cipride"; Lightfoot 2010: 357: "sultry Semiramis"; Acosta-Hughes & Cusset 2012: 170: "l'ardente Sémiramis".

[49] For Semiramis' excessive lust cf. e.g. Diod. Sic. 2.13.4.

connotation of bee sting: for Eros imagined as a honey-bee flitting about the flowers cf. ποτ᾽ εὗρον / ἐν τοῖς ῥόδοις Ἔρωτα (Anac. 6.1–2 West), and a specific association between sting of love and sting of a bee is a common topos in post-Classical Greek poetry.

If θιβρός indeed meant 'biting, stinging'[50], the etymology presents itself virtually unbidden: I submit that that the adjective goes back to Proto-Gk. *t^hīg^wro- (< *d^hih_2g^w-ro-) made from the same root as Lith. *díegti* / *diẽgti* 'to poke, sting, hurt, prick' (= Latv. *diêgt* 'to stab'), *įdíegti* 'to sting'[51], *dygùs* 'prickly'[52], Latv. *daîga*$_2$ 'kind of fly'[53], OE *díc* 'ditch, pit' (and perhaps Mod. English *dig*), OHG *dîh* '*moles*, *gurges*'[54], Lat. *fīgere* 'to insert, fix, pierce'[55], and Toch. AB *tsāk*^{ā}- 'to bite; to pierce'.[56]

Formally, *d^hih_2g^w- (< *$d^h h_2 i g^w$- with a laryngeal metathesis) is best seen as a zero grade of PIE *$d^h e h_2 i g^w$-[57] of the same complex

[50] Hesychius' lexicon offers a long series of *interpretamenta* for θιβρός, but one of them — specifically, the one that does not seem to come from ancient exegesis on Callimachus, Euphorion, or Nicander, — offers additional support for the hypothesis put forth in this paragraph: θιβρήν· [...] τινὲς δὲ χαλεπήν (Hsch. θ 579 Cunningham).

[51] The *LKŽ* illustrates this meaning with a proverb that amusingly leads us back to Greek: *bėk nuo grieko kaip nuo žalčio, nes, jei tu prisiartinsi, įdiegs tave* "run away from a Greek as if from a snake: if they get closer, they will sting you."

[52] See Smoczyński 2007: 109.

[53] See Mühlenbach & Endzelin 1923–1936: 2.430.

[54] See *EWAhd* 2: 630–4.

[55] The inscriptional form *FIGIER* (inf. pass.) in the *Senatus consultum de Bacchanalibus* (186 BCE, *CIL* I^2 581.27) indicates that the long -*ī*- in the forms of the Latin verb cannot continue an old diphthong (contrast *EXDEICATIS* in the same inscription, l. 22, from *dīcere* < PIE *de*i̯*k̂*-), while Old Lat. *fīuere* 'id.' (Cat. via Paul. Fest p. 92 M.) and the noun *fībula* 'pin' (< *fīu̯ibula < *fīu̯ed^{h}la) show that the final consonant of the root goes back to PIE *-g^w- (word-medial -*g*- in Classical Latin stem *fīgere* was introduced by analogy to the perfect, see Bock 2008: 239–240; Garnier 2010: 398.

[56] See Ringe 1988–1990: 71; *DoT*^{2} 800.

[57] The disyllabic structure of *$d^h e h_2 i g^w$- suggests a secondary root. Such an extended root would not be unparalleled: cf. Gk. ῥαιβός 'bent inward', Goth. *wraiqs* 'crooked' (< *u̯reh$_2$ig^w-) or Lat. *saepēs* 'hedge' and Gk. αἶψα 'quickly' (from 'closely packed'?) on the basis of which de Vaan (*EDLIL* 533) reconstructed *seh$_2$ip- clearly relatable to *seh$_2$i- 'bind'; see also Janda 2001–2002.

structure as e.g. *$g^w eh_2 id$- > Gk. φαιδρός 'bright', Lith. *gaidrùs* 'id.'[58]. A reduplicated present stem *$d^h i$-$d^h eh_2 ig^w$- 'to bite'[59] (> Proto-Gk. *$t^{(h)} it^h a\underset{\smile}{i} g^w$- with Grassmann's Law) made from this root would make a plausible point of origin for a nominal stem *$t^{(h)} it^h a\underset{\smile}{i} g^w$-*o*- 'act of biting; a bite, a sting'[60]. From this reduplicated noun we can in turn posit a denominative verb *τιθαιβόω 'to provide with a bite', hence 'to sting' (cf. πύργος 'turret' → πυργόω 'equip with fortifications')[61] from which first an agent noun *τιθαιβώτης 'stinger' (cf. ἑδνόω 'betroth' → ἑδνωτής 'matchmaker') and then a verb in -ώσσω 'to sting' was derived by familiar rules of word formation (cf. ἀγρώτης 'hunter; hunting' → ἀγρώσσω 'catch by

---

[58] In *LIV*[2] 142 the root is reconstructed as *$d^h e\underset{\smile}{i} Hg^w$- 'to stick in', but this phonologically suspect reconstruction is proposed solely on the evidence of Lith. *díegti*, Latv. *diêgt* and other forms in Baltic languages that point to Proto-Baltic *$de\underset{\smile}{i}g$- / *$da\underset{\smile}{i}g$-. As is acknowledged in the first footnote to the *LIV* lemma, the Proto-Baltic full grade *$de\underset{\smile}{i}g$- may be secondary and in fact, there are many examples of such secondary full grades in Baltic languages. For instance, Lith. *seĩlas* 'noose, rope' (< *$se\underset{\smile}{i}$-) can only be explained as a derivative of the root *$seh_2 i$- 'bind' discussed above in n. 57 under assumption that a new full grade *$se\underset{\smile}{i}$- was created in Proto-Baltic to match *$sī$- < *sih_2- < *$sh_2 i$- ~ *$seh_2 i$-. Similarly, the only way to align Lith. *ríeti* 'to scold', Latv. *riêt* 'to bark' (< *$re\underset{\smile}{i}$-) with Russ. *rajat'* 'to make a noise' and Latv. *rãt* 'to rebuke, scold' (< PIE *$reh_2 i$-) is to posit a secondary full grade *$re\underset{\smile}{i}$-. Examples could be multiplied; the point is that Baltic evidence for *$de\underset{\smile}{i}g$- (to which one should add some Slavic forms overlooked in etymological dictionaries, namely, Sloven. and Croat. *degáti se* 'to argue' < Proto-Slavic *$dĕgati$, see Г. А. Ильинский *apud* Trubachev 1957: 95) is not incompatible with the reconstruction *$d^h eh_2 ig^w$- marshalled above.

[59] Remodelled either from athematic *$d^h e$-$d^h eh_2 ig^w$- (compare *$d^h e$-$d^h eh_1$- >> *$d^h i$-$d^h eh_1$- > τίθημι) or from thematic *i*-reduplicated *$d^h i$-$d^h ih_2 g^w$-*e/o*- (compare *$s(t)i$-sth_2-*e/o*- >> *$s(t)i$-$steh_2$- > ἵστημι).

[60] Cf. συνεοχμός 'joining, joint' (< *-$hehok^h mó$-) from the root of συνέχω (see Solmsen 1901: 256).

[61] As A. J. Nussbaum reminds me, there is more than one way of arriving at *τιθαιβόω, and while it is possible that the hypothetical nominal stem *τιθαιβος / *τιθαίβη 'biting' was concretized to 'a bite/sting' and served as a derivational basis for a factitive verb *τιθαιβόω 'to make a bite/sting', a different approach is just as possible: one could posit a nominal stem *τιθαιβός with a passive meaning 'bitten, stung' that would make an -όω present stem meaning 'to render bitten / stung', hence 'to bite, to sting' (compare e.g. θοός 'sharp, sharpened, whetted' vs. θοόω 'to make sharp' on which see Nikolaev 2018).

hunting' or ὑπνόω 'sleep' → *ὑπνώτης → ὑπνώσσω 'be sleepy'). At this point our reconstruction forward is no longer an idle string of hypothesis, since the verb τιθαιβώσσω is attested in the Odyssey in the description of bees in the cave of the Nymphs:
Od. 13.103–106 (ed. West):

ἀγχόθι δ' αὐτῆς ἄντρον ἐπήρατον ἠεροειδές,
ἱρὸν Νυμφάων αἳ νηϊάδες καλέονται.
ἐν δὲ κρητῆρές τε καὶ ἀμφιφορῆες ἔασιν
λάϊνοι· ἔνθα δ' ἔπειτα τιθαιβώσσουσι μέλισσαι.
And near it a pleasant dusky cave,
sacred to the nymphs who are called Naiads.
In it are mixing bowls and amphoras
of stone, and bees *τιθαιβώσσουσι* there.

The context gives no clear indication what the precise activity of the bees described by the verb τιθαιβώσσω might have been and modern scholarship has been agnostic about the meaning of the verb[62]. The ancient commentary offers the translation 'to store up (food / honey)' (τιθέναι βόσιν), but this is doubtlessly a folk etymology prompted by the similarity of first two syllables of τιθαιβώσσω to the stem of τίθημι[63]. I propose that the verb here refers to one of the prototypical activity of the bees and should be translated as 'sting'.

It is entirely plausible to assume that the passage describes bees stinging mortals who dare enter the cave via the way of the gods. But it is also possible that the verse-final phrase τιθαιβώσσουσι μέλισσαι was no longer transparent to the singer, since because the verb had become obsolete: it was extracted from its original context (in which it meant 'bees sting') and used in the description of the Cave of the Nymphs simply because the latter featured bees[64].

---

[62] Skoda 1982: 214 ("obscur"); Hoekstra 1989: 171 ("exact sense and etym. unknown"); Rengakos 1994: 120 ("das immer noch unerklärte Hapax"); *EDG* 1482 ("origin ?"); Bowie 2013: 116: "a very rare word, of unknown meaning and etymology".

[63] This folk etymology is responsible for the usage of the verb in later poetry: Antim. fr. 108 (Matthews) 'put away', [Lyc.] 622 ('irrigate'), Nic. *Th*. 199 ('nourish'). The famous image of a bee depositing honeycombs into Pindar's mouth in his metrical *vita* (μέλισσά τις ὡς ἐπὶ σίμβλῳ / χείλεσι νηπιάχοισι τιθαιβώσσουσα ποτᾶτο, ed. Drachmann) is certainly due to a conscious allusion to the Odyssey passage.

[64] For other similar cases see Leumann 1950: 208–235.

ἴλιον

Hsch. ι 563 ἴλιον· τὸ τῆς γυναικὸς ἐφήβαιον δηλοῖ. καὶ κόσμον γυναικεῖον παρὰ Κῴιος (Cunningham) seems to contain two different words: the Coan word for a woman's ornament (κόσμον γυναικεῖον) is in all probability a derivative of εἰλέω 'to turn, to wind'[65], while the word for female pubis (ἐφήβαιον)[66] looks very similar to Lat. (neut. pl.) *īlia* 'loin, groin, flank' to which it has been compared since Stokes 1894: 46[67]. The length of the first vowel in ἴλιον cannot be ascertained, but the length of the initial [i] in *īlia* is metrically assured (e.g. Verg. *G.* 3.507). If the Greek word is cognate with the Latin one[68], we must reconstruct either *h_x*ei̯lii̯o-* (assuming itacism in Gk. ἴλιον) or *h_x*ih$_x$*lii̯o-*[69]. That the latter option should be preferred is shown by Proto-Gmc. **iliþ-* > ON *il* 'foot sole' which is best derived from *h_x*ih$_x$*-l-et-* ← *h_x*ih$_x$*-ló-* with pretonic "Dybo-shortening"[70]. Under this analysis, the consonant **l* is suffixal and not a part of the root.

A new comparandum may be available in Palaic where we find a mysterious word *īḫḫa-* referring to a body part manipulated during the dissection of a sacrificial animal: the sacrificer is instructed to cut off the leg of the animal and hold the *īḫḫa* in their hand[71]. The meaning 'flank' suits the context admirably; if it is correct, Palaic *īḫḫa-* may go back to *h_1*ih$_{2/3}$*-ó-* 'flank' which may in turn be easily aligned with *h_1*ih$_{2/3}$*-ló-* / *h_1*ih$_{2/3}$*-lii̯ó-* posited above as the hypothetical source of Latin, Greek, and Germanic forms. Further

---

[65] See *GEW* 722, *DELG* 445, *EDG* 588.

[66] The etymological dictionaries usually add Hsch. ι 549 ἴλια· δῶρα γυναικεῖα with Meineke's change of the *interpretamentum* into μόρια which is not obvious.

[67] Comparison with Gaulish PNs *Iliatus*, *Ilio-uico*, *Illio*, etc. proposed *ibid.* is justifiably deemed implausible by Delamarre 2003: 189.

[68] It is possible that ἴλιον 'pubis' is a loanword from Lat. (*)*īlium* 'loin' (*DELG* 445), although the meanings are not identical.

[69] The word is usually cited in works of reference with gen. *-ium* which, however, is not attested before Cassius Felix (5th cent. CE). Cat. 63.5 has gen. sg. *īlī* (if B. Schmidt's conjecture is accepted), while dat.-loc. pl. *īlibus* is first attested in Celsus (2.7.1.1), who also has *īliis*, and Juvenal (5.136). There is thus no certainty that *īlia* is an *i*-stem rather than an *io*-stem.

[70] Next to *h_x*ih$_2$*-lii̯ó-* > Gmc. **ili̯a-*> Far. *ill* 'id.'. See Mágnusson 1989: 418; Kroonen 2013: 269.

[71] See *eDiAna* s.v. The text (CTH 753.1.A) is currently prepared for publication by S. Görke and D. Sasseville.

evidence for PIE *h_1i̯e$h_{2/3}$- / *$h_1$ei̯$h_{2/3}$- in designations of body parts remains to be discovered.

μάρπτω

Gk. μάρπτω 'seize, take hold of, overtake, strike'[72] is a well-attested verb[73] which has no etymology[74]. The root μάρπ- can be straightforwardly back-reconstructed as either *$merk^w$- or *merp-[75]. Since the root is not attested in Mycenaean[76], the choice between root-final *k^w and *p cannot be made on Greek-internal grounds, but the former option allows discovering plausible *comparanda* for Proto-Gk. *$merk^w$- / *$m\mathring{r}k^w$- in Tocharian and in Latin.

Toch. A *märk-* means 'to take away'[77], cf. the privative compound *sne-märklune* which translates Sanskrit *ahāryo* 'not to be taken away' (A 359.15). This meaning squares nicely with that of the Greek verb, e.g. *Od.* 10.116 αὐτίχ' ἕνα μάρψας ἑτάρων ὡπλίσσατο δεῖπνον 'at once he [*scil.* giant Antiphates] seized one of my comrades and prepared him for dinner' or Sapph. 58.11–12 ἀλλ'

---

[72] Ruijgh (1957: 166) assigned this poetic word to the "Achaean" lexical stock based on the γλῶσσαι κατὰ πόλεις that attribute μάρπτω to the Cypriot dialect (Κυπρίων. ἔμαρψεν· ἔλαβεν), see Bowra 1970 [1934]: 43. Egetmeyer (2010: 488) very plausibly hypothesized that the verb λαμβάνω is not attested in Cypriot inscriptions precisely because it was replaced by μάρπτω in everyday use as the default verb 'to take'.

[73] The nominal derivatives include μάρπτις 'kidnapper' (Aesch. *Suppl.* 826), Μάρφσος, a speaking name of a Centaur on a Chalcidian vase (CHA 23 in Wachter 2001: 188), and κάμμαρψις· μέτρον σιτικόν, τὸ ἡμιμέδιμνον. Αἰολεῖς (Hsch. κ 596 Cunningham).

[74] *GEW* 2.178: "ohne aussergriechische Entsprechung" (= *EDG* 907–8: "system without outer-Greek cognates"); *DELG* 643 is similarly agnostic. The comparison with μάρναμαι (PIE *$merh_2$- ~ *merp-/-k^w-?) hesitantly proposed by Egetmeyer (2010: 488) is a counsel of despair.

[75] Original *$\mathring{r}$ in the root is evinced by the variant βραπ- showing a different vocalization of *$\mathring{r}$: Hsch. β 1083 βράψαι· συλλαβεῖν, ἀναλῶσαι, κρύψαι, θηρεῦσαι; β 1049 βράπτειν· ἐσθίειν, κρύπτειν, ἀφανίζειν; ε 94 ἔβραπτεν· ἔκρυπτεν. ἐλάφυξεν; ε 97 ἔβραψεν· ἔκρυψεν. ἔπιεν. κατέφαγεν (Cunningham).

[76] The much-discussed theonym *ma-qe* (dat. sg.) attested in KN F 51 v. 2 in the context of grain offerings is unlikely to be related to the root of μάρπτω (the Mycenaean form may have to be read as *ma-ka*, given the possibility of confusion between signs *77 and *78).

[77] A homophonous root *märk-* 'to besmirch, to smudge' in Tocharian B is probably unrelated, see Malzahn 2010: 755–6; *DoT*^{2} 487.

αὖτον ὔμως ἔμαρψε / χρόνωι π̣ό̣λ̣ι̣ο̣ν̣ γῆρας 'yet still grey old age in time did seize him [*scil.* Tithonus]'[78]. Phonologically, there is no problem with the proposed equation either[79]: PIE **merk^w-* would give Proto-Tocharian **märkw-* > A *märk-* with elimination of labial coarticulation before another consonant: 3 sg. aor. **mērk^w-s(t)* > Toch. A pret. III *markäs*, cf. **h$_3$ók^w-s* 'eye' > Common Tocharian **æk* > Toch. A *ak*, B *ek*[80].

A *tertium comparationis* for PIE **merk^w-* 'to seize, to take away' may be found in Lat. *merx -cis* (f.) 'commodity, merchandise' and its derivatives[81]. This etymological comparison requires the following ancillary hypothesis: on the way to Italic, the root **merk^w-* developed the meaning 'to buy'. There are ample parallels for a semantic development from 'take' to 'buy': for instance, one might compare Lat. *emō* 'take' > 'buy' or **ad-captō* 'take' (*REW* 63) > Italian *accattare*, French *acheter* 'to buy'. *Nomen actionis *merk^w-s* 'buying, commerce' would regularly give Proto-Italic nom. sg. **merks* with a concretized meaning 'commodity being bought (and sold)'[82].

μῖμος

Gk. μῖμος denotes both an actor ('mime') and a kind of scenic sketch, founded by the Syracusan Sophron ('mimus'). This word

---

[78] The text is by West 2005: 5.

[79] Comparisons with Tocharian always have a degree of uncertainty, since PIE voiced, voiced aspirated and voiceless stops have nearly all fell together in Tocharian. While there is no alternative etymology for Toch. A *märk-* on the books, M. Weiss points out to me that the underlying PIE root could in theory also be **merĝ-* 'divide' reflected in Hittite *mārk-$^{a\underset{\smile}{h}\underset{\smile}{h}i}$* 'I divide, I cut up', as well as in the noun for 'border': YAv. *marəza-* 'border, district', Lat. *margō* 'border', OIr. *mruig* 'territory' (< **mroĝi-*) and Proto-Gmc. **markō-* 'boundary, region' (Goth. *marka*, etc.).

[80] See Pinault 2008: 456–7.

[81] No Indo-European etymology is registered for *merx* in *EDLIL* 376. The god's name *Mercurius* may or may not be a loanword from Etruscan: in the former case, it would have nothing to do with *merx* (for which, on the contrary, there are no specific indications of Etruscan origin, see Breyer 1993: 92–3 n. 313).

[82] From nom.sg. the allomorph *merk-* was generalized throughout the paradigm (at the expense of **merqu-*), just as the stem *voc-* was generalized from nom.sg. *vox* < **u̯ok^w-s*. After nom. **merks* had become *mers* (Plaut.), the velar stop was reintroduced into nom. sg. (so Leumann 1977: 221).

(for which the dictionaries offer no etymology[83]) and its derivative μῑμέομαι 'imitate' may be connected with the PIE root *meh_2-i- for which a rather specific meaning '(to reveal by) making motion by hand, to indicate (by gesture)' can be reconstructed on the basis of the following cognates: Lith. *móju* 'wave hand', Proto-Slav. **majati* 'to make signs with a hand', Yazgulyam *amaw-* 'to beckon, motion with a hand' and other Mod. Iranian reflexes of **fra-maią-* (*ESIYa* 5.331)[84]. Formally and semantically, Gk. μῖμος can be unproblematically aligned with this root: zero grade *mh_2i- > *mih_2- (laryngeal metathesis before consonant), *mih_2-mó- 'making signs by hands'[85] → *$míh_2$-mo- 'a person who makes signs by hands' > μῖμος.

ὠτίς

Gk. ὠτίς 'bustard, *Otis tarda*, дрофа' is usually explained as a derivative from οὖς 'ear'[86], but there is not much about bustard's appearance that would suggest naming it an "owner of conspicuous ears": while bustards have ear tufts, these are not nearly as large as those of most owls whose name in Greek (ὦτος) reflects this physical feature[87]. Instead, I would like to suggest a direct comparison between ὠτίς and Hitt. *wattai-* 'bird' (KBo 4.2 ii 32[88]) < *u̯ot-oi̯- ← *u̯ot-i- 'one that moves / flies'[89] made from PIE *u̯et-

[83] *GEW* 241, *DELG* 677, *EDG* 955.

[84] *meh_2-i- is an extended form of the root *meh_2- continued e.g. in Gk. μηνύω 'show, reveal' (*LIV*[2] 425). Ved. *māyā́-* 'magical power' (often mentioned in connection with μῖμος) may or may not be related to the latter root.

[85] Type ὄχμος 'fortress' ('holding'), πταρμός 'sneezing', σκυλμός 'rending', etc., see Chantraine 1933: 132, 151; Probert 2006: 238–257.

[86] See e.g. Robert 1911: 103, *GEW* 1153, *DELG* 1259.

[87] This skepticism is shared by specialists in Greek ornithology: according to Thompson 1895: 200 "the etymology (*scil.* from οὖς — A. N.) is doubtful"; Arnott 2007: 240 mentions "bristles across the ears of breeding males which *probably* (emphasis mine — A. N.) accounted for the bird's name".

[88] For the passage see Bawanypeck 2005: 22, 30.

[89] Parallels for words for birds derived from motion verbs may be found in MIr. *ethait* 'bird, fowl' (< *$peth_2ontih_2$) from the root *$peth_2$- 'to fly' (*LIV*[2] 479) or the words for 'eagle' (Hitt. *ḫāraš*, Lith. *erẽlis*, Goth. *ara*, Gk. ὄρνις, ὄρνεον 'bird') derived from the root *h_3er- 'to set (oneself) in motion' (*LIV*[2] 299).

(cf. MIr. *fethid*$_2$ 'makes one's way', Gmc. **u̯eþ-* / **u̯aþ-* 'to go around')[90].

Under this hypothesis, Gk. **ὠτι-* (later remade as ὠτίδ-)[91] goes back to **u̯ōti-*, a genitival *vr̥ddhi* derivative made from the acrostatic stem **u̯ot-i-* that underlies the Hittite word for 'bird'[92]. For genitival (= *Zugehörigkeits-*) derivatives of this type one may compare Av. *ahura-* 'lord' → *āhūiri-* 'divine', Lat. *sacro-* 'sacred', *sacra* 'rites' → *sācri-* 'of the rites, for sacrificing', or Gmc. **dala-* 'valley' → **dōli-* 'of the valley, valley dweller' (> OIcel. *dœll*)[93]. As A. J. Nussbaum has shown, across Indo-European languages, genitival derivatives with various formants routinely have the meaning 'X-like' vis-à-vis their base noun with the meaning 'X': Ved. *vr̥ṣ́an-* 'bull' : *vr̥ṣ́ṇya-* 'bull-like, mighty', Gk. θεός 'god' : θεῖος 'god-like', Lat. *deus* 'god' : *dīvīnus* 'god-like'. These genitival formations are also frequently substantivized in the meaning 'a kind of X': Hitt. *pittula-* 'loop, noose' : *pittuliya-* 'a noose of sorts' > 'constraint, anxiety'; **h₂u̯r̥ĝi-* 'a turning' (> Hitt. *ḫurki-* 'wheel') : **h₂u̯r̥ĝi-lo-* 'a turn of sorts' > 'deviation' (> Hitt. *ḫurkīl* 'perversion'); Gk. τεῖχος '(city) wall' : τειχίον 'wall (of a building)'[94].

The meaning of the genitival *vr̥ddhi* derivative **u̯ōti-* would then be 'bird-like', 'a sort of bird', '*quasi*-bird', which would not be an inappropriate way of referring to bustards, large birds who make their nests on the ground and prefer to run over flying.

References and abbreviations

Acosta-Hughes B. and Cusset, C. 2012: *Euphorion. Oeuvre poétique et autres fragments*. Paris: Les Belles Lettres.

Arena, R. 1970: Considerationi intorno agli aggettivi θιβρός e θεμερός. *RIL* 104, 307–314.

---

[90] See Schaffner 2004 and for the Hittite word Nikolaev 2014b.

[91] The folk-etymological connection with οὖς may have been responsible for the supposed remodelling of obl. **ὠτί-* as ὠτίδ- (Xen. An. 1.5.2+).

[92] An alternative derivational basis is an agent noun **u̯otó-* 'moving/flying (around)'.

[93] See Darms 1978: 208.

[94] See Nussbaum 2009. According to Nussbaum, a genitival *vr̥ddhi* derivative made from the athematic word for 'snake' provides an explanation for the ever-problematic Armenian cognate: **h₁ó/ég^{wh}i-* 'snake' (> Gk. ὄφις) → genitival **h₁ḗg^{wh}i-* 'a sort of snake, herpetoid' (> Arm. *iž* 'viper').

Arnott, W. G. 2007: *Birds in the Ancient World from A to Z*. London / New York: Routledge.

Balles, I. 1999: Lateinisch *sanguis* "Blut". *Compositiones indogermanicae in memoriam Jochem Schindler*, ed. by H. Eichner, H.-Chr. Luschützky und V. Sadovski, 3–18. Praha: enigma corporation.

Bauer, B. 2019: Irish Loanwords in the Southwest British Celtic Languages. *Eastern European Perspectives on Celtic Studies*, ed. by M. Hornsby and K. Rosiak, 23–33. Cambridge Scholars Publishing.

Bawanypeck, D. 2005: *Die Rituale der Auguren*. Heidelberg: Winter.

Bechtel, F. 1917: *Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*. Halle: Niemeyer.

Bock, B. 2008: *Die einfach thematischen Präsentien in der dritten Konjugation des Lateinischen*. Graz: Leykam.

Boddy, K. 2021: *The Composition and Tradition of Erimḫuš*. Leiden; Boston: Brill.

Bowie, A. M. 2013: *Homer, Odyssey, Books XIII and XIV*. Cambridge: Cambridge University Press.

Breyer, G. 1993: *Etruskisches Sprachgut im Lateinischen unter Ausschluss des spezifisch onomastischen Bereiches*. Leuven: Peeters.

Chantraine, P. 1933: *La formation des noms en grec ancien*. Paris: Klincksieck.

Cheung, J. 2007: *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden: Brill.

D'Alessio, G. 1996: *Callimaco*. 2 vols. Milan: Biblioteca universale Rizzoli.

Darms, G. 1978: *Schwäher und Schwager, Hahn und Huhn: die Vr̥ddhi-Ableitung im Germanischen*. München: Kitzinger.

Delamarre, X. 2003: *Dictionnaire de la langue gauloise: une approche linguistique du vieux-celtique continental*. 2nd ed. Paris: Errance.

DELG = P. Chantraine. *Dictionnaire étymologique de la langue grec. Histoire des mots*, achevé par J. Taillardat, O. Masson et J.-L. Perpillou, avec en supplément, les Chroniques d'étymologie grecque (1–10) rassemblées par A. Blanc, Ch. de Lamberterie et J.-L. Perpillou. Paris: Klincksieck, 2009.

Dieu, É. 2011: *Le supplétisme dans les formes de gradation en grec ancien et dans les langues indo-européennes*. Genève: Droz, 2011.

DoT^2 = Adams, D. Q. *A Dictionary of Tocharian B: Revised and Greatly Enlarged*. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 2013.

EDG = R. S. P. Beekes. *Etymological Dictionary of Greek*. 2 vols. Leiden; Boston: Brill, 2010.

eDiAna = Digital Philological-Etymological Dictionary of the Minor Ancient Anatolian Corpus Languages (https://www.ediana.gwi.uni-muenchen.de/)

EDLIL = M. de Vaan. *Etymological Dictionary of Latin and other Italic Languages*. Leiden; Boston: Brill, 2008.

Egetmeyer, M. 2010: *Le dialecte grec ancien de Chypre*. Berlin; New York: de Gruyter.

ESIYa = V. S. Rastorgueva, D. I. Ėdelman. [*Etymological Dictionary of the Iranian Languages*]. Moscow: Vostočnaja literatura, 2000–.
В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. *Этимологический словарь иранских языков*. М.: Восточная литература, 2000–.

EWAhd = A. L. Lloyd, O. Springer, and R. Lühr. *Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988–.

EWAia = M. Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. 3 vols. Heidelberg: Winter, 1986–2001.

Frisk, H. 1930: Griechisch ἔθειρα, ὄθη. *Göteborgs högskolas årsskrift* 36(3), 1–5 (reprinted in *Kleine Schriften zur Indogermanistik und griechischen Wortkunde*, 281–286. Göteborg: Elanders Boktryckeri, 1966).

Fusillo, M. 1981: Γλαυκη δυσπέμφελος. Una designazione del mare in Esiodo Th. 440. *Studi di letteratura greca* (= *Ricerche di filologia classica* I), 9–23. Pisa: Giardini.

Garnier, R. 2010: *Sur le vocalisme du verbe latin: étude synchronique et diachronique*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.

GEW = H. Frisk. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Winter, 1960–1972.

GLyk = G. Neumann. *Glossar des Lykischen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007.

Gow A. S. F., Schofield, A. F. 1953: *Nicander*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hajnal, I. 2005: Das Frühgriechische zwischen Balkan und Ägäis – Einheit oder Vielfalt? *Sprachkontakt und Sprachwandel: Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*, ed. by G. Meiser and O. Hackstein, 185–214. Wiesbaden: Reichert.

Hilmarsson, J. 1985: The Vocalism of Tocharian AB *yok* ‘hair; colour’. *Indogermanische Forschungen* 90, 83–87.

Hoekstra, A. 1989: *A Commentary on Homer’s Odyssey*. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press.

Höfler, S. 2016/2017[2019]: “*La belle Hélène*”, a Generic Brothel, and the Development of **CR̥HC* Sequences in Ancient Greek. *Die Sprache* 52, 177–201.

Höfler, S. 2020: Substantivization of Adjectives. *Indo-European Linguistics* 8, 181–204.

Jacques, J.-M. 2002 : *Nicandre: Œuvres. T. 2: Les Thériaques*. Paris: Les Belles Lettres.

Janda, M. 2001–2002: Etymologie von altgriechisch αἰπύς. *Sborník Prací Filozofické Fakulty Brnenské Univerzity* (= *Studia minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis*). *Rada klasická:*

Graeco-Latina Brunensia 6–7 (= *Festschrift Antonín Bartoněk*, ed. by I. Radová and K. Václavková-Petrovicová), 123–134.

Klingenschmitt, G. 1982: *Das altarmenische Verbum*. Wiesbaden: Reichert.

Kroonen, G. 2013: *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston: Brill.

Kümmel, M. J. 2013: The Distribution of Roots Ending in IE *ND. *The Sound of Indo-European 2*, ed. by R. Sukač and O. Šefčík, 159–176. Munich: Lincom.

Lane, G. S. 1938: Problems of Tocharian Phonology. *Language* 14, 20–38.

Leumann, M. 1950: *Homerische Wörter*. Basel: F. Reinhardt.

Leumann, M. 1977: *Lateinische Grammatik*. Vol. 1: *Laut- und Formenlehre*. München: Beck.

LKŽ = Lietuvių kalbos žodynas, ed. by J. Balčikonis, J. Kruopas *et al*. 20 vols. Vilnius: Valstybinė encyklopedijų žodynų ir mokslo literatūros leidykla, 1941–2002 (online version: http://www.lkz.lt/).

Lightfoot, J. L. 2010: *Hellenistic Collection*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

LIV[2] *= Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*, ed. by H. Rix, M. Kümmel, et al. 2nd ed. Wiesbaden: Reichert, 2001.

Mágnusson, Á. B. 1989: *Íslensk orðsifjabók*. [Reykjavík]: Orðabók Háskólans.

Malzahn, M. 2010: *The Tocharian Verbal System*. Leiden; Boston: Brill.

Martirosyan, H. K. 2010: *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden / Boston: Brill.

Mayrhofer, M. 1986: *Indogermanische Grammatik*. Vol. I/2: *Lautlehre: segmentale Phonologie des Indogermanischen.* Heidelberg: Winter.

Miller, D. G. 1977: Some Theoretical and Typological Implications of an IE Root Structure constraint. *JIES* 5, 31–40.

Miller, D. G. 2010: *Language Change and Linguistic Theory*, 2 vols. Oxford University Press.

Mühlenbach, K., Endzelin J. 1923–1936: *Lettisch-deutsches Wörterbuch*. 6 vols. Riga: Lettisches Bildungsministerium.

Mūlenbach, K., Endzelīns, J. 1923–1936: *Latviešu valodas vārdnīca*. Rīgā: Izdevusi izglītības ministrija.

Nikolaev, A. 2010: *Issledovanija po praindoevropejskoj imennoj morphologii*. St. Petersburg: Nauka.

Николаев А. С. 2010: *Исследования по праиндоевропейской именной морфологии*. СПб.: Наука.

Nikolaev, A. 2014a: An Etymological Miscellany. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 18, 708–717.

Nikolaev, A. 2014b: Hittite *wattaēš* ‘birds’. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 69, 257–267.

Nikolaev, A. 2018: Greek θοός 'sharp', Hittite *tuḫš–* 'to cut'. *Vina Diem Celebrent: Studies in Linguistics and Philology in Honor of Brent Vine*, ed. by D. Gunkel et al., 267–275. Ann Arbor: Beech Stave.

Nikolaev, A. 2019: Δάειρα, the Lady of the Waters. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 23, 790–795.

Nussbaum, A. J. 2009: So How's the Little Woman?: Genitivals, Diminutivity, and PIE $*g^w en\text{-}h_2$, etc.. Talk given at the GSAS Workshop for Indo-European Linguistics, Harvard University (April 3, 2009).

Pedersen, H. 1909: *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*. Vol. 1. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Pinault, G.-J. 2003: Sur les thèmes indo-européens en *-*u*-: dérivation et étymologie. *Indogermanisches Nomen: Derivation, Flexion, Ablaut. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft (Freiburg, 19.–22. September 2001)*, ed. by E. Tichy, D. Wodtko, B. Irslinger, 153–188. Bremen: Ute Hempen.

Pinault, G.-J. 2008: *Chrestomathie tokharienne: textes et grammaire*. Leuven: Peeters.

Pinault, G.-J. 2019: Hittito-Tocharica: Tracking the Bear Once More. *"And I Knew Twelve Languages": A Tribute to Massimo Poetto on the Occasion of His 70th Birthday*, ed. by N. Bolatti Guzzo and P. Taracha, 496–509. Warsaw: Agade Bis; University of Warsaw, Faculty of Oriental Studies.

Pisani, V. 1979: *feber*, *februm*, *februārius* e le continuazioni latini di *sr*. *Archivio Glottologico Italiano* 64, 102–106.

Probert, P. 2006: *Ancient Greek Accentuation: Synchronic Patterns, Frequency Effects, and Prehistory*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Rengakos, A. 1994: Lykophron als Homererklärer. *ZPE* 102, 111–130.

REW = W. Meyer-Lübke. *Romanisches etymologisches Wörterbuch*. 3rd ed. Heidelberg: Winter, 1935.

Rhys, J. 1895: Goidelic Words in Brythonic. *Archaeologia Cambrensis* 12, 264–302.

Rietz, J. E. 1862–1867: *Svenskt dialektlexikon: Ordbok öfver svenska allmogespråket*. Malmö: Cronholm.

Ringe, D. 1988–1990: Evidence for the position of Tocharian in the Indo-European family? *Die Sprache* 34, 59–123.

Robert, F. 1911: *Les noms des oiseaux en grec ancien: Étude sémantique*. Neuchâtel: Attinger frères.

Ruijgh, C. J. 1957: *L'élément achéen dans la langue épique*. Assen: van Gorcum.

Schaffner, S. 2004: Mittelirisch *fethid* "geht, macht seinen Weg", althochdeutsch *wadalōn*, *wallōn* "umhergehen, wandern; umherwogen", altenglisch *waðuma* "Woge, Welle", *waðol* "Vollmond" und Verwandtes. *Die Indogermanistik und ihre Anrainer: Dritte Tagung der Vergleichenden Sprachwissenschaftler der Neuen Länder*, ed.

by Th. Poschenrieder, 277–314. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.

Skoda, F. 1982: *Le redoublement expressif: un universal linguistique.* Paris: SELAF.

Smoczyński, W. 2007: *Słownik etymologiczny języka litewskiego*. Vilnius: Uniwersytet Wileński.

Solmsen, F. 1901: *Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre*. Strassburg: Trübner.

Steblin-Kamenskij, I. M. 1999: *Ėtimologičeskij slovar' vahanskogo jazyka*. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Stokes, W. 1894: *Urkeltischer Sprachschatz*. Übersetzt, überarbeitet und herausgegeben von Adalbert Bezzenberger. (= *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*, ed. by August Fick, 4th ed., part 2). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Strömberg, R. 1946: *Greek Prefix Studies on the Use of Adjective Particles*. (Göteborgs högskolas årsskrift 52:3). Göteborg: Elanders boktryckeri.

Thompson, D'A. W. 1895: *A Glossary of Greek Birds*. Oxford: Clarendon Press.

Thurneysen, R. 1912–1913: Zur Wortschöpfung im Lateinischen. I. *purgare*. II *lēuigare –lĕuigare*. *IF* 31, 276–281.

Trubachev, O. N. 1957: [G. A. Il'inskij's Etymological Dictionary]. *Voprosy jazykoznanija* 1957/6, 91–96.
Трубачев, О. Н. 1957: Этимологический словарь Г. А. Ильинского. *Вопросы языкознания* 1957/6, 91–96

Vine, B. 2020: Latin *febru(u)m* and the Root Vocalism of Indo-European *s*-Stems. Talk given at the *39th East Coast Indo-European Conference*, Virginia Polytechnic Institute and State University (12 June 2020).

Wachter, R. 2001: *Non-Attic Greek Vase Inscriptions*. Oxford University Press.

West, M. L. 2005: The New Sappho. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 151, 1–9.

Witzel, M., Gōto, T. 2007: *Rigveda: Das heilige Wissen. Erster und zweiter Liederkreis*, unter Mitarbeit von E. Dōyama und M. Ježić. Frankfurt a.M.: Verlag der Weltreligionen.

DOI:10.30842/ielc230690152556

Б. М. Никольский
(Институт мировой литературы РАН)

ПАПИРУС P. OXY. 2180 И «ЦАРЬ ЭДИП» СОФОКЛА 511–512

Статья посвящена анализу вариантов чтения ст. 511 трагедии Софокла «Царь Эдип». Высказаны аргументы против формы τῶν, предлагаемой папирусом P. Oxy. 2180 и принимаемой современными издателями. Форма τῷ, засвидетельствованная большинством средневековых рукописей, также едва ли может быть верной. Лингвистические и текстологические соображения говорят в пользу гомеровской формы указательного наречия τῶ, которая содержится во флорентийской рукописи L.

Ключевые слова: Папирус, текстология, Софокл, «Царь Эдип».

B. M. Nikolsky
(Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences)

P. Oxy. 2180 and Sophocles' *Oedipus Tyrannos* 511–512

The article deals with various manuscript readings of Sophocles' *Oedipus Tyrannos* v. 511. The papyrus P. Oxy. 18.2180 contains a form τῶν at the beginning of the verse, and this form is accepted by recent editors. However, there are strong arguments against this reading. The reading of the majority of medieval manuscripts, τῷ, seems to be wrong as well. Both linguistic and textual arguments support rather the form τῶ preserved in a single manuscript, L.

Keywords: Papyrus, textual criticism, Sophocles, Oedipus Tyrannos.

Оксиринхский папирус II в. н. э. с фрагментами трагедии Софокла «Царь Эдип» P. Oxy. 18.2180 (Roberts 1941) — это редкий пример папируса, который содержит текст греческой драмы, полностью сохраненной средневековой традицией, и который при этом дает важную дополнительную информацию об этом тексте, проливая свет на многие сложные и неясные места. Мы находим в нем и исключительные варианты, и варианты, сохраненные лишь в части средневековых рукописей, причем в рукописях достаточно поздних, так что зачастую нам приходится изменить наши оценки значимости тех или иных чтений. Достаточно часто эти чтения оказываются верными: ср. списки вариантов, которые признают правильными Фингласс (Finglass 2013; 2018: 89) и Барретт — в тех фрагмен-

тах, которые ему удалось атрибутировать (Barrett 2007: 368). Многие папирусные варианты попали в основной текст в новых изданиях трагедии (Lloyd-Jones, Wilson 1990a; Finglass 2018).

Но все же иногда доверие ученых к новому текстологическому материалу, пусть даже и столь древнему, оказывается чрезмерным. Папирус не свободен от ошибок, что признают те же Барретт и Фингласс, и, разумеется, всякое папирусное чтение нужно внимательно анализировать, прежде чем принимать его за истинный вариант.

Я разберу здесь одно чтение, предлагаемое папирусом и принимаемое Финглассом, попытаюсь показать, что оно не может быть верным, и предложу свое решение этого текстологического вопроса. Стоит, впрочем, заметить, что этот вопрос касается не только текстологии: он открывает перед нами некоторые примечательные стороны поэтического языка и поэтики Софокла.

XXVI столбец папируса содержал конец первого стасима. От него фрагментарно сохранились ст. 501–512. Здесь хор говорит о своем нежелании так просто принять на веру обвинение, брошенное Тиресием Эдипу, и объясняет свое отношение признательностью за ту помощь, которую Эдип оказал городу в истории со Сфинксом. Последнее предложение (ст. 507–512) папирус передает так:

φανερὰ [γὰρ ἐπ’ αὐτῷ]
πτερόεσσ’ ἦ[λθε κόρα
πο[τέ,] καὶ σ[οφὸς ὤφθη
βασάνῳ θ’ [ἡδύπολις·
τῶν ἀπ’ ἐμᾶς φρενὸς οὔ-
πο[τ]’ ὀφλή[σει κακίαν.

511 τῶν Σ: τῶ L^{pc}: τῷ L^{ac} al.

Ведь у всех на виду против него
Вышла когда-то крылатая
Дева, и увидели, что он мудр
И на деле помощник городу.
За это (?) моя душа никогда
Не обвинит его в преступлении.

Нас будет интересовать форма τῶν в последней фразе τῶν ἀπ’ ἐμᾶς φρενὸς οὔποτ’ ὀφλήσει κακίαν.

Во всех средневековых рукописях, за исключением самой ранней, флорентийской рукописи середины X в. L, мы встречаем вариант τῷ ἀπ’ ἐμᾶς φρενὸς. В L написано τῶ, причем следующая после ω буква была стерта корректором.

Большинство издателей печатали форму τῷ, понимая под ней дательный падеж артикля в функции указательного или относительного местоимения; этот датив должен иметь здесь причинный смысл: «поэтому». У некоторых ученых, однако, вызывал сомнения гиат, и потому они прибегали к конъектурам. Элмсли (Elmsley 1825: 36, ad 511) предложил заменить ἀπ᾽ на πρός, и этот вариант принимает Доу (Dawe 1982: 145, ad 510); однако ошибочную замену писцами πρός на ἀπ᾽ трудно объяснить. Ллойд-Джонс и Уилсон (Lloyd-Jones, Wilson 1990b: 91, ad 510) предлагают читать τώς, но это наречие не дает нужного смысла: оно всегда обозначает образ действия («так», «этим образом»), в то время как здесь мы ждем слова со значением следствия («итак», «следовательно»).

В папирусе мы обнаруживаем другой вариант — τῶν, избавляющий нас от гиата. Этот вариант имел перед собой и автор схолия к ст. 511 λείπει τὸ ἕνεκα: очевидно, он видел здесь слово в родительном падеже. Робертс в первой публикации папируса (Roberts 1941: 109) отметил, что папирусное чтение может быть лучше средневекового рукописного, и Фингласс, согласившись с ним, в своем издании выбрал именно этот вариант (Finglass 2018: 335–336, ad loc.).

Хотя отсутствие гиата — преимущество нового чтения, у него есть большой недостаток, не позволяющий нам его принять. Генетив τῶν понять сложно. Робертс довольно небрежно и неточно определил этот падеж как каузальный генетив при κακίαν. Фингласс отнесся к конструкции более внимательно, но его объяснение тоже не кажется мне убедительным. По его мнению, τῶν — это относительное местоимение, отсылающее к качествам Эдипа, которые были описаны в предыдущей клаузе. Оно стоит в каузальном генетиве, зависящем от глагола ὀφλισκάνω. Этот генетив Фингласс считает близким обычно употребляемому при ὀφλισκάνω генетиву, указывающему на вину или преступление: «заслужить наказание *за что-то*» (ср. ὠφληκὼς φόνου, Платон «Законы» 874b, ὀφλεῖν τραύματος ἐκ προνοίας, там же, 877c, ὀφλεῖν κλοπῆς и пр.). Действия, к которым отсылает τῶν у Софокла, — не преступления, а напротив, благо для города, и «если таковы обвинения», пишет Фингласс, «то Эдип невиновен в глазах хора» («if such are the

charges, the chorus coolly declare, Oedipus is innocent in their eyes»).

Это объяснение внешне выглядит логичным, но, если посмотреть на фразу повнимательнее, не лишено противоречий. Genetivus criminis может зависеть только от ὀφλισκάνω, а никак не от οὐκ ὀφλισκάνω, как нужно было бы Фингласу. Можно «заслужить обвинение за преступление», можно «не заслужить обвинения за преступление», т. е. не быть уличенным и обвиненным в совершении преступления», но невозможно «не-заслужить-обвинения за благие дела». Фраза τῶν οὐκ ὀφλήσει, если понимать τῶν как genetivus criminis, могла бы значить только одно: «в этом преступлении Эдип не будет обвинен».

Если уж пытаться понять форму τῶν как каузальный генетив, скорее стоит поставить наш случай в ряд примеров, где генетив указывает на причину эмоций или отношения (одобрения или неодобрения), как, например, при глаголах θαυμάζω, ἄγαμαι, ζηλόω, αἰνέω и т. п., см. Smyth 1920: 330–331, § 1405, Kühner, Gerth 1898–1904: 1.388, § 420. Тогда вся в целом отрицательная фраза ἀπ’ ἐμᾶς φρενὸς οὔποτ’ ὀφλήσει κακίαν должна восприниматься подобной положительному глаголу одобрения. Однако едва ли это возможно, особенно в пассаже, где очень важно именно отрицание: хор отказывается верить обвинениям, которые перед этим высказал Эдипу Тиресий.

Чтение τῶν кажется очень неудачным. С другой стороны, гиат у Софокла нельзя исключать; Фингласс не прав, когда называет его невозможным. Старые комментаторы, Эрфурдт (Erfurdt 1823: 98, ad 511) и Джебб (Jebb 1914: 77, ad 511), защищая чтение τῷ, обращали внимание на то, что у Софокла встречается гиат в лирических партиях, в тех местах, где поэт подражает эпическому языку. Например, в «Аяксе» 192 хор призывает Аякса словами ἀλλ’ ἄνα ἐξ ἑδράνων — употребление наречия ἄνα в качестве императива гомеровское, и в гиате после ἄνα Софокл также следует Гомеру, который никогда в подобных случаях не элидирует второй слог (см. Garvie 1998: 145, ad 192). В «Электре» 157 Софокл оставляет гиат в стихе οἵα Χρυσόθεμις ζώει καὶ Ἰφιάνασσα, также подражая Гомеру («Илиада» 9.145 Χρυσόθεμις καὶ Λαοδίκη καὶ Ἰφιάνασσα, где нет элизии, поскольку имя Ἰφιάνασσα начиналось с дигаммы). Показательно, что оба примера имеют дактилическую форму — так же, как и наш пассаж, если начинать колон с τῷ, как это делает папирус.

Итак, можно предположить, что в разбираемом нами месте Софокл подражает Гомеру, причем не только в просодии и метре, но и в выборе слов. Именно гомеровские параллели помогают нам установить правильное чтение первого слова этого стиха. Джебб, читающий здесь τῷ, ссылается на случаи употребления у Гомера τῷ в начале предложения в значении «итак, поэтому, следовательно». В этих случаях, однако, рукописи Гомера расходятся, передавая это слово как τῷ, τῶ или τώ, а античные грамматики считали правильным написание без ι (см. La Roche 1866: 368). Эта форма — не дательный падеж местоимения, а местоименное наречие с суффиксом -ω, как в ἄνω, ἔξω или οὕτω (Chantraine 1948: 248–249), которое употребляется как частица со значением следствия. Как и в нашем случае, она начинает предложение и совпадает с первым слогом дактиля. Пример ее употребления с гиатом — «Илиада» 2.250, где Агамемнон, указав Терситу на то, что он самый низкий и подлый из ахейцев под Троей, делает из этого вывод: τῶ οὐκ ἂν βασιλῆας ἀνὰ στόμ’ ἔχων ἀγορεύοις.

Таким образом, правильным вариантом оказывается чтение рукописи L τῶ. В пользу этой формы можно привести и текстологический аргумент. В рукописи L вариант τῶ — это исправление, и справа от ω стерта одна буква. Фингласс, защищая папирусное чтение τῶν, утверждает, что стерта была ν: таким образом, он ссылается на восстанавливаемый им первый вариант, доказывая верность формы τῶν. Однако судя по размеру пятна, стерта могла быть только буква ι, то есть до исправления в рукописи было написано τῶι. Исправление обычной формы дательного падежа τῶι на чрезвычайно редкий вариант τῶ, который и в гомеровский рукописях передается часто с искажением как τῶι, может говорить только об одном — исправление сделано по другой рукописи. Вариант τῶ, сохранившийся несмотря на то, что эта форма давно исчезла из языка, безусловно является текстологически предпочтительным. Необычность этой формы для переписчиков стала причиной ее разнообразных искажений: точно так же, как и в рукописях Гомера, писцы превратили ее в τῷ, но в одной традиции, засвидетельствованной папирусом и схолием, она изменилась в τῶν.

Сохранение гомеровской просодии — гиата после τῶ в дактилических ритмах — заставляет нас задуматься о проблеме колометрии в этом стихе. Современные издатели описывают все стихи в этом пассаже как состоящие из иоников, и поэтому конец строфы они делят на колоны следующим образом:

βασάνῳ θ’ ἡδύπολις· τῶ ἀπ’ ἐμᾶς
φρενὸς οὔποτ’ ὀφλήσει κακίαν.

В этом случае метрическая позиция τῶ не очень похожа на гомеровские примеры. С другой стороны, то членение на колоны, которое мы находим в папирусе, помещает τῶ на первое место не только в предложении, но и в последовательности дактилей, совершенно как у Гомера:

τῶ ἀπ’ ἐμᾶς φρενὸς οὔ-
ποτ’ ὀφλήσει κακίαν.

Если принимать папирусную колометрию, приходится признать, что эта строфа не полностью состоит из иоников, но они чередуются с другими метрами: колон τῶ ἀπ’ ἐμᾶς φρενὸς οὔ- представляет собой дактилическое полустишие. Похожую метрическую неоднородность можно увидеть и в первых стихах строфы. Она начинается так:

ἀλλ’ ὁ μὲν οὖν Ζεὺς ὅ τ’ Ἀπόλλων ξυνετοὶ καὶ τὰ βροτῶν
εἰδότες· ἀνδρῶν δ’ ὅτι μάντις πλέον ἢ ’γὼ φέρεται.

Фингласс трактует эти стихи как ионики с лишним долгим в начале, однако Паркер (Parker 1997, 64) предпочитает не смешивать ионические и хореямбические метры и вполне обоснованно видит здесь последовательность хореямбов, называя такую метрическую двойственность особой софокловой чертой. Конец строфы также обнаруживает дактилические колоны: мы можем читать его как соединение дактилического полустишия D с иониками в последнем стихе.

У такой колометрии конца строфы есть еще одно преимущество: в четырех колонах, предшествующих дактилическому полустишию, становится видна очевидная симметрия. Четыре пары иоников φανερὰ γὰρ ἐπ’ αὐτῷ / πτερόεσσ’ ἦλθε κόρα / ποτέ, καὶ σοφὸς ὤφθη / βασάνῳ θ’ ἡδύπολις являют два раза одну и ту же последовательность, состоящую из синкопированного, двух полных и в конце еще одного синкопированного метра.

Литература

Barrett, W. 2007: New Identifications in P. Oxy. 2180 (Sophocles, *Oedipus Tyrannus*). In: W. Barrett. *Greek Lyric, Tragedy and Textual Criticism*. Collected Papers. Assembled and edited by M. L. West. Oxford, 368–385.

Chantraine, P. 1948: *Grammaire homérique*. T. 1. *Phonétique et morphologie*. Paris

Dawe, R. D. (ed.) 1982: *Sophocles. Oedipus Rex*. Cambridge.

Elmsley, P. (ed.) 1825: *Sophocles. Oedipus Tyrannus*. Oxford.

Erfurdt, C. G. A. (ed.) 1823: *Sophocles. Oedipus Rex*. Editio secunda cum adnotationibus G. Hermanni. Leipzig.

Finglass, P. 2013: Il valore dei papyri per la critica testuale di Sofocle. In: G. Bastianini, A. Casanova (eds.) *I papiri di Eschilo e di Sofocle. Atti del convegno internazionale di studi, Firenze, 14–15 giugno 2012*, 33–51.

Finglass, P. (ed.) 2018: *Sophocles. Oedipus the King*. Cambridge.

Garvie, A. F. (ed.) 1998: *Sophocles. Ajax*. Oxford.

Jebb, R. (ed.) 1914: *Sophocles. The Oedipus Tyrannus*. 2nd ed. Cambridge.

Kühner R., Gerth B. 1898–1904: *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache*. Zweiter Teil. *Satzlehre*. Hannover, Leipzig.

La Roche, J. 1866: *Die homerische Textkritik im Alterthum*. Leipzig.

Lloyd-Jones, H., Wilson, N. G. (eds.) 1990a: *Sophocles. Fabulae*. Oxford.

Lloyd-Jones H., Wilson N. G. 1990b: *Sophoclea. Studies on the Text of Sophocles*. Oxford.

Parker, L. P. E. 1997: *The Songs of Aristophanes*. Oxford.

Roberts, C. H. 1941: P. Oxy. 2180. In: E. Lobel, C. H. Roberts, E. P. Wegener (eds.) *The Oxyrhynchus Papyri*. Part XVIII. London, 103–109.

Smyth H. W. 1920: *A Greek Grammar for Colleges*. New York.

DOI:10.30842/ielc230690152557

О. А. Новичкова
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

О СЕМАНТИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЯХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СНИЖЕНИЕ МАССЫ ТЕЛА» В ТРАКТАТЕ ГАЛЕНА «ГИГИЕНА»

В данной статье рассматриваются семантические различия древнегреческих глаголов (ἰσχναίνειν, μινύθειν, τήκειν, λεπτύνειν, κενοῦν, διαφορεῖν), обозначающих снижение массы тела под воздействием массажа, в трактате Галена «Гигиена». В результате анализа значений этих глаголов у Галена и в контекстах сочинений медицинских авторов с III века до н. э. по VII век н. э. были выявлены следующие особенности. Глагол ἰσχναίνειν обозначает иссушение тела за счет выведения лишней влаги при помощи различных физических методов. Глагол μινύθειν обозначает визуальное уменьшение частей тела по причине оттока крови. Глагол τήκειν обозначает плавление внутренних субстанций тела под воздействием тепла. Глагол λεπτύνειν — растворение внутренних субстанций кислыми, острыми и едкими веществами. Глагол κενοῦν — опорожнение таких полостей тела, как кишечник, органы мочевыделительной системы, кровеносные сосуды. Глагол διαφορεῖν — потовыделение. Все описанные глаголы, вероятно, характеризуют разные стороны одного процесса «снижения массы тела».

Ключевые слова: Гален, древнегреческая медицинская терминология, ἰσχναίνειν, μινύθειν, τήκειν, λεπτύνειν, κενοῦν, διαφορεῖν.

O. A. Novichkova
(Lomonosov Moscow State University)

About semantic differences of synonymous verbs with the meaning *body weight loss* in the Galen's treatise «Hygiene»

This article explores the semantic differences of the ancient Greek verbs designating the body weight loss (ἰσχναίνειν, μινύθειν, τήκειν, λεπτύνειν, κενοῦν, διαφορεῖν) in Galen's treatise *Hygiene*. The analysis of the occurences of these verbs in Galen and other medical authors (3rd c. BC to 7th c. AD) permitted to infer the following distribution. The verb ἰσχναίνειν designates body withering by means of dehumidifying. The verb μινύθειν stands for visual decreasing of the body parts due to drawing blood away. The verb τήκειν indicates the melting of internal body substances under the influence of heat. The verb λεπτύνειν designates the dissolution of internal substances by acid, acrid or caustic matters. The verb κενοῦν means emptying of such body cavities as bowels, organs of the

urinary system or blood vessels. The verb διαφορεῖν refers to sweating. All the mentioned verbs probably define different processes of the same phenomenon.

Keywords: Galen, ancient Greek medical terminology, ἰσχναίνειν, μινύθειν, τήκειν, λεπτύνειν, κενοῦν, διαφορεῖν.

Объектом нашего исследования являются древнегреческие синонимичные глаголы со значением «снижение массы тела» (ἰσχναίνειν, μινύθειν, τήκειν, λεπτύνειν, κενοῦν, διαφορεῖν), использованные Галеном при описании свойств и воздействий массажа[1] в трактате «Гигиена». С целью определить семантические различия указанных глаголов и понять реалии, которые они обозначают, предпринята попытка сопоставить их значение у Галена с их значениями в медицинских трактатах античных авторов с III века до н. э. по VII век н. э. Полученные данные могут быть полезны не только для перевода античных медицинских текстов, но и для лексикографии, преподавания древнегреческого языка и для истории медицины.

I. Ἰσχναίνειν — подсушить тело

У Галена в трактате «Гигиена» под свойством массажа, обозначенным глаголом ἰσχναίνειν, подразумевается иссушение, во время которого тело сжимается и освобождается от влаги (De san. tuend. II. 3. 93, 102, 103; II. 4. 109, 117; II. 7. 128). Этот процесс в организме человека, возникший в результате массажа, Гален объясняет так: ὥσπερ γὰρ ἐν τῷ καταχεῖν ὕδωρ θερμὸν εἰς ὄγκον μὲν τὸ πρῶτον ἐξαίρεται τὰ σώματα, πλεοναζόντων δὲ καθίσταται, καὶ διὰ τοῦθ’ <Ἱπποκράτης> ἐπ’ αὐτῶν εἶπε «τὸ μὲν γὰρ πρῶτον ἀείρεται, ἔπειτα δ’ ἰσχναίνεται», οὕτω καὶ ἡ τρίψις ἐξαίρει μὲν τὸ πρῶτον, αὖθις δὲ συστέλλει τε καὶ καθαιρεῖ τὸ σῶμα. (MM 10. 480. 5) — «Как при обливании горячая вода сначала приводит тела к увеличению в объеме, а если это продолжается слишком долго, вода перестает так действовать. Поэтому Гиппократ насчет этого сказал: «Сначала увеличивается, а затем иссушается», так и массаж сначала увеличивает [объем], а затем заставляет тело сжиматься и очищаться». В этом контексте видно, что глагол ἰσχναίνειν значит «сжимать» (συστέλλειν) и «очищать» (καθαιρεῖν). Гален считает, что «подсушить» тело может продолжительный

[1] Такими свойствами обладает мягкий, продолжительный массаж.

массаж средней интенсивности и упражнения (De san. tuend. II. 4. 117; Ibid. II 11. 154).

У других медицинских авторов глагол ἰσχναίνειν используется в значении «подсушивать» тело пациента. Таким эффектом обладает сон на голодный желудок (Hp. Diaet. II 60. 1) или на твердой постели (Ibid. III 68. 28), теплая питьевая вода (Ibid. II 60. 10), питание один раз в день (Ibid. II 48. 23), острая пища (Sor. Gyn. I, 46, 8), горячие ванны (Ibid. II 57. 4), ванны с лекарственными веществами (Dioscor. Mat. med. V, 124, 3), лекарственные растения, например, белая омела с вином (Dioscor. Mat. med. III, 8, 2), ходьба по утрам (Hp. Diaet. II 62. 13) или после упражнений (Ibid. II 62. 25), двойной бег (Ibid. II 63. 12), верховая езда (Ibid. II 63. 12) и борьба в стойке (Ibid. II 64. 13), вызывание рвоты (Ibid. II 59. 1). «Лишаться влаги» (ἰσχναίνονται) могут: больные глаза (ὀφθαλμίαι) (Theoph.Hipp. Aph. V. 2. 364), кожа (δέρμα) (Theoph. Hipp. Aph. V. 2. 453) и все тело пациента. Также встречаются контексты, в которых ἰσχναίνειν используется в значении «снимать отек» (Hp. Fract. 14. 18; Ibid. 21. 5; De articulis 79. 10; Ibid. 81. 1; Aphor. V 25. 3; Theoph. Hipp. Aph. V. 2. 458) и «лишать питания» (Hp. De articulis 33. 28; Ibid. 40. 12; Ibid. 50. 29). В медиальном залоге ἰσχναίνειν используется со значении «подсыхать» (о ранах) (Hp. De ulceribus 2, 8). Византийский монах Милетий (VIII–IX века н. э.) указывает на общее происхождение слова ἰσχίον «седалищная кость» и глагола ἰσχναίνειν (Melet. De nat. hom. III 111. 6).

В современной медицинской литературе действию, обозначаемому глаголом ἰσχναίνειν, лучше всего соответствует массажная техника лимфодренажа, поскольку усиление лимфотока способствует и снятию отека, и удалению лишней жидкости, и похудению (Gorchakov, Tysyachnova, Komuro 2003: 44–47).

II. Μινύθειν — уменьшать

Снижение массы тела под воздействием мягкого продолжительного массажа обозначается глаголом μινύθειν (De san. tuend. 6. 93. 11; 6. 118. 7; 6. 110. 12). Этот глагол Гален использует вслед за Гиппократом, который писал: Ἀνάτριψις δύναται λῦσαι, δῆσαι, σαρκῶσαι, μινυθῆσαι· ἡ σκληρὴ, δῆσαι· ἡ μαλακὴ, λῦσαι· ἡ πολλὴ, μινυθῆσαι· ἡ μετρίη, παχῦναι (Hp. Off. Med. 17. 2). «Массаж может расслабить и закрепостить, увеличить объем мышечной ткани и уменьшить, мягкий — расслабить, продолжительный — уменьшить в объемах, умеренный — сделать плотнее».

В других контекстах уменьшению подвергается пневма[2] (πνεῦμα μινυθῶδες), ткани тела (σάρκες μινύθουσι) (Hipp. De art. 53. 34; 55. 59; 55.39, Vect. 5. 20;19.6; 20. 8 и др.). Уменьшение тканей тела у Галена является синонимом атрофии (Gal. Hp. De art. III 18b, 891, 5). «Уменьшению» подвержены кости вследствие травмы или гиподинамии (Hipp. Vect. 21.15), органы и части тела. Такое патологическое уменьшение (μινύθημα) лечили массажем, обливаниями и упражнениями (Gal. Hp. De art. III 18b, 892.9). Причинами «уменьшения» Гален называет иммобилизацию и продолжительное ношение повязок, так как оба эти фактора ухудшают кровоснабжение (Gal. Hp. De art. III 18b, 892.9). Кроме того, «уменьшаться» могло кровотечение (Hipp. Mulier. aff. 34. 6.). Эротиан, автор I века н. э., комментировавший лексику Гиппократа, писал, что μινύθειν синонимичен глаголу κατισχναίνω (Erot. Voc. Hipp. 95.18.), а процесс, обозначенный глаголом μινύθειν, затрагивает пневму, делая ее «слабой и незначительного объема» (τὸ ἀσθενὲς καὶ ὀλίγον) (Erot. Voc. Hipp. 106. 14). Этимологически μινύθειν связан с индоевропейским корнем *mi-n(e)-u- «уменьшать, ослаблять» (Beekes 2010: 955, 930).

III. Τήκειν — расплавлять вязкие субстанции

«Снижение массы тела под воздействием массажа» обозначает глагол τήκειν (De san. tuend. 96K, 98K, 99K, 102K-104K). В «Гигиене» встречаются также приставочные формы этого глагола: συντήκειν (о естественном свойстве тела смягчаться), κατατήκειν (о воздействии масла 267K), διατήκειν (семена при

[2] Пневма (πνεῦμα) — в античной медицине энергия движения. Она отвечает за правильное функционирование человеческого тела. Ее роль подробно описана в сочинении Галена «О естественных возможностях» (De naturalibus facultatibus). Сначала пневма попадает в легкие из воздуха, откуда она переходит в сердце. В сердце она «воспламеняется», превращается в «животную пневму» (τὸ ζωτικὸν πνεῦμα) и поступает в кровь. Кровь несет такую пневму по всему организму, и она в разных органах превращается в другие жизненно важные субстанции. В печени она превращается в «физическую пневму» (τὸ φυσικὸν πνεῦμα), которая становится основой четырех гуморов: крови (притягивающая сила), желтой желчи (пищеварительная сила), черной желчи (удерживающая сила) и флегмы (выталкивающая сила). В мозге животная пневма превращается в «психическую пневму» (ψυχικὸν πνεῦμα), где ее основными проявлениями являются ум, знание и осознанность (Osborn 2015).

приготовлении масла плавятся в сосуде на водяной бане 292K). Глагол τήκειν Гален называет также синонимичным глаголу μαλάττειν «смягчать», когда излагает учение Теона[3] (De san. tuend. 102K).

В других античных медицинских сочинениях глагол τήκειν использовали относительно живого организма и относительно неживой материи. В живом организме процесс, обозначенный глаголом τήκειν, был связан с учением о гуморах и пищеварении. В результате действия тепла в теле человека «плавились» (τήκειν) четыре гумора (Hpp. Sem. Puer. Morb. 33. 5; Hipp. Diaet. II 54. 29; Dioscorid. Mat. Med. IV 57. 1. 8), что приводило к разным последствиям: тело или его части ослабевали (Hipp. Off. med. 20. 1; Aph. 6. 60. 2; Hipp. De morb. II 51. 3; Hipp. Aër. Aq. Loc. 7. 72), сжимались из-за «утекания» гуморальных субстанций (Diosc. Mat. Med.I 2. 2. 3; Mat. Med. II 21. 1. 7; Mat. Med. V 76. 3) или наполнялись влагой, возникшей в результате плавления, и поэтому становились мягче (Hipp. Morb. Sacr. 11. 15; Hipp. Flat. 8. 23; Anon. Lond. Iatr.12. 22; Hipp. Diaet. 65. 4). Такому «плавлению» и «растворению» внутри организма подвергались продукты питания и лекарственные вещества (Hipp. De affect. 59. 2; Hipp. Diaet. II 40. 27).

Относительно неживой материи τήκειν обозначал процесс плавления в буквальном смысле. При нагреве плавили смолу и лекарственные вещества (Hipp. Diaet. 20. 1; Diosc. Mat. Med. I, 71. 5. 8). А Гиппократ описал даже плавление воздуха (например, под воздействием южного ветра) (Hipp. Morb. Sacr. 13. 11). В качестве примерного соответствия процессам, обозначаемым этим древнегреческим глаголом, можно указать на процессы, обеспечивающие терморегуляцию, такие, как гидролиз[4] (о пище и лекарственных веществах) или фибринолиз[5] (относительно крови). Что касается массажа, известно, что повышение температуры массируемого участка тела приводит к раскрытию капилляров, и начинается более интенсивное снабжение тканей

---

[3] Теон из Александрии — атлет-самоучка, который написал большой труд об упражнениях «Гимнастрион», фрагментарно сохранившийся лишь в сочинениях Галена (Johnson 2018: XX).

[4] Гидролиз (греч. hydor вода + lysis разложение) — разложение веществ, проходящее с обязательным участием воды.

[5] Фибринолиз — звено противосвертывающей системы организма, обеспечивающей сохранение крови в сосудистом русле в жидком состоянии (Petrovskiy 1989).

кровью. Следовательно, в античной медицине глаголом τήκειν, по-видимому, обозначали процесс «плавления» как результат теплопродукции при разного рода воздействиях.

IV. Λεπτύνειν — растворять внутренние субстанции или визуально делать тоньше

В контексте «Гигиены» действию глагола λεπτύνειν тело человека подвергается при следующих процедурах: при продолжительном массаже (De san. tuend 6. 105. 2–8; 6. 122. 28), при выполнении скоростных упражнений (De san. tuend. 6.170.2), от содовых ванн (Aët. Iatr. 32.31). Также этим глаголом обозначается изменение внутренних гуморов[6] и конечных продуктов метаболизма, которое необходимо для их правильного выведения из тела (De san. tuend. 6.278.10).

Гиппократ использует λεπτύνειν как относительно всего тела пациента (Hipp. Aphor. 2.7.1; Ibid. 5. 46. 3; Ibid. 5. 46. 3;), так и по отношению к разным анатомическим образованиям, а также к плотным и вязким гуморам (γλίσχρος καὶ παχύς χυμός) или к конечным продуктам метаболизма (περιττώματα). «Становиться тоньше» могут различные ткани тела (σάρκες) (Hipp. Morb. pop. 6. 2. 1. 3; Fract. 14. 29; Morb. 2. 48. 5): кожа (δέρμα), мышцы (μύες), ногти (ὄνυχες), кости (ὀστᾶ), волосы (τρίχες). «Делаться тоньше» могут части тела (шея, ключицы, грудь (Sem. Puer. Morb. 57. 12)) и сосуды (τεῦχος) (Hipp. Morb. pop. 6. 2. 1. 3). «Растворяться» может пневма (Hipp. Morb. pop. 2. 3. 6. 6) и физиологические жидкости организма: моча (Hipp. Coa praesagia 409, 2), флегма (Hipp. Morb. 2. 2. 7), слюна (Hipp. Coa praesagia 419.7), кровь (Melet. De nat. hom. 95. 12), женское молоко (Sor. Gyn. 2. 28. 12) и менструальные выделения (Gal. De san. tuend. 6. 285. 5). Физиологические жидкости буквально «изменяются в легко выводимую из тела субстанцию». Ведь, согласно Галену, жидкости тела, находящиеся внутри, должны выводиться из организма после того, как они изменятся и переварятся (λεπτύνειν τε καὶ συμπέττειν — De san. tuend. 6. 278. 10). Подвержена действию процесса, обозначенного этим глаголом, даже душа (Melet. De nat. hom 39. 27).

---

[6] Относительно гуморов, находящихся снаружи, и которые должны попасть внутрь, Гален использует глагол διαφορεῖν (De san. tuend. 6. 278. 10).

Лекарственные растения, как правило, горькие, терпкие и острые, например, иссоп, перец, имбирь, чеснок и др[7]. обладают способностью оказывать на тело пациента воздействие, обозначенное глаголом λεπτύνειν (Alex. Febr. 1. 379. 26; 1. 381. 6; Sor. Gyn. I 21. 4. 6). Аналогичное действие могут оказывать некоторые продукты питания (Hipp. Affect. 55. 4; Alex. Febr. 1. 531. 22). Гален написал целый трактат, посвященный специальной «очищающей диете» (Ars medica. 1. 397. 7; 1. 411. 2), в которую входят острые, кислые и водянистые овощи и коренья. Такую диету назначали как при избытке одного из гуморов (κακοχῡμία), так и при избытке всех (πληθώρα), а также пациентам с хроническими болезнями и с нагноениями. Во многих контекстах глагол λεπτύνειν используется как антоним глаголу παχύνειν «делать тучным, плотным» (Hipp. Morb. 1. 6. 25; Orib. Coll. Med. 3.1.1). В медицинских текстах встречаются и приставочные варианты этого глагола καταλεπτύνειν (Hipp. Sem. Puer. Morb. 7. 835. 14; 57. 12), ἀπολεπτύνειν (Gal. Anat. 2. 511. 6) и προσλεπτύνειν (Hipp. Morb. pop. 4. 1. 11. 4). Гален обычно использует приставочные глаголы в анатомических описаниях.

Считается, что λεπτύνειν образован от глагола λέπω «счищать корку». Есть также однокоренное существительное λέπτυνσις, εως (ἡ) — «истощение, испарение». Наиболее удачным переводом этого глагола на русский язык, вероятно, является «истончать, делать тонким» (Vasmer 2004). В современной медицине действию, обозначенному глаголом λεπτύνειν, на наш взгляд, соответствует процесс катаболизма — процесс расщепления питательных веществ до конечных продуктов метаболизма (Agadzhanyan, Smirnov 2009: 353). Массаж может способствовать ускорению обменных процессов и в том числе — процесса катаболизма.

V. Κενοῦν — опорожнять

В «Гигиене» глагол κενοῦν значит «очищать полостей тела от продуктов распада в результате метаболизма или при помощи лекарственных средств и физических методов» (De san. tuend. 6.9. 3; Comm. Plat. 2. 39).

Очистить (κενοῦν) тело от избытков влаги, гуморов и конечных продуктов метаболизма во всех внутренних каналах (De san. tuend. 6. 7. 16; 6. 63. 13; 6. 64. 2; 6. 67. 11) можно,

[7] Лекарства, способствующие изменению внутренних гуморов, назначали при лихорадке, возникшей вследствие закупорки пор (Alex. Febr. 305).

вызвав рвоту (Hipp. Diaet. 59. 1; Paul. Epit. med. 2.19. 12), слабительными и мочегонными средствами (Archig. Fr. 10. 9), усиленным дыханием (Gal. De san. tuend. 6. 1. 20), теплыми ваннами (Hipp. Diaet. 57. 5), упражнениями (Ibid. 64. 4.), массажем и половыми сношениями (Ibid. 58. 7). Гален добавляет, что «опустошить» (κενοῦν) тело человека может также печаль (Sect. 1. 94. 16). Кроме того, этим глаголом обозначается кровопускание (Gal. De san. tuend. 6. 80. 6; Sect. 1.89.17; Eras. Test. Fr. 232. 7). Общее значение κενοῦν по сравнению с глаголами τήκειν и διαφορεῖν видно из следующего контекста: εἰ μὲν τὸ κενοῦν διὰ τοῦ τήκειν δηλοῖ, πλέον οὐδὲν σημαίνει τοῦ διαφορεῖν (Gal. De san. tuend. 6. 102. 3) — «Если «очищать» показать через «плавить», то этот глагол не будет значить больше, чем «выводить через потоотделение»».

В наши дни известно, что массаж улучшает секреторную функцию желез и слегка воздействует на кожно-жировую клетчатку благодаря повышению обмена веществ и удалению воды из тканей, в результате пациент «освобождается» от излишков влаги и жира. В процессе массажа активизируются моторно-висцеральные и сегментарные рефлексы, что приводит к изменению функции органов, тканей и систем организма, следовательно, улучшается работа выделительных систем (Plotnikov 2008: 5–7). Поэтому античные представления о том, что массаж способен κενοῦν «освобождать» и «опустошать», вполне можно соотнести с современными представлениями.

VI. Διαφορεῖν — очищаться путем опорожнения внутренних каналов или за счет потовыделения

Свойством διαφορεῖν — «выводить излишки за счет потовыделения» из тела пациента обладает продолжительный мягкий массаж (De san. tuend. 6. 99. 14), упражнения (De san. tuend. 6. 211. 12), ванны (De san. tuend. 6. 196. 1) и некоторые болезненные симптомы, например, лихорадка (Gal. Anat. 2. 677. 13; Joan. Spir. anim. 2. 5. 3. 2).

В античной медицинской традиции «очищаться» могли различные органы, например, желудок (P. Hipp. Διαφ. τροφ. 489. 16), а также отдельные части тела (Gal. Ars med. 1.395. 16). Обычно через пот выходили накопившиеся в организме вредные вещества (Arch. Fr. 70. 174; Gal. De san. tuend. 6. 201. 116), пневма (Erasistr. Test. fr. 144. 20), внутренняя влага (Diosc. Mat. med. I. 61. 2.1). Причем такое «очищение» осуществлялось лишь при наличии искусственного (Dioscor. Mat. med. I. 61.2. 1)

или естественного расширения проходов внутри организма (Gal. De san. tuend. 6. 218. 14) и при повышении температуры тела пациента (Gal. Temp. 1. 606. 9; Gal. U. Part. 4. 163. 10). Диафоретическим эффектом обладали лекарственные средства (Gal. Ars med. 1. 397. 5), например, твердое масло (P. Hipp. Διαφ. τροφ. 497. 14), мальва (P. Hipp. Διαφ. τροφ. 497), шерсть, пропитанная оливковым маслом (Pallad. Hipp. Fract. 74. 17), уксус (Diosc. Mat. med. 1. 308), специальные массажные масла (Aët. Iatr. 30. 1). По словам Галена, глагол διαφορεῖν нужно использовать для описания метаболических процессов, происходящих на поверхности кожи, а процессы внутри организма описываются при помощи глагола λεπτύνειν (De san. tuend. 6. 278. 10).

Глагол διαφορεῖν — однокоренной глаголу φέρω «нести» и дословно означает «выносить через». В современной медицине процессу, обозначаемому этим глаголом, близко потоотделение в процессе терморегуляции, поэтому до сих пор потогонные средства называют дифоретическим. Таким образом, в античной медицине глагол διαφορεῖν чаще всего употребляется в семантическом поле «выведение конечных продуктов метаболизма путем потоотделения»[8].

Все перечисленные выше глаголы объединены общим значением «снижение массы тела». Помимо того, что все глаголы обозначают определенное воздействие на тело, на ткани тела и органы, глаголы μινύθειν, λεπτύνειν, κενοῦν, διαφορεῖν обозначают еще и воздействие на пневму, глаголы τήκειν, λεπτύνειν — на гуморы и конечные продукты метаболизма. Кажется, что все шесть глаголов описывая одно явление — «снижение массы тела» — и характеризуют разные стороны протекания этого процесса в организме человека. Под воздействием тепла внутренние субстанции организма плавятся (τήκειν), затем истончаются и приходят в состояние, удобное для выведения (λεπτύνειν), затем они выводятся по внутренним каналам (κενοῦν) или через поры кожи (διαφορεῖν), и в результате тело «иссушается» (ἰσχναίνειν) и «уменьшается» (μινύθειν) в размере.

[8] С этим согласны и другие исследователи древнегреческой медицины (Osborn D.).

Издания текстов

Aëtius. Libri medicinales i–iv., ed. Olivieri, A. Leipzig: Teubner, 1935.

Alexander. De febribus. Vol. 1, ed. Puschmann, T. Vienna: Braumüller, 1878, Repr. 1963.

Anonymi Medici. Commentatio de urinis. Physici et medici Graeci minores, vol. 2, ed. Ideler, J.L.Berlin: Reimer, 1842, Repr. 1963.

Anonymus Londinensis. Iatrica. Anonymi Londinensis ex Aristotelis iatricis Menoniis et aliis medicis eclogae, ed. Diels, H. Berlin: Reimer, 1893; Commentaria in Aristotelem Graeca, suppl. 3.1.

Apollonius. In Hippocratis de articulis commentaries. Apollonios von Kition. Kommentar zu Hippokrates über das Einrenken der Gelenke, ed. Kollesch, J., Kudlien, F. Berlin: Akademie-Verlag, 1965.

Archigenes Fragmenta., ed. Brescia, C. Naples: Libreria Scientifica Editrice, 1955.

Archigenes, Fragmenta inedita, ed. Calabrò, G.L., 1961

Dioscorides Pedanius, De materia medica. Libri quinque, 3 vols., ed. Wellmann, M. Berlin: Weidmann, 1:1907; 2:1906; 3:1914, Repr. 1958.

Erasistratus. Testimonia et fragmenta., ed. Garofalo, I. Pisa: Giardini, 1988.

Erotianus Gramm., Vocum Hippocraticarum collectio, ed. E. Nachmanson. Göteborg: Eranos, 1918.

Galenus De difficultate respirationis libri iii. Claudii Galeni opera omnia, vol. 1, 3, 4 2, 7, 10 ed. C. G. Kühn. Leipzig: Knobloch, 1824, Repr. 1965.

Galenus, In Platonis Timaeum commentarii fragmenta (e cod. Paris. gr. 2838), ed. Schröder, H.O. Leipzig: Teubner, 1934; Corpus medicorum Graecorum, supplementum, vol. 1.

Galenus. De morborum temporibus liber. Die Schrift Galens Περὶ τῶν ἐν ταῖς νόσοις καιρῶν und ihre Überlieferung, pt. 2, ed. Wille, I., 1960.

Galenus. De sectis ad eos qui introducuntur. Claudii Galeni Pergameni scripta minora, vol. 3, ed. Marquardt, J., Müller, I., Helmreich, G. Leipzig: Teubner, 1893, Repr. 1967.

Galenus. De temperamentis libri iii. ed. Helmreich, G. Kühn V. I Leipzig: Teubner, 1904, Repr. 1969.

Galenus. De victu attenuante. Corpus medicorum Graecorum, vol. 5.4.2. ed. Kalbfleisch, K. Leipzig: Teubner, 1923

Galenus. De usu partium. Helmreich, G. Leipzig: Teubner, 1:1907; 2:1909, Repr. 1968.

Hippocrates et Corpus Hippocraticum. Oeuvres complètes d'Hippocrate, vol. 2, 3, 4, 5, 6, 7, Ed. Littré, É. Paris: Baillière, 1849, Repr. 1962.

Joannes Actuarius. De spiritu animali.
Physici et medici Graeci minores, vol. 1, ed. Ideler, J.L.
Berlin: Reimer, 1841, Repr. 1963.

Meletius De natura hominis. Anecdota Graeca et codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium, vol. 3. ed. Cramer, J. A. Oxford: Oxford University Press, 1836, Repr. 1963.

Palladius. Kommentar zu Hippokrates ‘De fracturis’ und seine Parallelversion unter dem Namen des Stephanus von Alexandria, ed. Irmer, D. Hamburg: Buske, 1977; Hamburger philologische Studien 45.

Philumenus. De venenatis animalibus eorumque remediis, ed. Wellmann, M. Leipzig: Teubner, 1908

Pseudo-Hippocrates. Ἑρμηνεία περὶ ἐνεργῶν λίθων. Les lapidaires de l’antiquité et du Moyen Age, vol. 2.1, ed. Ruelle, C.É. Paris: Leroux, 1898.

Pseudo-Hippocrates. Περὶ διαφορᾶς τροφῶν πρὸς Πτολεμαῖον. Anecdota Atheniensia et alia, vol. 2, Ed. Delatte, A. Paris: Droz, 1939.

Theophilus Protospatharius, Damascius et Stephanus Atheniensis. Commentarii in Hippocratis aphorismos, Scholia in Hippocratem et Galenum, vol. 2, ed. Dietz, F. R. Königsberg: Borntraeger, 1834, Repr. 1966.

Литература

Agadzhanyan, N. A., Smirnov, V. M. 2009: *Normal’naya fiziologiya* [*Normal physiology*]. Moscow.

Агаджанян, Н. А., Смирнов В. М. 2009: *Нормальная физиология*. М.: МИА

Beekes, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. With the assistance of L. van Beek. Vol. 1–2. Leiden; Boston: Brill.

Bridget, S. W. 2002: Historical review. The spleen. *British Journal of Haematology*, 265–274.

Dorland, W. A. Newman (ed.). 2008: *Dorland’s pocket medical dictionary*. 28th edition. Philadelphia.

Gorchakov V. N., Tysyachnova Yu. V., Komuro N. G. 2003: *Sposob manual'nogo limfaticheskogo drenazha (limfomassazha) v sochetanii s dyhatel'nymi uprazhneniyami...* [*The way to manual lymphatic drainage (lymphomassage)...*] [Patent RU № 2 203 016 C2 27].

Горчаков В. Н., Тысячнова Ю. В., Комуро Н. Г. 2003: *Способ мануального лимфатического дренажа (лимфомассажа) в сочетании с дыхательными упражнениями на фоне приема лимфотропных средств.* Патент РФ № 2 203 016 C2 27].

Irmscher J., Johne R. *Lexikon der Antike*. Leipzig, 1979.

Ирмшер Й., Йоне Р. 1989: *Словарь античности*. Пер. с нем. М.: Прогресс.

Plotnikov V. P. 2008: *Vvodny kurs osnov klassicheskogo i segmentarnogo massazha. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov*. [*Induction course to the foundations of classical and segmental massage*]. Moscow.

Плотников В. П. 2008: *Вводный курс основ классического и сегментарного массажа. Учебно-методическое пособие для студентов*. М.: ВУНМЦ МЗ РФ.

Yanzina E. V., Korneev O. V. 2016: [About some aspects of preparation of martial athletes to competition: practice and terminology of work-

out session]. *Indoevropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*]. 20, 831–849.

Янзина Э. В. Корнеев О. В. 2016: О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 20, 831–849.

Osborn, D. 2007–2015: Greek medicine. http://www.greekmedicine.net/ (дата обращения: 27.01.21).

Petrovskiy, B. V. 1989: *Bol'shaya medicinskaya enciklopediya* [*The Great Medical Encyclopedia*]. Moscow.

Петровский, В. П. 1989: *Большая медицинская энциклопедия.* 3-е издание М.

https://бмэ.орг/index.php/Большая Медицинская Энциклопедия: Об_Энциклопедии (дата обращения: 27.01.21).

Vasmer M., 1953–1958. *Russisches etymologisches Wörterbuch*. 3 Bd. Heidelberg: Carl Winter; Universitätsverlag,

Фасмер, М. 2004: *Этимологический словарь русского языка*: В 4 т.: Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 4-е изд., М.: Астрель; АСТ,. https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=1669008 (дата обращения: 27.01.21)

DOI:10.30842/ielc230690152558

О. В. Осипова
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ ОБ ИЗЛОЖЕНИИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Рассматриваются рассуждения Дионисия Галикарнасского о древнейшей истории (ἀρχαιολογία) как теме (ὑπόθεσις) исторических сочинений. Сопоставляются обоснование выбора темы произведения в «Римских древностях» и анализ содержания исторических сочинений в трактате «О Фукидиде» и «Письме к Помпею». Отмечается, что Дионисий Галикарнасский считает древнейшую историю темой как отдельного произведения, так и экскурсов в составе современной политической истории. Делается вывод, что рассуждения Дионисия Галикарнасского о месте древнейшей истории в исторических сочинениях обусловлены системой достоинств содержания — требованием разнообразия (ποικιλία).

Ключевые слова: древнегреческая историография, древнегреческая риторика, содержание, «древности», Дионисий Галикарнасский, Полибий, Фукидид, Диодор Сицилийский.

O. V. Osipova
(Lomonosov Moscow State University)

Dionysius of Halicarnassus on the presentation of the earliest history

In the present paper, Dionysius of Halicarnassus' views on the earliest history (ἀρχαιολογία) as a subject matter (ὑπόθεσις) of historical writings are examined. His motivation for the choice of subject in the *Roman Antiquities* and analysis of the content of historical works in the treatise *On Thucydides* and the *Letter to Pompeius* are compared. Relevant passages from the works of his predecessors Thucydides, Polybius, and his contemporary Diodorus Siculus are also discussed. It is noted that Dionysius of Halicarnassus considers the earliest history appropriate to both a separate historical work and an excursus as a part of a contemporary political history. It is concluded that Dionysius of Halicarnassus' views on the place of the earliest history in historical works are associated with his rhetorical system of virtues, particularly variety (ποικιλία) of content.

Keywords: Ancient Greek historiography, Ancient Greek rhetoric, content, antiquities, Dionysius of Halicarnassus, Polybius, Thucydides, Diodorus Siculus.

Дионисий Галикарнасский (ок. 55 — после 8 г.[1]) известен как автор риторических трактатов, в которых анализирует содержание и стиль произведений историков («О Фукидиде», «Письмо к Помпею», «Второе письмо к Аммею»), и исторического сочинения «Римские древности», которое он создает, очевидно, в соответствии с собственной теорией о том, как нужно писать историю (Pritchett 1975: XVIII). Исследователи подробно анализируют введение к «Римским древностям» (Dion. Hal. Ant. Rom. 1.1–8) (Schultze 2000: 6–14; Oakley 2019: 130–132, 137) и сопоставляют рассуждения Дионисия Галикарнасского о выборе важной и полезной темы и приемах ее изложения с разбором достоинств и недостатков содержания произведений историков V–IV веков в «Письме к Помпею» (Dion. Hal. Pomp. 3–6), находя лексические параллели (Sacks 1983: 74–76; Matijašić 2018: 73–74). В данной статье делается попытка рассмотреть рассуждения Дионисия Галикарнасского о древнейшей истории (ἀρχαιολογία) как теме (ὑπόθεσις) произведения, исходя из его анализа содержательной стороны (πραγματικὸς τόπος) исторических сочинений в риторических трактатах «О Фукидиде» и «Письмо к Помпею» и историческом труде «Римские древности».

Можно заметить, что Дионисий Галикарнасский не ограничивает тематику произведений историков. В трактате «О Фукидиде» он рассматривает «Историю» Фукидида (ок. 460–396 гг.) в контексте литературной традиции и сравнивает содержание и стиль произведения с сочинениями его предшественников (Dion. Hal. Thuc. 6, 9, 23), объединяя темы (ὑποθέσεις) их исторических трудов в две группы: локальная история отдельных греческих полисов или варварских народов с элементами этнографии (κατὰ ἔθνη καὶ κατὰ πόλεις), как в произведениях ранних ионийских историков, и политическая история (τὴν πραγματικὴν προαίρεσιν — «прагматический замысел») — панорама событий (πράξεις) нескольких десятилетий в различных греческих и варварских государствах, как в «Истории» Геродота (Dion. Hal. Thuc. 5)[2].

---

[1] Здесь и далее все даты — до н. э.

[2] Подробный анализ этой главы дает У. К. Притчетт (Pritchett 1975: 50–57). Перечисленным в трактате «О Фукидиде» ранним ионийским историкам посвящена статья Д. Л. Тойе (Toye 1995), а их оценку Диононисием Галикарнасским рассматривает И. Е. Суриков (Surikov 2019: 54–56).

Итак, Дионисий Галикарнасский выделяет особый вид исторических сочинений — «краеведческую» литературу, основанную на знании автором местной традиции (Sidorovich 2005: 92–93). Упоминание о «прагматическом замысле» Геродота указывает на связь рассуждений Дионисия Галикарнасского об исторических сочинениях с представлениями Полибия (ок. 200 –118 гг.) о «прагматической» истории (Surikov 2019: 55, n. 26). Полибий, обозначая тематику своей «Всеобщей истории» — политической истории, выделяет три рода (τρόποι) древнегреческих исторических сочинений, исходя из темы и предполагаемой аудитории — адресата произведения (Pol. 9.1.5): «генеалогическая» история» (ὁ γενεαλογικὸς τρόπος), включающая мифографию, предназначена для любителя рассказов (τὸν φιλήκοον), повествование о колониях, об основании городов и родстве племен (ὁ περὶ τὰς ἀποικίας καὶ κτίσεις καὶ συγγενείας) — для любознательного и ученого (τὸν πολυπράγμονα καὶ περιττόν), история народов, государств и правителей (ὁ περὶ τὰς πράξεις τῶν ἐθνῶν καὶ πόλεων καὶ δυναστῶν) — для государственного деятеля (ὁ πολιτικός). Первые два вида можно назвать антикварными исследованиями (Sidorovich 2005: 90, 102) и сопоставить с «краеведческой» литературой в трактате «О Фукидиде». В «Римских древностях» Дионисий Галиканасский также перечисляет названные Полибием виды исторических сочинений (Dion. Hal. Ant. Rom. 1.5.1–2), отмечая, что в его произведении объединены «краеведение» (περὶ τῶν οἰκισάντων τὴν πόλιν) и изложение событий (περὶ τῶν πράξεων), поэтому его труд подходит для разных читателей (Dion. Hal. Ant. Rom. 1.8.3) (Schultze 2000: 9–10).

Итак, древнейшая история, или «археология», может быть темой отдельного произведения или составлять его часть. Дионисий Галикарнасский и Диодор Сицилийский (ок. 90–21 гг.), автор «Исторической библиотеки», первая часть которой «мифологическая», считают избранную ими тему полезной (ὑποθέσεις... πολλὴν ὠφέλειαν τοῖς ἀναγνωσομένοις φερούσας, Dion. Hal. Ant. Rom. 1.1.2, τὴν ὑπόθεσιν... ὠφέλιμον, Dion. Hal. Ant. Rom. 1.2.1; ὑπόθεσιν ἱστορικὴν... τὴν πλεῖστα ὠφελῆσαι δυναμένην, Diod. 1.3.5, πραγματείαν πασῶν εὐχρηστοτάτην, Diod. 1.3.6, ταύτην τὴν ὑπόθεσιν χρησιμωτάτην, Diod. 1.4.1), так как она еще никем не была освещена или была лишь бегло затронута в произведениях предшественников (Marincola 1997: 112–114).

Отметим, что Дионисий Галикарнасский называет «археологией» все свое произведение (ἐπὶ τὴν... ἀρχαιολογίαν ἀπέκλινα,

Dion. Hal. Ant. Rom. 1.4.1; Schultze 2000: 14), а Диодор Сицилийский — «мифологическую» часть своего произведения (τὰς βαρβαρικὰς,.. τὰς τῶν Ἑλλήνων ἀρχαιολογίας, Diod. 1.4.6, ἐν ταῖς ἀρχαιολογίαις, Diod. 1.9.5, τῆς ἀρχαιολογίας, Diod. 4.1.4), и оба автора используют это слово, ссылаясь на предшественников, посвященные мифологии (τὰς περὶ τῶν Ἀμαζονίδας ἀρχαιολογίας, Diod. 2.46.6) и ранней римской истории (τὴν Ῥωμαϊκὴν ἀρχαιολογίαν, Dion. Hal. Ant. Rom. 1.6.1, ἐν ἀρχαιολογίαις, Dion. Hal. Ant. Rom. 1.14.1, 2.21.2, τὰς Ῥωμαϊκὰς ἀρχαιολογίας, Dion. Hal. Ant. Rom. 1.31.1, τὴν Ἀττικὴν ἀρχαιολογίαν, Dion. Hal. Ant. Rom. 1.61.5).

Написание «археология» предполагает использование сочинений других авторов, и Дионисий Галикарнасский в трактатах и «Римских древностях» отмечает недостатки изложения (ἐξεργασία) древнейшей истории в произведениях своих предшественников. Прежде всего он указывает на узость тематики локальной истории (μονόκωλον — букв. «одночленная», Dion. Hal. Thuc. 6) у ранних ионийских историков и у древнегреческих и римских историков, писавших о раннем Риме (Dion. Hal. Ant. Rom. 1.6.1; Sidorovich 2005: 102–103), а следствием сосредоточенности на одной теме, по Дионисию Галикарнасскому, становится однообразие повествования (ὁμοειδής, Dion. Hal. Pomp. 5.2, μονοειδεῖς, Dion. Hal. Ant. Rom. 1.8.3), то есть отсутствие одного из достоинств содержания — разнообразия (ποικιλία), которое должно быть в произведениях историков (μεταβολὴ καὶ ποικίλον, Dion. Hal. Pomp. 3.12, ποικίλην… τὴν γραφὴν, Dion. Hal. Pomp. 3.11, πεποίκιλκε τὴν γραφήν, Dion. Hal. Pomp. 4.2) (Fornaro 1997: 194–197; Nünlist 2009: 198–199). Отметим, что в «Римских древностях» Дионисий Галикарнасский не только объединяет различные темы, о чем было сказано ранее, но и излагает их в «смешанной» форме (σχῆμα μικτόν), избегая таким образом монотонности, свойственной его источникам (Dion. Hal. Ant. Rom. 1.8.3) (Fromentin 1993: 183–185).

Внесение разнообразия (ποικίλλειν) в «краеведческую» литературу добавлением мифов (μυθώδεσι ἐπεισοδίοις, μυθικὰ πλάσματα, Dion. Hal. Thuc. 7) и «театральных поворотов» (θεατρικαὶ περιπέτειαι, Dion. Hal. Thuc. 5, θεατρικὰς γοητείας, Dion. Hal. Thuc. 7), предполагающих внешнюю эффектную подачу изображения и гиперболическую образность, лишает содержание убедительности (τὸ πιθανόν): в сочинениях ранних ионийских историков Дионисий Галикарнасский называет эти приемы «глупыми» (ἠλίθιον, Dion. Hal. Thuc. 6), а один из

изложенных Фабием Пиктором рассказов, «полный драматической неуместности» (ὡς δραματικῆς μεστὸν ἀτοπίας), считает «неубедительным» (ἀπίθανον, Dion. Hal. Ant. Rom. 1.84.1)[3].

Вносить разнообразие в изложение событий могут и «археологии-экскурсы». В отступлениях, посвященных истории далекого прошлого, содержатся географические и этнографические сведения и излагаются мифы; такие экскурсы можно назвать объяснительными — добавляющими информацию, необходимую для понимания излагаемых событий[4]. Полибий, кроме типологии исторических сочинений, дает и классификацию отступлений (παρεκβάσεσι) в произведениях древних историков (τῶν ἀρχαίων συγγραφέων): мифологические (μυθικαῖς), повествовательные (διηγηματικαῖς), связанные, по-видимому, с формой изложения материала, и исторические (πραγματικαῖς), имеющие отношение к излагаемым событиям (Pol. 39.1.9). Можно заметить, что Полибий указывает на роль экскурсов, создающих паузы (ἀναπαύσεις, προσαναπεπαῦσθαι) в однообразном повествовании, как и Дионисий Галикарнасский, который пишет о необходимых паузах (ἀναπαύσεις) в последовательном изложении событий политической истории (Dion. Hal. Pomp. 3.11) — географических и этнографических отступлениях: история возвышения царства одрисов, предваряющая изложение событий во Фракии (Thuc. 2.96–97) и «Сицилийская археология» — рассказ о местных народах и греческих колониях, предваряющий описание сицилийской экспедиции афинян в «Истории» Фукидида (Thuc. 6.2–5, см. Dion. Hal. Pomp. 3.12).

Исследователи отмечают, что мотивировка включения экскурсов о событиях прошлого, в том числе «археологий», в анналистическое повествование совпадает с обоснованием выбора древнейшей истории темой целого произведения, о чем

---

[3] М. Фокс считает «театральность» одной из особенностей ранней римской историографии (Fox 2019: 193).

[4] Л. И. Хау дает классификацию экскурсов в классической и эллинистической историографии, прежде всего во «Всеобщей истории» Полибия, основываясь на мотивировке (motivating factors) их включения в повествование и выделяет пять следующих видов: экскурсы оценочные (evaluative), объяснительные (explanatory), философские (philosophical) — рассуждения о человеческом поведении или ходе истории, связанные с излагаемыми событиями, полемические (polemical), анализирующие изложение того же события другими историками, и ассоциативные (associative), непосредственно не связанные с излагаемыми событиями (Hau 2016: 10, 30).

было сказано ранее: Фукидид делает отступление (ἐκβολή, Thuc. 1.97.2) о «Пятидесятилетии» (ок. 480–430 гг., Thuc. 1.89–117), так как предшественники писали об этом периоде кратко и без подробностей (βραχέως, οὐκ ἀκριβως, Thuc. 1.97.2 — ср. Dion. Hal. Ant. Rom. 1.4.2) (Marincola 1997: 113; Schultze 2000: 11). Добавим, что включение в рассказ о сицилийской экспедиции «Сицилийской археологии» Фукидид также объясняет отсутствием необходимых сведений: афиняне не знают ничего (ἄπειροι) ни о величине острова, ни о живущих там людях (Thuc. 6.1.1).

Заметим, что если «Сицилийскую археологию» Дионисий Галикарнасский относит к удачным отступлениям (Dion. Hal. Pomp. 3.12), то вводные главы «Истории» Фукидида — «Археологию», в которой излагается древнейшая история Греции (Thuc.1.2–19), он считает слишком пространной — отдельным историческим сочинением (ἱστορία τις αὐτὴ καθ’ αὑτήν, Dion. Hal. Thuc. 19) и предлагает свой вариант введения к истории Пелопоннесской войны — без «Археологии» (Thuc. 1.1, 21–23 — см. Dion. Hal. Thuc. 20).

Хотя Дионисий Галикарнасский не отдает явного предпочтения какому-то одному типу исторических сочинений, например, политической истории, как Полибий (Pol. 9.2), тем не менее в его произведениях можно увидеть намек на вспомогательную роль изложения древнейшей истории: «археология» как отдельное произведение, его часть или экскурс важна не сама по себе, а как способ объяснения событий современной истории.

Таким образом, можно заключить, что рассуждения Дионисия Галикарнасского о месте древнейшей истории в исторических сочинениях, рассмотренные с точки зрения выбора темы и техники изложения, обусловлены системой достоинств содержания, прежде всего требованием разнообразия (ποικιλία).

Литература

Fox, M. 2019: The Prehistory of the Roman *polis* in Dionysius. In: R. Hunter, C. C. de Jonge (eds.). *Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography*. Cambridge, 180–200.

Fornaro, S. 1997: *Epistola a Pompeo Gemino. Introduzione e commento*. Stuttgart; Leipzig.

Fromentin, V. 1993: La définition de l'histoire comme «mélange» dans le prologue des *Antiquités Romaines* de Denys d'Halicarnasse (I, 8, 3). *Pallas* 39, 177–192.

Hau, L. I. 2016: *Moral History from Herodotus to Diodorus Siculus*. Edinburgh.

Marincola, J. 1997: *Authority and Tradition in Ancient Historiography*. Cambridge.

Matijašić, I. 2018: *Shaping the Canons of Ancient Greek Historiography: Imitation, Classicism, and Literary Criticism*. Berlin, Boston.

Nünlist, R. 2009: *The Ancient Critic at Work: Terms and Concepts of Literary Criticism in Greek Scholia*. Cambridge.

Oakley, S. P. 2019: The Expansive Scale of the *Roman Antiquities*. In: R. Hunter, C. C. de Jonge (eds.). *Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography*. Cambridge, 127–160.

Pritchett, W. K. 1975: *Dionysius of Halicarnassus:* On Thucydides. Berkeley.

Sacks, K. S. 1983: Historiography in the Rhetorical Works of Dionysius of Halicarnassus. *Athenaeum* 61, 65–87.

Schultze, C. E. 2000: Authority, Originality, and Competence in the *Roman Archaeology* of Dionysius of Halicarnassus. *Histos* 4, 6–49.

Sidorovich, O. V. 2005: *Annalisty i antikvary: rimskaya istoriografiya kontsa III–I v. do. n. e.* [*Annalists and Antiquarians: Roman Historiography of the Late 3rd–1st Centuries BC*]. Moscow.
Сидорович, О. В. 2005: *Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I в. до н. э.* М.

Surikov, I. E. 2019: [The Earliest Greek Historians' Spatial Categories. I. Hecataeus of Miletus, "Europe"]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 3, 53–71.
Суриков, И. Е. 2019: Пространственные категории у древнейших греческих историков. I. Гекатей Милетский, «Европа». *Проблемы истории, филологии, культуры* 3, 53–71.

Toye, D. 1995: Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians, *American Journal of Philology* 116, 279–302.

DOI:10.30842/ielc230690152559

А. Д. Пантелеев (Санкт-Петербургский гос. университет),
М. В. Поникаровская (СПб филиал Архива РАН)

АКТЕРЫ И ИМПЕРАТОРЫ: ТЕХНИТЫ ДИОНИСА В I–II вв.*

Статья посвящена истории союзов технитов Диониса и атлетов Геракла в первые два века Римской империи. Основной источник наших знаний о них — многочисленные греческие и латинские надписи. Деятельность сообществ артистов быстро вышла за пределы мира зрелищ, а их объединения, имевшие филиалы по всему Средиземноморью, стали принимать активное участие в политической жизни. Несмотря на то, что они в свое время поддержали Митридата VI Евпатора, а затем Марка Антония, Октавиан Август не стал преследовать их. В это время греческие игры уже стали органической частью римской зрелищной культуры, и Август воспользовался услугами технитов Диониса для увеселения римского народа и демонстрации своего уважения к эллинизированному Востоку и его культуре. В I в. н. э. в Риме существуют много объединений артистов и театральных поэтов: parasiti Apollinis, societas cantorum Graecorum, collegia cantorum, corpus tragicorum и corpus comicorum и другие. В первой трети II в. Траян и Адриан реформируют эти сообщества, создав централизованную систему управления организаторами и участниками зрелищ. В результате этих мероприятий императоры получили новые возможности для проведения культурной и религиозной политики, а актеры и атлеты приблизились к власти и повысили как свой социальный статус так и, скорее всего, гонорары.

Ключевые слова: Римская империя, зрелища, техниты Диониса, атлеты, сообщества.

A. D. Panteleev (St. Petersburg State University),
M. V. Ponikarovskaya (SPb Branch of the Archive of the RAS)

Actors and Emperors: the *Technitai of Dionysus* in the 1st–2nd Centuries AD

The article explores the history of the associations of “Technitai of Dionysus” and the “Athletes devoted to Heracles” in the first two centuries of the Roman Empire. The multitude of Greek and Latin inscriptions is the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00455 «Античные основы современной зрелищной культуры: визуализация и перфоманс в религии и политике».

main source of our information about them. The activities of the communities of performers quickly expanded beyond the world of entertainment, and their associations, which had branches throughout the Mediterranean, began to take an active part in political life. Despite the fact that they had once supported Mithridates VI Eupator and then Mark Antony, Octavian Augustus did not pursue them. At that time Greek games had already become an organic part of the Roman entertainment culture, and Augustus used their services to amuse Roman people and demonstrate his respect for the Hellenized East and its culture. In the 1st century AD there were many associations of performers and theater poets in Rome: "parasiti Apollinis", "societas cantorum Graecorum", "collegia cantorum", "corpus tragicorum" and "corpus comicorum", and others. In the first third of the 2nd century AD Trajan and Hadrian reformed these communities by creating a centralized management system for the organizers and participants of performances. As a result of these activities, the emperors were given new opportunities to conduct cultural and religious policies, while actors and athletes came closer to power and increased both their social status and, most likely, their fees.

Keywords: Roman Empire, performance, Technitai of Dionysus, athletes, associations.

На рубеже IV–III в. до н. э. греческие профессиональные актеры и музыканты стали объединяться в союзы, называвшиеся ἡ σύνοδος (или τὸ κοινὸν) τῶν περὶ τὸν Διόνυσον τεχνιτῶν (Poland 1934; Le Guen 2001; Aneziri 2002; Sharnina 2002)[1]. Уже во время Эсхила в подготовку театральных представлений вовлекают не только актеров и музыкантов, но и художников, ремесленников и рабочих сцены. К эпохе эллинизма театральные постановки становятся настоящей индустрией с узкой специализацией (Ponikarovskaya 2013). В состав этих сообществ входили все, кто имел отношение к эллинскому театру и шире, мусическим искусствам: кифаристы, флейтисты, эпические поэты, поэты-трагики и комики, рапсоды, актеры, учителя хора, постановщики спектаклей (Syll.[3] 711 L; 106/5 г. до н. э.). Союзы технитов Диониса действовали на Балканах, в Малой Азии, на Кипре, в Египте, Южной Италии и на Сицилии. Они выступали организаторами и участниками различных игр для правителей эллинистических государств и отдельных полисов (Aneziri 2007). Иногда разные товарищества конкурировали из-за контроля над теми или иными мероприятиями, иногда сотрудни-

[1] В этом случае каких-то отличий между σύνοδος и κοινόν нет (Jory 1970: 224); анализ использования терминов см. в: Poland 1934: 2480–2484.

чали. Эти ассоциации редко упоминаются античными писателями, и основную информацию об их деятельности мы получаем из надписей, а в более позднее время — из папирусов. Спустя какое-то время по образцу товариществ технитов Диониса возникли союзы атлетов, находившиеся под покровительством Геракла (P.Lond. 137; Sherk 1969: 290–293); к сожалению, о спортсменах сохранилось меньше сведений, чем о технитах Диониса. Вскоре их деятельность вышла за пределы мира зрелищ, и объединения технитов, имевшие филиалы во многих городах, стали принимать участие в дипломатических переговорах между полисами, царями и Римом (Sharnina 2002: 271–284; Bulycheva 2018). Они налаживали отношения между полисами и часто содействовали повышению статуса игр от полисных до общеэллинских. Техниты Диониса способствовали выступлению Афин на стороне Митридата, которого они объявили Новым Дионисом (Athen. V.212.49), что не помешало позже воспользоваться их услугами Сулле (App. BC, I.463) и Помпею (Plut. Pomp., 52.5). Во время последнего витка гражданских войн афинские и малоазийские техниты оказались вовлечены Марком Антонием в его противостояние с Октавианом (Plut. Ant., 23–24). Уже этого, казалось бы, было достаточно для того, чтобы привлечь к себе внимание Августа, не отличавшегося готовностью прощать противников, — чего стоит хотя бы знаменитое *moriendum esse* при казни всех пленных после взятия Перузии (Suet. Aug., 15.1), — но судя по всему, союзы технитов не были наказаны. Напротив, Октавиан учредил в честь своей победы праздничные Актийские игры, где без актеров, музыкантов и атлетов было не обойтись (Strabo, VII.7.6; Jos. BJ, I.20.4; Suet. Aug., 18; Dio Cass., LI.1). Вероятно, он решил, что мстить им было бы недостойным делом для хорошего правителя[2], но скорее, в планах Августа, прирожденного политика, им нашлось свое место.

К этому времени греческие игры уже стали органической частью римских зрелищ. Первый шаг в этом направлении был сделан, когда агоны оказались включены в триумфальные торжества, проводившиеся в честь побед на Балканах. В 186 г. до н. э. Марк Фульвий Нобилиор после Этолийской войны устроил пышные десятидневные игры, в которых принимали участие греческие актеры и атлеты (Liv., XXXIX.22.1–2).

[2] Это не мешало Августу наказывать актеров и мимов за конкретные проступки (Suet. Aug., 45).

В 167 г. до н. э. в триумфе Луция Аниция Галла, полученном за победу над иллирийцами, участвовали приглашенные из Эллады знаменитейшие артисты, музыканты и танцоры (Polyb., XXX.22). Наконец, Сулла во время своего триумфа перенес в Рим почти все состязания во время 175-х Олимпийских игр, оставив Греции только бег на один стадий (App. Bell. civ., I.463). В это время большая часть римлян только знакомилась с греческой культурой, поэтому иной раз эти зрелища принимали весьма странный вид. Так, в 167 г. до н. э. артистам и музыкантам было приказано во время выступления устроить шутовскую драку: «Зрелище всех этих состязаний получалось неописуемое. Что касается трагических актеров, прибавляет Полибий, то мои слова покажутся глумлением над читателем, если я вздумаю что-нибудь передать о них» (Athen., XIV.615). Вторым шагом в постепенном введении греческих агонов в Риме стало включение греческих игр в римский погребальный обряд, что сделал Марк Эмилий Скавр в 58 г. до н. э. (Val. Max., II.4.7) или отец Гая Курия Скрибония в 53 г. до н. э. (Plin. HN, XXXVI.24.120). Третий шаг был предпринят Помпеем Великим, организовавшим мусические и спортивные состязания в честь открытия построенного им театра (Plut. Pomp., 52.5; Dio Cass. XXXIX.38.1). Начиная с I в. до н. э. в Риме формируются сообщества, связанные с проведением таких зрелищ; кроме того, у знатных римлян появляются свои домашние труппы, в состав которых могли входить как рабы и вольноотпущенники, так и свободные (Jory 1970). Возможно, существовали особые объединения иудеев-актеров (Panteleev 2013: 396–397).

Можно было бы предположить, что Август отвел технитам Диониса большую роль в религиозной политике. Это вполне соответствовало бы обычаям эллинистических государств, где без них не обходились ни одни игры в честь обожествленных правителей. Действительно, во 2 г. н. э. в Неаполе впервые были проведены состязания в честь принцепса, «равные Олимпийским» (Ἰταλικὰ Ῥωμαῖα Σεβαστὰ ἰσολύμπια; IG XIV,748=IGR I,449). Эти повторяющиеся каждые четыре года игры, устроенные по греческому образцу и связанные с императорским культом, создали прецедент для введения подобных зрелищ в Риме, что, однако, произошло только при Нероне. Почти одновременно ок. 60 г. в столице были учреждены Ювеналии и Неронии; последние состояли из музыкальных, гимнастических и конных состязаний (Tac. Ann., XV.33.1; Plin. NH, 37.19; Suet. Nero, 12.3–4). После смерти императора Ювеналии, изменив свой

характер, сохранились, Неронии прекратились. Окончательно традиция проведения греческих игр, связанных с императорским культом, в Риме установилась только в 86 г., когда Домициан основал *Ludi Capitolini*. Они прославляли Юпитера Капитолийского и принцепса — защитников империи и включали в себя музыкальные, конные и гимнастические агоны, сопровождавшиеся «конкурсом прозаических произведений на латинском и греческом языках, а помимо певцов, состязались также исполнители на цитре с пением и без пения» (Suet. Dom., 4; cf. Mart., IV.1.6; Cens. De die nat., 18.15). Эти игры проводились до IV в. Таким образом, хотя Август и устраивал игры от своего имени и за других магистратов (Suet. Aug., 43; RGDA 9;22), но при нем они или не были связаны с культом императора, или не имели регулярного характера.

Важность технитов Диониса и участников других объединений, связанных с эллинскими зрелищами, для Августа и его преемников, как нам кажется, была в другом: устраивая игры и покровительствуя этим союзам, императоры показывали себя защитниками и хранителями греческой культуры. Это имело большое значение для жителей восточной части Империи, всегда сохранявшей некоторую оппозиционность по отношению к столице и Западу вообще: после Ахейской (Коринфской) войны 146 г. до н. э. Восток поддержал Митридата VI, затем Антония, а позже многие писатели и риторы из Афин, Малой Азии и Египта принимали участие в «культурных войнах» I–III вв., стремясь продемонстрировать превосходство греческой культурной традиции над римской. Императоры приглашали и щедро награждали актеров, музыкантов и поэтов из этих объединений, одновременно стремясь как-то упорядочить и единообразить этот пестрый, крикливый и склочый мир служителей муз[3]. В I–II вв. только в Риме, помимо технитов Диониса, действовали *parasiti Apollinis*, сначала объединявшие пантомимов и мимов, а позже вообще всех, кого не принимали в союзы технитов (Jory 1970: 237–242), *societas cantorum Graecorum* (AE 1925, no 127; Jory 1970: 242–243), некая *collegia cantorum*, которую следует отличать от предыдущей (AE 1945, no 118; Jory 1970: 243), *corpus tragicorum* и *corpus comicorum*, в

[3] Римские магистраты были вынуждены вмешиваться в споры технитов Диониса из-за выступлений на различных играх и привилегий со II в. до н. э. (IG VII, 2413; 2414 = Le Guen 2001, no. 34; Le Guen 2001, no. 12 et al.), и вряд ли в I в. н. э. ситуация улучшилась.

которые входили драматурги (Jory 1970: 243), и множество других ассоциаций (Jory 1970; Pickard-Cambridge 1968; Caldelli 2012).

В начале II в. Траян и Адриан занялись реорганизацией этих сообществ, о чем свидетельствуют многочисленные надписи с прошениями и постановлениями, связанными с актерами и технитами (Gordillo Hervás 2017: 88). Отличительной новой чертой этих документов является обращения к императору как к покровителю ассоциации — отсюда эпитет «священный», — а иногда, как и царей-покровителей актеров в эллинистическом мире, его называли «новым Дионисом». В анкирской надписи 128 г. мы читаем: Ψήφισμα τῶν ἀπὸ τῆς οἰκουμένης περὶ τὸν Διόνισον καὶ Αὐτοκράτορα Τραϊανὸν Ἁδριανὸν Σεβαστὸν Καίσαρα, νέον Διόνυσον, τεχνειτῶν ἱερονεικῶν στεφανειτῶν καὶ τῶν τούτων συναγωνιστῶν καὶ τῶν νεμόντων τὴν ἱερὰν θυμελικὴν σύνοδον (IGR III,209; Buckler, Keil 1926: 245). Похожие надписи обнаружены в Афинах (IG II^2,3323=SEG 21,802; IG II^2,1348) и в Сардах (IGR IV,1517). Самая ранняя надпись такого рода, известная нам, была найдена в Ниме: [Ψήφισμα τῆς ἱερᾶς θυ]μελικής ἐν Νεμαύσῳ τῶν ἀ[πό τῆς οἰκουμένης περὶ τὸν Διόνισον καὶ Αὐτοκράτορα Νέρ]ουαν Τραϊανὸν Καίσαρα Σεβαστὸν [τεχνειτῶν ἱερονεικῶν στεφανειτῶν συνόδου (IG XIV,2496=SEG 47,1527,5; восст.: Poland 1934,2517). Дж. Оливер счел, что Траян, больше занятый войной, чем театральными делами, был очень странной кандидатурой для роли покровителя таких союзов, и решил, что инициатива этого посвящения восходила к императрице Плотине, «женщине скромной, образованной и сильной духом», которая была настоящим патроном технитов Диониса (Oliver 1975: 127–128).

Мы, со своей стороны, не видим здесь ничего странного. Во-первых, даже если Траян и в самом деле был безразличен к сфере культуры и даже плохо знал греческий, это не должно было ему мешать публично проявлять интерес к эллинской образованности. Достаточно вспомнить рассказ Флавия Филострата о том, как Траян во время триумфа обнимал сопровождавшего его Диона Хризостома, говоря: «Не пойму, о чем толкуешь, но люблю тебя, как самого себя!» (Philostr. VS, I.7.488). Императорам было важно демонстрировать уважение к греческой культуре: хотя комедия и трагедия и не добились широкого признания на латинском Западе, они были популярны на Востоке и среди эллинизированной римской аристократии. Наконец, и это тоже не стоит упускать из виду, Траян мог

рассматривать коллегии и ассоциации как повод для беспокойства, так как они могли стать очагами заговоров и мятежей, о чем он без обиняков пишет Плинию Младшему (Plin. Epist., X.33–34). Одни современные историки считают все эти сообщества «постоянной проблемой для властей» (Achtemeier 1996: 25–26), другие указывают на возможность их взаимовыгодного сотрудничества, но тоже не без оговорок (Harland 2003: 161–173). С актерами со времени Августа часто были связаны всякого рода беспорядки, иногда грозившие перерасти в серьезные волнения (Bollinger 1969; Jory 1984; Slater 1994). Их изгоняли из города за выходки во время выступлений (Tac. Ann., IV.14.4; Suet. Tib., 32; Dio Cass., LVII.21.3), они отпускали обидные шутки в адрес императора и его приближенных (Suet. Nero, 39; Dio Cass., LX.29.3 et al.), они оказывались замешаны в дворцовые интриги (Dio Cass. LX.28; 63.3.1), а иногда знаменитый актер мог отказаться выступать за предложенную плату, и приходилось из-за этого даже созывать сенат (Dio Cass., LVI.41). Таким образом, у Траяна было более чем достаточно причин поставить под контроль деятельность этих сообществ, и это было вполне в русле его политики.

Во время правления Траяна появляется новое объединение — *summum choragium*, в которое вошли артисты, находящиеся на службе императорского двора; это же название имела и постройка у Колизея, где находилось все необходимое для постановок (Jory 1970: 244–249). Типологически оно было, скорее всего, похоже на домашние труппы римских аристократов. Им управляли императорские рабы и вольноотпущенники под руководством вольноотпущенника-прокуратора (CIL III, 348; VI, 10083; 10085 et al.). Среди менее важных чиновников названы *auditores*, каким-то образом связанные с театральными костюмами (CIL 8950), *tabularii a veste scaenica,* отвечавшие за облачение императора во время посещения театра (CIL VI, 10089; 10090), *medici* (CIL VI, 10085), *dispensatores* — управляющие (CIL VI, 10084) и *contrascribtores* — контролеры (CIL VI, 8950). Это сообщество действовало не только в Риме, но и в других городах (Ним — CIL XII 3347; Лептис Магна — IRomTripol. 606). С деятельностью этого союза связан новый этап упорядочивания функционирования ассоциаций, занимавшихся организацией игр: императорские артисты становятся их членами, а затем и возглавляют их. Актер Плебей исполнял в *corpus scaenicorum Latinorum* должности *locator diurnus, scriba* и *magister perpetuus* (CIL XIV, 2299), а актеры Пардал, Апо-

лавст, Пилад и Септентрион были *parasiti Apollinis*, причем Пилад стал патроном этого сообщества (ILS 5186). Наконец, в конце II в. выходцы из *summum choragium* занимают руководящие должности в союзе технитов Диониса: Пилад становится там *sacerdos* (ILS 5186), Септентрион — *sacerdos* и *archiereus* (CIL XIV, 2113; 2997), Аполавст — *archiereus* (CIL X, 3716). Одновременно с этой экспансией императорских артистов происходит и стирание различий между латинскими и греческими играми и их участниками (Jory 1970: 248). Скорее всего, это связано как с общей эволюцией римской зрелищной культуры, так и с постепенным ростом популярности пантомимов и мимов, ранее считавшихся «низкими» жанрами (Kulishova, Panteleev 2020: 714), но нельзя упускать из виду и административный аспект этого процесса, а именно унификацию и упрощение контроля за теми, кто развлекал народ. Совокупность этих факторов приводит к тому, что в III в. все эти мелкие сообщества мастеров искусства сливаются в один «вселенский» римский союз технитов Диониса, находившийся под покровительством императора (Jory 1970: 249; Judge 2002: 67–68).

Похожий процесс мы наблюдаем при Адриане с объединениями атлетов: Юлий Доместик, римский гражданин из Эфеса, боец панкратиона, ходатайствует перед императором от лица какого-то сообщества атлетов Геракла об отведении участка земли в Риме для здания, в котором должны были храниться некие общие документы (γράμματα τὰ κοινά — IG XIV, 1054=IGR I, 149). Возможно, что это указание на «общие документы» означает объединение сообществ атлетов и их централизацию по образцу актерских ассоциаций (Gordillo Hervás 2017: 90). Просьба была удовлетворена императором, и рядом с термами Траяна при Антонине Пии появилось здание *curia athletarum*. Скорее всего, различные союзы атлетов были слиты в один, известный нам под названием «Всеобщего портика» (σύμπας ξυστός). Его руководители, ксистархи, часто были и жрецами императорского культа, так как принцепс был покровителем этого союза (IG XIV,1110). Историю этого сообщества можно проследить по надписям до середины III в. Его главами становились бывшие спортсмены, показавшие выдающиеся результаты; некоторые из них нам известны и по другим источникам.

Х. Плекет полагает, что у этих объединений, помимо контроля за знаменитыми артистами и атлетами, была еще одна цель, финансовая: нередко бывало так, что деньги, отпущенные

из городской или императорской казны на зрелища, прилипали к рукам их организаторов-агонофетов. Императорские письма, например, найденное в Александрии Троаде, и некоторые другие специально подчеркивают, что средства на зрелища должны быть потрачены строго по назначению, а если есть острая необходимость откуда-то взять деньги на акведук, то сделать это можно из сумм, отпущенных на устройство гладиаторских игр, не таких популярных на Востоке, — так говорится в письме афродисийцам. Во II в. глава «Всеобщего портика» вполне мог быть директором-распорядителем этих зрелищ (Pleket 1973; Gordillo Hervás 2017: 92).

С этой теорией централизации и унификации сообществ артистов и атлетов «сверху» не согласен Б. Фоконье: он считает, что этот процесс начался раньше, едва ли не на рубеже эр, а в I в. н. э. «вселенские союзы» уже функционировали в полной мере. Во II в. они лишь усилили свое влияние и статус благодаря многолетнему организационному опыту, первоклассным конкурсантам, которых они могли отправить на игры, возможностям для регулирования графика состязаний и управлению потоками их участников. Конечно, эти союзы не были полностью автономны, они зависели от императоров, но пользовались их покровительством в своих интересах, ловко маневрируя внутри этой системы (Fauconnier 2017). На наш взгляд, возможно, какие-то шаги со стороны технитов Диониса и атлетов в этом направлении и предпринимались, но учитывая особенности психологии звезд, стремящихся к первенству и жаждущих славы, трудно поверить в успешность этих мер. Мы полагаем, что основная инициатива в этом деле исходила от высшей власти, хотя процесс, безусловно, носил взаимовыгодный характер. После создания единого органа управления сообществами участников и организаторов зрелищ императоры получили новые возможности для проведения культурной и религиозной политики, а актеры и атлеты приблизились к власти и повысили как свой социальный статус так и, скорее всего, гонорары.

Литература

Achtemeier P. J. 1996: *1 Peter: A Commentary on First Peter*. Minneapolis.

Aneziri S. 2002: *Die Vereine der dionysischen Techniten im Kontext der hellenistischen Gesellschaft: Untersuchungen zur Geschichte,*

Organisation und Wirkung der hellenistischen Technitenvereine. Stuttgart.

Aneziri S. 2007: The Organisation of Music Contests in the Hellenistic Period and Artists' Participation: An Attempt at Classification. In: *The Greek theatre and festivals. Documentary studies*. Ed. by P. Wilson. Oxford, 67–84.

Bollinger T. 1969: *Theatralis licentia. Die Publikumsdemonstrationen an den öffentlichen Spielen im Rom der früheren Kaiserzeit und ihre Bedeutung im politischen Leben*. Winterthur.

Buckler W. H., Keil J. 1926: Two Resolutions of the Dionysiac Artists from Angora. *Journal of Roman Studies* 16, 245–252.

Caldelli M. L. 2012: *Associazioni di artisti a Roma: una messa a punto*. In: *L'organisation des spectacles dans le monde romain*. Ed. by J. Nolle, O. M. Van Nijf, Ch. Kokkinia et al. Geneve, 131–172.

Fauconnier B. 2017: The organisation of synods of competitors in the Roman Empire. *Historia* 66, 442–467.

Gordillo Hervás R. 2017: Trajan and Hadrian's Reorganization of the Agonistic Associations in Rome. Religious Change in Greek Cities under Roman Rule. In: *Empire and Religion*. Ed. by E. Muniz Grijalvo, J. M. Cortes Copete, F. Lozano Gomez. Leiden, 84–97.

Harland P. A. 2003: *Associations, Synagogues, and Congregations. Claiming a Place in Ancient Mediterranean Society*. Minneapolis.

Jory E. J. 1970: Associations of Actors in Rome. *Hermes* 98, 224–253.

Jory E. J. 1984: The Early pantomime Riots. In: *Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance Studies for Robert Browning*. Ed. by A. Moffatt. Canberra, 57–66.

Judge E. A. 2002: The Ecumenical Synod of Dionysiac Artists. In: *New Documents Illustrating Early Christianity* 9. Ed. by S. R. Llewelyn. Grand Rapids, 67–68.

Le Guen B. 2001: *Les associations de technites dionysiaques a l'epoque hellenistique*. Paris.

Oliver J. H. 1975: The Empress Plotina and the Sacred Thymelic Synod. *Historia* 24, 125–128.

Pickard-Cambridge A. 1968: *The dramatic festivals of Athens*. Oxford.

Pleket H. W. 1973: Some Aspects of the History of the Athletic Guilds. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 10, 197–227.

Poland F. 1934: Technitai. In: *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Vol. 2.5.10. Stuttgart, 2473–2558.

Sherk R. K. 1969: *Roman documents from the Greek East*. Baltimore.

Slater W. J. 1994: Pantomime Riots. *Classical Antiquity* 13. P. 120–143.

Bulycheva E. V. 2018: [Diplomatic activity of the Technites of Dionysus in Athens (II-I centuries BC)]. *Metamorfozy istorii* [*Metamorphoses of history*] 11, 55–63.

Булычева Е. В. 2018: Дипломатическая деятельность технитов Диониса в Афинах (II–I вв. до н. э.). *Метаморфозы истории* 11, 55–63.

Kulishova O. V., Panteleev A.D. 2020: [Polemics about spectacles in the Late Roman Empire (according to the literary and hagiographic tradition)]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 24 (1), 712–723.

Кулишова О. В., Пантелеев А. Д. 2020: Полемика о зрелищах в поздней Римской империи (по данным литературной и агиографической традиции). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24 (1), 712–723.

Panteleev A. D. 2013: Limits of Hellenization: ancient otium and the Jews. In*: Fenomen dosuga v antichnom mire* [*The phenomenon of leisure in the ancient world*]. Ed. by E. D. Frolov. Saint Petersburg, 386–399.

Пантелеев А. Д. 2013: Пределы эллинизации: античный otium и иудеи. В сб.: *Феномен досуга в античном мире*. Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 386–399.

Ponikarovskaya M. V. 2013: [Aeschylus and innovations in theatrical performance]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [*Mnemon. Investigations and Publications on the History of the Ancient World*] 13, 325–330.

Поникаровская М. В. 2013: Эсхил и нововведения в театральное представление. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 13, 325–330.

Sharnina A. B. 2002: Technitai of Dionysus. In: Frolov E. D., Nikityuk E. V., Petrov A. V., Sharnina A. B. *Al'ternativnye social'nye soobshhestva v antichnom mire* [*Alternative social communities in the ancient world*], Saint Petersburg, 217–314.

Шарнина А. Б. 2002: Техниты Диониса. В: Фролов Э. Д., Никитюк Е. В., Петров А. В., Шарнина А. Б. *Альтернативные социальные сообщества в античном мире*. СПб., 217–314.

Армен Петросян
(Институт археологии и этнографии, Ереван)

СТРАНА АРМЯН В НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н. Э.

Согласно нашей гипотезе, самоназвание армян hay связано с этнотопонимом Etiu-ni/ḫi урартских источников IX–VII вв. до н. э. Одной из возможных праформ этнонима hay могла быть *hat‘iyo- (вероятно, от индоевр. *poti-yo-, ср. *poti- ‘хозяин, господин, муж’), которая в урартской клинописи могла быть транскрибирована как etiu-. Территория этой страны в основном совпадает с провинцией Айрарат Великой Армении. Айрарат была центральной областью, доменом царей, политическим, религиозным и культурным центром страны. В этногоническом мифе прародитель армян Гайк оседает на севере Ванского озера, но его старший сын Араманеак переходит в Айрарат, Араратскую долину, где и образуется Армения — «Армянская вселенная» после Гайка. И до наших дней Айрарат является центром Армении — почти все армянские столицы находились здесь (Армавир, Арташат, Двин, Ереван и др.).

В пользу нашей гипотезы можно привести следующие доводы:

a) Пространственное и временное соответствие данным этногонического мифа, где Айрарат и Араратская долина становятся центром Армении едва ли не сразу после легендарного Гайка.

b) Идентификация армян как одного из главных народов Армянского нагорья в урартские времена, в противоположность другим гипотезам, по которым армяне необъяснимым образом не выявляются в обширном списке племен урартских надписей.

c) Прозрачное историческое толкование перехода Урарту-Армения как перемещения господствующего этнополитического центра Армянского нагорья: географически — с юга на север, этнически — от правящей элиты Урарту к армянам.

d) Очевидная армянская этимология некоторых имен Этиуни.

Ключевые слова: Армянское нагорье, Урарту, Этиуни, этногенез армян, предыстория Армении, индоевропейское языкознание, армянский язык.

Armen Petrosyan
(Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA)

Primary homeland of Armenians

According to our hypothesis, the Armenian self-appellation *hay* is connected with the ethno-toponym Etiu-ni/ḫi of the Urartian sources of the 9th–7th centuries BC. One of the possible protoforms for hay could have

been *hatiyo- (probably from Indo-European *poti-yo-, cf. *poti- ‘master, lord, husband’) that in Urartian cuneiform script could be transcribed as etiu-. The territory of this country corresponds with that of the Ayrarat province of Greater Armenia. Ayrarat was the central region, domain of the kings and political, religious, and cultural center of the country. In the ethnogonic myth the forefather of Armenia Hayk settles in the north of the Van lake, but his eldest son Aramaneak moves to Ayrarat, the Ararat valley, where Armenia (“Armenian universe”) is formed after Hayk. To the present day Ayrarat remains the center of Armenia: almost all of the Armenian capitals were built here (Armavir, Artashat, Dvin, Yerevan, etc.).

In support of this hypothesis, the following arguments may be adduced:

a) Spatial and temporal correspondence with the ethnogonic myth, where Ayrarat and the Ararat valley become the center of Armenia immediately after the forefather Hayk.

b) Identification of the Armenians as one of the main peoples of the Armenian highland in Urartian times, in contrast to other hypotheses, according to which the Armenians are inexplicably not detected in the extensive list of tribes of the Urartian inscriptions.

c) Clear historical interpretation of the Urartu-Armenia transition as the move of the dominant ethno-political center of the highland: geographically — from the south to the north, ethnically — from the ruling elite of Urartu to the Armenians.

d) Obvious Armenian etymologies of several names of Etiuni.

Key words: Armenian highland, Urartu, Etiuni, Armenian ethnogeny, prehistory of Armenia, Armenian language.

Согласно нашей гипотезе, самоназвание армян *hay* связано с этнотопонимом *Etiu-* урартских источников IX–VII вв. до н. э. (представлен в производных формах: ^{KUR}Etiuni/Etiuḫi «Этиуская страна»). Территория этой страны в основном соответствует Айраратской области Великой Армении (современная Республика Армения и некоторые сопредельные территории). Одним из возможных прототипов этнонима *hay* могло быть *hat‘i(y)o-* из и.-е. **poti-yo-* или, если это лингвистически и исторически возможно, из хетт. *Ḫatti* (о существующих этимологиях этнонима *hay* см. Petrosyan 2016, с литературой). В урартской клинописи знак <u> передает также *o* (Diakonoff 1958: 50; Khachikyan 1985: 34), и Дьяконов в английской версии своей книги транскрибирует Etiu как Etio (Diakonoff 1984: 44 et passim). Нет также знаков для *h*, ср., например, урартский топоним Abuni и арм. Hawunik‘ (Arutyunyan 1985: 9–10). В армяно-урартских совпадениях урарт. *e* в начале слова обычно

соответствует арм. *a*[1], то есть арм. **hat'i(y)o-* могло передаваться в урартском как *etiu*.

В этой гипотезе не обязательно датировать армянский переход и.-е. **-ti- > -y-* временем после IX в. до н. э. Этноним Et'io, обозначавший значительную племенную ассоциацию, мог войти в урартский язык ранее образования царства Урарту, и сохраняться в нем в архаической форме, в то время как **hat'iyo-* могло быть превращено в *hayo* в этиунско-армянском еще в доурартские времена[2].

Таким образом, согласно этой гипотезе Армения урартского периода выступает в урартских источниках как Etiuni/ḫi. Гипотеза была предложена нами в 1983 г. и обоснована в многочисленных работах (Petrosyan 2007: 49–54; 2018: 158–174, с литературой). В начале I тыс. до н. э. страна Этиуни была мощной племенной конфедерацией, включавшей центральные и северные районы Армянского нагорья.

В отличие от западных и южных районов нагорья территория Этиуни (современная Республика Армения и некоторые сопредельные районы Турции и Азербайджана), археологически достаточно изучена. О стране как о единой этнокультурной общности можно говорить начиная с позднего бронзового века (1500 г. до н. э.). Судя по надписям урартских царей в результате их вторжений «царства», составлявшие Этиуни, неоднократно бывали завоеваны и разорены, а население угнано в плен. В конце IX в. до н. э. урартские цари Ишпуни и Минуа упоминают «царей Этиухи», которые сражались против Урарту (Arutyunyan 2001: 32). Следующие урартские цари также рассказывают о своих вторжениях и победах над Этиуни. Эти известия пристрастны: сообщается только о победах и завоева-

---

[1] См., например, соответствия урарт. *euri* 'господин, хозяин' с арм. *awri-ord* 'барышня, дочь господина' (Kapantsyan 1961: 121–122, 134), Erimena-Armen/Armenak (Diakonoff 1958: 48–49; Djahukian 1987: 428, 431–432, 441). Колебание *e/a* часто встречается в передаче иностранных имен, ср., например, ассир. Enzite и Kullimmeri/Qulmeri = арм. Anjit и Kłimar. Подобные факты можно найти повсюду, ср. др. арм. топоним Ekełeac = греч. Акилисене (Ἀκιλισηνή) и др.

[2] Вот некоторые подобные примеры из европейских языков: ср. англ. *France*, польск. *Francja*, франц. /Fʁɑ̃s/; англ./немецк. *Paris*, франц. /Paʁi/; немецк. *Prag*, англ./франц. *Prague*, чех. *Praha*. Эти расхождения объясняются поздними переходами *r* > *ʁ* и *s* > *ø* на французском и *g* > *h* на чешском, в то время как в соседних языках сохранились ранние заимствованные формы топонимов.

ниях царей Урарту. Однако иногда выявляются и противоположные факты[3]. Согласно ассирийскому разведывательному сообщению времен Русы I (ок. 730–710 гг. до н. э.):

> *Дважды этинцы восстали против него* (*т. е. Русы — А. П.*). *Они причиняют ему военные потери. Они разграбили его. В третий раз они объединяются против него. Урса* (*Руса — А. П.*) *прибыл прямо из Турушпы* (*ассирийское название столицы Урарту Тушпа — А. П.*), [*и*] *идет все же против этинцев.*

Согласно аналогичному ассирийскому тексту «Урарту разрушен»; упоминаются «люди Этуны», которые, очевидно, разрушили страну (Saggs 1958: 212, n. 3; 2001: 117, 147; более подробно об этих текстах см. Grekyan 2021). Нет сомнения, что этинцы и этунцы (*e-ti-ni-aa, e?-tu-na-a-a,* второй текст поврежден) это этиунцы, чье название заимствовано ассирийцами из урартского. В те времена не было никакой другой страны или народа под этим названием, способного вторгаться в такое мощное царство, как Урарту, и разрушить его. На это косвенно указывает также вариация названия Etina/Etuna.

Эхо этиунского происхождения армян, похоже, сохранилось у Хоренаци (I.20; I.32): ассирийский царь Тевтамос отправляет армянского патриарха Зармайра с эфиопским войском на помощь троянцам, где он погибает от рук эллинских храбрецов (Зармайр, видимо, был отождествлен с Мемноном «Илиады»). Почему армянский патриарх стал главой эфиопской армии? Возможно, что урарт. Etio /*et*^{h}*io-*/ и/или ассир. *etina/ etuna* каким-то образом дошло до поздних авторов, переосмысливших его как более понятное им Ethiopia (Petrosyan 1991: 114).

В предурартский период в границах Армянского нагорья происходили миграции, которые могли привести к освоению его некоторых южных и западных районов северо-восточными племенами, т. е. этиунцами (Avetisyan 2004; о возможности

---

[3] Согласно одной интерпретации отрывка анналов Аргишти I во время правления этого могущественного царя этиунцы вторглись в Урарту и похитили из города Ардини/Муцацира *aštiuzi*, который сопоставляется с. арм. *astuac* ‘бог’ и трактуется как ‘кумир, бог’ (Melikishvili 1979). Если принять это, то возможны новые, интересные интерпретации о связях Этиуни с югом нагорья, см. Djahukian 1986: 51–52; Petrosyan 1997: 146–147. Но следует отметить, что в настоящее время этот текст интерпретируется по-другому, см. Arutyunyan 2001: 180, прим. 44).

более раннего перемещения населения Этиуни на запад см. Yakar 1992: 514; см. также Zimansky 2001: 18). Если это так, эти миграции могли создать первичные основы этнического объединения (арменизации) нагорья. И вполне возможно, что уже в доурартский период некоторые его районы, расположенные вне Этиуни, были в значительной мере этнически тождественными с ним. Как неоднократно указывал И. М. Дьяконов и другие исследователи, в процессе арменизации Армянского нагорья значительную роль сыграла политика урартских царей, переселявших пленных из захваченных земель. Согласно расчетам Е. А. Грекяна (частное сообщение) в ходе истории Урарту из примерно одного миллиона пленных, когда-либо захваченных царями, 700 000 происходили из внутренних районов нагорья. Правда, большинство пленных были женщины и подростки, однако, учитывая общее количество населения страны (согласно Е. Грекяну — ок. 1 млн. человек), они действительно могли изменить этническую ситуацию в регионах. Притом наибольшее количество пленных, около 300 000 человек и, возможно, больше, было взято из северных районов нагорья, главным образом из Этиуни[4]. Очевидно, что этиунцы, составлявшие самую большую группу переселенных пленников, за историю Урарту значительно изменили этническую ситуацию в стране в свою пользу. Количество переселенных этиунских пленников во много раз превосходило число пленников, заселенных в Этиуни из других регионов. Перед падением Урарту Руса, сын Аргишти (примерно 685–645 гг. до н. э.), упоминает Этиуни как одну из вражеских стран (среди которых отмечаются Ассирия, позднехеттское царство Хате-Мелид, страна Мушков-Мушкини и др.), из которых он переселил пленников в район столицы государства Тушпа — современный Ван на западе Ванского озера (Salvini 2001: 258, 261). Значит, Этиуни все еще был в конфликте с царями Урарту, и этиунцами были заселены также некоторые центральные районы державы.

Таким образом, страна Этиуни несмотря на частые атаки урартских царей и тяжелые потери смогла устоять и вплоть до падения Урарту сохранила свою неурартскую идентичность. Более того, в результате переселений населения и за

[4] Согласно одной надписи царь Минуа (810–786 гг. до н. э.) взял из Этиуни в плен 50 *atibi,* т. е. полмиллиона человек, см. Salvini 1980: 167; 2008 I, A 5–2A_3 –F_3. Эта цифра считается ошибкой писца и исправляется в пятьдесять тысяч, но и она очень велика.

пределами Этиуни этиунцы составляли значительную часть населения нагорья.

Айрарат был центральной областью Великой Армении, ее цитаделью, доменом правящих династий, религиозным, культурным и экономическим центром страны. В этногоническом предании первопредок армян Гайк поселяется к северу от озера Ван, но его старший сын и преемник Араманеак переходит на север, в Араратскую долину — центр области Айрарат, где после Гайка концентрируется создание «армянской вселенной» (Хоренаци I.10, 12; Себеос I). Горы, окружающие Араратскую долину — Арагац, Масис (Арарат), Гелам, называются именами преемников Араманеака. Сама долина, как и вся область, называется «полем Ара» — именем последнего мифологического этнарха Ара Прекрасного, который и погибает здесь. Таким образом, начиная с легендарного Араманеака до наших дней Айрарат остается центром Армении. Здесь, главным образом в Араратской долине, находились почти все столицы Армении (Армавир, Ервандашат, Арташат, Двин, Ани, Ереван и др.).

Арам, отец мифического Ара Прекрасного в историческом контексте очевидно соответствует первому известному историческому царю Урарту, Араму (ок. 860–840 гг. до н. э.). А «царский город» последнего, Арцашку, можно отождествить с армянским городом Arčēš (< **arg'esk^{h}o-*) к северу от озера Ван (Petrosyan 2018: 108–109). После Араму династия и центр Урарту сменились (Melikishvili 1954: 202; Salvini 1995: 35). Следующим известным царем Урарту был Сардури I, сын Лутипри, столицей которого стал город Тушпа (Ван).

Согласно преданию (Хоренаци I.15–18; Себеос I), сладострастная и беспутная царица Ассирии Шамирам (греч. Семирамида), услышав о красоте Ара Прекарасного, посылает вестников к нему с предложением жениться на ней и властвовать над ее империей, но он не соглашается (Хоренаци I.15; Себеос I). Тогда Шамирам со своей армией нападает на страну Ара Прекрасного. Битва происходит в Араратской долине. Армяне проигрывают ее, а сам Ара погибает. В предании Шамирам, хотя и представлена как царица Ассирии, выступает как эпоним Урарту. События и факты, связанные с Урарту, например, урартские клинописные надписи, строительство урартской столицы Вана/Тушпы (иначе называемой *Šamiramakert* «построенная Шамирам»), канала царя Минуа (называемого «ручей Шамирам» и др.) приписываются ей. Она завоевывает Армению — страну Ара Прекрасного, т. е. Айрарат, «поле Ара». В предании

рассказывается о войне Ассирии и Армении, а Ван строится после поражения армян. Однако принимая во внимание мифологизированный характер рассказа, сторонами конфликта можно считать земли соперничавших эпонимов — Шамирам и Ара, т. е. область города Вана и Айрарат. В урартских терминах это были Биаинили («Урарту», район Вана) и Этиуни, соответственно.

Исторический прототип Шамирам, царица Шаммурамат, вдова ассирийского царя Шамши-Адада V, правила Ассирией в последнее десятилетие IX в. до н. э., т. е., можно сказать, была младшим современником урартского царя Араму (исторического прототипа отца Ара Прекрасного). Таким образом, конфликт между Шамирам и Ара может рассматриваться как мифологическое отражение завоевания Этиуни Ванским царством в тот же период (конец IX в. до н. э.). Притом область Ара, т.е. Армения времен Шамирам, однозначно совпадает с Этиуни.

По легенде Ара был седьмым гайкидским, т. е. армянским, правителем Айрарата. Этими семью поколениями в предании закодирован весь предурартский период армянской истории. После Ара армяне находились под властью Ассирии до ее падения (Хоренаци I.21). Согласно арабскому историку Масуди после Шамирам армяне долгое время властвовали над царями Ассирии. В действительности тогда в регионе господствовало Урарту. Противоречие источников можно устранить, предположив, что Урарту было отождествлено с Ассирией в фольклоре северян (армян) и с Арменией в фольклоре южан (ассирийцев)[5].

Принято считать, что Урарту не сохранилось в исторической памяти армян. Действительно, в традиционной истории, рассказанной Хоренаци и Себеосом, могущественные цари Вана не упоминаются, а их завоевания и постройки приписываются Шамирам. Нужно также учесть, что Хоренаци всегда отдаёт приоритет греческим источникам, в которых нет и намека на существование Урарту. В армянской традиции, известной из книг средневековых историков, Урарту олицетворялось образом с Шамирам, а эпоха гегемонии Урарту была представлена как эпоха ассирийского господства.

---

[5] Об этой легенде и отражении в ней завоеваний Урарту см. Ter-Gevondyan 1965. Интересно, что в современном фольклоре христиан, живущих на севере Сирии, где Семирамида выступает как их царица, она собиралась замуж за армянского царя Арама (а не Ара), но тот предал ее и был убит на войне, см. Bohas 1994: 23 sqq.

Ряд имен Этиуни может быть истолкован на армянской почве. Конечно, это не означает, что все имена армянские: древнейшие армяне, согласно традиции, перешли в Айрарат-Этиуни из района озера Ван и поселились среди местного населения; были вероятно и другие доисторические переселения людей, и часть ономастики страны должна была быть на другом языке. Ниже приводятся несколько топонимов, а также антропоним и теоним Этиуни с весьма вероятными армянскими этимологиями (большие списки армянских заимствований в урартском, а также урартской, включая этиунской, ономастики с вероятной армянской этимологией см. например Djahukian 1988: 148–158; Petrosyan 2018: 103–112; 165–169).

Abilianiḫi соответствует армянской провинции Abełeank‘; сравнивают с урарт. *abili-du* ‘прибавлять’, которое в индоевропейском контексте является армяно-греческой изоглоссой (ср. арм. *awel-* ‘больше, прибавлять’, греч. ὀφέλλω > *$h_3$bhel-* ‘прибавлять’, см. Martirosyan 2013: 110), перешедшим в урартский, возможно, из армянского. В древнейшем армянском он мог звучать **abel-*, от которого и был сформирован топоним Abelia, переданный в клинописи как Abilia (форма с и.-е. суффиксом * *-iyā,* к которой в урартском были суффиксы *-ni* и *-ḫi*). По какой-то причине он не преобразовался в Awełeank‘, а сохранялся в древнем виде без изменений (диалектальное произношение?).

Abuni соответствует арм. провинции Hawunik‘/ Hawnunik‘ (урарт. b обычно соответствует арм. v/w); ср. арм. *haw-o* ‘дед’ < **$h_2$euH-* (соседняя провинция также называется термином родства: Ordunik‘, от *ordi* ‘сын’); ср. также *haw-u* ‘птица’ (**$h_2$au-i-*, с дальнейшим изменением окончания на *-u*).

Erkuaḫi — ‘страна’ в районе горы Масис (Арарат); ср. арм. *erku* ‘два’ (намек на две вершины Масиса, с топонимическим окончанием *-a-* < **-ā*, к которому добавлен урартский суффикс *-ḫi* (а форма Masis, род. падеж Maseac‘ восходит к названию священной горы аккадской мифологии Mašu ‘Близнец’, где *š = s*, с и.-е. суффиксом **-iyā*, см. Petrosyan 2016).

Išteluani, ср. арм. название деревни Astełani от корня *astł* ‘звезда’ (**$h_2$stel- > astel-> astł*). Идентификация двух топонимов подтверждается их локализацией в том же Ширакском районе, на правом берегу реки Ахурян (Diakonoff, Kashkai 1981: 45; Akopyan et al. 1986: 343).

Ueliku-ni/ḫi соответствует арм. провинции Gełak‘uni (позднее Gełark‘unik‘). Первоначальный элемент сопоставим с име-

нем индоевропейского мифологического змея **wel-* (Ivanov, Toporov 1974: 31 слл.) регулярное отражение которого в армянском языке — *geł-*. Уникальные памятники доисторической Армении, огромные стелы-вишапы или «каменные драконы» (ср. *višap* ‘змей, дракон’ < иран.), датируемые III–II тыс. до н. э., сосредоточены в основном в провинции Гелакуни, на Геламских горах. Две самые большие группы стел расположены на горе Geł и возле крепости Gełi. Характерно, что гора рядом с Geł, самая высокая в Геламском хребте, называется именем мифического дракона Аждахака (< иран. Ажи Дахака). Изображения на стелах также показывают их связь с мифом о боге грозы и его сопернике змее. Сами стелы, вероятно, назывались **geł-* < **wel-,* прежде чем иранское слово *višap* заменило их первоначальное название. Gełak‘uni, видимо, образование с арм. суффиксом *-ak‘* (об этом суффиксе см. Djahukian 1994: 82), к которому добавлен суффикс *-uni* (о стелах-вишапах и их связи с мифологическим см. Petrosyan 1987; 2002: 88–89; 2016a; Petrosyan, Bobokhyan 2015). Заметим, что в последних двух названиях вместо арм. *a* в урартском имеем *i* (*e* и *i* в урартском чередуются), ср. соотношение арм. *hat‘io и урарт. Etiu.

Uelikuni/Gełak‘uni имеет особое значение. Центр армянской космогонии, Араратская долина и окружающие географические объекты связываются с именами мифологических этнархов: так, горы Арагац, Ара и Geł (также как и Геламский хребет, Геламское/Севанское озеро, и провинция Гелакуни) — с именами этнархов Араманеака, Ара Прекрасного и Гелама. Это имена единой мифологической и ономастической системы. Значит, Ueliku-ni/ḫi-, зарегистрированное в VIII в. до н. э., может быть намеком на синхронное существование и других имен мифических этнархов армян в топонимах вокруг Араратской долины.

Diușini/Țiușini (если клинописное *di* можно также читать как *ți*, см. Diakonoff 1958: 32), имя человека, упомянутого как царь всего племенного объединения Этиуни (середина VIII в. до н. э.). Сопоставимо с индоевропейской, в частности, балканской антропонимической моделью **deiwo-* или **dhes-* ‘бог’ + **g’enh$_1$-* ‘рожать, род’ (греч. Διογένης , Θιογενεις; фрак. Διυξενι, Diuzenus; о балканских именах см. Gindin 1981: 42, 77), ср. также др. инд. *deva-jan* ‘клан богов’, *devaja* ‘рожденный от бога’, т. е. и третий член греко-армяно-арийкой общности также сохранил следы этой конструкции.

Aniqu — местная богиня Араратской долины, вероятно, великая богиня Этиуни. Ее имя сравнимо с арм. *hani, hanik* ‘бабушка’, из и.-е. *$h_2$an- ‘бабушка’. Имя хеттской богини Ḫannaḫanna (редуплицированная форма того же корня) свидетельствует о том, что «богиня-мать» могла быть названа именно так. Некоторые армянские теонимы выступают с суффиксом -*ik*: ср. Hayk и Astłik (последнее — одна из версий богини-матери), который отличается от уменьшительного -*ik*- (иранского происхождения) и является исконным армянским от и.-е. *-*kon*- (с потерей конечного -*n*, см. Djahukian 1994: 66). В древнейшем армянском до падения конечной гласной это имя могло звучать **haniko* или **aniko,* которое в урартской клинописи было бы представлено именно как *Aniqu*[6].

Авторы других гипотез не могут найти этнические имена, сопоставимые с предложенными ими прототипами армянского этнонима *hay* в огромном корпусе урартских надписей, где упоминаются даже самые незначительные племена нагорья. А согласно нашей гипотезе армяне и их страна отождествляются с мощной племенной конфедерацией, второй этнополитической единицей нагорья после Ванского царства (Урарту), расположенной в области, которая фигурирует как «Первичная Армения» в этногонической традиции, а в последствии — как центр Армении.

Эта гипотеза может объяснить трансформацию страны из Урарту в Армению просто — соперничеством между северными и южными этнополитическими центрами нагорья. После примерно двух столетий господства юга гегемония перешла на север. Население этих двух центров и даже члены правящих элит, по крайней мере, частично, могли принадлежать к тем же этническим группам. Вековая конфронтация Урарту и Этиуни несравнима с войнами ванских царей с западными землями нагорья — Урме, Мушкини, Цупани, Хате и др., где локализуют древние очаги армян авторы других гипотез.

---

[6] Повторяющиеся восклицания *hoy Nar, Naroy* в народных песнях интерпретируются как реминисценции культа богини *Nar (см. имя прародительницы эпических героев Сасуна Цовинар «Нар моря»), см. Kapantsyan 1956: 295 сл. Соответственно, восклицание *hanik Nar* в песнях можно интерпретировать как «бабушка Нар», см. Petrosyan, S. 2001: 87. О *han* как об эпитете/имени богини-матери см. также Petrosyan 2002: 14.

Падение Урарту согласно современным авторам произошло после середины VII в. до н. э. (Kroll 1984: 165–168; Salvini 1995: 117; Diakonoff 1994: 115–116 и др.). По всей вероятности, в последней четверти VII в. до н. э. Урартское государство больше не существовало. Следы мощных разрушений засвидетельствованы почти во всех важных центрах Урарту. Притом это были силы, которые использовали «скифские» стрелы (засвидетельствовано в Гайкаберде, Верхнем Анзафе, Аянисе, Каялидере, Йонджатепе, Кармир-блуре, Армавире, Арагаце и др.). Кто мог нанести последний удар империи? Исторические свидетельства и данные археологических материалов показывают, что этими силами должны были быть не только скифы, но и этиунцы. На этих территориях не было другой силы, которая могла бы нанести последний удар Урарту. Вспомним, что именно они разоряли Урарту за многие десятилетия до его падения.

Похоже, мы имеем дело со скифо-этиунским союзом или государственным образованием (Grekyan 2016: 500). Хоренаци (I.21) упоминает Паройра, сына Скайорди, первым из армянских властителей получившего титул царя, как армянского предводителя, принимавшего участие в уничтожении Ассирии. Как было сказано, в армянской традиции Урарту воспринималось как Ассирия, олицетворенная царицей Шамирам (а Ассирия и Урарту пали в одну и ту же эпоху). Название Skayordi «сын великана» принято рассматривать как переосмысление «сына Сака (т. е. скифа)» (Kapantsyan 1940: 217; Piotrovsky 1959: 127; Diakonoff 1968: 187). В одной урартской надписи упоминается Šagaputara, царь этиунской земли Išqigulu/Išqugulḫi, к северу от современного Гюмри (Cilingiroğlu, Salvini 2001: 262). И этот антропоним может быть истолкован как «сын Сака/скифа» (ср. индоиран. putra ‘сын’), что вполне соответствует имени Скайорди армянской традиции. Топоним Išqigulu/Išqugulḫi, согласно канонам урартской орфографии, можно прочитать как Iškui/yul- (с суффиксом -*ḫi*). Это может быть урартской передачей одного из вариантов скифского этнонима — skül- (< skula < skuða < skuda, см. Dalalyan 2010: 44–45; об этнониме скифов см. Kullanda 2016: 89 et passim). Таким образом, армянский властитель Скайорди, упомянутый Хоренаци, по-видимому, выступает как историческая фигура, притом действительно как «сын сака/скифа» и царь «скифской земли» в Этиуни (см. Dalalyan 2010: с библиографией). Это подтверждает гипотезу этиунско-скифского, т.е. армяно-скифского, альянса в эпоху падения Ассирии и Урарту.

Если это были этиунские и скифские силы, которые нанесли последний удар Урарту, то кто мог властвовать в этой стране и стать преемником Урарту? Очевидно, этиунцы и/или скифы. Было бы удивительно, если бы некий мощный альянс победил Урарту, а страной овладела бы другая этническая группа (особенно при том, что на арене вообще не было других более или менее мощных сил). Интересно отметить, что Б. Б. Пиотровский и И. М. Дьяконов локализуют первое армянское царство, т. е. страну Паройра, сына Скайорди, в регионах, где они представляли первоначальную Армению: первый в районе Сасуна (где, по словам Хоренаци, Паройр поселил сыновей ассирийского царя), а второй в Малатья-Мелиде. Эти обе локализации являются спекулятивными: действительная страна отца Паройра — «сына сака» находилась в Этиуни.

В контексте этиунской гипотезы становится понятным свидетельство Ксенофонта (401 г. до н. э.), что часть страны называлась «Западная Армения» (Анабасис, IV.4.4). Соответственно, восточные территории, т. е. бывшая страна Этиуни и сопредельные районы, могли быть восприняты как «настоящая/ истинная Армения» («суть Армения», см. Sarkisyan 1988: 61–64). Понятно, что в V в. до н. э. «истинную Армению» нельзя было назвать «Западной Арменией», поскольку это название имеет периферийный оттенок, тогда как в рамках других гипотез именно «Западная Армения» должна считаться первичной — «настоящей Арменией». В этом контексте также можно вспомнить свидетельство Страбона (XI.14.15), согласно которому «Армения в собственном смысле слова» была Великой Арменией в отличие от армянского царства Софены, включавшего запад и юго-запад нагорья.

Авторы других гипотез искали колыбель армян на юге и западе Армянского нагорья. Для этого есть несколько объективных и субъективных причин. Информация, предоставленная древними источниками, касается южных и западных районов нагорья; армянское этногоническое предание локализует первый армянский центр к северу от озера Ван, а греческая легенда — в Акилисене, в верхнем течении Евфрата (Страбон XI.4.8; XI.14.12); главные культовые центры армянских дохристианских богов были также расположены в районе верхнего течения Евфрата, и согласно греческим авторам армяне пришли в Армению с запада (из Фригии). Этиунская гипотеза не исключает возможности первоначального расселения древнейших армян в западных районах нагорья (хотя это не является существенным

условием). Однако сказанное свидетельствует об идентификации «первичной Армении» в урартское время именно с Этиуни.

Как было сказано, согласно преданию второй этнарх армян Араманеак покидает домен своего отца и направляется на север, в Айрарат, Араратскую долину. Можно предположить, что районы к северу от озера Ван были заселены древнейшими армянами, которые по некоторым причинам переместили свой центр в Айрарат. Тем не менее, поиск древнейших армян на западе в период Урарту предполагает, что они дошли до центральных и северных районов нагорья во время и/или после существования урартского государства. Но если мы согласны с тем, что древнейшие армяне уже заселяли хотя бы некоторые территории нагорья до урартского периода, что выявляется изучением урартской ономастики (и с чем согласны все серьезные исследователи последнего времни — Дьяконов, Джаукян, Саркисян и др.), то мы можем также датировать предурартским временем арменизацию Айрарата, представленную в предании как переселение Араманеака в Араратскую долину.

Подводя итог, можно сказать, что согласно логике имеющихся данных даже если этноним *hay* не связан с Этиуни, тем не менее, эта страна должна была быть центром древнейших армян еще в предурартское и урартское время.

Мы можем указать следующие пункты, подтверждающие эту гипотезу:

a. Пространственное и временное соответствие с данными этногонического предания, где Айрарат и Араратская долина представлены в качестве центра армян сразу после прародителя Гайка.

b. Идентификация древнейших армян как одного из двух важных и могущественных народов нагорья в урартский период в отличие от других гипотез, по которым армяне необъяснимым образом не выявляются в огромном материале урартской ономастики.

c. Простая историческая интерпретация перехода Урарту-Армения как изменение центра власти на Армянском нагорье: географически — с юга на север, этнически — от правящей элиты Урарту к армянам.

d. Вероятные армянские этимологии многих имен и названий Этиуни. Другие гипотезы, локализующие армян на юге и западе нагорья, не идентифицируют даже ни одного личного имени, которое можно было бы более или менее надежно этимологизировать на армянской почве.

Литература

Akopyan, T. Kh., Melik-Bakhshyan, S. T., Barsegyan, G. K. 1986: [*Dictionary of Toponyms of Armenia and Neighboring Regions I*] (in Armenian). Yerevan.

Акопян, Т. Х., Мелик-Бахшян, С. Т., Барсегян, Г. К. 1986: *Словарь топонимов Армении и сопредельных регионов I* (на арм. яз.), Ереван.

Arutyunyan, N. B. 1985: [*Toponyms of Urartu*]. Yerevan: NAS RA.

Арутюнян, Н. В. 1985: *Топонимика Урарту*. Ереван: АН АрмССР.

Arutyunyan, N. B. 2001: [*The Corpus of Urartian Cuneiform Inscriptions*].Yerevan: NAS RA.

Арутюнян Н. В. 2001: Корпус урартских клинообразный надписей. Ереван: НАН РА.

Avetisyan, P. S. 2004: [The structure of the organization of living space and socio-demographic processes in Armenia in 22nd — 9-th cent. BC]. In: *Armenian Highlands as the Cradle of the Armenian Ethnos: Problems of Historical Demography of Armenia* (in Armenian). Yerevan.

Аветисян П. С. 2004: Структура организации жизненного пространства и социально-демографические процессы в Армении в XXII–IX вв. до н. э. (на арм. яз.). В сб.: *Армянское нагорье как колыбель армянского этноса: проблемы исторической демографии Армении*. Ереван, 37–39.

Bohas, G. 1994: *Les araméens du bout du monde: la memoire des chretiens d'Orient*. Toulouse.

Çilingiroğlu, A., Salvini, M. (eds) 2001: *Ayanis I. Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989–1998*. Roma: Istituto per gli studi micenei ed egeo-anatolici CNR

Dalalyan, T. 2010: [The Land Iš-qi-gu-lu-u and the Scythians] (in Armenian). In: *Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of Boris Piotrovsky*. Yerevan, 34–50.

Далалян Т. 2010: Страна Iš-qi-gu-lu-u и скифы (на арм. яз.). В сб.: *Халдиевым могуществом… Сборник статей к 100-летию Бориса Пиотровского*. Ереван, 34–50.

Diakonoff, I. M. 1958: [Materials for the phonetics of the Urartian language]. In: *Voprosy grammatiki i istorii vostochnykh yazykov* [*Problems of grammar and history of oriental languages*]. Moscow; Leningrad, 27–53. Дьяконов, И. М. 1958: Материалы к фонетике урартского языка. В сб.: *Вопросы грамматики и истории восточных языков*. М.; Л., 27–53.

Diakonoff, I. M. 1968: [*Prehistory of the Armenian people*]. Yerevan: NAS RA.

Дьяконов, И. М. 1968: *Предыстория армянского народа*. Ереван: АН АрмССР.

Diakonoff, I. M. 1984: *The Pre-History of the Armenian People*. Delmar, New York.

Diakonoff, I. M. 1994: [Cimmerians and Scythians in the Ancient East]. *Russian archeology* 1, 108–116.

Дьяконов, И. М. 1994: Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке. *Российская археология* 1, 108–116.

Diakonoff, I. M., Kashkai S. M. 1981: *Répertoire géographique des textes cunéiformes*. T. 9. *Geographical Names According to Urartian Texts*. Wiesbaden.

Djahukian, G. B. 1986: [Armenian layer in the Urartian pantheon]. *Historical-Philological Journal* 1, 43–58 (in Armenian).

Джаукян, Г. Б. 1986: Армянский слой в урартском пантеоне (на арм. яз.). *Историко-филологический журнал* 1, 43–58.

Djahukian, G. B. 1987: [*The History of the Armenian Language: Preliterate Period*] (in Armenian). Yerevan. Джаукян Г. Б. 1987: *История армянского языка: дописьменный период* (на арм. яз.), Ереван.

Djahukian, G. B. 1988: [Urartian and Armenian] (in Armenian). In: *Urartu-Armenia*. Yerevan, 127–168.

Джаукян, Г. Б., 1988: Урартский и армянский (на арм. яз.). В кн.: *Урарту-Армения*. Ереван, 127–168.

Djahukian, G. B. 1994: [The Origin of ancient Armenian suffixes] (in Armenian). *Historical-Philological Journal* 1–2, 53–66.

Джаукян, Г. Б. 1994: Происхождение древнеармянских суффиксов (на арм. яз.). *Историко-филологический журнал* 1–2, 53–66.

Grekyan, E. A. 2016: [*Biainili-Urartu. State and Society*] (manuscript, in Armenian). Yerevan.

Грекян Е. А. 2016: *Биаинили-Урарту. Государство и общество* (рукопись, на арм. яз.).

Grekyan, E. A. 2021: [Etiuni and Etiunians in Neo-Assyrian Cuneiform Inscriptions]. In: *Uduri-Etiuni*. Yerevan, 246–254.

Грекян, Е. А. 2021: Этиуни и этиунцы в новоассирийских клинописных источниках на арм. яз.). В сб.: *Удури Этиуни*. Ереван, 246–254.

Kapantsyan, G. A. 1940: [*Histoty of Urartu*] (in Armenian). Yerevan.

Капанцян Г. А. 1940: *История Урарту* (на арм. яз.), Ереван.

Kapantsyan, G. A. 1956: *[Historical and Philological Works I*] (in Armenian). Yerevan.

Капанцян Г. А. 1956: *Историко-лингвистические работы I*. Ереван.

Kapantsyan, G. A. 1961: [*The History of Armenian: the Ancient Period*] (in Armenian). Yerevan.

Капанцян Г. А. 1961: *История армянского языка: древний период* (на арм. яз.). Ереван.

Khachikyan, M. L. [*Hurrian and Urartian languages*]. Yerevan: NAS RA.

Хачикян, М. Л. 1985: *Хурритский и урартский языки*. Ереван: Изд-во АН АрмССР

Kroll, S. 1984: Urartus Untergang in anderer Sicht. *Istanbuler Mitteilungen* 34, 151–170.

Kullanda, S. V. 2016: *Skify: yazyk i etnogenez* [*Scythians: language and ethnogenesis*]. Moscow.

Кулланда С. В. 2016: *Скифы: язык и этногенез*. М.

Malkhasyan, S. 1939*: Sebeos. The Armenian History*. Tr. by S. Malkhasyan. Yerevan.

Малхасян С. 1939: *Себеос. История Армении* (пер. С. Малхасяна), Ереван.

Martirosyan, H. K. 2010: *Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon*. Leiden; Boston: Brill (= Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, 8).

Melikishvili, G. A. 1954: *Nairi-Urartu. Drevnevoctochnye materialy po istorii narodov Zakavkazya* [*Nairi-Urartu. Ancient Eastern materials on the history of the peoples of Transcaucasia*]. Tbilisi.

Меликишвили Г. А. 1954: *Наири-Урарту. Древнвосточные материалы по истории народов Закавказья*. Тбилиси.

Petrosyan, A. E. 1987: [PIE root *u̯el- as reflected in Armenian mythology]. J*ournal of social sciences of Armenian Academy of Sciences* 1, 56–70.

Петросян, А. Е. 1987: Отражение индоевропейского корня *u̯el- в армянской мифологии. *Вестник общественных наук АН Арм. ССР*. 1, 56–70.

Petrosyan, A. E. 1991: [Armenian ethnonyms, ancient Armenian model of the world and the issue of localization of the oldest Armenian tribes]. *Yerevan university bulletin* 2, 102–115.

Петросян, А. Е. 1991: Армянские этнонимы, древнеармянская модель мира и вопрос локализации древнейших армянских племен. *Вестник ереванского унивеситета* 2, 102–115.

Petrosyan, A. E. 1997: [*The myth of Aram in the context of Indo-European mythology and the problem of ethnogenesis of Armenians*] (in Armenian). Yerevan.

Петросян, А. Е. 1997: *Миф об Араме в контексте индоевропейской мифологии и проблема этногенеза армян* (на арм. яз.), Ереван.

Petrosyan, A. Y. 2002, The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic. *Journal of Indo-European Studies.* Monograph 42. Washington D.C.

Petrosyan, A. Y. 2007: The Problem of Identification of the Proto-Armenians: A Critical Review. *Journal of the Society for Armenian Studies* 16, 25–66.

Petrosyan, A. Y. 2016: Biblical Mt. Ararat: Two Identifications. In: *Comparative Mythology*, 2016, Vol. 2/1, 68–80.

Petrosyan, A. Y. 2016a: Indo-European *Wel- in Armenian Mythology. *Journal of Indo-European Studies* 44, 129–146.

Petrosyan, A. Y. 2018: The problem of Armenian origins. *Journal of Indo-European studiesю* Monograph 66. Washington DC: Institute for the Study of Man 2019.

Petrosyan, A., Bobokhyan, A (eds.) 2015: [*The vishap stone stelae*]. Yerevan: Gitutyun.

Петросян А., Бобохян А. (ред.) 2015: *Каменные стелы вишапы*. Ереван: Изд-во Гитутюн.

Petrosyan, S. 2001: [*Social classes and emergence of three classes in ancient and early medieval Armenia*] (in Armenian). Gyumri; Yerevan.

Петросян, С. 2001: *Сословия и проявления трех сословий в древней и раннесредневековой Армении* (на арм. яз.). Гюмри; Ереван.

Piotrovsky, B. B. 1959: [*The Kingdom of Van* (*Urartu*)]. Moscow: Oriental literature Publishing House.

Пиотровский Б. Б. 1959: *Ванское царство* (*Урарту*). М.: Изд-во вост. лит-ры.

Saggs, H. 1958: The Nimrud Letters, 1952. Part IV. The Urartian Frontier. *Iraq* 20, 2, 182–212.

Saggs, H. 2001: *The Nimrud Letters. Cuneiform Texts from Nimrud V*. London.

Salvini, M. 1980: Un testo celebrativo di Menua. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici* XXII, 137–168.

Salvini, M. 1995: *Geschichte und Kultur der Urartäer*. Darmstadt.

Salvini, M. 2001: The Inscriptions of Ayanis (Rusahinili Eiduri-kai). In: *Ayanis I. Ten Years Excavations at Rusahinili Eiduri-kai*. Roma, 285–288.

Salvini, M. 2008: *Corpus dei testi urartei I*. Roma.

Sarkisyan G. Kh. 1988: [The Kingdom of Urartu and Armenians]. In: *Urartu-Armenia*. Yerevan, 47–126.

Саркисян, Г. Х. 1988: Урартская держава и армяне (на арм. яз.). В сб.: *Урарту-Армения*. Ереван, 47–126.

Sarkisyan, G. Kh. (transl.) 1990: M*ovses Khorenatsi. Istoriya Armenii* [*Movses Khorenatsi. History of Armenia*]. Yerevan.

Саркисян, Г. Х. (пер.) 1990: *Мовсес Хоренаци. История Армении,* Ереван.

Ter-Gevondyan, A. 1065: [Echoes of the myth "Ara and Shamiram" by the Arab historian Masudi] (in Armenian). *Historical-Philological Journal* 4, 249–253.

Тер-Гевондян А. 1965: Отголоски мифа «Ара и Шамирам» у арабского историка Масуди (на арм. яз.), *Историко-филологический журнал* 4, 249–253.

Yakar, J. 1992, Beyond the Eastern Borders of the Hittite Empire. In: *An Archaeological Assessment, Hittite and Other Anatolian and Near Eastern Studies in Honour of Sedat Alp*. Ankara, 507–520.

Zimansky, P. E. 2001: Archaeological Inquiries Into Ethno-Linguistic Diversity in Urartu, Greater Anatolia and the Indo-Hittite Language Family. *Journal of Indo-European Studies*. Monograph 38. Washington D.C., 15–27.

DOI:10.30842/ielc230690152561

И. Д. Попова
(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ ПОЛИСЕМИИ В ГЛАГОЛАХ ДВИЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛАТ. *AMBIRE*)

В данной статье прослеживается развитие семантики глагола *ambire* и механизмы образования новых значений, приведшего к формированию широкой полисемии глагола. Семантика *ambire* расширялась путем метонимических и метафорических переходов, причем метонимия была характерна для употреблений в конкретных значениях физической сферы, а метафора — для переходов к абстрактным значениям общественно-политической и этической сфер. Кроме того, семантическое разнообразие *ambire* было обусловлено ситуативными проявлениями разных компонентов значения приставки и наличием или отсутствием в конкретных употреблениях компонента движения.

Ключевые слова: полисемия, историческая семантика, глаголы движения, семантика латинского глагола *ambire*, метафора, метонимия, когнитивная семантика.

I. D. Popova
(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Development of polysemy in the verbs of movement (Lat. *ambire*)

The Latin verb *ambire* is manifesting rich polysemy through wide usage. The task of this paper is to observe and explain the directionality of semantic change undergone by *ambire*, as well as to describe the cognitive processes serving as vehicles of this change. As *ambire* is a verb of movement, it is reasonable to suggest, that the semantic change might have occurred unidirectionally — from concrete to abstract, and that these changes could have been facilitated through metonymy and metaphor.

The examples of usage of *ambire* in the Latin texts written between II BC and IV AD have been divided into three major groups (or spheres) according to the nuances of subject-object relations, as well as the properties of the referents: concrete situations of the physical reality, abstract situations of interpersonal social communication, and abstract situations of the ethical nature. It has been established, that polysemy within one sphere was developing through metonymy, especially from one concrete meaning to another. The semantic value of the verb had been changing in synchrony, not diachrony. Four semes of the prefix were reflected in the meanings of *ambire*: ‘along one side’, ‘along both sides’, ‘on one side and then on another’, and ‘around’. The latter is also considered a metonymical transfer from the former semes. These semes are

preserved in the meanings both with and without the semantic component of motion. The four semes are reflected in the further development of the verb, appearing in the meanings of the situations of interpersonal social communication, and further down the path of abstraction. The cognitive process allowing the use of *ambire* in the abstract sense is metaphor, as observed in the connections between concrete and abstract meanings of *ambire* which belong to both abstract spheres of use.

Keywords: polysemy, historical semantics, verbs of movement, semantics of the Latin verb *ambire*, metaphor, metonymy, cognitive semantics.

Выбор глагола *ambire* связан с широкой его полисемией и семантическими переходами, засвидетельствованными в латинском языке классического периода. Семантическое разнообразие представлено уже в комедиях Плавта и сохраняется по крайней мере до V в. н. э. Действия, которые могли выражаться глаголом *ambire*, имеют нечто общее в семантике, хотя компоненты значений могут различаться от одного употребления к другому. Разброс значений глагола *ambire* проявляется не столько в диахронии, сколько в синхронии, то есть результат многообразной семантической деривации, метафорические и метонимические переходы засвидетельствованы контекстами на протяжении как минимум шестисот лет истории латинского языка.

Для описания полисемии важно учесть всё разнообразие значений, проследив, как те или иные компоненты проявляются в одних употреблениях и теряются в других (Nikitin 2007: 110). Семный анализ глагола ambire в данном случае не должен ограничиваться лишь «списочным» подходом к полисемии (Kustova 2016: 6); важно выявить ситуации, провоцирующие проявление тех или иных компонентов значения. Кроме того, список компонентов значения не должен быть умозрительным, оторванным от реальных употреблений (Krongauz 1998: 75, 110). Значение слова не может восходить к набору абстрактных элементов, ведь в таком случае пришлось бы допустить, что протолексикон состоял только из абстракций; это противоречит представлению о том, что значение слова обычно развивается от конкретного к абстрактному (Györi, Hegedüs 2012: 314).

Изменения в семантике глагола можно определить лишь анализируя контексты (Traugott, Dasher 2001: 35) с учетом ситуации, важной для понимания значения, включая его концептуализацию (Luria 1979: 32; Kustova 2016: 32). Более реалистичным и оправданным представляется выстроить семантическую сеть на основе конкретных примеров употребления *ambire*,

исходя из того, что многозначность этого глагола формируется не вокруг одного инварианта, распространяясь радиально, но представляет собой цепочку семантических переходов. При таком анализе прототипическое значение глагола обычно удается обнаружить в основном, еще не потерявшем связи с внутренней формой слова «физическом» значении, часто пространственном (Krongauz 1998: 75–58, 110–111; Geeraerts 2010: 192–195). Можно также предположить, что семантическое развитие происходило от конкретных физических значений *ambire* к абстрактным (Györi 2002: 125, 130; Wundt 1885: 180), однако неукоснительное и строгое разделение семантики на конкретные и абстрактные значения может привести к искажению картины, представленной в обнаруженных употреблениях (Mikkola 1964: 79).

Полисемия фиксируется в синхронии как промежуточная стадия семантического развития лексемы (Lüdtke 1999: 55, Pilch 1985: 418), как единомоментный «снимок» понятных для носителей ситуаций употребления слова. Значения слова, представленные в разных употреблениях, сосуществуют в синхронии, причем одни могут диахронически предшествовать другим (Mosegaard Hansen 2012: 240–241). Принято считать, что лексема стремится к расширению полисемии (Taylor 1999: 33; Geeraerts 1985: 150): когнитивисты считают полисемию «одним из основных средств концептуализации нового опыта» (Kustova 2016: 7). Появление новых значений обусловлено эффективностью и эффектностью единичных ситуаций употребления (Blank 1999: 64, 74; Lüdtke 1999: 51): семантическое развитие происходит «рывками», а распространяются новые значения постепенно (Wierzbicka 1996: 24). Метафора и метонимия, порождающие такие резкие переходы, способствуют появлению новых значений лишь в конкретных употреблениях, сосуществующих в синхронии (Schöffel 1987: 47).

Внутренняя форма глагола *ambire* (amb(i)- ‘с обеих сторон’ > ‘вокруг’ + ire ‘идти’) определяется сочетанием семантики приставки и корня и в общем виде может быть понята как «обходить» (Popova 2019a: 875; 2019b: 279–280). В корпусе латинских текстов классического периода[1] представлены около

[1] Предложенные примеры собраны методом сплошной выборки на материале текстов, представленных в базе PHI 5. Значения в каждом случае определялись в рамках контекста и в сопоставлении с употреблениями глагола *ambire* в аналогичных ситуациях; внимание также

четырехсот употреблений, которые с точки зрения общей ситуации можно разделить на три группы: (1) конкретные значения физической сферы употребления, переносные значения (2) общественно-политической и (3) этической сферы употребления. Это разделение носит условный характер и сделано для удобства описания полисемии и семантических переходов. При этом разделении в расчет взяты следующие критерии: характер движения, одушевленность / неодушевленность агенса и пациенса, а также степень абстракции.

(1) Физическое перемещение одного объекта относительно другого — или его результат — в обнаруженных контекстах произведено человеком (или группой людей) или объектом физической действительности (рекой, морем, стеной, лесом, тканью, огнем и т.д.) относительно неодушевленного предмета.

> Si longior videtur silex, latus sequitur fossor **ambitque**. (Plin. NH XXXIII, 71, 7): «Если каменная порода оказывается более длинной, рудокоп следует за ней по краю и **обходит** (**огибает**) (ее)».
>
> Nam modo super inflammationem rubor ulcus **ambit**, isque cum dolore procedit, erysipelas Graeci nominant (Cels. Med. V, 26, 31b): «Ведь иногда поверх воспаления краснота обходит язву, и она распространяется, причиняя боль; греки называют это рожистым воспалением».

В этих употреблениях отражена основная семантика *ambire*: движение, охватывающее с одной стороны («омывать», «обходить по краю», «обходить местность», «обходить стороной», «обходить кругом»), или движение с обеих сторон («обтекать», «окружать», «омывать», «опоясывать», «обвивать», «обхватывать»). В качестве пациенса такого движения часто выступают природные, географические, астрономические объекты, а также предметы быта. Для толкования значения глагола в этих употреблениях следует понимать, что как движение, так и нахождение агенса с обеих сторон или вокруг предмета является самоцелью и не подразумевает иных результатов.

(2) При описании физического или метафорического движения, цель которого приобретает первостепенное значение, зафиксировано количественное преобладание одушевленных агенса и пациенса — чаще всего обозначающих людей. Их взаимодействие, передаваемое глаголом *ambire*, в этих случаях

уделялось значениям, предложенным в Oxford Latin Dictionary и словаре И. Х. Дворецкого и Д. Н. Королькова.

характеризуется как «обход» одного человека другим, желающим получить некую выгоду.

> Quorum pars spe, alii praemio inducti singulos ex senatu **ambiundo** nitebantur, ne gravius in eum consuleretur (Sall. BI 13, 8, 2): «Из них одни, движимые надеждой, другие — подкупом, по одному **обходя** сенаторов, прилагали усилия, чтобы те не приняли слишком жестокого решения в отношении него (Югурты)».

Отсюда происходят значения «выпрашивать» или «уговаривать», развившиеся из *«обходить человека то с той, то с другой стороны с просьбами, уговорами».

(3) Абстрактная семантика *ambire* реализуется в употреблениях, описывающих однонаправленное нефизическое действие, характеризующееся устремлением к некоторой цели: «добиваться», «стремиться». Может показаться, что во многих из этих случаев приставка в *ambire* фактически десемантизируется, однако связь с прототипическим значением *«добиваться любыми путями, заходя то с одной, то с другой стороны» все же может быть установлена.

> Hoc itaque egit colore, ut quereretur de exitu comitiorum: adulescentulos omnis conspirasse, quasi de aetatis comparatione ageretur; facile itaque victum senem non **ambientem** (Sen. Con. VII, 7, 14): «И действовал он с таким видом, что жаловался о выходе из комиций: что все юноши сговорились, будто дело шло о сравнении возраста; что легко таким образом будет побежден старик, не **добивающийся** (должности)».

Часто глагол в таких контекстах не имеет прямого дополнения, но может сопровождаться инфинитивом или инфинитивной конструкцией. В качестве агенса выступает одушевленное существительное, в большинстве случаев обозначающее человека.

В некоторых ситуациях, связанных, например, с языковой игрой, следует отказаться от однозначного толкования *ambire* и учитывать специфику контекста для более широкого понимания семантики глагола. Учитывая фрагментарность корпуса текстов на латинском языке, надежным кажется предположение о более частотном употреблении *ambire* в конкретных значениях физической сферы. Это может быть объяснено как разнообразием вариантов значения, в которых может представать данный глагол, так и экстралингвистическими причинами, обусловившими распространение полисемии на другие — более абстрактные — сферы употребления.

Развитие семантики. Формирование полисемии

Можно было бы предположить, что семантика *ambire* развивается от конкретного физического движения неодушевленных предметов к физическому действию одних людей (или групп людей) по отношению к другим, далее к употреблениям в общественно-политическом контексте и, наконец, к значениям абстрактной цели. Однако в литературный период распределение значений не совпадает с хронологией текстов.

В «Амфитрионе» Плавта (ок. 200 г. до н. э.) глагол *ambire* предстает в значениях общественно-политической и этической сфер употребления, при этом один из контекстов можно считать переходным между физической и общественно-политической сферами в соответствии с параметрами, предложенными выше: одушевленностью агенса и пациенса и важностью компонента физического движения. Этот контекст можно определить как переходный (в когнитивной семантике это «bridging context»), так как он допускает двоякую интерпретацию (Mosegaard Hansen 2012: 239): одно значение относится к области источника, а второе переносится в область цели.

На примере фрагмента, приведенного ниже и ограниченного стихами 64–78, хорошо видно, что семантические переходы для *ambire* происходят через расширение спектра возможных ситуаций употребления. То есть значение глагола изменяется не со временем и только под влиянием переходов от физической семантики к более абстрактной, но скорее зависит от условий, определяемых окружающим контекстом.

> Nunc hoc me orare a vobis iussit Iuppiter, // ut conquaestores singula in subsellia // eant per totam caveam spectatoribus, // si cui favitores delegatos viderint, // ut is in cavea pignus capiantur togae; // sive qui **ambissint** palmam histrionibus // sive cuiquam artifici, si per scriptas litteras // sive qui ipse **ambissit** seu per internuntium, // sive adeo aediles perfidiose cui duint, // sirempse legem iussit esse Iuppiter, // quasi magistratum sibi alterive **ambiverit**. // Virtute dixit vos victores vivere, // non ambitione neque perfidia: qui minus // eadem histrioni sit lex quae summo viro? // Virtute **ambire** oportet, non favitoribus (Plaut. Amph. 64–78): «Теперь мне о таком просить у вас приказывает Юпитер: пусть сыщики пройдут по всему сектору среди зрителей; если увидят, что кому-то назначены клакёры, пусть он в качестве залога будет лишен тоги на месте; или если кто будет **добиваться** награды для актеров или какого-либо художника посредством написанных писем или если сам будет **обходить** или через посредника, или даже если эдилы кому присудят вероломно, Юпитер приказал,

> чтобы закон был таким же, как если б кто-то для себя или для другого **добивался** должности. Он сказал, что вы живете победителями благодаря доблести, а не обхаживаниями и не вероломством: какой закон должен быть меньшим для актера, чем для знатного мужа? Следует **добиваться** доблестью, а не сторонниками».

В данном фрагменте засвидетельствованы употребления *ambire* в значениях «добиваться» с прямым дополнением «награды», «обходить (людей одного за другим)», «добиваться» с прямым дополнением «должности» (близко к «хлопотать о чем-либо»), «добиваться (успеха)». Можно предположить, что для автора (а учитывая народную специфику жанра комедии и свойственный ей и языку конца III — начала II в. до н. э. в целом языковой регистр[2]) *ambire* означает как физический обход одних людей другими по очереди в практических целях, так и абстрактное стремление к получению выгоды. При этом следует разделять семантику, выражаемую *ambire* с прямым

[2] Язык комедий Плавта Михаэль фон Альбрехт предлагал считать не чисто обиходным: языковой стиль «дифференцируется хронологически и социально», то есть представляет собой последовательное использование речи, характерной для разных слоев общества, в зависимости от статуса персонажа, произносящего реплику. Кроме того, Альбрехт отмечает «конкретное восприятие метафор» (Albrecht 2002: 219–221): такое столкновение буквального и метафорического употребления глагола ambire встречается в приводимом отрывке. В статье об использовании формул разговорного языка в речи героев-богов и героев-людей в комедии «Амфитрион» Кристи Лоу обращает внимание на то, что «gods are not as colloquial as mortals», но при этом «educated Romans, such as Cicero, Varro, and Pliny the Younger have praised the language of Plautus and remarked that their own personal conversations and correspondences between them and family and friends sound like Plautus or Terence, without the metre» (Lowe 2015: 32, 36). Рассматриваемый фрагмент с многочисленными употреблениями *ambire* в разных значениях всех трех сфер употребления (64–78) является частью монолога Меркурия. Можно заключить, что стиль этого монолога следует считать не просторечным, но вполне отражает разговорный стиль языка образованных римлян. Например, Цицерон, в том числе, в письмах также употребляет глагол *ambire* в значении «обходить местность» (Epist Att. IV, 3, 2, 9) и «обходить с подкупом» (Phil. XI, 19, 9). Можно предположить, что значения *ambire* разных сфер употребления сосуществовали в тексте одного автора или персонажа, а понимание их при этом не было затруднено и не обязательно воспринималось как языковая игра.

дополнением palmam ‘награда’ и magistratum ‘должность’: *ambire palmam* имеет более абстрактную семантику, так как распространяется на большее число ситуаций, чем *ambire magistratum* — случай общественно-политической сферы употребления. Следует также отметить наличие в этих двух употреблениях прямого дополнения — в отличие от последнего стиха, где *ambire*, имеющий абстрактную семантику этической сферы, означает исключительно однонаправленное внутреннее устремление — «добиваться успеха в своем деле».

Значение кругового движения, движения с обеих сторон одновременно или по очереди не наблюдается в употреблениях с абстрактной семантикой. Так, значения «добиваться (+ награды)», «добиваться (+ должности)» и «добиваться (успеха)», хотя и находят отражение в глаголе *ambire*, явно характеризуются отсутствием буквальной передачи семантики префикса amb(i)- и степенью абстракции, лишенной прямой связи с физическим движением. Как явствует из приведенного выше фрагмента, ситуация близкого расположения *ambire* в значениях с разной степенью абстракции могла быть не столько художественным приемом, сколько отражением языковой действительности и нормального для обычной речи сосуществования разнообразной семантики *ambire*.

Конкретные значения физической сферы употребления

При анализе корпуса латинского языка классического периода были выявлены употребления глагола *ambire* в значениях, которые можно условно разделить на две группы: одни содержат семантический компонент «движение», другие — «результат движения» (то есть расположение одного предмета относительно другого). Такое разделение можно провести только условно.

Трактовка семантики *ambire* в конкретных случаях употребления в каждом из значений физической сферы определяется характером значения агенса и характером значения пациенса. Первым критерием для понимания значения в конкретных употреблениях является реальная способность предмета, выступающего в роли агенса, перемещаться самостоятельно: речь здесь обычно о людях, небесных телах или — реже — «разрастающихся» субстанциях, таких как дым или огонь. Вторым критерием является природная статичность пациенса, неподвижность, свойственная референту: здесь речь может идти о

земле или ее участке, доме, саде и т. д. Третьим критерием является *необходимость* компонента движения для конкретного сочетания агенса и пациенса. Глагол *ambire* в одних контекстах может иметь семантический элемент движения, не содержа его в других, при этом употребления обеих групп могут иметь общую семантику: это применимо к значениям «окружать», «охватывать», «обходить кругом», «обходить с одной стороны», «обходить по краю», «обходить с двух сторон», «обходить стороной», «опоясывать», «обнимать», «обвивать». В перечисленных значениях *ambire* в одних употреблениях означает процесс движения, а в других — его результат.

Точно зафиксировать хронологию изменения семантики не представляется возможным: основные значения обнаруживаются в литературе на протяжении всего периода от I в. до н. э. примерно до конца IV в. н. э. Однако можно наблюдать преобладание первой группы значений, содержащих семантику движения, в произведениях авторов I в. до н. э. И все же однозначное диахроническое распределение этих употреблений было бы ошибочным.

Глагол *ambire* в контекстах, связанных с физическим перемещением одного предмета относительно другого, может содержать один из четырех основных семантических компонентов: «движение с одной стороны», «движение со сменой направления» (то есть движение одного предмета по изменяющейся траектории), «движение с обеих сторон одновременно» и «движение вокруг».

Семантический компонент «движение с одной стороны» отражен в употреблениях, в которых *ambire* можно понимать как «обходить по краю», «обвивать» и «омывать».

> Respicit Aeneas subito et sub rupe sinistra // moenia lata videt triplici circumdata muro, // quae rapidus flammis **ambit** torrentibus amnis, // Tartareus Phlegethon, torquetque sonantia saxa (Verg. Aen. VI, 550): «Оглядывается Эней и вдруг видит слева под скалой широкие укрепления, окруженные тройной стеной, которые **обходит** бурным пламенем быстрая река, — тартарийский Флегентон — и ворочает гремящие камни»[3].

[3] Джон Конингтон относит *flammis* к *ambit* (а не к *rapidus*), толкуя *torrentibus* одновременно как поток и пламя вокруг представляющего собой ров Флегетона (Conington 1876: 550). С. А. Ошеров переводит *rapidus ambis flammis torrentibus ambit* как «огненный бурный поток вкруг (твердыни Тартара) мчится» (Вергилий 1979: 255).

Семантический компонент «движение со сменой направления» находит отражение в тех случаях, когда *ambire* может быть переведен как «метаться», «обходить по очереди», «обходить местность».

> Sed caeca iuventus // consilii vastos **ambit** divisa penates, // et nusquam totis incursat viribus agmen (Luc. BC X, 483): «Но юноши, слепые в решениях, **метались** беспорядочными группами **около** огромного дворца, и военный строй нигде не атаковал всеми силами».

Семантический компонент «движение с обеих сторон одновременно» проявляется в тех употреблениях, в которых *ambire* означает «обходить с двух сторон», «обхватывать», «обнимать» и «опоясывать». В некоторых случаях подразумевается одновременное обхватывающее движение, прямо наблюдаемое или подразумеваемое.

> Namque eos qui, principio fragoris territi, sensum tamen clementiae misericordiaeque retinebant et grandaevos parentes ereptos volucri clade suis cervicibus sustinebant, illa flammarum fluenta, divino separata discidio, quasi duo flumina ex uno fonte manantia, locum illum **ambire** maluerunt obsidione innocenti, ubi erant boni baiuli religiosis sarcinis occupati (Apul. De Mun. 34, 24): «Ведь они, испугавшись начала грохота, сохранили все же чувство спокойствия и подхватили себе на шею престарелых родителей, вырванных у внезапного несчастья, а эти потоки пламени, разделенные божественным разрывом, словно две реки, текущие из одного источника, предпочли, в опасности безопасные, **обойти по двум сторонам** это место, где были добрые носильщики, занятые священным бременем».

> Sed maximos [elephantos fert] India bellantesque cum his perpetua discordia dracones tantae magnitudinis et ipsos, ut circumplexu facili **ambiant** nexuque nodi praestringant. (Plin. NH VIII, 32, 5): «Но самых больших [слонов приносит] Индия, а еще вечно и непримиримо сражающихся с ними змей, которые и сами такой величины, что, легко обхватывая, **обвивают** (их) и узлы удерживают, словно путами».

Семантический компонент «движение вокруг» можно считать отражением вторичного значения приставки amb(i)- «с двух сторон одновременно» или «по одной стороне предмета» > «вокруг» как видимой наблюдателю траектории кругового движения.

> Infra solem **ambit** ingens sidus appellatum Veneris, alterno meatu vagum ipsisque cognominibus aemulum solis ac lunae (Plin. NH II, 36, 1): «Ниже Солнца **проходит** огромная звезда, названная

Венерой, (движущаяся) по разному пути и по названию не уступающая Солнцу и Луне».

Семантические компоненты «находиться с одной стороны» и «находиться вокруг» являются результатом метонимического перехода «процесс > результат». Переход, вероятно, произошел вследствие реинтерпретации ситуации, описывающей процесс движения одного предмета по краю второго, к результату такого движения. О подобном семантическом переносе уместно говорить и для объяснения связи значений «обходить вокруг» > «находиться вокруг».

[Referre pudeat] et ferro Plateam suo sonantem, // quam fluctu tenui, sed inquieto // armorum Salo temperator **ambit** (Mart. Epigr. IV, 55, 15): «[Стыдно вспомнить] и Платею, звучащую (значимую) своим железом, которую Салон, закаляющий оружие, **огибает** узким, но беспокойным потоком»[4].

[4] Местоположение Платеи в Испании на берегу неширокой реки Salo (Халон) точно не известно, однако Марциал упоминает это место дважды (I, 55, 13 и XII, 18, 11). В эпиграмме I, 55 указано, что река *ambit* ‘обходит, огибает’ *Plateam* (Платею). Эта река в самом деле совершает поворот почти под прямым углом в том месте, где находился город Bilbilis (Бильбилис), родина Марциала. В стихах 11 и 13 Бильбилис и Платея объединены союзом et: *saevo Bilbilin optimam metallo et ferro Plateam suo sonantem*. Таким образом, необходимо заключить, что это два разных города. Местоположение Бильбилиса определено вполне точно: археологические раскопки проводятся на холме Бамбола, который с запада обходит река Халон. Вероятно, Платея находилась также на берегу Халона рядом с Бильбилисом — скорее всего, на месте современного города Калатаюд, в шести километрах от Бильбилиса; русло Халона в этом месте также искривлено. И в Платее, и в Бильбилисе была развита обработка металла (Eloi 1825: 442; Soldevila 2006: 394). Сольдевила указывает, что Платея должна была находиться на плато или на равнинном месте (подробно о возможном местоположении и значении названия Платея см. (Pailler 2005: 370)). Вероятно, глагол *ambire* используется применительно к течению реки в том месте, где она огибает Платею, для обозначения этого изгиба. Халон назван *temperator armorum*, вероятно, потому, что воды этой реки использовались для закаливания оружия, изготовленного в Бильбилисе и Платее (Soldevila 2006: 394–395). Фридлендер (Friedlaender 1886: 195) указывает, что Бильбилис — это другое название реки Халон, однако такое предположение в свете археологических находок кажется ошибочным. *Sonantem* обозначает звук, возникающий мастерскими при обработке металла (Eloi 1825: 442; Soldevila 2006: 394).

> Hic est Metellus Macedonicus qui porticus, quae fuerunt circumdatae duabus aedibus sine inscriptione positis, quae nunc Octaviae porticibus **ambiuntur**, fecerat (Vel. Pat. HR I, 11, 3, 3): «Это тот Метелл Македонский, который поместил портики между двумя храмами, на которых не было надписей, — их теперь **окружают** Октавиевы портики».

Семантическое разнообразие глагола *ambire* в физическом смысле объясняется вариантами свойств, присущих лицам или предметам, выступающих в роли агенса и пациенса. При определении точного значения слова необходимо всякий раз основываться на том, предполагается ли при конкретном взаимодействии референтов агенса и пациенса при глаголе *ambire* перемещение или описывается лишь их взаимное расположение. Для определения характера действия в конкретном контексте следует учитывать семантику приставки ambi-, которая в ходе истории латинского языка претерпевает метонимический переход между значениями «с двух сторон одновременно», «то с одной, то с другой стороны», «с одной стороны», «вокруг». Таким образом, в физической сфере появление новых значений происходит за счет реинтерпретации действия, обозначаемого приставкой, а также метонимического перехода от движения к результату движения. Метонимия[5] в ситуациях физического действия оставляет глагол *ambire* в границах одной сферы опыта (Kobozeva 2019: 190).

Нельзя утверждать, что те или иные значения физической сферы употребления *ambire* развиваются от наличия семантического компонента движения к его утрате[6]. Присутствие или отсутствие этого компонента в каждом конкретном случае сопряжено с задачами говорящего и тем, использует ли он глагол *ambire* для обозначения наблюдаемого движения или

---

[5] Метонимия в когнитивной семантике трактуется как «применение одного и того же слова, активирующего данный фрейм (сложный объект, представляющий собой структуру взаимосвязанных понятий, соотносящихся с тем или иным объектом или явлением), к разным его слотам (составным частям фрейма)» (Kobozeva 2019: 190; также Koch 2012: 265–267; Grzega 2000: 239).

[6] И. М. Тронский указывает на тенденцию переосмысления приставочных образований от глагола ire вплоть до смешения их со спряжением основ на -i-; с *ambire* это произошло достаточно рано, так как «его составной характер был затемнен утратой *ambi как самостоятельного слова» (Tronsky 2001: 270).

статичной ситуации (то есть результата перемещения) в рамках метонимического переноса.

Переходные значения общественно-политической сферы употребления

Семантическое разнообразие *ambire* при описании взаимодействия людей в общественно-политической сфере характеризуется степенью абстрактности значения, а не семантикой агенса и пациенса, учитывая, что часто в таких случаях прямое дополнение отсутствует.

Основой семантического перехода от физической к общественно-политической сфере употребления можно считать совокупность ситуаций физической сферы, отражающих взаимодействие одушевленного агенса и одушевленного (реже — неодушевленного) пациенса. Характер этого взаимодействия определяется обязательным присутствием семантического компонента движения: человек обходным движением перемещается относительно другого человека, предмета или местности. Значением физической сферы употребления, отражающим такой характер движения, можно считать «обходить по очереди», а в качестве промежуточной семантики, не зафиксированной в употреблениях корпуса латинского языка, представляется необходимым восстановить значение *«обходить то с одной, то с другой стороны», в переносном смысле понимаемое как «обхаживать», «обихаживать», «окружать вниманием». Такое допущение кажется обоснованным, во-первых, исходной семантикой приставки ambi-, а во-вторых, близостью к другому, зафиксированному в корпусе значению «обходить и с одной, и с другой стороны». Кроме того, невозможным кажется представление, будто человек способен одновременно совершать перемещение по двум сторонам относительно предмета или другого человека.

В корпусе латинского языка обнаружены несколько употреблений глагола *ambire* в ситуациях, где человек обходит других людей одного за другим, в значении «обходить по очереди».

> Et hic se excusat, quod cum probetur a plurimis, non tamen habeat laudatores, volens hanc causam esse, quod propter invidiam, quae inimica virtutis est, etiam ipsi sit **ambiendum** grammaticos cum suis auditoribus promerendo (Porph. Comm. Hor. Epist. I, 19, 35): «И он оправдывал себя тем, что, хотя многие признавали его, хвалителей у него все же не было; причиной этому он хотел

видеть зависть, недружественную добродетели: самому ему даже приходилось **обходить** грамматиков с их слушателями, чтобы снискать расположение».

Цель такого обхода, включавшего и физическое перемещение, могла смещать акцент на просьбы и уговоры и толковаться как «обходить, воздействуя». То есть намерение, с которым совершается физическое движение, фиксируется в таких ситуациях как более важное для совершающего его человека, чем само перемещение.

Quos ego audio maxima ope niti **ambire**, fatigare vos singulos, ne quid de absente incognita causa statuatis (Sall. BI 14, 20, 3): «Как я слышу, они с великим усердием старались **обходить (с просьбами)** и надоедали каждому из вас, чтобы вы ничего не решили относительно него в его отсутствие, не расследовав дела».

Основной интерес совершающего обход лица иногда был причиной «затемнения» компонента движения и появления у глагола *ambire* значения «обращаться» (с речью, просьбами). Эта новая семантика может быть истолкована как упрощение сочетания значений приставки и корня и переход к обозначению речевого акта.

Te pauper **ambit** sollicita prece // ruris colonus (Hor. Epist. I, 19, 40): «К тебе **обращается** с робкой мольбой бедный деревенский житель».

Продолжение такого развития семантики «обходить (с просьбами)» наблюдается в употреблениях, где *ambire* получает значение «выпрашивать», которое также можно истолковать в качестве сообщения о разновидности речевого акта.

Molestae sunt: orant, **ambiunt**, exobsecrant // videre ut liceat, ad sese arcessi iubent, // ut tuo non liceat dare operam negotio (Plaut. Mil. Glor. 69): «Они докучливы: просят, **уговаривают**, молят, чтоб можно было увидеть (тебя), настойчиво приглашают к себе, — настолько, что нельзя мне подумать о твоем деле».

Другое направление развития полисемии *ambire* в ситуациях человеческого взаимодействия отражено в значении «обхаживать, заискивать», то есть окружать кого-то вниманием с целью извлечения выгоды. Физическое значение «обходить то с одной, то с другой стороны» в этих случаях реализуется в рамках метафорического переноса: один человек «двигается» или «мечется» относительно другого, производя такое впечатление, какое производит извилистая река на местности или

ползучее растение вокруг ствола дерева. Такое развитие полисемии глагола движения от конкретных значений к абстрактным посредством метафоры не является редкостью: доступное непосредственному человеческому опыту действие нередко переносится из области источника в отвлеченную область цели, обеспечивая метафорическому переходу однонаправленность (Allan 2012: 23; Nikitin 2007: 110). Это особенно характерно для глаголов движения (Traugott, Dasher 2001: 205), каковым является *ambire*.

> Nam beneficium dantes, non accipientes **ambiuntur** (Vitr. Arch. VI, pr. 5, 11): «Ведь **обхаживают** не тех, кто принимает, а тех, кто оказывает благодеяние».

Ситуации употребления *ambire*, описывающие общественно-политическое взаимодействие людей, представляют семантику глагола на этапе перехода от конкретных значений физической сферы к абстрактным значениям этической сферы. В части таких употреблений сохраняется важность семантики движения, но в некоторых случаях цель, с которой совершается перемещение от одного человека к другому, становится важнее самого перемещения. Абстрактные значения общественно-политической сферы зафиксированы в литературных памятниках на протяжении всего классического периода — от Плавта до Scriptores Histroriae Augustae.

Значение «обходить с просьбами» послужило основой для развития семантики «выпрашивать», «уговаривать», «просить» — с одной стороны и «обращаться (с речью, просьбами)» — с другой. В этих случаях *ambire* выступает уже как глагол, обозначающий акт коммуникации, а не как глагол движения. Контексты, в которых *ambire* означает «выпрашивать», «уговаривать», «просить», могут отражать не однократное, а настойчивое, повторяющееся действие. Семантика итеративности также свойственна *ambire* в тех случаях, где этот глагол означает «обхаживать», «заискивать». В этих ситуациях *ambire* теряет компонент движения и семантически сближается с употреблениями этической сферы.

Абстрактные значения этической сферы

Главной чертой абстрактных употреблений *ambire* является десемантизация приставки ambi-: абстрактная семантика глагола не допускает явного присутствия элементов значения «вокруг» и «с обеих сторон», однако можно предполагать, что

переходным этапом в сознании говорящего могло быть значение *«двигаться и так, и этак в направлении своей цели», иными словами, стремиться к цели, двигаясь в разных направлениях, или — отвлеченно — предпринимая многочисленные попытки, «заходы». Метафорический переход при обозначении с помощью *ambire* усилия мысли и воли, вероятнее всего, происходил и до классического периода: глагол *ambire* демонстрирует абстрактные значения, которые в данном исследовании классифицированы как употребления этической сферы, в контекстах от Плавта до Авла Геллия.

Такие употребления немногочисленны в сравнении, например, с употреблениями физической сферы. Основные значения, в которых *ambire* демонстрирует абстрактную семантику с «затемнением» основных элементов значения приставки, — «добиваться» и «стремиться».

> Cumque in demortuae locum aliam capi oporteret **ambirentque** multi ne filias in sortem darent, adiuravit, si cuiusquam neptium suarum competeret aetas, oblaturum se fuisse eam (Suet. Vita Caes. life Aug. 31, 3): «А когда нужно было взять на место умершей (весталки) другую, многие **добивались** того, чтобы (их) дочери не были отданы на волю жребия, он поклялся, что предложил бы свою дочь, если бы кто из его детей подходил по возрасту».

Развитие абстрактной семантики *ambire* прошло от «добиваться» и «стремиться» к более общему «хотеть», так как очевидно, что человек, стремящийся к определенной цели, испытывает желание достичь ее.

> Artis severae si quis **ambit** effectus mentemque magnis applicat, prius mores frugalitatis lege poliat exacta (Petr. Sat. 5, 1): «Если кто **стремится** к результату строгой науки, пусть приложит разум к великим делам, но сперва пусть сгладит (выровняет) нравы, введя закон умеренности».

Полисемия *ambire* также развивалась в направлении от конкретного движения к абстрактному и в переходе от физического избегания некоего места к отвлеченному избеганию некоторых действий или нематериальных понятий. Случай употребления *ambire* в значении физического обхода стороной обнаружен у Фронтона:

> Inde viae quantum potes ad litus pergeres et raucas paludes **ambires** (Fronto, Fer. Als. 3, 1, 11): «Оттуда по дороге сколько можешь продвигайся к берегу и **обходи стороной** глухие болота».

У Квинтилиана *ambire* также встречается в значении «избегать», однако уже в абстрактном смысле, так как объект этого избегания является отвлеченным понятием:

> **Ambiunt** cuncta moriendi spatia pro vita (Quint, Decl Mai, 17, 16, 18): «Они **обходят (избегают)** все сроки умирания ради жизни».

Случаи употребления глагола *ambire* в метафорических, абстрактных значениях зафиксированы для всего классического периода истории латинского языка — от Плавта до Сервия Грамматика. Разные этапы развития семантики можно наблюдать у авторов-современников и даже у одного автора. Здесь отражается прагматическая необходимость обозначения некоторой ситуации с помощью слова, заимствованного из описания ситуации в области источника. При этом исходная семантика приставки ambi- не всегда прослеживается, однако поддается восстановлению.

Метафорический переход, ставший основой распространения полисемии *ambire* на абстрактные употребления этической сферы, обусловлен переносом движения из физической плоскости взаимодействия предметов в умозрительную область нравственных устремлений.

Заключение

Семантическое развитие глагола *ambire* обусловлено разнообразием ситуаций употребления. Свойства референтов, выступающих в качестве акторов, определяют наличие или отсутствие семантического компонента движения в конкретных описаниях: как траектории движения, так и характера местоположения одного предмета относительно другого (с одной стороны, с обеих сторон, по краю или вокруг).

Употребления глагола *ambire* для описания взаимодействия людей следует считать переходными от семантики, связанной с описанием физического мира, к семантике абстрактной, в частности, этической. Они предполагают наличие одушевленных акторов. Глагол *ambire* описывает несколько видов ситуаций взаимодействия между людьми, позволяющих проследить путь семантического развития глагола. Значение «обходить по очереди», предполагающее перемещение человека, является отправной точкой для развития значений «обходить с просьбами» и «упрашивать». Инициирование акта коммуникации отражено в значении «обращаться (с речью, просьбой)».

Итеративность отражена в значении «обхаживать». В общественно-политической сфере *ambire* обозначает коммуникацию между людьми, что указывает на то, что семантика глагола претерпевает метафорический переход и развивается в направлении абстрактных значений.

Основная часть употреблений *ambire* в абстрактной сфере указывает на метафорический переход от физического движения к усилию воли или целенаправленным действиям: удалось выделить значения «стремиться», «добиваться», «хотеть». Кроме того, найденные употребления *ambire* в значении «избегать» (об отвлеченных действиях и явлениях) также представляется развитием конкретной семантики глагола.

Многозначность глагола и сосуществование разных значений в языке одного периода объясняется метафорическим переносом от физического движения к переходному значению движения с некоторой целью (каковая может быть у человека, но не у объекта неживой природы) и далее — к значениям, описывающим движение воли[7]. То есть основным механизмом образования новых значений *ambire* для разных сфер употребления можно считать метафору, при том что внутри физической сферы полисемию часто обеспечивал метонимический переход.

Литература

Albrecht, M., von 2002: [A History of Roman Literature]. *Istoriya rimskoy literatury*. Moskow.

Allan, K. 2012: Using *OED* data as evidence for researching semantic change. In: *Current methods in historical semantics*. Edited by Kathryn Allan, Justyna A. Robinson. Berlin; Boston, 17–39.

Blank, A. 1999: Why do the meanings occur? A cognitive typology of the motivation for lexical semantic change. In: *Historical semantics and cognition*. Edited by Andreas Blank, Peter Koch. Berlin; New York, 61–90.

Conington, J. 1876: The works of Virgil // Commentary by John Conington and Henry Nettleship. London.

Eloi, N. 1825: M. V. *Martialis Epigrammata*. Edited by Nicolaus Eligius Lemaire. Bd. 1. Paris.

Friedländer, L. 1886: *M.-Valerii Martialis Epigrammaton Libri*. Erklär. Anmerk. von Ludwig Friedländer. Bd. 1. Leipzig.

[7] Полисемия глаголов движения — с приставками и без них — требует дальнейшего исследования: его целью могло бы стать выявление семантических свойств этих глаголов и изучение типологии направлений изменения значений и формирования многозначности.

Geeraerts, D. 1985: Cognitive restrictions on the structure of semantic change. In: *Historical semantics. Historical word-formation*. Edited by Jacek Fisiak. Berlin; New York; Amsterdam, 127–153.

Geeraerts, D. 2010: *Theories of lexical semantics*. Oxford.

Grzega, J. 2000: Historical semantics in the light of cognitive linguistics: Aspects of a new reference book reviewed. *AAA.* Bd. 25. Heft 2. Tübingen, 233–244.

Györi, G. 2002: Semantic change and cognition. In: *Cognitive Linguistics* 13–2, 123–166.

Györi, G., Hegedüs, I. 2012: A cognitive approach to the methodology of semantic reconstruction. The case of English chin and knee. In: *Current methods in historical semantics*. Edited by Kathryn Allan, Justyna A. Robinson. Berlin; Boston, 313–333.

Kobozeva, I. M. 2019: (Semantics). *Vvedeniye v nauku o yazyke* (Introduction to the language science). Moscow, 164–215.
Кобозева, И. М. 2019: *Семантика. Введение в науку о языке*. А. Е. Кибрик и др.: под ред. О. В. Фёдоровой и С. Г. Татевосова. М., 164–215.

Koch, P. 2012: The pervasiveness of contiguity and metonymy in semantic change. In: *Current methods in historical semantics*. Edited by Kathryn Allan, Justyna A. Robinson. Berlin; Boston, 259–312.

Krongauz, M. A. 1988: (Prefixes and verbs in the Russian language: semantic grammar). *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika.* Moscow.
Кронгауз, М. А. 1998: *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. М.

Kustova, G. I. 2016: (The types of derivative meanings and the mechanisms of language expansion). *Tipy proizvodnykh znacheniy i mechanizmy yazykovogo rasshireniya.* Moscow.
Кустова, Г. И. 2016: *Типы производных значений и механизмы языкового расширения.* М.

Lowe, Ch. 2015: The Use of Colloquial Language in the Portrayal of Gods in Plautus' Amphitryon (341–632). In: *Rosetta* No. 17, V.5 27–39.

Lüdtke, H. 1999: Diachronic irreversibility in word-formation and semantics. In: *Historical semantics. Historical word-formation*. Edited by Jacek Fisiak. Berlin; New York; Amsterdam, 355–366.

Luria, A, R. 1979: (Language and cognition). Yazyk i soznaniye. Moscow.
Лурия, А. Р. 1979: *Язык и сознание*, под ред. Е. Д. Хомской. М.

Mikkola, E. 1964: *Die Abstraktion, Begriff und Struktur. Eine logisch-historische Untersuchung auf nominalistischer Grundlage unter besonderer Berücksichtigung des Lateinischen*. Helsinki.

Mosegaard Hansen, M-B. 2012: *A pragmatic approach to historical semantics, with special reference to markers of clausal negation in Medieval French*. Edited by Kathryn Allan, Justyna A. Robinson. Berlin; Boston, 233–258.

Nikitin, M. V. 2007: (The course of linguistic semantics). *Kurs lingvisticheskoy semantiki.* St-Petersburg.
Никитин, М. В. 2007: Курс лингвистической семантики. 2-е изд. Санкт-Петербург.

Pailler, J-M. 2005: Platea, « le fer forgé » des Celtibères ? Un clin d'œil de Martial. *Pallas* 67, 365–376.

Pilch, H. 1985: The synchrony-diachrony division in word-formation. In: *Historical semantics. Historical word-formation*. Edited by Jacek Fisiak. Berlin; New York; Amsterdam, 407–433.

Pokrovskiy, M. M. 1942: (A History of Roman Literature). *Istoriya rimskoy literatury.* Moscow.
Покровский М. М. 1942: *История римской литературы*. М.; Л.

Popova, I. D. 2019a: (*On some cases of synonymy and possible reasons for parallel semantic development of Lat. ambitus and ambitio*). *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* (*Indo-European linguistics and classical philology*) 23, 872–911.
Попова, И. Д. 2019a: О случаях синонимии и возможных причинах параллельного развития семантики лат. ambitus и ambitio. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 872–911.

Popova, I. D. 2019b: (On partial synonymy of the prefixes ambi- and circum-). *O chastichnoy sinonimii pristavok ambi- i circum-.* In: *Sovremennoye sostoyaniye indoevropeyskogo yazykoznaniya*. Moscow, 279–282.
Попова, И. Д. 2019b: О частичной синонимии приставок ambi- и circum- в латинском языке. В сб.: *Современное состояние индоевропейского языкознания и санскритологии*. М., 279–282.

Pozdnev, M. M. 1997: *Teatr Plavta. Traditsii i svoeobrazie. Plavt. Sobranie sochineniy v tryokh tomakh* [Plautian theatre. Traditions and originality]. Moscow.
Позднев, М. М. 1997: *Театр Плавта. Традиции и своеобразие. Плавт. Собрание сочинений в 3-х томах*. М.

Schöffel, G. 1987: *Denken in Metaphern: Zur Logik sprachlicher Bilder*. Opladen.

Soldevila, R. M. 2006: Martial, Book IV. *A Commentary*. Leiden; Boston.

Taylor, J. R. 1999: Cognitive semantics and structural semantics. In: *Historical semantics and cognition*. Edited by Andreas Blank, Peter Koch. Berlin; New York, 17–48.

Traugott, E. C., Dasher, R. B. 2001: *Regularity of semantic change*. Cambridge.

Tronsky, I. M. 2001: *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka. Obshcheindoevropeyskoe yazykovoe sostoyanie (voprosy rekonstruktsii)* [*Historical grammar of Latin.Common Indo-European linguistic status (problems of reconstructing)*]. 2. edition prepared by: A. V. Grosheva, N. N. Kazansky, M. L. Kisilier, E.R.

Kryuchkova, N. N. Nadel, A. I. Solopov / Ed. by N. N. Kazansky. Moscow: Indrik.

Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Изд. 2-е дополненное подготовили: А.В. Грошева, Н.Н. Казанский, М.Л. Кисилиер, Е.Р. Крючкова, Н.Н. Надель, А.И. Солопов / Отв. ред. Н.Н. Казанский. —М.: Индрик.

Wierzbicka, A. 1996: *Semantics. Primes and universals*. Oxford; New York.

Wundt, W. 1885: Zur Geschichte und Theorie der abstrakten Begriffe. In: *Philosophische Studien*. No. 2. Leipzig, 161–193.

DOI:10.30842/ielc230690152562

Е. В. Приходько
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

«ПИДНЫ» СТАДИАСМА И «КИДНА/Ы» ПТОЛЕМЕЯ: ЕСТЬ ЛИ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ?

Крепость города Ксанфа, возведенная возле моря у подножия Сандык Дагы, носила, согласно «Стадиасму Великого моря», имя Пидны. В 1824 г. У. М. Лик, основываясь на предложенной Ф. Бофортом идентификации южной части горной цепи, тянущейся от Тельмесса до дельтовой равнины Ксанфа, с античной горой Крагом, высказал предположение, что топоним Cydna в «Географии» Птолемея также указывает на эту крепость. С тех пор крепость всегда выступает под двумя именами. Автор доказывает, что город Кидна/ы был расположен у горной цепи Акдаглар — именно ее, как уже установлено, называли Крагом — и не может быть отождествлен с Пиднами.

Ключевые слова: Ликия, крепость Пидны, Кидна/ы, Ксанф, Эшен Чайы, Краг, Сандык Дагы, Акдаглар, античная география, Стадиасм Великого моря, География Птолемея, Кадианды.

E. V. Prikhodko
(Lomonosov Moscow State University)

Pydnae of the Stadiasmus and *Cydna* of Ptolemy: are there any grounds for identification?

In the 3rd century BC, the inhabitants of Xanthos had built a fortress in order to protect their harbor and the road that connected the harbor to Xanthos. The fortress is located on the southwestern coast of Lycia, at the foot of Sandık Dağı, near the sea, where the 12-kilometer sandy shore ends. According to the *Stadiasmus of the Great Sea* the name of the fortress was Πύδναι. When in 1811 Captain F. Beaufort charted and explored southern Anatolia, he gathered that the south part of the mountain range located between Telmessos and the delta plain of the river of Xanthos is the ancient mountain of Cragus. This misidentification gave W. M. Leake a reason to suggest, in 1824, that Pydnae is “the same as the Cydna (Κύδνα), which Ptolemy places among the cities of Mount Cragus”. After that, for two centuries, the fortress has had two names, and each scholar first indicated both names and then was free to choose the name to be used in their work. The author of the present article examines the texts of the *Stadiasmus* and of Ptolemy and concludes that the Xanthian fortress might be called Pydnae, whereas Ptolemy’s Cydna is a completely different city. According to Ptolemy, Cydna was not located by the sea, but in the inner

lands of Lycia, near the mountain of Cragus. Still, J. A. Schönborn in the middle of the 19th century and S. Şahin and M. Adak in our days raised the question of a mistake in identifying the ancient mountain of Cragus with Sandık Dağı and proved that Cragus is the mountain range now known as Akdağlar. Akdağlar is located far from the sea and from the fortress of Pydnae. On the map compiled according to the coordinates of Ptolemy, both the mountain of Cragus and Pydnae are located at a great distance from the sea and from the mouth of the Xanthos River. Ptolemy recorded significant cities only and did not include any village or guard fortress like Pydnae in his work. Based on the coordinates, it can be assumed that under the name Cydna, Ptolemy meant the large city of Cadyanda.

Keywords: Lycia, fortress of Pydnae, Cydna, Xanthos, Eşen Çayı, Cragus, Sandık Dağı, Akdağlar, ancient geography, Stadiasmus of the Great Sea, Geography of Ptolemy, Cadyanda.

«Наши работы начались у Йеди-Бурун, что означает Семь Мысов, цепи из высоких отвесных гор, которые, очевидно, являются античной *горой Крагом в Ликии*, местообитанием мифической Химеры. У подножия этих гор вьется по обширной равнине река *Ксанф*, и немного дальше к востоку находятся возле берега моря руины города *Патары*», — этими словами начинает описание берегов Ликии капитан Фрэнсис Бофорт (Beaufort 1818: 1–2), под командованием которого фрегат «Frederiksteen» в июле 1811 г. отправился по поручению Британского Адмиралтейства к южному побережью Малой Азии для изучения береговой линии и составления навигационных карт этих вод. Помимо выполнения своих профессиональных обязанностей капитан Бофорт с большим интересом изучал встречавшиеся на их пути руины античных городов, и написанная им впоследствии книга «Карамания, или краткое описание южного побережья Малой Азии и остатков древности» явилась первым подходом к полноценному исследованию прибрежных областей Ликии, Памфилии и Киликии. На этот труд ссылались все последующие путешественники и ученые, и, видимо, авторитет капитана Бофорта не позволил им заметить ошибочность предложенной им идентификации горной цепи, часть которой турки до сих пор называют Йеди Бурун, с античной горой Крагом. Эта идентификация утвердилась в научном обиходе и, несмотря на отдельные попытки ее опровержения, принимается большинством исследователей как не требующая дополнительной проверки устоявшаяся традиция, что, в свою очередь, влечет за собой возникновение новых ошибочных идентифика-

ций. Цель данной работы — развенчать одно из таких ложных отождествлений.

Горная цепь, о которой пишет капитан Бофорт, начинается около города Фетхие — в античности он назывался Тельмесс — и тянется с севера на юг вереницей вершин: Мендус (Ары) Дагы, Баба Дагы, Элмаджык Дагы, Эрен Дагы и Сандык Дагы. Западные обрывистые склоны этих гор омывает море, а восточные более пологие склоны постепенно спускаются в долину реки Эшен Чайы, одной из самых крупных рек Ликии — ее длина составляет 120 км, — известной античным авторам под названиями Сирбис и Ксанф. Истоки Эшен Чайы находятся на западных склонах горы Кызылджадаг, одной из вершин горной цепи Акдаглар. Спустившись с гор, Эшен Чайы течет с севера на юг по обширной равнине, ограниченной с запада выходящими к морю горами Мендус Дагы — Сандык Дагы, а с востока склонами горной цепи Акдаглар, и лишь возле районного центра Кынык, где на высоком холме в древности был воздвигнут город Ксанф, река поворачивает на юго-запад и впадает в море почти в центре двенадцатикилометрового песчаного берега, тянущегося от Сандык Дагы с северо-запада на юго-восток вплоть до гряды холмов с расположенными на них руинами города Патары. Если сейчас береговая линия проходит почти по прямой, то раньше у Патар была глубокая бухта, служившая городским портом, а после нее севернее начинался широкий залив, занимавший бóльшую часть современной дельтовой равнины Эшен Чайы. Со временем песчаные дюны, поддерживаемые морским течением и господствующими юго-западными ветрами, стали перегораживать устье залива, мешая полноценному стоку воды во время разлива Эшен Чайы, а река без устали несла с гор осадочные породы, заполняя ими отвоеванную у моря территорию, в результате чего за несколько тысячелетий залив был полностью уничтожен, и его место заняли обширные болота (Öner, Akbulut 2015: 95).

Ликийцы, как правило, выбирали для основания своих городов труднодоступные вершины гор или высоких холмов и не стремились к тому, чтобы город стоял непосредственно у берега моря. Для морского сообщения у крупных городов всегда была своя гавань: Андриака у Мир, Т(е)имиуса у Тиберисса, Калаба(н)тия у Сидим и т. д. Однако жители Ксанфа из-за подступавших к самому берегу болот не смогли устроить для себя полноценный порт и были вынуждены ограничиться якорной стоянкой у самого северного края дельтовой равнины

Эшен Чайы — там корабли оказывались под защитой нижних отрогов Сандык Дагы, и оттуда легко было проложить дорогу к городу по скальным выступам вдоль края болот. Правда, в этом месте в море впадает еще одна река Озлен Чайы, вытекающая у подножия Сандык Дагы и питающаяся обильными подземными источниками, не позволяющими ей пересохнуть даже в жаркое средиземноморское лето. Воды этой реки, с одной стороны, усиливают заболоченность равнины, но с другой — были хорошим источником пресной воды для приплывавших в Ксанф кораблей. Для наблюдения за импровизированным портом и для контроля за передвижениями по дороге ксанфийцы в V или начале IV в. до н. э. возвели на правом берегу Озлен Чайы недалеко от моря небольшую крепость, название которой не сохранилось — в научной литературе ее обычно именуют Бюксес, используя несколько искаженный вариант турецкого названия этой местности (Bükceğiz) (Adam 1982: 25, 120; Des Courtils 2003: 126; Hellenkemper, Hild 2004: 823; Yazıcı 2012: 123).

Однако размеры крепости (41 х 11 м) не позволяли разместить там достаточно большой гарнизон, и в середине III в. до н. э. встал вопрос о постройке новой крепости — и более вместительной, и расположенной ближе к постоянно отступающему морю. В то время Ликия подчинялась династии Птолемеев, и, вероятно, в правление Птолемея II Филадельфа (283–246 гг. до н. э.) — этот период отличался политической стабильностью и создавал благоприятные условия для осуществления монументального строительства (Adam 1982: 165; Des Courtils 1994: 296, 298; Des Courtils 2003: 127) — также на правом берегу Озлен Чайы на просторном скальном выступе у подножия горы была возведена новая крепость с тринадцатью башнями и общим периметром 520 м. Ломаное кольцо крепостных стен этой крепости, хранящих следы ремонта и перестроек византийского времени, сохранилось до нашего времени в достаточно хорошем состоянии.

В крепости и ее окрестностях было найдено всего пять надписей (ТАМ II.1. 256–260), но ни одна из них не упоминала названия крепости. Античные авторы, по крайней мере, в дошедших до наших дней произведениях тоже не посвятили ей ни одной строчки. Единственным исключением оказался труд неизвестного географа «Стадиасм, или Перипл Великого моря», который был включен как самостоятельная часть в написанную в 234/235 г. «Хронику» Ипполита Римского — именно благодаря единственной рукописи X в., содержащей «Хронику»,

текст «Стадиасма» смог избежать забвения — и датируется временем правления императора Августа или самое позднее серединой I в. н. э. (Uggeri 1996: 285; Arnaud 2011: 412–413; Pérez Martín 2016: 87–88)[1].

«Стадиасм» был написан как практическое руководство для мореплавателей. Основная задача автора состояла в том, чтобы снабдить моряков точной информацией об удобных гаванях или хотя бы якорных стоянках, которыми они могут воспользоваться при плавании вдоль берегов Средиземного моря, а также о расстояниях между ними, что было весьма важно для построения правильного маршрута, причем расстояния давались не по прямой, а по траектории движения корабля. Для каждой стоянки автор «Стадиасма» подбирал наиболее характерное и упрощающее узнавание определение, обозначая ее через самый заметный с моря географический объект. Это мог быть портовый город, прибрежное поселение, сторожевая крепость или, в случае отсутствия рукотворных ориентиров, просто устье реки или выступающий в море мыс. Побережье Ликии в «Стадиасме» описано с востока на запад. Добравшись в своем перечислении до Патар, автор пишет следующее:

«От Патар до судоходной реки [Ксанфа] (выше лежит город Ксанф) 60 стадиев.

От реки Ксанфа до Пидн (εἰς Πύδνας) по прямой 60 стадиев.

От Пидн (ἀπὸ Πυδνῶν) до Священного мыса 80 стадиев.

От Священного мыса до Калабантии 30 стадиев» (247–250).

Между Патарами и Калабантией, чьи руины давно известны и идентифицированы, и еще ближе между устьем Ксанфа и Священным мысом у берега моря есть только одна крупная постройка, по которой можно было назвать реально существовавшую здесь якорную стоянку, — это крепость ксанфийцев возле городского причала. Поэтому еще до обнаружения руин крепости полковник Лик в 1824 г. утверждал, что в этом месте должны, согласно «Стадиасму», находиться Пидны, и в дальнейшем идентификация этой крепости с Пиднами «Стадиасма» никогда не подвергалась сомнению (Leake 1824: 182; Arnaud 2011: 425).

Действительно, если хотя бы приблизительно восстановить на карте бухту у Патар и залив на месте дельтовой равнины Ксанфа, как это было в I в. н. э., затем проложить

[1] Основные издания «Стадиасма»: Müllerus 1855: 427–514; Bauer, Helm 1955.

предполагаемую линию движения корабля от одной указанной в «Стадиасме» стоянки до другой и измерить эти расстояния, то полученные результаты оказываются очень близкими к цифровым данным «Стадиасма» (если исходить из стандартного римского стадия длиной в 185 м). Расстояние от порта Патар до устья Ксанфа при таком измерении составляет 11 км, а в «Стадиасме» — 11,1 км; от устья реки Ксанфа до причала города Ксанфа — 10,5 км, а в «Стадиасме» от устья Ксанфа до Пидн — 11,1 км; от причала Ксанфа до Священного мыса — 14,5 км, а в «Стадиасме» от Пидн до Священного мыса – 14,8 км; и, наконец, от Священного мыса до Калабантии — 6,5 км, а в «Стадиасме» — 5,55 км. Точного совпадения при таком сравнении в принципе быть не может, поскольку, во-первых, сами данные «Стадиасма» носят округленный характер, а во-вторых, прокладывая условную траекторию движения корабля, мы не имели возможности учесть целый ряд факторов, влиявших на выбираемый моряками курс, таких как морские течения, преобладающие ветра или рельеф дна, что, безусловно, определило приблизительность проведенных расчетов. Но даже при такой изначально очевидной неточности сравниваемых цифровых данных минимальность их расхождений не может не впечатлить. И это в очередной раз доказывает правильность традиции, идентифицирующей руины крепости у подножия Сандык Дагы с Пиднами «Стадиасма».

Если бы эта идентификация была изначально предложена как единственно возможная, и крепость во всех работах представала бы только как Пидны, то вопрос был бы закрыт, и в данной работе просто не возникло бы необходимости. Однако этого не произошло. Невольным виновником сложившейся двусмысленной ситуации оказался все тот же полковник Лик. В 1799 г. тогда еще капитан Королевского артиллерийского полка Уильям Мартин Лик был послан британским правительством в Константинополь для обучения вооруженных сил Оттоманской империи артиллерийскому делу. В следующем году он вместе с бригадным генералом Кёлером и еще несколькими англичанами отправился на Кипр для встречи с командованием британского военно-морской флота. На обратном пути Лик заболел и был вынужден остаться в Алайе[2], откуда потом добирался в Константинополь морским путем. Это плавание позволило ему осмотреть прибрежные земли Памфилии, Ликии, Карии и

[2] Современный город Аланья.

Ионии, а также ряд островов (Leake 1824: 127), и увиденные им руины античных городов произвели на Лика столь сильное впечатление, что он всерьез занялся изучением исторической географии этого региона.

Недостаточность собственных наблюдений Лик компенсировал информацией, почерпнутой из материалов, собранных другими путешественниками, а также из трудов античных географов и историков. Крепость ксанфийцев он сам не видел, но, сопоставив текст весьма любимого им «Стадиасма» и сообщение капитана Бофорта, указал ее местоположение: «Руины, замеченные капитаном Бофортом у подножия горы Крага, на северной оконечности песчаного берега, который тянется к реке Ксанфу, как кажется, соответствуют Пиднам «Стадиасма»; это, возможно, то же самое, что и Кидна/ы, которую/ые Птолемей размещает среди городов горы Крага» (Leake 1824: 182). Именно это высказывание стало источником проблемы, с которой нам и предстоит разобраться.

На карте Карамании капитан Бофорт обозначил северную часть горной цепи между Тельмессом и дельтовой равниной Ксанфа как Антикраг, а ее южную часть — как Краг. Следуя этой идентификации, полковник Лик на составленном им в 1822 г. «Эскизе карты Малой Азии, древней и современной» также назвал эти горы Антикрагом и Крагом и в процитированном выше пассаже утверждал, что Пидны находятся у подножия Крага. Но в «Географии» Птолемея в перечне городов, расположенных у горы Крага, Лик обратил внимание на более нигде не упоминаемый город Кидну/ы и счел возможным в качестве предположения сопоставить его с Пиднами «Стадиасма». Что сыграло решающую роль в возникновении этого предположения, сказать сейчас сложно. Это могла быть уверенность, что Пидны тоже лежали у горы Крага. Это могло быть влияние сохраненного Стефаном Византийским сообщения историка Феагена Македонского, который объяснял, что в Македонии название города Кидна в испорченном виде звучит как Пидна (Κύδνα, πόλις Μακεδονίας, Θεαγένης ἐν Μακεδονικοῖς· ἣ κατὰ παραφθορὰν Πύδνα λέγεται, FHG IV 509 Fr. 5). По крайней мере, именно этот аргумент приводил значительно позже Э. Калинка в стремлении примирить оба называния крепости (TAM II.1. p. 91). В конце концов, это могла быть всего лишь попытка обратить внимание на еще один требующий локализации город юго-западной Ликии. Как бы то ни было, Лик всего лишь высказал предположение, он не

настаивал на идентичности этих топонимов и на своей карте указал лишь название Пидны.

Однако последующие исследователи не просто приняли к сведению предположение Лика — у них оно совершенно неожиданно без каких-либо дополнительных доказательств превратилось в аксиому, в непреложный научный факт, наградивший крепость ксанфийцев вторым названием. Впервые руины крепости обнаружил 16 апреля 1840 г. Чарльз Феллоуз, который впоследствии писал, что, следуя указаниям капитана Бофорта и полковника Лика, целенаправленно искал «место античной Cydna, или Pydna» (Fellows 1841: 159–160). Ссылаясь на Лика, Феллоуз, как видим, меняет названия крепости местами, делая предположительное название основным, и еще к тому же игнорирует исконную форму женского рода множественного числа Πύδναι, словно рифмуя, подстраивая ее под Κύδνα. Путешествовавший весной 1841 г. из Макри[3] в Ксанф Р. Хоскин не стал заезжать в крепость, уже описанную Феллоузом, но на своей карте обозначил ее как Cydna (Hoskyn 1842). В январе 1842 г. в крепости побывали члены английской экспедиции, занимавшиеся подготовкой к погрузке на корабль мраморных памятников из Ксанфа. Рассказывая об этой поездке, Т. Спратт и Э. Форбс тоже сначала называют крепость «Cydna, или Pydna», а затем оставляют лишь первое из этих названий, не задумываясь о том, что оно-то, как раз, должно вызывать вопросы (Spratt, Forbes 1847: I 16–17).

Таким образом, вплоть до нашего времени практически любой автор, упоминающий о крепости ксанфийцев, сразу дает два ее названия (причем одно из них нередко пишется с ошибкой, отчего возникают рифмованные пары Pydna — Cydna или Pydnai — Kydnai), а затем пользуется каким-то одним по своему усмотрению, и даже Ж.-П. Адам, опубликовавший самое подробное исследование этой крепости, называет ее Kydna (Schmitz 1857; Ritter 1859: 977–979; Benndorf, Niemann 1884: 118, 124–125; Robert 1963: 161–162; Bean 1976; Bean 1978: 63–64; Adam 1982: 115–165; Marksteiner 1994: 306; Marksteiner 1997: 163, 165, 167, 170–171; Des Courtils 1994: 294–296; Des Courtils 2003: 127–128; Umar 1999: 53; Bayburtluoğlu 2004: 264–266; Hellenkemper, Hild 2004: 822; Şahin, Adak 2007: 97; Arnaud 2011: 425; Yazıcı 2012: 122–123; Çevik 2015: 208–209). За

[3] Так в то время назывался античный город Тельмесс, современный Фетхие.

прошедшие два столетия, конечно, раздавались отдельные высказывания против отождествления Пидн и Кидн(ы), но они, как правила, представляли собой пару фраз в общих трудах и скорее носили характер личного мнения, нежели снабженного доказательной базой утверждения (Jones 1971: 405, n. 19; Magie 1950: 1301, n. 59; Zgusta 1984: 309; Hellenkemper, Hild 2004: 822).

Итак, что же мы узнаем о загадочном топониме Кидна/ы из текста Птолемея? В третьей главе пятой книги «Географии» Клавдий Птолемей описывает Ликию. Он разделяет страну на несколько географических зон, снабжает каждую зону краткой характеристикой по типу развернутого заглавия и затем перечисляет относящиеся к этой зоне города и отдельные значимые географические объекты, указывая для каждого его координаты. Начинает Птолемей с прибрежных городов, располагая их по ходу движения с запада на восток, и здесь после Тельмесса нет ни Калабантии, ни, тем более, Пидн, а сразу следует устье реки Ксанфа с добавлением координат ее истоков и за ним Патары (V. 3. 2–3). Города Кидна/ы среди приморских городов Птолемей вообще не упоминает, он появляется лишь тогда, когда географ обращается к внутренним землям Ликии: «Города, расположенные в Ликии внутри страны, следующие: вокруг горы Крага: Кидна/ы, Симбры, Октаполь, Комбы, Сидимы, Пинары, Араксы, Тлос, Ксанф[4]» (V. 3. 5).

Первый вопрос, возникающий при анализе этого текста, — это вопрос о грамматической форме топонима Κύδνα. У Птолемея все названия городов стоят в именительном падеже, и тогда Κύδνα может рассматриваться либо как женский род единственного числа, либо как средний род множественного числа. Зарубежные ученые пользуются просто латинской транслитерацией Cydna/Kydna и не высказывают своего мнения относительно рода и числа этого топонима. В отличие от русского языка, где при переводе род и число оригинала обязательно должны быть соответственно отражены — либо Кидна, либо Кидны, — основные европейские языки позволяют устанавливать внутри фразы согласование со стоящим при Cydna/Kydna словом «крепость» или «город» и не задействовать, а значит, и не конкретизировать грамматическую форму топонима при построении предложения. Л. Згуста тоже не находит основания для точного определения рода и числа Κύδνα у Птолемея

[4] Координаты были опущены для удобства цитирования.

(Zgusta 1984: 309). Казалось бы, можно опереться на данные словаря Папе: Κύδνα f, 1) город в Македонии = Πύδνα, 2) город в Ликии (Pape, Benseler 1884: 731), — но здесь все объяснение явно базируется на женском роде названия известного македонского города Кидна, и по аналогии этот род распространяется и на название ликийского города.

Конечно, в Ликии встречаются топонимы женского рода, например, Сура (ἡ Σοῦρα) или Калабантия (ἡ Καλαβαντία), но все же подавляющее большинство топонимов на -α — это слова среднего рода множественного числа, которые, кстати, превалируют и в перечне Птолемея: τὰ Σίμβρα — Симбры, τὰ Σίδυμα — Сидимы, τὰ Πίναρα — Пинары, τὰ Ἄραξα — Араксы, τὰ Κάλυνδα — Калинды, τὰ Καδύανδα — Кадианды, τὰ Οἰνόανδα — Эноанды, τὰ Καστάβαρα — Кастабары, τὰ Πάταρα — Патары, τὰ Μύρα — Миры, τὰ Λίμυρα — Лимиры, τὰ Ἀρύκανδα — Ариканды, τὰ Κορύδαλλα — Коридаллы, τὰ Κιτάναυρα — Китанавры и т. д. Предположить, что ликийский топоним мог быть связан с названием города в Македонии и воспроизводил его грамматическую форму, достаточно проблематично. Во-первых, у нас нет ясного представления о его происхождении, и нельзя с уверенностью утверждать, имеем ли мы дело с сугубо греческим названием, или этот топоним является эллинизированным вариантом более древнего ликийского названия (Zgusta 1984: 309). Во-вторых, хотя Птолемей перечисляет самые крупные и известные города Ликии, топоним Κύδνα не зафиксирован больше ни в одном источнике: ни в литературе, ни в эпиграфике, — что наводит на мысль о том, что за ним может скрываться название другого города, переданное Птолемеем с искажением, например, Кадианд — большого города западной Ликии, который, в противном случае, Птолемей просто упустил из вида (Jones 1971: 405, n. 19; Magie 1950: 1301, n. 59). В-третьих, не следует механически приписывать реалиям ликийской жизни фонетическое явление, зафиксированное в Македонии историком Феагеном: если название македонского города Кидна могло в искаженном варианте произноситься как Пидна, это не означает правомерности отождествления в Ликии Πύδναι и Κύδνα (Zgusta 1984: 309). Кроме того, не будем забывать, что название крепости ксанфийцев было, в отличие от названия города в Македонии, существительным plurale tantum — автор «Стадиасма» дважды использует его во множественном числе, в то время как название критского города Пидна, или Священная Пидна, он

столь же последовательно дает только в единственном числе: εἰς Ἱερὰν Πύδναν (319), ἀπὸ Ἱερᾶς Πύδνης (320), ἀπὸ δὲ Πύδνης (325 Müller, 326 Bauer–Helm). Правда, здесь тоже опасно увлечься сопоставлением, поскольку, согласно легендам древнейших монет и свидетельствам Страбона, Птолемея, Элия Геродиана и других авторов, город на Крите изначально назывался Ἱεράπυτνα, а Ἱερὰ Πύδνα было лишь одним из вариантов этого названия.

Второй вопрос — это вопрос о том, какую гору Птолемей и остальные античные источники считали Крагом. Позиция официальной традиции, восходящей к идентификации, предложенной капитаном Бофортом, нами уже рассмотрена. Именно она, объявив южную часть горной цепи Мендус (Ары) Дагы — Сандык Дагы античным Крагом, дала повод соединить по местоположению Кидну/ы Птолемея с крепостью Пиднами. На самом деле, ошибочность этой идентификации была показана уже в 1852 г. Ю. А. Шёнборном, к мнению которого, к сожалению, никто не прислушался. Шёнборн на основании анализа текстов античных авторов, надписей на монетах, а также личного знакомства с географией Ликии, показал, что Крагом должны быть признаны горы к востоку от долины реки Ксанфа, то есть цепь Ак Даг, которая до этого считалась Масикитом. Именно Ак Даг с его восемью голыми скалистыми вершинами в точности соответствует описанию Страбона: «Краг, имеющий восемь вершин» (XIV. 3. 5), — и только Ак Даг подходит под определение Дионисия Периэгета, согласно которому Крагом называли ту часть Тавра, которая простиралась от устья Ксанфа до Памфилии (847–850), и под определение Плиния Старшего, утверждавшего, что Краг — это ответвление Тавра (V. 98–99). Горы к западу от долины Ксанфа, то есть цепь Мендус Дагы — Сандык Дагы, по мнению Шёнборна, считались продолжением того же массива, и древние географы именовали их Крагом без какого-либо разграничения, но затем, дабы избежать путаницы, им было присвоено название Антикраг, хотя некоторые авторы все равно продолжали использовать прежнее общее название (Schönborn 1852–1853).

Аргументы Шёнборна оказались востребованными лишь полтора столетия спустя, когда С. Шахин и М. Адак вновь вернулись к проблеме идентификации горных хребтов Ликии и привели достаточно весомые доказательства того, что

античный Краг — это горная цепь Акдаглар[5], Антикраг — это горная цепь Бонджук Даглары, расположенная к западу от Акдаглар, продолжением которой является прибрежная цепь Мендус Дагы — Сандык Дагы, а Масикит — это горная цепь Бейдаглары, возвышающаяся к востоку от Акдаглар в центральной и восточной Ликии. Исследователи уверены, что в античной литературной и эпиграфической традиции, отражающей мифологию, географию, административную и финансовую систему Ликии, сохранились названия не каких-то отдельных горных вершин, а трех самых важных горных цепей страны. Горы, лежащие между Тельмессом и устьем Ксанфа, принятые капитаном Бофортом за античный Краг, они, следуя за Плинием Старшим (V. 100), определяют как Promunturium, а его древнегреческим названием признают Τελμησσιὰς ἄκρα. Эта горная цепь с моря, действительно, выглядит очень величественно (что вполне могло ввести в заблуждение капитана Бофорта), но ее самая высокая вершина Баба Дагы достигает в высоту только 1969 м, что на треть меньше высоты главной вершины цепи Акдаглар Уйлук Тепе, составляющей 3014 м. Если некоторые античные авторы утверждали, что города Пинары и Сидимы расположены на Краге — а эти города лежат на восточных склонах прибрежной горной цепи, — то основано это утверждение было на том, что весь район вокруг долины Ксанфа выступал под обобщающим именем Краг, свидетельством чему, помимо всего прочего, существование в Ликии двух монетных округов, названных в честь двух главных горных массивов: ΛΥΚΙΩΝ ΚΡΑΓΟΣ и ΛΥΚΙΩΝ ΜΑΣΙ(ΚΥΤΟΣ), как гласят легенды монет (Şahin, Adak 2007: 97–101; Şahin 2009: 338–340).

Деление Ликии на географические зоны у Птолемея тоже построено в соответствии с этими главными горными цепями. После обзора побережья Птолемей обращается к внутренним землям страны: сначала он перечисляет города вокруг горы Крага, затем города вокруг Масикита и в завершение добавляет города Милиады, Кабалиды и соседние острова. Тогда было бы более чем странно искать город Кидну/ы у подножия Сандык Дагы и возле моря, когда сам географ совершенно определенно

[5] Мы сохранили авторский принцип передачи турецкого названия этой горной цепи: Шёнборн называет ее Ak Dağ — «Белая гора», в единственном числе, а Шахин и Адак — Akdağlar, то есть «Белые горы», во множественном числе.

свидетельствует о том, что этот город находился возле Крага, то есть Акдаглар, и вдали от моря.

Здесь также следует обратить внимание на еще один момент. В обзор Птолемея не вошли многие небольшие ликийские города, например, Исинды, Аполлония, Симены, Тиберисс, Трисы, Трагаласс, Арнеи, Идебесс, Лаодикея, Китанавры и т. д., а также три крупных города: Кадианды, Кианеи и Ариканды. Ни для деревень, ни тем более для отдельных сторожевых крепостей замысел «Географии» места вообще не предусматривал. Поэтому важные для «Стадиасма» с его принципиально другой практической установкой крепости Исий и Пидны просто не могли быть включены в труд Птолемея, и упорное отождествление крепости Пидн с городом Кидна/ы отражает непонимание разного статуса этих географических объектов.

Наконец, третий вопрос — это вопрос о координатах города Кидна/ы и его расположении относительно других городов в общей системе координат Птолемея. В новом издании «Географии», вышедшем под общей редакцией А. Штюкельбергера и Г. Грассхоффа, опубликована карта, составленная строго по координатам Птолемея (Stückelberger, Graßhoff 2006: 846). На нее, конечно же, нанесены и гора Краг (ξº/ λζºγο′ — 60º/ 36 º 40 ′), и город Кидна/ы (νθºL′/ λζºς′— 59º 30′ / 37º 10′). Гору Краг издатели традиционно идентифицируют с Сандык Дагы, хотя Краг у Птолемея находится очень далеко от моря, и его координаты почти полностью совпадают с координатами города Тлоса, расположенного на западных склонах гор Акдаглар. Но зато в вопросе идентификации города Кидна/ы они порывают с Пиднами и готовы признать, что под Κύδνα у Птолемея скрывается город Кадианды, о чем прежде уже писали А. Джонс и Д. Мэги (см. выше). Прийти к такому выводу их, безусловно, побудило расположение городов на карте (Stückelberger, Graßhoff 2006: 501, 846). Там город Кидна/ы оказался на таком большом расстоянии и от моря вообще, и от устья Ксанфа, что отождествлять его с Пиднами было бы просто неразумно. Ближайшим соседом Кидн(ы), согласно этой карте, является город Араксы, от которого до Пидн надо преодолеть по современной дороге 60 км. Однако Кадианды, действительно, расположены рядом с Араксами, и, если окончательно отвергнуть отождествление Кидн(ы) с Пиднами, этот топоним, освободившись от призрака Пидн, вновь вернется на повестку дня научного изучения и, вполне вероятно, будет

истолкован именно как неправильное написание названия Кадианд.

Таким образом, отождествление Пидн «Стадиасма» и Кидны/н Птолемея возникло в результате двух научных недоразумений и поддерживается исключительно силой традиции при полном отсутствии доказательной базы. Разведение этих топонимов позволит допущенной ошибке остаться в прошлом и откроет дорогу для независимого изучения каждого из этих географических объектов.

Литература

Adam, J.-P. 1982: *L'architecture militaire grecque*. Paris.

Arnaud, P. 2011: La Lycie et la Carie du *Stadiasme*. *Anatolia Antiqua* 19, 411–432.

Bauer, A., Helm, R. 1955: *Hippolytus Werke IV: Die Chronik*. 2. Aufl. (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte 46). Berlin.

Bayburtluoğlu, C. 2004: *Lycia*. Trans. by Y.E. Georgescu. Istanbul.

Beaufort, F. 1818: *Karamania, or a Brief Description of the South Coast of Asia Minor and of Remains of Antiquity*. 2-nd ed. London.

Bean, G. E. 1976: Pydnai. In: *The Princeton Encyclopedia of Classical Sites*. Princeton, 745.

Bean, G.E. 1978: *Lycian Turkey. An Archaeological Guide.* London; New York.

Benndorf, O., Niemann, G. 1884: *Reisen in Lykien und Karien*. (Reisen im südwestlichen Kleinasien. Bd. I). Wien.

Çevik, N. 2015: *Lykia Kitabı.* İstanbul.

Des Courtils, J. 1994: Nouvelles données sur le rampart de Xanthos. *Revue des Études Anciennes* 96.1–2, 285–298.

Des Courtils, J. 2003: *A Guide to Xanthos and Letoon. Sites Inscribed on the UNESCO World Heritage List. On the 50th Anniversary of the Commencement of Excavation*. Istanbul.

Fellows, Ch. 1841: *An Account of Discoveries in Lycia, being a Journal kept during a second Excursion in Asia Minor. 1840.* London.

Hellenkemper, H., Hild, F. 2004: *Lykien und Pamphilien*. (Tabula Imperii Byzantini 8). Wien.

Hoskyn, R. 1842: Narrative of a Survey of part of the South Coast of Asia Minor; and a Tour into the Interior of Lycia in 1840–1; accompanied by a Map. *The Journal of the Royal Geographical Society* 12, 143–161.

Jones, A.H.M. 1971: *Cities of the Eastern Roman Provinces*. 2-nd ed. Oxford.

Leake, W.M. 1824: *Journal of a Tour in Asia Minor, with Comparative Remarks on the Ancient and Modern Geography of that Country.*London.

Magie, D. 1950: *Roman Rule in Asia Minor to the End of the third century after Christ*. Princeton, New Jersey.

Marksteiner, Th. 1994: Befestigte Siedlungen Lykiens in vorrömischer Zeit. *Revue des Études Anciennes* 96.1–2, 299–314.

Marksteiner, Th. 1997: *Die befestigte Siedlung von Limyra. Studien zur vorrömischen Wehrarchitektur und Siedlungsentwicklung in Lykien unter besonderer Berücksichtigung der klassischen Periode*. (Forschungen in Limyra 1). Wien.

Müllerus, C. 1855: *Geographi Graeci minores.* Vol. I. Parisiis.

Öner, E., Akbulut, H. 2015: Paleocoğrafik–Jeoarkeolojik Bulgular Işığında Patara Apollon Tapınağı'nın Yerinin Tartışılması: Patara Apollon Tapınağı Kısık Boğazı'nda mıydı? (Eşen Ovası — Muğla/Antalya). *Ege Coğrafya Dergisi* 24/2, 69–106.

Pape, W., Benseler, G. E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen.* Braunschweig.

Pérez Martín, I. 2016: Chronography and Geography in Tenth–Century Constantinopole: the Manuscript of the *Stadiasmos (Madrid, BN, Mss/4701). Geographia Antiqua* 25, 79–97.

Ritter, C. 1859: *Die Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie.* Teil 19: Klein-Asien. Bd. II. Berlin.

Robert, L. 1963: *Noms indigènes dans l'Asie-Mineure Gréco-romaine I.* (Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul 13). Paris.

Schmitz, L. 1857: Pydnae. *Dictionary of Greek and Roman Geography*. Ed. W. Smith. Vol. II. London, 681.

Schönborn, A. 1852–1853: On the True Situation of Cragus, Anticragus, and the Massicytus, Mountains of Asia Minor. *The Museum of Classical Antiquities: A Quarterly Journal of Ancient Art* 2, 161–166.

Spratt, T. A. B., Forbes, E. 1847: *Travels in Lycia, Milyas, and the Cibyratis, in Company with the late Rev. E. T. Daniell.* Vol. I–II. London.

Stückelberger, A., Graßhoff, G. 2006: *Klaudios Ptolemaios. Handbuch der Geographie. Griechisch — Deutsch.* Hrsg. von A. Stückelberger und G. Graßhoff unter Mitarbeit von F. Mittenhuber, R. Burri, K. Geus, G. Winkler, S. Ziegler, J. Hindermann, L. Koch, K. Keller. Teil 2. Basel.

Şahin, S. 2009: Kragos Oros, Titanis Petra und der Apollontempel von Patara. Lokalisierungsversuche in der historischen Geographie Lykiens. In: *Die Landschaft und die Religion. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 9, 2005.* (Geographica Historica 26). Stuttgart, 337–352.

Şahin, S., Adak, M. 2007: *Stadiasmus Patarensis. Itinera Romana Provinciae Lyciae*. Istanbul.

Uggeri, G. 1996: *Stadiasmus Maris Magni*: un contributo per la datazione. In: *L'Africa romana: Atti dell'XI convegno di studio Cartagine, 15–18 dicembre 1994*. Cartagine, 277–285.

Umar, B. 1999: *Lykia. Bir Tarihsel Coğrafya Araştırması ve Gezi Rehberi*. İstanbul.

Yazıcı, E. 2012: *On the Lycian way*. English transl. H. Karaman. Istanbul.

Zgusta, L. 1984: *Kleinasiatische Ortsnamen* (Beiträge zur Namensforschung N.F. Beiheft 21). Heidelberg.

Т. В. Рождественская
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ПИСЬМЕННОСТИ XI–XIV ВВ. В ДРЕВНЕРУССКОМ ХРАМЕ: САКРАЛЬНОЕ И БЫТОВОЕ[1]

В статье анализируется репертуар граффити XI–XIV вв. в древнерусских храмах из Киева, Новгорода, Полоцка, Старой Ладоги, Чернигова, Смоленска. Его состав отражает разнообразие письменной традиции Древней Руси в целом. Сосуществование в храме под одним сводом сакральных и бытовых надписей (юридических актов, хозяйственных записей, литературных цитат), относящихся к разным языковым регистрам, жанрам и письменным традициям, характеризует внутреннее пространство храма как своеобразный памятник средневековой письменности.

Ключевые слова: Древняя Русь, эпиграфика, граффити на стенах храмов XI–XIV вв., письменные традиции, богослужебные, деловые, бытовые, литературные тексты.

T. V. Rozhdestvenskaia
(St.-Petersburg State University)

Towards the Problem of Literacy of the 11th–14th Centuries in Old Russian Churches: the Sacred and the Profane

The article analyzes the graffiti repertoire of the 11th–14th centuries in old Russian churches of Kiev, Novgorod, Polotsk, Staraya Ladoga, Chernigov and Smolensk. Its content reflects the diversity of the written tradition of Old Rus' as a whole. The coexistence of sacred and casual inscriptions (legal acts, household records, literary quotes) belonging to different language registers, genres and written traditions characterizes the interior space of the temple as a special kind of monument of medieval literacy.*Keywords*: Old Rus', epigraphy, graffiti on the walls of churches of the XI–XIV centuries, written traditions, liturgical, casual literacy, literary medieval texts.

Репертуар письменных текстов «малых форм» — граффити XI–XIV вв. на стенах древнерусских храмов представлен

[1] Статья подготовлена за счёт гранта Российского научного фонда, предоставленного через Институт славяноведения РАН (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования»)

молитвенными и поминальными формулами, автографами, богослужебными цитатами и аллюзиями библейских текстов, в частности, в их богослужебных версиях; бытовая сфера — надписями о действиях князей, посещении ими соборов, хозяйственно-деловыми записями, а также юридическими актами. Цитаты собственно литературных текстов, в том числе апокрифических, демонстрируют несколько надписей из храмов Киева, Новгорода, Новогрудка, Смоленска, занимая в эпиграфическом репертуаре пограничное положение и характеризуют «круг чтения» христианской грамотной среды. Сосуществование в церковном пространстве, под одним сводом, сакральных и бытовых надписей, относящихся к разным языковым регистрам, жанрам и письменным традициям, характеризует внутреннее пространство храма как своеобразный памятник средневековой письменности[2]. Сакральность места не препятствовала сосуществованию на стенах храма подобных текстов. Для подавляющего числа надписей, независимо от содержания, характерно наличие стереотипных языковых и текстовых формул, которые часто подвергаются компрессии, варьированию по разным причинам, а если речь идет о цитировании, то важную роль играет воспроизведение литургического или т. н. литературного текста по памяти.

Практика записывать на стене инципиты песнопений восходит к древнейшему периоду славянской письменности и литургической практики. Так, в болгарском Преславе на одной из керамических табличек, датирующейся по палеографическим показаниям первой половиной X в., процарапана острым предметом двуязычная славяно-греческая надпись, в которой по-славянски записаны дни недели, а по-гречески инципиты утренних и вечерних прокимнов, поющихся в определенный день (Medyntseva, Popkonstantinov 1985: 71–74). Также на стенах средневековых монастырских построек и скальных монастырей в Северо-Западной и Северо-Восточной Болгарии (Преслав, с. Равна, Шумен, с. Мурфатлар), воспроизводятся псалтырные тексты, входящие в состав прокимнов вечерни, инципиты тропарей, контаминированные евангельские цитаты

[2] Мы не рассматриваем здесь официальные церковнославянские надписи в составе фресковым композиций, сделанные кистью художников — ветхозаветные и новозаветные цитаты, которые составляют предмет отдельного исследования, непосредственно связанного с иконографической программой храма.

и реминисценции — надписи на греческом и древнеславянском языках, в том числе двуязычные и двухалфавитные — кириллические, глаголические, а также выполненные смешанной кирилическо-глаголической графикой (Popkonstantinov 2010: 97–105; 2013: 501–511). Фрагменты литургических текстов на свинцовых амулетах X в. свидетельствуют о функционировании евангельских текстов не только в богослужении, но и в повседневной монашеской жизни (Popkonstantinov 2010: 100–103). К настоящему времени богослужебные граффити XI – XIV вв. в храмах Древней Руси известны в киевском и новгородском Софийских соборах, на фрагментах древней штукатурки из раскопок ц. Благовещения на Городище в Новгороде, ц. Климента в Старой Ладоге, Воскресенской церкви в с. Остер близ Чернигова, в новгородской церкви Спаса Преображения на Нередице, в Спасо-Преображенской церкви в Полоцке. Большинство из церковнославянских богослужебных надписей представляют собой фрагменты великопостных служб, стихир и тропарей, инципиты песнопений на разные дни недели, херувимские песни, молитвы на причащение мирян. Рассмотрим несколько таких граффити. Так, в Софии Киевской в южной части апсиды читается надпись из восьми строк второй четверти — второй половины XII в. (Kornienko 2010: 42–43, XXXIX, 366–368; Rozhdestvenskaia 2012: 322–323) [3] : **ижеи х[ѣ]рови/мъ таино обра/зоующе животворѧще/троици тристоую пѣ(с) приносѧще/всѧко …нынѣ ѿвѣрзѣм[ъ] печ[а]/ли яко царю всѣхъ приѥмлю[ш]е/ ангельскъ нѣвидимо дары но/сѧше [ч]инъма/ а(л)**[4]. Наиболее ранний образец полного текста этой песни представлен в древнерусской рукописи рубежа XIII–XIV вв. (РНБ. Q. п. I.67) [5] ; в более поздних рукописях чаще указывается только название, напр., в сербской рукописи третьей четверти XIV в. и XV в. (РНБ. Погод. 37), отразившем текст Литургии Василия Великого, правленый в XIV в.: ***м(л) хероувікоу***, в списках Чудовской редакции: ***херовикоу: иже***

---

[3] Здесь и далее косая черта обозначает конец строки; в квадратных скобках обозначаются буквы, сохранившиеся частично, в круглых — восстанавливаемые по смыслу.

[4] Текст по Служебнику 1655 г.: ***Иже херувимы таино ѡбразующе и животворѧщеи трцѣ тристую пѣснь припѣвающе всѧкое нынѣ житенское ѿложимъ попеченїе яко да црѧ всѣхъ подимемъ аггельскими невиди мѡ доуносима чинми Аллилуїа, аллилуїа, аллилуїа*** (Энгстрём 2004: 71).

[5] Датировки рукописей приводятся по: Сводный каталог 1984.

творитъ нерѣи за сѧ хероувимоу покмоу (Athanasjeva 2015: 325). Киевское граффито с записью херувимской, является, таким образом, одним из ранних фиксаций этой литургической песни. Еще одно граффито, цитирующее Херувимскую, начала — первой половины XIV в, находится на стене предалтарного крещатого столба, рядом с фресковым изображением св. Кира (Kornienko 2010: 112–113; CXCII, 366–368): **іжеі хѣ/ровимъı [т]/*а*іни ѡбра/зоующе/і животво/трѧщеі тро/іци три/*всѧ*тоу пѣс[*нь*]/приноси/мо всѧко нъı[нѣ]** [6]. Еще одна Херувимская песнь, поющаяся на Литургии Преждеосвященных Даров на Великий вход, читается на нескольких фрагментах древней штукатурки из раскопок Н. Е. Бранденбурга церкви св. Климента, папы Римского XII в. в Старой Ладоге, с незначительными утратами текста, легко поддающимися восстановлению: **нынѣ силы небесеныѧ с нами невидимо слоужате се бо воходите ц(с҃)ре славы се жертва таи съвершена даромь приносите с вирою и страхомь прицастити жизни вѣцьныѧ** (Rozhdestvenskaia 1992: 115–117)[7]. В славянской рукописной традиции Литургии Преждеосвященных Даров текст песни «Ныне силы небесные» воспроизводится, как правило, не полностью (Athanasjeva 2004: 131, 169). Полный текст находим в Служебнике сербской редакции второй половины XIII в. (РНБ Q. п. I. 68): **пѣвци поють Н҃ня силы неб(с҃)ныѥ с нами невидимо слоужеть се бо входитъ ц(с҃)рь славѣ се жрьтва**

---

[6] Начало второй строки В. В. Корниенко читает как «о іни, т.е. '*по-іншому, інакше*', в значении *незвичного, відмінного від усталеного*, що виступае синонімом більш усталеному слову **таино** '*таемничо*'» (Kornienko 2010:113), что сомнительно и не находит параллелей в тексте Херувимской. В слове ***всѧтоу*** (*святу*): писавший по ошибке нарушил порядок начальных букв *с* и *в*. Текст остался незаконченным. Общий характер начертаний может свидетельствовать скорее о начале — первой половине XIV в

[7] Текст записан в бытовой графике, с отражением цоканья (*прицастити — причастити; в**ѣцьныѧ***), с меной *и* -**ѣ** (*вирою — **вѣрою***), *ь — е* (*служате, воходите, приносите*), зеркальные формы диграфа *оу* (*уо)* и *ц* характерны для берестяных грамот, напр., в грамотах Якима (60-е–середина 90-х гг. XII в.) (Zaliznyak, Janin 2013: 3-9; Janin, Zaliznyak, Gippius 2015: 120–122). Ср. современный церковнославянский текст: *Ныне силы небесные с нами невидимо служат, се бо входит Царь Славы, се жертва тайная совершена есть, даром приносится, с верою и любовию приступим да причастники жизни вечной будем.*

таина и сьврьшена даромь приноситъсе да сь вѣрою и сь страхомь пристоупимь да причестьници жизни вѣчьнѣи боудемь алл(г҃)я (Athanasjeva 2004: 179), а также в ряде рукописей, отражающих южнославянскую редакцию XV в. (Athanasjeva 2004: 150). Староладожская надпись с текстом Херувимской песни «Ныне силы небесные» может быть отнесена к одной из ее ранних полных записей. В Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфимиевского монастыря в Полоцке богослужебные граффити найдены в алтаре и наосе, среди них записи XII в. нескольких фрагментов 54-го псалма, читаемого в 6-ой и 9-ый часы (глас 8)**: ѿ чс҃ъ ѹслышитъ гл҃съ мои**…: **ч(с҃)ъ ѿтыи ѹразѹми избави мѧ** (Kalechic 2011: 138–139, 245). Еще один богослужебный десятистрочный текст XII в., плохо сохранивший на южной стене апсиды Михайловской церкви в Остре (близ Чернигова), опубликован недавно С. Подлевским, которым прочитано лишь несколько начальных слов: **трълетъно/с(оуши)бци млє/къмъпи(і)/та(є)м(ъ)м**… (Podlevsky 2018: 53–54). Автор предположил, что эту надпись можно связать, «ймовірно, є фрагментом молитви чи акафіста, і його можна прочитати як: «Трирічно Сущої Богородиці молоком кормлений… Різдва (?)…» (Podlevsky 2018: 53–54, 54), с чем вряд ли можно согласиться. Обращение к фотографии и прориси граффито в издании С. Подлевского позволяет внести ряд существенных поправок[8]. Слова **трълетъно** и **млекъмъ пи(таемъ)** отсылают к тексту службы св. Кирику и Улите ((15) 28 июля. В словарной статье **трилѣтьнъ** в значении сущ. (СРЯ XI–XVII т. 30) приводится цитата из этой Службы по рукописи Стихираря XII в. Приведу более широкий контекст по этой рукописи**: трилѣтьнъ троицю проповѣдааше и/ млекъмь питаюмъ матерь оутвь/ржааше престани мати моꙗ ры/дании сльзныихъ съвыше зи/житель съмотрить и спасеть доу/ша наша** (БАН 34. 7.6. л. 159)[9]. Процитирован-

---

[8] Косой чертой обозначен конец строки. Сердечно благодарю Д. В. Сичинаву за ценные наблюдения, советы и комментарии при обсуждении этой надписи, предложившего ряд важных конъектур, а также М. М. Дробышеву за ряд замечаний. Более подробный анализ этой надписи заслуживает отдельной публикации.

[9] Выражаю искреннюю благодарность О. В. Сапожниковой, предоставившей этот фрагмент текста по рукописи Стихираря на л. 59. Ср. совр. церковнославянский текст: на Стиховне октоиха. Слава, глас 8: *Трилетен Троицу проповедаше, и млеко ссый, матерь утверждаше,*

ными богослужебными надписями далеко не исчерпывается их репертуар в древнерусских храмах. Такие надписи делались клиром, а, возможно, и некоторыми прихожанами и в последующее время. Так, несколько более пространных богослужебных граффити XIV–XV вв. сохранилось в новгородских церкви Спаса Преображения на Нередице и церкви Успения пресв. Богородицы на Волотове (Rozhdestvenskaia 2016: 193–205). Располагаются они, как правило, в алтаре или близ него, а также в дьяконнике. Помимо литургических текстов есть несколько замечательных граффити XII в.– начала XIII в. паралитургического характера, представляющие собой контаминации различных литургических песнопений. Одно из них — на стене Мартирьевской паперти в Софии Новгородской (Medyntseva 1978: 150; Rozhdestvenskaia 1994: 17; Gippius 2017: 261–282), в котором, как показал А. А. Гиппиус, скомпилированы тексты Великопостной службы (Gippius 2017: 280). Еще две надписи XII в. найдены на фрагментах древней штукатурки из церкви Благовещения на Городище. Одна из них отсылает к Преполовению праздника Пятидесятницы: (Gippius, Михеев 2019: 47–48)[10]. Другую надпись, выполненную глаголицей, но с кириллическим автографом *Стыряты*, авторы публикации связывают с молитвой Владимира Мономаха, которая основана на песнопениях Постной Триоди и Октоиха, и с собственным литургическим творчеством Стыряты (Gippius, Mikheev 2019: 50–52). Помимо богослужебных текстов, многочисленных молитвенных и поминальных надписей на том же пространстве стен и столбов с сохраненной древней штукатуркой и фресковым слоем расположены надписи бытового, делового, юридического и «летописного» характера, что свидетельствует о многих функциях письма. По наблюдению Т. В. Гимона, в хозяйственно-управленческой функции письмо начинает активно использоваться уже с середины XI в., а в дальнейшем эти сферы расширяются (Gimon 2020: 52). Граффити делового содержания подробно рассматриваются в статье М. М. Дробы-

---

престани, о мати моя, от слез плачущи, свыше зиждитель зрит, и спасет души наша.

[10] «Перед нами не записанный по памяти готовый тропарь литургического канона, но оригинальная поэтическая вариация на темы служб четвертой и пятой недель по Пасхе, отражающее хорошее знание богослужения и исполненная живого религиозного чувства» (Gippius, Mikheev 2019: 48).

шевой (Drobysheva 2020), в которой представлено несколько их типов, во-первых, надписи, отражающие церковно-приходской быт: о покупке вина для причастия и ладана (надпись XII в. в новгородской ц. Благовещения на Городище); о выпечке *проскурницей* просфор для поминовения в родительские субботы (надпись XIII из т. н. «храма на Протоке» в Смоленске, в ц. Спаса Преображения в Полоцке); о составе храмовой библиотеки — названы Палея, Дамаскин, Стихирарь, Триодь, Пролог, Евангелие (София Новгородская, полоцкая ц. Спасо-Преображения). Сведения о денежных операциях отражены в надписи начала XII в. в лестничной башне Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря, где названа сумма **вѣвериць три на десѧте гривьнѣ и рѣзана**; в надписях XIII–XIV вв. в ц. Спаса Преображения в Полоцке и Софии Киевской. Юридические акты представлены не только известной надписью первой четверти XII в. из Софии Киевской о покупке Бояновой земли (Vysotsky 1966: 60–71; Drobysheva 2020: 74–89), но и замечательным комплексом юридических документов первой половины XIII в. на стенах ц. св. Пантелеймона в Галиче Южном (Gippius, Mikheev 2020: 181–204), который представляет собой «каменный архив» трех князей — Мстислава Мстиславича, Андрея, сына венгерского короля Андраша II и Даниила Романовича. Ценность этих документов А. А. Гиппиус и С. М. Михеев видят в том, что все предъявленные к конкретным лицам иски – акты оправдательные (в каждом из трех актов присутствует формула: *искали и не нашли*), а также и в том, что структура текста свидетельствует «об отсутствии в эпоху создания надписей устоявшегося формуляра судебного акта — можно сказать, что этот формуляр вырабатывается прямо на наших глазах» (Gippius, Mikheev 2020: 198). Во всех трех надписях упоминаются послухи, а главным свидетелем выступает церковь, тем самым подчеркивается сакральность судебного решения[11]. Еще одну группу граффити XI–XIV вв. составляют надписи летописного характера — о заключении мира, о поставлении владыки, о посещении храма князьями (София Киевская, София Новгородская, Георгиевский собор

[11] Надпись о Бояновой земле в Софии Киевской находится на стене южной галереи собора, которая во время нанесения надписи была открыта, надпись в ц. св. Пантелеймона в Галиче об иске к Ляху «в княжение Мстиславле, в державу Игнатову» также располагается вне церковного пространства, на внешней стене.

Юрьева монастыря). Поминальные комплексы — пространные многострочные сообщения 1198 г. о смерти князей, структура которых имеет общие черты с летописными княжескими некрологами, были открыты в новгородском Георгиевском соборе и в ц. Благовещения на Городище (Gippius, Sedov 2015: 462–474; 2016: 190–208; Gippius, Mikheev 2019: 35–45), а также уникальная надпись 1175 г. об убийцах князя Андрея Боголюбского, дополняющая летописные сообщения об этом событии, — на внешней стене южной апсиды Спасо-Преображенского собора XII в. в Переславле-Залесском (Gippius, Mikheev 2020a: 64–102). Еще одна небольшая группа граффити — это «литературные» цитаты. В Успенском приделе Софии Киевской процитированы два изречения из подборки «Разумы сложения Варнавы Неподобного», датирующиеся концом XI – началом XII вв., еще одна цитата XIII в. из того же сочинения обнаружена на фрагменте древней штукатурки при раскопках церкви Воскресения в Смоленске (Rozhdestvenskaia 2014: 329–335; 2017: 111–112). Древнейший список этого переводного памятника из собрания РНБ (Q. П. I.44) не старше начала XV в.[12], ее текстологическое изучение позволило К. Вершинину предположить, что «Разумы» могут представлять собой древнерусскую компиляцию южнославянских переводов нескольких греческих флорилегиев (Vershinin 2021: 511–535). Киевская и смоленская надписи домонгольского времени являются наиболее ранней фиксацией изречений из состава этой компиляции. По сравнению с известными списками «Разумов» в обеих надписях есть разночтения, в киевской — перестановка двух и пропуск одного изречения, в смоленской — грамматические и словообразовательные варианты. Знакомство с апокрифической «Беседой трех святителей», известной в русской рукописной традиции во множестве списков и редакций с XV в., обнаруживают два граффити на фрагментах штукатурки из разных храмов, опубликованные А. А. Гиппиусом и С. М. Михеевым, одно второй половины XII– первой четверти XIII в., на фрагментах штукатурки из Мартирьевской паперти Софии Новгородской, другое XII в., — из ц. Бориса и Глеба в Новогрудке. В софийском граффито сохранился фрагмент диалога между «внуком» и «бабой», из апокрифической загадки, где «баба» — земля, а «внук» — Христос (Gippius, Mikheev 2013: 82). Новогрудское граффито цитирует загадку о петухе из той же «Беседы трех

[12] Благодарю А. А. Турилова за уточнение датировки.

святителей»: **дъвоичи роженъ въ пъртъ теплъ, а не оучивъ сѧ, на часы поеть**. Ритмическая структура двух надписей позволила отнести их к явлениям «литературно-фольклорного пограничья» (Gippius, Mikheev 2013: 84–86). Замечательную надпись конца XI–XII вв. в Софии Киевской об алтаре и церкви можно рассматривать как пример литературно-богословского творчества: **олътарь пламѧн[ъ] а цр҃кы ледѧна и олътарь погаснеть и цьркы [ро]стаѥть**, где разгадкой служит человек, тело которого, согласно новозаветным представлениям, это церковь, а душа — «пламенный алтарь» (Gippius, Mikheev 2021: 392–402). По предположению исследователей этого граффито, «прототип загадки сложился уже на византийской почве и на Русь загадка об алтаре и церкви попала, скорее всего, через южнославянское посредство (Gippius, Mikheev 2021: 398)[13]. В надписи начала XIII в. в Мартирьевской паперти Софии Новгородской (Medyntseva 1978: 148–149) упоминаются *печь, «гридьба в корабли», птица* (*пелепелъка в дуброве*), *пирог* и *каша,* что позволило связать этот текст с погребальный обрядом, (Rozhdestvenskaia 1994: 24–25). Однако В. Я. Петрухин показал, что более надежна связь этого текста с обрядом перехода (похороны/свадьба), и перед нами заговор, «отсылающий душу девушки/невесты в образе перепелки в лес – иной мир», отражающий фольклорную традицию (Петрухин 2015: 356)[14]. Примечательно, что ряд надписей-цитат датируется более ранним временем, чем существующая их рукописная традиция. Использование письма в интерьере храма имело разные цели, основной из которых была все же вокативная, обращение к Богу и святым, к покровительству церкви, от сакрализации юридического акта вплоть до самых, казалось бы, мелких бытовых записей, поэтому граница между сакральным и бытовым в пределах храма представляется довольно условной. Сакральное литургическое пространство церкви не препятствовало появлению на ее стенах деловых и хозяйственных, тем более юридических и исторических записей. Краткий обзор известного в настоящее время корпуса древнерусских граффити демонстрирует разножанровость надписей в храме от высоких образцов переводной книжности до молитвенной формулы

[13] Подробнее об истоках этих представлений см.: Гиппиус, Михеев 2013: 392–402.

[14] В связи с темой погребения птицы в византийской письменной традиции см. статью Д. В. Черноглазова в этом издании.

Господи помози, от пространных текстов до азбук и их фрагментов, образно уподобляя стены храма четьему сборнику-конволюту, составленному из текстов разных типов, нанесенных на стены разными писцами в разное время, но представляющих единство письменной традиции при всем ее разнообразии.

Литература

Athanasjeva, T. I. 2004: [*Liturgy of the Presanctified Gifts of the 12th–14th c. Textology and Language*]. St.-Petersburg, St.-Petersburg University.

Афанасьева, Т. И. *Литургия Преждеосвященных Даров* XII–*XIV вв.: Текстология и язык*. СПб.: СПбГУ.

Athanasjeva, T. I. 2015: [*Liturgies of John Chrysostom and Basil the Great in the Slavic Tradition* (*According to Service Books of the 11th–15th c*]. Moscow. University of Dmitry Pozharsky.

Афанасьева, Т. И. 2015: Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). М.: Изд. Университет Дмитрия Пожарского.

Drobysheva, M. M. 2020: [Graffito nr. 25 from St.-Sophia Catedral in Kiev: what do we know about the purchase of Boyan's land]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoria*. [*Perm' University Bulletin. History*]. Vol. I (48), 74–89.

Дробышева, М. М. 2020: [Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»?], *Вестник Пермского Университета. История*. Вып. 1(48), 74–89.

Drobysheva, M. M. 2020a: [Business topics in ancient Russian graffiti inscriptions], In: *History* Vol. 11. Issue 6 (92) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: https://history.jes.su/ s207987840010063-8-1/ (date of access: 05/01/2021).

Дробышева, М. М. Деловая тематика в древнерусских надписях-граффити. В: Электронный научно-образовательный журнал «*История*». 2020. Т. 11. Выпуск 6 (92) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: https://history.jes.su/ s207987840010063-8-1/ (дата обращения: 01.05.2021).

Engström, M. 2004: *Kheruvimskiye pesnopeniya v russkoy liturgicheskoy traditsii* (Stockholm Studies in Russian Literature 36). [*The Cherubika in the Russian Liturgical Tradition*]. Stockholm: Stockholms universitet.

Энгстрём М. 2020: *Херувимские песнопения в русской литургической традиции* (Stockholm Studies in Russian Literature 36). Stockholm: Stockholms universitet.

Gimon, T. V. 2020: [Development of writing practices in the first hundred years after Christianization: The Anglo-Saxon Kingdoms and Rus'],

In: *Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages*. Readings in memory of the corresponding member of the USSR Academy of Sciences V. T. Pashuto. Issue XXXII. Comparative studies of sociocultural practices. Moscow, 50–56.

Гимон, Т. В. Развитие письменных практик в первые сто лет после христианизации: англо-саксонские королевства и Русь. В: *Восточная Европа в древности и средневековье*. Чтения памяти члена-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Вып. XXXII. Сравнительные исследования социокультурных практик. М. 2020, 50–56.

Gippius, A. A, Mikheev, S. M. 2019: [Graffiti from the Annunciation Church at Gorodische. Pleliminary review], *Architectural archeology* 1, 35–53.

Гиппиус А. А., Михеев С. М. 2019: [Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор]. *Архитектурная археология* 1, 35–53.

Gippius, A. A, Mikheev, S. M. 2020: [Once again about the ancient Russian inscriptions on the walls of the Church of St. Panteleimon in Galich]. In: Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences, Russian Academy of Science. Moscow, 181–204. .

Гиппиус, А. А., Михеев С. М. 2020: Еще раз о древнерусских надписях на стенах церкви Св. Пантелеймона в Галиче. *Труды Отделения историко-филологических наук*. М. , 181–204.

Gippius, A. A, Mikheev, S. M. 2020a: ["Assassins of the Great Prince Andrey": An Inscription about the Murder of Andrey Bogolyubsky from Pereslavl-Zalessky], In: Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. 63–102.

Гиппиус, А. А., Михеев, С. М. «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского. В: Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. С. 63–102.

Gippius, A. A, Mikheev, S. M. 2021: ["A fiery altar, an ice church, what is it?"], In: *Words, Constructions and Texts in the History of Russian writing*. Studies offered to Academician A. M. Moldovan on the occasion of his 70th anniversary. St. Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriya, 392–402.

Гиппиус, А. А., Михеев, С. М. 2021: Олътарь пламѣнъ, а цьрькы ледна — чьто же то? *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности*. Сборник статей к 70-летию акад. А. М. Молдована. СПб.; М.: Нестор-История, 392–402.

Gippius, A. A, Sedov, V. V. 2015: [The graffito inscription 1198 from St.-George Church of the Yuryev Monastery], In: P. G. Gaydukov (ed.) *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: arheologiya, istoriya, kultura* [*Towns and villages of Medieval Rus'*]. K 60-letiyu Nikolaya Andreevicha Makarova. M.; Vologda: Drevnosti Severa, 462–47.

Гиппиус А. А, Седов, В. В. 2015: Надпись-граффито 1198 г. из Георгиевского собора Юрьева монастыря В: *Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура*. К 60-

летию Николая Андреевича Макарова. Под ред. П. Г. Гайдукова. М.; Вологда: Древности севера, 35–53.

Gippius, A. A. 2017: [“Seeing evil and not seeing good”: poetics and grammar of the oldest East Slavic penitential verse]. *Russian Linguistics*, V.41 (3), 261–282.

Гиппиус, А. А. 2017: «Зло видучи, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха. *Russian Linguistics*, V.41 (3). 261–282

Gippius, A. A. Mikheev, S. M. 2013: [Two Old Russian Riddles of the 12th 13th c. from Novgorod and Novogrudok], In: *The Cathedral and the People*. *Essays in memoriam Sergey Aleksandrovich Visotsky, on his 90th birthday anniversary*. Kiev. 81–89.

Гиппиус, А. А, Михеев, С. М. 2013: Две древнерусские загадки XII–XIII веков из Новгорода и Новогрудка. В: *Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького*. Київ, 81–89.

Gippius, A. A, Sedov, V. V. 2016: [Finds in St.-George Cathedral of the Yuryev Monastery: new frescoes and new inscriptions], In: *Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences, Russian Academy of Sciences.* Moscow, 190–208.

Гиппиус А. А., Седов Вл. В: 2015. Находки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря: новые фрески и новые надписи В: *Труды Отделения историко-филологических наук РАН*. М.: Наука, 190–208.

Janin, V. L., Zaliznyak, A. A., Gippius, A. A. 2015: [*Novgorod birch-bark letters. Excavations of 2001–2014*]. Vol. XII. Moscow.

Янин, В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус, А. А. *Новгородские грамоты на бересте* (*из раскопок 2001–2014 гг.*). М.: ЯСК, 120–123.

Kalechic, I.L. 2011: [*Epigraphy of Belarus* 10–14th c.] Minsk, “Belaheskaja navuka”. Калечыц, І. Л. *Эпіграфіка Беларуси* X–XIV ст. Мінск. «Беларуская навука».

Kornienko, V.V. 2010: [*The corpus of the graffiti from St.-Sophia Catedral of Kiev* (11th – early 18th c.)]. Part I: The Chapel of St. George the Great Martyr. Ed. N. M. Nikitenko. Kiev.

Корніенко. В. В. 2010: *Корпус графіті Софії Київської* (XI–початок XVIII ст.). Частина I: Приділ св. Георгія Великомученика. Від. ред. Н. М. Нікітенко. Київ.

Medyntseva, A. A. 1978: [*Old Russian inscriptions 11th–14th c. of St.-Sophia Cathedral in Novgorod*]. Moscow: Nauka.

Медынцева, А. А. 1978: *Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV вв*. М.: Наука.

Medyntseva, A. A., Popkonstantinov, K. 1985: [*Inscriptions from the Round Church in Preslav*]. Sofia. Bulgarian Academy of Sciences.

Медынцева, А. А., Попконстантинов К. 1985: *Надписи из Круглой церкви в Преславе*. София. Болг. АН.

Petrukhin, V. Ya. 2015: [“Grid’ba in the Ship” and “Quail in the Forest”: A Reading of the Old Russian Folklore Text]. *Slověne* 4, № 1. Part 2. 356–360.

Петрухин, В. Я. «Гридьба в корабли» и «перепелка в дубраве»: к прочтению древнерусского фольклорного текста. *Словене* 4, № 1, часть 2. 356–360.

Podlevsky S. 2018: *Grafiti Chernigova u sociokul'turnomu prostori X–XVII st.* Chernigov [*Graffiti of Chernigov in the socio-cultural space of the 10th–17th centuries*]. Chernigov. Scriptorium. 276 p.

Подлевський, С. 2018: *Графіті Чернігова у соціокультурному просторі X–XVII ст.* Чернігів: Scriptorium. 276 с.

Popkonstantinov, K. 2010: [Gospel texts in epigraphic sources of medieval Bulgaria], In: *The Ostromir Gospel: Study and Perception of the manuscript.* SPb.: RNL, 97–10.

Попконстантинов, К. Евангельские тексты в эпиграфических памятниках средневековой Болгарии. В кн.: *Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов*. Сб. науч. статей. СПб.: РНБ., 97–105.

Popkonstantinov, K. 2012: [Psalter and gospel texts in epigraphic sources from medieval Bulgaria], In: *Bulgarskoto srednovekovie: obshchestvo, vlast, istorija. Sbornik v chest na prof. D-r Miliana Kajmakova*. Sofia. 501–511.

Попконстантинов К. Псалтирни и евангелски текстове в епиграфски паметници от средновековна България. В кн.: *Българско средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф. д-р Милияна Каймакамова*. София. 501– 511.

Rozhdestvenskaia, T. V. 2017: [The florilegium “Adagia compiled by Barnabas the Unlike” in a Russian manuscript of the 15th century], In: *Old Rus’. The questions of Medieval studies*. № 3 (69). 111–112.

Рождественская Т. В. Подборка изречений «Разумы сложения Варнавы Неподобного» в русской рукописи XV в. В: *Древняя Русь: Вопросы медиевистики* № 3 (69). 111–112.

Rozhdestvenskaia, T.V. 2012: [On the problem of liturgical texts on the walls of ancient Russian churches], In: The first stone temples of Ancient Russia. Proceedings of the architecture and archaeology seminar November 22–24, 2010. St.-Petersburg. *Transactions of the State Hermitage*. LXV. Publ., 317–325.

Рождественская, Т.В. К вопросу о богослужебных текстах на стенах древнерусских храмов. В кн.: *Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 года. Труды Государственного Эрмитажа*. LXV. СПб., 317–325.

Rozhdestvenskaia, T. V. 2014: [About one graffito inscription from the excavations of the Smolensk church on the Protok], In: *Medieval man and his world. Essays presented to prof. Kazimir Popkonstantinov on his 70th birthday*. Veliko Tarnovo, 329–335.

Рождественская Т. В. Об одной надписи-граффити из раскопок храма на Протоке в Смоленске. В кн.: *Средновековният човек и неговият свят. Сборник в чест на 70-та годишнина на проф. д. и. н. Казимир Попконстантинов*. Велико Търново. 329–335.

Rozhdestvenskaia, T. V. 2016: [Medieval graffiti in the Church of the Dormition in Volotovo Field near Novgorod], In: "*Let Novgorod have fun*". *Må Novgorod fröjda sig Hyllningsskrift till Elisabeth Löfstrand redigerad av Per Ambrosiani, Per-Arne Bodin och Nadezjda Zorikhina-Nilsson*. Stockholms Universitet. Stockholm Slavic Papers.

Рождественская, Т. В. 2016: Средневековые граффити в церкви Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле в Новгороде. В кн.: *Да веселитсѧ Новъградъ. Må Novgorod fröjda sig Hyllningsskrift till Elisabeth Löfstrand redigerad av Per Ambrosiani, Per-Arne Bodin och Nadezjda Zorikhina-Nilsson*. Stockholms Universitet. Stockholm Slavic Papers, 193–205.

Svodnyj catalog 1984: [*The Catalog of Slavic-Russian manuscripts in the USSR: XI–XIII centuries*]. M., 1984. *Сводный каталог славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР: XI–XIII вв*. М.

Vershinin, K. V. 2021: [Two little-known copies of Barnabas' *Adagia*]. In: *Source study and Textology*. Moscow, 511–535.

Вершинин, К. В. 2021: Два малоизвестных списка «Разумов» Варнавы. В кн: *Источниковедение и текстология*. М., 511–535.

Vysotsky, S. A. 1966: *Drevnerusskie nadpisi Sophii Kievskoy XI–XIV vv*. [*The Old Rus' inscriptions in St. Sophia Cathedral of Kiev 11th–14th c.*]. Vol. I. Kiev. Naukova dumka.

Высоцкий, С. А. 1966: *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.* Выпуск I. Киев. Наукова думка.

Vysotsky, S. A. 1976: *Srednevekovye nadpisi Sophii Kievskoy* [*The Medieval inscriptions in St. Sophia Cathedral of Kiev* (based on the data of the 11th–17th c. graffiti)] Kiev. Naukova dumka.

Высоцкий, С. А. 1976: *Средневековые надписи Софии Киевской* (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев. Наукова думка.

Zaliznyak, A. A, Janin, V. L. 2013: [Novgorod birch-bark letters. Excavations of 2011–2012]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–16.

Зализняк А. А., Янин В. Л. 2013: Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2011 и 2012 гг. *Вопросы языкознания* 4, 3–16

Zaliznyak, A. A. 2000: [Paleography of birch-bark letters and their extra-stratigraphic dating], In: Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskiye gramoty na bereste*. Iz raskopok 1990–1996 godov. [*Novgorod birch-bark letters*. Excavations of 1990–1996]. Vol. X. Moscow, 134–429.

Зализняк, А. А. 2000: Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. В кн.: Янин В. Л., Зализняк А. А. *Новгородские грамоты на бересте*. Из раскопок 1990–1996 годов. Том X. М., 134–429.

Список сокращений:

РНБ — Российская национальная библиотека
RNB — [Rossijskaya nacional'naya biblioteka] RNL Russian National Library
СРЯ XI–XVII т. 30 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 30 (Томъ — Уберечися). М.; СПб.: «Нестор История», 2015.
SRJa — Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 30 (Tom — Uberechisia). Moscow; St.-Petersburg: Nestor Istorija, 2015.

DOI:10.30842/ielc230690152564

Т. К. Салбиев
(Центр скифо-аланских исследований им. В. И. Абаева,
Владикавказский НЦ РАН)

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ МЕРИЗМ «МУЖИ И СКОТ» В ОСЕТИНСКОЙ ПОЭТИКЕ (мифологический аспект)

В статье удалось успешно решить двуединую задачу поиска рефлекса индоевропейского меризма «мужи и скот» в осетинской поэтике, а также выяснения его мифологической основы. Основным методом исследования был сравнительно-исторический, делавший возможными сопоставления осетинской поэтики с индоевропейской, вообще, и общеиранской, в частности, а именно, с Ахеменидскими надписями. Впервые при рассмотрении названной проблемы использовался и структурно-семиотический метод, позволявший интерпретировать осетинский обряд как драматизацию мифа первотворения.

Ключевые слова: индоевропейская поэтика, меризмы, формульность, трансформации, историческая эволюция, бахуврихи, словосложение, обрядность, осетины, мифы первотворения, драматизация, преодоление хаоса, Создатель, Громовержец, Солярный герой.

T. K. Salbiev
(V. I. Abaev Center of Scythian-Alan researches,
Vladikavkaz Scientific Center, RAS)

Indo-European merism «men and cattle» in Ossetian poetics (mythological aspect)

Among the main tasks to be solved in this article, one should mention the search for the reflex of the Indo-European merism “men and cattle”, reconstructed by C. Watkins, in Ossetian poetics, as well as the clarification of its mythological basis. Using the comparative-historical method of research, we were able to compare Ossetian poetics with Indo-European, in general, and Proto-Iranian, in particular. From this point of view, a crucial role was assigned to the comparison of Ossetian poetics and mythology with the ancient Persian, namely, with the Achaemenid inscriptions, where the considered merism was also successfully identified in the *bahuvrihi* model of *uvaspā, umartiyā* ‘(possessing) good horses, good men’. For the first time, also the structural-semiotic approach was applied to this problem, which made it possible to additionally attract data from the Ossetian traditional rites. In this case, mythology was considered not just as a narrative, but as a social ideology, which allowed us to treat the rite as a dramatization of the myth of the first creation. As a result, it

was possible to identify the studied merism as a common Iranian reflex in the form of “men and horses”. It was possible to successfully reconstruct the original myth of primordial creation (its subject-predicate-object structure), which underlies the considered merism and determines its historical stability. In addition, the character composition of the primordial myth was established (Creator — Thunderer — Solar hero), the nature of the relations between its participants was described (as a shift from Chaos to Cosmic order), the role of the attributes used in it was clarified (such as fur coats turned inside out, the pole of heavenly grace, cheese wheels), its spatial and temporal parameters were established (in relation to annual calendar and daily cycle), and general features of its plot were determined (the division of a centaur into a horse and a man).

Keywords: Indo-European poetics, merisms, formality, transformations, historical evolution, *bahuvrīhi*, word composition, ritual, Ossetians, myths of the first creation, dramatization, overcoming chaos, Creator, Thunderer, Solar hero.

1. Введение

Одним из главных направлений сравнительно-исторических исследований в осетиноведении уже давно и по праву стало изучение индоевропейского (далее — ИЕ) наследия, обнаруживаемого в самых различных его областях, как в языке, так и в обрядности, в устном народном творчестве и материальной культуре. Именно в рамках этого направления осетиноведение во многом и сформировалось в качестве научной дисциплины. Все же в недавнее время это направление пополнилось еще одной, новой для него областью исследований за счет выявленного в осетинской Нартиаде несомненного реликта ИЕ поэтики. Речь идет об известной формуле «немеркнущая слава», открытой в свое время Адальбертом Куном (Adalbert Kuhn) и ставшей краеугольным камнем для изучения всей ИЕ эпической героики, для понимания присущего ей духа бесстрашия и неизменной готовности погибнуть на поле боя. Напомню, что сама формула была обнаружена полтора века тому назад на материале древнегреческой поэзии Гомера (в виде *κλέος ἄφθιτον*) и древнеиндийских ритуальных гимнов «Ригведы» (в виде *ákṣiti śrávah; śrávah...ákṣitam*). Ее наличие в осетинской эпической традиции, а именно в сказании «Гибель нартов» (*Narty sæft*), где она может быть надежно отождествлена со словосочетанием *ænusy kad* | *ænusy koj* «вечная слава, бессмертная слава», недавно получило свое убедительное подтверждение в исследовании Б. Мысыккаты (Mysykkaty 2020: 133) и уже, фактически, не может ставиться под сомнение.

Очевидно, что интерес к приведенной формуле обусловлен не только ее поразительной исторической устойчивостью, в том числе и с учетом тех трансформаций, которые она, несомненно, претерпела в ходе исторической эволюции. Наиболее примечательно то, что, меняя свой лексический состав, она тем не менее сквозь многие тысячелетия сохранила смысловую тождественность самой себе. Именно этот смысловой аспект, который может быть выявлен практически в первозданном виде и является наиболее ценным. Знаменательно, что уже на начальном этапе сбора и систематизации нартских сказаний сама эта идеологема сразу привлекла к себе внимание исследователей. Когда-то В. И. Абаев в этой связи справедливо замечал, что нарты «предпочли скорую гибель со славой вечному, но бесславному прозябанию» (Abayev 1990: 229). Действительно, в целом ряде известных вариантов упомянутого сказания с неизменным упорством повторяется это мотив «жажды подвигов и презрения к смерти», служащий ответом нартов на предложенный им Всевышним выбор между вечной жизнью и вечной славой.

С учетом сказанного представляется весьма вероятным, что в осетинской поэтике могут быть обнаружены и другие реликты подобного рода, открывающие нам важнейшие аспекты духовной жизни праиндоевропейского общества. Более того, осознавая значимость изучения ИЕ поэтики для осетиноведения в целом, дальнейший поиск подобных реликтов, но уже не одиночных, а носящих комплексный и системный характер, оказывается не только возможным, но и в значительной степени предопределенным.

2. От поэтики к мифу

С этой — идеологической — точки зрения несомненный интерес представляют так называемые меризмы, реконструированные выдающимся американским индоевропеистом второй половины прошлого и начала настоящего века, Калвертом Уоткинсом. Согласно Я. В. Василькову, особо выделявшему это открытие в его творческом наследии, они представляют собой особый ряд, достоверно выявленных ИЕ поэтических формул, являющихся группами из двух существительных, «находящихся между собой в отношениях союзной связи (*A* и *B*), <…> совпадающих во многих своих чертах по своей семантике и служащих для обозначения понятия более высокого уровня

(*C*)». В качестве примеров, он ссылается на такие сочетания как «пшеница и ячмень» для зерновых в целом, или «мужи и скот» — для обозначения всего живого способного к передвижению хозяйства. Знаменательно, что подобные формулы могут быть обнаружены и в современной английской детской считалке, представляя собой трансформацию формулы архаического аграрного ритуала, созданную с использованием традиционных приемов ИЕ поэзии (Vasilkov 2014: 377). Как видим, вновь именно идеология оказывается основным приоритетом при их изучении, поскольку приведенное словосочетание по своему смыслу оказывается значительно более широким, чем простая сумма составляющих ее компонентов.

Далее, Я. В. Васильков совершенно верно указывает на значимость этой общекультурной стороны меризмов, заметив: «Уоткинса увлекала возможность по совокупности выявленных ИЕ формул составить представление о мировоззрении носителей ИЕ праязыка, их ритуальной практике, правовых нормах, социальной организации» (Vasilkov 2014: 376). Тем самым значение этих формул далеко выходит за рамки одной лишь поэтики, что и вызывает к ним пристальный интерес исследователей. Примечательно, что и сам К. Уоткинс отмечал свойственную меризмам, как и всяким лингвистическим знакам обычную символическую функцию, которая в отличие, например, от кеннинга, дополняется также их уникальной способностью указывать, или служить ссылкой на иные единства (Watkins: 44). Для нас же несомненный интерес представляет один из уже выявленных и уже упоминавшихся выше ИЕ меризмов — «мужи и скот / двуногие и четвероногие», как обозначение всего подвижного хозяйства в целом.

Исследуя его происхождение, К. Уоткинс реконструирует ИЕ формулу **pah₂- ųih$_x$ro- peḱu-* ‘защищать мужей и скот’. Согласно его наблюдениям варианты этой формулы представлены в четырех отдельных ИЕ языках, относящихся к двум различным ветвям этой языковой семьи, а именно, в умбрийском и латинском, относящимся к италийской ветви, а также в авестийском и ведийском, входящих в индоиранскую ветвь. И вновь К. Уоткинс справедливо указывает на значимость этой формулы для изучения ИЕ поэтики не только с лингвистической точки зрения, но и для понимания когнитивных особенностей концептуализирования в доисторических обществах и культурах. Ставя их в один ряд с ИЕ формулой «нетленная слава (imperishable fame)» (Watkins: 42–46, 197, 210), он обозна-

чает для осетиноведов направление для дальнейшего продвижения по намеченному пути. Ценность реконструированной им формулы в том, что она содержит не только объект, но и предикат *$*pah_2$-* ‘защищать’, который предполагает наличие субъекта, в результате чего становится возможным рассматривать ее как реализацию некоего мифологического сюжета. Главная особенность предлагаемого подхода заключается в том, что он позволяет уйти от сугубо хозяйственной интерпретации рассматриваемой формулы, выводя ее рамки одной лишь экономики. Вопрос теперь будет заключаться не только в том, насколько явственно прослеживаются следы этой ИЕ формулы, основанной на меризме в осетинской поэтике, но и в выяснении лежащего в ее основе мифа.

При этом поиск может быть облегчен, если ограничить его рамками индоиранской ветвью, к которой и принадлежит осетинская традиция. С этой точки зрения особый интерес представляет один из вариантов рассматриваемого меризма, который, на взгляд К. Уоткинса, представлен в числе прочего и в ведийском *gohā nr̥hā* ‘скот убивающий, мужей убивающий’, а также в авестийской формуле *aspō.garəm nərə.garəm* ‘коней пожирающий, людей пожирающий’ (Watkins: 42–46). В приведенной паре, которая вне всяких сомнений может считаться синонимичной, особо примечателен авестийский пример, где имеет место очевидное сужение значения, в результате чего получаем самостоятельный вариант рассматриваемого меризма, а именно, «мужи и кони». Если теперь интерпретировать его как результат специфического общеиранского развития, то весьма вероятно, что именно в подобном виде интересующий нас ИЕ меризм и должен был отразится в осетинской поэтике. Его обнаружение и мифологическое описание будут представлять двуединую главную цель настоящей статьи.

В этом случае, достижение первой поставленной цели предполагает поиск вариантов рассматриваемого меризма не только в осетинской поэтике, но также и в других родственных ему по происхождению иранских традициях, а также учет трансформаций, через которые он прошел. В целом же важная роль в этом поиске должна быть отведена обращению к осетинской поэтике, одним из элементов которой являются традиционные молитвословия и гимны в честь небожителей. Для достижения второй цели, то есть для реконструкции мифа, необходимо описание персонажей и существующих между ними отношений, а также определение его предикатов и

объектов, выяснение характерных для него атрибутов и, наконец, выяснение его пространственно-временных параметров. В случае успешного решения обеих поставленных задач изучение ИЕ поэтики получит еще один устойчивый архаизм, сохраняющий свое активное функционирование в живой традиции. Кроме того, что не менее значимо, будет выявлена и лежащая в его основе мифологема, раскрывающая историко-культурные особенности архаической эпохи.

3. Ахеменидские надписи

Высказанное предположение об особом пути развития рассматриваемой ИЕ формулы «мужи и скот» в иранской языковой группе находит убедительное подтверждение в дошедших до нас памятниках древнеперсидского языка. В известных надписях Ахеменидского периода существует несколько мест, обнаруживающих совпадение с авестийской формулой, где она представлена в виде меризма «мужи и кони». Примечательно, что несмотря на небольшой по своему численному составу корпус древнеперсидских текстов, интересующая нас формула встречается в них несколько раз, что служит несомненной иллюстрацией ее широкого бытования в этой историко-культурной среде.

Так, например, она представлена в надписи Ариарамны из Хамадана (AmH) (Kent 1953: 116), которая гласит:

> «4. θātiy : Ariyāramna : xšāyaθiya // 5. : iyam : dahyāuš : Pārsā : tya : adam : dārayā // 6. miy : hya: uvaspā : umartiyā : manā : baga // 7. : vazraka : Auramazdā : frābara : ‘Говорит Ариарамна царь: Эту страну Персию, которой я повелеваю, которая (изобилует) добрыми конями и добрыми мужами, мне великий Бог Ахура Мазда вручил’».

В подтверждение сделанных наблюдений приведем еще один древнеперсидский фрагмент, являющийся извлечением из надписи Дария I о сооружении дворца в Сузе (DSf) (Kent 1953: 142):

> «8. :θātiy : Dārayavauš : XŠ : Auramazdā : // 9. hya : maišta : bagānām : hauv : mām : adā : ha // 10. uv : mām : XŠyam : akunauš : haumaiy : ima : xša // 11. çam : frābara : tya : vazrakam : tya : uvaspam : uma // 12. rtiyam : ‘Говорит Дарий царь: Ахура Мазда, величайший из богов, он меня царем сделал, он мне это царство пожаловал, великое (изобилующее) добрыми конями (и) добрыми мужами’ (перевод на русский язык по Abayev 1945: 129–130).

Достоинство приведенного фрагмента также и в том, что в нем очевидна связь между изобилием в Персидском царстве добрых коней и добрых мужей и его величием. В самом деле, по синтаксической структуре определения царства, содержащиеся в этом отрывке, *tya vazrakam* ‘великое / gross’ (см.: Bartholomae 1904) и *tya uvaspam, umartiyam* ‘доброконное, добролюдное’, являются однородными.

Нам известен еще один пример, когда рассматриваемая нами формула предваряется эпитетом. В надписи Дария I из Персеполиса (DPd) (Kent 1953: 135) читаем:

> «5. : θātiy : Dārayavauš : // 6. xšayaθiya : iyam : dahyāuš : Pār // 7. sa : tyām : manā : Auramazdā : frāba // 8. ra : hyā : naibā : uvaspā : umarti // 9. yā : ‘Говорит Дарий царь: Эту страну Персию, которую мне Аура Мазда пожаловал, которая прекрасна, доброконна (и) добролюдна’».

В приведенном фрагменте древнеперсидская формула *uvaspā, umartiyā* дополнена еще одним компонентом — однородным определением **naibā-* ‘красивый, прекрасный’ (‘schon, gut, tüchtig’ — Bartholomae 1904). Сделанные наблюдения служат, на наш взгляд, достаточным основанием для признания иранской версии правомерным рефлексом исходной ИЕ формулы.

Легко видеть, что изобилие «добрых коней и добрых мужей» в древнеперсидской традиции понимается как благодать, ниспосылаемая Ахура Маздой. В центре внимания находится судьба мужчины — властелина огромной державы, подводящего итоги своим земным трудам. Очевидна и связь с первотворением, поскольку Ахура Мазда и по совей мифологической роли, и по этимологии может по праву считаться Создателем. Так, имя Ахура Мазды, согласно Р. Кенту (Kent 1953: 164–165) может быть разделено на три части. Первая часть — *Aura-* ‘Lord, God’, из ПИЕ **esuro-*. Вторая и третья части возводятся к ПИЕ **menth-dhē-* «устанавливающий мысль», «осмысливающий», отсюда «мудрый». Последняя часть этого композита представляет собой рефлекс известнейшего индоевропейского корня (без учета ларингалов), представленного в «Индоевропейском этимологическом словаре» под № 376 — **dhē-2* ‘to put, place’, надежно документируемого во всех группах индоевропейской языковой семьи (Pokorny 1959: 235–239). К тому же М. Бойс также отмечает (Boyce 2014: 684–687), что в Гатах, то есть наиболее древней части Авесты, Ахура Мазда предстает

в образе Создателя. При этом первотворение он осуществляет двояко. В одном из стихов его орудием становится сила мысли (*Y*. 31.11), что вполне согласуется с этимологией его имени, в большинстве же других им является его Священный Дух, *Spənta Mainyu* (*Y*. 44.7; 31.3; 51.7). Таким образом, и здесь он последовательно предстает в роли Создателя.

Весьма примечательный комментарий роли Ахура Мазды в создании человека и его месте в космологической картине мир дал Д. С. Раевский, который отмечал в этой связи следующее: «В космологическом аспекте рождение первочеловека представляет акт, эквивалентный созданию средней зоны космоса, выступающей как мир людей по преимуществу. Появление этой зоны как бы пространственно разъединяет слитые до этого в брачном единении Небо и Землю. С другой стороны, прямую аналогию пониманию среднего звена космологической триады как персонифицированного в человеке и отождествлению возникновения этого звена с созданием человека дает, к примеру, традиционная формула надписей ахеменидского Ирана, где в качестве равноправных демиургических деяний Ахура Мазды называются создание неба, земли и смертного человека». При этом он ссылается на: Kent 1953: 137, 141, 147 и др., что служит весомым аргументом в пользу предложенной им мифологической трактовки (Rayevskiy 2018: 45). В этой связи вполне ожидаема связь рассматриваемой формулы с осетинским праздником, посвященном новорожденным мальчикам.

Но прежде следует обратить внимание также и на такое упомянутое свойство, обеспечивающее само появление человека, как неразделенность, которая характерна для этапа, предшествующего первотворению. С точки зрения изначальной неразделенности, слитности элементов формулы «мужи и кони», неизбежно возникает образ кентавра, совмещающего оба начала — антропоморфное и зооморфное — в своей природе и строении. В. В. Напольских, рассмотревший не так давно этот представленный в общепермском языке образ, выдвинул версию о его связи с арийскими гандхарвами, как одном из заимствованных слов. Для выяснения его этимологии он сопоставляет его с осетинским наименованием дракона — *kæf-q*^{w}*yndar*, буквально ‘шерстистая рыба’ (Napolskikh 2008: 46–48). Эти наблюдения будут также весьма полезны при обращении к осетинской традиционной обрядности.

4. Осетинский праздник новорожденных мальчиков

Следует заметить, что в осетинской традиции, действительно, на общекультурном уровне может быть вполне надежно прослежена связь мужчины и коня. Особенно ярко она обнаруживает себя в ежегодно справляемом в середине лета, а именно, в начале июля, празднике, посвященном новорожденным мальчикам и называемом по-осетински — *Kæxcgænæn.* Примечательно, что практически все расходы по организации праздника брала на себя семья родившей женщины, чтобы в урочный час в торжественный день с богатыми дарами навестить своего племянника. Этот праздник примечателен и тем, что в состав подношений новорожденному, помимо одежды и игрушек, входили также круторогий баран-производитель (*fyr*) и, что является его специфической особенностью, жеребенок (*bajrag*), или конь (*bæx*). Так одно из этнографических описаний этого праздника в числе его внешних характерных примет была арба (*wærdon*), к которой были привязаны колыбель и жеребенок, по которым все сразу понимали, что везут подарки для новорожденного мальчика. Конь по сравнению с жеребенком считался более престижным, также как и бык в роли жертвенного животного. Если же в силу каких-то причин родня матери, которая и должна была одарить своего племянника жеребенком или конем, не исполняла вовремя свою обязанность, то позднее, уже повзрослев, он мог сам потребовать у них причитающееся, или даже выкрасть коня, настолько важен был этот элемент праздника (Kardzhiaty 1991: 44–45). Замечу, что еще совсем недавно, о чем могу судить на собственном примере, родственники матери дарили своему новорожденному племяннику игрушечную лошадку, выступающую в роли заместительного подарка в современных условиях урбанизации. Таким образом, есть достаточно внешних признаков, чтобы связать поиск интересующего нас ИЕ меризма именно с этим обрядовым действом.

Далее, согласно изысканиям В. С. Уарзиати название этого праздника производно от существительного *kæxc* ‘чаша’, поскольку именно подобную большую деревянную чашу использовала мать новорожденного мальчика, обходя свою родню и собирая в нее всевозможные подарки и припасы для предполагаемого торжества. Само название праздника, таким образом, означало «справлять чашу», что и было главным смыслом предпраздничных забот. С этой же чашей, наполненной ритуальным напитком, мать новорожденного обращалась к небесам, прося у

них покровительства и защиты для своего новорожденного. При этом она не выпивала специально сваренное по этому поводу пиво, а сливала его обратно в котел, поскольку главную молитву было суждено произнести не ей, а кому-то из почтенных старцев, который будет руководить церемонией (Uarziati 2007: 92–93). К счастью, до нас дошла запись одного из подобных молитвословий, которое в полной мере оправдывает возлагаемые на него ожидания.

Согласно одному из описаний ритуала этого осетинского праздника, семье новорожденного в числе прочих благ желают быть богатой мужами и конями. Так, в одном из описаний этого обряда (1) сообщается, что старший, возносящий молитву и испрашивающий милостей для новорожденного, обыкновенно просит напоследок благодати для всего семейства. При этом он обращается к Богу со следующими словами:

«*Acy xædzar, acy binonty, Dunedaræg Īwnæg Kaddžyn X$_0$ycaw, lægdžyn æmæ bæxdžyn skæn!* ‘Этому дому, этой семье, Вседержитель Единый Достославный Хуцау, дай (в изобилии) мужей и коней!’» (Ældattaty 1990: 122).

Тем самым, мы получаем возможность перейти от обрядности непосредственно к поэтике, поскольку приведенное молитвословие содержит искомую формулу «*lægdžyn æmæ bæxdžyn skæn!* ‘сделай (богатыми) мужами и конями’». Есть в ней и субъект, которого молят обеспечить названную благодать — *Dunedaræg Īwnæg Kaddžyn X$_0$ycaw* ‘Вседержитель Единый Достославный Хуцау’. Будучи по своему статусу непосредственно связанным с творением, этот образ Создателя указывает на соотнесенность мифа с эпохой «начальных времен».

Восточноиранская традиция оказывается в мифологическом плане также весьма показательной. Отечественные иранисты В. С. Расторгуева и Д. И. Эдельман предлагают видеть в осетинской лексеме *X$_0$ycaw* / *Xucaw* ‘Бог’ контаминацию, то есть смешение, двух праиранских дериватов. Первые из них **xvata(h)-dāta-* и **xva-dāta-* ‘сам собою созданный, установленный’ → ‘Господь, божество’ — производные от праиранского корня **hua* + *dā-* ‘(свой) дом, (свое) жилище’, соответствующего индоевропейскому *sva-* ‘собственный’ и *dhā-* ‘класть, устанавливать’. Вторые производные ‘господин, владыка; хозяин’, ‘Господь, божество’ являются отглагольными именами от корня **tau-* ‘мочь; быть в состоянии’ (Rastorguyeva, Yedelman 2007: 425–426). Так идея творения находит воплощение и в

самом осетинском наименовании Создателя, как ‘самим собою установленного’ и ‘мощного самого по себе’.

Теперь же, когда в нашем распоряжении есть формула, используемая в обряде, надлежит показать ее использование в иных контекстах, свидетельствующих об ее общекультурном распространении. Найти подобные примеры не составит никакого труда. При поиске в осетинской поэтике иных рефлексов названного меризма, не связанных напрямую с обрядовым праздником в честь новорожденных мальчиков, первоочередным становится обращение к хорошо известной устойчивой формуле, используемой в мифологических гимнах, обращенных к небожителям, определяемых в самой традиции как «*zaræg / zar*», обычно переводимых как ‘песня’.

В одном из таких опубликованных памятников «*Wasgergij zar* ‘Песня об Уасгерги’» (ПНТО 1992: 38, 192, 391), имеющем и архивный паспорт (ОРФ СОНИИ, ф. ф. 494, п. 120, л. 63, диг. д., исп. Е. Гульчеев, г. Дигора, зап. В Акоев) интересующая нас формула документально засвидетельствована. Приведу весь пассаж целиком:

> «*Læppo læg ka kænuj, bairag bæx ka kænuj, oj! // Oj, oj, næ fændaggon, Wasgergi, // De wazæg; dæ raxez bazuri buni // Fud næmugæj bælcconi jefxæssæ, ğej! // Oj, oj, næ fændaggon, Wasgergi!* ‘Тот, кто делает из мальчика мужчину, а из жеребенка — коня, ой! Ой, ой, да будет, наш путник, Уасгерги // Под твои покровительством, под твоим правым крылом, // Спаси путника от злонравной пули, гей! // Ой, ой, наш покровитель путников, Уасгерги!’».

Формула неразрывно связана с образом путника, упоминаемого и в приведенном гимне, как *fændaggon* (от *fændag* ‘дорога, путь’), и в ряде других, в другом синонимичном варианте — «*bælccænttæ*» (ПНТО 1992: 39), производном от существительного *balc* ‘(военный) поход (за добычей)’ (Abayev 1958: 233–234).

Несмотря на свое христианское имя византийского происхождения — *Wastyrġi / Wasgergi*, приобретенное им, судя по всему, в средние века, сам персонаж, несомненно, восходит к глубокой архаике, поскольку обладает бесспорными чертами солярного героя (Abayev 1989: 55–57). Об этом, в частности, свидетельствуют другие его постоянные эпитеты, содержащие в своем составе прилагательное *syğzærīn* ‘золотой’, например, *suğzærijnæ bazurgin* ‘златокрылый’ (ПНТО 1992: 38–39). Связь с

солярным культом проявляется во временной приуроченности этого празднества, которое можно включить в целую группу обрядов, привязанных к летнему солнцестоянию.

Все же приведенное описание не будет полным без упоминания также и других обрядовых действий, обязательных к исполнению во время этого праздника, систематизированных В. С. Уарзиати (Uarziati 2007: 93–95). В особенности, свойственные ему элементы карнавала, когда молодежь квартала готовила себе маски и маскарадную одежду, состоявшую главным образом из вывернутых мехом наружу полушубков и безрукавок. Они с раннего утра обходили дома, в которых появились новорожденные с поздравлениями по этому радостному поводу и пожеланиями дальнейшего процветания. Обряд носил название *sojgænæn*. Также следует обратить внимание на использование особого ритуального крестовидного шеста, украшенного цветными лоскутками — *farny qīl*. Эпитет, используемый в отношении ритуального шеста, является по своей религиозной сути, согласно В. И. Абаеву, дериватом неба — солнца, воплощающем все благое, источником чего древние мылили небо: благодать, благополучие, преуспевание, благопристойность, мир, тишину (Abayev 1958: 421–422). Они пели песни в честь новорожденного и его родителей. Примечательно, что в числе подарков со стороны хозяев были и круги сыра, что вероятно, было связано с мифологической основой в семантике обряда.

5. Две иранские традиции

Если в плане идеологии не остается сомнений в тождественности осетинской и древнеперсидской формул, но их конкретная лексическая реализация нуждается в комментарии, без чего не может быть решен вопрос об общности их происхождения.

Словообразовательный анализ осетинской формулы *lægğyn æmæ bæxğyn* ‘(имеющий) мужей и коней’ показывает, что ее компоненты образованы путем прибавления к именным основам *læg-* ‘мужчина, муж’ и *bæx-* ‘конь’ суффикса *-ġyn*. Этот суффикс, как известно, указывает на содержание чего-либо или обладание чем-либо. Примерами этой словообразовательной модели могут служить прилагательное *bon-ġyn* ‘богатый’, т. е. имеющий богатство, или *us-ġyn* ‘женатый’, т. е., буквально, ‘имеющий жену’ (Abayev 1959: 116). Между тем компоненты

древнеперсидской формулы относятся, по-видимому, к типу санскритских *bahuvrīhi*. Эта точка зрения представляется предпочтительной вопреки С. Н. Соколову, рассматривающему существительные типа древнеперсидской основы **hu-kara-* ‘у кого хороший народ’ как префиксальные образования (Sokolov 1979: 447). См.: 1979: 247. В обоих случаях первая часть элементов формулы представлена основой существительного **hu(u)-* ‘нечто доброе, хорошее’. Вторая же часть в первом элементе — именная основа **aspa-* ‘конь’, а во втором компоненте формулы имеем основу **martiya-* ‘смертный, человек, мужчина’ (**hu(u)-* ‘wohl, gut, schön’, **aspa-* ‘Ross’, **martiya-* ‘Sterblicher, Mensch; Mann’ — Bartholomae 1904).

В этой связи необходимо заметить, что словосложения типа санскритских *bahuvrīhi* представлены и в осетинском языке (ср. словосложения *narægastæw* ‘(имеющий) узкую талию’, *ræstfændag* ‘(имеющий) прямой путь’), так что предпочтение суффиксальной словообразовательной модели следует объяснять, прежде всего, особенностями ее значения. Здесь на передний план выступает не столько качественная, сколько количественная характеристика, дополняя указание на обладание идеей его достаточности, обилия или даже избыточности. Поэтому различие словообразовательных моделей может быть связано с разностью масштабов или уровней, наблюдающихся между двумя традициями. У осетин этим уровнем является семья, а у персов — страна, так что там, где первые думают о том, чтобы обладать мужами и конями в достатке, последние могут себе позволить беспокойство о их достоинствах.

Выяснение этимологии компонентов рассматриваемых формул свидетельствует об их генетической разнородности. Обе лексемы, входящие в состав древнеперсидской формулы, хотя и сохранились в осетинском языке, претерпели при этом существенные изменения. Общеиранский корень **aspa-* ‘конь’, к которому восходит древнеперсидская лексема *aspa-*, в осетинском языке сузила свое значение. Осетинское *æfsæ / jæfs* означает не всякую лошадь, а только кобылу (Abayev 1958: 536). Другой общеиранский корень **mar-* ‘умирать’, к которому восходит древнеперсидская лексема *martiya-* ‘смертный, человек; мужчина’ (**mar-* ‘sterben’ — Bartholomae 1904), представлен в осетинском двумя залоговыми вариантами, ни один из которых не используется для обозначения человека. Исконное иранское слово для обозначения мужчины имело, согласно В. И. Абаеву, в староосетинском языке вид *manu-*, которое в форме *moj /*

mojnæ удержалось в более узком значении ‘муж, супруг’ (Abayev 1973: 21). Известно, что вместо общеиранских лексем, использованных в древнеперсидской формуле для обозначения лошади и человека, осетинский язык использует другие, а именно: *bæx* ‘лошадь’ и *læg* ‘мужчина’. К. Бартоломэ и В. И. Абаев указывают на то, что как древнеперсидская лексема *martiya*, так и осетинская *læg* могут использоваться и как имена собственные. В. И. Абаев пишет: «Если древнеосетинская зеленчукская надпись читается нами правильно, то уже в XII в. *læg* (как имя собственное) бытовало в осетинском: ‘Анабалана сын Лаг’» (Abayev 1973: 20). К. Бартоломе указывает на другой древнеперсидский пример: «I martiya Martiya nama ‘один человек по имени Мартия’» (Bartholomae 1904).

Таким образом, возможность этимологического совпадения компонентов древнеперсидской и осетинской формул даже теоретически должна быть исключена.

Последнее обстоятельство не может, на наш взгляд, ставить под сомнение тождественность общекультурного происхождения обеих формул. Дополнительным аргументом в пользу признания именно такой точки зрения, предполагающей, что лексическое варьирование не идет вразрез с тождественностью формулы самой себе, является возможность замены компонентов формулы и в древнеперсидском языке. В надписи Аршамы из Хамадана (AsH) читаем (Kent 1953: 116): «5. : θātiy : Aršāma : xšāyaiya : Au // 6. ramazdā : baga : vazraka : hya : maiš // 7. ta : bagānām : mām : xšāyaθiya // 8. m : akunauš : hauv : dahyāum : P // 9. ārsam : manā : frābara : tya : ukāram // 10. : uvaspam : ‘Говорит Аршама царь: Ахура Мазда, величайший из богов, меня царем сделал. Он мне страну Персию пожаловал, (наделенную) добрым народом и добрыми лошадьми’». В приведенном отрывке рассматриваемая нами формула имеет две особенности. Во-первых, в ней изменен порядок следования компонентов. Во-вторых, что существенно, первый компонент формулы содержит прежде не встречавшийся корень **kara-* ‘народ, вооруженный народ, войско’ (‘Volk, Kriegsvolk, Heer, Truppen’ по: Bartholomae 1904). Эта замена не только свидетельствует о допустимости лексического варьирования, но также позволяет сделать важное предположение. С социально-исторической точки зрения рассматриваемую формулу, по-видимому, можно трактовать как идиому, в которой под мужами и конями следует понимать конных воинов, т. е. всадников.

Вряд ли могут быть сомнения в том, что в приведенном обращении отношение к наличию мужей и коней является сакральным. Это обстоятельство, на наш взгляд, несомненно, сближает осетинскую традицию с древнеперсидской. Как видим, их сопоставление позволяет не только пролить дополнительный свет на смысл осетинской формулы *lægğyn æmæ bæxğyn*, но также и выявить схождения, обусловленные историко-культурным единством двух традиций.

6. Заключение

Проведенное исследование показало, что в осетинской поэтике могут быть надежно обнаружены рефлексы ИЕ меризма «мужи и скот», представленные общеиранским вариантом «мужи и кони». Подобная историческая устойчивость может объясняться тем, что данный меризм является одним из элементов мифов первотворения, представленных в осетинской традиционной обрядности, а именно празднике в честь новорожденных — *Kæxcgænæn*, название которого буквально означает ‘исполнение (ритуала) чаши’. В этом ритуале надежно представлена не только сама поэтическая формула, но и весь миф в развернутом виде. С точки зрения участвующих в нем персонажей можно говорить о Создателе, воплощающем в себе саму идею творения, Громовержце — знаменующем первый этап творения, когда изначальная влажная субстанция разделяется на воды небесные и воды земные, а также Солярном герое, выступающем в роли покровителя мужчин, воинов и путников.

Для грозового мифа оказываются значимы такие атрибуты обряда, как шест (*qīl*), символизирующий распорку между небом и землей, а также наделенного религиозно-мифологическим эпитетом (*farny*), то есть несущий с собой небесную благодать. В роли Мировой горы, изофункциональной шесту, может выступать и круг сыра, являющийся вознаграждением со стороны хозяев за поздравления. Свертывание молока и выпадение твердой творожной массы может символизировать образование в результате ферментации из молочного океана, как своего рода протоплазмы, земной суши. Сюда же можно отнести и такую особенность обряда как использование молодыми людьми вывернутых наизнанку шуб, соотносимых с образом хтонического чудовища, побеждаемого Громовержцем, и сопоставимых с древнегреческими кентаврами (арийскими гандхарвами). В этой связи важна и приуроченность обхода молодежью

домов с новорожденными мальчиками именно к утреннему времени, также отсылающему к восходу солнца, к солярному мифу.

Литература

Abayev, V. I. 1945: Nadpis Dariya I o sooruzhenii dvortsa v Suze [Inscription of Darius I on the construction of the palace in Susa]. In: *Iranskiye yazyki* [*Iranian languages*]. Moscow; Leningrad. Абаев, В. И. 1945: Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе. В сб.: *Иранские языки*. М.; Л.

Abayev, V. I. 1958: *Istoriko-etimologicheskiy slovar osetinskogo yazyka* [*Historical-etymological dictionary of Ossetian language*]. T. I. A-K'. Moscow; Leningrad. Абаев, В. И. 1958: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I. A-K'. М.; Л.

Abayev, V. I. 1959: *Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka* [*Grammatical outline of Ossetian language*]. Ordzhonikidze. Абаев, В. И. 1959: *Грамматический очерк осетинского языка*. Орджоникидзе.

Abayev, V. I. 1973: *Istoriko-etimologicheskiy slovar osetinskogo yazyka* [*Historical-etymological dictionary of Ossetian language*]. T. II. L-R. Lenungrad. Абаев, В. И. 1973: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. II. L-R. Л.

Abayev, V. I. 1989: *Istoriko-etimologicheskiy slovar osetinskogo yazyka* [*Historical-etymological dictionary of Ossetian language*]. T. IV, U-Z, Leningrad. Абаев, В. И. 1989: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. IV, U-Z, Л.

Abayev, V. I. 1990: Nartovskiy epos osetin [Ossetian Narts' epic]. In: *Izbrannyye trudy: Religiya, folklor, literature* [*Selected works: Religion, folklore, literature*]. Vladikavkaz, 142–242. Абаев, В. И. 1990: Нартовский эпос осетин. В сб.: *Избранные труды: Религия, фольклор, литература*. Владикавказ, 142–242.

Ældattaty V. 1990: Kækhtsgænæn [The festival of new-born boys]. *Makh dug* [*Our era*]. 1990. № 11, 122–124. Ælдаттаты, В. 1990: Кæхцгæнæн. *Мах дуг*. 1990. № 11, 122–124.

Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.

Boyce M. 2014: Ahura Mazda. In: *Encyclopædia Iranica*, I/7, 684–687 (URL: http://www.iranicaonline.org/articles/ahura-mazda).

Kardzhiaty, B. 1991: *Iron ægdæuttæ* [*Ossetian customs and traditions*]. Dzæudzhykhæu. Къарджиаты, Б. 1991: Ирон ægъдæуттæ. Дзæуджыхъæу.

Kent, R. 1953: Old Persian. Grammar, texts, lexicon. New Haven.

Mysykkaty, B. 2020: [Indo-European poetic formula "Unperishing fame" in Ossetian Narts' epic]. *Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History*, XV (1–2), 131–177. Мысыккаты, Б. 2020: Индоевропейская поэтическая формула «Немеркнущая слава» в осетинской Нартиаде. *Nartamongæ. The*

Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History, XV (1–2), 131–177.

Napolskikh, V. V 2008: [Kentaur ~ Gandkharva ~ Dragon ~ Bear: To the evolution of a mythological image of Northern Eurasia] *Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History*, V (1, 2), 43–63.

Напольских, В. В. 2008: Кентавр ~ Гандхарва ~ Дракон ~ Медведь: К эволюции одного мифологического образа в Северной Евразии. *Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History*, V (1–2), 43–63.

Pokorny, J. 1959: Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern; München.

Rayevskiy, D. S. 2018: [Scythian pantheon: semantics of its structure]. *Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History*, XIII (1–2), 37–52.

Раевский, Д. С. 2018: Скифский пантеон: семантика структуры. *Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History*, XIII (1–2), 37–52.

Rastorguyeva, V. S., Yedelman, Dzh. I. 2007: *Yetimologicheskiy slovar iranskikh yazykov* [*Etymological dictionary of the Iranian languages*].Vol. III. Moscow. Расторгуева, В. С., Эдельман, Дж. И. 2007: *Этимологический словарь иранских языков*. Т. III. М.

Sokolov, S. N. 1979: [Old Persian language]. In: *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskiye yazyki* [*The fundamentals of Iranian linguistics. Old Iranian languages*]. M., 234–271.

Соколов, С. Н. 1979: Древнеперсидский язык. В кн.: *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. М., 234–271.

Uarziati, V. S. 2007: [Ossetian Holiday world]. In: *Izbrannyye trudy: Yetnologiya, kulturologiya, semiotika* [*Selected works: Ethnology, cultural studies, semiotics*]. Vladikavkaz, 12–255. Уарзиати, В. С. 2007: Праздничный мир осетин. В кн.: *Избранные труды: Этнология, культурология, семиотика*. Владикавказ, 12–255.

Vasilkov, Ya. V. 2014: Kalvert Uotkins (13.03.1933–20.03.2013). *Antropologicheskiy forum* [*Anthropological forum*] 21, 375–380. Васильков, Я. В. 2014: Калверт Уоткинс (13.03.1933–20.03.2013). *Антропологический форум*, 21, 375–380.

Watkins, C. 1995: *How to kill a dragon. Aspects of Indo-European Poetics*. New York, Oxford.

Источники

PNTO 1992 — P*amyatniki narodnogo tvorchestva osetin [Monuments of Ossetian Folklore]. T. I. Trudovaya i obryadovaya poyeziya* [*Labour and Ritual Poetry*]. Vladikavkaz / Dzæudzhykhæu. ПНТО 1992 — *Памятники народного творчества осетин*. Т. I. *Трудовая и обрядовая поэзия*. Владикавказ / Дзæуджыхъæу.

DOI: 10.30842/ielc230690152565

А. В. Сафронов, К. Ф. Карлова
(Институт востоковедения РАН)

НУБИЙСКИЙ ПОХОД ПТОЛЕМЕЯ ЛАГА

Статья посвящена локализации похода Птолемея в область , упомянутого в строке 6 «Стелы сатрапа». Авторы рассматривают предыдущие попытки определить местоположение этого географического определения и приходят к выводу, что ни одна из них не аргументирована убедительно. Они полагают, что наиболее близким «Стеле сатрапа» иероглифическим написанием является нубийский топоним *ꜣrꜣmj* на постаменте статуи Тахарки CGC 770. По мнению авторов, в «Стеле сатрапа» произошла графическая транспозиция знаков и . Полученное название трактуется как образованный от топонима этноним *ꜣrꜣmj.w*. Он сопоставляется с племенем *ꜣrm.w*, который упоминается в Напатских иероглифиских надписях, а также с Arame мероитских надписей. Фрагмент строки 6 «Стелы сатрапа», таким образом, предоставляет уникальное свидетельство похода войск Птолемея Лага в Нубию, не зафиксированное античными авторами.

Ключевые слова: Нубия, Птолемей, «Стела сатрапа», статуя Тахарки.

A. V. Safronov, K. F. Karlova
(Institute of Oriental Studies, RAS)

The Nubian Expedition of Ptolemy, son of Lagos

The study tries to locate Ptolemy's campaign to , mentioned in line 6 of the Satrap Stela. None of the previous attempts to do that appears convincing. In our view, the closest match to the name is the toponym , *ꜣrꜣmj*, attested on the base of Pharaoh Taharqa's statue (CGC 770). It seems that the graphic transposition of signs and took place. Hence the name on the Satrap Stela could be a tribe-name *ꜣrꜣmj.w,* comparable with *ꜣrm.w* in Napatian hieroglyphic inscriptions and *Arame* in Meroitic inscriptions. The fragment in line 6, then, provides a unique information on the military expedition of Ptolemy, Lagos' son, to Nubia, an event that was not recorded by classical authors.

Keywords: Nubia, Ptolemy, Satrap Stela, statue of Taharqa

Античные авторы, подробно описывающие военные кампании Птолемея Лага в Киренаике, на Кипре, в Анатолии и Леванте, не сохранили никаких сведений о его походах в Нубию. Согласно свидетельству Диодора (Diod. I.37.5), до экспедиции Птолемея II Филадельфа (285–246 гг. до н.э.) эллины вообще не добирались до границы Египта с Эфиопией. Эти сведения стали фундаментом для широко распространенной в историографии точки зрения, согласно которой войска основателя династии Лагидов никогда не проникали за первые пороги Нила (Huss 2001: 103–104; Worthington 2016: 125).

Однако сообщение Диодора едва ли заслуживает безоговорочного доверия. Не говоря уже об упоминании Гомером странствий Менелая среди эфиопов (Hom. *Od.* IV. 84), нам прекрасно известно, что греческие наемники участвовали в походе Псамметиха II в 593 г. до н. э. в Нубию, где оставили надписи на колоссах Рамсеса II в Абу Симбеле (Kienitz 1953: 128; Burstein 2014: 574). Арриан сообщает об отправке Александром, сыном Филиппа пленных хиосцев под охраной македонского отряда на Элефантину, т. е. на границу с Нубией (Arrian, *Anab. Alex.* 3.2.7), и едва ли можно предположить, что эллины не были осведомлены в его правление о ближайшем, южном соседе Египта[1]. Судя по сохранившимся греческим папирусам, греко-македонское население присутствовало на Элефантине и при Птолемее Лаге (Burton 1972: 138). Например, сохранился греческий брачный контакт pEleph. 1, который датируется 310 г. до н. э. и упоминает Птолемея еще как сатрапа (Huß 2001: 224, Anm. 2; Thompson 2018: 7, n. 4). Находка посвятительной жертвенной чаши с иероглифической надписью Птолемея I в храме Хнума на Элефантине также косвенно подтверждает присутствие греков на границах с Нубией уже в его правление (PM V: 227, Schäfer, Andrae 1925: 460). Поэтому высказывавшиеся сомнения о достоверности вышеупомянутого сообщения Диодора вполне обоснованы (Burton 1972: 138; Burstein 1976: 141–142; Burstein 2014: 574).

В связи с противоречивыми сведениями античных авторов относительно южной экспансии Птолемея Лага мы хотели бы

---

*Авторы признательны И. В. Богданову и Д. О. Сычеву, которые любезно оказали помощь в получении недоступной им статьи С. Бёрстейна (Burstein 2014).

[1] О возможной экспедиции в Нубию при Александре см.: Burstein 1976: 135–146.

вновь обратиться к тексту знаменитой «Стелы сатрапа». Она датируется 311 г. до н. э. и содержит помимо прочего информацию о его походах как еще наместника Египта. В строках 4–6 говорится о военной кампании Птолемея в сиро-палестинском регионе (Schäfer 2011: 98) (рис. 1): *(4)... stwt.n=f ḥꜣ.w-nb.wt ꜥšꜣ(.w) ḥnꜥ (5) smsm(.t)=sn kbn(.wt) ꜥšꜣ.(wt) ḥnꜥ mšꜥ=sn šm pw jr.n=f ḥnꜥ mšꜥ=f r pꜣ tꜣ <n> nꜣ Ḫꜣrw.(j)w wn=sn ḥr ꜥḥꜣ ḥnꜥ=f ꜥḳ=f m-<ḫ>nw=sn jb=f sḫm mj ḏr.t m-ḫt šfn.w jṯ=f sn m sp wꜥ jn.n=f wr.w=sn (6) smsm(.t)=sn kbn(.t)=sn bjꜣ.w=sn nb(.w) r Bꜣḳ.t* «(4) ... Он собрал многочисленных греков и (5) их конницу, многочисленные боевые корабли вместе с их экипажами[2] и отправился со своей армией в землю сирийцев[3]. Они сразились с ним[4]. Он вошел в их гущу, и его сердце было мощным подобно (сердцу) сокола, (который) позади птах. Он мгновенно захватил их и забрал всех их предводителей, их конницу, их корабли и их ценности[5] в Египет».

---

[2] Лексема *mšꜥ* означает здесь не войско как таковое, но людей с соответствующей флотской профессиональной подготовкой, т. е. экипажи кораблей, матросов. Видимо, для обозначения определенной профессиональной группы данное слово встречается уже в Лейденской стеле Среднего царства, где упоминаются носители титула *jm.j-rꜥ mšꜥ n ḫr.tjw-nṯr* «начальник людей из работников некрополя» (Boeser 1909: 13, № 50, Tf. 38). Ср. с мнением Е. С. Богословского, переводившего этот титул как «управитель войска некропольщиков» и связывавшего последних с воинством (Богословский 1976: 90–91).

[3] Мы полагаем, что в словосочетании *r pꜣ tꜣ <n> nꜣ Ḫꜣrw.(j)w* «в землю сирийцев» показатель косвенного генитива *n* не выписан в соответствии с известной практикой отказа от повторения одинаковых консонантов в смежной позиции (Gardiner 2007: 52–53, §62). Множественное число *Ḫꜣrw.(j)w* указывает, что перед нами – этноним, а не топоним.

[4] Перевод фрагмента *wn=sn ḥr ꜥḥꜣ ḥnꜥ=f* как «... /поскольку/ они были в войне с ним» (Ладынин 2017: 315–316) показывает неосведомленность его автора относительно распространенной в египетском языке нарративной глагольной конструкции *wn=f ḥr sḏm* (см., например, Kroeber 1970: 127) (прим. А. С.).

[5] Дословное значение лексемы *bjꜣ.w* — «диковины, удивительные вещи» (Wb I: 440; Hannig 2006: 263). В данном контексте, видимо, имеются в виду ценные трофеи.

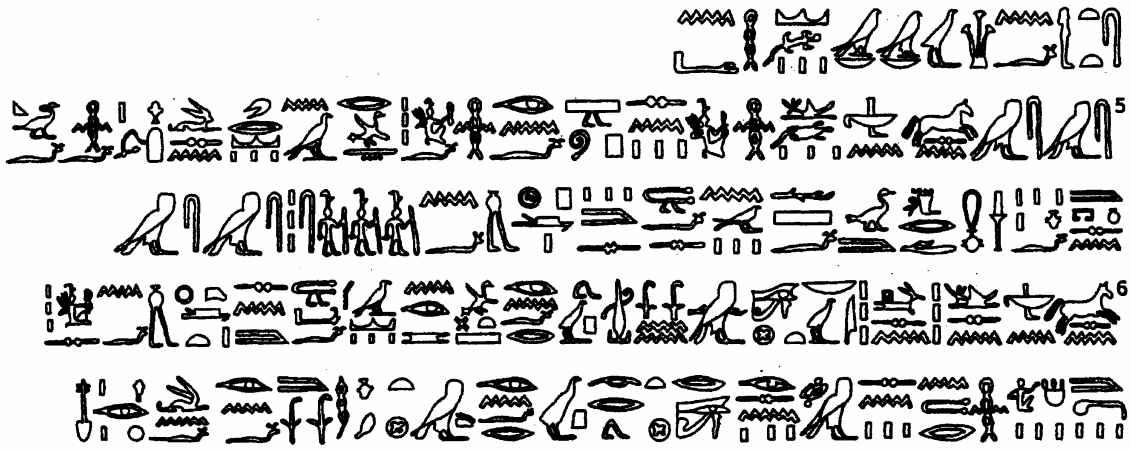

Рис. 1. Строки 4–6 «Стелы сатрапа». По: Schäfer 2011: 98.

Упомянутый в «Стеле сатрапа» поход «в землю сирийцев» сопоставляется исследователями с кампанией Птолемея Лага в Леванте в ходе его борьбы с сыном Антигона Деметрием в 312–311 гг. до н.э. В рамках темы нашей статьи не имеет смысла подробно останавливаться на вопросе, с каким конкретно этапом сирийской кампании Птолемея связано упоминание «Стелы сатрапа» — его битвой с армией Деметрия при Газе осенью 312 г. до н. э. или осадой Птолемеем сиро-палестинских городов перед возвращением в Египет в начале 311 г. до н. э. (Goedicke 1985: 33–34; Schäfer 2011: 117–118).

Для нашего исследования гораздо более интересными являются сведения строки 6 о последующем походе Птолемея, произошедшем после его возвращения из Леванта в Египет. Текст гласит (Schäfer 2011: 98) (рис. 1): *(6) m-ḫt nn wḏ3 pw jr.n=f r p3 tš n 3r3mj.w jṯ=f sn m 3.t wʿ.t jn.n=f mšʿ=s<n> m ṯ3j.w ḥm.wt ḥnʿ n.t(j) (j)r(.j)=sn m jsw jr=sn r B3k.t spr pw jr.n=f r Km.t jb=f nḏm m nn jr.n=f wnn=f ḥr jr(.t) hrw nfr «(6)...* После этого он отправился в область[6] Арамиу. Он мгновенно захватил их и забрал их людей – мужчин и женщин[7] с их имуществом[8] за то,

[6] См. значение *tš* как «область»: CDD: T (12:1), 296–30.

[7] Лексема *mšʿ* здесь также имеет семантику «люди», ср. демот. *mšʿ n Mn-nfr* «люди Мемфиса» (CDD: M (10:1), 249), копт. ⲙⲛⲛϣⲉ «толпа» (Černý 1976: 96). Согласно устному сообщению И.В. Богданова, самые ранние иероглифические надписи I тыс. до н. э., фиксирующие слово *mšʿ* в значении «люди», относятся к XXVI династии (надпись Падиисета: el-Sawi, Gomaa 1993: 65.4), затем – к концу 5 в. до н. э. (надпись нубийского правителя Арикаманиноте в Каве: Laming Macadam 1949: Pl. 24.71). Фрагмент строки 71 надписи из Кавы практически полностью совпадает со строкой 6 «Стелы сатрапа» – *ʿḥʿ.n Ḥm=f* (*ḥr*) *jn*[(*.t*)...]

что они сделали Египту. Он прибыл в Кемет. Сердце его ликовало из-за того, что он сделал. Он отпраздновал триумф[9]».

Проблема прочтения лексемы в строке 6, как и локализация этого географического определения, породили длительную дискуссию, не закончившуюся до сих пор. Ряд исследователей полагал, что это слово следует транслитерировать как *Jrm* и трактовать его либо как известный топоним Ирем в Нубии ( ), либо как образованный от него этноним (Struve 1928: 199–200, Anm. 2; Kaplony 1971: 257, Ann. 1; Priese 1974: 27; Zibelius-Chen 1994: 415; Ritner 2003: 393; Burstein 2014: 574–575). В предполагаемом походе Птолемея Лага сторонники этой гипотезы усматривали свидетельство экспансии македонян, стремящихся поставить под свой контроль Нубию и получить доступ к месторождениям золота через Вади Аллаки (Zibelius-Chen 1994: 415). Однако недостаток данного предположения очевиден: ее сторонникам приходится прибегать к допущению, что в слове «Стелы сатрапа» знак соответствует либо графеме *m*, которая представлена в нубийском топониме Ирем (Zibelius 1972: 84–85; Zibelius-Chen 1994: 415; Cooper 2020: 280), либо показателю нисбы множественного

---

mšʿ m ṯ3j.w ḥm.wt «Затем Его Величество привел людей, мужчин и женщин...». Однако схожее по структуре словосочетание с другим антецедентом фиксируется, как мы полагаем, уже в Новом Царстве. В надписи Мернептаха встречается словосочетание *p3 t3 n Rbw m ṯ3j.w ḥm.wt Škrš.w* «(Ливийский правитель собрал) Ливию — мужчин, женщин, шакалуша» (KRI IV: 38.3). О предлоге *m*, вводящем пояснение к антецеденту в надписях Рамсеса III см.: Сафронов 2019: 941–942.

[8] Мы придерживаемся мнения, что графемы в строке 6 следует понимать как словосочетание *n.t(j) (j)r(.j)=sn* «с их имуществом (букв. (с) тем, что им принадлежало»)». Чередование фонем *ṯ* и *t* в относительном прилагательном *n.ṯj* зафиксировано птолемеевскими надписями даже в рамках одного текста (Sethe 1904: 37. 13 и 41. 15,17). Альтернативную гипотезу о передаче в строке 6 фразы *nṯr=sn* «(с) их богами» чисто фонетическим способом см.: Winter 1987: 70; это предположение, однако, не кажется нам убедительно аргументированным.

[9] Словосочетание *jrj hrw nfr* «отмечать праздник» (Hannig 2006: 528) здесь, вероятно, указывает на торжества по случаю победы Птолемея.

числа *tjw* (Struve 1928: 199–200, Anm. 2; Priese 1974: 27)[10]. Собственно, в историографии уже указывалось на «аххилесову пяту» данной аргументации (Klinkott, Kubisch 2005: 539).

В 1871 году Г. Бругш предложил транслитерировать упоминаемый в «Стеле сатрапа» топоним как «Mer-mer-ti», сославшись на то, что знак в анлауте вышеупомянутого географического определения может иметь фонетическое значение *mr* (Brugsch 1871: 13)[11]. Полученный топоним он предлагал соотносить с Мармарикой, а поход Птолемея – с его известной из античных источников экспедицией против Кирены в Ливии (Brugsch 1871: 3, 13). Позже немецкий исследователь отказался от своей гипотезы, предпочитая транслитерировать лексему «Стелы сатрапа» как «Ma-r-ma/Ma-l-ma», «копт. Βαλ-μ-ω» и видеть в ней обозначение нубийского полукочевого племени блеммиев (Brugsch 1882: 47)[12]. По иронии судьбы гипотеза Г. Бругша, от которой он сам отказался еще в 1882 году, получила вторую жизнь в последующих научных трудах без дополнительного обоснования, и до сих пор продолжает упоминаться в историографии как действующая (Bevan 1927: 30; Sethe 1904: 2.15; Spalinger 1974: 214; Kaplony-Heckel 1982–1985: 615; Schäfer 2011: 108, 124)[13].

---

[10] К.-Х. Призе, транслитерируя этот этноним как *ꜣrm.tjw*, хоть и связывал его с топонимом Ирем, однако полагал, что это название является общим обозначением племен, живших в долине Нила к югу от Египта, аналогом греческих эфиопов (Priese 1974: 27).

[11] В знаке в ауслауте топонима «Стелы сатрапа» Г. Бругш, видимо, видел показатель нисбы множественного числа *tjw* (Brugsch 1871: 13).

[12] Г. Бругш также полагал, что в более ранних египетских источниках стране блеммиев соответствует нубийский топоним *Jrm* (Brugsch 1882: 47). Другими словами, его поздняя точка зрения фактически совпадает с мнением исследователей, которые выступали за локализацию кампании Птолемея Лага в Нубии.

[13] В отечественной египтологии сторонником гипотезы Г. Бругша о сопоставлении рассматриваемого топонима «Стелы сатрапа» с Мармарикой до сих пор является И. А. Ладынин. В 2018 году, не подозревая, что немецкий исследователь отказался от своей гипотезы еще 136 лет назад, он охарактеризовал ее как «наиболее состоятельную

Ряд исследователей полагал, что второй поход Птолемея Лага также, как и первый, проходил в Азии. На роль противников, упомянутых в строке 6 «Стелы сатрапа», предлагались арамеи (*Jrmꜣ.w*) (Goedicke 1985: 34; Schäfer 2011: 99, 130–131), евреи (Recklinghausen 2005: 150; Schäfer 2011: 131), арабы районов залива Акаба Красного моря (Giveon 1971:181)[14], жители приморских номов Нижнего Египта (Bianchi 1984: 492)[15]. Особняком стоит предположение Х. Клинкотта и С. Кубиш, которые, опираясь на весьма субъективное прочтение топонима «Стелы сатрапа» как «Jlj-mr-a», сопоставляли его с городом

исторически и наименее противоречивую», заключив, что «мнение Х. Бругша об отражении в нем (в тексте «Стелы сатрапа – АС.) подавления киренского восстания никоим образом нельзя считать сданным в архив» (Ладынин 2018: 208). Наверное, об этом недоразумении можно было бы и не упоминать, если бы не одно «но». И.А. Ладынин сослался на статью В. В. Струве «Zur Geschichte Ägyptens der Spätzeit» 1928 года и приписал последнему создание гипотезы о тождестве названия «Стелы сатрапа» и нубийского топонима *Jrm*. Будучи противником данного сопоставления, он нелестно охарактеризовал В. В. Струве как исследователя, «в своих ранних египтологических штудиях тяготевшего к нетрадиционным и далеко не всегда оправданным интерпретациям» (Ладынин 2018: 204–205). Однако столь безапелляционная оценка выглядит удручающе и комично одновременно. В. В. Струве, который был знаком с поздней гипотезой Г. Бругша о локализации топонима «Стелы сатрапа» в Нубии, лишь присоединился к ней, о чем и упомянул в своей статье (Struve 1928: 199–200, Anm. 2). И. А. Ладынин, сославшийся на те же страницы статьи В. В. Струве, по понятной причине этого не заметил. О том, что В. В. Струве следовал поздней гипотезе Г. Бругша, пишет и К.-Х. Призе (ср. «Jhm folgt noch Struve»: Priese 1974: 14), сноски на которого имеются в работе И. А. Ладынина. Однако и эту статью И. А. Ладынин не читал (прим. А. С.).

[14] Р. Гивеон сравнил название «Стелы сатрапа» с этнонимом *Jrtjw*, который упоминается в перечне варварских племен времени правления Тиберия в храме Исиды на острове Филе. Этот народ он сопоставил с арабами и уверенно соотнес с рассматриваемым локалитетом «Стелы сатрапа» (Giveon 1981:180–181). Тем не менее, это сопоставление представляется не подкрепленным ни одним реальным аргументом.

[15] К сожалению, эта точка зрения является констатацией факта и никак не аргументирована.

Лимира в Ликии и видели в этой кампании свидетельство противостояния Птолемея Лага с Деметрием в юго-западной Малой Азии (Klinkott, Kubisch 2005: 556–558). Наконец, существует еще одна точка зрения, устно высказанная Х.-Й. Тиссеном (Winnicki 1991: 171, Ann. 74)[16] и в дальнейшем развитая К. В. Кузьминым (Кузьмин 2016: 13–14). Согласно этому предположению, топоним «Стелы сатрапа» следует сопоставлять с названием сирийского государства Амурру[17].

К сожалению, все предположения об отождествлении слова «Стелы сатрапа» с каким-либо из азиатских мест основаны на недостаточно, а порой и вовсе фантастически аргументированных предположениях о его возможной фонетике. Не лучше обстоит дело и с ненадежным соотнесением названия строки 6 «Стелы сатрапа» с арамеями или евреями, в основном базирующемся на «историческом» сопоставлении со свидетельством знаменитого «Письма Аристея» о депортации евреев в Египет в правление Птолемея I (Goedicke 1985: 34–35; Recklinghausen 2005: 152–153).

В связи с предполагаемой локализацией похода Птолемея в Азии чрезвычайно полезное замечание сделал, как ни странно, не египтолог, но специалист по эллинизму С. Бёрстейн. Он указал, что попытки поместить второй поход Птолемея Лага в любом другом месте, кроме Нубии, фактически противоречат композиции самой «Стелы сатрапа». Несмотря на упоминание Александра II (IV), фактическим правителем Египта жрецы, создавшие «Стелу сатрапа», считали именно Птолемея. В отличие от античных авторов в их задачу не входило детальное описание важнейших походов его правления. Цель создателей текста стелы, видимо, состояла в том, чтобы изобразить македонского наместника как египетского правителя, исполняю-

[16] Я. К. Виницкий (Winnicki 1991: 171, Ann. 74) лишь ссылается на устное сообщение Х.-Й. Тиссена от декабря 1986 года, не раскрывая его аргументацию о соответствии топонима «Стелы сатрапа» Амурру. См. упоминание этого географического термина в демотических текстах: CDD: ʾI (11:1), 139.

[17] Комментировать лингвистические «аргументы» К. В. Кузьмина (Кузьмин 2016: 11–13) в пользу сопоставления названия в строке 6 «Стелы сатрапа» с Амурру не представляется возможным с позиции академических представлений о египетской фонетике.

щего свои фундаментальные обязанности, которые состояли в успешной защите Египта от традиционных северных и южных врагов – сирийцев и нубийцев[18] (Burstein 2014: 574). Это остроумное замечание уже заставляет с сомнением отнестись к локализации упомянутого в «Стеле сатрапа» второго похода Птолемея в Азию и вновь обратиться к южному направлению[19].

Как было сказано выше, сторонники сопоставления нубийского топонима *Jrm* и локалитета «Стелы сатрапа», несмотря на их кажущееся графическое сходство, вынуждены прибегать к допущению о замене знака на графему , что можно легко подвергнуть критике. Однако, как считают авторы данной статьи, среди нубийской топонимики есть страна, которую можно сопоставить с названием строки 6 «Стелы сатрапа», не прибегая к упомянутым выше произвольным реконструкциям. Речь идет о постаменте статуи CGC 770 (JE 2096) нубийского фараона Тахарки (690–664 гг. до н. э.), найденной в Карнакском храме в 1858 году (Borchardt 1930: 81–82; Mariette-bey 1875: Pl. 45 a, 2). Слева и справа от центра постамента имеются по 14 стереотипных изображений пленников со связанными за спиной руками. Нижняя часть фигур заменена эллипсами, куда вписаны названия чужеземных стран — азиатских, ливийских и нубийских. Перед азиатскими и ливийскими топонимами стоит название *Sng3*(*r*), вариант написания Вавилона (Gauthier 1928: 6), которое как бы символизирует все западные и северо-восточные от Египта земли. Нубийские же территории объединены под «шапкой»

[18] В pBremner-Rhind, который фиктивно датируется 12 годом правления Александра II (IV) (311 г. до н. э.), т. е. как раз временем создания «Стелы сатрапа», в качестве основных врагов Египта традиционно упоминаются жители Нубии и Сирии (Faulkner 1933: 32–33.1, 34.8–9).

[19] Тот факт, что античные авторы ничего не говорят о походе в Нубию при Птолемее Лаге, не имеет никакого значения. Это могла быть локальная приграничная экспедиция, возможно, не возглавляемая македонским наместником лично и не имевшая никакого стратегического значения в войнах диадохов, интересовавших античных авторов прежде всего. Для египетских же жрецов успешные походы в Сирию и Нубию могли представляться символом возрождения центральной власти.

Jrm «Ирем» (Borchardt 1930: 82; Jansen-Winkeln 2009: 112, № 44). Как можно видеть на рис. 2, третьим в списке нубийских стран упоминается топоним *ꜣrꜣmj*. К. Цибелиус полагала, что это — вариант написания страны *Jrm* «Ирем» (Zibelius 1972: 84–85). Однако в этом случае непонятно, зачем дублировать одно и то же название в расположенных друг за другом топонимах.

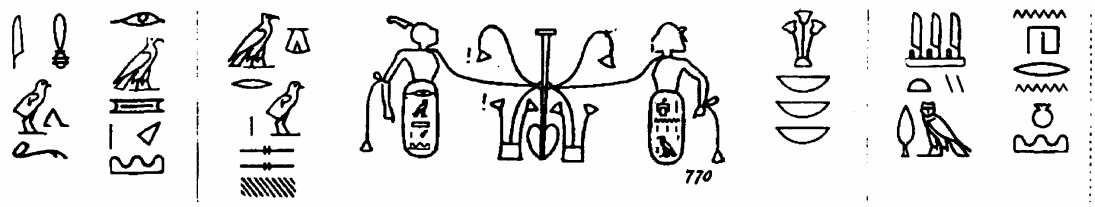

Рис. 2. Фрагмент постамента статуи Тахарки (CGC 770) с топонимом . По: Borchardt 1930: 82.

Мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что топоним *ꜣrꜣmj* полностью совпадает по знакам с написанием названия в строке 6 «Стелы сатрапа» за исключением положения графемы . Однако подобная транспозиция знаков в строке 6 «Стелы сатрапа» достаточно распространена при иероглифической передаче географических названий. В качестве показательных примеров мы можем привести транспозицию в нубийском топониме Иам — и , или в названии египетской крепости Бухен в Нубии — и (Zibelius 1972: 78, 109). Перестановку знака в строке 6 «Стелы сатрапа» можно спокойно объяснить эстетическими предпочтениями создателей текста. Если посмотреть на фотографию этого фрагмента стелы (Schäfer 2011: 317, Tf, 3) (рис. 3), то можно увидеть, что в словосочетании «(в) страну Арамиу» помещение знака после графемы , как на постаменте статуи Тахарки, неизбежно приведет к уменьшению его размера. Вероятно, резчики хотели избежать подобной диспропорции и прибегли к транспозиции знаков и .

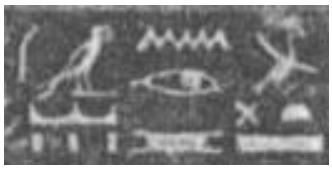

Рис. 3.Словосочетание *pꜣ tš n ꜣrꜣmj.w*. Строка 6 «Стелы сатрапа». По: Kamal 1904: pl. 56.

В заключение хотелось бы кратко остановиться на прочтении и идентификации локалитета строки 6 «Стелы сатрапа». Следует подчеркнуть, что речь явно идет об этнониме *ꜣrꜣmj.w*, который образован от топонима *ꜣrꜣmj*. Не могут стать препятствием для этого предположения и детерминативы, использованные в «Стеле сатрапа» вместо традиционных знаков после фонетического значения этнонима. Подобные случаи неоднократно зафиксированы надписями, например, в именах «народов моря» *Tkr.w, Šrdn.w* и *Trš.w* (KRI V: 104: 9–11) или названиях ливийских племен *Spd.w* и *Mšwš.w* (KRI V: 14: 16–15, 1). В пользу этнонима свидетельствует и идентичный фрагмент в строке 5 «Стелы сатрапа», где в словосочетание *r pꜣ tꜣ <n> nꜣ Ḫꜣrw.(j)w* «в землю сирийцев» присутствует этноним, а не топоним.

Наше прочтения этнонима как «Арамиу» основывается на том, что графема могла заменяться в географических названиях графемами [20], которые в силлабическом письме передавали фонему *ꜣ* (Albright 1934: 33–34; Hoch 1994: 506). Знак, предположительно, имеет здесь фонетическое значение *mj* (Kurth 2007: 324). Соответственно, с учетом упоминавшийся выше транспозиции знака весь этноним транслитерируется авторами как *ꜣrꜣmj.w* «Арамиу». Предложенная фонетика данного этнонима находит любопытные созвучия в ономастике Нубии и сопредельных территорий. Так, в надписях напатских царей упоминается племя *ꜣrm.w*, нападавшее на их владения. В мероитских текстах оно

[20] Показательный пример такой замены встречается в названии малоазийской Арцавы, ср.: (KRI V: 16) и (KRI I: 28.7–8). См. также: Priese 1974: 29.

засвидетельствовано как Arame (Leclant, Yoyotte 1952: 33, n. 5). Птолемей в «Географии» сообщает о кочевом племени ’Αρμεῖοι на границе Ливии и Нубии (Ptol. *Geog*. IV. 6. 21). Кроме того, известно, что часть когда-то царского племени Мима, проживавшего в Дарфуре в Судане, еще в новое время, носило название Арми (Arkell 1974: 90, 107). Мы, естественно, не настаиваем, что именно с каким-то из этих наименований нужно сопоставлять этноним строки 6 «Стелы сатрапа»[21]. Однако факт наличия созвучной ономастики в районах Нубии и прилегающих территорий сам по себе красноречив.

Таким образом, наше предположение о походе войск Птолемея Лага в область Арамиу в Нубии выгодно отличается от рассмотренных выше гипотез, так как не прибегает к спекулятивным предположениям, базирующимся на произвольных реконструкциях гипотетического звучания этнонима в строке 6 «Стелы сатрапа», а исходит из базовых фонетических значений и имеющихся в тексте графем. Если эта гипотеза верна, то у нас появляется уникальное свидетельство похода войск Птолемея Лага в Нубию, которое не зафиксировано античными авторами.

Сокращения

CDD — The Demotic Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago.
URL: https://oi.uchicago.edu/research/publications/demotic-dictionary-oriental-institute-university-chicago (дата обращения: 12.04.2021).

KRI — Kitchen K. A. *Ramesside Inscriptions, Historical and Biographical*. Oxford. Volume I (1975), IV (1982), V (1983).

PM — Porter, B., Moss, R. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings. Volume 5: Upper Egypt: Sites. Oxford, 1962.

Wb. — Erman A., Grapow H. (Hrsg.) *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Berlin, 1971. Bd. 1.

[21] Упомянутое уже сопоставление этнонима строки 6 «Стелы сатрапа» с блеммиями, обитателями Восточной пустыни, выглядит не менее интересно (Кацнельсон 1970: 202), если учитывать исторический контекст, а именно их регулярные, в том числе, и военные контакты с Египтом.

Литература

Albright, W. F. 1934: *The Vocalization of the Egyptian Syllabic Orthography*. New Haven.

Arkell, A. J. 1974: *A History of the Sudan*. Westport.

Bevan, E. 1927: *A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty*. London.

Bianchi, R. S. 1984: Satrapenstele. In: Helck W., Westendorf W. (Hrsg.). *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. 5. Wiesbaden. 492–493.

Boeser, P. A. A. 1909: *Beschreibung der aegyptischen Sammlung des niederländischen Reichsmuseums der Altertümer in Leiden: Die Denkmäler der Zeit zwischen dem Alten und Mittleren Reich und des Mittleren Reiches*. Abteilung 1: Stelen. Haag.

Bogoslovsky, E. S. 1976: [The Military and the Artists in Egypt of 14 – 10 centuries BC] In: T*utankhamon and his Age*. Moscow, 80–95. Богословский Е.С. Военные и художники в Египте XIV–X вв. до н. э. В сб.: *Тутанхамон и его время*. М., 80–95. Borchardt, L. 1930: Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten. Teil 3 (=Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musee du Caire, N°s 1 – 1294). Berlin.

Brugsch, H. 1871: Ein Dekret Ptolemaios' des Sohnes Lagi, des Satrapes. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 9, 1–13.

Brugsch, H. 1882: Die altägyptische Völkertafel. In: *Verhandlungen des fünften internationalen Orientalisten-Congresses, gehalten zu Berlin im September 1881. Zweiter Theil: Abhandlungen und Vorträge. 1. (Africanische Section)*. Berlin: A. Asher & Co, 25–79.

Burstein, S. M. 1976: Alexander, Callisthenes and the Source of the Nile. *Greek, Roman and Byzantine Studies*.17 (2), 135–146.

Burstein, S. M. 2014: The Satrap Stela and the Struggle for Lower Nubia. In: Anderson J. R., Welsby D. A. (eds.) *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies*. Leuven – Paris – Walpole, MA: Peeters. 573–576.

Burton, A. 1972: *Diodorus Siculus, Book I. A Commentary*. Leiden.

Černý, J. 1976: Coptic Etymological Dictionary. Cambridge.

Cooper, J. Ch. 2020: Toponymy on the Periphery. *Placenames of the Eastern Desert, Red Sea, and South Sinai in Egyptian Documents from the Early Dynastic until the End of the New Kingdom.* Leiden–Boston.

el-Sawi, A., Gomaa, F. 1993: Das Grab des Panehsi, Gottesvaters von Heliopolis in Matariya. Wiesbaden.

Faulkner, R. O. 1933: *The Papyrus Bremner-Rhind (British Museum No. 10188)*. Bruxelles.

Gardiner, A. H. 2007: *Egyptian Grammar.* Third edition. Oxford: Griffith Institute.

Gauthier, H. 1928: *Dictionnaire des nomes géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques.* T. 5. Le Caire.

Giveon, R. 1971: *Les Bédouins Shosou des documents égyptiens*. Leiden.

Goedicke, H. 1985: Comments on the Satrap Stela. *Bulletin of the Egyptological Seminar*. 6, 33–54.

Hannig, R. 2006: *Großes Handwörterbuch Ägyptisch – Deutsch (2800 – 950 v. Chr.)*. Mainz.

Hoch, J. E. 1994*: Semitic Words in Egyptian Texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period*. Princeton.

Huß, W. 2001: *Ägypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v.Chr.* München.

Jansen-Winkeln, K. 2009: Inschriften der Spätzeit. Teil III: Die 25. Dynastie. Wiesbaden.

Kamal, A. 1904: *Stèles ptolemaïques et romaines. Tome II. Planches (*=Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musee du Caire*, 21: N°s 22001 – 22208*). Le Caire.

Kaplony-Heckel, U. 1982–1985: Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter zugunsten der Götter von Buto (Satrapenstele), 311 v. Chr. In: Borger R. et al. (Hrsg.) *Texte aus der Umwelt des Alten Testaments. Band I: Rechts- und Wirtschaftsurkunden. Historisch-chronologische Texte.* Gütersloh. 613–619.

Kaplony, P. 1971: Bemerkungen zum ägyptischen Königtum, vor allem in der Spätzeit. *Chronique d'Égypte*. 46(91). 250–274.

Katznelson, I. S. 1970: Napata i Meroe – drevniye tsarstva Sudana [Napata and Meroe – Ancient Kingdoms of Sudan]. Moscow.
Кацнельсон, И. С. 1970: Напата и Мероэ – древние царства Судана. М.

Kienitz, Fr. K. 1953: *Die politische Geschichte Ägyptens von 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende*. Berlin.

Klinkott, H., Kubisch, S. 2005: Ein lykischer Polisname in der Satrapenstele Ptolemaios' I. *Chiron*. 35, 533–558.

Kroeber, B. 1970: *Die Neuägyptizismen vor der Amarnazeit. Studien zur Entwicklung der ägyptischen Sprache vom Mittleren zum Neuen Reich*. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades, Eberhard-Karls-Universität. Tübingen.

Kurth, D. 2007: *Einführung ins Ptolemäische. Teil I.* Hützel.

Kuzmin, K. V. 2016: [The Problem of Interpretation of the Toponym Ir-mr in the Satrap Stele] Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2, 5–17.
Кузьмин, К. В. 2016: К вопросу о чтении топонима Ir-mr-a в «Стеле сатрапа». *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2, 5–17.

Mariette-bey, A. 1875: Karnak. Etude topographique et archéologique. Planches. Leipzig.

Ladynin, I. A. 2017: *Nachalo makedonskogo vremeni v kategoriyakh traditsionnogo mirovozzreniya drevnikh yegiptyan kontsa IV – nachala III vv. do n. e.* [The beginning of Macedonian period according to the conception of Ancient Egyptian traditional world-view in 4–3 centuries BC]. Diss. na soisk. uch. st. d.i.n. T. 2. Moskva [Ph.D. diss., Moscow].

Ладынин, И. А. 2017: *Начало македонского времени в категориях традиционного мировоззрения древних египтян конца IV – начала III вв. до н. э.* Дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. Т. 2. М.

Ladynin, I. A. 2018: [The frontier «Ir-mer-a/Mer-mer-a»: once again to the historical interpretation of line 6 from the Satrap Stela]. In: *Πεντηκονταετια. Studies in Ancient History and Culture*. Moscow; St. Petersburg. 191–209.

Ладынин, И. А. 2018: Рубеж «Ир-мер-а/Мер-мер-а»: еще раз об исторической интерпретации стк. 6 «Стелы сатрапа». В сб.: Πεντηκονταετια. Исследования по античной истории и культуре. М.; СПб., 191–209.

Laming Macadam, M. F. 1949: *The Temples of Kawa*. I. *The Inscriptions: Plates*. London.

Leclant J., Yoyotte J. 1952: Notes d'histoire et de civilisation éthiopiennes: À propos d'un ouvrage récent. *Bulletin de l'Institut français d'archaéologie orientale* 51, 1–39.

Priese, K.-H. 1974: 'rm und 'ȝm, das Land Irame. Ein Beitrag zur Topographie des Sudan im Altertum. *Altorientalische Forschungen*. 1, 7–41.

Recklinghausen von, D. 2005: Ägyptische Quellen zum Judentum. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde.* 132, 147–160.

Ritner, R. K. 2003: The Satrap Stela (Cairo JdE 22182). In: Simpson W. K. (ed.) *The Literature of Anceint Egypt*. Cairo: The American University in Cairo Press. 392–397.

Safronov, A. V. 2019: [Does the Ramses III's inscription mention the Trojan war?] I*ndoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*]. 23 (2), 939–949.

Сафронов, А. В. 2019: Упоминается ли Троянская война в надписи Рамсеса III? *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23 (2), 939–949.

Sethe, K. 1904: *Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit*. Leipzig.

Schäfer, D. 2011: *Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen. Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern*. Leuven; Paris; Walpole, MA.

Schäfer, H., Andrae W. 1925: Die Kunst des alten Orients. Berlin.

Spalinger, A. 1974: *Aspects of the Military Documents of Ancient Egyptians*. PhD, Yale University. Ann Arbor, Michigan. 1974.

Struve, W. 1928: Zur Geschichte Ägyptens der Spätzeit. *Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS. 1928. Classe des Sciences Historico-Philologiques*. 197–212.

Thompson, D. J. 2018: Ptolemy I in Egypt: Continuity and Change. In: McKechnie P., Cromwell J. A. (eds.) *Ptolemy I and the Transformation of Egypt, 404–282 BCE*. Leiden; Boston. 6–26.

Winnicki, J. K. 1991: Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. in Syrien in den Jahren 312–311 v.Chr. (II). *Ancient Society* 22, 147–201.

Winter, E. 1987: Weitere Beobachtungen zur «grammaire du temple» in der griechisch-römischen Zeit. In: Helck W. (Hrsg.). *Tempel und Kult*. Wiesbaden. 61–76.

Worthington, I. 2016: *Ptolemy I. King and Pharaoh of Egypt.* Oxford.

Zibelius K. 1972: *Afrikanische Orts- und Völkernamen in hieroglyphischen und hieratischen Texte*. Wiesbaden.

Zibelius-Chen, K. 1994: Die Kubanstele Ramses' II. und die nubischen Goldregionen. In: Berger C., Clerc G., Grimal N. (eds.). *Hommages à Jean Leclant. Volume 2: Nubie, Soudan, Éthiopie*. Le Caire.

DOI:10.30842/ielc230690152566

А. И. Солопов
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

О СКЛОНЕНИИ ЛАТИНСКИХ ТОПОНИМОВ, ОМОНИМИЧНЫХ ИМЕНАМ НАРИЦАТЕЛЬНЫМ (ТИПА TRĒS TABERNAE)[1]

В настоящей статье ставится вопрос о склонении латинских топонимов, омонимичных именам нарицательным (типа русск. *Серая Лошадь*). В корпусе произведений Цицерона был обнаружен один топоним такого рода — *Trēs Tabernae*. Анализ словоупотребления Цицерона позволяет сказать, что в таких топонимах для указания на место («где?»), направление («куда?») и отправную точку («откуда?») всегда используются предложные конструкции. При этом место и направление обозначаются при помощи предлога ad, а отправная точка — посредством предлога ab (a).

Ключевые слова: топонимика, локатив, синтаксис падежей, Trēs Tabernae.

Alexei I. Solopov
(Lomonosov Moscow State University)

On the declension of Latin place-names, homonymous with the appellative nouns (of the type ‘Trēs Tabernae’)

The present paper raises the question of the declension of Latin place-names homonymous with the appellative nouns (of the type *Seraia Loshad’*, lit. ‘*Grey Horse*’). In the corpus of Cicero’s works only one place-name of this type was detected: *Trēs Tabernae*. The analysis has shown that in such place-names indication of place («where?»), direction («to which place?, whither?»), and starting point («where from?») are always expressed by means of prepositions: place and direction are expressed by means of *ad*, starting point — by means of *ab (a)*.

Key words: toponymy, locative case, syntax of cases, *Trēs Tabernae*.

---

[1] В основу статьи лег доклад «De urbium oppidorumque nominibus, quae a substantiuis alias res significantibus ducta sunt, quoque modo in casus inclinentur, adnotatio, exemplo “Trium Tabernarum”», прочтенный на конференции «Классическая филология в контексте мировой культуры — XIII. Научные чтения, посвященные 265-летию Московского университета» 11 декабря 2020 г.

В известных топонимических системах встречаются топонимы, которые прозрачны с точки зрения семантики (хотя бы на первый взгляд) и при этом обозначают объекты, которые либо не имеют отношения к географическим понятиям (город *Набережные Челны*, форт *Серая Лошадь* в Ленинградской области), либо сообщают, если понимать их в прямом смысле, ложные сведения: *Белая Церковь* — не церковь, а город, *Красная Горка* (неподалеку от вышеупомянутой *Серой Лошади*) — не гора и не холм, а форт, *Кузнецкий мост* в Москве — давно не мост, а улица. Следует отметить, что топонимы такого рода обычно бывают двусловными.

В греко-латинской географической номенклатуре таких топонимов тоже немало. Например, в «Баррингтонском атласе античного мира» Ричарда Толберта можно найти следующие названия (в скобках здесь и далее — координаты мест по этому атласу):

Tria Capita (Исп., 25 F5), *Tres Arbores* (Франция, 14 E4), *Septem Maria* ((1) Ит., 40 C2; (2) Ит., 40 C3), *Arbor Felix* (Швейц., 19 B2), *Fluuio Frigido* (Словения, 20 A4; 19 F 4), *Fons Clitumni* (Ит., 42 D3), *Fons Timaui* (Ит., 19 F4; 20 A4).

Употребление таких топонимов всегда вызывает определенные трудности, так как говорящий должен неким образом дать понять, что речь идет именно о названии места, а не об омонимичном словосочетании. Возникает вопрос о том, каким образом склоняются подобные топонимы в латинском языке классического периода.

Наиболее авторитетная грамматика латинского языка Рафаэля Кюнера и Карла Штегманна (1914 г.) сообщает известное правило о том, что при ответе на вопрос «где?» названия городов (а равно сёл и деревень[2]) I и II скл. ед. числа ставятся в совпадающей по звучанию с генитивом локативной форме на -ī (*Rōmae* (арх. *Rōmāī*), *Epidaurī, Dyrrachiī*), а названия городов III скл. и мн. числа I и II склонений — в аблативе, заменяющем локативную форму, без предлога (*Carthāgine,*

[2] В отдельную категорию выделяются лишь усадьбы или виллы, при названиях которых употребление предлогов обязательно: *in Cūmānō* (Cic. Att. V 2, 1), *in Tusculānum* (Cic. de or. I 24); тому же правилу следуют и названия городских кварталов: *in Palātiō* (Cic. d. n. III 63), *in Vēlābrō* (Plaut. capt. 489) (Kühner, Stegmann 1988: 476–477, Anm. 1). Сёла и деревни (uīcī) при этом подчиняются правилам названий городов: peruēnerat *Arbēla* uīcum (Curt. IV 9, 9).

Anxurī, Amphipolī, Thēbīs). При ответе на вопрос «куда?» все эти названия ставятся в аккузативе (*Rōmam, Brundisium, Delphōs*), а на вопрос «откуда?» — в аблативе (*Ambraciā, Thēbīs*), в обоих падежах тоже беспредложно (Kühner, Stegmann 1988: 475).

Вопросов семантики и внутренней формы топонимов грамматика Кюнера и Штегманна не касается и на поставленный в настоящей статье вопрос не отвечает. Тем не менее в этой грамматике выделен в отдельный раздел случай, когда топоним имеет двусловную структуру.

Если к топониму присоединяется прилагательное в атрибутивном значении, в определённой мере становящееся частью имени и тем самым сливающееся с топонимом в одно понятие, то, как формулируют Кюнер и Штегманн, конструкция остаётся той же, что и в однословных названиях городов, за тем исключением, что если одно из двух слов, образующих топоним, относится к III скл., то при ответе на вопрос «где?» и в единственном числе тоже регулярно ставится аблатив (а не локатив). «Впрочем, примеры вообще довольно редки», как замечают составители грамматики[3]. Тем не менее их достаточно, чтобы понять правила классического, в том числе цицероновского, словоупотребления:

cum *Teānum Sidicīnum* uenissem (Cic. Att. VIII 11 d, 2); *Carthāginem Nouam* in hiberna Hannibalem concessisse (Liu. XXI 15, 3); legione...*Teānum Sidicīnum* praemissa (Liu. XXII 57, 8). — *Teānō Sidicīnō* es profectus (Cic. Att. VIII 11 b, 2); *Teāno Āpulō* atque Luceria equites Romanos ... laudatores uidetis (Cic. Cluent. 197). — *Suessae Auruncae* ... natum (Liu. XXXII 9, 3); *Curibus Sabīnīs* habitabat (Liu. I 18, 1); succedit Romulo Numa Pompilius, quem *Curibus Sabīnīs* agentem ultro petiuerunt ob inclitam uiri religionem (Flor. I 1, 1); L. Marcio Tarracone M. Silano *Carthāgine Nouā* ... relictis (Liu. XXVIII 17, 11); Scipione Africano patris et patrui memoriam gladiatorio munere *Karthāgine Nouā* celebrante (Val. Max. IX 11 (ext.) 1); *Tyrō Vetere* (Iustin. XI 10, 11); unde

[3] «Beispiele sind übrigens überhaupt ziemlich selten». Следует заметить, что за прошедший век таких примеров стало ещё меньше: так, приводимое Кюнером и Штегманном место «alter filius *Teani Apuli* educabatur» (Cic. Cluent. 27) ныне (в издании Альберта Кларка 1905 г.) читается иначе: nam cum haberet ex Nouia infantem filium, alter autem eius filius Papia natus *Teani*, quod abest ab Larino XVIII milia passuum, apud matrem educaretur, и топонима *Teanum Apulum* не содержит.

genus *Longā* nostrum dominabitur *Albā* (Verg. Aen. VI 766) (Kühner, Stegmann 1988: 479–450).

Грамматика Гофманна и Шантыря (1972 г.), которая призвана была превзойти грамматику Кюнера и Штегманна, в основном сокращённо излагает те же правила. Единственное, что появилось нового в интересующем нас разделе грамматики, — было учтено наблюдение Альфонсо Траины (Traina 1952) о том, что топонимы с элементом *Forum* (типа *Forum Iūlī*) обнаруживают особенности склонения: при ответе на вопрос «где?» Цицерон ставит в таких топонимах предлог ad: erat ... Claternae ... Hirtius, *ad Forum Cornēlium* Caesar (Cic. fam. XII 5, 2), а не locativus; так же поступают Тацит и Светоний: *ad Forum Aliēnī* ... consedisse (Tac. hist. III 6); Claudius Drusus statua sibi diademata *ad Appī Forum* posita Italiam per clientelas occupare temptauit (Suet. Tib. 2, 2). При ответе на вопрос «куда?» такие топонимы всегда употребляются с предлогом (Hofmann, Szantyr 1972: 146).

Проведенное некоторое время назад исследование (Solopov 2009) показало, что в названиях типа *Forum Iūlī* элемент *forum* — одно из латинских слов, имеющих специфически топонимическое употребление (как и *aquae*, например) и вполне чётко обозначенное значение в пределах географической номенклатуры («крупный населенный пункт, основанный на крупной дороге ровно на середине ее протяжения между двумя городами»).[4] Таким образом, наблюдение Траины также не отвечает на вопрос, каким именно образом склоняются топонимы, не имеющие согласно своей внутренней форме отношения к географии, а омонимичные именам нарицательным или не соответствующие своему формальному содержанию.

В корпусе сочинений Цицерона мною было обнаружено только два топонима описанного выше типа: *Trēs Tabernae* и *Pōns Argenteus*.[5] При этом название *Pōns Argenteus* встретилось

---

[4] О топонимах с элементом *forum* см.: Solopov 2006; 2009: 25–26.

[5] Среди однословных топонимов описанного типа сюда можно отнести, пожалуй, еще название италийского города *Cingulum* (современный Чинголи), если иметь в виду, что оно омонимично имени нарицательному cingulum «пояс». Какова бы ни была этимология этого топонима и сколь бы сильным (или слабым) ни было ощущение такой омонимии, следует отметить, что этот топоним Цицерон склоняет так же, как любое другое название города на *-um*: exspecto ..., quid agat Domitius in Marsis, Iguui Thermus, P. Attius *Cingulī* (Cic. Att. VII 13 a, 3).

только в переписке Цицерона, причем лишь два раза, и оба раза — не в письмах самого Цицерона, а в письмах триумвира Марка Эмилия Лепида, при ответе на вопрос «откуда?»: ex castris *ex Ponte Argenteō* (M. Aemilius Lepidus, Cic. fam. X 34 a, 2); *ā Ponte Argenteō* (M. Aemilius Lepidus, Cic. fam. X 35, 2).[6]

Итак, единственным топонимом рассматриваемого типа у Цицерона является топоним *Trēs Tabernae*. Этот топоним удобен как образец ещё и тем, что встречается на территории Римской империи неоднократно. По данным того же атласа Толберта, всего известно пять одноименных населенных пунктов *Trēs Tabernae*:

1) Италия, 43 D3; 44 C2 (Лаций, на Аппиевой дороге) — это тот топоним, который встречается у Цицерона;

2) Италия, 39 E3 (Транспаданская Галлия, к Ю. от Лаус-Помпеи);

3) Италия, 42 D3 (Умбрия, между Неквином (Нарнией) и Сполетием);

4) Верхняя Германия, 11 H4 (к. С-З от Аргентората, между Саравским Мостом и Брокомагом, в совр. Эльзасе (Франция));[7]

5) Иллирик (ист. обл. Кандавия), 49 C2 (на Эгнациевой дороге, к З от Лихнидского оз., совр. Албания).

По-видимому, все эти пять населенных пунктов были в римское время дорожными станциями, а точнее, mansiones, т. е. такими станциями, где можно было получить ночлег (в отличие от mutatio).

Самым известным из них и был упоминаемый Цицероном населенный пункт, который был станцией (mansio) на Аппиевой дороге в 33 милях от Рима. Этот факт позволил в 2015 г. окончательно отождествить его с современным городом

---

[6] О топонимах с элементом *pōns* см.: Solopov 2009: 18.

[7] Этот населенный пункт дважды упомянут в IV в. Аммианом Марцеллином: conuersus hinc Iulianus ad reparandas *Tres tabernas*, munimentum ita cognominatum, haut ita dudum obstinatione subuersum hostili quo aedificato constabat ad intima Galliarum, ut consueuerant, adire Germanos arceri et opus spe celerius consummauit et uictum defensoribus ibi locandis ex barbaricis messibus non sine discriminis metu collectum militis manu condidit ad usus anni totius. (Amm. XVI 11, 11); Hac rerum, quas iam digessimus, uarietate ita conclusa Martius iuuenis Rheno post Argentoratensem pugnam otiose fluente securus, sollicitusque ne dirae uolucres consumerent corpora peremptorum, sine discretione cunctos humari mandauit, absolutisque legatis, quos ante certamen superba quaedam portasse praediximus, *ad Tres tabernas* reuertit. (Amm. XVII 1, 1)

Чистерна-ди-Латина (Cisterna di Latina), после того, как раскопки, проведенные в том году под руководством Николетты Кассьери (Cassieri), принесли находки остатков этой станции в 58 километрах от Рима, что точно соответствует 33 милям (Fiocchi Nicolai 2015). Так как это место упоминается в Новом Завете, то у него есть и русское название: в Синодальном переводе оно называется «Три гостиницы» (Деян. 28: 15).

Цицерон упоминает Три гостиницы четырежды, и все четыре раза — в письмах к Аттику.

В трех случаях этот топоним поставлен при указании отправной точки (т. е. при ответе на вопрос «откуда?»):

1) Accepi tuas tris iam epistulas, unam a M. Cornelio *quam ā Tribus* ei *Tabernīs*, ut opinor, *dedistī*, alteram quam mihi Canusinus tuus hospes reddidit, tertiam quam, ut scribis, iam ora soluta de phaselo dedisti; quae fuerunt omnes, <ut> rhetorum pueri loquuntur, cum humanitatis sparsae sale tum insignes amoris notis. (Cic. Att. I 13, 1) («the first (letter) ... given him I think at Tres Tabernae» (Bailey 1965: 135));

2) Volo ames meam constantiam. ludos Anti spectare non placet. est enim ὑποσόλοικον, cum uelim uitare omnium deliciarum suspicionem, repente ἀναφαίνεσθαι non solum delicate sed etiam inepte peregrinantem. qua re usque ad Non. Mai. te in Formiano exspectabo. nunc fac ut sciam quo die te uisuri simus. ab Appi Foro hora quarta. *dederam aliam* paulo ante *ā Tribus Tabernīs*. (Cic. Att. II 10, 1) («I dispatched another letter ... from Tres Tabernae» (Bailey 1965: 229));

3) Facinus indignum! epistulam αὐθωρεὶ tibi *ā Tribus Tabernīs rescrīptam* ad tuas suauissimas epistulas neminem reddidisse! at scito eum fasciculum quo illam conieceram domum eo ipso die latum esse quo ego dederam et ad me in Formianum relatum esse. itaque tibi tuam epistulam iussi referri, ex qua intellegeres quam mihi tum illae gratae fuissent. (Cic. Att. II 13, 1) («My letter, written to you on the nail from Tres Tabernae...» (Bailey 1965: 231)).

Как показывают эти примеры, Цицерон всегда ставил в этом топониме при указании отправной точки предлог ā (ab). Если сравнить эти пассажи с приведенными выше нормативными примерами *Teānō Sidicīnō* es profectus (Cic. Att. VIII 11 b, 2) и *Teāno Āpulō* atque Luceria equites Romanos ... laudatores uidetis (Cic. Cluent. 197), то становится понятно, что наличие предлога определяется отнюдь не двусловным характером топонима, а, по-видимому, стремлением избежать двусмысленности («письмо, написанное в трех гостиницах» — «письмо, написанное в

Трех гостиницах» — «письмо, отправленное из трех гостиниц» — «письмо, отправленное из Трех гостиниц»).

Это соображение, видимо, важно не упускать из виду, так как четвертый пример не столь однозначен:

4) Sed uide συγκύρημα. *ēmerseram* commodum *ex Antiātī in Appiam ad Trīs Tabernās* ipsis Cerialibus, cum in me incurrit Roma ueniens Curio meus. ibidem ilico puer abs te cum epistulis. ille ex me, nihilne audissem noui. ego negare. ‘Publius’ inquit ‘tribunatum pl. petit.’ ‘quid ais?’ ‘et inimicissimus quidem Caesaris, et ut omnia’ inquit ‘ista rescindat.’ ‘quid Caesar?’ inquam. ‘negat se quicquam de illius adoptione tulisse.’ deinde suum, Memmi, Metelli Nepotis exprompsit odium. complexus iuuenem dimisi properans ad epistulas. (Cic. Att. II 12, 2) («I had just come out of the Antium district and joined the Appian Way at Tres Tabernae, on Ceres’ Day actually, when my young friend Curio runs into me on his way from Rome.» (Bailey 1965: 225))

Этот пассаж на русский язык можно перевести следующим образом: «Но послушай, какое вышло удивительное совпадение. Только я в самый день Цериалий вывернул из антийских мест на Аппиеву дорогу ***, как прямо на меня налетает мой Курион, ехавший из Рима.» Слова *ad Trīs Tabernās*, оставленные пока без перевода, допускают по меньшей мере три толкования: во-первых, они могут обозначать направление (и тогда следует перевести — «на Аппиеву дорогу, к Трем гостиницам»); во-вторых, они могут обозначать местонахождение поблизости от чего-либо («на Аппиеву дорогу, возле Трех гостиниц»); наконец, они, похоже, могут обозначать само место («на Аппиеву дорогу, в Трех гостиницах»).

Представляется, что правильно именно третье толкование. В пользу этого (помимо того, что именно так это место понял Шеклтон Бейли) говорит, например, соображение о желательности разнообразия, избежания монотонности: *ēmerseram* commodum *ex Antiātī in Appiam ad Trīs Tabernās* гораздо изящнее понимать как употребление трех различных обстоятельств («откуда?» *ex Antiātī*; «куда?» *in Appiam*; «где?» *ad Trīs Tabernās*), чем как нанизывание одинаковых обстоятельств направления. Контрпримером могло бы быть приведенное выше *ex castrīs ex Ponte Argenteō* (Cic. fam. X 34 a, 2) — но это писал Эмилий Лепид, а не Цицерон. В пользу того же говорит и обязательное употребление предлога ā (ab) Цицероном во всех случаях, где указывалась отправная точка. С точки зрения исторической грамматики предложное слово-

употребление предвосхищает развитие в романских языках, где локатив Romae был вытеснен предлогом ad (итальянское a Roma). Кроме того, похоже, что в формальном отношении употребление топонима *Trēs Tabernae* следует открытой Траиной модели *Forum Iūlī*, и, возможно, это объясняется в том числе и географической близостью обозначаемых мест: совсем рядом находится *Forum Appī*.

Во всяком случае, в другом, и наиболее известном, тексте, упоминающем Три гостиницы, — иеронимовой Вульгате, — топонимы *Trēs Tabernae* и *Forum Appī* находятся в единой связке:

(12) et cum uenissemus Syracusam mansimus ibi triduo
(13) inde circumlegentes deuenimus Regium
et post unum diem flante austro
secunda die uenimus Puteolos
(14) ubi inuentis fratribus rogati sumus manere apud eos dies septem
et sic uenimus Romam
(15) et inde cum audissent fratres occurrerunt nobis
usque ad Appii Forum et Tribus Tabernis
quos cum uidisset Paulus gratias agens Deo accepit fiduciam
(16) cum uenissemus autem Romam
permissum est Paulo manere sibimet cum custodiente se milite. (Vulg. act. 28, 15)

Для понимания особенностей синтаксиса латинского перевода полезен оригинал:

κἀκεῖθεν οἱ ἀδελφοὶ ἀκούσαντες τὰ περὶ ἡμῶν ἦλθαν εἰς ἀπάντησιν ἡμῖν ἄχρι Ἀππίου Φόρου καὶ Τριῶν Ταβερνῶν, οὓς ἰδὼν ὁ Παῦλος εὐχαριστήσας τῷ θεῷ ἔλαβε θάρσος. (NT. act. 8, 15)

Таким образом, переводчики, труды которых использованы Иеронимом, предпочли логичному *usque ad Appii Forum et Tres Tabernas* аблатив *Tribus Tabernis*, что показывает, что в разговорном языке этот топоним уже в первые века Империи застыл в форме abl. loci без предлога — форме, несомненно известной Цицерону, но им, как мы видим, не употребляемой.

Наиболее сильным аргументом в пользу того, что цицероновское *ad Trīs Tabernās* следует понимать как локальное выражение «в Трех гостиницах», является то, что именно так этот топоним фигурирует в его, кажется, последнем античном упоминании:

Seuerus Caesar ab Herculio Maximiano Romae *ad Trēs Tabernās* exstinguitur, funusque eius Gallieni sepulcro infertur,

quod ex urbe abest per Appiam milibus nouem. (Aur. Vict. epit. (= epitome de Caesaribus) 40, 3 (ed. Pichlmayr 1911)).

«Эпитома о Цезарях», приписываемая Сексту Аврелию Виктору, автору 2-ой половины IV в. н. э., рассказывает здесь о смерти императора Севера, происшедшей в тех же самых Трех гостиницах, и использует при этом цицероновский способ выражения с предлогом ad.

Итак, представляется, что при склонении топонимов типа *Trēs Tabernae* как при ответе на вопрос «где?», так и при ответе на вопрос «куда?» ставится предлог ad, а при ответе на вопрос «откуда?» необходим предлог ā (ab), и следует склонять, например, «*ad Arborem Fēlīcem*», «*ab Arbore Fēlīcī* (или *Fēlīce*)».

Литература

Bailey, D. R. S., 1965: Cicero's letters to Atticus. Edited by D. R. Shackleton Bailey. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press.

Fiocchi Nicolai, V. 2015: Memorie paleocristiane della *mansio* di Tres Tabernae al XXXIII della via Appia. Humanitas. Studi per Patrizia Serafin. A cura di A. Serra. Roma: UniversItalia, 125–135.

Hofmann, J. B., Szantyr, A. 1972: Lateinische Syntax und Stilistik. München: Beck.

Kühner, R., Stegmann, C. 1988: Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. T. 2: Satzlehre. T. 2. Bd. 1. Hannover: Hahnsche Buchhandlung.

Solopov, A. I. 2009: Greko-latinskaia geograficheskaia nomenclatura: eio vneshniaia i vnutrenniaia struktura [Graeco-Latin geographic nomenclature: its outer and inner structure]. Avtoref. diss. doktora filol. nauk. Moscow. Солопов, А. И. 2009: Греко-латинская географическая номенклатура: ее внешняя и внутренняя структура. Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М.

Solopov, A. I. 2006: [Word-formation model «forum + attribute» in the Graeco-Latin geographic nomenclature]. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology. 2, 56–65. Солопов, А. И. 2006: Словообразовательная модель «forum + определение» в греко-римской географической номенклатуре. Вестник Московского университета. Серия. 9. Филология. 2, 56–65.

Talbert, A. 2000: Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Ed. by R. J. A. Talbert. Princeton and Oxford: Princeton University Press.

Traina, A. 1952: L'apposizione epitetica dei nomi propri di città nei determinativi di luogo in latino. Atti dell'Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. Classe di Scienze Morali e Lettere, T. 110 (1952), 51–78.

DOI:10.30842/ielc230690152567

Т. В. Топорова
(Институт языкознания РАН)

О КОСМОГОНИЧЕСКОМ СУБСТРАТЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА «СТАРШЕЙ ЭДДЫ»

Автор статьи предпринимает попытку обнаружить признаки системной организации в песнях «Старшей Эдды» *мифологического* цикла, которые на первый взгляд кажутся случайным собранием мало связанных между собою эпизодов из жизни богов. Лингво-стилистический анализ, никогда не применявшийся по отношению к «Старшей Эдде» как *корпусу* текстов, даёт уникальный шанс выявить наиболее релевантные особенности эддического текста как в плане содержания, так и в плане выражения. Гипотеза о неразрывной связи языка эддической поэзии с порождающими его речевыми актами и об укоренённости определённых жанров, восходящих в своих истоках к *мифу*, в его языке позволяет, как нам кажется, обнаружить исконное ядро мифологических песен, обеспечивающее единство всего цикла, благодаря выделению мифологического субстрата, реализующегося в *космогонических* и *космологических* песнях. Задачи исследования заключаются, во-первых, в определении соответствующих жанровых структур в составе эддических песней мифологического цикла с типичными для них лингво-стилистическими признаками; во-вторых, в объяснении их функционирования в пределах той или иной песни; в-третьих, в анализе языковых методов, служащих для реализации этого феномена.

Ключевые слова: «Старшая Эдда», корпус текстов, жанр, космогоническая и космологическая песня, мифопоэтическая модель мира, миф творения, семантическая реконструкция.

T. V. Toporova
(Institute of Linguistics, RAS, Moscow)

On the Cosmogonic Substrate of the Mythological Cycle of the *Elder Edda*

The author of the article makes an attempt to find signs of systemic organization in the songs of the *Elder Edda*'s mythological cycle, which at first glance seem to be a random collection of harldy interconnected episodes from the life of the gods. The linguo-stylistic analysis, which has never been applied to the *Elder Edda* as a text corpus, provides a unique chance to identify the most relevant features of the Eddic text, at both the content and expression level. The hypothesis about the inextricable connection of the language of Eddic poetry with the speech acts that

generate it and about the rootedness of certain genres that go back to myth in their origins, in its language allows, it seems to us, to discover the primordial core of mythological songs, ensuring the unity of the entire cycle, due to the detection of a mythological substrate, realized in cosmogonic and cosmological songs. The objectives of the research include, firstly, determining, in the *Elder Edda*'s mythological cycle, the respective genre structures and their typical linguistic and stylistic features; secondly, explaining their functioning within a particular song; thirdly, analyzing the means of implementing this phenomenon.

Key words: *Elder Edda*, text corpus, genre, cosmogonic and cosmological song, mythopoetic model of the world, myth of creation, semantic reconstruction.

Древнеисландский стихотворный эпос «Старшая Эдда», дошедший до наших дней в составе рукописей конца XIII – начала XIV вв. (Codex Regius, вторая половина XIII в.; AM 748, начало XIV в.; Hauksbók, начало XIV в.) и включающий песни мифологического и героического содержания, в течение длительного периода функционировавшие в устной традиции, постоянно является объектом интенсивного исследования. Комментирование и интерпретации этого выдающегося памятника письменности продолжаются, и каждый год появляется множество научных трудов, что свидетельствует о значимости самого материала и о его сложности[1]. Учитывая древность самих текстов, неоднозначность трактовок и различие в научных подходах к анализу произведений, многие вопросы, которыми задаются специалисты в области скандинавистики, так и не получают разрешения, именно поэтому возникает объективная необходимость попытаться обнаружить признаки системной организации в эддических песнях, прежде всего *мифологических*, хотя на первый взгляд они кажутся случайным собранием мало связанных между собою эпизодов из жизни богов. Нам представляется, что именно лингво-стилистический анализ, никогда не применявшийся по отношению к «Старшей Эдде» как *корпусу* текстов, даёт уникальный шанс выявить наиболее релевантные особенности эддического текста как в плане содержания, так и в плане выражения. Гипотеза о неразрывной связи языка эддической поэзии с порождающими его речевыми актами и об укоренённости определённых жан-

[1] Ср., в частности, современные работы, демонстрирующие мифологический подход к эддическому материалу: Kure 2006; Nordvig 2013; Andrén 2014; Hermann, Mitchell 2017.

ров, восходящих в своих истоках к *мифу*, в его языке позволяет, как нам кажется, обнаружить исконное ядро мифологических песен, обеспечивающее единство всего цикла, благодаря выделению мифологического субстрата, реализующегося в космогонических и космологических песнях.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу мифологических песней «Старшей Эдды», следует уделить внимание некоторым наиболее релевантным терминам, используемым нами.

Жанр — «(фр. genre — род, вид) — тип словесно-художественного произведения, а именно: 1) реально существующая в истории национальной литературы или ряда литератур и обозначенная тем или иным традиционным термином разновидность произведений (эпопея, роман, повесть, новелла в эпике; комедия, трагедия и др. в области драмы; ода, элегия, баллада и пр. — в лирике); 2) ‘идеальный’ тип или логически сконструированная модель конкретного литературного произведения, которые могут быть рассмотрены в качестве его инварианта (это значение термина присутствует в любом определении того или иного Ж. литературы). Поэтому характеристика структуры Ж. в данный исторический момент, т. е. в аспекте синхронии, должна сочетаться с освещением его в диахронической перспективе» (Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001, Стб. 264). Жанр предполагает наличие устойчивой, постоянно воспроизводимой системы признаков литературного произведения.

Мы имеем дело с *эпосом*, объединяющем *мифологические песни*. Специфика такого объекта изучения настоятельно требует, во-первых, учёта *мифологического* фактора и соответствующей *мифопоэтической модели мира*, отражающей архаичные языческие представления, и, во-вторых, введения понятия **микрожанра** — более мелкого структурно-семантического единства, зафиксированного в эддической песне. Следует отметить, что элемент *микро-* эксплицирует представления о минимальности не в абсолютном, а в относительном значении, то есть исключительно в сравнении с целым — эддической песней, являющейся точкой отсчёта.

Перечислим образцы *микрожанров*, фигурирующие в настоящем исследовании.

а) **Космогоническая песня** предназначена для описания *мифа творения — космогенеза*, она ориентирована на *прецедент*, «служащий образцом для воспроизведения уже в силу

того, что он имел место в первоначальные времена, «в начале». Для архаического сознания мифопоэтической эпохи всё, что есть, — результат последовательных воспроизведений прецедента, первособытия, экспликация исходной ситуации (творение) применительно к новым условиям «оплотняющегося» космологического бытия» (Toporov 1998: 60). Ядро песни составляет демиургический акт — «созидание элементов мироздания, космических и культурных объектов, людей» (Мифы народов мира 1980: 366).

б) **Космологическая песня**, описывает состояние мироздания, возникшего в результате космогенеза, причём «актуальное состояние вселенной в мифопоэтическом мышлении связывается воедино с её происхождением как следствие с причиной: <…> то, что порождено в ходе создания и устроения космоса, и является его составом; всё, что входит в состав космоса, возникло в ходе его развития» (Мифы народов мира 1982: 6).

Даже при беглом взгляде на эддический материал бросается в глаза очевидное доминирование **космогонической** песни, проявляющееся в наличии разветвлённой системы маркеров, служащих для обозначения:

- времени первотворения (illo tempore: *прежде*, *в начале*),
- субстанции, послужившей материалом для создания вселенной (*prima materia*),
- субъектов творения (демиургов с выделением различных групп, ср.: *асы*, *альвы*, *ваны*, *боги*, *великаны*), совершающих определённые *демиургические* акты (*делать*, *создавать*, *растить*, *рождать*, *считать*, *называть* и др.);
- объектов творения, как одушевлённых (*род человеческий*), так и неодушевлённых (ср. три космические зоны: *небо*, *земля*, *нижний мир*), наделённых *атрибутами*, описывающими их происхождение (*древний*), физические признаки (*высокий*, *сильный*) и статус на аксиологической шкале архаичного общества (*священный*, *знаменитый*);
- стадий существования вселенной, то есть *динамического* аспекта бытия (ср.: хаос (*не быть*), космос и «гибель богов», а также возрождение после эсхатологического кризиса (ср. мотив поднятия земли из моря, расцвета растений, появление нового поколения богов).

Поскольку маркеры космогонической песни, засвидетельствованные в мифологическом цикле «Старшей Эдды», отличаются многообразием и высокой частотностью, нельзя не отме-

тить их специфику, реализующуюся в некоторых неординарных явлениях, к описанию которых мы и переходим.

1) Эддический материал представляет несколько символов, отражающих мифопоэтическую модель мира, соотносимых с различными этапами бытования мироздания

— *первооснову* (лоно, колыбель — др.-исл. *lúðr*), возникающую из вод хаоса,

— *мировое древо* ясень Иггдрасиль, определяющее размеры вселенной как по вертикали, так и по горизонтали (размером своей кроны), а также и во временнóм измерении (начиная с семени, произраставшем под землёй),

— волшебную *мельницу*, производящую все блага в начале «Песни о Гротти» (богатство, счастье, мир) и беды (войну, пожар, гибель главного героя) в конце.

Следует отметить, что первые два концепта обладают *универсальным* характером, то есть в равной мере актуальны для макро- и микрокосма, а третий (*мельница*) фигурирует в *антропоцентрической* сфере. Такое же распределение наблюдается и по параметру *статичность* (первые два концепта) — *динамичность* (третий концепт).

2) Между этими символами модели мира обнаруживается связь, выраженная эсплицитно или имплицитно и обусловленная их изоморфизмом. К первой категории относится использование **одной и той же** лексемы (др.-исл. *lúðr*), служащей для номинации первоосновы, на которую был положен великан Бергельмир «за много лет до создания земли» (Vm. 35) и деревянной основы мельницы Гротти (Grt. 5), а ко второй — аналогия между др.-исл. *lúðr* и мировым древом, заслуживающая специального рассмотрения.

Обратимся к семантике и этимологии др.-исл. *lúðr:* ‘выдолбленное дерево; корыто, колыбель; сосуд, основа мельницы; лодка; боевой рог’ < и.-е. **leu* ‘резать’ (алб. *lug, lugu* ‘корыто’, *flugë* ‘доска’, д.-в.-н. *ludara* ‘колыбель’, др.-исл. *lé* ‘серп’, *lióstr* ‘вилка’, и др. (IEW 681–682), при этом реконструируется следующее семантическое развитие: *‘выдолбленное дерево’* > *‘корыто’*> *‘опора для жернова’*> *‘тростник, труба, рог’* (Vries 1977: 367).

В семантике др.-исл. *lúðr* выделяются два компонента: *‘горизонтальность’ & ‘изгиб’*; их сочетание не кажется парадоксальным, если принять во внимание, что в качестве денотата *lúðr* выступает *ствол* дерева, *выдолбленный* изнутри, то есть бревно, подвергшееся обработке. Идею *кривизны* можно

конкретизировать: речь идет о *вращательных* движениях, сопровождающих удаление древесины, в результате которых возникает пустое пространство в стволе. Однако этот мотив может интерпретироваться не только с точки зрения технологии обработки дерева, но и в семиотическом плане: очевидна аналогия между др.-исл. *lúðr* и *мировым древом* ясенем Иггдрасилем — в горизонтальной проекции —, для которого актуальна идея *кривизны*, ассоциирующейся с его дрожанием (*колыхательными* движениями) во время «гибели богов»[2] или с *покачиванием* на нем Одина, повесившегося на axis mundi в акте самопожертвования ради познания высшей мудрости[3].

Таким образом, на концептуальном уровне устанавливается преемственность между понятием *лона, колыбели, деревянной основы,* prima materia (др.-исл. *lúðr*) и *мировым древом,* идеальной моделью мироздания. Древнеисландские данные позволяют сделать и более радикальное предположение об *общем* источнике этих модификаций инвариантного значения '*первооснова*', реализующего сему '*изгиб*' и описывающего *круг* (с выделением его оси) как символ локально-темпорального континуума; при этом эксплицируются его в равной степени значимые и идентичные по объёму характеристики — *горизонтальность* и *вертикальность*[4].

3) Точкой отсчёта в эддической космогониии является *земля*, поскольку она занимает центральную позицию в серии антиномий, принимая участие в оппозициях (*верхнему*) *небу*, *морю* и *нижнему миру*.

4) Специфика космогонической модели мира, зафиксированной в мифологическом цикле «Старшей Эдды» заключается, во-первых, в маркировании *нижней* зоны универсума (ср.: *под землёй*, *нижний мир*, *могила*, *погребальный костёр*), для

---

[2] Ср. Vsp. 47: *Scelfr Yggdrasils ascr* «Дрожит ясень Иггдрасиль». Древнеисландский текст «Старшей Эдды» цит. по (Edda 1968), а перевод по (Старшая Эдда 1963).

[3] Ср. обозначение Иггдрасиля как '*ветренного дерева*' (др.-исл. *vindgameiðr*).

[4] Поразительно точную параллель с древнеисландскими примерами обнаруживает древнепрусское название стремени — *lingo*, лит. *lìngė* 'гибкая жердь для подвешивания к ней колыбели', 'колыбель', 'изгиб', семантическая мотивировка которого отражает два мотива — '*раскачивание*' и '*изгиб*' (< '*отклонение от нормы, стандарта*') при этом *lingo* имеет также и космологические ассоциации (Toporov 1990: 279–281).

обозначения которой используются бинарные оппозиции (*этот мир — иной мир*, *живой — мёртвый*), и, во-вторых, в акцентировании идеи «предела» и детальной разработке *эсхатологических* мотивов.

Эти феномены отнюдь не случайны, они на глубинном уровне восходят к асимметричности статуса концептов *начало* и *конец* в древнегерманской мифопоэтической модели мира. Начало, закрепляющее положительные достижения в космизации вселенной, относится к прошедшему; конец же со свойственной ему неожиданностью и непредсказуемостью ассоциируется с будущим и представляет собой угрозу мирозданию и сопряжён с особой экспрессивностью и внутренней напряжённостью. Педалирование темы нижнего мира имеет мифопоэтические истоки: первоначальная бездна (др.-исл. *Ginnunga gap* ‘зияний зияние’), как свидетельствует семантика этого словосочетания, локализовалась внизу и воплощала стихию хаоса. Связь *зияния* с *нижним миром* верифицируют памятники первобытного искусства, ср. изображение дракона с зияющей пастью, олицетворяющего смерть и подземное царство — остатки хаоса —, вытесненные на периферию, в нижней части готландского камня из Санда (V в.) (Ellis Davidson 1967: 94).

5) Между субъектом эддической песни и объектом описания (космогонией) и устанавливается взаимодействие, проявляющееся в использовании одних и тех же предикатов и свидетельствующее о нейтрализации оппозиций *активный – пассивный*, *одушевлённый — неодушевлённый*. Ср.: субъект *называет*[5] — объект *называется*[6]; субъект *считает*[7] — объект *считается*[8]; субъект *знает*[9] — объект *знает*[10].

---

[5] Þá gengo regin öll á röcstóla, // … morgin **héto** oc miðian dag (Vsp. 6) «Тогда сели боги на троны могущества // … утро *назвали* и середину дня»*.

[6] Ask veit ek standa, **heitir** Yggdrasill (Vsp. 19) «Ясень я знаю стоит, *называется* Иггдрасиль»*.

[7] Nár oc Nýráðr – nú hefi ec dverga // — Reginn oc Ráðsviðr – rétt um **talða** (Vsp. 12) «Нар и Нюрад — вот я карликов — Регин и Радсвинн – всех *сосчитала*»*.

[8] Nú ero **talðar** nönnor Herians, // gorvar at ríða grund, valkyrior (Vsp. 30) «вот *сосчитаны* девы Одина, // любо скакать им повсюду, валькириям».

[9] Ask **veit** ek standa, heitir Yggdrasill (Vsp. 19) «Ясень я *знаю* стоит, называется Иггдрасиль»*.

Нейтрализация оппозиции *одушевлённый — неодушевлённый*, совмещение *активного* и *пассивного* аспектов объясняется особым сакральным статусом, который может быть присущ как творцу, так и творению в космогоническом мифе.

6) *Атрибуты*, типичные для эддической космогонической песни, отражают физические свойства объектов (*высокий*, *сильный*, *здоровый*), они воплощают положительную оценку (*великий*, *знаменитый*, *известный*), реализующуюся в том числе и при помощи превосходной степени прилагательного (*лучший*), и имеют непосредственное отношение к сфере сакрального (*священный*), визуализирующегося благодаря блеску, свету (*сияющий*) и имеющего своим источником связь с прецедентом первотворения (*древний*). Наличие атрибутов исключительно положительной оценки находится в русле типичной для эпоса тенденции к идеализации, которая достигает своего апогея в мифологических песнях «Старшей Эдды».

7) *Предикаты*, репрезентированные во фрагментах космогонической песни, обнаруженных в мифологических песнях «Старшей Эдды», распадаются на две группы: обозначения действий демиургов (*рождать*, *делать*, *создавать*, *называть*, *считать*, *растить*) и объектов творения, возникших в результате демиургических актов (*быть*, *стоять*, *лежать*, *происходить*, *рождаться*, *становиться*, *называться*, *считаться*). Изоморфизм субъектов (демиургов) и объектов (элементов вселенной) в мифе творения, о котором речь шла выше, реализуется именно при помощи глаголов: *рождать* > *рождаться*, *растить* > *расти*, *называть* > *называться*, *считать* > *считаться* (*быть сосчитанным*). Эддический материал убедительно свидетельствует об эквивалентности слова и дела: номинация или *ономатетический* акт уподобляется *демуиргуическому* деянию, и именно получение *имени* наделяет объект статусом существования. Заслуживает специального упоминания и ещё одна особенность космогонических предикатов: концепцию динамики, точнее *трансформации*, *изменения*, в результате которого мир оказывается на новой стадии (др.-исл. *verða*) символизирует *рост* (др.-исл. *ala* ‘расти’), трактуемый в генеалогическом коде – *рождать* (др.-исл. *bera*); при

[10] Sól þat **né vissi**, hvar hon sali átti, // stiörnor þat **né visso**, hvar þær staði átto, // máni þat **né vissi**, hvar hann megins átti (Vsp. 5) «солнце *не знало*, где его дом, // звёзды *не знали*, где им сиять, // месяц *не знал* мощи своей».

этом в качестве метафоры развития вселенной используется терминология *родства* (*дед – отец – сын*, *старший – младший*).

8) Одна из наиболее релевантных тенденций космогонической песни состоит в её *антропоцентрической* перспективе, так как космогонические деяния совершаются не сами по себе, а ради **людей**. Ср. наиболее показательные примеры: Scinfaxi heitir, er inn sefra dregr // dag um **dróttmögo** (Vm. 12) «Скинфакси называется, кто сияющий приносит // день *людям*»*; hvaðan máni um kom, svá at ferr **menn** yfir (Vm. 22) «откуда месяц произошёл, который движется над *людьми*»*; himin hverfa þau scolo hverian dag, // öldom at ártali (Vm. 23) «небо обходят они каждый день // *людям* для счёта лет»*

9) Лингвистический анализ мифологических песен «Старшей Эдды» позволяет реконструировать мифологемы, реализуемые как на *эддическом* уровне, ср.: **павший** (др.-исл. *valr*) & **святилище** (жилище бога) (др.-исл. *vé*; Vsp. 62 конъектура; Hdl. 1); **бог** (др.-исл. *goð*, *áss* ‘ас’) & **судить** (др.-исл. *dœma*; Vsp. 60; Hdl. 8); **род / родственников** (др.-исл. *niðr*) & **считать** (др.-исл. *rekia, telia*; Vsp. 16; Hdl. 11); так и вполне вероятно имеющие *индоевропейские* истоки, ср., например, общегерманское словосочетание **fursti-* & **vit-* «первейшее (самое раннее) знать», объединяющее превосходную степень порядкового числительного и глагола *знать*, репрезентированное в «Речах Вафтруднира».

10) На основании анализа эддических данных можно постулировать функционирование двух вариантов космогонической песни — в **синхронии**, фиксирующей устройство вселенной в конкретный момент повествования («Прорицание вёльвы»), и в **диахронии** в рамках концепции порождения, оперирующей в качестве метафоры мироздания генеалогический код — терминологию *родства* (*дед – отец – сын*, *старший – младший*) («Песнь о Хюндле»). Второй вариант может рассматриваться как *антропоцентрическая* модификация космогонического мифа.

11) Исследование эддических песен мифологического цикла приводит к выводу о возможности градации космогонической песни не только с точки зрения статики — динамики, но и в пределах категории **субъективности — объективности**. В частности, в «Прорицании вёльвы» внимание фокусируется на с у б ъ е к т е песни — вёльве —, особое состояние которой (*экстаз* и *прозрение*) и служит ключом к восприятию её содержания, в то время как в «Речах Вафтруднира» миф творения

излагается достаточно объективно, дистанцированно от субъекта повествования (великана Вафтруднира), так же как и «Речах Гримнмира» упор делается на имени как носителе уникальной информации об объекте, воплощающем идею номинализма в чистом виде.

12) Как убедительно демонстрируют эддические данные, фундаментальное свойство *космогонической песни* заключается в **номинализме**, суть которого состоит в утверждении бытия только названных объектов и принципиальной недопустимости существования предметов, не имеющих наименований, и именно этот параметр объединяет её с **тулой**, цель которой составляет наименование. Этот жанр представлен в четырёх эддических песнях: Vsp., Grm., Rþ. и Fj., в которых номинация распространена как на субъектов-демиургов (ср. имена *Одина*), так и на объекты творения — элементы космизированной вселенной (*реки*), зооморфные (*кони*, *олени*, *змеи*), антропоморфные мифологические персонажи (*карлики*, *валькирии*), а также имена основателей социальной иерархии и их потомства в «Песне о Риге» (ср. имена детей *Раба*, *Земледельца* и *Знатного человека*).

Некоторые контексты, в которых объекты вселенной выступают в виде списка, изофункциональны тулам[11]. Эддические данные свидетельствуют о том, что в «Речах Гримнира» представлена **идеальная** модель мира, воплощённая *наилучшим именем*.

Особый интерес представляет собой принадлежащая Ульсену интерпретация перечня имён в «Речах Гримнира» как *заклинания* наряду с истолкованием мифологических сведений, сообщаемых Одином, как галлюцинаций, вызванных пыткой — сидением между двух костров в течение восьми дней (Olsen 1933).

Таким образом, лингво-стилистический анализ оказывается весьма эффективным методом исследования, позволяющим ввести в научный оборот уникальную информацию о мифологических песнях «Старшей Эдды» и представить их как

---

[11] Ср.: Ascr Yggdrasils, hann er **œztr** viða, // enn Scíðblaðni scipa, // Óðinn ása, enn ióa Sleipnir, // Bilröst brúa, enn Bragi scálda, // Hábróc hauca, enn hunda Garmr (Grm. 44) «Дерево *лучшее* – ясень Иггдрасиль, // лучший струг – Скидбладнир, // лучший ас — Один, лучший конь – Слейпнир, // лучший мост — Бильрёст, скальд лучший – Браги, // и ястреб — Хаброк, а Гарм – лучший пёс».

систему, построенную в соответствии со свойственными ей правилами.

Литература

Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij 2001 [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow.
Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001. М.

Mify narodov mira. Enciklopediya 1980–1982. 2 t. [*Myths of the peoples of the world. Encyclopedia*]. Moscow.
МНМ — *Мифы народов мира. Энциклопедия*. М., 1980–82. 2 т.

Starshaya Edda. Drevneislandskie pesni o bogah i geroyah 1963 [*The Elder Edda. Old Icelandic songs about gods and heroes*]. Moscow; Leningrad. *Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях* 1963. М.; Л., 1963.

Toporov V. N. 1990: *Prusskij yazyk. Slovar'*. L. M. [Prussian language. Dictionary. L. M.]. Moscow.
Топоров В. Н. 1990: *Прусский язык. Словарь*. L. M. M.

Toporov V. N. 1998: *Predistoriya literatury u slavyan. Opyt rekonstrukcii* (*Vvedenie k kursu istorii slavyanskih literatur*) [*Prehistory of literature among the Slavs. An essay of reconstruction* (*Introduction to the course of the history of Slavic literature*)]. Moscow. Топоров В. Н. 1998: *Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции* (*Введение к курсу истории славянских литератур*). М.

Andrén, A. 2014: Tracing Old Norse Cosmology: The World Tree, Middle Earth & The Sun. In: *Archaeological Perspectives*. Lund.

Edda. *Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern* 1968: Hrsg. von G. Neckel. Bd. 1: Text. Vierte umgearb. Aufl. Von Hans Kuhn. Heidelberg.

Ellis Davidson H. R. 1967: Pagan Scandinavia. London.

IEW — Pokorny J.1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, München. Bd. I–II.

Kure H. 2006: Hanging on the World Tree. Man and Cosmos in Old Norse mythic poetry. In: Andrén J. & Raudvere (eds.) *Old Norse religion in long-term perspective.* Lund, 68–71.

Nordvig M. 2013: A Method for Analyzing World-Models in Scandinavian Mythology. In: *Approaching Methodologies.* Frog & Pauliina Latvala with Helen F. Leslie. Second Revised Edition with an Introduction by Ulrika Wolf-Knuts. Annales Academiae Scientiarum Fennicae Humaniora 368. Helsinki, 377–398.

Old Norse Mythology — Comparative Perspectives 2017: Hermann, P., St. A. Mitchell, J. P. Schjødt, and A. J. Rose, eds. *Publications of the Milman Parry Collection of Oral Literature,* 3. Cambridge.

Vries J. de. 1977: *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden.

Сокращения

Fj. — *Fjǫlsvinnsmál* «Речи Многомудрого»
Grm. — *Grímnismál* «Речи Гримнира»
Grt. — *Grottasǫngr* «Песнь о Гротти»
Hdl. — *Hyndlolióð* «Песнь о Хюндле»
Rþ. — *Rígsþula* «Песнь о Риге»
Vm. – *Vafþrúðnismál* «Речи Вафтруднира»
Vsp. — *Vǫluspá* «Прорицание вёльвы»

DOI:10.30842/ielc230690152568

А. И. Фалилеев
(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

MISCELLANEA VENETICA III

В первой части статьи рассматривается спорный вопрос о венетских указательных местоимениях. В недавних обзорах исследователи уже традиционно упоминают в этой связи .e.(.)i.k., а некоторые также и форму .e.m. Обе представлены в корпусе единожды, и в работе отстаивается гипотеза об их связи с и.-е. местоимением *(h_1)*i-* ~ *(h_1)*ei-* ~ *(h_1)*e-*. Венетск. .e.(.)i.k., если мы имеем дело с полной надписью, а не её фрагментом, полностью допускает подобную интерпретацию, однако сам факт выделения .e.m. в единственной надписи из Алтино может быть и неправомерным. Вторая часть исследования посвящена анализу надписи из Атесте (*Es 127). В центре внимания оказываются кельтские вкрапления в этот венетский текст, личные имена (в дат. падеже) bo.i.iia.l.na.i[.] и rebeton[-]ia.i. Предлагается их новая интерпретация, и высказываются новые соображения по поводу суффикса *-al-* в диалектах древнекельтского. В заключении приводится ряд комментариев по поводу венето-латинских двуязычных памятников. Штамп CEUTINI / keuθ.ini рассматривается, вслед за М. Лежёном, как «графический дублет», но признается в своей основе латинским, что способствует исключению еще одного часто используемого примера для иллюстрации окончания генитива ед. ч. *o*-основ в венетском. К корпусу памятников, собранных недавно М. Эстаран, предлагается добавить (Od 5 = MLV 235) .o.te[.r.]gin / OPITERGIN.

Ключевые слова: венетский язык, италийские языки, древнекельтский, эпиграфика, индоевропеистика, антропонимика, двуязычие.

A. Falileyev
(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Miscellanea Venetica III

The first part of the paper deals with the problem of Venetic demonstratives. Recent works on Venetic single out two forms, .e.(.)i.k. and .e.m., which are found only once in inscriptions. It is likely that they go back to PIE *(h_1)*i-* ~ *(h_1)*ei-* ~ *(h_1)*e-* as it has been considered already, particularly in view of their possible counterparts in the Italic and other early IE languages, where the corresponding forms may perform both deictic and anaphoric functions. If .e.(.)i.k. is in fact the complete form, it allows such an interpretation, while segmentation of .e.m. in its sole attestation (Altino) may be erroneous. The second part of the paper analyses two Celtic names in the Venetic inscription *Es 127, (dat.sg.)

bo.i.iia.l.na.i[.] and rebeton[-]ia.i., and attention is paid to the functions of the suffix *-al-* in ancient Celtic dialects in conjunction with data from other IE languages. The final section contributes to the study of Veneto-Latin bilingual inscriptions. The stamp CEUTINI / keuθ.ini is considered as a graphic doublet following M. Lejeune and others, but analysed tentatively as Latin rather than Venetic in origin. Attention is paid to (Od 5 = MLV 235) .o.te[.r.]gin / OPITERGIN.

Key words: Venetic, Italic languages, Celtic, Indo-European studies, epigraphy, onomastics, bilingualism.

1. К вопросу об указательных местоимениях в венетском

Так как венетский является фрагментарно засвидетельствованным языком, знания об его грамматическом инвентаре оказываются существенно ограниченными. Наиболее полным остается наше представление об именной системе венетского языка, и реально зафиксированы падежные окончания многих основ, преимущественно — единственного числа, однако для *o*-основ также установлены окончания нескольких падежей во множественном числе и, возможно, номинатив двойственного. О склонении других типов основ имеется гораздо меньше данных. Так, основы на *-u* представлены только формами винительного падежа единственного (-u.n. в a.i.su.n.)[1] и множественного числа (-u.s. и -u.ś. как в a.i.su.s. и a.i.su.ś.[2]), и этот печальный список можно долго продолжать. В целом, для венетского точно известны четыре падежа (именительный, дательный, винительный и аблатив), формы родительного падежа и локатива остаются дискуссионными, а о других возможных (но не обязательных) каденциях сведений попросту нет. Характер венетских текстов обуславливает использование ограниченного количества глагольных форм (преимущественно — 3 лица) и, собственно, выбор глаголов, ср. венетск. vha.g.s.to ‘посвятил(а)’ (ср. лат. *facere*) и dona.s.to ‘дал(а)’ (< *deh_3-no-, ср. венетск. существительное в вин. п. ед. ч. *dono.m* (Ca 21) и лат. *dōnum*),

[1] Транслитерация венетских текстов следует традициям М. Лежёна (ср. MLV), если это специально не оговорено; малыми прописными буквами приводятся венетские тексты в латинской графике. Лепонтийские тексты, выполненные т. н. «алфавитом Лугано», графически не различают звонкие и глухие согласные, и *T* надписи может соответствовать [t] и [d].

[2] О *s* и *ś* в венетском имеется обширная литература; по поводу использования этих знаков в венетск. *vesoś* см.: Falileyev 2018: 39, 42–43 и иной взгляд, представленный в работе Prósper 2018: 20 сн. 23.

сигматический аорист ед. ч. (мн.ч. — *donasan* < **dona-s-n̥t*) и корневой аорист *doto* (см. краткий обзор венетской грамматики в недавних работах Wallace 2008: 132–135; Wallace 2018: 1834–1836 и Marinetti 2020: 397–398). Данные о многих частях речи в венетском также реконструируются благодаря морфологическому анализу собственных имен. Так, гипотеза о существовании причастий на *-nt-* в венетском основывается на интерпретации антропонимов vho.u.go.n. ta. i (ж. р., дат. падеж) и vho.u.go.n.te[.i]. (м.р., дат. падеж) < **vhoug-* при лат. *fugient*. Кроме этой мозаичности известных нам грамматических (как и лексических) данных, в этой связи следует обратить внимание на различное их употребление и в количественном аспекте, что также определяется характером памятников. Значительное распространение т. н. «говорящих надписей» (*iscrizioni parlanti*) типа .e.go vo.l.tiiomno.i. iuva.n.tiio.i (Es 4 = MLV 59) или .e.go. u.r.kli . e.ge|toriio.i. a.kutiio.i. (Es 5 = MLV 60) состоят из личного местоимения первого лица единственного числа .e.go и антропонимической формулы в дательном падеже. Надписи, к примеру, с глагольной формой dona.s.to используют форму личного местоимения в форме винительного падежа mego (ср. Es 24 = MLV 9 mego dona.s.to va.n.t.s. mo.l.donke|.o. kara.n.mn.s. re.i.tiia.i. или Es 25 = MLV 10 mego dona.s.to vo.l.tiomno.s. iiuva.n.|t.s. a.riiu|n.s. śa.i.nate.i. re.i.tiia.i.), и таких текстов тоже немало. Другие формы, как и иные личные местоимения (за исключением (dat. sg., Bl 1) SSELBOISSELBOI ‘himself’ и еще одной дискутируемой формы) остаются неизвестными. Указательные же местоимениях в венетском не упомянуты в работе Wallace 2008, однако десять лет спустя этот выдающийся исследователь приводит в этой связи две формы, .e.(.)i.k.[3] и .e.m. (Wallace 2018: 1835; ср. аналогично в Marinetti 2020: 398). Обе были известны десятилетиями, однако неуверенность в их интерпретации продолжает заставлять исследователей, в том числе, и отказываться от использования этих данных в принципе, ср. Dupraz 2012: 129–238.

Венетск. .e.(.)i.k. известно по одной надписи на ситуле из Кадоре, (Ca 4 = MLV 242) .e.(.)i.k. go.l.tano.s. doto lo.u.dera.i. kane.i. Текст легко интерпретируется грамматически — после рассматриваемой формы идет субъект предложения, представ-

[3] .e..i.k. во многих исследованиях, ср.: Lejeune 1953: 398; Pellegrini, Prosdocimi 1967: 73 или MLV, с. 300, однако с одной интерпункцией в других, напр., Prosdocimi 1988: 308; Marinetti 2009: 98 и т. д.

ленный личным именем, глагол в форме 3 л. ед. ч. аориста со значением ‘давать’ и два согласованных именных компонента в форме дательного падежа единственного числа. Эти два компонента были проанализированы по-разному — в первом из них видели женский антропоним, имя божества (= лат. *Libera*) и аппелятив ‘девочка’ (см. обзор в Pellegrini, Prosdocimi 1967: 131–33, и ср. новую интерпретацию в Prósper 2018: 33–35), а во втором — и личное имя, и имя прилагательное с различными значениями (см. Pellegrini, Prosdocimi 1967: 109–111 и ср. Prósper 2018: 33; см. также Lejeune 1953: 398). Личное имя go.l.tano.s. неизвестно по другим памятникам, как и рассматриваемое .e.(.)i.k.. Что же касается глагола в форме *doto*, то он достаточно частотен в памятниках венетского языка, и как и другие формы этого же глагола нередок в вотивных надписях (ср. Marinetti 2020: 386–87). Синтаксически эти тексты могут быть организованы по-разному, ср. (Es 41) vhre/ma/.i.s./tna doto / re.i.tia.i., с Nom. Sg. Fem. + *doto* + Dat. Sg. без обозначения самого объекта. Нередко этот объект оказывается частью *figura etymologica*, doto dono.m., ср. (Ca 23 = MLV 167) broi.joko.s. | dono.m. doto śa.i.nate.i.| trumusijate.i. и с обратным следованием компонентов (Ca 66 = MLV 198) fovo fouvoniko.s. doto dono.m. trumusijate.i., причем последний порядок, несомненно, является преобладающим в плане частотности. Иногда объект может быть назван, как в случае с названием венетского абецедария, встречающегося в этих надписях в форме винительного падежа vda.n., ср. (Es 47 = MLV 28) vda.n. vhugia .u.r.kle.i.na | re.i.tie.i. [sic!] dona.s.to. Объект может быть выражен личным местоимением в форме винительного падежа единственного числа *mego* ‘меня’ (т. н. «говорящие надписи»), ср. (Es 46 = MLV 27) mego doto re.i.tia.i. | bu.k.ka kolia.i. Имеются и более сложные структурно надписи как (Es 71) [..] e.kvo[.]n dona.s.to re.i.ti[ia.i.] mego, в которой используется и местоимение *mego*, и указывается объект e.kvo[.]n. В контексте этих синтаксических типов надписей венетск. .e.(.)i.k. как и .e.m. и должны быть рассмотрены.

В целом, .e.(.)i.k. интерпретировалось по-разному, и, в том числе, в нем видели имя собственное или какое-то сокращение, см. обзор старой литературы [Pellegrini, Prosdocimi 1967, 73] и несколько кратко изложенных гипотез в [Lejeune 1953, 398]. В более поздней работе М. Лежен осторожно рассматривает .e.(.)i.k. как использование местоимения в локативе в наречной функции и сопоставляет его с древнелатинск. heike > лат. hīc, т. е. .e.(.)i.k. может восходить к $*g^h ei$-(-*ke*) ‘тут’ как латинские

формы и фалискские *he*, *fe* (MLV, с. 100 и 169). Предложение Лежена было отвергнуто уже А. Просдочими (ср. Prosdocimi 1988: 308), так что необходимо скорректировать этимологическую часть с учетом современного состояния компаративистики. Так, о др.-лат. *heike* = лат. *hī* (nom. pl.) и *heike* = *hīc* (Loc.) см. Vine 1993: 237–8, а о фалиск. *hec* ‘здесь’ как производном от локатива местоимения **hei-ke* см. Bakkum 2009: 151. Начальный же звук в лат. *hic* и др., как отмечал М. Уайс, может восходить как к $*g^h$-, так и к $*g'^h$-, и непосредственная протоформа реконструируется как **he-ce* или **ho-ce* (см. Weiss 2009: 344, ср. также Meiser 2006: 162 — без упоминания варианта с палатальным гуттуральным). Более того, недавний анализ италийских форм как новообразований привел к выводу, что гипотеза о принадлежности к рассматриваемой *comparanda* венетск. .e.(.)i.k. крайне маловероятна («highly improbable» — Dupraz 2012: 304, сноск. 67). Следует также отметить, что сам Лежён, предлагая это этимологическое решение, отмечал, помимо прочего, и несколько его фонетических сложностей на уровне анализа собственно венетского корпуса (MLV, с. 100); о рефлексах и.-е. $*g^h$-, в венетском см. недавно Falileyev 2018: 43–44.

Другое объяснение возводит венетск. .e.(.)i.k. к и.-е. местоимению $*(h_1)i$- ~ $*(h_1)ei$- ~ $*(h_1)e$-, ср. лат. *is*, *ea*, *id* (см. Weiss 2009: 339–342 и Meiser 2006: 159–161). Детальное исследование соответствующих сабелльских данных проведено в работе Dupraz 2012: 129–238, ср. также обзор старой литературы в статье Ходорковская 1996: 84. Анализ венетск. .e.(.)i.k. как производного от к и.-е. $*(h_1)i$-, etc., и сопряженного с дейктическим элементом *-ke* (ср. лат. *nunc*, см. в этой связи Meiser 2006: 161–162) был принят значительным числом исследователей (ср. Prosdocimi 1988: 308; Marinetti 2009: 98 и т. д.). Этимологически это объяснение представляется более убедительным, и если .e.(.)i.k. надписи не является на самом деле […].e.(.)i.k., то двойная интерпункция в этом слове не представляет собой проблему. Подобные случаи редко, но встречаются в венетском корпусе, ср. (Es 60 = MLV 40) .a..l.lo, (Es 91 = MLV 92) .u.ko e..n.non.s. или (Es 90 = MLV 91) moloto .e..n.nonia. Теоним a..isu.s сохранят двойную интерпункцию во всех падежах (Gt 2 = MLV 244 и Gt 1 = MLV 243), ср. также теоним a..l.t(i)no-, о котором см. Marinetti 2009: 104–107. Двойная интерпункция традиционно появляется в написании vhrema.i..s.tna (напр. Es 41 = MLV 22, Es 52 = MLV 33 или Es 95 = MLV 96), хотя датив этой формы известен и с одной

интерпункцией, (Es 42 = MLV 23) vhrema.i.s.tna.i. Так как формально .e.(.)i.k. нельзя объяснить как существительное (объект глагола в форме винительного падежа, ср. выше примеры с vda.n. или e.kvo[.]n.), и оно вряд ли является демонстративом (‘proprium’, < **eiko-*, готск. *aigan*, так Lejeune 1953: 398), то самым экономичным решением будет осторожно видеть в ней указательное местоимение и этимологически возводить к и.-е. *(h_1e)*i*-, etc.

Интерпретация второй формы затруднена несколько иными причинами. Венетск. .e.m. выделяют при анализе надписи на скифосе IV в. до н. э. из Алтино, которая в изданиях А. Маринетти выглядит как .a.[.l].t.no.i..e.m.a.-- [--].o.[z]ona.[s.t]o (Marinetti 2004: 393–394) и .a.[.l].θ<.>no.i..e.m.a.-- [--] .o.z̥ona.s̥[.]θ̥o (Marinetti 2009: 83), то есть A[l]tnoi em A----o [d]ona[st]o ‘oppure *em A---o donasto A*[*l*]*tnoi*’. Надпись включает имя божества в дативе (A[l]tnoi), плохо сохранившееся имя дедиканта (A----o) и глагольную форму 3 л. ед. ч. претерита *donasto*, известную и по другим венетским памятникам. В A[l]tnoi видят вариант более распространенного написания *altino-* (см. подробно Marinetti 2009: 104–107), а имя посвятившего эту надпись (в номинативе) рассматривают как еще один венетский антропоним, принадлежащий к *n*-основам, ср. *Fovo* или *Moldo*. Соответственно, в *em* текста А. Маринетти интерпретирует как дейктическое местоимение в винительном падеже, «deittico accusative em = ‘questo’». Исследовательница достаточно подробно останавливается на его анализе и сопоставляет эту форму с лат. *em*, *im* и сикульск. *im* (Marinetti 2004: 394; 2009: 97–98), таким образом возводя её также к и.-е. *(h_1e)*i*-, etc. Латинская форма была рассмотрена с разных сторон (ср. Ходорковская 1996: 85; Meiser 2006: 160 и Weiss 2009: 341), и она действительно выступает в анафорической функции, как и её этимологические параллели в оскском. Однако приводимая Маринетти сикульск. *im*, как отмечают исследователи, в отличие от латинских и оскских когнатов, используется именно в дейктической функции (Poccetti 2012: 85), что известно и для этимологических параллелей в других и.-е. языках, ср. также Kupfer 2003: 205–208 в плане амбивалентности соответствующих др.-инд. примеров. Впрочем, это не влияет на предложенную этимологию и интерпретацию .e.m. как местоимения, однако чтение самой надписи, из которой .e.m. выделяется, может вызывать вопросы. Ее прорисовки (Marinetti 2004: 394; 2009: 122) позволяют видеть после после-

довательности e.m.a. еще одну графему <m> и, возможно, интерпункцию, то есть e.m.a.m(.)[…]. Таким образом, по крайней мере, следует поставить вопрос, действительно ли дарителем был *A---o*, как полагают исследователи, или *Emam---o* при этом чтении. Имена на *A-* в венетском хорошо известны, однако начинающиеся на *Em-* антропонимы не встречаются в известном корпусе, что может быть, однако, лишь проблемой фиксации. Этимологические же изыски оказываются в таком случае затрудненными, хотя бы потому, что мы можем иметь дело здесь с ассимиляцией. Обратный процесс диссимиляции назальных в венетском был рассмотрен (ср. MLV, с. 133), и следует обратить внимание на крайнюю редкость сочетания <e.m.> в текстах, ср. упоминавшиеся уже выше формы антропонима (дат. п.) [v]hre.m.<m>ato.i. и vhrema, vhrema.i..s.<ti.s.>, vhrema.i..s.tna или vhrema.i..s.tna. Таким образом, если неуверенность в правильности интерпретации .e.(.)i.k. как указательного местоимения, о чем полвека тому назад писал М. Лежен (MLV, с. 100), продолжает оставаться, то венетск. .e.m. является этимологически непротиворечивым, но выделение этой формы в единственной надписи из Алтино может быть и неправомерным.

2. К интерпретации венетской надписи из Атесте (*Es 127).

Венетская надпись на ситуле III в. до н. э. из Атесте (*Es 127) .e.go vhrema.i. bo.i.iia.l.na.i[.] rebeton[-]ia.i. votina.i. .e.petari.s. давно и хорошо известна исследователям (ср. Prosdocimi 1988: 255). Она относится к «говорящим надписям» и начитается с формы личного местоимения первого лица ед. ч., а заканчивается много дискутируемым словом, скорее всего означающим погребальный памятник. Оно известно во многих написаниях, ср. .e.kvopetari.s, .e.kupetari.s, .e.kvopetar.s, .e.p.petari.s, ECVPETARIS или EQVEPETARS, и его этимологический анализ, как и точное значение, остаются дискуссионными (см. обзор старой литературы в Pellegrini, Prosdocimi 1967: 74–78, недавнее исследование Pinault 2015–6 и ср. Eska, Wallace 2002: 261–62 касательно синтаксической организации подобных текстов). Глагол в надписи отсутствует, и представлены две пары имен в форме дательного падежа единственного числа. Очевидно, что это — захоронение двух женщин, Фремы и Ребетонии; вопрос же о том, имеется ли здесь ввиду Фрема Бойална или Фрема, жена (дочь) Бойалнса, и Ребетон[-]ия

Вотина, или Ребетон[-]ия жена (дочь) Вотса, остается открытым — идея о том, что формы на *-na* являются гамонимами (или женскими патронимами) продолжает вызывать дискуссии. Также продолжается обсуждение вопроса о связи между этими двумя женщинами. В любом случае, bo.i.iia.l.na.i[.] и rebeton[-]ia.i. надписи уже давно рассматривались как производные от кельтских имен. Сам факт присутствия лингвистически кельтских по происхождению антропонимов в собственно венетских надписях не вызывает особой озабоченности — подобных примеров немало, и хотя, с точки зрения их этимологического анализа некоторые из них остаются дискуссионными, в целом этих примеров достаточно (см. Eska, Wallace 1999; Marinetti, Solinas 2014; Prósper 2019).

Обе кельтские формы, присутствующие в этой надписи из Атесте, остаются во многом спорными. Так, все исследователи согласны в том, что bo.i.iia.l.na.i[.] восходит к кельск. **boialos* (ср. Prosdocimi 1988: 255; Marinetti, Solinas 2014: 78 или Prósper 2019: 143). Понятно, что эта форма обычно далее прослеживается к кельтск. **boi-* ‘бить, сражаться’ vel sim., ср. известнейшее галльское племенное название *бойи*. Впрочем, имеются и альтернативные интерпретации этимона на и.-е. уровне, а кельтских имен, восходящих к этому компоненту, известно немало, ср. *Boius*, *-a*, *Boiio-rix*, и т. д. (см. Delamarre 2019: 138–39). Антропоним сам по себе также зафиксирован в другой собственно венетской надписи (Es 28 = MLV 18) mego lemetore[.i. v]hratere.i. do/na.s.to bo.i.iio.s // vo.l.tiio.m.mno.i. (‘Леметор Бойос (…) брату Волтиомну’ согласно Просдочими (Prosdocimi 1988: 275–76), но ‘Бойос (…) брату Леметору’ согласно Лежёну (MLV, с. 203); bo.i.iio.s. надписи нередко рассматривают как патроним. Имя же *Boialos*, похоже, не встречается в древнекельтском ономастиконе. Конечно, это может быть просто следствием отсутствия аттестации, но А. Маринетти и П. Солинас настаивают на том, что суффикс *-alo-* имени является типичным для лепонтийской ономастики, вспоминая такие лепонтийские формы (в дат. п.) как *Terialui*, *Piuotialui*,[4] *Maesilalui* и т. п. (Marinetti, Solinas 2014: 78). Это предположение не может не вызвать недоумения, так как приведенные исследовательницами примеры являются, несомненно, патронимами, соотв., «сыну Дерия», «сыну Бивонтия» и т. д. Действительно, патронимический суффикс на *-al-* хорошо

[4] *PiuoTialui*; встречается дважды в лепонтийском корпусе, см. *LexLep*, s.v.

засвидетельствован в лепонтийском корпусе и часто сопоставляем с этрусским окончанием генитива. Однако известны попытки рассматривать его и как автохтонный, см. обзор литературы в *LexLep*, s.v. *-al*, который учитывает и возможные латинские параллели. В любом случае, лепонтийские патронимы встречаются вместе с личными именами, которые они определяют, для последнего приводимого Солинас примера см. лепонтийскую надпись второй половины II в. до. н. э. из Миасино, meTelui : maeśilalui : uenia : meTeliKna : aśmina : KrasaniKna ‘Вения дочь Метела (и) Атсмина дочь Красана (для) Метела сына Маэтсила’ (*LexLep*, No-18, с правкой нотации). Таким образом, интерпретация итальянских исследовательниц подразумевает, что в венетской надписи из Атесте гамоним bo.i.iia.l.na.i[.] оказывается одновременно и патронимом, что невозможно, или двойным (или даже тройным!) патронимом, что также весьма маловероятно. При кельтской же интерпретации формы к лепонтийскому патрониму оказывается присоединенным еще какой-то компонент, что не имеет никаких параллелей в лепонтийском. Примечательно, что сочетание имени *Boius* с, возможно, иным патронимическим суффиксом известно и в другой венетской надписи, (Es 66 = MLV 46) [m]o.l.do bo.i.kno[s. |d]ona.s.to., ср. KrasaniKna из цитируемой выше лепонтийской надписи.

Соответственно, предложенный А. Маринетти и П. Солинас анализ этой формы не может быть принят. Конечно, в лепонтийском корпусе имеется немало примеров, в которых интерпретация *-alo-* сопряжена со сложностями, но они, так или иначе, преодолимы (см. Eska, Wallace 1999: 131). Одним из решений этой проблемы является анализ антропонимов не как патронимов на *-al-*, но как композитов, вторая часть которых содержит последовательность *-alo-*. Так, RiTuKalos в лепонтийской надписи из Чернуско (ср. *LexLep*, s.v. ritukalos) традиционно интерпретируется как составное имя, RiTu- & Kalos, и, в принципе, подобный подход можно применить и к анализу bo.i.iia.l.na.i[.] венетской надписи. После всеобъемлющего анализа П. Симс-Уильямсом галльских данных на *Ial-* и *-ialo-* (Sims-Williams 2005) можно предположить, что в надписи из Атесте содержится композит (гапакс) **boi- & -ialos*. Однако следует отметить, что в древнекельтском имеется и собственно словообразующий суффикс *-al-*, как, например в галльск. антропонимах *Rialus*, *Rialo-branus* и т. д. (см. Delamarre 2017: 149–150). Соответственно, имя из венетской надписи можно

проанализировать как **boi-* & *-al-* без отсылки к лепонтийскому материалу, в котором *-alo-* выполняет патронимическую функцию. Примечательно, что в сноске А. Маринетти и П. Солинас ссылаются на форму *tivalei* из надписи из Падуи (Marinetti, Solinas 2014: 78 сн. 7), которая (*Pa 25) читается как tivale.i. be.l.lene.i. Далее в своей статье итальянские исследовательницы упоминают другую надпись из того же населенного пункта (*Pa 26 vhugiio.i. tivaliio.i. a.n.tetiio.i. <vku> .e.kupetari.s. e.go. (ср. Eska, Wallace 2002: 262), где также мы обнаруживаем сопоставимую форму tivaliio.i. (Marinetti, Solinas 2014: 79). Имя (или имена) являются венетскими (ср. Prosdocimi 1988: 290–1), хотя многие видят в них кельтские антропонимы, а что же касается самого этого словообразующего суффикса, то он также хорошо известен в венетском. В целом, вопрос о суффиксе *-al-* и его функциях в различных древнекельтских диалектах нуждается в существенном пересмотре, и также с учетом латинских и венетских параллелей, как и «северно-италийского суффикса» *-alo-*, частотного в антропонимии (см. ссылки в *LexLep*, s.v. *-al*), к чему следует также добавить анатолийские и палеобалканские данные (см. Georgiev 1971)[5]. В связи же с рассматриваемым примером ср. также венетск. a.mu.s.kia.l.na.i (Es 82 = MLV 83), где конечное *-na* является показателем гамонима или патронима (Eska, Wallace 1999: 131). Попутно следует отметить, что формально bo.i.iia.l.na.i[.] точно соответствует венетскому антропониму a.mu.s.kia.l.na.i в плане последовательности компонентов *-al-* & *-na-*, однако признать его венетским, а не кельтским, не решается ни один исследователь.

Согласно А. Маринетти и П. Солинас, другой кельтский антропоним, переданный в надписи как rebeton[-]ia.i., следует анализировать как композит, *re-* & **bet*(*u*)*o-* (Marinetti, Solinas 2014: 78). Эта этимология не была принята Б. Проспер, которая отмечает, что «**bet*(*u*)*o-* обозначает ‘береза’, и маловероятно, что перед этим словом оказался необъясненный префикс *re-*» (Prósper 2019: 144). Испанская исследовательница также уверена, что имя является кельтским по происхождению, но полагает, что оно, реконструируемое как **rēbet*(*-o-/-ā*), восходит к **prei-b*^{h}*u*(h_2)*-o-* ‘(being) first’. В этом нет необходимости, как и уверенности в том, что имя содержит *ē*, а предложенная этимо-

[5] Анатолийские данные рассмотрены в Sasseville 2014/2015: 109–129. Я благодарен А. В. Шацкову за эту ссылку и планирую рассмотреть все эти вопросы в отдельной работе.

логия вызывает много вопросов. При анализе этого имени следует учитывать то, что префикс *re-* < *ro-* (< и.-е. **pro-*) в галльских композитах нередко используется в усилительной функции, ср., напр. топоним *Rerigonium* < *ro-rīg-on-io-* ‘la (place) très royale’ (Delamarre 2017: 164) или антропонимы *Burra*, *Burrius*, *Burrus* и *Reburus* (ср. валл. *bwr* ‘большой’, кельск. **burro-*; возможны и другие интерпретации). Галльск. **bet*(*t*)*o/u-* ‘береза’, как и **bētu-* ‘еда, питание’ частотны в древнекельтских антропонимах (см. Delamarre 2019: 123–24), поэтому их появление с «интенсивным» префикс *re-* в этом имени из венетской надписи из Атесте не представляется неправдоподобным.

3. Вновь о венето-латинских двуязычных памятниках.

Благодаря исследованию М. Эстаран в нашем распоряжении оказался выверенный корпус венетско-латинских двуязычных надписей (Estarán 2016: 199–223). Одна из них — штамп на керамике CEUTINI / keuθ.ini (с вариантами написания CEUTENI) — нуждается в определенном пересмотре. Надпись хорошо известна в литературе (Pa 19 = MLV 150), и испанская исследовательница приводит варианты её аттестации и значительную библиографию современных работ, где она упоминается или анализируется (см. Estarán 2016: 208–212), см. также теперь удачный компактный обзор использования латинских алфавитов для записи «малых языков» Италии в Simón Cornago 2020: 1076–1084). Сложность в интерпретации именно этого во многом уникального текста связана с проблемой окончания принадлежащих к *o*-основам венетских существительных в родительном падеже единственного числа. Традиционно, это окончание определялось как *-i*, однако на протяжении нескольких десятилетий многим исследователям удавалось показать, что ряд приводимых примеров относится к другим типам основ, а окончание может быть и показателем дательного падежа единственного числа, см., напр., Eska, Wallace 2002 и Prósper 2019: 133–137. То, что окончание родительного падежа единственного числа *-i* свойственно *o*-основам венетских существительных принято в современной науке на основании нескольких примеров (ср. Prósper 2018: 6; Wallace 2018: 1835 или Marinetti 2020: 396), однако для нескольких зафиксированных форм интерпретация *-i* остается открытой. Как представляется, к ним относится и эта надпись, что не может не

поставить вопроса о типе билингвизма, который CEUTINI / keuθ.ini иллюстрирует.

Этот социолингвистический вопрос не прошел мимо внимания М. Эстаран (Estarán 2016: 209 сн. 358). Испанская исследовательница ссылается на определение М. Лежена рассматриваемого текста как «графического дублета» («doublet graphique», MLV, с. 23) и на работу Eska, Wallace 2002 касательно сложности выделения окончания родительного падежа единственного числа *-i* в венетском. Однако, как отметил Р. Уоллас, «поскольку эта надпись принадлежит к самому последнему периоду [истории] венетского, невозможно в этом случае исключить влияние латыни, даже если само имя является местным по происхождению» (Wallace 2008: 133). Действительно, поздний период существования венетского языка связан, в том числе, и с появлением венетских текстов в латинской графике, см. пионерское исследование Lejeune 1957 и обзор современного состояния их изучения в исследования в Simón Cornago 2020: 1084, где также упоминается о том, что целый ряд подобных надписей остается неизданным. Однако таких текстов известно немало, ср. Es 29 = MLV 19 MEGODONASTO, точно соответствующее mego dona.s.to надписей с применением венетского алфавита, напр. Es 23 = MLV 8 или Es 25 = MLV 10. В литературе уже было отмечено, что в венетских надписях, записанных латинским алфавитом, иногда встречаются латинские, а не венетские падежные окончания личных имен, как в случае с формами именительного падежа ед. ч. *-us* вместо ожидаемого -o.s. в собственно венетских текстах, ср. уже Lejeune 1957: 160. Исходя из этого мы можем, вслед за Уолласом и другими учеными, интерпретировать CEUTINI / keuθ.ini как еще один пример латинского влияния на венетский.

Однако, как представляется, этот пример можно проанализировать и несколько по-другому. Действительно, в случае с амфорными клеймами (своего рода «торговыми марками») — а именно с ней мы имеем дело в штампе CEUTINI / keuθ.ini — вполне можно ожидать транслитерацию. Транслитерация как прием известна в античных культурах и стоит обособленно в рамках исследования билингвизма ранних обществ (ср. Adams 2003: 40–66), а М. Лежен (Lejeune 1957: 158) рассматривает и другую венетскую надпись (Tr 3 = MLV 229) OSTIANCO . VSEDICA / ostiianko . uśedika как диграфичную («non pas bilingue mais ‘digraphe’»); о ней см. также Prósper 2019: 157 и ср.

обобщающие формулировки Лежена (MLV, с. 23) по поводу графических дублетов в корпусе венетских памятников. Примечательно, что эта надпись, как и другие венето-латинские орфографические дублеты, согласно редакционной политике М. Эстаран, не включены в её корпус (Estarán 2016: 199–223). В данном же конкретном случае следует учесть собственно характер памятника и обратить внимание на смену кода, при котором используется латинская именная морфология вместо автохтонной, как в случае с именами горшечников на амфорных клеймах и граффити из Галлии (ср. Adams 2003: 705–719). Адамс рассматривает эти примеры с точки зрения диглоссии, учитывающей престижность латинского языка, полагая, что продукция, маркированная галльскими именами с собственно галльской морфологией, была предназначена для внутреннего рынка (Adams 2003: 755). Многие выводы британского исследователя были пересмотрены (ср. Blom 2012 и Mullen 2013), в том числе и предложенное им объяснение использования латинской флексии для галльских имен, см. важные выводы, представленные в работе Blom 2012: 32–35 и 39–43. Учитывая все эти соображения, можно представить и несколько другой сценарий появления пары CEUTINI / keuθ.ini. Так, возможно, что венетское имя — а существует немало косвенных свидетельств его эпихоричности — было использовано первично в латинской транслитерации и с ожидаемой латинской флексией родительного падежа. Возможное совпадение падежной флексии в двух языках было всего лишь бонусом для венето-говорящей аудитории. Собственно латинская, более престижная «торговая марка» была дублирована в венетской транслитерации, сохраняя, тем не менее, свою престижность. Таким образом, резонность включения этого дублета в корпус (Estarán 2016: 199–223) может быть поставлена под сомнение, и, в любом случае, сама форма keuθ.ini не может быть безоговорочно использована для иллюстрации окончания родительного падежа единственного числа *o*-основ венетского языка.

Так, CEUTINI / keuθ.ini оказывается особенным памятником в корпусе венетско-латинских двуязычных надписей собранных М. Эстаран. К самому же корпусу следует добавить и ещё один пример, (Od 5 = MLV 235) .o.te[.r.]gin и OPITERGIN времен Союзнической войны (91–88 до н. э.), ср. [Marinetti 2020, 389]. Как считается, в этих двух случаях мы имеем дело с наименованием жителей Одерцо (античный Opitergium) в форме

родительного падежа множественного числа. Вторая из них является латинской, и её читают как OPITERGIN(ORUM). Венетское соответствие Лежён реконструирует как .o.te[.r.]gin(o.n.) и упоминает синкопу *ĭ* (*Op*(*i*)*terg*), см. MLV, с. 294, ср. с. 120. В этой связи можно задуматься о том, что нам неизвестна собственно венетская языковая модель для выражения того, что в латинской надписи представлено формой генитива мн. ч. от названия города, отсюда, возможно, и необязывающая реконструкция Лежёна. Также следует обратить внимание на постулируемое по умолчанию изменение венетск. *opi-terg-* > **opteg-* > *oterg-*, которое получило объяснение только для второй стадии. Очевидно, что пара .o.te[.r.]gin / OPITERGIN позволяет интерпретацию не только как орфографический дублет. Несмотря на все вопросы, которые вызывает её интерпретация, эти данные необходимо поместить — с очевидными оговорками — в корпус венетско-латинских двуязычных надписей.

Библиография

Adams, J. N. 2003: *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge.

Bakkum, G. C. L. M. 2009: *The Latin Dialect of the Ager Faliscus*: *150 Years of Scholarship*. Amsterdam.

Blom, A. 2012: Language at La Graufesenque: the evidence of the potters' graffiti. *Keltische Forschungen* 5, 7–47.

Delamarre, X. 2017: *Les noms des gaulois*. Les Cent Chemins.

Delamarre, X. 2019: *Dictionnaire des thèmes nominaux du gaulois*: I. *Ab- / Iχs(o)-*. Les Cent Chemins.

Dupraz, E. 2012: *Sabellian demonstratives*: *forms and functions*. Leiden ; Boston.

Eska, J. E., Wallace, R. E. 1999: The linguistic milieu of *Oderzo 7. *Historische Sprachforschung* 112, 122–136.

Eska, J. E., Wallace, R. E. 2002: Venetic consonant-stem dative singulars in *-i*? *Studi etruschi* 65–68, 261–273.

Estarán Tolosa, M. J. 2016: *Epigrafía bilingüe del Occidente romano. El latín y las lenguas locales en las inscripciones bilingües y mixtas*. Zaragoza.

Falileyev, A. 2018: Venetic *vesoś*. *Incontri Linguistici* 41, 39–45.

Georgiev V. 1971: Das thrakische Suffix *al* und seine hethitisch-luwischen Entsprechungen. *Donum indogermanicum*. Heidelberg, 161–166.

Khodorkovskaya, B. B. 1996: [On anaphorical pronoun in Italian languages]. Voprosy yazykoznaniya 6, 84–90. Ходорковская, Б. Б. 1996: Об анафорическом местоимении в италийских языках. *Вопросы языкознания* 6, 84–90.

Kupfer, K. 2003: Deictic use of demonstrative pronouns in the Rigveda. *Deictic Conceptualisation of Space*, *Time and Person*. Amsterdam; Philadelphia, 203–221.

Lejeune, M. 1953: Venetica. *Latomus* 12, 385–401.

Lejeune, M. 1957: Observations sur les inscriptions vénéto-latines. *Studies presented to Joshua Whatmough*. The Hague, 149–163.
LexLep = Stifter D., Braun, M. Vignoli M. et al. *Lexicon Leponticum*, http://www.univie.ac.at/lexlep/wiki/Main_Page
Marinetti, A. 2004: Venetico: rassegna di nuove iscrizioni (Este, Altino, Auronzo, S.Vito, Asolo). *Studi etruschi* 70, 389–408.
Marinetti, A. Da Altno- a Giove: la titolarità del santuario. I. La fase preromana. *Altnoi. Il santuario altinate*. Roma 2009. P. 81–127.
Marinetti, A. 2020: Venetico. *Palaeohispanica* 20, 367–401.
Marinetti, A., Solinas P. 2014: I Celti del Veneto nella documentazione epigrafica locale. *Les Celtes et le Nord de l'Italie*. Dijon, 75–87.
Meiser, G. 2006: *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. Darmstadt.
MLV = Lejeune M. 1974: *Manuel de la langue vénète*. Heidelberg.
Mullen, A. 2013: The language of the potteries: communication in the production and trade of Gallo-Roman terra sigillata. *Seeing Red*: *new economic and social perspectives on terra sigillata*. London, 97–110.
Pellegrini, G. B., Prosdocimi A. L. 1967: *La lingua venetica*. T. 2. Padua.
Pinault, G.-J. 2015–6: Venetic *ekvopetaris* and its Indo-European background. *Wékwos* 2, 179–194.
Poccetti, P. 2012: Language relations in Sicily. Evidence for the speech of the Σικανοί, the Σικελοί and others. *Language and Linguistic Contact in Ancient Sicily*. Cambridge, 49–94.
Prosdocimi, A. L. 1988: La lingua. *I Veneti antichi*, *lingua e cultura*. Padova, 225–420.
Prósper, B. M. 2018: The Venetic inscription from Monte Manicola and three *termini publici* from Padua: A reappraisal. *The Journal of Indo-European Studies* 46, 1–61.
Prósper, B. M. 2019: Celtic and Venetic in contact: The dialectal attribution of the personal names in the Venetic record. *Zeitschrift für celtische Philologie* 66, 131–176.
Sasseville, D. 2014/2015: Luwian and Lycian agent nouns in *-*é-leh*$_2$. *Die Sprache* 51, 105–124.
Sims-Williams, P. 2005: Welsh *Iâl*, Gaulish Names in *Ial-* and *-ialo-*, and the God *Ialonus*. *Cambrian Medieval Celtic Studies* 49, 57–72.
Simón Cornago I. 2020: Adaptations of the Latin alphabet to write fragmentary languages. *Palaeohispánica* 20, 1067–1101.
Vine, B. 1993: *Studies in Archaic Latin Inscriptions*. Innsbruck.
Wallace, R. 2008: Venetic. *The ancient languages of Europe*. Cambridge, 124–140.
Wallace, R. 2018: Venetic. *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*. Berlin; Boston, 1832–1839.
Weiss, M. 2009: *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*. Ann Arbor.

DOI:10.30842/ielc230690152569

М. Л. Хорьков
(Институт философии РАН)

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ «КНИЖИЦЫ ЛЮБВИ» («MINNEBÜCHLEIN») В СВЕТЕ ЕЁ ЛАТИНСКОЙ ВЕРСИИ

В статье представлены результаты новейших исследований текста полной латинской версии немецкой «Книжицы Любви», сохранившейся под названием «Libellus caritatis» и недавно идентифицированной в составе рукописи Москва, РГБ, Фонд 201, № 33, 1v–15r. Немецкая версия «Книжицы Любви» («Minnebüchlein») сохранилась в единственной рукописи Zürich, Zentralbibliothek, Ms C 96, ff. 63v–75r. Её издатель К. Бильмейер полагал, что авторство этого текста может быть приписано немецкому доминиканцу Генриху Сузо. Однако в результате анализа латинской версии в данной статье делается вывод о том, что немецкая «Книжица Любви», скорее всего, является переводом с латинского языка и что обе версии вряд ли можно считать составленными ранее конца XIV в., т. е. они являются более поздними компиляциями с использованием извлечений из текстов Генриха Сузо.

Ключевые слова: Генрих Сузо, «Книжицы Любви», «Minnebüchlein», «Libellus caritatis».

M. L. Khorkov
(RAS Institute of philosophy)

On the question of authorship of the *Little Book of Love* (*Minnebüchlein*) in the light of its Latin version

The most recent research on the complete Latin version of the Middle German *Little Book of Love* (*Minnebüchlein*, assumedly attributed by K. Bihlmayer to German Dominican friar Henry Suso), transmitted under the title *Libellus caritatis* and discovered in the manuscript Moscow, Russian State Library, Fonds 201, Ms. 33, ff. 1v–15r, leads the author of this article to the conclusion that the German version, preserved only in one manuscript (Zürich, Zentralbibliothek, Ms. C 96, ff. 63v–75r), is most likely a translation from Latin, and both versions can hardly be considered as composed before the end of the fourteenth century, i.e. they are, rather than Henry Suso's original works, later compilations that used excerpts from his texts.

Key words: Henry Suso, «Little Book of Love», «Minnebüchlein», «Libellus caritatis».

Весной 2016 г., во время пролистывания хранящегося в отделе рукописей РГБ латинского манускрипта № 33 из собрания А. С. Норова, у автора этой статьи вдруг возникло странное ощущение, что текст первого из входящих в состав этого кодекса сочинений ему хорошо известен, несмотря на то что прежде он его никогда не видел. По мере чтения этого небольшого текста, озаглавленного «Libellus caritatis» и занимающего в рукописи чуть менее пятнадцати листов, ощущение узнавания чего-то уже давно известного никуда не исчезало; напротив, оно только усиливалось. И тем острее был контраст с тем, что поначалу невозможно было ни опознать это уже давно известное, ни даже понять, что оно может собой представлять. И только спустя несколько дней какой-то очень глубокий пласт сознания дал памяти подсказку: так это же не что иное, как латинская версия немецкой «Книжицы Любви», текста, который автор этих строк переводил на русский язык ещё в 2001–2003 гг. (Heinrich Seuse 2003)!

Спустя некоторое время это открытие подтвердилось, после того как составители опубликованного в конце 2016 г. каталога западноевропейских рукописей, хранящихся в РГБ, в описании рукописи M (Abendländische Handschriften 2016: 204–205) со ссылкой на А. Фрекманн также высказали предположение, что в данном случае «речь, вероятно, идет о «Книжице Любви» («Minnebüchlein»), по-немецки сохранившейся в единственном манускрипте Zürich, Zentralbibliothek: Cod. C 96» (Abendländische Handschriften 2016: 204).

Обнаруженный факт существования двух версий — латинской и немецкой — одного и того же текста неизбежно ставит вопрос, насколько эти версии совпадают и, главное, какая из этих версий первоначальная? Иначе говоря, какая из них могла послужить оригиналом, а какая стала переводом? Попытка ответить на этот вопрос и предпринимается в этой статье.

Публикуя текст немецкой версии «Книжицы Любви» в своем томе собрания сочинений Генриха Сузо (Heinrich Seuse 1907) и тем самым приписывая, пусть и с оговорками, авторство данного текста этому доминиканцу, Карл Бильмейер заметил, что его «подлинность недостоверна, но весьма правдоподобна» («Echtheit nicht sicher, aber sehr wahrscheinlich», Heinrich Seuse 1907: 537). Основанием для такого вывода ему послужил тот факт, что в значительной своей части «Книжица Любви» просто скомпилирована из различных глав «Книжицы Вечной Премудрости» — сочинения, в отношении которого

авторство Генриха Сузо не вызывает сомнений, поскольку по имеющимся данным он сам включил его в прижизненное собрание своих сочинений, известное как «Exemplar» (Heinrich Seuse 2014).

К сожалению, детальная реконструкция истории рукописи M до того, как она стала частью коллекции А. С. Норова и затем вошла в состав библиотеки Румянцевского музея, не представляется возможной по причине отсутствия соответствующих записей в самой рукописи. Весьма вероятно, что А. С. Норов приобрел данный манускрипт во время своего большого путешествия в Европу в начале 1820-х гг., когда он много времени провел в Германии. Впрочем, нельзя исключать и того, что рукопись M могла быть приобретена им позднее, в 1840-х гг. (Abendländische Handschriften 2016: 204). К сожалению, ни точная дата, ни место, ни обстоятельства этого приобретения неизвестны, что затрудняет также ответ на вопрос о происхождении рукописи M и местах её пребывания до первой половины XIX в. Лишь в незначительной степени эту лакуну могут компенсировать сведения о переписчике «Libellus caritatis», содержащиеся в рукописи M:

> «Explicit libellus caritatis per manus Johannis de Hexheym humilimi vestri pro quo ut prevenientis gratiae principicium deducat ad proficiens medium et ad finem perficientem felicissimum patrem domini nostri Jhesu Cristi secundum quod paraclitum ab utroque eternaliter emanantem devocius exoretis» (M: 15r).

Под именем Иоанна из Хексхайма (Johannes de Hexheym) в XIV и XV вв. был известен ряд лиц, проживавших преимущественно на юго-западе Германии и в Эльзасе или происходивших из этого региона, где находилось несколько населенных пунктов, носивших название «Хексхайм» (Hexheym; также Hexheim, Hegssheim) (Chmel 1962: 149). Некоторые из них сохранились до нашего времени. Данный факт позволяет локализовать рукопись M именно в этом регионе. Кроме того, об этом также свидетельствует ряд языковых особенностей текста рукописи, например, доминировавшее в этом регионе употребление «y» вместо «i» в топониме Hexheym. Помимо этого, сам характер содержащихся в рукописи M сведений о переписчике Иоанне из Хексхайма позволяет предположить, что, вероятнее всего, он был именно переписчиком, а не составителем и тем более не автором анонимных текстов данной рукописи.

Единственная встречающая в кодексе РГБ, Фонд 201, № 33 точная дата — 4 июля 1308 г. (M: 75v) — вряд ли может что-либо сказать о «Libellus caritatis», потому что она относится к другому тексту, а именно к анонимному «Expositio sive glossa sequentiarum», содержащемуся в последней части рукописи M (Abendländische Handschriften 2016: 205). Латинская «Книжица Любви» образует первую часть этой рукописи, которая по всем признакам является сборником, составленным из текстов, переписанных в разное время и разными переписчиками. Объединяет их только то, что все они в той или иной степени посвящены теме Страстей Христовых и вопросам их духовного созерцания. Видимо, по этому тематическому принципу сборник и составлялся. Кроме того, 1308 г. является слишком ранней датой для датировки текста, содержащего многочисленные пассажи из сочинений автора, родившегося в конце 1290-х гг. и скончавшегося в 1366 г. Очевидно, что рукопись «Libellus caritatis» в манускрипте M следует датировать более поздней датой, что также наиболее вероятно и с палеографической точки зрения.

И всё же, какая из двух версий «Книжицы Любви» — оригинал, а какая — перевод: немецкая «Minnebüchlein» или латинская «Libellus caritatis»? Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, сравним обе версии. На первый взгляд, в подавляющем большинстве глав они почти идентичны и точно воспроизводят содержание друг друга на другом языке. Поэтому особенно примечательными можно считать те небольшие различия, которые всё же дают о себе знать при сравнении немецкой и латинской версий «Книжицы Любви». Именно эти различия и позволяют заключить, что, вероятнее всего, немецкий текст в данном случае является переводом с латинского, тогда как очевидных примеров, которые бы подтверждали обратное, не встречается.

Рассмотрим эти различия между двумя версиями подробнее. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в немецкой версии очень часто тщательно воспроизводятся, практически «калькируются» грамматические, синтаксические и семантические структуры, характерные для латинского языка, тогда как сказать то же самое о латинской версии не представляется возможным. Приведем несколько характерных случаев такой «калькирующей» максимально точной внешней передачи на немецком языке латинского оригинала, вплоть до префиксов и порядка слов:

M: f. 2r–v	Heinrich Seuse 1907: 537–538; Z: f. 63v
proficiam (M: f. 2r) / deficiam (M: f. 2r)	zů neme / ab neme (Heinrich Seuse 1907: 537,13; Z: f. 63v)
cogita(que) (M: f. 2r) / recogita (M: f. 2v)	gedenk (Heinrich Seuse 1907: 538,5; Z: f. 63v) / hinderdenk (Heinrich Seuse 1907: 538,7; Z: f. 63v)
ita ut ego iam non ego sed tu in me et ego in te indissolubili vinculo amoris eternaliter maneamus (M: f. 2r)	also daz ietze ich nút ich, sunder daz du in mir und ich in dir mit vestem band der minne vereinbert eweclichen beliben (Heinrich Seuse 1907: 537,14–15; Z: f. 63v)

Но гораздо более интересны те случаи, когда всё же имеют место определенные различия. Например, в одном таком показательном случае содержащееся в латинской версии слово «философия» («philosophia») в немецкой версии утрачивается и в соответствующем месте немецкого текста заменяется на слово «искусство» («kunst»).

M: f. 2r	Heinrich Seuse 1907: 537,11; Z: f. 63v
Pone meam in tuis vulneribus philosophiam	Lege alle min kunst an din wunden

Очевидно, что «kunst» в данном случае служит именно для передачи по-немецки слова «philosophia», и определенный смысл в таком переводе есть, если принять во внимание, что в средневековых университетах философия изучалась на факультетах искусств, точнее, семи свободных искусств, которые также назывались философскими. Выпускники этих факультетов получали ученые степени бакалавров и магистров искусств, а не философии, которая всплывала лишь при получении докторской степени. В случае двух анализируемых версий важным представляется то, что если перевод «philosophia» как «kunst» еще можно объяснить этой средневековой ассоциативно-смысловой связью философии с факультетом искусств, то в том случае, если бы имел место перевод с немецкого на латинский, т. е. перевод слова «kunst» как «philosophia», правильным вариантом представлялось бы латинское слово «ars», а отнюдь не «philosophia».

Помимо этого, в немецкой версии иногда встречаются дополнительные слова, целью которых является как можно точнее передать смысл латинского слова (чаще всего, абстрактного

понятия) в тех случаях, когда точно передать значение посредством одного слова не представляется возможным. Например, это имеет место в следующей конструкции:

M: f. 2r; 4r	Heinrich Seuse 1907: 537,10; 540,24; Z: ff. 63v, 65v
dominum dominancium	herre aller herren (dominum = herre; dominancium = aller herren)

В данном случае, переводчик, очевидно, добавил конструкцию «aller herren» для того, чтобы подчеркнуть не-идентичность «dominancium» и «dominum». Но для подтверждения выдвигаемой в этой статье гипотезы не менее важно, что и в этом случае версия о возможном переводе с немецкого на латинский представляется маловероятной: вряд ли можно поверить в то, что переводчик, который старается тщательно, вплоть до префиксов, воспроизводить особенности оригинала, перевел бы «herre aller herren» как «dominum dominancium».

Нечто подобное имеет место также и в ряде других случаев. В особенности любопытны те из них, где в немецкой версии добавляются слова с целью сделать смысл латинских конструкций более понятным немецкому читателю, но которые самим латинским текстом как таковым вовсе не предполагаются и потому в нем отсутствуют. Зачастую это происходит в тех случаях, когда для передачи синтетических конструкций латинского языка в немецком переводе необходимо употребление аналитических конструкций либо отсутствующих в латинском языковых элементов, например, артиклей или субъекта при несубстантивированном предикате (который в латинском языке может быть вполне субстантивированным и не требовать эксплицитного наличия субъекта). В этих случаях версия о переводе с немецкого на латинский представляется также крайне маловероятной:

M: f. 2r–v	Heinrich Seuse 1907: 537–538; Z: f. 63v–64r
omnibus mutabilibus (а не «omnibus rebus mutabilibus», как должно было бы быть в случае перевода с немецкого на латинский) (M: f. 2r)	allen zergangklichen dingen (Heinrich Seuse 1907: 537,13; Z: f. 63v)

sapienciam patris (M: f. 2r)	ewigú wisheit des himelschen vatters (Heinrich Seuse 1907: 538, 3–4; Z: f. 63v)
unicam (M: f. 2r)	ze einem einigen liep (S. 538,4; Z: f. 63v)
intra paulisper secretum cordis tui (M: f. 2r)	gang ein willi in dich, in die heimlikeit dines hertzen (Heinrich Seuse 1907: 538,2–3; Z: f. 63v)
revertere, o dilecta anima, revertere (M: f. 2v)	ker wider ze dir selben, min geminte sele (Heinrich Seuse 1907: 538,8–9; Z: f. 64r)

Ещё менее вероятна возможность перевода немецкой конструкции «hab ein wonung» (Heinrich Seuse 1907: 538,14; Z: f. 64r), по всем признакам идиоматической, на латинский как «intime iugiter pertractemus» (M: f. 2v). Скорее всего, в данном случае переводчик использовал идиоматическое выражение для передачи абстрактного смысла ёмкой латинской фразы, точного аналога которой он в немецком языке просто не смог найти:

M: f. 2v	Heinrich Seuse 1907: 538,13–14; Z: f. 64r
quem […] intime iugiter pertractemus	der geminte [...] in unserm hertzen hab ein wonung

В другом случае, если бы имел место перевод с немецкого, то было бы трудно объяснить, почему переводчик решил опустить выражение «die milten wise» (Heinrich Seuse 1907: 538,7; Z: f. 64v) в латинской версии, хотя мог бы вполне использовать типичное «suaviter». Кроме того, всю немецкую конструкцию «hinderdenk ze grunde die milten wise», о которой здесь идет речь, он также вряд ли бы передал как «recogita ex intimis tam primum modum» (M: f. 2v), в то время как перевод с латинского на немецкий этого вовсе не исключает — хотя бы потому, что можно интерпретировать «ex intimis» как «ze grunde» (учитывая, что понятие «grund» иногда использовалось в немецкой духовной литературе для обозначения «intimum animae» Августина), но маловероятно, чтобы для передачи понятия «grund» на латинском было выбрано не нормативное «fundamentum», а нечто иное, даже если принять во внимание, что вся фраза в данном случае передана переводчиком с изрядным отступлением от оригинала:

M: f. 2v	Heinrich Seuse 1907: 538,7–8; Z: f. 64r–v
recogita ex intimis tam primum modum (не «suaviter» для «die milten wise») quo te per suam mortem ab eterna liberavit	hinderdenk (Z: 64r) ze grunde die milten wise, wie er dich mit sinem tode erlo^{e}set ha^{v}t (опущены присутствующие в латинской версии «tam primum modum» и «ab eterna»)

Подстраиваясь под латинский текст, немецкий переводчик копирует иногда даже латинский порядок слов, нормальный для латыни, но выглядящий искусственным в немецкой версии, как, например, когда он передает «mentis exaltatio» как «des gemu^{e}tes ein ermundrung». Любопытно, что во второй раз «mentis exaltatio» передается им уже иначе, а именно как «ein erwecken des hertzen», что выглядит, скажем так, более по-немецки, хотя и является существенным отступлением от латинского оригинала:

M: f. 2r (ср. f. 4v)	Heinrich Seuse 1907: 538,1; Z: f. 63v (ср. 541,24; Z: f. 66r)
Mentis exaltatio	Des gemu^{e}tes ein ermundrung (а не более естественное для немецкого языка «ein ermundrung des gemu^{e}tes»). Ср. 541,24; Z: f. 66r: Ein erwecken des hertzen (в латинской версии f. 4v: Mentis exaltatio)

Впрочем, нельзя исключать, что различные главы «Libellus caritatis» могли переводиться на немецкий язык разными переводчиками (либо править разными редакторами), на что также могут указывать и некоторые из приведенных выше примеров, оставляющих впечатление некоторой переводческой непоследовательности, если не небрежности.

По-видимому, уже не столько переводческой небрежности, сколько оплошности переписчика можно приписать случай, когда вместо устойчивой конструкции «fons aquae vivae/vitae» в рукописи вдруг читается «fons aquae vine»:

M: f. 6r	Heinrich Seuse 1907: 543,6; Z: f. 67r
O fons aque vine (вместо «fons aquae vivae» либо «fons aquae vitae»)	brunne des lebenden wassers

Даже принимая во внимание, что в фактически использовавшейся в рукописи графике в словах «uiue» и «uine» написание буквы «u» могло в самом деле очень сильно напоминать букву «n», в рукописи все же более отчетливо читается именно «vine». Возможно, в данном случае переписчик мог просто устать и задуматься о чём-то своём. А, может быть, в какой-то момент его рука просто пошла не так и допустила орфографическую ошибку, вернее даже, ошибку чистописания.

И всё же гораздо важнее для ответов на вопросы об авторстве и времени возникновения текста «Libellus caritatis» являются примеры употребления латинской терминологии, которая в оригинальных сочинениях Генриха Сузо не встречается и в целом является нетипичной для его современников. В частности, речь идет об употреблении понятия «summa felicitas» в тех случаях, где Сузо в своих латинских текстах обычно использует термин «beatitudo»:

M: f. 2v (ср. f. 11v)	Heinrich Seuse 1907: 538,17–18; Z: f. 64r
ut per eum tanquam per viam regiam ad summam felicitatem (*не* beatitudo!) tendamus	daz wir durch in sam dur ein kuniglich stra^{v}sse hin ze der ewigen sa^{e}likeit komen

Не вдаваясь в детали этой темы, подробнее рассмотренные в другой публикации (Khorkov 2010), здесь можно лишь вкратце заметить, что термин «summa felicitas» (или «aeterna felicitas») в начале и первой половине XIV в. в теологических контекстах не использовался по причине его близости запрещенным интерпретациям, близким, с одной стороны, радикальному аристотелизму, а, с другой стороны, учениям бегардов и бегинок, неоднократно осуждавшимся, в частности, в 1270 г. в Париже и в 1311–1312 гг. на Вьеннском Соборе. Термин «felicitas» оставался в это время уделом философских интерпретаций «Никомаховой этики» Аристотеля, в то время как теологи использовали для рассуждений о вечном спасении термин «beatitudo». Особую щепетильность проявляли в этом вопросе теологи из ордена доминиканцев, в сочинениях которых термин «beatitudo» доминирует в указанном контексте с конца XIII и до первой половины XIV вв. Генрих Сузо в данном случае отнюдь не исключение. Правда, немецкий термин «sa^{e}likeit» в равной степени использовался как для перевода «aeterna/summa felicitas», так и «beatitudo», что не способствовало пониманию, зато могло оградить от подозрений в ереси. Справедливости

ради следует заметить, что в содержащемся в «Horologium Sapientiae» Генриха Сузо ближайшем аналоге рассматриваемого пассажа «Libellus caritatis» имеется в виду постепенное восхождение души, а не «summa felicitas» или «beatitudo»: «[…] tanquam per viam regiam gradatim ascendere ad altiora discas» (Heinrich Seuse 1977: 384, 8–9).

По-видимому, в последней четверти XIV в. богословские проблемы рубежа XIII–XIV вв. перестали быть актуальными, а благодаря влиянию набравшего силу августинизма понятия «aeterna/summa felicitas» и «beatitudo» стали рассматриваться под влиянием терминологии Августина как синонимы и соответствующим образом употребляться практически во всех богословских сочинениях. Поэтому использование в «Libellus caritatis» термина «summa felicitas» означает, что, вероятнее всего, этот текст не мог быть составлен ранее конца XIV в. Основанная на палеографических и кодикологических данных датировка немецкой рукописи Z концом XIV или началом XV в. также подтверждает эту версию, даже несмотря на то, что термин «sa^{e}likeit» не может служить в её случае таким же надежным маркером, как его латинские аналоги для «Libellus caritatis». Таким образом, на основании сказанного можно сделать вполне определенный вывод о том, что нет никаких оснований приписывать авторство обеих версий «Книжицы Любви» Генриху Сузо. В лучшем случае, речь идет о компиляциях на основе текстов Сузо, составленных не ранее последней четверти XIV в., т.е. уже после смерти этого немецкого доминиканца.

Не менее важным также представляется вывод о том, что «Minnebüchlein», судя по всему, представляет собой немецкий перевод латинского текста «Libellus caritatis». О том, что имел место именно перевод с латинского на немецкий, а не наоборот, помимо вышеприведенных доводов свидетельствует также и тот факт, что в немецком тексте сохранились вводные латинские фразы к каждому абзацу, организующие весь текст. Очень часто они указывают на сокращение текста, предполагающее, что латинский текст в оригинале продолжается дальше (см., например, Heinrich Seuse 1907: 539,25 «O fortitudo mea etc.»; 540,11 «O copiosissima etc.»; 541,7 «O solus princeps etc.»).

При этом маловероятно, что содержащейся в рукописи Z немецкий перевод был сделан с латинского текста, версия которого сохранилась в рукописи M. Основанием для такого вывода служит тот факт, что при почти полном совпадении

первых двух частей обеих версий текста «Книжицы Любви», его третья часть в рукописи Z существенно отличается от версии рукописи M, и поэтому она не могла быть переведена с неё. Очевидно, что в данном случае оригиналом послужила какая-то иная латинская рукопись, по-видимому, несохранившаяся.

Означают ли изложенные в этой статье результаты исследования, что «Книжицу Любви» следует раз и навсегда изъять из корпуса сочинений Генриха Сузо? Представляется, что речь менее всего должна идти именно об этом. Помимо сочинений Генриха Сузо, рассматриваемых большинством исследователей как аутентичные, такие поздние компиляции, как «Minnebüchlein» и «Libellus caritatis», должны непременно оставаться неотъемлемыми частями гигантского корпуса Сузо, куда входят сотни, если не тысячи, рукописей с его сохранившимися сочинениями, эксцерптами из них и сделанными на их основе компиляциями, иногда очень сильно переработанными. Без них вряд ли будет понятен и адекватно оценен весь грандиозный масштаб этого автора и роли его наследия в формировании духовной культуры позднего Средневековья. «Книжица Любви» — это немаловажная часть этого наследия, способная при внимательном к ней отношении многое рассказать о том, что представляла собой локальная рецепция сочинений Генриха Сузо в конкретное время в конкретном месте, а именно, в конце XIV в. на Верхнем Рейне.

Литература

Abendländische Handschriften 2016: *Abendländische Handschriften des Mittelalters und der frühen Neuzeit in den Beständen der Russischen Staatsbibliothek (Moskau)*. D. Barow-Vassilevitch, M.-L. Heckmann (ed.), Wiesbaden.

Chmel 1962: *Regesta chronologico-diplomatica Frederici III Romanorum Imperatoris (Regis IV)*. J. Chmel (ed.), Wien 1838–1840 (Nachdruck 1962).

Heinrich Seuse 1907: *Minnebüchlein*, in: Heinrich Seuse, *Deutsche Schriften*. K. Bihlmeyer (ed.), Stuttgart. S. 537–554.

Heinrich Seuse 1977: Heinrich Seuse, *Horologium sapientiae*. Erste kritische Ausgabe. P. Künzle (ed.). Freiburg (Spicilegium Friburgense 23).

Heinrich Seuse 2003: [Heinrich Seuse. Kniga lyubvi]. In: Khorkov, M. L. (tr.) Heinrich Seuse. *Kniga istiny. Kniga lyubvi* [*A little book of Truth. A little book of Love*]. St. Petersburg, 149–169. Генрих Сузо

2003: [Генрих Сузо]. Книга Любви. В кн.: Генрих Сузо. *Книга Истины. Книга Любви*. М. Л. Хорьков (перевод), СПб.,149–169.

Heinrich Seuse 2014: Reutin M. Yu. (tr., comm.). [Heinrich Seuse. *Exemplar*.]. Moscow. Генрих Сузо 2014: Генрих Сузо. *Exemplar*. М. Ю. Реутин (перевод, примечания), М.

Khorkov, M. 2010: Zur Meister Eckhart-Rezeption im Spätmittelalter, *Recherches de Théologie et Philosophie médiévales* 77/1, 125–136.

Сокращения

M: Москва, РГБ, Фонд 201, № 33, 1v–15r.

Z: Zürich, Zentralbibliothek, Ms. C 96, ff. 63v–75r.

DOI:10.30842/ielc230690152570

И. В. Хорькова
(Московский гос. лингвистический университет)

ФРАГМЕНТ О ПОВТОРЕ РИМСКИХ ИГР: ДЕТАЛИ И ИСТОЧНИКИ

В статье анализируется популярный в античной литературе сюжет о повторении игр в честь Юпитера из-за оскорбительного для божества происшествия во время процессии. Сравнение текстов разновременных латинских и греческих авторов выявляет ряд закономерностей в развитии сюжета и подводит к выводу об общем архетипе. Причина популярности этого эпизода в разные исторические периоды была различна. Для языческих авторов востребованность сюжета объяснялась интересом к исторической достоверности таинственных происшествий, говорящих об участии богов в жизни людей, для христианских авторов на первое место выдвигается возможность продемонстрировать мстительность и человеческую пристрастность языческих богов.

Ключевые слова: ранняя римская история; источниковедение Древнего Рима; римская религия; Теренций Варрон; христианские апологеты.

I. V. Khorkova
(Moscow State Linguistic University)

Fragment on the renewal of Roman games: details and sources

The article analyzes the story, popular in ancient literature, about the renewal of games in honor of Jupiter due to an incident offensive to the deity that happened during the procession: a beaten slave sentenced to death was driven ahead. Jupiter, displeased by that indecorous beginning of the games, appeared in a dream to a peasant and ordered to repeat the games. After the death of his son and a serious illness, the peasant informed the Roman Senate of the will of the deity and immediately recovered. This fragment is persistently repeated in the writings of both pagan and Christian authors from the 1st century BC to 5th century AD. The article examines the details of this plot among various ancient authors in order to explain its popularity in ancient literature. A comparison of texts of different Latin and Greek authors reveals a number of laws in the development of the plot and leads to the conclusion on the existence of a common archetype. The reasons for the popularity of the considered plot in different historical periods were different. For pagan authors, the popularity of the plot could be explained by the interest in the historical reliability of mysterious incidents that speak of the participation of gods in the human

life; for Christian authors, it is the opportunity to demonstrate the vindictiveness and humanlike partiality of pagan gods.

Keywords: early Roman history; source studies of Ancient Rome; Roman religion; Terentius Varro; Christian apologists.

В настоящей статье мы предпринимаем анализ известного многим античным авторам сюжета о повторении игр в честь Юпитера. Этот рассказ есть в сочинениях, как греческих, так и латинских авторов, как язычников, так и христиан. Можно сказать, этот эпизод выдержал испытание временем и привлекал внимание писателей и историков, начиная с I в. до н. э. (хотя корни его гораздо глубже), вплоть до V в. н. э. В наши задачи входило проследить, как видоизменялись детали повествования с течением времени, в связи с каким контекстом он привлекался древними авторами, а также определить причины его популярности.

Изложим рассматриваемый сюжет в общих чертах. Мы будем использовать в повествовании только те детали, которые излагаются большинством авторов, о различиях будем говорить позже. Итак, однажды перед играми в честь Юпитера через арену был проведен наказанный раб. Через некоторое время одному селянину во сне явился сам Юпитер и потребовал повторного проведения игр, поскольку начало их было проведено недостойно. Об этом требовании крестьянин должен был сообщить в сенат. Несчастный крестьянин побоялся идти в такое представительное собрание, за что был наказан. Сначала умер его сын, затем сам крестьянин сильно занемог. Посоветовавшись с друзьями, он все же решил исполнить волю бога и, будучи принесен на носилках в сенат, сообщил волю Юпитера. После этого сразу же выздоровел и своими ногами ушел из сената. Отцы сенаторы немедленно приняли решение о повторе игр (Cic. De div., 1, 26 (55); Liv. UC 2, 36; Dion. 7, 68; Val. Max. 1, 7, 4; Plut. Cor., 24; Min. Fel., 7, 3; Arn. AN 7, 39; Lact. DI 2, 8; Aug. CD 4, 26; Macr. Sat., 1, 11, 2–6).

Остановимся на деталях повествования у разных авторов. Прежде всего, когда это произошло? Наиболее подробно об этом сообщает Цицерон в сочинении «О дивинации»: во время войны с латинами впервые состоялись игры, посвященные богам, но римляне были неожиданно призваны к оружию, игры были прерваны, почему и было решено провести их вторично. (Cic. De div., 1, 26 (55). Не вполне понятно, о какой войне с латинами сообщает Цицерон. По Ливию, рассматриваемый

сюжет связан с консульством Марка Минуция и Авла Семпрония (491 г. до н. э.), когда было привезено большое количество хлеба из Сицилии, и состоялся суд над Марцием Кориоланом (Liv. UC 2, 34). Дионисий Галикарнасский также сообщает о втором консульстве Марка Минуция Авгурина и Авла Семпрония Атратина, во время которого прибыл сицилийский хлеб, и начались разногласия между плебеями и патрициями, подстрекаемыми Кориоланом (Dion. 7, 20–27). Однако повторение игр он относит к более позднему времени — к консулату Квинта Сульпиция Камерина и Спурия Ларция Флава (490 г. до н. э.) (Dion. 7, 68). Плутарх в биографии Кориолана также связывает этот рассказ с судом над Марцием Кориоланом и его изгнанием (Plut. Cor., 24). Валерий Максим и христианские авторы не называют времени, когда известные события могли произойти. Зато Макробий с уверенностью называет год 474 от основания Города, т. е. 280 г. до н. э. (Macr. Sat., 1, 11, 3), что никак не вяжется с предыдущими сообщениями. Итак, большинство авторов связывают эту историю со временем Кориолана, то есть относят к рубежу VI–V вв. до н. э.

Каковы источники рассматриваемой информации? Большинство упомянутых авторов своих источников не называет или дает весьма описательно. Минуций Феликс призывает: «Specta de libris memoriam» (Посмотри в памятные книги) (Min. Fel., 7, 3). Арнобий замечает с ехидством: «Non enim imus infitias, in annalium scriptis contineri haec omnia quae sunt a vobis in oppositione prolata: nam et ipsi pro modulo ingeniique pro captu et legimus et esse positum scimus» (Мы не отрицаем, что приведенное вами в возражение, содержится в писанных анналах, ведь сами мы читали по мере способностей и разума и знаем, что в них содержится) (Arn. AN 7, 39). Только Цицерон называет конкретные имена. Он пишет: «Omnes hoc historici, Fabii, Gellii, se proxime Coelius» (Это упоминают все наши историки — Фабий, Геллий, ближе к нам — Целий) (Cic. De div., 1, 26 (55). Первый из упомянутых авторов — старший анналист Квинт Фабий Пиктор (254– 16 гг. до н. э.); второй — средний анналист Гней Геллий (II в. до н. э.); третий предположительно Луций Целий Антипатр (180–120 гг. до н. э.), также анналист, описавший Вторую Пуническую войну.

Дионисий непосредственно в этом отрывке своего источника не называет. Однако несколькими главами ниже очень подробно рассказывает о празднике, доказывая заимствование многих его составляющих римлянами у греков. В описании

праздника он опирается, как сам пишет, на авторитет Квинта Фабия (Dion. 7, 71–73), то есть на того же Фабия Пиктора, писавшего по-гречески, и хорошо ему известного. Можно предположить, что и интересующий нас сюжет заимствован Дионисием из того же источника.

Поскольку сочинения анналистов утрачены, сохранились только в цитатах более поздних писателей и историков, очень важен тот факт, что описанный в их произведениях рассказ о гневе Юпитера и повторении игр дошел до нас, хотя и в передаче более поздних авторов. Во всяком случае, ссылки Цицерона и Дионисия определенно ориентируют нас на анналистическую традицию, что дает возможность проследить те изменения, которые произошли в описании рассматриваемого эпизода с течением времени.

В отношении источников более поздних авторов единого мнения в науке не существует. К. Майзер считает источником Арнобия в этом фрагменте Цицерона (Meiser 1908: 13), А. Зитте — утраченную раннюю христианскую апологию (Sitte 1970: 134). Касательно первого мнения можно возразить, что полного текстуального совпадения фрагментов из трудов Цицерона и Арнобия нет. В то же время в сочинении Арнобия сюжет о повторении игр в честь Юпитера приводится вместе с двумя другими историческими рассказами о призвании в Рим Эскулапа из Эпидавра по случаю распространения чумы и Великой Матери богов во время войны с Ганнибалом (Arn. AN 7, 44–50). Эти рассказы также имеются в сочинениях большого количества античных авторов (Ovid. Fasti, 4, 247 ff., Met., 15, 626 ff.; Val. Max., 1, 8, 2; 7, 5, 2; 8, 15, 3; Aur. Vict., 22; 46; Minuc. Fel., 7, 3; 27, 4). Приведенные в конце седьмой книги «Adversus nationes» эти три истории представляют собой единый информационный блок. У Цицерона два последних рассказа отсутствуют.

Касательно мнения А. Зитте об использовании Арнобием в качестве источника ранней христианской апологии следует сказать, что за отсутствием самой апологии вопрос остается чисто гипотетическим предположением.

Р. Огилви считает источником информации для восьмой главы второй книги Лактанция сочинение Валерия Максима (Ogilvie 1978: 43–46). Трудно согласиться с этим утверждением, во всяком случае для данного конкретного сюжета. Во-первых, примеры Валерия Максима хаотично разбросаны в его труде, не представляя собой единого целого. Информация Лактанция

является тематически подобранным сводом исторических рассказов, в котором присутствует как римский, так и греческий материал, что отражает характер источника. По нашему мнению, им был компендиум. Во-вторых, сам фактический материал фрагмента у этих авторов различается. Валерий Максим пишет, что происшествие случилось во время Плебейских игр; Лактанций называет цирковые игры в честь Юпитера. Имя отца семейства, которому явился Юпитер, у Валерия Максима — Тит Латиний, как и у большинства авторов; у Лактанция это был плебей Тиберий Аттиний (далее мы еще вернемся к этому имени). У Максима действие происходит в цирке Фламиния; Лактанций не уточняет название цирка.

О каких играх идет речь? На этот вопрос однозначного ответа нет. Цицерон говорит о посвященных богам играх, которые впервые состоялись во время Латинской войны (cum bello Latino ludi votivi maximi primum fierent) (Cic. De div., 1, 26 (55). Ливий называет Великие игры (ludi magni) (Liv. UC 2, 36). Дионисий и Плутарх определяют это просто как πομπή (торжественное шествие, процессия) (Dion. 7, 68). Валерий Максим сообщает, что событие произошло во время Плебейских игр (plebeis ludis) (Val. Max. 1, 7, 4). Минуций Феликс свидетельствует об играх в честь Юпитера (Min. Fel., 7, 3); Арнобий и Лактанций — о цирковых играх, посвященных Юпитеру (de ludis circensibus) (Arn. AN 7, 39; Lact. DI 2, 8); Аврелий Августин — о Римских играх (ludi Romani) (Aug. CD 4, 26).

Учреждение Великих или Римских игр обычно связывается с победой римлян у Регильского озера в 496 г. до н. э. в ходе Первой Латинской войны. Это соответствует указаниям Цицерона, Ливия и Августина. При этом Цицерон подчеркивает, что игры были votivi (по обету). Дионисий Галикарнасский несколькими главами ниже рассматриваемого фрагмента также сообщает, что праздник проводится в соответствии с обетами диктатора Авла Постумия, данными им во время войны с отпавшими латинскими городами, пытавшимися вернуть власть в Риме царю Тарквинию Гордому (Dion. 7, 71). Рассказывая о событиях Первой Латинской войны, Дионисий несколько раз говорит об обетах Авла Постумия Альба, получившего почетное имя Регильского за известную победу. Перед сражением он дал обет богам принести жертвы и учредить ежегодные общественные игры в случае победы (Dion. 6, 10). После удачно проведенного сражения диктатор из десятой части добычи предоставил 40 талантов на игры и жертвоприношения богам и

во исполнение обета отдал на откуп устройство храмов Церере, Либеру и Либере (Dion. 6, 17). Эти божества составляли так называемую плебейскую триаду, что по-видимому, и заставило Валерия Максима назвать игры в интересующем нас сюжете Плебейскими.

Дионисий Галикарнасский описывает праздник очень подробно, и мы хотим остановиться на этом описании. Перед началом состязаний устраивалась торжественная процессия в честь богов, которая шла от Капитолия через Форум к Великому цирку. Возглавлял процессию цвет общества — молодые римляне всаднического сословия на конях, затем пехотинцы, возницы на колесницах и участники состязаний в легкой и тяжелой атлетике. За ними следовали три группы плясунов, разделенных по возрасту, в сопровождении флейтистов и кифаредов. Во главе каждой группы шествовал один человек, который задавал остальным фигуры танца. За ними следовали группы, изображающие сатиров, затем несли кадильницы с благовониями, драгоценную утварь для жертвоприношений. В конце процессии несли кумиры богов — Юпитера, Юноны, Минервы, Нептуна и других (Dion. 7, 72–73).

Из этого подробного описания становится понятной разноголосица авторов, рассказывающих об этом событии. Игры включали пышную процессию, откуда πομπή Дионисия и Плутарха. В процессии от Капитолия несли статую Юпитера, поэтому Минуций Феликс, Арнобий и Лактанций говорят об играх в честь Юпитера. Шествие направлялось в Великий цирк, который представлял собой ипподром между Палатином и Авентином, где и проходили состязания. Отсюда указание на ludi circenses у Арнобия и Лактанция.

Обратимся к деталям самого происшествия во время игр. По Цицерону перед самым началом игр через цирк был проведен раб, несший колодку (furca) и только что наказанный розгами (Cic. De div., 1, 26 (55). По Ливию незадолго до зрелища некий отец семейства (quidam pater familiae) прогнал розгами прямо через цирк раба с колодкой на шее (sub furca) (Liv. UC 2, 36). Дионисий Галикарнасский, как всегда, наиболее обстоятелен в повествовании. Небезызвестный римский гражданин передал своего раба для предания его на смерть другим рабам, которые тащили его, привязанного к колодке (ξύλον), через весь город, непрестанно бичуя по голому телу. Раб от боли кричал и совершал безобразные телодвижения (Dion. 7, 68). У Валерия Максима опять же некий отец семейства (quidam pater familias)

перед процессией выставил в цирке Фламиния своего высеченного плетьми раба с колодкой на шее (sub furca) (Val. Max. 1, 7, 4). Плутарх очень близок к версии Дионисия даже в деталях. Минуций Феликс крайне лаконичен и подробностей не рассказывает (Min. Fel., 7, 3). Арнобий также повествует о некоем отце семейства (patrem familias quondam), который провел провинившегося раба через арену цирка под ударами прутьев и по обычаю предал его смертной казни (Arn. AN 7, 39). Лактанций называет даже имя этого отца семейства. Им был некий Антоний Максим (Antonius Maximus), который вывел на середину цирка избитого и закованного в колодки (sub furca) раба для казни (Lact. DI 2, 8). Августин упоминает только о казни одного преступника перед глазами всего народа в первый день игр (Aug. CD 4, 26). По Макробию некий Автроний Максим (Autronius quidam Maximus) перед началом представления прогнал через цирк своего избитого и привязанного к рогатине раба (patibulo constrictum) (Macr. Sat., 1, 11, 2–6).

Суммируя все изложенные детали происшествия, можно сказать: некий отец семейства Антоний или Автроний (первое имя кажется более убедительным) Максим приказал прогнать через Великий цирк или цирк Фламиния своего закованного в колодки раба, которого затем казнили. Скорее всего, Валерий Максим ошибается, называя Фламиниев цирк. Назначение его не вполне ясно, так как нет свидетельств об использовании его территории для каких-либо состязаний. Вероятнее всего, речь идет о Великом цирке, который Дионисием Галикарнасским назван в качестве конечной цели торжественной процессии в честь богов, где и проходили состязания атлетов. Большинство авторов говорят о рабе, закованном в колодки или с колодкой на шее — sub furca. Furca — это вилообразный крест, надевавшаяся на шею провинившегося раба колодка. Только Макробий упоминает раба, привязанного к рогатине (patibulo constrictum). Patibulum — это поперечина креста, шейная колодка, надевавшаяся на приговорённых к распятию. Если furca применялась как для наказания, так и для этапирования, равно как и ξύλον у Дионисия, то patibulum Макробия — это орудие распятия. О том, что раб подлежал казни, говорят Дионисий, Арнобий, Лактанций, Августин и, по-видимому, Макробий, употребляя слово patibulum. Более ранние авторы — Цицерон, Ливий и Валерий Максим говорят только о наказании раба.

Далее Дионисий, Плутарх и Арнобий сообщают, что после этого начали происходить различные явления, свидетельствую-

щие о гневе богов. Но если Плутарх говорит только о внушающих тревогу знамениях, а Арнобий — о моровой язве (pestilentia), опустошавшей город, то Дионисий рисует страшную картину божьей кары: необычные видения и голоса, рождение уродливых людей и животных и, наконец, заразная болезнь (φθορά), губившая скот и людей. Возможно, это общее место, описывающее божий гнев. Перечисление аналогичных напастей часто встречается в исторических трудах, когда автор хочет подчеркнуть размеры постигших людей бедствий из-за невыполнения воли богов (например, см. Arn. AN 6, 3). У Цицерона и Ливия мы этих подробностей не находим.

Наконец, в сенат приносят на носилках одного человека — римского крестьянина (rusticum Romanum) (Cic., Arn., Aug.), плебея (Liv., Val. Max., Lact., Min. Fel.) по имени Тит Латиний (Titus Latinius) (Liv., Val. Max., Aug.) или Тиберий Аттиний (Tiberius Attinius) (Lact.) или некий Анний (Annius quidam) (Macr.). Тиберий Аттиний в тексте Лактанция появился скорее всего по ошибке переписчика. Preanomen, по-видимому, было дано в виде аббревиатуры — T у его источника информации. В именах Latinius/Attinius — количество букв совпадает, отличаются только две первые. К тому же Latinius созвучно эпониму Latinus. Подавляющее большинство авторов называет крестьянина Latinius, поэтому мы принимаем этот вариант. Совсем другое имя у Макробия, как и названный им год события. У Дионисия и Плутарха также назван Т. Латиний, но характеристика его более развернута по сравнению с латинскими авторами. Это пожилой, состоятельный, но не знатный человек, постоянно проживающий в деревне. Здесь мы видим описательное переосмысление римского понятия «плебей» для греческой аудитории.

И вот этот крестьянин сообщает сенату следующую историю. Во сне к нему явился некто (Cic., Aug.) или же сам Юпитер (все остальные рассматриваемые авторы) и велел пойти в сенат (Cic., Dion., Plut., Lact., Aug., Min. Fel.) и передать консулам (Liv., Val. Max., Arn., Lact.), что игры должны быть повторены. Причина повторения игр у рассматриваемых авторов формулируется по-разному. Основная формулировка такова: поскольку Юпитеру не понравился первый танцор на играх — “praesulem sibi non placuisse ludis” (Cic. De div., 1, 26 (55); “sibi ludis praesultatorem displicuisse” (Liv. UC, 2, 36); “μοι τῆς νεωστὶ πομπῆς τὸν ἡγούμενον ὀρχηστὴν οὐ καλὸν ἔδωκαν” (Dion. 7, 68); “sibi praesultorem ludis circensibus proximis non

placuisse” (Val. Max. 1, 7, 4); “κακὸν τὸν ὀρχηστὴν ἔστειλαν αὐτῷ πρὸ τῆς πομπῆς καὶ ἀτερπέστατον” (Plut. Cor., 24); “praesulem sibi displicuisse” (Arn. AN 7, 39); “ludis circensibus proximis praesultorem sibi displicuisse” (Lact. DI 2, 8). Трудно не обратить внимания на текстуальное сходство. Слова praesul=praesultor=praesultator означают переднего, идущего впереди танцора. Эти слова употреблены во всех латинских вариантах фрагмента. В греческих вариантах мы встречаем слово ὀρχηστής, также означающее плясуна, танцора. Во всех латинских фрагментах находим глагол placeo (нравиться) с отрицательной частицей non или же глагол displiceo (не нравиться, быть неприятным) в форме Infinitivus perfecti activi и возвратное местоимение sui в дательном падеже. Наконец, везде присутствует инфинитивный оборот Accusativus cum infinitivo. Можно говорить о дословном цитировании, принимая в расчет достаточно вольное обращение римских авторов с чужими текстами, на что указывал В. Н. Ярхо (Jarho 2002: 216). Подобное текстуальное сходство наводит на мысль об общем архетипе для всех анализируемых фрагментов.

Остальные наши авторы просто опускают саму эту фразу. Августин сообщает, что игры следует повторить, поскольку в их первый день была совершена казнь преступника; Минуций Феликс вообще не сообщает подробностей. Макробий пишет, что Юпитеру не понравился полный жестокости поступок, но даже здесь просвечивает первоначальный текст сообщения: “**non sibi placuisse** plenum crudelitatis admissum” (Macr. Sat., 1, 11, 3).

Если вернуться к подробному описанию события у Дионисия и Плутарха, становится понятным, почему Юпитер назвал неугодным предводителя танцоров. Имелся в виду наказываемый раб, которого гнали через арену цирка и который корчился и извивался от боли (Dion. 7, 69, 1–2; Plut. Cor., 24).

Далее сенат принимает решение немедленно повторить игры. Крестьянин чудесным образом тут же излечивается и отправляется домой на собственных ногах. Именно эта последняя деталь встречается почти у всех наших авторов: “pedibus suis salvum domum revertisse” (Cic. De div., 1, 26 (55); “pedibus suis domum redisse” (Liv. UC, 2, 36); “καὶ τὸν θεὸν ἀναβοήσας ἀπῄει τοῖς ἑαυτοῦ ποσὶ διὰ τῆς πόλεως οἴκαδε ὑγιής” (Dion. 7, 68, 6); “pedibus domum rediit” (Val. Max. 1, 7, 4); “καὶ ἀναστὰς ἀπῄει δι᾽ αὑτοῦ βαδίζων” (Plut. Cor., 24); “pedibus domum rediise” (Lact. DI 2, 8); “pedibus suis sanus abscessit” (Aug. CD 4, 26); “pedibus

egressus est” (Macr. Sat., 1, 11, 4). И снова невозможно не заметить текстуального сходства в передаче этой фразы у латинских авторов, включая совпадение не только лексики, но и грамматических форм, что вполне может указывать на общий архетип.

Еще одним важным критерием при сравнении служит фактологическое обрамление эпизода у разных авторов, а также связанный с этим вопрос, с какой целью рассматриваемый сюжет приводится античными писателями. По этому признаку авторов можно сгруппировать следующим образом. Цицерон, Валерий Максим и Лактанций приводят интересующий нас исторический рассказ, излагая свою точку зрения на значение снов в жизни людей, на их толкование и на существование вещих снов. Интересующий нас сюжет содержится в философском трактате Цицерона «De divinatione» (О дивинации), по замечанию Г. Г. Майорова, одном из наиболее информативных и уникальных по содержанию его сочинений (Majorov 1985: 34). Цицерон относит сны и их толкование к естественному виду дивинации (De div., I. 11). Отсюда такое обилие примеров вещих снов в его сочинении. Материал объемен и разнообразен, освещает события не только римской истории, но равным образом греческой и пунической.

Сочинение Валерия Максима изначально самим автором заявлено как компендиум: «Достойные памяти деяния и изречения римлян и жителей окрестных земель, широко представлены у многих писателей. Чтобы можно было коротко с ними ознакомиться, здесь я решил разместить истории, выбранные из трудов знаменитых авторов, в надлежащем порядке, дабы у желающих почерпнуть что-то из этих примеров не было нужды в длительных изысканиях»[1]. Наш эпизод приводится в главе «О снах». В том же русле следует и Лактанций, приводя примеры различных вещих снов из римской истории.

Ливий, Дионисий и Плутарх передают рассматриваемый сюжет в рамках исторического повествования анналистического типа или, как Плутарх, в составе исторической биографии Кориолана. Арнобий и Августин подкрепляют этим рассказом тезис о том, что языческие боги гневливы и мстительны, если в точности не выполняется их воля. Минуций Феликс вплетает это повествование в более широкую тему о реальном явлении богов во время исторических событий. Наконец, вновь

[1] Перевод С. Ю. Трохачева.

наиболее оригинальным оказывается Макробий, упоминающий этот фрагмент в связи с вопросом об отношении к рабам.

Таким образом, если исключить исторические повествования Ливия, Дионисия и Плутарха, у остальных рассмотренных писателей материал включен в тематическую подборку примеров на заданную тему. Из них только Цицерон называет свои непосредственные источники, которыми являются анналисты. По всей видимости, остальные более поздние авторы пользовались неким промежуточным тематически организованным источником, рассказывающим, как это было и у Цицерона, о снах в составе повествования о дивинации.

И вновь у Макробия мы встречаем сообщение, связанное с рассматриваемым сюжетом, которого нет ни у одного другого из наших авторов. Он пишет, что после заявления крестьянина по решению сената и Мениеву закону (Maenia lege) к празднествам был прибавлен дополнительный день для умилостивления Юпитера, который был назван instauratitius/instauraticius (возобновляющий) (Macr. Sat., 1, 11, 5). При этом Макробий добавляет, что слово это происходит от глагола instaurare (возобновлять, повторять), который в свою очередь означает instar novare (обновлять вид). И самое главное, что он ссылается в этом пассаже на Варрона. Таким образом, можно считать весь этот фрагмент заимствованным Макробием из сочинений Варрона. Кроме того, Макробий пишет, что некоторые производят instauratitius от греческого слова σταυρός, которое означает крест как орудие казни. Сам Макробий в начале фрагмента говорит о рабе с шейной колодкой (patibulum), которая надевалась на приговоренных к распятию. (У большинства наших авторов здесь употребляется слово furca). Это замечание не оставляет сомнений в том, что рассматриваемый сюжет у источника Макробия был приведен в связи с этимологическим анализом слова instauratitius, и вся информация сосредоточена именно вокруг этого анализа. То есть у Макробия, а точнее у его источника, цель рассмотрения сюжета отлична от других наших авторов. Г. Фюнайоли вносит этот отрывок из труда Макробия в сборник фрагментов латинских грамматиков, соглашаясь с его принадлежностью Варрону (GRF 1907: Vr, 430). В словаре Веррия Флакка есть аналогичная этимология глагола instaurari от instar (образ, вид, внешность) (VF s. v. instaurari), но слово instauratitius отсутствует.

Итак, подведем итог источниковедческой составляющей нашего исследования. Цицерон и Дионисий Галикарнасский

пользовались сочинениями анналистов. Наиболее оригинальна и отлична от других версия Макробия, что может объясняться тем, что в качестве его источника выступали сочинения Варрона. В труде Августина в следующей за нашим эпизодом главе также имеется ссылка на «Божественные древности» Варрона по другому вопросу (Aug. CD 4, 27). Известно, что сочинения последнего были важнейшим источником Августина (Khorkova 2018: 1323). Поэтому не исключено, что и в данном случае сам эпизод заимствован Августином все у того же Варрона. Большинство же поздних авторов заимствовали материал из тематического компендиума или нескольких компендиумов, восходящих к общему архетипу.

Следует отметить, что исторический рассказ довольно точно излагается всеми авторами, однако с увеличением промежутка времени, отделяющего автора от описываемого события, детали размываются, спутываются, теряют первоначальный смысл. Наиболее точны как в определении времени события, так и в отношении конкретных его деталей сообщения Цицерона и Ливия. Передача грекоязычных авторов — Дионисия Галикарнасского и Плутарха — отличается большим объемом, что объясняется необходимостью для авторов более подробно описать и прокомментировать римские реалии. В трудах христианских авторов оценка описываемого события смещается в сторону негатива, служа цели обличения язычества.

В чем причина популярности рассмотренного сюжета? Следует отметить, что в разные исторические отрезки времени она была различна. Если для языческих авторов популярность сюжета объяснялась интересом к исторической достоверности таинственных происшествий, говорящих об участии богов в жизни людей, то для христианских авторов на первое место выдвигается возможность продемонстрировать на хорошо известном примере мстительность и абсолютно человеческую пристрастность языческих богов.

Литература

GRF 1907: *Grammaticae Romanae Fragmenta*. Ed. by Funaioli G. Lipsiae.

Jarcho, V. N.2002: *Grecheskaya i greko-rimskaya komediya* / Drevnegrecheskaya literatura. [*Greek and Greco-Roman comedy*/ Ancient Greek literature]. Moscow.

Ярхо, В. Н. 2002: *Греческая и греко-римская комедия*. Древнегреческая литература. М.

Khor'kova, I. V. 2018: Suffixation as a way of forming theonyms in the Roman libri pontificales. *Indoevropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo European linguistics and classical philology*] 22, 1319–1328.
Хорькова, И. В. 2018: Суффиксация как способ образования теонимов в римских сакральных книгах. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22, 1319–1328.

Majorov, G. G. 1985: Cicero as a philosopher. *Ciceron. Filosofskie traktaty. [Cicero. Philosophical treatises].* Moscow.
Майоров, Г. Г. 1985: Цицерон как философ. *Цицерон. Философские трактаты.* М.

Meiser, K. 1908: *Studien zu Arnobius.* München.

Ogilvie, R. 1978: *The library of Lactantius*. Oxford.

Sitte, A. 1970: *Mythologische Quellen des Arnobius*. Wien.

DOI:10.30842/ielc230690152571

Д. А. Черноглазов
(Санкт-Петербургский государственный университет)

«ПЛАЧЬТЕ, МУЗЫ, О ЗЛАТОРЕЧИВОМ!»: ЗАМЕЧАНИЯ О «МОНОДИИ НА СМЕРТЬ ЩЕГЛА» КОНСТАНТИНА МАНАССИ

В статье анализируется «Монодия на смерть щегла» Константина Манасси, византийского писателя XII в. Текст сопоставляется с точки зрения структуры и содержания с «Монодией на смерть куропатки» старшего современника Манасси Михаила Италика. Показано, что речь Манасси отчасти восходит к краткой речи Италика, но, в отличие от нее, полностью соответствует жанровым канонам монодии, носит пародийный характер и содержит индивидуальные характеристики автора. Выявлены параллели между «Монодией на смерть щегла» и античными надгробными эпиграммами животным, а также и византийскими монодиями XI–XII вв. Предполагается, что целью Манасси была демонстрация риторического мастерства, а его аудиторией — знатные меценаты или родители будущих учеников.

Ключевые слова: Константин Манасси, Михаил Италик, византийская риторика, монодия, надгробная эпиграмма, Комниновский ренессанс.

D. A. Chernoglazov
(St. Petersburg State University)

«O muses, mourn for the golden-tongued!»: some notes on Constantine Manasses' *Monody on the death of the goldfinch*

Constantine Manasses (ca. 1130 – ca. 1187) is an outstanding Byzantine writer. Many of his works in prose and verse have survived. The article analyzes Manasses' *Monody on the death of the goldfinch*. The text is characterized from the point of view of its structure and content, considered in the broad context of ancient and Byzantine literature, compared with the *Monody on the death of the partridge* by Manasses' older contemporary Michael Italikos. It is demonstrated that Manasses' speech partly goes back to Italikos' monody, but, in contrast to the latter, it fully corresponds to the genre canons of monody, is comic and parodic and contains numerous references to the individual image of the author. Some parallels between Manasses' monody and ancient funeral epigrams on animals, as well as 11th – 12th c. Byzantine monodies, are revealed: the comparison is focused on 6th c. epigrams of Agathias and Democharis and on some funeral orations of Michael Psellos and Theodore Prodromos. It is

assumed that the purpose of the monody was to demonstrate the knowledge and rhetorical skill of Manasses, while its audience could have included his noble patrons or parents of his future students.

Keywords: Constantine Manasses, Michael Italikos, Byzantine rhetoric, monody, funeral epigram, Comnenian Renaissance.

Константин Манасси (ок. 1130–ок. 1187), придворный оратор и поэт — одна из центральных фигур в византийской литературе Комниновского возрождения[1]. Сохранилось немало сочинений Константина, как стихотворных, так и прозаических[2]. Манасси — создатель первой в истории греческой литературы стихотворной хроники (Lampsides 1996). В стихах он пишет также роман «Аристандр и Каллифея» (Mazal 1967) и автобиографическую повесть о посольстве в Палестину 1160 г. (Horna 1904). Из прозаических сочинений Манасси наиболее известны и изучены экфрасисы, в которых автор описывает самые разные предметы и события — скульптурную группу, изображающую Полифема и спутников Одиссея (Sternbach 1902; Nilsson 2011), мозаику с изображением земли (Lampsides 1991), потешного карлика, живущего во дворце (Messis, Nilsson 2015), соколиную охоту на журавлей (Messis, Nilsson 2019) и ловлю певчих птиц (Horna 1905). Манасси также работал и в риторических жанрах энкомия, монодии и др. Одна из речей Константина Манасси и станет предметом настоящей статьи. Из ряда других монодий XII в. она выделяется тем, что автор посвящает ее домашней певчей птичке — щеглу (CM). Как и другие надгробные речи Константина, «Монодия на смерть щегла» остается почти вовсе не изученной[3]. Изучив монодию с точки зрения ее структуры и содержания и рассмотрев ее в широком историко-литературном контексте, мы попытаемся оценить степень ее художественной оригинальности и выяснить, с какой целью и для какой аудитории ритор написал этот необычный текст.

---

[1] О жизни и творчестве Константина Манасси см.: Lampsides 1988; Reinsch 2002; Nilsson 2020.

[2] Полный перечень сочинений Манасси см.: Tusculum-Lexicon: 495–497.

[3] Анализу «Монодии на смерть щегла» посвящена лишь небольшая глава в монографии И. Нильссон (Nilsson 2020: 76–82), где исследовательница ограничивается пересказом содержания и краткой характеристикой речи.

Для начала обратимся к содержанию монодии. Автор с первых слов сообщает о несчастье, которое его постигло, начинает оплакивать погибшую птицу и выражает намерение ответить звуками «скорбной лиры» на умолкшее сладостное пение. Плач прерывается оправданием темы монодии: если кто-нибудь припишет автору легкомыслие и малодушие, ибо он скорбит о ничтожной птичке, то пусть вспомнит древних мужей, которые тоже оплакивали животных — Александра Великого, Красса, Пирра, Цезаря — и слова Соломона: «Праведник милует души скотов своих» (Притч. 10, 12). Затем трен продолжается: оплакивая щегла, автор сетует на зиму, погубившую его, и на птиц, надругавшихся над его телом — коршуна, ворону, жаворонка и воробья. Далее начинается восхваление достоинств щегла. Птица отличалась разумом: когда автор занимался какой-либо наукой, она понимала, какую книгу он читает, и в ответ пела по-разному и вовсе умолкала, если Константин прекращал читать вслух. Щегол обладал необыкновенными певческими способностями: он умел петь голосами нескольких разных птиц. Этот талант однажды ввел в заблуждение гостей автора, которые пришли к нему ради ученой беседы: не видя щегла, но слыша его разнообразное пение, они думали, что в доме несколько птиц. Следующей осенью автор надеялся взять своего щегла на ловлю певчих птиц, где его питомцу предстояло приманивать жертв, но зима погубила его. Далее следует подробное описание наружности щегла, после которого Манасси вновь обращается к его «нраву» и рассказывает, насколько он был ручной, как отличал своих от чужих и любил своего хозяина. Речь завершается кратким самоутешением — щегол был стар и прожил по птичьим меркам долгую жизнь — и треном: кто теперь утешит автора и облегчит его труды?

Взявшись сложить надгробную речь не человеку, а птице, Константин Манасси следует литературной традиции, уходящей корнями в эпоху эллинизма. В античной литературе — как греческой, так и римской — стихи, посвященные животным составляли отдельную форму надгробной эпиграммы. Стихотворения посвящались коням, собакам, кроликам, куропаткам, ласточкам, дельфинам, даже кузнечикам и цикадам. Эпиграммы на смерть животных писали такие поэты как Анита Тегейская, Мелеагр, Антипатр Сидонский, Катулл, Овидий и многие другие. Некоторые эпиграммы (напр., Аниты) выражали искреннюю скорбь, а другие (напр., Мелеагра, Антипатра и др.) были

частью литературной игры и носили характер пародии[4]. В византийской литературе жанр просуществовал до VI в. — череду эпиграмм замыкают стихи Агафия Миринейского и грамматика Димохарида (AP VII, 204–206). В дальнейшем, в средневизантийскую эпоху (VIII–XII вв.) надгробные эпиграммы животным, насколько нам известно, не писались[5], но к XII в. традиция возрождается в измененной форме: животным начинают посвящать траурные речи — монодии. Сохранились две такие монодии XII в.: Михаил Италик († до 1157) оплакивает домашнюю куропатку[6], а Константин Манасси — щегла. При этом не исключено, что в ту эпоху, в XI–XII вв., в Византии писались и другие, ныне утраченные надгробные речи птицам. На такое предположение наводит эпизод, содержащийся в одном из писем Михаила Пселла (Papaioannou 2019: 17. 67. 41–54): во время охоты, когда один из соколов погиб в поединке с журавлем, кесарь Иоанн Дука похоронил птицу, как воина, павшего в бою, и произнес в ее честь «словно некое надгробное слово» (ὥσπερ ἐπικήδειόν τινα λόγον). Может быть, эпитафии и монодии на смерть животных стали в то время частью литературной моды?

Манасси составил «Монодию на смерть щегла» позже, чем Италик (CM: 20) — «Монодию на смерть куропатки», и даже поверхностное сравнение двух текстов показывает, что между ними есть явные параллели. Исследователи констатируют зависимость Манасси от Италика[7], но провести детальный сравнительный анализ и определить меру этой зависимости никто пока не пытался. Между тем, если наша задача — выяснить, как, зачем и для кого Манасси сочинил монодию на смерть певчей птицы, предпринять такой анализ необходимо.

То, что Манасси был знаком с речью Италика и сознательно использовал этот текст, не вызывает сомнений. Во-первых, об этом говорят совпадения в содержании двух монодий: куропатка и щегол наделяются одними и теми же «добродетелями», подробно описывается наружность обеих птиц, оба автора

---

[4] Античные надгробные эпиграммы животным изданы и исследованы в кн.: Herrlinger 1930.

[5] Христофор Митиленский (XI в.) посвящает эпиграммы муравью и пауку (De Groote 2012: opp. 122, 125), но это не надгробные стихи, а энкомии.

[6] Изд.: MI. Монодии посвящена статья: Agapitos 1989.

[7] CM: 20; Agapitos 1989: прим. 26, 44; Nilsson 2020: 80–81.

оправдывают выбор необычной темы для монодии и оба используют для этого одну и ту же ветхозаветную цитату (MI: 104.27–32 cf. CM: 3.14–4.4). Во-вторых, между текстами есть и лексические параллели, наиболее явные из которых обнаруживается в описании внешности. Сопоставим тексты и убедимся в том, что Манасси заимствует лексические обороты источника:

Михаил Италик (MI)	Константин Манасси (CM)
περὶ μὲν τὴν κεφαλὴν… λευκὸς ἦν καὶ χιόνος λευκότερος[8]	λελεύκαντό οἱ τὸ σκέλος ἑκάτερον, κεχιόνωτό οἱ τὰ περιπόδια[9]
πλὴν ὅσον ἐπεπόλαζεν οἷον ἐξίτηλός τις πυρσὴ χροιὰ[10]	ἐξίτηλον δέ τι καὶ ἀμαυρὸν τὸ πυρσὸν ἐπεκάθητο καὶ ἀμφίβολον[11]
τοῖς τε πτεροῖς ἐπεσπείρετο μέλαν οὐκ ἄκρατον[12]	ἐνιαχοῦ δὲ τὸ χρυσίζον τῷ μέλανι κέκρατο[13]

Итак, Манасси многое заимствовал у Михаила Италика, но в то же время его монодия существенно отличается от образца. Можно указать четыре аспекта, в которых это отличие проявилось.

Первый аспект состоит в том, что если текст Италика — речь в миниатюре, по масштабам соответствующая скорее личному письму, то Манасси создает полноценную монодию. Речь не только о том, что монодия Манасси превосходит речь Италика по объему: она составлена в точном соответствии с канонами жанра, изложенными в хорошо известном византийцам трактате «Об эпидейктических речах» Псевдо-Менандра Лаодикийского (ML, cf. Hunger 1978: 88–89). Так, согласно Псевдо-Менандру, монодия должна «разделяться на три времени» — настоящее, прошлое и будущее: настоящее (с него следует начинать) — это рассказ о смерти покойного, прошлое — о его

[8] MI: 103.8–9: «Голова у него… была белой, белее снега».
[9] CM: 8. 9–10: «Лапки были белыми, а область вокруг лапок — белоснежной».
[10] MI: 103.9–10: «Разве только на поверхности был некий блеклорыжий цвет».
[11] CM: 8. 3–4: «Рыжий цвет был там каким-то поблекшим, тусклым и неопределенным».
[12] MI: 103.11: «По перьям был рассеян черный [цвет], который не был несмешанным».
[13] CM: 7. 32–33: «Кое-где золотистый [цвет] был смешан с черным».

жизни и достоинствах, будущее — о не сбывшихся надеждах, которые на него возлагались (ML: 435.16–30). Все три времени — и даже в том же порядке! — отражены и в «Монодии на смерть щегла»: сначала говорится о том, из-за чего он погиб и что стало с телом (CM: 4.9–24), затем — о добродетелях почившего (4.25–7.3), а потом — о неосуществленных планах на будущее (7.4–11). По Псевдо-Менандру, в монодии следует «примешивать энкомий к плачу», чтобы речь не была похвалой в чистом виде, но «энкомий служил бы лишь поводом для плача» (ML: 434.20–23). Это требование в полной мере выполнено в тексте Манасси: трен, содержащий трагические восклицания и риторические вопросы, не только обрамляет текст монодии (CM: 3: 4–13; 9. 1–4), но несколько раз «вкрапляется» и в середину речи (4.5–24, 29–31; 5.20–21; 7.18–23), прерывая более «спокойное» повествование. Если монодия посвящена близкому человеку, Псевдо-Менандр предписывает оратору не только оплакивать умершего, но и жаловаться на собственную участь, одиночество и т. д. (ML: 434.23–26) — такие жалобы мы находим и в монодии Манасси (CM: 9.1–4). Псевдо-Менандр рекомендует описать наружность покойного (ML: 436.15–21) — и в монодии содержится пространный экфрасис птицы (CM: 7.24–8.14). По Псевдо-Менандру, в начале монодии ритор может посетовать на злых демонов и несправедливую судьбу (ML: 435.9–14) — Манасси исполняет и это требование, хотя вместо демонов и рока он беспрестанно обвиняет зиму, проклятую и жестокую «губительницу благ» (CM: 4.22–24; 7.12–14, 18–20 etc.). Если мы рассмотрим с этих же позиций монодию Италика, то выяснится, что предписания риторического учебника выполнены в ней не в полной мере — отчасти, разумеется, в силу ее небольшого объема: отсутствует «будущее время», нет ни жалоб на собственный горький удел, ни на какие-либо злые силы, похитившие умершую птицу, трен представлен лишь двумя короткими пассажами в начале и в конце речи.

Итак, Манасси вводит в свою монодию ряд элементов, которых в тексте Италика не было, и выстраивает полноценную надгробную речь, как будто он оплакивает не щегла, а отца или друга. Второе отличие от монодии Италика заключается в том, что Константин преобразует мотивы, заимствованные у предшественника. Все, что в «Монодии на смерть куропатки» лишь кратко обозначено, Манасси расширяет и тщательно разрабатывает, и эта разработка приводит иногда к риторической гиперболе или чуть ли не карикатурному преувеличению —

например, когда речь идет о красивом пении и разуме куропаток.

Оплакивая куропатку, Италик пишет, что пение птицы было «слаще лиры, мелодичнее пектиды, приятнее всякой Музы, доставляло больше наслаждения, чем пение мифических Сирен» (MI: 103.5–7). Оставим в стороне тот факт, что куропатка — не певчая птица, и ее сравнение с Сиреной и с Музами — явная риторическая «лесть», и посмотрим, как этот мотив развивает Манасси. Константин вводит намного более сложное и глубокое сравнение: то, что его любимец умел петь голосами трех птиц, делает его подобным искусному певцу и оратору, который владеет «навлой и барбитоном», умеет сочетать разные ритмы и стили. Процитируем наиболее показательный пассаж, где — отметим — автор прибегает к специальной риторической терминологии:

«Гомер из стилей риторики уделяет Одиссею-островитянину — резкий, напряженный и сжатый, Пилосскому старцу Нестору — сладостный и изящный, Атрееву сыну — ясный и бойкий, но лучше сего, по его мнению, если софист и в первом [стиле] преуспел, и во втором не хромает, и в третьем [упасть] не рискует. Мой же благородный щегол, искусный софист среди птиц, исполнял троякую песнь и не погрешал ни в одном из напевов» (CM: 5.22–28).

Восхваляя разум щегла, Манасси прибегает к еще более явной гиперболе, приписывая щеглу человеческие качества. Италик тоже верил, что его куропатка наделена разумом: например, когда хозяин завтракал, она отгоняла других домашних птиц, чтобы они его не беспокоили, а вечером прилетала к ложу Михаила, словно напоминая слугам, что пора стелить господскую постель (MI: 103.16–20, 26–31). Разум щегла проявляется в куда более сложных вещах: птица понимает, что штудирует ее ученый хозяин, и по-разному реагирует на разные науки и тексты. Напр., когда Манасси читал вслух «Гармонику» Птолемея, питомец «словно чувствовал, что говорится, как будто понимал, что я занимаюсь напевами и гармонией, становился певучее и голосистее самого себя, издавал трели и мелодии в ответ мне, и было ясно, что он не перестанет щебетать и не прервет песнь, пока не заставит меня молчать и не возгордится надо мной, как над побежденным» (CM: 5.11–15).

Щегол Константина Манасси — пернатый «софист» и ученый-филолог, который вмешивался в научные занятия хозяина и даже пытался с ним соперничать. Образ птицы, обрисованный

в монодии, конечно, носит гиперболический характер и призван скорее рассмешить слушателей, чем вызвать у них сострадание. Такое предположение подтверждает и третье отличие монодии Манасси от монодии Италика — Константин вводит в надгробную речь нарочито комические детали и эпизоды. Так, явно комична сцена розыгрыша друзей: услышав словно голоса разных птиц, ученые мужи бросают обсуждать платоновского «Федра», принимаются осматривать потолок и окна, Константин «звонко смеется» и «хохочет» над ними, а когда гости догадываются, что это один щегол поет настолько по-разному, они начинают восхвалять его, пуская в ход гомеровские стихи, а честолюбивая птица, принимая похвалы, разразилась необычайно длинной трелью (СМ: 6.15–7.3). Комическое появляется даже в трене, где намеренно создается контраст между, с одной стороны, патетическими восклицаниями и возвышенными эпитетами, а с другой — обыденностью ситуации и подчеркнуто сниженными бытовыми деталями. Приведем наиболее показательный отрывок:

«Погиб мой песнопевец, воспитанный Музами, который столько хлопот доставлял слуге, убиравшему помет, вымывавшему жижу из поилки и вычищавшему грязь… Возможно, негоднейший жаворонок надругался над ним, терзая его пух когтями, копаясь клювом в златом оперении, а быть может, и справляя триумф над шеей, прежде издававшей прекрасные песни, и попирая поверженного звездоподобного [щегла], которого я называл сыном Терпсихоры и которого хранила прекрасная клетка, окрашенная в оранжевый и пурпурный цвет» (СМ: 4.14–22).

Наконец, четвертое отличие от монодии Италика состоит в том, что Манасси систематически вводит индивидуальный образ автора. Наряду с почившим щеглом, автор оказывается одним из центральных персонажей монодии, роль которого отнюдь не сводится к выражению скорби. Слушатель многое узнает об авторе — как он мечтал отправиться со щеглом на ловлю птиц (СМ: 7.5–10), как он кормил его хлебом, кроша его пальцами, уставшими держать перо (4.11–13) — но основное внимание Манасси уделяет описанию своих научных занятий. «Мастер экфрасиса»[14] не только перечисляет книги, которые он изучает, но и описывает, как он, отвлекшись от чтения Евклида, склонялся над доской, покрытой красным порошком, и чертил

[14] Выражение Г. Хунгера (Hunger 1978: 1, 183)

геометрические фигуры (5.6–8). Особенно информативен эпизод с друзьями: мы узнаем, что у автора есть друзья, «щедро вкусившие от наук и образования», которые приходят к нему в гости и обсуждают диалоги Платона, но, как мы видели, автор с помощью щегла не прочь разыграть своих гостей.

Итак, в отличие от Михаила Италика, Манасси создает полноценную монодию, которая, в то же время, носит комический характер и выводит двух главных персонажей — щегла и «соперничающего» с ним автора. Мотивы и приемы, взятые у Италика, развиваются до столь гротескно преувеличенных масштабов, что закономерно возникает вопрос: не идет ли речь о намеренном пародировании[15]? Италик и Манасси принадлежали к одним и тем же кругам столичной интеллектуальной элиты — слушатели Манасси были, вероятно, знакомы с речью Михаила и могли оценить игру. Вместе с тем, они могли усмотреть в шутливой монодии и другие параллели: то, что отличает «Монодию на смерть щегла» от ее главного прототипа, сближает ее с другими произведениями и жанровыми формами.

Комический тон монодии Манасси роднит ее с пародийными эпиграммами на смерть животных (Herrlinger 1930: 29–34). Показательны три эпиграммы VI в. — две из них написаны Агафием Миринейским, а одна грамматиком Димохаридом — посвященные смерти куропатки (AP: VII, 204–206). Комический эффект достигается в них с помощью того же самого приема, который мы выявили у Манасси: смерти птицы придается преувеличенное значение, поэты оплакивают ее возвышенно-трагическим слогом, но при этом создают контраст между высоким стилем и бытовыми деталями. Эпиграммы отражают вполне обыденную ситуацию — кот напал на куропатку и оторвал ей голову — но это событие обретает эпический масштаб: «мужеубийца»-кот, подобный псам Актеона, должен быть принесен в жертву на могиле куропатки, как Полексена у гроба Ахилла, ибо только так душа птицы обретет покой. Подобный прием, как мы видели, использует и Константин Манасси. Его слова πενθεῖτε, Μοῦσαι, τὸν χρυσεόγλωττον ‘Плачьте, Музы, о златоречивом!’ (CM: 4.29–30) невольно

[15] Византийские авторы XI–XII вв. нередко прибегали к пародированию. Напр., Михаил Пселл сочинил пародию на церковный канон (Westerink 1992: op. 22), а Феодор Продром — на античную драму (Hunger 1968).

напоминают о начале знаменитой эпиграммы Катулла: *Lugete, o Veneres Cupidinesque* (*Cat*. 3). Византийский ритор, разумеется, не был знаком с латинской поэзией, но, следуя традиции, восходящей к эллинистической эпиграмме, Катулл и Манасси прибегают к одним и тем же средствам.

Индивидуальный авторский образ, который мы обнаружили в «Монодии на смерть щегла» — не вполне обычная черта для надгробных речей[16], но можно назвать ряд произведений XI — XII вв., где автор тоже представлен как один из центральных персонажей. Таковы некоторые монодии Михаила Пселла. Например, в речи на смерть бывшего ученика, вестарха Георгия (Polemis 2014: op. 7), Пселл подробно рассказывает, как он обучал Георгия философии и риторике: юноша был способным учеником, но отдавал предпочтение диалектике в ущерб красноречию, и Пселл нарочно излагал философские понятия «аттическим» слогом, а иногда даже проявлял к нему строгость (7.2). Характерный пример из XII в. — монодия Феодора Продрома, посвященная его другу и учителю Стефану Скилице (Petit 1902). Оплакивая Стефана и излагая его жизнь, оратор то и дело фокусирует внимание на себе: рассказывается о том, как Стефан и Феодор вместе писали схеды и Стефан восхищался стилем ученика, утверждая, что он превзошел учителя (129–141); описывается эмоциональная реакция Продрома, когда Скилицу, уже тяжело больного, доставляют из Трапезунда в Константинополь (211–225); примечательно начало монодии, где автор — вместо традиционного трена — пространно рассуждает о том, что ему посчастливилось иметь много друзей из знати и синклита (1–21). Т.о., когда Манасси вводит образ автора в свою пародийную монодию, он следует традиции, уже представленной в надгробной риторике XI — XII вв.

В заключение уместно поставить вопрос о том, зачем и для какой аудитории Манасси написал свою речь. По-видимому, основная цель, которую преследовал автор — продемонстрировать свои знания в самых разных областях: мы узнаем, что Константин изучает «Органон» Аристотеля и платоновские диалоги, занимается геометрией и музыкой. Ничего не гово-

[16] О византийских эпитафиях и монодиях см.: Hunger 1978: 132–145. Отметим, что индивидуальный образ автора отсутствует и в двух остальных надгробных речах Константина Манасси — на смерть Никифора Комнина (Kurtz 1910) и Феодоры Кондостефанины (Kurtz 1900).

рится о грамматике и риторике, но доказательство владения этими дисциплинами — сама монодия, в которой автор обнаруживает знание древних авторов (в тексте немало явных и скрытых цитат, которые еще предстоит раскрыть), блестяще использует риторические приемы и проявляет осведомленность в литературной традиции, коренящейся в античности, но получившей новый импульс в Византии того времени. По всей видимости, «Монодия на смерть щегла» — своего рода «самореклама», предназначенная или знатным патронам, или родителям будущих учеников — известно, что Манасси преподавал риторику, а также выполнял заказы знатных меценатов. Чтобы вступить в один из литературных салонов, называвшихся θέατρα[17], или привлечь внимание к себе как квалифицированному педагогу, такая самореклама была насущной необходимостью. Пародийная монодия Константина Манасси — характерное явление для константинопольской интеллектуальной среды XII в., характеризовавшейся обостренной конкуренцией учителей и профессиональных риторов.

Литература

Agapitos P. A., 1989: Michael Italikos: Klage an den Tod seines Rebhuhns. *Byzantinische Zeitschrift* 82, 59–68.

AP: Beckby, H. (ed.) *Anthologia Graeca*. Bd. 1–4. München: Heimeran, 1965–1968.

CM: Horna, K. Einige unedierte Stüke des Manasses und Italikos. *Jahresbericht des K. K. Sophiengymnasiums in Wien 1901/1902*, 1902, 3–9.

De Groote, M. 2012: *Christophori Mitylenaii versuum variorum collectio cryptensis*. Turnhout: Brepols.

Herrlinger, G. 1930: *Totenklage um Tiere in der antiken Dichtung: mit einem Anhang byzantinischer, mittellateinischer und neuhochdeutscher Tierepikedien*. Stuttgart : W. Kohlhammer.

Horna, K. 1904: Das Hodoiporikon des Konstantin Manasses. *Byzantinische Zeitschrift* 13, 325–347.

Horna, K. 1905: Ἔκφρασις ἁλώσεως σπίνων καὶ ἀκανθίδων. *Analekten zur byzantinischen Literatur, Progr. Sophiengymn*. Wien. 3–35.

Hunger, H. 1968: *Der byzantinische Katz-Mäuse-Krieg*. Wien, Köln, Graz: Böhlau.

Hunger, H. 1978: *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Bd. 1–2. München: Beck.

[17] О риторических «театрах» и интеллектуальной среде Константинополя XII в. см.: Magdalino 1993: 335–356.

Kurtz, E. 1900: Δύο πονήματα Κωνσταντίνου τοῦ Μανασσῆ σχετιζόμενα πρὸς τὸν θάνατον τῆς Θεοδώρας Κοντοστεφανίνας. *Vizantijskij Vremennik* 7, 630–635.

Kurtz, E. 1910: Εὐσταθίου Θεσσαλονίκης καὶ Κωνσταντίνου Μανασσῆ μονῳδίαι περὶ τοῦ θανάτου Νικηφόρου Κομνηνοῦ. *Vizantijskij Vremennik* 17, 302–322.

Lampsides, O. (ed.) 1996: *Constantini Manassis Breviarium Chronicum*. Athenis: Academia Atheniensis.

Lampsides, O. 1991: Der vollständige text der Ἔκφρασις Γῆς des Konstantinos Manasses. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 41, 194–204.

Lampsidis, O. 1988: Zur Biographie von Konstantin Manasses und seiner Chronik Synopsis. *Byzantion* 58, 97–111

Magdalino, P. 1993: *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. New York: Cambridge University Press.

Mazal, O. 1967: *Der Roman des Konstantinos Manasses. Überlieferung, Rekonstruktion, Textausgabe der Fragmente*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Messis, Ch., Nilsson, I. 2015: Constantin Manassès, la description d'un petit homme. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 65, 188–190.

Messis, Ch., Nilsson, I. 2019: The Description of a Crane Hunt by Constantine Manasses: Introduction, text and translation. *Scandinavian Journal of Byzantine and Modern Greek Studies* 5, 9–89.

MI: *Michel Italikos. Lettres et Discours* / ed. P. Gautier. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1972, op. 7, p. 102–104.

ML: Russell, D. A., Wilson, N. G. (edd.) *Menander Rhetor*. Oxford: Clarendon Press, 1981. P. 76–224.

Nilsson, I. 2011: Constantine Manasses, Odysseus, and the Cyclops: On Byzantine Appreciation of Pagan Art in the Twelfth Century. In: Ekphrasis: *La représentation des monuments dans les littératures Byzantine et Byzantine-slaves: Réalités et imaginaires* / ed. par V. Vavřinek, P. Odorico, V. Drbal. Prague. (*Byzantinoslavica* 69/3. Supplementum). P. 123–136

Nilsson, I. 2020: *Writer and Occasion in Twelfth-Century Byzantium. The Authorial Voice of Constantine Manasses*. Cambridge University Press.

Papaioannou, S. 2019: *Michael Psellus, Epistulae*. Vol. 1–2. Berlin; Boston: De Gruyter.

Petit, L. 1902: Monodie de Théodore Prodrome sur Etienne Skylitzes métropolitain de Trébizonde. *Izvestija Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole* 8, 1–14

Polemis, J. 2014: *Michaelis Pselli Orationes funebres*. Vol. 1. Berlin; Boston: De Gruyter.

Reinsch, D. R. 2002: Historia ancilla litterarum? Zum literarischen Geschmack in der Komnenenzeit: Das Beispiel der Synopsis

Chronike des Konstantinos Manasses, in: *Pour une "nouvelle" histoire de la littérature byzantine. Actes du colloque international philologique, Nicosie, 25–28 mai 2000*. Paris: Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes, 81–94.

Sternbach, L. 1902: Beiträge zur Kunstgeschichte. *Jahreshefte des Österr. arch. Instituts* 5, 74–83.

Tusculum-Lexicon griechischer und lateinischer Autoren des Altertums und des Mittelalters / edd. W. Buchwald, A. Hohlweg, O. Prinz. München: Artemis, 1982.

Westerink, L. G. 1992: *Michaelis Pselli poemata*, Stuttgart: Teubner.

DOI:10.30842/ielc230690152572

А. Б. Черняк
(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

АННА КОМНИНА О НАСЕЛЕНИИ ГЕМА/БАЛКАН (ALEXIAS XIV, VIII, 6)

В статье предлагается интерпретация недостаточно исследованного пассажа из «Алексиады» Анны Комниной (*Anna Comn.* Alexias XIV, VIII, 6), в котором под архаизирующими этнонимами скрываются реальные этнические группы романского населения Балкан.

Ключевые слова: «Алексиада», Анна Комнина, Кекавмен, влахи Балкан, македонцы, даки, фракийцы.

A. B. Chernyak
(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Anna Comnena on the population of the Haemus mountains (Balkans) (Alexias XIV,VIII, 6)

The article offers an interpretation of a little-commented passage from Chapter XIV of Anna Comnena's book «The Alexiad» (ca. 1148 CE) about the population of the Haemus mountains (i.e. Balkan region), mentioning ethnic groups of Vlachs, Dacians, Thracians and Macedonians.

Keywords: Anna Comnena, «The Alexiad», the Balkans, Vlachs, Dacians, Thracians, Macedonians.

Введение

Δακῶν μὲν βορειοτέρων καὶ τῶν Θρᾳκῶν, νοτιοτέρων δὲ Θρᾳκῶν τε αὐτῶν καὶ Μακεδόνων (FHDR III: 118) «на северном (склоне Гема — *А. Ч.*) живут даки и фракийцы, на южном — фракийцы и македонцы» (Любарский 1965: 395–396).

Предлагаемый здесь пассаж можно назвать самым загадочным в не очень обширной исторической литературе о влахах средневековья. Тем не менее, даже в специальных работах по Балканам рубежа XI в. (Litavrin 1972; 2001; Stănescu 1968; Brezeanu 1987) он не рассматривается. В примечании к нашему фрагменту в румынском своде составители ссылаются на трудности идентификации архаизирующих названий у византийских писателей и, в частности, у Анны Комниной (FHDR III: 119, not. 96).

Для этого пренебрежения есть две причины:

1. В «Алексиаде» влахи неоднократно упоминаются под их прямым византийским именем, см. Gyóni 1951; Анна Комнина

представлена в румынском своде 16 фрагментами (FHDR III: 81–119); при таком изобилии можно чем-то и пожертвовать.

2. В конце XIV в. влахи Балкан под тюркским нажимом (турки-сельджуки и шедшие за ними кочевники юрюки) в основном уходят на запад или на север в задунайские княжества (Chernyak 1998: 200), и Мизия с Фракией окончательно превращаются в «потерянную Романию» (Британия, Паннония, Северная Африка и т. д.).

Приятное исключение составляет статья Н. Сараманду «La romanité orientale (IVe–XVe siècles). Sources historiques», которая предлагает беглый обзор источников о влахах к югу от Дуная (Saramandu 2008: 11–78)[1]. Известный аруманист, не вдаваясь в детали, видит в этнонимах нашего фрагмента романизованное население Балкан[2]. Ниже мы попытаемся как-то обосновать это напрашивающееся объяснение.

Анализ текста

1. Преамбула (общий обзор).

Рассмотрим сначала наш фрагмент в более широком контексте.

«Вот этих последователей Мани и сыновей Каллиники, Павла и Иоанна, людей грубых, жестоких, без колебаний проливающих кровь, победил на войне и захватил в плен славный среди императоров Иоанн Цимисхий; он вывел их из Азии, из областей Халива [1468] и Армениака, во Фракию и заставил поселиться около Филиппополя. Он сделал это, во-первых, чтобы удалить их из хорошо укрепленных городов и крепостей, которыми они распоряжались как неограниченные правители, а во-вторых, чтобы использовать их как надежную стражу против скифских набегов, которым постоянно подвергалась Фракия [1469]. Ведь варвары проходили через долины Гема и совершали набеги на равнину, лежащую у его подножья.

Гем — это огромная горная гряда, вытянутая в линию параллельно Родопам, которая начинается у Эвксинского Понта,

---

[1] Румынский оригинал вышел в 2004 г., но я цитирую французский перевод по книге, подаренной мне автором в 2010 г.

[2] « …sous ces dénominations archaïsantes il faut entendre …la population romanisée des deux versants de l'Haemus» (Saramandu 2008: 29). Интерпретация Сараманду вместе с текстом Анны совсем недавно появились в английской Википедии в статье «Anna Komnene» (без указания источника).

проходит вблизи водопадов и простирается до самого Иллирика. Эта горная гряда, думается мне, рассекается Адриатическим морем, снова продолжается на противоположном берегу и доходит до самих Геркинийских лесов [1470]. Оба ее склона населяют многочисленные и богатые племена: на северном {395} живут даки и фракийцы, на южном — фракийцы и македонцы. Через Гем проходили с давних времен кочевники-скифы, пока копье Алексея и многочисленные битвы совершенно их не уничтожили; всем своим войском они наносили ущерб Ромейской державе и особенно близлежащим городам, главным из которых был знаменитый Филиппополь» (Любарский 1965: 395–396).

Перед нами историко-географический экскурс, сопровождающий рассказ о кампании 1014 г. против куманов (половцев): узнав о готовившемся набеге, император лично прибыл в Филиппополь (Пловдив), но так как враги отказались от своего намерения, Алексей решил заняться местными богомилами (манихеями).

Анна Комнина — весьма ученая дама, как и подобает дочери императора, выросшей в Константинополе. О ее греческом можно получить представление по двум строчкам приведенного выше фрагмента: gen. abs. этнонимов, аналогия лат. abl. abs.; оборот μέν… δέ; энклитика τε — у провинциала Кекавмена ничего подобного мы не встретим. Да и сам обширный экскурс[3] с его архаизирующими этнонимами — это тоже художественный прием[4]. Образцом для Анны был, как известно, Фукидид.

Кекавмен, впрочем, нам еще пригодится: наш фрагмент смутно напоминает его знаменитую фразу о влахах, Οὗτοι γάρ εἰσιν οἱ λεγόμενοι Δᾶκαι καὶ Βέσοι (FHDR III: 41), откуда вроде бы следует, что фракийцы Анны это бессы Кекавмена. На самом деле все несколько сложнее.

2. Даки.

Под «даками» у Анны Комниной обычно фигурируют венгры, занявшие не только Паннонию, но и Трансильванию (FHDR III, 83, 95, 117);[5] наш пассаж в индексе тем не менее

[3] О его географической составляющей см. Gyóni 1952: 501–2, note 36.
[4] Ср. экскурс о Данубии/Истре в VII, II, 7 = FHDR III, 98.
[5] FHDR Ill, 83, n. 11 со ссылкой на Moravcsik II 116; Stănescu 1965: 49–50.

атрибуируется как «жители старой северодунайской Дакии» («locuitorii vechii Dacii mord-dunărene» — ibid. 553a s. v. *daci*). На мой взгляд, на северном склоне Гема могли обитать только даки из Прибрежной Дакии, так как горный хребет, согласно автору, простирался до катаракт (Железных ворот) и еще дальше вплоть до Адриатики (в районе г. Браничево и сейчас живут румыны). Как и у Кекавмена, «даки» это не архаизация, а историческое и устарелое название жителей давно упраздненной провинции.

3. Фракийцы.

Этот этноним появляется у нашего автора еще только в I, 5 (1078 г. — Никифор Вриенний идет на Константинополь): «Левым же флангом командовал Катакалон Тарханиот, который имел в своем распоряжении три тысячи хорошо вооруженных македонцев и фракийцев. Сам же Вриенний командовал центром фаланги, который состоял из македонцев, фракийцев и цвета всей знати» (Любарский 1965: 63). Очевидно, что речь идет о солдатах византийских фем Македония и Фракия[6], а не исторических провинций.

Скрытое упоминание таких же солдат мы находим в описании захвата столицы войсками Алексея Комнина (II, 10 — 1 апреля 1081 г.) «Все войско, состоявшее из чужеземцев и местных жителей и собравшееся как из наших, так и из соседних земель, знало, что город с давних пор изобилует всевозможными богатствами, которые постоянно поступают туда с суши и моря. Поэтому воины, быстро войдя через Харисийские ворота в город, рассеялись во все стороны по улицам, перекресткам, переулкам и, не щадя ни домов, ни церквей, ни заповедных святилищ, стали отовсюду выволакивать богатую добычу. Они воздерживались только от убийств, все же остальное творили с бесстыдной дерзостью. Хуже всего было то, что сами коренные ромеи не устранились от грабежа; как бы забывшись и изменив в худшую сторону свои нравы, они без краски стыда делали то, что и варвары» (Любарский 1965: 110). В примечании 266 (с. 473) упоминается более подробный рассказ Зонары: воины насиловали монахинь, и в этом святотатстве принимали участие фракийцы и македонцы (Zon. 18,12).

---

[6] Фема Македония располагалась в Западной Фракии с центром в Адрианополе; фема Фракия — в восточной Фракии (современная Европейская Турция), см. ODB: 1263, а также *Pertusi* 1952: 157–158.

Индекс третьего тома румынского свода содержит еще два упоминания этих военных контингентов: 971 г. под Доростолом в составе войск Иоанна Цимисхия (кампания против Святослава) — Cedr. II p. 400 = FHDR III 149; 1053 г. (война с печенегами Тираха) — Cedr. II p. 586 = FHDR III 155. В 1305 г. в битве с каталонцами у Апроса участвуют македонцы и влахи-волонтеры (фема Фракис исчезла веком раньше) — Pachym. II, IV, 32 = FHDR III: 453.

4. Македонцы

Хронологически вплотную к пассажу о захвате Константинополя примыкает место из «Алексиады», где описывается состав византийского войска под Диррахием (1081, 18 октября — битва Алексея и Роберта Гвискарда у Диррахия) IV, 4: «Отрядом экскувитов командовал Константин Опос, македонцами — Антиох, фессалийцами — Александр Кавасила, над охридскими турками начальствовал Татикий» (Любарский 1965: 145).

Македонцы фигурируют в «Барийской летописи» за 1027 г.[7] в составе войска, посланного императором Василием II в Италию против норманнов: Hoc anno descendit Ispo chitoniti in Italiam cum exercitu magno, id est Russorum, Guandalorum, Turcorum, Bulgarorum, Vlachorum, Macedonum aliorumque, ut caperet Siciliam. Et Regium restaurata est a Vulcano catepano. Sed peccatis praepedientibus, mortuus est secundo anno imperator Basilius; qui omnes frustra reversi sunt (Дьони 1951: 238, прим. 12).

Этноним «македонцы» встречается и в анонимном диалоге «Тимарион» (сер. XII в.) при описании праздника св. Димитрия в Фессалониках (см. FHDR III: 185; Saramandu 2008: 32). Разумеется, речь идет как о романском, так и о греческом населении.

Гораздо более важен пример из второго тома румынского свода: Лев Грамматик «Хронография» (post a. 942), где сообщается, что хан Крум в 813 г. берет Андрианополь и переселяет многих знатных македонцев (πολλοὺς τῶν εὐγενῶν Μακεδόνων) и массу простых людей (в их числе будущего императора Василия с его родителями) за Дунай: Leo Gramm. p.

[7] На самом деле войско прибыло в 1025 г. и оставалось в Италии до смерти императора Константина VIII в 1028 г. Македонцы упоминаются в «Барийской летописи» еще под 1041 г., см. Дьони 1951: 244, прим. 35.

207 = FHDR II: 651, 653, ср. более краткие упоминания в: Theoph. Cont. p. 216, 16–19; Skyl. Kedr. II p. 185; Zon. p. 408, 4–5 и Божилов 1979: 176–177. Через много лет их юный предводитель по имени Бардас смог пробраться в столицу, и император Феофил прислал им на выручку корабли. Болгары попытались помешать эвакуации, натравив венгров и печенегов, но македонцы отбили все атаки (FHDR II: 651, 653)[8].

5. Попытка интерпретации.

Относительно даков все более или менее ясно: это жители бывшей Прибрежной Дакии, через которую проходит Гем (см. выше). О фракийцах из текстов данного периода мы знаем только как о солдатах фемы Фракия[9]. С большой натяжкой в них можно было бы видеть жителей всего фракийского диоцеза — существовавшего как церковная административная единица, но этому мешают македонцы, которые тянут нас в реалии второго тысячелетия. Поэтому нам придется под фракийцами Анны Комниной искать особую этническую группу — потомков романизованных фракийцев и притом других, чем бессы Кекавмена. Последние, как известно, жили на западе, а этих надо поместить на северном склоне в центре и на северо-востоке, а также на востоке южного склона. Центр и запад южных отрогов Балканских гор, по меньшей мере, в районе Филиппополя, отходят македонцам[10].

6. Македонцы во Фракии?

На этот вопрос наш материал не дает ответа. В большинстве примеров мы имеем дело с солдатами македонской фемы. Только Лев Грамматик говорит о «многих знатных македонцах», вместе с массой простого народа переселенных ханом Крумом за Дунай после взятия Андрианополя в 811 г. (см. выше 4.). Из этого следует, что македонцы были во Фракии задолго до возникновения одноименной фемы. Но как они там появились?

---

[8] О подобных вынужденных миграциях см. Chernyak 2013: 260.

[9] Это не отмечено в индексе румынского свода, см.: «locuitorii Traciei, antici sau medievali» (FHDR III 566 s.v. *traci*). Ср. Ibid. 569 s. v. *macedoneni*: «locuitori ai Macedoniei; ostaşi din tema bizantină a Macedoniei». И то, и другое не очень точно, но второе полнее.

[10] См. у Анны Комниной стоящие рядом названия Македония и Филиппополь: VII, II, 1 = FHDR III 96.

На этот вопрос я пока еще не нашел ответа в научной литературе. Самое простое объяснение это прокладка диагонального пути Сердика-Филиппополь-Андрианополь-Византий, требовавшая значительных военных контингентов и для его постройки, и для его охраны. Их брали, естественно, из соседней Македонии, ставшей римской провинцией в 146 г. до н. э.

При строительстве дорог и аннексии вассальных царств в Римской империи депортации не были редкостью[11], как свидетельствуют набатеи, провинция Аравия и via Traiana[12]. Македонцы таким образом оттеснили фракийцев от диагонального пути, а славянская колонизация VI в. загнала и тех и других в горы[13]. Все это, как и в случае с набатеями, гипотетично.

7. Македонцы и влахи Балкан.

Судя по нашим материалам, в X–XII вв. македонцы играли ведущую роль в византийской армии. Они, разумеется, были стратиотами, т. е. имели земельные наделы, за которые несли военную службу. Влахи упоминаются редко; они образовывали особый контингент (ср. в римской армии легионеры и вспомогательные войска). Во времена Анны Комниной существовало представление о них как о кочевниках-скотоводах[14]. Тем не менее, какая-то часть македонского населения Фракии могла осесть на южном склоне Гема и перейти к отгонному

---

[11] При подавлении поднятого бессами общефракийского восстания в 13–11 гг. до н. э. часть их была переселена в Малую Скифию (Добруджу), где их видел Овидий, см. Chernyak 1998.

[12] См. Chernyak 2012: 306 след. (Малиху, последнему отпрыску царского дома набатеев, сначала оставили Петру, где его застает «Перипл Эритрейского моря», но вскоре переселили на южную границу в Хиджаз).

[13] Об этнолингвистической ситуации во Фракии см. Chernyak 1998. Византийцы пытались ассимилировать фракийских славян посредством переселений; так в начале IX в. там оказались армяне и среди них родители Василия I (см. выше 4.); во второй половине X в. около Филиппополя появляются новые армяне, см. Anna Comn. XIV, VIII, 5 (см. Преамбулу). Мятеж Асеней в 1185 г. и основание Второго болгарского царства, просуществовавшего всего сто лет, привели к краху этой политики и в конечном итоге и самой Византии.

[14] См. Litavrin 2001: 134; Gyóni 1951: 244–245; Anna Comn.VIII, III, 4 = FHDR III, 108: καὶ ὁπόσοι τὸν νομάδα βίον εἵλοντο (Βλάχους τούτους καλεῖν ἡ κοινὴ οἶδε διάλεκτος) «кочевников в просторечии называют влахами» (Lyubarsky 1965: 232).

скотоводству, т. е. стать влахами. Отметим, что к началу XII в. жители Гема достигли некоторого благосостояния[15].

От этого почти несомненного факта фантазия может повести нас еще дальше. Из разысканий М. Дьони мы знаем, что в своих набегах на Фракию кочевники (печенеги и куманы/половцы) переправлялись через Дунай где-то в Добрудже, и затем шли по берегу реки до Плевны и дальше мимо Шипки через Котел попадали в долину р. Тунджа, притока Марицы (это и сейчас основная дорога из Пловдива в Тырново). При этом с помощью местных влахов они по горным тропам обходили византийские укрепления в клисурах (Gyóni 1952). Можно предположить, что это были влахи-фракийцы, а влах Пудила, сообщивший императору Алексею Комнину в Анхиал о появлении куманов осенью 1094 г. (Anna Comn. X, III, 6, 2 = FHDR III,115), был македонцем. Дьони считал, что влахи изнемогали под бременем налогов и относились к византийцам плохо.

Вот и другой пример. Иоанн Киннам во второй половине XII в. относительно влахов Балкан, нанятых для похода за Дунай, сообщает (вероятно, не без удивления), что они считают себя потомками римских колонистов, см. Cinn. VI, 3 p. 259 Bonn.: καὶ Βλάχων πολὺν ὅμιλον, ἱ τῶν ἐξ Ἰταλίας ἄποικοι πάλαι εἶναι λέγονται (FHDR III, 238; Litavrin 2001: 133 и особенно 138). Вполне вероятно, что это были македонцы.

Подробное описание восстания Асеней в 1185 г. в труде Никиты Хониата тоже не раз дает повод для аналогичных предположений:

Автор называет восставших «мизянами» (Μυσοὶ), см. Chon. I, 5 = FHDR III; 254 ss. или влахами (Chernyak 1998: 196). Очевидно, что речь идет о жителях северного склона Гема, т. е. о влахах-фракийцах. Повстанцы переходят Гем и нападают на ромеев, т. е. на македонцев. Император выступает в поход, обходит благодаря туману крепости влахов в горных проходах и рассеивает восставших. Главари бегут за Дунай, влахи уверяют императора в своей преданности, и онѣ возвращается в столицу. Ясно, что на этом этапе влахи-македонцы поддерживают византийцев.

Взятый в плен где-то на Геме в 1195 г. священник просит пощады у царя Асеня на влашском языке, но тот отвечает, что

[15] См. Преамб.: «Оба ее склона населяют многочисленные и богатые племена» (πολλὰ καὶ πλουσιώτατα ἔθνα).

не щадит ромеев, см. Chon. p. 617 ed. Bonn = FHDR III; 282. Скорее всего, священник был македонцем, а царь – фракийцем.

В 1196 г. приближенный царя Асеня Иванко убивает царя, так как тот хотел наказать его за связь с сестрой царицы, хотя об этом все знали. Иванко и его сторонники захватывают Тырново и обращаются к византийцам за помощью. Но посланные из Филиппополя войска отказываются перейти Гем и Иванко бежит в Константинополь, см. Chon. p. 618–622 ed. Bonn = FHDR III; 282–286. По словам Хониата, Иванко был из того же рода, что и царь (ἀνήρ τις ὁμοφυὴς αὐτῷ), но вся эта история напоминает междоусобную войну двух кланов: скажем, царь был фракийцем или метисом (его дикость и жестокость внушали ужас), а Иванко и царица (она ему помогала) – македонцами. Последние были культурнее[16] и явно тяготели к Византии.

8. Македонцы — потомки римских колонистов?

С влахами Этолии связывает это же предание митрополит Навпакта Иоанн Апокавк, см. FHDR III, 239; Brezeanu 1987: 206. Но между Этолией на западе и Балканами огромное расстояние. Что их соединяет? Вероятно, те же македонцы.

Для этого предположения есть некоторые основания. Арумынский и сейчас еще содержит массу удивительных архаизмов, таких как arat (< ARATRUM) — д.-рум. plug; amintu ‘зарабатываю’, ‘рожаю’ < AUGMENTO, -ARE; arúsu < RUSSUS, ср. д.-рум. blond, bălan; aúuă < UVA, ср. д.-рум. strugure (субстр.); başu ‘целую’ < BASIO (ср. д.-рум. sărut < SALUTO, -ARE); cună ‘колыбель’ < CUNA (ср. д.-рум. leagăn и a legăna ‘качать’ (слав.) и т. д. (Poghirc 1987; Chernyak 1990: 213 след.). Еще более поразительны арумынские конструкции типа mi duc Bitule, д.-рум. mă duc în Bitolia; Samarina j-deade neauă ‘în Samarina a nins’ «в Самарине шел снег» (Sandfeld 1930: 110; Capidan 1932: 531–532: Rosetti, ILR (1978) 396; Saramandu 2015: 55), продолжающие латинские eo Romam и vivo Romae, чему нет аналогий в прочих романских языках. Всем этим мы

[16] Впрочем, и сам Иванко для византийцев был пастухом и варваром, однако они ценили его доблесть, см. Chon. p. 623 ed. Bonn = FHDR III; 286. Назначенный стратегом Филиппополя, он отремонтировал крепости и набрал и обучил целое войско из влахов, видимо, тоже македонцев. Обвиненный в измене, он успешно сопротивлялся и был захвачен коварством.

обязаны, разумеется, не дакам и бессам Кекавмена. Многочисленные римские колонии, стоявшие вдоль via Egnatia, не могли исчезнуть бесследно. Именно они в своем упрямом противодействии неуклонно эллинизирующимся Фессалоникам и Константинополю должны были сохранить все эти римские архаизмы.

9. Выводы.

Таким образом, как и полагал Н. Сараманду, в пассаже Анны Комниной о населении Гема речь идет о влахах Балкан. Главная его ценность в том, что он выявляет третью составляющую влашского этноса на рубеже XII в. — македонцев. Это применимо, разумеется, и к влахам Фессалии, и если Кекавмен не упоминает македонцев рядом с даками и бессами (см. выше), то лишь потому, что он вообще недоброжелателен к влахам. В его весьма скептической главе «О лживости влахов» доблестным македонцам явно не было места. Скорее всего, их вообще не причисляли к влахам. Общий язык не играл при этом никакой роли. Между тем македонская составляющая уже тогда преобладала во влашском этносе Северной Греции. В ходе дальнейшей и весьма трагической истории Византии различия между тремя ветвями романского населения Балканского полуострова постепенно стираются.

Заключение

Важность пассажа XIV, VIII, 6 из «Алексиады» для романистов и особенно для руманистов очевидна, но и историку Византии собранный здесь материал может пригодиться.

Он показывает, что македонцы жили в Западной Фракии задолго до появления фемы Македония; они строили и охраняли диагональный путь на всем его протяжении от Сердики до Византия. Фема Фракия получила чисто историческое название; потомков древних фракицев следует искать в северо-восточной части Гема, в Родопах (бессы) и, может быть, в малоазиатской феме Фракесион. Античник прибавит, что депортации при строительстве дорог и аннексии вассальных царств в Римской империи не были редкостью.

Литература

Brezeanu, S. 1987: Les «Vlaques» dans les sources byzantines concernant les débuts de l'État des Asénides. Terminologie éthnique et idéologic politique. I. *RESEE* 25(3).

Capidan, Th. 1932: *Aromâanii. Dialectul aromân. Studiu linguistic*. Bucureşti.

Chernyak, A. B. 1990: Aromanian language. In: *FBL* I, 192–220.
Черняк, А. Б. 1990: Арумынский язык. В сб.: *ОБЯ* I, 192–220.

Chernyak, A. B. 1998: Bulgarian language. In: *FBL* II, 189–206.
Черняк, А. Б. 1998: Болгарский язык. В сб.: *ОБЯ* II, 189–206.

Chernyak, A. B. 2012: [Traian's fleet on the Red Sea: Eutropius, Dio Cassius and "The Periplus of the Erythraean Sea"]. *Hyperboreus* 18(2), 295–324.
Черняк, А. Б. 2012: Эскадра Траяна на Красном море: Евтропий, Дион Кассий и Перипл Эритрейского моря. *Hyperboreus* 18(2), 295–324.

Chernyak, A. B. 2013: [On the issue of the ancestral home of the Romanians.]. In: *Albanskaya filologiya, balkanistika, problemy yazykoznaniya* [*Albanian philology, Balkanian studies, problems of linguistics. Papers in honour of A. V. Desnitskaya on the occasion of her centenary*]. St. Petersburg: «Nauka»: 240–261.
Черняк, А. Б. 2013: К вопросу о прародине румын. В сб.: *Албанская филология, балканистика, проблемы языкознания. К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АНСССР А. В. Десницкой*. СПб.: Наука, 240–261.

Ditten, H. 1981: Die Veränderungen auf dem Balkan in der Zeit vom 6. zum 10. Jh. im Spiegel der veränderten Bedeutung von „Thrakien". *BBulg* 7, 157–179.

FBL — Desnitskaya, A. V., Tolstoy, N. N. (eds.). *Fundamentals of Balkan Linguistics*. *Languages of the Balkan region*. Pt. 1–2 . 1990–1998.
ОБЯ I–II — *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона*. Отв. ред. А. В. Десницкая, Н. Н. Толстой. Ч. 1. Л.: «Наука», 1990; Ч. 2. Славянские языки. Отв. за выпуск А. Б. Черняк. СПб., 1998.

FHDR — *Fontes Historiae Daco-Romanae*. t. I. Bucureşti 1965; II (1970); III (1975); IV (1982).

Gyóni, M. 1951: Le nom des Βλάχοι dans l'Alexiade d'Anne Comnène. *BZ* 44.

Gyóni, M. 1951: Vlachs from Barian chronicle. *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. T. 1 (1–2), 235–245.
Дьони, М. 1951: Влахи Барийской летописи. *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. T. 1 (1–2), 235–245.

Gyóni, M. 1952: La première mention historique des Vlaques des Monts Balkans. AA 54, 495–516.

Kazhdan, A. P. 1991: The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford: Oxford University Press.

Litavrin, G. G. 1972: Vlachs of the Byzantine sources 10th–13th c. In: Polevoy, L. L. (ed.). *Southeast Europe in the Middle Ages.* Moscow, 91–138.

Литаврин, Г. Г. 1972: Влахи византийских источников X–XIII вв. В сб.: Полевой Л. Л. (отв. ред.) *Юго-восточная Европа в Средние века*. М., 91–138.

Litavrin, G. G. 2001: [Vlachs of the Byzantine sources 10th–13th c.]. In: *Byzantium and the Slavs*. St. Petersburg, 131–161.

Литаврин, Г. Г. 2001: Влахи византийских источников X–XIII вв. В сб.: *Византия и славяне*. СПб, 131–161.

Lyubarsky, Ya. N. 1965: *Anna Komnina. Aleksiada* [*Anna Comnena. Alexiad*]. Vstup. stat'ya, perevod, kommentarii by Ya. N. L'iubarskii. Moscow: Nauka.

Любарский, Я. Н. 1965: *Анна Комнина. Алексиада.* Вступит. статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. М.

Moravcsik, G. 1958: *Byzantinoturcica*. Berlin.

Moravcsik, G. 1961: *Sagen und Legenden über Kaiser Basileios*. I. *Dumbarton Oaks Papers* 15, 59–126.

Moravcsik, G. 1967: *Studia Byzantina*. Budapest.

ODB — Oxford Dictionary of Byzantium. Ed. by A. P. Kazhdan. OUP, 1985.

Pertusi, A. 1952: Constantino Porfirogenito: De Thematibus. Rome: Biblioteca Apostolica Vaticana.

Petrov, P. 1985: *Restoration of the Bulgarian state* (1185–1197). Sofia.

Петров, П. 1985: *Възстановяване на българската държава* (1185–1197). София.

Poghirc, C. 1987: Latin balkanique ou roumain commun? (A propos des origines de l'aroumain). In: Akten der Th. Gartner-Tagung (Rätoromanisch und Rumänisch). Innsbruck, 341–348.

Sandfeld, K. 1930: *Linguistique balcanique. Problèmes et résultats*. Paris.

Saramandu, N. 2008: *La romanité orientale. Bucureşti; Tübingen*: G. Narr,

Saramandu, N., Nevaci, M. 2015: *Dialectul aromân. Descriere, texte, glosar*. Bucureşti, 2–118.

Stănescu, E. 1965: Les «mixobarbares» du Bas Danube au XIme siècle. In: *Nouvelles études d'histoire*. V. III, Bucarest.

Stănescu, E. 1968: Byzantinovlachica I. Les Vlaques de la fin du Xe – début du XIe s. et la restauration de la domination byzantine dans la Péninsule balcanique. *RESEE* 6 (3), 407–438.

Tanaşoca, N. Ş. 1973: Les «mixobarbares» et les formations politiques paristriennes du XIme siècle. *Revue Roumaine d'histoire* 12/1, 61–82.

Worthey, J. 1980: Legends on Byzantine Disaster of 811. *Byzantion* 50, 533–562.

Zaimov, J. 1987: Le nom valaque dans les langues slaves et balcaniques. *БЕ XXX* (2), 113–115.

DOI:10.30842/ielc230690152573

М. Г. Шарихина
(Санкт-Петербургский государственный университет / ИЛИ РАН)

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ иже, ꙗже, єже НА МЕСТЕ ГРЕЧЕСКОГО АРТИКЛЯ в церковнославянской богослужебной литературе (на материале требников XIII–XVII вв.)[1]

В статье представлен анализ употребления формы **иже** (**яже / єже**) на месте греческого артикля в чине освящения церкви и трапезы на материале нескольких церковнославянских переводов XIII–XIV вв.: сербского (самого раннего), афонского и восточнославянского. В результате исследования частотности, сочетаемости и функционирования **иже** в составе именных, причастных и глагольных конструкций были выявлены приемы и способы перевода, характерные для каждого из исследованных памятников. Сопоставление полученных данных с материалом Требника 1658 г., составленного при патриархе Никоне, позволило установить преемственность этой редакции по отношению к афонскому переводу.

Ключевые слова: правленные редакции, требник, церковнославянский перевод, местоимение иже, калькирование, греческий артикль, субстантивация.

M. G. Sharikhina
(St. Petersburg State University / Institute for Linguistic Studies, RAS)

Formation of the tradition of using forms *izhe, yazhe, ezhe* in place of the Greek article in Church Slavonic liturgical literature (based on the Books of Needs of the 13th–17th centuries)

The article examines how the pronoun *izhe* functions in place of the Greek article in Church Slavonic translations of the service of consecration of the church and the meal, namely in the early Serbian translation of the late 12th – early 13th centuries, in the Athos translation of the 13th–14th centuries, in the East Slavic translation of the late 14th century and in the recension of Patriarch Nikon of the mid-17th century. The study of the frequency, compatibility and functioning of *izhe* in nominal, participial and verb constructions allowed to discover the techniques and methods of translation that are characteristic of each of the examined texts. The study confirmed the existing statement that the Church Slavonic editions of liturgical books created in the 13th–14th centuries follow the language of the

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00171.

Greek original and widely use calques. At the same time, in the texts under consideration, translation means are used with varying degrees of consistency. The least regular and systematic use of *izhe* is found in the Serbian translation of the service presented in the manuscript Gilf. 32. The Athonite translation is characterized by the standardization of the use of the form *izhe*. In the East Slavic translation there is a variability in the choice of the form (mostly *izhe* and *ezhe*, rarely *yazhe*). In this respect, it is noteworthy that Nikon's edition of the service follows the Athonite translation, perhaps due to its stricter and more uniform transmission of Greek linguistic phenomena. The regular use of *izhe* for rendering the Greek article in Church Slavonic liturgical books was reflected in Church Slavonic grammars, in particular in M. Smotritsky's Grammar.

Keywords: revised editions, Book of Needs, Church Slavonic translation, pronoun *izhe*, calquing, Greek article, substantivation.

1. Вводные замечания

Одной из важнейших тенденций в языке правленых редакций церковнославянских богослужебных книг, созданных в XIII–XIV вв., является грецизация, «стремление к грамматическому параллелизму перевода и оригинала (Кузьминова, Пентковская 2016: 12). Результатом этого процесса стало появление грецизмов на разных языковых уровнях, в частности, калькирующих синтаксических конструкций, среди которых широкое распространение получили конструкции, «включающие обобщенные формы относительного местоимения **иже** в сочетании с инфинитивом, причастием или именной группой, в которых **иже** занимает позицию греческого артикля» (Там же). Такие конструкции имеют некоторые структурные особенности. С одной стороны, они употребляются преимущественно при существительных и причастиях, имеющих зависимые слова, создавая так называемую «синтаксическую рамку», которая состоит из формы **иже** (**гаже** / **еже**) и существительного (или причастия), между которыми находятся зависимые компоненты именной группы или причастного оборота. Схематически эту конструкцию можно представить следующим образом: ***иже*** *(**гаже** / **еже**) – зависимые слова – существительное / причастие*. С другой стороны, связь между формой местоимения и греческого артикля чаще всего отсутствует: форма **иже** (**гаже** / **еже**), по сравнению с местоименным употреблением, обычно не имеет падежных форм. Таким образом, выбор той или иной формы является достаточно условным и является результатом индивидуальной установки переводчика.

Форма **єже** используется на месте греческого артикля в составе калькирующих конструкций, образованных по модели *предлог / союз (отсутствие предлога / союза) + еже + инфинитив*. В этом случае указанная форма представляет собой неизменяемый элемент с функцией союзного средства, формирование которого относится к древнеболгарскому периоду (Минчева 1978: 253). В составе этой модели варьирование возможно в отношении предшествующего форме **єже** элемента, в более редких случаях при переводе меняется форма глагола.

Таким образом, рассмотренные структурные особенности формы **иже** (**ꙗже / єже**) допускают варьирование переводческих средств. В пределах отдельных книжных центров могли формироваться специфические приемы и стратегии, которые определяли выбор способа перевода. В настоящей статье представлено исследование приемов употребления формы **иже** (**ꙗже / єже**) на месте греческого артикля в разных славянских книжных центрах и их рецепция в восточнославянской книжности.

2. Употребление форм иже, ꙗже, єже в церковнославянских требниках XIII–XVII вв.

Употребление форм **иже**, **ꙗже**, **єже** на месте греческого артикля фиксируется уже в ранних славянских переводах (единичные случаи)[2], но широкое распространение они получили в южно- и восточнославянской правленных редакциях богослужебных книг XIII–XIV вв. В настоящей статье предпринято сравнительно-сопоставительное исследование рассматриваемых форм в чине освящения храма и трапезы в составе требников, представляющих несколько славянских переводов греческого чина послеиконоборческой редакции. Древнейший его перевод сохранился в рукописи РНБ. Гильф. 32 (1286 г.)[3] и, по предположению Т. И. Афанасьевой, восходит к «Евхологию Саввы Сербского»[4] конца XII – начала XIII в. (Желтов 2001: 94;

---

[2] К ним относятся, например, редкие случаи употребления калькирующей конструкции *еже + инфинитив* (на месте конструкции τὸ + infinitivus), в которой местоимение *еже* лишено относительной функции и является эквивалентом греческого артикля (Bláhová 2008: 59).

[3] Далее – СП.

[4] Этот памятник представляет собой «гипотетический сборник церковных чинов и молитв, составленных в кругу святителя Саввы Сербского в конце XII – начале XIII в. в ходе литургических реформ,

Афанасьева 2019: 149). Другие переводы представляют собой правленные редакции XIII–XIV вв.: афонский XIV в. (по рукописи Белград. Нац. Библ. собр. Дечанского мон-ря № 69, 1422)[5] и восточнославянский перевод конца XIV в., выполненный в кругу митрополита Киприана (по рукописи ГИМ. Синодальное собр. № 900)[6].

В XVII в. при патриархе Никоне была создана новая редакция чина (в составе Требника 1658 г.)[7]. В связи с дискуссионным характером церковной реформы, проведенной Никоном, исследование стратегии и приемов правки богослужебных книг на языковом уровне представляет интерес не только собственно лингвистический, но и культурно-исторический.

Анализ употребления формы **иже** (**паже / еже**) для перевода греческого артикля показал, что наименее регулярное и систематическое ее использование характерно для самого раннего перевода чина, представленного в рукописи Гильф. 32. В этом переводе **иже** чаще всего используется в составе модели ***иже (паже / еже)*** *– зависимые слова – причастие*. В этом случае конструкция с **иже** полностью калькирует греческую. Вариантом перевода греческого причастного оборота с препозитивной позицией зависимых компонентов является причастный оборот с пре- и постпозицией зависимых компонентов без формы ***иже***. В АП и ВП модель ***иже (паже / еже)*** *– зависимые слова – причастие* последовательно используется для перевода греческого причастного оборота с препозитивной позицией зависимых компонентов. В то же время в АП за редкими исключениями в составе указанной модели используется форма **иже**, а в русском – все три формы. При этом в последнем выбор формы не мотивирован грамматическими характеристиками ни греческого артикля, ни соотносимого с **иже** причастия. В связи с этим выбор формы местоимения в АП является более единообразным и последовательным. Употребление этих форм в никоновской редакции чина за единичным исключением совпадает с АП. Примеры приведены в следующей таблице.

начатых им для восстановления славянской письменности и богослужения на Афоне и на Балканах» (Афанасьева 2019: 144).

[5] Далее – АП.

[6] Далее – ВП.

[7] Далее – НР.

Греческий текст	СП (Гильф. 32)	АП (Деч. 69)	ВП (Син. 900)	НР (Требник 1658 г.)
τοῦ πρὸς σὴν δοξολογίαν οἰκοδομηθέντος	**сьꙁдань//наго на твое словословие** 170–170 об.	**иже кь твоему славословию сьꙁданнаго** 202	**еже къ твоему славословию соꙁданно//му** 35–35 об.	**иже къ твоему славословію соꙁданнаго** 867
τῶν ἐν φόβῳ σου καὶ εὐλαβείᾳ ἐν αὐτῷ εἰσιόντων	**иже страхомь твоимь. и говѣниемь вьходещихь вьнь** 171 об.	**иже страхомь твоимь и бл(а)говѣиньствомь. вь того вьходещимь** 204	**еже въ страсѣ твоемъ и бл(а)говѣнии вонь входящих** 39 об.	**иже страхомъ твоимъ и благоговѣинс твом в той входящым** 871
τὸν πρὸς σὴν ὑμνῳδίαν οἰκοδομηθέντα τοῦτον ναὸν	**иже на твое похваление сьꙁдануꙗ ц(є)рк(о)вь** 174 об.	**иже кь твоему славословию сьꙁданнаго сего храма** 206 об.	**еже къ твоему пѣнию соꙁданному сему храму** 49	**иже к твоему пѣснопѣнію соꙁданнаго сего храма** 878
Ὁ ἐν τῇ πέτρᾳ τῆς πίστεως οἰκοδομήσας τὴν ἐκκλησίαν σου ἀγαθέ	**На камени вѣры сьꙁдавыи ц(є)рк(о)вь твою б(ож)є** 176	**Иже на камени вѣры сьꙁдавыи ц(є)рк(о)вь твою бл(а)же** 208	**Єже на камени вѣры соꙁдавъ ц(є)рк(о)вь свою бл(а)гии** 51 об.	**Иже на камени вѣры соꙁдавый ц(є)рковь твою бл(а)же** 882

Подобное употребление формы **иже** наблюдается при переводе греческих предложно-именных групп с препозицией зависимых компонентов. В СП наблюдается широкая вариативность используемых средств, которые включают следующие: некалькирующие (сочетание существительного с предлогом либо сохраняется, либо передается с помощью прилагательного; в обоих случаях артикль не переводится), частичное калькирование (при сохранении порядка следования элементов именной группы артикль передается с помощью причастия **сущии**), калькирование (модель ***иже*** — *зависимые слова – существительное*). В правленных редакциях используется в основном предложно-именных групп калькирующая модель ***иже*** (***ꙗже / еже***) – *зависимые слова – существительное*: последовательно в АП, где в основном встречается форма **иже**, другие формы

использованы в единичных случаях (**еже**, **юже** и **яже**) и мотивированы родовой характеристикой соотносимых с ними существительных; менее последовательно и единообразно в ВП. В последнем греческая предложно-именная группа единожды переводится с помощью атрибутивного словосочетания с зависимым прилагательным и также в одном случае с помощью полукалькирующей конструкции, где на месте греческого артикля используется причастие **сущии**. Выбор форм (одинаково употребляется **иже** и **еже**, в одном случае – **яже**) не мотивирован грамматическими характеристиками ни греческого артикля, ни соотносимого с **иже** существительного. Примеры приведены в следующей таблице.

Греческий текст	СП (Гильф. 32)	АП (Деч. 69)	ВП (Син. 900)	НР (Требник 1658 г.)
τὴν ἐν πνεύματι λατρείαν	**д(ꙋ)ховьную службꙋ** 171	**юже вь д(ꙋ)сѣ службѣ** 203	**еже въ д(ꙋ)сѣ службꙋ** 38 об.	**юже в д(ꙋ)сѣ службѣ** 870
τὴν ἐν σαρκὶ τοῦ μονογενοῦς σου Υἱοῦ παρουσίαν	**пльтское пришствие единочедааго твоего с(ы)на** 174	**еже въ пльти единороднаго ти с(ы)на пришьствие** 206 об.	**еже въ плоти единороднаго ти с(ы)на пришествие** 48 об.	**еже во плоти единороднаго твоего с(ы)на пришествіе** 877
ὁ σὺν μαστίχῃ κηρὸς	**воскь сь мастихою** 170	**иже сь мастихомь воскь** 201 об.	**иже с мастихою воскъ** 34 об.	—
δώρησαι ἡμῖν πάντα **τὰ** πρὸς σωτηρίαν αἰτήματα	**даруи намь вса иже кь сп(а)сению прошения** 177 об.	**даруи намь вса ꙗже кь сп(а)сению прошениа** 210	**даруи намъ вся яже къ сп(а)с(є)нию прошениꙗ** 55	**даруи намъ вся яже ко спасенію прошенія** 886

Греческий субстантивированный инфинитив в рукописи Гильф. 32 переводится с помощью разнообразных средств: инфинитива с частицей **да** или без нее, существительного с предлогом, одиночного инфинитива, полукальки (сочетание предлога с инфинитивом), калькирующей конструкции (*предлог / отсутствие предлога* + ***еже*** + *инфинитив*). Столь широкая вариативность при передаче конструкций с субстантивированным инфинитивом свойственна старославянским памятникам

(Милев 1962; Минчева 1978: 251—252; Афанасьева 2004: 104–105; Bláhová 2005; 2008).

В АП и ВП в этих случаях регулярно используются калькирующие конструкции, образованные по модели *предлог (союз) / отсутствие предлога (союза)* + **еже** + *инфинитив*. При этом на месте артикля употребляется только форма **еже**. Примеры приведены в следующей таблице.

Греческий текст	СП (Гильф. 32)	АП (Деч. 69)	ВП (Син. 900)	НР (Требник 1658 г.)
εἰς **τὸ** ἀκατακρίτως τὸν ἐγκαινισμὸν ἐπιτελέσαι τοῦ ναοῦ τούτου	**неосужденно обновление сьврьшити храма сего** 170	**вь еже неосужденно обновление сьврьшити храма сего** 202	**въ еже неосуженно обновление свершити храма сего** 35	**во еже не осужденно обновление совершити храма сего** 867
Μετὰ δέ γε **τὸ** καθιδρυθῆναι τὴν τράπεζαν	**По оутврьждени же трапезы** 171	**по вьнегда же утврьди//ти се трапезѣ** 202 об.–203	**по еже въдрузитис я трапезѣ** 38	**Повнегда же утвердитися трапезѣ** 869
Ὑπὲρ **τοῦ** ἁγιασθῆναι τὸν οἶκον τοῦτον	**О с(вя)титисе храму сему** 172	**О ос(вя)тытис е храму сему** 204–204 об.	**О еже ос(вя)титис я храму сему** 40 об.	**О еже ос(вя)титися храму сему, и иже в томъ жертвенику** 872
ἀντὶ **τοῦ** εἰπεῖν	**вь того мѣсто еже рещи** 177	**вьмѣсто еже рещи** 209	**за еже рещи** 53 об.	**Въ мѣсто еже рещи** 884

В АП и ВП заметно стремление к тому, чтобы одна славянская конструкция соответствовала одной греческой. В этих переводах совпадают следующие используемые конструкции: еже + инф. (греч. τὸ + inf.), въ еже + инф. (греч. εἰς τὸ + inf. и ἐν τῷ + inf.), о + (еже) + инф. (греч. ὑπὲρ τοῦ + inf.), за еже + инф. (греч. διὰ τὸ + inf.). Конструкция еже + инфинитив на месте τὸ + infinitivus отмечается уже в старославянских памятниках (Bláhová 2008: 59). Конструкция за еже + инфинитив, соответствующая греческой причинной конструкции διὰ τὸ + infinitivus, отмечается также в афонской редакции Апостола, Диатаксиса Божественной Литургии, Ареопагитик и Лествицы

(Пентковская 2009б: 230; Панова 2009: 115—116; Афанасьева и др. 2015: 21, 29—30). Кроме того, она фиксируется в Евфимиевской редакции Иерусалимского Типикона (Пентковская 2009а: 340). Таким образом, можно предположить, что эта конструкция была общей для южно- и восточнославянской переводной письменности.

Другие средства перевода в двух рассматриваемых памятниках различаются. Ниже приводим таблицу соответствий греческих и славянских конструкций в афонском и восточнославянском переводах.

Греческая конструкция	Конструкция в АП	Конструкция в ВП
μετὰ τὸ + inf.	по внегда + инф.	по еже + инф.
πρὸς τὸ + inf.	къ еже + инф.	во еже да + инф.
ἀντὶ τοῦ + inf.	вместо еже + инф.	за еже + инф.

Среди приведенных соответствий заслуживает внимания конструкция *по еже + инф.* на месте греческой μετὰ τὸ+ inf. Она характерна для евфимиевской редакции Иерусалимского Типикона, а также для евфимиевской и русской редакций Диатаксиса Божественной Литургии (Панова 2009: 117, 155, 205; Пентковская 2009а: 339; Афанасьева и др. 2015: 21, 29—30). Отмеченное явление может свидетельствовать о влиянии евфимиевских переводов на выбор переводческих средств в Син. 900. В АП в данном случае используется полукалька с союзом вънегда. Никоновская редакция чина освящения храма и трапезы соответствует афонскому переводу.

Выводы

В предлагаемой статье было рассмотрено функционирование местоимения **иже** на месте греческого артикля в разновременных церковнославянских переводах чина освящения церкви и трапезы: в раннем сербском переводе конца XII – начала XIII в., в афонском переводе XIII–XIV вв., в восточнославянском переводе конца XIV в. и в редакции патриарха Никона середины XVII в. Исследование подтвердило существующее в науке утверждение о том, что церковнославянские правленные редакции богослужебных памятников XIII–XIV вв. ориентируются на язык греческого оригинала и широко используют метод калькирования. В то же время рассматриваемые книжные цент-

ры используют переводческие средства с разной степенью последовательности. В этом отношении примечательно то, что никоновская редакция чина следует за афонским переводом, возможно, в связи с его более строгой и единообразной передачей греческих языковых явлений. Наименее регулярное и систематическое использование **иже** (**яже** / **еже**) встречается в сербском переводе чина, представленном в рукописи Гильф. 32. Для афонского перевода характерна унификация способа передачи греческого артикля, которая выражается в употреблении в качестве предпочтительного варианта формы **иже**. В восточнославянском переводе при последовательном калькировании (исключения редки) наблюдается вариантность в выборе формы (преимущественно **иже** и **еже**, редко **яже**). Регулярное употребление формы **иже** для передачи греческого артикля в церковнославянской богослужебной литературе получило отражение в церковнославянских грамматиках, в частности в «Грамматике» М. Смотрицкого (см. раздел «О сочинении», гл. 2 «О Возносителных», «Увѣщеніе Третіе»). Так, в этой грамматике форма **еже** (с предлогами или без них), стоящая при инфинитиве, рассматривается в качестве союза – *винословного* (союзы **еже** и **воеже**) и *наносителного* (союз **ꙁаеже**). В разделе грамматики, посвященной синтаксису[8], дается более подробная его характеристика: **еже** может присоединять предлоги **ко**, **ѿ**, **по**, **ꙁа**, **во**, **о**; относится к разряду *винословных*[9], не склоняется, предшествует инфинитиву и в некоторых случаях заменяется другим способом перевода — конструкцией ***да*** + *глагол в условном наклонении*. При этом М. Смотрицкий указывает на то, что употребление этой формы затемняет смысл церковнославянской фразы: «Много обаче чистѣе без еже положено было бы» (ГМС). Подобным образом это явление воспринималось и в последующие эпохи[10] вплоть до его исключения из церковнославянской книжной нормы в начале XX в.[11].

---

[8] См. главы «О сочиненіи неопредѣленыхъ» (параграф «О Неопредѣленых подчинителнѣ полагаемых: Правила 3–4») и «О сочиненіи соуза» (правило 7).

[9] То есть причинных. В то же время приводимые М. Смотрицким примеры, русские соответствия церковнославянского союза и его употребления свидетельствуют о целевом и других значениях, ср.: «**ꙁа еже чести**, διὰ τὸ λέγειν **для того же читалъ**: **во еже чести**, περὶ τοῦ λέγειν **о томъ абы читалъ**» (ГМС).

[10] См., например, языковую правку, предложенную Ф. Прокоповичем в отношении предпринятого Петром I исправления Библии. В ряду

Литература

Afanas'yeva, T. I. 2004: Slavyanskaya liturgiya Prezhdeosvyashchennykh Darov XII–XV vv.: tekstologiya i yazyk [Slavic Liturgy of the Presanctified Gifts of the 12th–15th centuries: textology and language]. St Petersburg: St Petersburg University publishing house. Афанасьева Т. И. 2004: Славянская литургия Преждеосвященных Даров XII—XV вв.: текстология и язык. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.

Afanas'yeva, T. I., Kozak, V. V., Molkov, G. A., Sokolov, E. G., Sharikhina, M. G. 2015: Linguistic innovations in translations associated with the name of Cyprian. Slověne 4. 1. 1, 13—38.
Афанасьева, Т. И., Козак, В. В., Мольков, Г. А., Соколов, Е. Г., Шарихина, М. Г. 2015: Языковые инновации в переводах, связанных с именем Киприана. Slověne 4. 1. 1, 13—38.

Afanasyeva, T. I. 2019: The "Euchology of Sava of Serbia" and its reception in Old Rus of the 13th–14th centuries. Ancient Russia. Questions of medieval studies 4 (78), 144–156. Афанасьева, Т. И. 2019: «Евхологий Саввы Сербского» и его рецепция в Древней Руси XIII–XIV вв. Древняя Русь. Вопросы медиевистики 4 (78), 144–156.

Bláhová, E. 2005: K překladu řeckých infinitivních konstrukcí v Grigorovičově parimejníku. Slavia. 74. 2–3. 157–166.

Bláhová, E. 2008: K překladu řeckých infinitivních konstrukcí v staroslověnském apoštolu, In: Varia Slavica. Sborník příspěvků k 80. narozeninám Radoslava Večerky. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 53–64.

Dec. 69 — Belgrade. Nat. Bibl. collection of Dechansky monastery. 69, 1422. Деч. 69 — Белград. Нац. Библ. собр. Дечанского монастыря. 69, 1422.

Gilf. 32 — RNB. Gilf. 32. 1286. Гильф. 32 — РНБ. Гильф. 32. 1286.

GMS — Melety (Smotritsky). The Correct Syntagma of the Slavic Grammar. Evye: Printing house Bratskaya, 1619.

«обетшалых» явлений приводятся «эллинизмы, то есть нарѣчія не природе славенскаго, но по природѣ эллинскаго языка сопрягаемыя, напримѣръ: … пріиде, во еже освятити, а для чего бы не тако: пріиде освятити, а во еже лишнее и темность наводитъ» (ОДДАСС, стлб. XXV–XXVI).

[11] Форма **иже** в функции греческого артикля последовательно исключалась в процессе исправления Постной и Цветной Триоди, которое проводилось Комиссией по исправлению богослужебных книг (Кравецкий, Плетнева 2001: 107).

ГМС — Мелетий (Смотрицкий). Грамматики славенския правилное Синтагма. Евье: Типография Братская, 1619.

Kravetskiy, A. G., Pletneva, A. A. 2001: Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka v Rossii (konets XIX–XX v.) [History of the Church Slavonic language in Russia (late XIX–XX centuries)]. Moscow: Languages of Russian culture. Кравецкий, А. Г., Плетнева, А. А. 2001: История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). М.: Языки русской культуры.

Kuzminova, E. A., Pentkovskaya, T. V. 2016: The Athos-Tarnovo book-revision campaign of the end of the 13th–14th centuries and its Russia. Moscow University Bulletin, Series 9: Philology 6, 9–25. Кузьминова, Е. А., Пентковская, Т. В. 2016: Афоно-тырновская книжная справа конца XIII–XIV вв. и ее рецепция на Руси. Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология 6, 9–25.

Milev, A. 1962: The articulated Greek infinitive in the Gospel text and its transmission in the Old Bulgarian translation, In: Proceedings of the Institute of Bulgarian Language. VIII. In honor of K. Mirchev on the occasion of his sixtieth birthday. Sofia, 75–91. Милев, А. 1962: Членуваният гръцки инфинитив в евангелския текст и неговото предаване в старобългарския превод. В сб.: Известия на Института за български език. VIII. В чест на К. Мирчев по случай шейсетгодишнината му. София, 75–91.

Mincheva, A. 1978: Traditional book norm and development tendencies in the syntax of the Middle Bulgarian literary language in the 14th century. Slavic Philology 15, 243–254. Минчева, А. 1978: Традиционно-книжна норма и развойни тенденции в синтаксиса на среднебългарския литературен език през XIV в. Славянска филология 15, 243–254.

ODDASS — Description of documents and files stored in the Archives of the Holy Governing Synod. III. (1723). St Petersburg: Synodal Printing House, 1878. ОДДАСС — Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. III. (1723 г.). СПб.: Синодальная типография, 1878.

Panova, S. I. 2009: Diataksis patriarkha Filofeya Kokkina v slavyanskoy knizhnoy traditsii XIV–XV vv.: lingvotekstologicheskoye issledovaniye. Dis. ... kand. filol. nauk [Philotheus Kokkinos in the Slavic Book Tradition of the 14th–15th centuries: linguo-textological research. Dis. ... cand. philol. sciences]. Moscow.
Панова, С. И. 2009: Диатаксис патриарха Филофея Коккина в славянской книжной традиции XIV–XV вв.: лингвотекстологическое исследование. Дис. ... канд. филол. наук. М.

Pentkovskaya, T. V. 2009a: Vostochnoslavyanskiye i yuzhnoslavyanskiye perevody bogosluzhebnykh knig XIII–XIV vv.: chudovskaya i afonskaya redaktsii Novogo Zaveta i Iyerusalimskiy Tipikon. Dis. ... dokt. filol. nauk [East Slavic and South Slavic translations of liturgical books of the 13th–14th centuries: Chudovskaya and

Athonite editions of the New Testament and Jerusalem Typicon. Dis. ... doct. philol.]. Moscow.
Пентковская, Т. В. 2009а: Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV вв.: чудовская и афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон. Дис. ... докт. филол. наук. М.

Pentkovskaya, T. V. 2009b: K istorii ispravleniya bogosluzhebnykh knig v Drevney Rusi v XIV veke: Chudovskaya redaktsiya Novogo Zaveta [On the history of correction of liturgical books in Old Rus in the 14th century: Chudovskaya edition of the New Testament]. Moscow: MAX Press. Пентковская, Т. В. 2009б: К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М.: МАКС Пресс.

Syn. 900 — State Historical Museum. Synodal collection. 900. End of the XIV century.
Син. 900 — ГИМ. Синодальное собр. 900. Конец XIV в.

Trebnik 1658 — Trebnik. Moscow: Printing House, 1658.
Требник 1658 г. — Требник. М.: Печатный двор, 1658.

Zheltov, M. S. 2001: Orthodox rites of consecration of a church in history, In: Annual conference of the Orthodox St. Tikhon's Theological Institute: [January 31–February 3, 2001]. Moscow: Publishing house of the Orthodox St. Tikhon's Theological Institute, 88–97. Желтов, М. С. 2001: Православное чинопоследование освящения храма в истории. В сб.: Ежегодная конференция православного Свято-Тихоновского богословского института: [31 января–3 февраля 2001 г.]. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 88–97.

DOI:10.30842/ielc230690152574

А. В. Шацков
(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ВАЛЕНТНОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА[1]

В статье представлены данные о валентностной ориентации четырех древних индоевропейских языков: хеттского, древнеиндийского, древнегреческого и латинского, которые, несмотря на имеющиеся расхождения, позволяют сделать определенные выводы и о валентностной ориентации праиндоевропейского языка. Как представляется, вряд ли можно выделять один тип маркирования, каузативизацию, в качестве преобладающего. Более того, как показывают совпадения между хеттским и древнеиндийским, для праязыка имеет смысл реконструировать более сложные способы маркирования переходных-непереходных пар.

Ключевые слова: переходность, валентностная ориентация, праиндоевропейский язык, медиальный залог, хеттский, древнеиндийский, древнегреческий, латинский.

A. V. Shatskov
(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

On the valence orientation of the PIE Language

The paper examines the valence orientation of four ancient Indo-European Languages: Hittite, Sanskrit, Ancient Greek and Latin. Despite the discrepancies in the data between the languages, certain conclusions concerning the valence orientation of Proto-Indo-European can be drawn. It is hardly possible to single out causativisation as the prevailing type. Moreover, the peculiar correspondences between Hittite and Sanskrit indicate that the causative-inchoative alternation in Proto-Indo-European was more sophisticated than just a causative of anticausative marking.

Key words: transitivity, valence orientation, ProtoIndo-European, middle voice, Hittite, Sanskrit, Ancient Greek, Latin.

Дискуссия о преобладающем способе маркирования переходных-непереходных (Н/П) пар в праиндоевропейском явля-

[1] Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ 19-012-00581 «Валентностные преобразования в хеттском, древнеармянском и осетинском языках (опыт диахронического и сопоставительного анализа)». Автор благодарит Н. Н. Казанского, П. А. Кочарова и М. Е. Шляхтер за помощь в работе над статьей.

ется достаточно длительной (см. уже Nichols 1982). В последнее время этой темой много занималась С. Лураги (Luraghi 2010, 2012, forthc.), появляются работы и по отдельным языкам (напр., Plank, Lahiri 2015, Sausa 2016, Inglese 2019).

С. Лураги и большинство других коллег пользуются анкетой, составленной Дж. Николз (Nichols et al. 2014). В рамках нашего исследования маркирование П/Н пар исследовалось на основании сопоставления пар инхоативных и каузативных глаголов, предложенных М. Хаспельматом (Haspelmath 1993), которые в значительной степени отличаются от анкеты Николз и ее коллег. М. Хаспельмат выделяет следующие способы маркирования П/Н пар: каузативизация, антикаузация, эквиполентность (когда оба члены пары являются в равной степени производными или непроизводными), лабильность и супплетивизм. Нами был собран сопоставительный материал, посвященный валентностной ориентации ряда древних индоевропейских языков: древнегреческого, латинского, санскрита и хеттского[2].

К сожалению, не для всех пар удалось найти соответствия в исследуемых языках. Так, для хеттского данные были обнаружены лишь для 18 пар из 31 по списку М. Хаспельмата. Тем не менее, определенные выводы можно сделать и на основании собранного материала. Так, самым частотным типом маркирования П/Н в хеттском является антикаузативный — 10 пар. В 7 парах мы наблюдаем каузативную деривацию, и еще в 3 — эквиполентность. Важно, что в трех случаях приходится постулировать сосуществование двух типов маркирования. Наконец, в последней, 31-й паре мы видим супплетивизм. Все каузативные примеры сосредоточены в первой половине таблицы, в то время как антикаузативы встречаются в середине и во второй половине таблицы.

В древнеиндийском каузативный и антиказуативный типы маркирования П/Н пар также представлены достаточно хорошо. Каузативный тип является наиболее распространенным (13 пар в начале и середине списка). Антикаузативный тип, встречающийся 8 раз в середине и конце контрольного списка П/Н пар, выражается формами пассива и являются древнеиндийской инновацией. В заметном объеме присутствуют лабильность и

[2] Таблицы приведены в приложении. Для более поздних индоевропейских языков Европы см. анкеты на портале «World Atlas of Transitivity Pairs», доступной по адресу https://watp.ninjal.ac.jp/en/ (23.04.2021).

супплетивизм (6 и 5 пар, соответственно). Как и в хеттском, ситуация несколько осложняется тем, что для некоторых можно наблюдать сразу несколько типов маркирования; например, для пары «наполняться/наполнять» помимо антикаузативного засвидетельствован и лабильный тип: др.-инд. *pṛṇá-dhvam* (2 л. мн. ч. императива медиального залога) может обозначать как ‘наполните’, так и ‘наполнитесь’ (Kulikov 2009: 86). Тем не менее, каузативный и антикаузативный типы являются наиболее частотными.

Типы валентностных преобразований в латинском и древнегреческом достаточно сильно отличаются от того, что мы видим в индоиранских языках. И в латинском, и в древнегреческом языках каузативный тип не представлен, и основным способом выражения валентностных преобразований между глаголами в парах является антикаузативный тип. Также достаточно часто встречается лабильный тип, а в латинском (чаще чем в других рассматриваемых в рамках проекта языках) встречается супплетивизм.

Хеттский и древнеиндийский материал в целом хорошо согласуется с типологическими данными о том, как обычно распределяются типы маркирования П/Н пар в списке М. Хаспельмата. Б. Комри (Comrie 2006) отметил, что типологически в первой части списка ожидается каузативная деривация (в то время как непереходные члены пары не будут маркированы), а во второй части списка чаще встречается антикаузативная деривация. При этом стоит отметить, что в рассмотренных нами языках встречаются разные средства каузативизации. В древнеиндийском используются каузативы с суффиксом -(*p*)*aya*-, восходящим к самому распространенному праиндоевропейскому маркеру каузатива. Следы этого суффикса есть и в хеттском, однако на синхронном уровне эти основы уже не являются морфологически прозрачными (см. Shatskov 2020). В хеттском основными маркерами каузативов являются суффиксы -*nu*- и -*ahh*-, также унаследованные из праязыка, но этимологически неродственные др.-инд. -(*p*)*aya*-. Тем не менее, оба этих языка демонстрируют каузативный тип в качестве основного способа маркирования П/Н пар для первой половины глагольных пар из списка М. Хаспельмата, в отличие, например, от древнегреческого и латинского.

В латинском и древнегреческом каузативный тип фактически не представлен (см. Sausa 2016, Inglese 2019), как и в большинстве других древних и современных индоевропейских

языков на территории Европы[3]. Представляется, что в этом отношении мы имеем дело со значительной перестройкой типов маркирования П/Н пар. Во многих древних и новых языках Европы каузативная морфология на синхронном уровне более не является продуктивной, хотя исторически многие глаголы являются древними каузативами. Фонетические причины, в результате которых морфологическая структура каузативных основ перестала быть прозрачной, являются специфическими для предыстории каждой из отдельных групп индоевропейских языков[4]. Результатом, тем не менее, было то, что во многих языках форманты каузатива перестали отличаться от других суффиксов, ср. *-и-* в рус. *поить* или суффикс **-ja-* в германских языках. Многие индоевропейские языки Европы при этом выработали новые, не связанные с залогом, способы выражения антикаузативного значения, основанные на использовании возвратных частиц (см., напр., Comrie 2006: 316). Интересно, что в индоевропейских языках, расположенных за пределами Европы, каузативная морфология сохраняет свой статус и продуктивность, причем даже в тех случаях, где древние каузативы на **-éye/o-* в результате фонетического развития переставали отличаться от других основ, как в хеттском (Shatskov 2020).

На основании данных современных европейских языков Дж. Николз (Nichols 1982) предположила, что базовым типом маркирования П/Н пар для праиндоевропейского был антикаузативный. Однако материал индоевропейских языков, использовавшихся за пределами Европы, плохо согласуется с подобным утверждением. С. Лураги (Luraghi forthc.), с другой стороны, считает, что основным типом маркирования Н/П пар в праиндоевропейском являлся каузативный, к которому, впрочем, уже в праязыке добавляется антикаузативный способ маркирования, посредством форм медиального залога. С. Лураги указывает, что именно использование медиальных форм для передачи антикаузативных значений и стало тем стимулом,

---

[3] Лишь в литовском наблюдается значительное число каузативных пар в первой части списка, см. списки литовских Н/П пар на портале “World Atlas of Transitivity Pairs” (https://watp.ninjal.ac.jp/en/).

[4] В частности, **y* выпадал между гласными в предыстории латинского и древнегреческого, см., напр., Sihler 1995: 188. О рефлексах основ каузатива на **-eye-* в латинском и древнегреческом см. Sihler 1995: 504f.

который привел к преобразованию медия, изначально использовавшегося с определенными классами глаголов[5], в категорию, воспринимаемую как производную от актива.

Это тоже верно лишь отчасти, так как во второй части списка каузативизация редка даже для тех языков, где она часто встречается в первой части. Как отметил Б. Комри (2006: 307f.), для первой и для второй половин списка ожидаются в качестве преобладающих разные типы маркирования валентностных преобразований, и это подтверждается материалом хеттского и древнеиндийского языков (см. приложение).

Антикаузативный тип маркирования, ожидаемый для глагольных пар во второй части таблицы, в исследуемых языках часто представлен противопоставлением форм медиального залога у непереходных глаголов активным формам переходных глаголов. В связи с этим и С. Лураги (Luraghi forthc.), и Э. Сауза (Sausa 2016: 232ff.) указывают, что, по всей вероятности, базовой функцией медия было выражать неконтролируемые, спонтанные действия, и приписывают этой категории антикаузативное значение в праязыке. Однако, если считать, что изначально медиальный залог использовался только с определенной группой глаголов и лишь позже приобрел антикаузативные употребления, то остается неясным, как изначально выражались отношения П/Н пар у глаголов из второй части списка Хаспельмата, где переходное значение обычно является немаркированным? Модифицируя предположение Лураги, можно предположить, что даже если употребление форм среднего залога было лексически обусловлено и они обозначали неконтролируемые действия, они могли тем не менее присоединяться к тем же корням, что и формы активного залога. Необходимо отметить, что для праиндоевропейского языка такой тип отношений назывался бы эквиполентным, так как нет оснований говорить о вторичности медиальных форм по отношению к активным. В любом случае, вряд ли стоит говорить о праиндоевропейской как о языке с преимущественно каузативным способом маркирования П/Н пар, так как противопоставление залоговых форм также, по-видимому, играло существенную роль в валентностных преобразованиях,

[5] О чем писал уже Э. Бенвенист (Benveniste 1966); о глаголах media tantum в хеттском см. Inglese 2020.

даже если оно ограничено лишь определенными лексико-семантическими классами глаголов[6].

Важно отметить, что в исследуемых языках в значительном числе случаев П/Н пары отличаются не только по одному морфологическому параметру. Пары с участием каузативного суффикса в хеттском отличаются также и залоговыми окончаниями, а пары типа *pávate* ‘очищается’ — *punā́ti* ‘очищает’ в ведийском (см. Kulikov 2009: 83) отличаются не только залогом, но и типом основы. В связи с этим не всегда возможно говорить о, например, строго каузативном типе. При этом соответствия между индоевропейскими языками на уровне более сложных типов, например, базовой основы с медиальными окончаниями, противопоставленной каузативной основе с активными окончаниями, менее тривиальны и, вероятно, отражают схожую модель маркирования П/Н пар в праязыке.

ПРИЛОЖЕНИЕ:
Каузативно-антикаузативные глагольные пары в древних индоевропейских языках
(на основе списка М. Хаспельмата, Haspelmath 1993).

Хеттский

1. boil ‘кипеть / кипятить’			
2. freeze ‘замерзнуть / заморозить’			
3. dry ‘сохнуть / сушить’	*hat-* (mid.), *hatess-* (act.)	*hatanu-* (act.)	C/E
4. wake up ‘проснуться / будить’			
5. go out / put out ‘гаснуть /гасить’	*kist-* (mid.)	*kistanu-* (act.)	C

[6] М. Хаспельмат (Haspelmath 2016) увязывает способы маркирования П/Н пар с расположением глаголов по так называемой шкале спонтанности (spontaneity scale), согласно которой на одно краю шкалы находятся переходные глаголы, а с другой — непереходные глаголы, подразумевающие внешнее воздействие. В середине находятся три группы непереходных глаголов: неэргативные, а также два типа неаккузативных глаголов, которые он называет ‘automatic’ и ‘costly’; события, выражаемые глаголами второго из этих типов, подразумевают затрату определенных усилий, в то время как события, выражаемые глаголами первого типа, обычно могут произойти без внешнего воздействия. В таблице каузативно-антиказуативных пар глаголов, используемых в данном исследовании, верхняя половина таблицы примерно соответствует типу ‘automatic’, а вторая — ‘costly’.

6. sink ‘утонуть /утопить’			
7. learn / teach ‘учиться / учить’			
8. melt ‘расплавиться / расплавить’	*salliya*- (mid.)	*sallanu*- (act.)	C
9. stop ‘остановиться / остановить’	*kars*- (mid.)	*karsanu*- (act.)	C
10. turn ‘повернуться / повернуть’	*ne*- (mid.)	*ne*- (act.)	A
11. dissolve ‘раствориться / растворить’	*marra*- (mid.)	*marriya*- (act.)	A
12. burn ‘гореть / жечь’	*ur*- (mid.)	*warnu*- (act.)	C
13. destroy / be destroyed ‘разрушиться / разрушить’	*hark*- (act.)	*harnink*-, *harganu*- (act.)	C
14. fill ‘наполниться / наполнить’	*su*- (mid.)	*suwai*- (act.)	A
15. finish ‘кончиться / кончить’	*zinni*- (mid.)	*zinni*- (act.)	A
16. begin ‘начаться / начать’			
17. spread ‘распространиться / распространить’	*palhess*- (act.)	*palhanu*- (act.)	E
18. roll ‘катиться / катить’			
19. develop ‘развиться /развить’			
20. get lost / lose ‘теряться / терять’			
21. rise / raise ‘подняться /поднять’	*park*- (mid.)	*park*- (act.), *parkiyanu*-	A/ C
22. improve ‘улучшиться / улучшить’			
23. rock ‘качаться / качать’			
24. connect ‘сочетаться / сочетать’	*harp*- (mid.)	*harp*- (act.)	A
25. change ‘измениться / изменить’	*tameumess*- (act.), *tameumahh*- (mid.)	**tameumahh*- (act.)	A/ E
26. gather ‘собраться / собрать’	*tarupp*- (mid.)	*tarupp*- (act.)	A
27. open ‘открыться / открыть’			
28. break ‘ломаться / ломать’	*duwarni*- (mid.)	*duwarni*- (act.)	A
29. close ‘закрыться /закрыть’	*istapp*- (mid.)	*istapp*- (act.)	A
30. split ‘расколоться / расколоть’			
31. die / kill ‘умереть / убить’	*akk*-	*kuen*-	S

Древнеиндийский

1. boil ‘кипеть / кипятить’	*kvath-* (mid.)	*kvath-* (mid.)	L
2. freeze ‘замерзнуть / заморозить’	*śītībhū-*	*śītīkr̥-*	S
3. dry ‘сохнуть / сушить’	*śuṣ-*	*śoṣ-aya-*	C
4. wake up ‘проснуться / будить’	*budh-*	*bodh-aya-*	C
5. go out / put out ‘гаснуть /гасить’	*nir-vā-*	*nir-vapaya-*	C
6. sink ‘утонуть /утопить’	*majj-*	*majjaya-*	C
7. learn / teach ‘учиться / учить’	*śikṣ-*	*śikṣaya-*	C
8. melt ‘расплавиться / расплавить’	*dru-*	*drāv-aya-*	C
9. stop ‘остановиться / остановить’	*ava-sthā-*, *vi-ram-*	*ava-sthā-paya-* *vi-rām-aya-*	C
10. turn ‘повернуться / повернуть’	*vrt-*	*vart-aya-*	C
11. dissolve ‘раствориться / растворить’	*vi-lī-*	*vi-lā-paya-*	C
12. burn ‘гореть / жечь’	*dah-ya (pass.)*	*dah-*	A
13. destroy / be destroyed ‘разрушиться / разрушить’	*kṣi-ya-*	*kṣinā-*	A
14. fill ‘наполниться / наполнить’	*pūr-ya-*, *prna-*	*prī-*, *prna-*	A, L
15. finish ‘кончиться / кончить’	*sam- āp-ya-*	*sam- āp-aya-*	E
16. begin ‘начаться / начать’	*pra-sri-*	*ā-rabh-*	S
17. spread ‘распространиться / распространить’	*prā-stri-*	*prā-stri-*	L
18. roll ‘катиться / катить’	*luth-*	*loth-aya-*	C
19. develop ‘развиться /развить’	*ut-pad-*	*ut-pādaya-*	C
20. get lost / lose ‘теряться / терять’	*naś-*	*nāś-aya-*	C
21. rise / raise ‘подняться /поднять’	*ut-tha-*	*?ut-thā-paya-*	C
22. improve ‘улучшиться / улучшить’	*vridh* - (mid./act.)	*vridh-* (act.)	A/L
23. rock ‘качаться / качать’	*pra-cal-*	*pra-cal-*	L
24. connect ‘сочетаться / сочетать’	*sam-yuj-ya-*	*sam-yuj-*	A
25. change ‘измениться / изменить’	*vi-kr-* (mid./ pass.)	*vi-kr-* (act.)	A
26. gather ‘собраться / собрать’	*smā gam*	*ci-*	S
27. open ‘открыться / открыть’	*vivri-*	*vivri-*	L
28. break ‘ломаться / ломать’	*bhanj-ya-*	*bhanj-*	A

29. close ‘закрыться /закрыть’		*apidhā-*	
30. split ‘расколоться / расколоть’	*bhid-ya-*	*bhid-*	A
31. die / kill ‘умереть / убить’	*mri-*	*han-*	S

Древнегреческий

1. boil ‘кипеть / кипятить’	ζέω	βράζω	S
2. freeze ‘замерзнуть / заморозить’	πήγνυμαι	πήγνυμι	
3. dry ‘сохнуть / сушить’	τερσαίνομαι τέρσομαι	τερσαίνω, τέρσω	A, E
4. wake up ‘проснуться / будить’	ἐγείρομαι	ἐγείρω	A
5. go out / put out ‘гаснуть /гасить’	μαραίνομαι σβέννυμαι	μαραίνω σβέννυμι	A
6. sink ‘утонуть /утопить’	καταδύω, καταδύομαι	καταδύω	A, L
7. learn / teach ‘учиться / учить’	μανθάνω	διδάσκω	A
8. melt ‘расплавиться / расплавить’	τήκομαι	τήκω	A
9. stop ‘остановиться / остановить’	παύομαι	παύω	A
10. turn ‘повернуться / повернуть’	τρέπομαι	τρέπω	A
11. dissolve ‘раствориться / растворить’		διαλύω / ἀναλύω	
12. burn ‘гореть / жечь’	καίομαι, πίμπρεμαι	καίω, πίμπρημι	A
13. destroy / be destroyed ‘разрушиться / разрушить’	πέρθω	πέρθομαι	A
14. fill ‘наполниться / наполнить’	πίμπλεμαι	πίμπλημι	A
15. finish ‘кончиться / кончить’	τελευτάω τέλλω	τελευτάω, τελέω	L, S
16. begin ‘начаться / начать’	ἄρχομαι	ἄρχω, ἄρχομαι	A, L
17. spread ‘распространиться / распространить’	πετάννυμαι	πετάνννυμι	A
18. roll ‘катиться / катить’	κυλίνδομαι	κυλίνδω	A
19. develop ‘развиться /развить’			
20. get lost / lose ‘теряться / терять’	ἀπόλλυμαι	ἀπόλλυμι	A
21. rise / raise ‘подняться /поднять’		αἴρω	
22. improve ‘улучшиться / улучшить, исправить’	εὐθύνομαι	ἐυθύνω	S
23. rock ‘качаться / качать’	σαλεύω (intr.)	σαλεύω (tr.)	L

24. connect ‘сочетаться / сочетать’	ἀραρίσκομαι	ἀραρίσκω	A
25. change ‘измениться / изменить’	μεταβάλλω	μεταβάλλω	L
26. gather ‘собраться / собрать’	συλλέγομαι	συλλέγω	A
27. open ‘открыться / открыть’	ἀνοίγομαι	ἀνοίγω	A
28. break ‘ломаться / ломать’ РВАТЬ	ῥήγνυμαι	(ἀπο)ρήγνυμι	L
29. close ‘закрыться /закрыть’	κλείομαι	κλείω	A
30. split ‘расколоться / расколоть’	σχίζομαι	σχίζω	A
31. die / kill ‘умереть / убить’	θνῄσκω	κτείνω	S

Латинский

1. boil ‘кипеть / кипятить’	*ferveo, fergo*	*fervefacio*	S
2. freeze ‘замерзнуть / заморозить’	*congelo, congelor*	*congelo*	A, L
3. dry ‘сохнуть / сушить’	*aresco, siccescor*	*sicco arefacio*	S
4. wake up ‘проснуться / будить’	*expergiscor*	*excito, suscitō*	S
5. go out / put out ‘гаснуть /гасить’	*extinguor*	*extinguo*	A
6. sink ‘утонуть /утопить’	*mergor*	*mergo*	A
7. learn / teach ‘учиться / учить’	*disco*	*doceo*	S
8. melt ‘расплавиться / расплавить’	*liquesco, liquefio*	*liquefacio*	S
9. stop ‘остановиться / остановить’	*subsisto*	*sisto*	S
10. turn ‘повернуться / повернуть’	*verto, vertor*	*verto*	A, L
11. dissolve ‘раствориться / растворить’	*dissolvor*	*dissolvo colliquefacio*	A
12. burn ‘гореть / жечь’	*ardeo, ferveo*	*exuro*	S
13. destroy / be destroyed ‘разрушиться / разрушить’	*deleor, pereo*	*deleo*	A, S
14. fill ‘наполниться / наполнить’	*impleor*	*impleo*	A
15. finish ‘кончиться / кончить’	*desino, finior*	*finio, desino*	A
16. begin ‘начаться / начать’	*incipio,*	*incipio, coepio*	L, S
17. spread ‘распространиться / распространить’	*pando*	*pando, extendo*	A
18. roll ‘катиться / катить’	*volvor*	*volvo*	A
19. develop ‘развиться /развить’			
20. get lost / lose ‘теряться / терять’	*pereo*	*perdō*	S

21. rise / raise ‘подняться /поднять’	*se tollo, orior*	*tollo, levo*	A, S
22. improve ‘улучшиться / улучшить’	*melor fio*	*meliorem facio*	S
23. rock ‘качаться / качать’	*vacillo*	*agito*	S
24. connect ‘сочетаться / сочетать’	*se conjungo,*	*religo coniungo*	A, S
25. change ‘измениться / изменить’	*mutor*	*muto*	A
26. gather ‘собраться / собрать’	*congredior, colligor*	*colligo*	A, S
27. open ‘открыться / открыть’	*aperior*	*aperio*	A
28. break ‘ломаться / ломать’	*frangor*	*frango*	A
29. close ‘закрыться /закрыть’	*se claudo*	*claudo*	A
30. split ‘расколоться / расколоть’	*se findo*	*findo*	A
31. die / kill ‘умереть / убить’	*morior*	*interficio, neco*	S

Библиография

Benveniste, É. 1966: *Problèmes de linguistique générale*, vol. 1. Paris.

Comrie, B. 2006: Transitivity pairs, markedness, and diachronic stability. *Linguistics* 44 (2), 303–318.

Haspelmath, M. 1993: More on the typology of inchoative/causative verb alternations. In: B. Comrie and M. Polinsky (eds.) *Causatives and Transitivity*. Amsterdam: Benjamins, 87–120.

Haspelmath, M. 2016: Universals of causative and anticausative verb formation and the spontaneity scale. *Lingua Posnaniensis* 58 (2), 33–63.

Inglese, G. 2019: Basic valency orientation in Early and Classical Latin. Talk at *theInternational Colloquium on Latin Linguistics* (June 17–21th 2019, Universidad de Las Palmas).

Inglese, G. 2020: *The Hittite middle voice*. Leiden.

Kulikov, L. 2009: Valency-changing categories in Indo-Aryan and Indo-European: A diachronic typological portrait of Vedic Sanskrit. In Anju Saxena & Ake Viberg (eds.), *Multilingualism*, 75–92. Uppsala.

Luraghi, S. 2010: Transitivity, intransitivity and diathesis in Hittite. *Indo-European linguistics and classical philology* 14/2, 133–154.

Luraghi, S. 2012: Basic valency orientation and the middle voice in Hittite. *Studies in Language* 36 (1), 1–32.

Luraghi, S. forthc.: Basic valency orientation, the anticausative alternation, and voice in PIE.

Nichols, J. 1982: Ingush transitivization and detransitivization. *Berkley Linguistic Society* 8, 445–462.

Nichols J., D. Peterson & J. Barnes. 2004: Transitivising and detransitivising languages. *Linguistic Typology* 8 (2), 149–211.

Plank, F., A. Lahiri. 2015: Macrosopic and microscopic typology: Basic Valance Orientation, more pertinacious than meets the naked eye. *Linguistic Typology* 19, 1–54.

Sausa, E. 2016: Basic valency orientation in Homeric Greek. *Folia Linguistica Historica* 37, 205–238.

Shatskov, A. 2020: Hittite causative markers in a diachronic Anatolian perspective. *Journal of language relationship* 18 (3–4), 276–283.

DOI:10.30842/ielc230690152575

М. Е. Шляхтер
(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

О ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛА *laoẏāno* ‘ЗАСТАВЛЯТЬ БРАТЬ’ В ПОЭТИЧЕСКИХ И ПРОЗАИЧЕСКИХ БЕНГАЛЬСКИХ ТЕКСТАХ XVI–XVII ВВ.

Глагол *laoẏāno* (каузатив от *laoẏā* ‘брать’) имеет значение ‘заставлять брать’ или просто ‘брать’ как минимум в трех словарях среднебенгальского языка (Sen 1971, Kāium, Sultānā 2007, Gulām 2013). Kāium, Sultānā 2007 и Gulām 2013 также приводят дополнительные значения ‘уговаривать’ и ‘организовывать’, но для перевода цитируемых у них примеров из поэтов XVI–XVII вв. этих значений недостаточно. С помощью анализа отрывков из Бриндабона Даша и Кришнодаша (XVI в.), а также текста «Беседы брахмана с католиком» Дома Антонио де Розарио установлено, что глагол также может иметь значение ‘внушать’ или ‘заставлять (делать что-либо)’. Некоторые из переносных значений можно вывести из значения ‘заставлять принять (мысль, идею, ответственность, божество)’, но значение ‘заставлять брать (физически брать предмет)’ не обнаружено ни в одном примере.

Ключевые слова: каузатив, среднебенгальский, бенгальская эпическая поэзия, бенгальская проза.

M. E. Shlyakhter
(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

On the meaning of *laoẏāno* ‘to make (someone) take (something)’ in the 16th–17th century Bengali poetry and prose

The verb *laoẏāno* (causative from *laoẏā* ‘to take’) is translated as ‘to take’ or ‘to make (someone) take’ in Old and Middle Bengali dictionaries (Sen 1971, Kāium, Sultānā 2007, Gulām 2013). Kāium, Sultānā 2007 and Gulām 2013 also propose additional translations like ‘to convince’ and ‘to induce, organise’ but these are not always enough to translate the quotes from the 16th and 17th century authors cited there as examples (Chaitanya’s biographies by Brindabon Das and Krishnadas, 16th century, and works of Sayed Alaol, 17th century). The analysis of the quotes cited in the dictionaries plus additional material from Brindabon Das’s epic poem on Chaitanya and the “Argument and dispute upon the law between a Roman Catholic and a Brahman” written in prose by Dom Antonio de Rosario suggests that *laoẏāno* might also mean ‘to put (something) into someone’s mind’ and ‘to make (someone) do (something)’. Unlike most other causative verbs used in the “Argument and dispute…” that usually can be understood as ‘basic verb+ causation’, *laoẏāno* is never used in its literal

meaning ‘to make (someone) take (something)’. Although this does not mean that it cannot occur with this meaning in a different text, it seems unlikely that it was the main meaning of *laoẙāno* in Middle Bengali. Discrepancies between the examples cited in the dictionaries can be explained by the fact that they might have used different editions of one and the same text. Discrepancies between Kāium, Sultānā 2007 and Gulām 2013 are probably due to the fact that they were published with a very small time gap so the authors probably could not consult each other’s work during the preparation of their own manuscript.

Keywords: causative, Middle Bengali, Bengali epic poetry, Bengali prose.

Laoẙāno ‘заставлять брать’ — каузатив глагола *laoẙā* ‘брать, восходящего к санскр. *labhate* ‘брать’ (однокор. с хинд. *lenā* ‘брать’ и *lānā* ‘приносить’) (Turner 1962–1966: 635). В этимологическом словаре древне- и среднебенгальского С. Сена *laoẙāno* указан как каузатив от *laoẙā* ‘брать’ без отдельного перевода: «lao(y)ā- Caus. of la(a)-, sabāre laoẙāo (pres. 2) yajñ̃a yājñ̃ik(a) haiẙā. Becoming a sacrificer you induce all others to take to sacrifice» (Sen 1971: 811), т. е. предполагается, что его значение сводится к ‘брать + каузация[1], но для примера употребления дается строка из «Чайтаньябхогобота» Бриндабона Даша (XVI в.):

1.	sabā-re	**laoẙ-ā-o**	yajña
	все-OBJ	брать-CAUS-2PRS	жертвоприношение
	yājñik	ha-iẙā	
	жертвователь	быть-CONV.PFV	

Перевод Сена: «Став жертвователем, ты **побуждаешь**[2] всех **обратиться** к жертвоприношениям» (Sen 1971: 811)

[1] Интересно, что подобные переводы («X — каузатив от Y») без дополнительных комментариев характерны как для этимологического словаря Sen 1971, так и для словаря современного бенгальского Biswas 2000, даже там, где каузативный глагол приобрел значение, не сводящееся к значению ‘базовый глагол + каузация’. Словари, изданные в Бангладеш (Kaium, Sultana 2007, Gulām 2013) дают больше вариантов перевода, но не всегда учитывают опыт предыдущих авторов. Все три словаря среднебенгальского работают примерно с одними и теми же текстами, но не указывают, какое издание того или иного текста они используют; отсюда разночтения в примерах.

[2] В Дас 2006 предлагается перевод ‘вдохновляешь’.

Очевидно, что перевод ‘заставлять брать’ для этого примера недостаточно точен (перевод «Ты всех заставляешь взять жертвоприношение» мог бы хорошо выглядеть, если бы существовало выражение ‘брать жертвоприношение’ в значении ‘приносить жертву’ или ‘обращаться к жертвоприношениям’). Возникает вопрос, что на самом деле значит этот глагол и можно ли попытаться уточнить его значение.

В словаре древне- и среднебенгальского Каюма и Султаны (Kāium, Sultānā 2007: 228) отдельной статьи *laoẏāno* нет, но в статье *laoẏā* ‘брать’ приводится как сам *laoẏā*, так и каузатив от него. Не совсем ясно, считают ли авторы, что *laoẏā* и *laoẏāno* — один и тот же глагол, или это ошибка:

> laā, laoẏā. 1. neoẏā. 2. prabartita karā (sei prabhu yāre yena laoẏāẏen man sei mata dharma kare sakal bhuban — Cai. Bhā). 3. anuṣṭhān karā (sabāre laoẏāẏ yajña yājñik haiẏā — Cai. Bhā.).

> laā, laoẏā. 1. брать. 2. вдохновлять (sei prabhu yāre yena laoẏāẏen man sei mata dharma kare sakal bhuban — «Чайтанья бхагавата»). 3. организовывать (sabāre laoẏāẏ yajña yājñik haiẏā — «Чайтанья бхагавата»).

Как видно, пример для значения ‘организовывать’ тот же, что у Сена, с небольшой разницей в форме глагола:

2.	sabā-re	**laoẏ-ā-ẏ**	yajñ̃a
	все-OBJ	брать-CAUS-3PRS	жертвоприношение
	yājñ̃ik	ha-iẏā	
	жертвователь	быть-CONV.PFV	

‘Он всех **организует** для жертвоприношения, став жертвователем’.

(Kaium, Sultana 2007: 228)

В таком же значении этот глагол встречается у Кришнодаша в «Чайтаньячаритамрите» (XVI в.):

3.	katho[3]	din-e	ka-ila	prabhu	
	сколько	день-LOC/INS	делать-PST-3	господь	
	baṅg-ete	gaman			
	Бенгалия-LOC/INS	хождение			
	yāhā̃ yā-ẏ	tāhā̃	**laoẏ-ā-ẏ**	nām	saṅkīrtan
	куда идти-3PRS	там	брать-CAUS-3PRS	имя	прославление

‘Столько дней, сколько Господь путешествовал по Бенгалии,
Куда бы он ни шел, он **организовывал** совместное пение священного имени’ (Dās 1915: 400).

[3] Вместо *kata* ‘сколько’.

Пример значения ‘вдохновлять’у Каюма и Султаны со ссылкой на Б. Даша:

4. sei prabhu yā-re yena **laoẙ-ā-ẙen** man
этот господь кто-OBJ словно брать-CAUS-3PRS.HON разум
sei mata dharma kar-e sakal bhuban
этот образ закон делать-3PRS весь мир
Как этот Господь **побуждает** [**действовать**] разум каждого,
То весь мир делает законом (т. е. каждый поступает так, как Господь побуждает его поступить)[4] (Kāium, Sultānā 2007: 228; Dās B. 2006: 635)

В словаре древне- и среднебенгальского Гулама для *laoẙāno* даются переводы ‘заставлять принять’ (2 примера) и ‘уговаривать’ (1 пример):

> **laoẙāno**. neoẙāno. **laoẙāile** niẙe dile. ‘āmi nā laoẙāile bhakti nā pāre laite’. Kr̥ṣṇadās, 1580. **laoẙāba** sammat karāba. ‘tāhale sbāmike laoẙāba pāẙe dhari’. Ālāol, 1680. **laoẙāẙ** neoẙāẙ. ‘yāhārā laoẙāẙ gauracandrer prakāś’. Br̥ndā, 1580.

> **laoẙāno**. заставлять брать. **laoẙāile** если я заставлю принять. ‘āmi nā laoẙāile bhakti nā pāre laite’. Кришнодаш, 1580. **laoẙāba** я уговорю. ‘tāhale sbāmike laoẙāba pāẙe dhari’. Алаол, 1680. **laoẙāẙ** заставляет получать. ‘yāhārā laoẙāẙ gauracandrer prakāś’. Бриндабон, 1580.

laoẙāile = niẙe dile ‘если [я] заставлю принять’, ссылка на Кришнодаша:

5. āmi nā **laoẙ-ā-ile** bhakti nā pār-e la-ite
1SG NEG брать-CAUS-COND почитание NEG мочь-3PRS брать-INF
Если я не **обращу** их к почитанию (божества), они не смогут к нему обратиться (Gulām 2013: 1895)

laoẙāẙ = neoẙāẙ ‘заставляет получать’, ссылка на Бриндабона Даша:

6. yāhā-rā **laoẙ-ā-ẙ** gauracandr-er prakāś[5]
кто-NOM.PL брать-CAUS-3PRS Гаурачандра-GEN проявление
(Последователи), которые **видят** проявление Гаурачандры, (очень радуются) (Gulām 2013: 1895).

В примере 6, судя по всему, *laoẙāẙ* означает, что зрители некоторым образом вызывают появление святого; если ‘Гаурачандра получает проявление’ = ‘Гаурачандра проявляется’, то

[4] В Dās 1854 в соответствующей главе этих строк нет; возможно, текст скомпонован по-другому.
[5] В Dās 2006 этих строк нет.

‘(они) вызывают проявление Гаурачандры’ = ‘активно созерцают, как Гаурачандра проявляется’. Понять это как ‘(они) заставляют Гаурачандру проявиться’ невозможно, т. к. Гаурачандра в родительном падеже.

laoẙāba = sammat karāba ‘уговорю’, ссылка на Саида Алаола (XVII в.):

7. tāhale sbāmi-ke **laoẙ-ā-ba** pā-ẙe dhar-i
тогда муж-OBJ брать-CAUS-FUT-1 нога-LOC/INSдержать-CONV.PFV
Тогда я **уговорю** мужа, упав ему в ноги (Gulām 2013: 1895)

Помимо примеров, указанных в словарях, у Бриндабона Даша *laoẙāno* встречается еще в нескольких местах:

8. biṣṇu yena abatar-i **laoẙ-ā-en** dharma
Вишну как спускаться-CONV.PFV брать-CAUS-3PRS.HON закон
seimata e śiśu kar-ib-e sarbakarma
так этот ребенок делать-FUT-3 все.дела
Этот ребенок во всем будет подобен Вишну, который, спускаясь (на землю), **заставляет следовать** религиозным законам (букв. «заставляет принимать религиозные законы») (Дас 2006: 162).

9. nityānandasbarūp-e se nindā nā **laoẙ-ā-ẙ**
Нитьянанда.образ-LOC/INS 3SG порок NEG брать-CAUS-3PRS
tā-n path-e thāk-ile se gauracandra pā-ẙ
3-GEN путь-LOC/INS находиться-COND 3SG Гаурачандра получать-3PRS
Тот, кто не **ищет** недостатков в образе Нитьянанды, если останется на его пути, обретет Гаурачандру (Дас 2006: 371)

10. madhye-madhye mātra kata papigaṇ g-iẙā
иногда только сколько грешник.PL идти-CONV.PFV
lok naṣṭa kar-e āpnā-re **laoẙ-ā-iẙā**
люди испорченный делать-3PRS REFL-OBJ брать-CAUS-CONV.PFV
Иногда многие грешники губят людей, **заставляя** (их) **прославлять** себя (Дас 2006: 536)

11. eteke āmā-re ye īśbara yehena
поэтому 1-OBJ что Господь как
laoẙ-ā-ich-en citt-e kar-i āmi tena
брать-CAUS-PFV-3PRS.HON разум-LOC/INS делать-1PRS 1SG так
Поэтому я поступаю так, как Господь **внушит** моему разуму (букв. «заставит меня принять в разуме) (Дас 2006: 636).

Здесь значение ‘заставлять принять’ с натяжкой можно использовать в примерах 8 и 11; для перевода примера 9 не годится ни одно из упоминаемых в словарях значений, а пример 10 можно понять как ‘заставляя принять себя (как святых)’. Значение ‘заставлять брать’ в буквальном смысле (физически

взять какой-либо предмет) ни к одному из 11 примеров применить нельзя.

Таким образом, в рассмотренных поэтических текстах XVI-XVII вв. *laoỷāno* в основном используется в значениях ‘побуждать; организовывать; уговаривать; заставлять следовать (чему-л.); внушать’. Некоторые из данных примеров можно вывести из значения ‘заставить принять’ в переносном смысле (‘заставить принять в разуме’ = ‘внушить’; ‘заставить принять что-л.’ = ‘обратиться к чему-л.’ и т. д.), но связь с глаголом «брать» в буквальном смысле не прослеживается. Значения ‘видеть’ (8), ‘искать’ (9) и ‘заставлять прославлять’ (10) слишком зависят от контекста, чтобы их можно было указывать в качестве перевода данного глагола, например, в словаре.

К сожалению, для того, чтобы сказать, что глагол окончательно лексикализовался и утратил связь с базовым глаголом, поэтических текстов недостаточно. В среднебенгальской поэзии многие каузативы теряют свое исходное значение или же используются в составе метафор или поэтических формул (ср. у Чандидаса «ломать» в значении «ругать» или «топить» в значении «губить»). Иногда значение, более близкое к словарному (вида ‘базовый глагол + каузация’) не встречается в стихах, но обнаруживается в прозе.

Прозаический текст данного периода, написанный бенгальцем, всего один — «Беседа брахмана с католиком» Дома Антонио де Розарио [6], самый ранний из известных нам памятников бенгальской прозы (XVII в.)[7]. Это довольно неболь-

---

[6] Мы не знаем настоящего имени автора; известно, что он был бенгальцем, сыном правителя Бхушны, в 1663 году попал в плен к пиратам, был продан в Аракан (совр. Мьянма), затем выкуплен португальским миссионером и крестился, получив португальское имя. Впоследствии он вернулся на родину и, по его собственному утверждению, обратил в христианство около 20000 местных жителей (Bandopadhyay 1997: 69; Sen 1937: 41–47). «Беседа брахмана с католиком» объясняет идеи перерождения, индийской тримурти и христианской Троицы и указывает на превосходство христианской веры. Произведение написано в форме диалога на бенгальском языке с несколькими цитатами из санскрита; на протяжении основной части текста герои спорят, потом брахман начинает соглашаться с католиком, и, наконец, признает его правоту.

[7] Автор очерка о средневековой бенгальской литературе А. Бандопаддхай и издатель «Беседы…» С. Сен упрекают автора в плохом знании санскрита и пуран и довольно странной аргументации в пользу

шое произведение (76 страниц); в нем 42 примера морфологических каузативов (формы 13 глаголов) и 7 примеров лексических (1 глагол). Несмотря на небольшой объем, «Беседа» ценна тем, что в ней можно найти примеры каузативов, которые употребляются в своем исходном каузативном значении (12 из 14 глаголов), чего мы почти не видим в стихах. Один из оставшихся двух глаголов можно истолковать и как каузативный, и как просто переходный, т. к. там не обязательно есть дополнительный участник действия, а последний глагол — *laoẙāno*, который встречается в шести примерах и к которому даже здесь не получается применить значение ‘заставлять брать’. Например, в самом начале трактата автор от лица брахмана заявляет:

12. Eta	ye	tumi	kah-il-ā,
сколько	который	2SG.NEUTR	говорить-PST-3
ehā	āmā-re	prathakṣy-e[8]	bujh-ā-ib-ā;
это	1-OBJ	лично-LOC/INS	понимать-CAUS-FUT-2
kintu	dharmādharmo	tini	**laoẙ-ā-en**;
но	закон.беззаконие	3SG.HON	брать-CAUS-3PRS.HON
dharmo	tini	adharmo	tini.
закон	3SG.HON	беззаконие	3SG.HON

То, что ты сказал, ты объяснишь мне лично. Но он **заставляет совершать** праведное и неправедное; он — закон, но он же и беззаконие (Sen 1937: 3).

Имеется в виду, что христианский Бог якобы дает человеку свободу воли, но на самом деле предопределяет, какие поступки являются праведными, а какие — нет, и заранее знает, что из этого человек совершит. «Он заставляет принять и закон, и беззаконие» можно понять как «он определяет закон и беззаконие» или «он заставляет человека принимать, т. е. делать, законные и незаконные вещи».

Католик на это отвечает:

христианской веры, но не считают его язык странным или непонятным (Bandhyopadhyay 1997: 69; Sen 1937: 46). Судя по всему, то, что язык автора не является «странным», заслуживает отдельного упоминания у Сена и Бандопаддхая, потому что остальные прозаические тексты данного периода были написаны португальцами, которые не были носителями языка и иногда употребляли не очень понятные для бенгальцев выражения.

[8] = *pratyakṣe* ‘своими глазами’ (примечание издателя).

13. E sakol pratakṣye bujh-ā-ib-o
это все лично-LOC/INS понимать-CAUS-FUT-1
yemat jijñāsā kara-ha;
как вопрос делать-2PRS.NEUTR
dharmādharmo tini **laoẙ-ā-en** nā…
закон.беззаконие 3SG.HON брать-CAUS-3PRS.HON NEG
Я все лично объясню, что ты спрашиваешь. Он не **заставляет совершать** праведное и неправедное…

Здесь он повторяет слово в том же смысле, в котором его употреблял оппонент, т. е. перевод глагола должен быть таким же как в примере 12. После этой фразы идет пассаж про свободу воли, поэтому представляется, что речь идет не об определении законного и беззаконного, а о том, что Бог заставляет или не заставляет людей совершать хорошие или дурные поступки.

Далее (после фразы брахмана о том, что человек не разбирается в хорошем и плохом, а все его действия предопределены Богом) католик говорит следующее:

14. Yadi parameśar tomā-re **laoẙ-ā-it-en** pāp kar-ite
если всевышний 2-OBJ брать-CAUS-IRR-3PRS.HON грех делать-INF
Если бы Всевышний тебя **заставлял** грешить… (то почему в шастрах указаны наказания за грехи?).(Sen 1937: 4)

Это первый и пока что единственный пример, где от *laoẙāno* зависит инфинитивный оборот; здесь глагол можно перевести как «заставлять», не прибавляя ничего дополнительно.

На это брахман отвечает:

15. ei śolok-e hr̥daẙ-e thāk-iẙā
этот шлока-LOC/INS сердце-LOC/INS находиться-CONV.PST
yāhā **laoẙ-ā-en** tāhā haẙe[9] kar-i
что брать-CAUS-3PRS.HON то именно делать-1PRS
(После цитаты на санскрите)
Что он в этой шлоке **помещает** в сердце, именно то я и делаю.
(Sen 1937: 4)

Здесь похоже, что имеется в виду то же выражение, что в примерах 4 и 11 — «помещать в разум», т. е. «внушать». Далее брахман заявляет:

[9] = *hī* ‘именно’.

16. kintu śāstr-e kah-e ye e kathā
но шастра-LOC/INS говорить-3pRS что этот слово
yeto kāl-er pāp-e karamāṅkit-e[10]
любой время-GEN грех-LOC/INS окрашенный.делом-LOC/INS
laoẏ-ā-ẏ
брать-CAUS-3PRS
Но в шастрах говорится, что это **пятнает** грехом, совершенным в любое время (Sen 1937: 5).

Это темное место (даже издатель предлагает заменить «окрашенный грехом» на «плод греха»); возможно, здесь «заставляет принять» значит «заставляет признать, взять на себя».

Наконец, в последнем примере у *laoẏāno* вообще нет дополнения:

17. nā kah-io ye tini **laoẏ-ā-en**
NEG говорить-2IMP что 3SG.HON брать-CAUS-3PRS.HON
Не говори, что он **заставляет** (грешить) (Sen 1937: 5)

Здесь тоже можно перевести его как «заставлять», и только из того, что сказано выше, становится понятно, что именно субъект заставляет делать.

Таким образом, и в эпических поэмах Бриндабона Даша и Кришнодаша, и в тексте «Беседы брахмана с католиком» мы встречаем *laoẏāno* в значении ‘заставлять, убеждать, внушать’ и не видим значения ‘заставлять брать’. Этого недостаточно, чтобы сказать, что такого значения нет вовсе (оно может обнаружиться в другом тексте, который еще не издан или не изучен с этой точки зрения), но на это обстоятельство стоит обратить внимание при переводе среднебенгальских текстов.

Список сокращений

CAUS — каузатив; CONV — деепричастие; FUT — будущее время; GER — герундий; GEN — родительный падеж; HON — уважительная форма; IMP — императив; LOC/INS — творительно-местный падеж; NEG — отрицание; PFV — совершенный вид; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; 1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо.

[10] *karmāntika* = *karmaphala* ‘результат действий’.

Литература

Das Thakur, Sh. B. 2006: *Shri Chaytanya Bkhagavata: deyaniya Shri Chaytani* [*Shri Chaitanya Bhagavata: The Exploits of Shri Chaitanya*]. Saint Petersburg.
Дас Тхакур, Ш. В. 2006: *Шри Чайтанья Бхагавата: деяния Шри Чайтаньи*. СПб.

Bandhyopadhyay, A. 1997. Bengali. In: Paniker, K. A. *Medieval Indian Literature: An anthology*. Volume one. Surveys and selections. New Delhi: Sahitya Akademi.

Biswas, S. 2000: *Samsad Bengali-English dictionary*. 3rd ed. Calcutta.

Dās, B. 1854: *Śrīśrīcaitanyabhāgabata*. Śrīrāmpur.

Dās, K. 1915: *Caitanyacaritāmṛ̥ta*.

Gulām M. 2013. Bibartanamūlak bāṅglā abhidhān. Dbitīẏa khaṇḍa. Dhākā.

Kāium M. A., Sultānā, R. 2007: Prācīn o madhyayuger bāṅglā bhāṣār abhidhān. Dhākā.

Majumdār, B. B. 1960: *Caṇḍīdāser padābalī*. Kolkata.

Sen, S. (ed.). 1937: *Argument and dispute upon the law between a Roman Catholic and a Brahman by Dom Antonio de Rosario*. Calcutta: University of Calcutta.

Sen, S. 1971: *An etymological dictionary of Bengali: c. 1000–1800 A. D.* Calcutta.

Turner, R. L. 1962–1966. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. London.

DOI:10.30842/ielc230690152576

М. В. Шумилин
(РАНХиГС / ИМЛИ РАН)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА «СТРАСТЕЙ СВ. СУСАННЫ» (BHL 7937). ПАДЕЖ И РОД

В статье продолжается исследование «Страстей св. Сусанны» (Passio S. Susannae, BHL 7937) как текста V–VI вв., написанного с многочисленными отклонениями от классического языка. Разбираются встречающиеся в рукописях «неклассические» черты языка, связанные с употреблением падежей и с категорией рода: употребление предложных конструкций на месте ожидаемых форм косвенных падежей без предлогов, генерализация аккузатива, употребление номинатива в значении аккузатива, «неклассический» род существительных, употребление прилагательных мужского рода при согласовании с местоимениями среднего рода, «неклассические» употребления родовых форм относительного местоимения.

Ключевые слова: Страсти св. Сусанны, поздняя латынь, «нормализация», падеж, род, романские языки

M. V. Shumilin
(RANEPA / A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences)

Linguistic peculiarities in the *Passio Susannae* (*BHL* 7937). Case and gender

The article continues the study of the *Passio S. Susannae* (*BHL* 7937) as a text of the 5th or 6th cent. AD that was originally composed in a language characterized by many as departing from Classical Latin. The ‘non-classical’ linguistic features connected with the categories of case and gender that can be indentified in the manuscripts of the *Passio S. Susannae* are taken into account: the use of prepositional constructions in place of the expected oblique cases without prepositions; the generalization of the accusative; the use of the nominative in place of the accusative; ‘non-classical’ noun gender; the use of masculine as a default gender with non-classical controllers; ‘non-classical’ use of gender forms of the relative pronoun. It is suggested that most ‘non-classical’ features connected with case and gender that are found in the manuscripts belong to the original text of the *Passio*, since in these aspects ‘barbarization’ does not seem to have been characteristic of early medieval scribes. It is concluded that in most respects the text is similar to other 6th cent. texts which are characterized by many ‘non-classical’ features like the *Anonymus Valesianus II*. One feature that seems to be unparalleled in Late Latin but

apparently reliably attested in the manuscripts of the text and plausible from the point of view of later Romance development is the use of masculine as a default gender with non-classical controllers (in particular, with neuter pronouns without antecedent nouns).

Keywords: *Passio Susannae*, Late Latin, ‘normalization’, case, gender, Romance languages

Настоящая статья продолжает рассмотрение языковых особенностей «Страстей св. Сусанны» (BHL 7937, далее PSus), латинского памятника V–VI вв., начатое в статье Shumilin 2020a [1]. Речь пойдет о неклассических чертах, касающихся употребления падежей (раздел 1), родов существительных и употребления родовых форм изменяющихся по родам частей речи (раздел 2).

В предшествующей статье я обосновывал, преимущественно в связи с орфографией, тезис о том, что язык PSus изначально значительно отступает от классической нормы и текст этого памятника следует восстанавливать соответствующим образом (Shumilin 2020a: 636–647; ср. также: Shumilin 2020b: 58–67). Сформулированные мной в предшествующей статье правила по поводу того, какие из рукописных чтений следует принимать в текст в зависимости от их зафиксированности в рукописной традиции, правдоподобия «аномалии» для времени создания памятника и правдоподобия вторичного

[1] В описании фонологии и орфографии PSus в этой статье я допустил несколько пропусков; следует дополнить раздел 8.1 (с. 655) примером PSus 28 (*C*[*l*]) introibit вместо introiuit и второй абзац раздела 8.7 (с. 658, только для <g> на месте классического /c/) примером PSus 26 (*W*) altergationem. Несколько неточностей было допущено также в описании взятой для сопоставления рукописи Августина MSAug. На с. 641 речь должна идти об 11, а не 10 примерах позднеантичного смешения <e> с <i> и <o> с <u> по определенным правилам на рассматриваемом отрезке этой рукописи; в разделе 7.2 на с. 648 речь должна идти о двух примерах из MSAug (fol. 10v acceperimus и fol. 15v uirorum вместо uerorum); в разделе 7.5 на с. 649–650 следует упомянуть об одном примере из MSAug, который, видимо, следует объяснить меровингским происхождением рукописи (fol. 8v emitte вместо emitti); в разделе 7.12 на с. 651 к примерам из MSAug следует добавить fol. 9v loci вместо luci, который, как и прочие, следует скорее объяснять смешением слов, чем фонологией; в разделе 7.15 вместо 4 примеров гиперкорректного <ae> в MSAug должна идти речь о 7 (следует добавить еще 2 примера в окончаниях наречий, fol. 5r sempiternae и fol. 15v perfectae, плюс пример fol. 9r atquae).

возникновения «аномалии» либо «нормализующего» исправления для каролингской эпохи (Shumilin 2020a: 646–647), остаются в целом релевантными, однако требуют поправки на изменение некоторых из учитываемых условий. В частности, хотя языковые «аномалии», касающиеся синтаксиса падежей, рода существительных и употребления родовых форм, остаются актуальными для некоторых раннесредневековых текстов (см. ниже разделы 1.2, 1.3, 2.1, 2.3), введение новых «аномалий» в этой области писцами — похоже, значительно более ограниченно фиксируемое явление, чем введение новых орфографических «аномалий» (ср.: Coleman 1999: 346); по-видимому, по сути дела в рукописях доминирует только одно направление изменения в парах классический vs неклассический вариант в случае этих явлений, а именно «нормализация». В предшествующей статье я сопоставлял текст PSus, каким он предстает в рукописях, а также схожий по объему и по «аномальности» языка (и близкий по времени и месту создания) текст «Второго анонима Валезия» (далее AV2) с отрезком соответствующего объема из меровингской рукописи Августина начала VIII в. (я обозначил ее сокращением MSAug); я предположил, что в ней перед нами должен быть образец того, до какой степени в рамках меровингской традиции доходит языковая «аномализация» изначально написанного классическим языком текста к моменту, предшествующему началу каролингской «нормализации». В том, что касалось орфографии, уровень «аномализации» текста MSAug оказался несколько ниже, чем в по-видимому изначально значительно «аномализованных» текстах PSus и AV2, но при этом все равно достаточно высок. В то же время примеры искажений текста Августина, явным образом связанные не с фонологией, а с изменением употребления падежей, родов существительных и употребления родовых форм изменяющихся по родам частей речи, в MSAug с трудом обнаруживаются даже в единичных экземплярах, и те, которые все же есть, спорные[2], при том что в PSus и в AV2, как будет видно по

[2] Явным образом имеет отношение к употреблению падежей и альтернативных падежам предложных конструкций только пример fol. 8r una parte вместо ex una parte, но лингвистически объяснить его трудно: замена предложной конструкции на беспредложный лимитационный аблатив плохо вписывается в тенденции развития позднеантичной и раннесредневековой латыни, о которых см. ниже раздел 1.1, так что, возможно, скорее в этом случае следует видеть гаплографию,

дальнейшему тексту статьи, таких примеров явно достаточно много (суммарно в PSus, судя по всему, довольно сильно больше, чем в AV2; как и в предшествующей статье, я буду систематически сопоставлять свои результаты с описанием этого текста в работе Adams 1976).

Соответственно, правдоподобные для VI в. аномалии в рассматриваемых в статье областях, появляющиеся хотя бы в каких-то рукописях PSus, имеют хорошие шансы восходить к оригиналу и должны печататься в тексте при издании памятника. Несколько случаев, в которых неправдоподобность явления или распределение чтений по рукописям, по-видимому, все же указывают на позднее происхождение «аномалии» (см. ниже раздел 1.3 и комментарий к примерам (18) и (20a)), показывают, что внесение изучаемых нами здесь «аномалий» переписчиками все же было возможно, и в одном случае (раздел 1.3) похоже, что мотивировано такое искажение именно особенностями языка переписчика. Однако такие случаи, по-видимому, все же совсем редки, и вероятность, что тот же сценарий имел место в остальных разбираемых в статье примерах, мала. При оценке относительной надежности примеров следует скорее обращать внимание, во-первых, на то, могут ли «аномалии» объясняться иными причинами, чем рассматриваемые нами (ср. комментарий к примерам (11), (12), (14), (15), (19a), (21)), а во-вторых, на их засвидетельствованность в рукописной традиции. В принципе, даже чтение одной поздней рукописи, вопреки всем остальным фиксирующее правдоподобную для VI в. «аномалию», касающуюся разбираемых нами аспектов, в нашем случае следует рассматривать как вероятно верное — однако оно,

---

вызванную тем, чем предлог ex следует за словом lux (контекст этого места, Aug. Gen. litt. 30, выглядит так: …quam lux ex una parte illustrans ex altera faceret tenebras, второе ex в MSAug сохранено). Выглядит как пример касающейся падежей аномалии случай на fol. 14r, где вместо аккузатива librum употреблена форма libri (ср. ниже раздел 1.3), но она может быть спровоцирована следующей далее формой Geneseos (т. е. писец не написал libri в значении libros — множественное число было бы неуместно применительно к книге Бытия, — а подумал по следующему далее генитиву Geneseos, что и слово liber должно быть в генитиве, не разобравшись в идущей затем конструкции). На fol. 6v вместо quo дважды употреблена форма quod, но это, вероятно, замена местоимения на союз, а не одной падежной формы на другую. Этим списком по-видимому релевантные примеры исчерпываются.

разумеется, имеет больше шансов оказаться, к примеру, элементом случайного «шума», совпавшим внешне с интересующими нас особенностями. Учитывая тенденцию рукописей к «нормализации», хорошо зафиксированными можно считать чтения, присутствующее либо одновременно в обоих основных семействах рукописей PSus (Φ и Ψ), либо сразу в нескольких подгруппах семейства Ψ, так как гипархетип Φ сам, по-видимому, был склонен к «нормализации».

При сообщении о рукописных основаниях рассматриваемых вариантов текста я буду исходить из того же набора учитываемых рукописей и той же их классификации, что и в предшествующей статье; я добавляю только одну рукопись *d* (s. xii–xiii, сильно сокращенный текст), принадлежащую к семейству δ. Для удобства я снова приведу список используемых рукописей, сгруппировав их в соответствии с классификацией по семействам[3]:

[Φ = общий источник *P* и *F*]

P – Vaticano, Pal. Lat. 846, fol. 116v–120r (s. ix[1])
ex *P* descripti:
K – Karlsruhe, BLB Aug. Perg. 32, fol. 10v–14r (s. ix[2/4])
Z – Zürich, Zentralbibl. Rh. 81, p. 335–350 (s. x)
F – cod. Fuldensis deperditus, collegii Societatis Iesu Fuldensis, dein Musei Bollandiani Q Ms. 6 (s. ix–x?)

[Ψ = общий источник *AS*βδμ]

A – Paris, BNF Lat. 11884, fol. 155v–159v (s. xi)
S – Paris, BNF Lat. 15437, fol. 110v–115r (s. xi[ex])

[β = общий источник *BWt*α]

B – Bruxelles, Museum Bollandianum 14, fol. 84r–87r (s. ix[2/4])
W – Wien, ÖNB Lat. 357, fol. 158r–165v (s. ix[3/4])
t – Paris, BNF Lat. 9742, p. 102–110 (s. xiii[2/4])

---

[3] Краткое обоснование моей классификации рукописей было представлено на докладе, сделанном 25 мая 2020 г. на семинаре «Современные проблемы антиковедения» в РГГУ; его запись можно найти по ссылке: https://www.youtube.com/watch?v=AYUZqHjndf8&feature=youtu.be. Заглавными буквами по изначальному замыслу обозначались рукописи, которые старше 1100 г., но некоторые датировки впоследствии были уточнены. Неучтенными остаются еще около 20 рукописей, все они созданы позднее 1100 г., за исключением рукописи *E*, о которой см. сл. прим.; вместо нее я использую апограф *r*.

[α = общий источник *hla*]

h – Heiligenkreuz, SB 13, fol. 91v–93v (a. 1183–1200)
l – Lilienfeld, SB 60, fol. 137r–139v (s. xiii$^{1/3}$)
a – Melk, SB 101, fol. 215r–219v (ca. 1470)

[δ = общий источник *Cbdr*]

C – Vaticano, Arch. Cap. S. Pietro A 4, fol. 111v-118r (s. xi)
b – Vaticano, Arch. Cap. S. Pietro A 3, fol. 210v-211r (s. xii–xiii)
ex *b* descriptus:
f – Vaticano, Arch. Cap. S. Pietro A 7, fol. 245r-v (s. xiii–xiv)
d – Roma, Biblioteca Vallicelliana X, fol. 176r-179r (s. xii–xiii)
r – Vaticano, Vat. lat. 6075, fol. 194v-198r (a. 1601)[4]

[μ = общий источник *pvmu Mombr*.]

p – Paris, BNF Lat. 5290, fol. 16v–22r (s. xi^{2})
v – Vaticano, Vat. Lat. 9668, fol. 133v–141r (s. xi)
m – Vaticano, S. Maria Magg. 2 pt. A, fol. 84r–90v (s. xii–xiii)
u – Vaticano, Vat. Lat. 1191, fol. 167v–174r (s. xii$^{3/4}$)
Mombr. – ed. Mediolanensis B.Mombritii a. 1478, T. II, fol. 306r–309r (= Mombrizio 1910: 2.553–559)

Две фрагментарные рукописи не включены в классификацию:

V – Roma, Biblioteca Vallicelliana, Carte Vallicelliane XII.2 (s. viii)
D – Chartres, BM 506 (144), fol. 176v–182r (s. x)

В целом аппарат при описании чтений в статье чаще всего строится как негативный без указания, в каких рукописях на этом месте пропуск, однако наличие места в рукописях *VD* отмечается систематически, т. к. есть теоретическая возмож-

[4] В рукописи *r* эксплицитно сообщается на fol. 208v, что она создана как (по замыслу максимально точная) копия легендария монастыря Св. Цецилии в Трастевере, который долго считался пропавшим; я также исходил из представления, что он утрачен, в докладе, упомянутом в предыдущем примечании. Однако я упустил из виду, что некоторое время назад эта рукопись была обнаружена в ЮАР (Dolbeau 1984); сейчас это Cape Town, National Library of South Africa, Grey Collection 48.b.4–5, текст PSus сохранился в ней на fol. 169r–172r (Steyn 2002: 199). Приятно узнать, что датировка, предложенная мной в докладе для утраченной рукописи по косвенным признакам (XI–XII в.), оказалась верной: сначала рукопись датировали XII в., а теперь датируют 1060–1070 гг. (Vircillo Franklin 2001: 866 n. 26). Я планирую использовать для этой рукописи обозначение *E*; пока она мне недоступна, и я пользуюсь вместо нее апографом.

ность, что они независимы от обоих семейств Φ и Ψ и их чтения обладают равным статусом с соответствующими гипархетипами; тем не менее, хотя это пока не удается доказать, более вероятно, что *V* входит в семейство Ψ (в качестве отдельной ветви?), а *D* — в подгруппу β внутри семейства Ψ. Я также пользуюсь той же системой сокращений при описании чтений рукописи, что и в предшествующей статье:

A^1 — чтение рукописи *A* до исправления;
A^c — исправление в рукописи *A*, сделанное той же рукой, которой написан первоначальный текст;
A^2 — исправление в рукописи *A*, внесенное второй (и т.д.) рукой;
A^x — исправление в рукописи *A*, про которое сложно определить, кем оно внесено (писцом, написавшим первоначальный текст, или кем-то из корректоров).

Текст цитат из PSus я привожу по изданию болландистов (Bolland 1658 + Cuypers 1735, с прибавлением 23 к нумерации глав Куйперса, издавшего отдельно опущенную Болландом концовку памятника), устраняя особенности орфографии изданий XVII–XVIII вв.[5]; при этом не подразумевается, что я в каждом случае считаю болландистский текст верным. Вопрос о том, следует ли в каждом примере принимать присутствующее в рукописях «аномальное» чтение, обсуждается в тексте статьи; обсуждаемый «аномальный» вариант в каждом случае подчеркнут в аппарате.

1. Падежи в PSus

Категория падежа в основном утрачена в романских языках (см., напр.: Salvi 2011: 319–324), поэтому научная литература по поводу падежей в позднеантичной латыни по большей части концентрируется на двух сюжетах, связанных с этим исходом: смешении аккузатива с аблативом и номинативом и вытеснении генитива и датива (и отчасти опять же аблатива) предложными конструкциями, прежде всего с предлогами ad и de (Bourciez 1952: 79–80, Sergievsky 1952: 109–112, Väänänen 1981: 110–117, Alkire, Rosen 187–188, Adams 2013: 201–202, Miglorini 2019: 36).

[5] В частности, я устраняю диакритики, снимаю противопоставления u/v и i/j, а также заменяю стандартными написания caussa, induciae, seculum.

1.1. Употребление предложных конструкций вместо генитива, датива и аблатива

Второй из этих процессов, согласно Дж. Адамсу (Adams 2013: 257–320), не был завершен к концу античности: как он указывает, даже в вестготских свинцовых табличках VII в., по-видимому минимально подверженных влиянию литературного языка, генитив и датив еще вполне живы (ср. Velázquez Soriano 2004: 522–524)[6]. Тем не менее употребление конструкций с ad и de вместо упомянутых падежей в поздней античности явно постепенно расширяется. В случае ad вместо датива это в целом зафиксировано хуже; чаще всего приводят в качестве примера распространение конструкции dico ad (она действительно распространена в PSus, 15 текстологически и интерпретативно непроблемных случаев в моем черновом критическом тексте при 22 непроблемных случаях dico + Dat., без какого бы то ни было различия контекстов, в которых употребляются две конструкции), однако, как указывает Адамс (Adams 2013: 278–282), это не очень удачный пример: dico и другие глаголы речи употребляется с предлогом ad и в классической латыни, но в более узком значении «обращаться к кому-то (с какой-то дистанции, часто об ораторе, обращающемся к толпе)», и в позднеантичном употреблении dico ad наравне с dico + Dat. просто

[6] Можно также добавить в пользу этого тезиса, что и в самых ранних собственно романских текстах есть указания, что предложные конструкции, заменяющие генитив и датив, еще не одержали окончательную победу: в «Страсбургских клятвах» IX в. в значении датива используется форма, соответствующая старофранцузскому косвенному падежу, но без предлога; в «Капуанских тяжбах» X в. еще вполне хорошо сохраняется генитив на -i (Alkire, Rosen 2010: 323–327). Сами по себе такие свидетельства, как и свидетельство вестготских табличек, всегда можно объяснить влиянием литературной латыни, но тезис Адамса заключается скорее в том, что, по-видимому, не существует позднеантичных или раннесредневековых латинских (и можно, вероятно, добавить, и романских) свидетельств, недвусмысленно показывающих, что генитив и датив уже в какой-то существенной степени вытеснены предложными конструкциями. В старофранцузском и старопровансальском также сохранялось некоторое количество форм вроде Francor или crestianor в значении Francorum и Christianorum (Jensen 1986: 32, 1990: 36), но часто считают, что они были переосмыслены как прилагательные; аналогичные формы фиксировались и в разных диалектах Италии (Tekavčič 1979: 2.82, Zamboni 2000: 108). Ср. также прим. 10.

стирается этот нюанс значения, так что в этом случае неправильно говорить об использовании конструкции с ad в качестве заменяющего эквивалента для датива (или по крайней мере неочевидно, что это убедительный пример такого использования). В этом же контексте, вероятно, следует рассматривать и единичный текстологически надежный случай respondeo + ad в неклассическом значении «отвечать кому-то» вместо «отвечать на что-то» (OLD s.u. respondeo 1c) в нашем тексте (PSus 5 Respondit Susanna ad Caium episcopum «Ответила Сусанна епископу Гаю», при полном отсутствии в тексте примеров respondeo с дативом); ср., напр., Luc. 4:5 (Vulg.) Et respondit ad illum Iesus «И ответил ему Иисус». Других примеров употребления конструкции с ad там, где в классической латыни был бы датив, в тексте, по-видимому, нет; в обоих этих случаях можно предположить, что предложная конструкция предназначена придавать тексту библейское звучание[7]. Интересно, что практически не фиксируется следов попыток переписчиков исправлять какую-нибудь из двух конструкций при глаголах речи (только в двух местах PSus зафиксированы сразу два варианта, PSus 5 dixit eis] dixit ad eos *S* и еще одно место в первом предложении PSus 5, где не вполне понятно, следует ли восстанавливать текст так, чтобы ad patrem suum относилось к respondit или к dixit, но так или иначе эта конструкция заменена дативом в рукописи *P*). Похоже, за счет узуса Вульгаты оба варианта довольно стабильно воспринимались как корректные, а значит, информация рукописной традиции о непоследовательности автора текста в выборе конструкции при dico обладает высокой степенью надежности.

Для употребления предлога de вместо генитива и аблатива в PSus есть несколько более надежных примеров, хотя число их все равно невелико. Партитивное употребление de является неклассическим не само по себе, но в тех случаях, когда отсутствует значение отделения (Adams 2013: 267–277). В PSus

[7] Может быть значимо, что более редкий оборот respondeo ad aliquem также встречается в «Страстях четверых увенчанных» (Passio S. Quattuor Coronatorum, BHL 1836, еще одно написанное в Риме мученичество, которое датируют рубежом VI–VII вв.: Guyon 1975, Lanéry 2010: 290–291, Lapidge 2018: 448), если полагаться на текст И. Делеэ (Delehaye 1910): Pass. 4 coron. 4 respondit Simplicius ad Simpronianum «Ответил Симплиций Симпрониану».

есть один надежный пример этого явления (1a) и один возможный (1b):

(1) (a) PSus 28 Eadem hora introiuit unus de seruis Macedonii[8].
«Тотчас же вошел один из слуг Македония».

de] e *Mombr.*

(b) PSus 6 Qui tamen cum magna multitudine et obsequio cum uenisset, non introiuit cum aliquo de obsequio militantium, nisi ipse solus.

«И хотя он пришел с большой толпой и свитой, он не взял с собой никого из сопровождения солдат, но вошел один».

de obsequio *Wtau Mombr.*: de obsequiorum P^1ABC^1d: obsequiorum *r, F? (aut fort.* de obsequiorum *habuit?)*: obsequio SC^xpv: *om. m*

В примере (1b) чтение de obsequiorum, появляющееся в древнейших рукописях обеих ветвей, по-видимому следует восстанавливать в архетипе. Оно явно является ошибочным, т.к. вряд ли объяснимо лингвистически; судя по всему, изначальное чтение с предлогом de было по ошибке смешано переписчиком с «нормализующим» (интерлинеарным?) исправлением obsequiorum, на самом деле предназначенным заменить не только слово после de, но и предлог de вместе с ним. При этом, чтобы объяснить нелогичное множественное число формы obsequiorum, следует, я полагаю, восстановить в изначальном тексте форму de obsequia с вариантом женского рода, хорошо зафиксированным в рукописях при первом употреблении слова в этом предложении (см. ниже пример (14)); вероятно, осуществлявший «нормализующую» правку писец истолковал форму obsequia как Acc. pl. после de (ср.: TLL 5.1.43.30–45) и потому попытался исправить de obsequia на множественное же число obsequiorum. Однако в этом примере, хотя я и толковал его как случай партитивного de в работе Shumilin 2019: 1163, на самом деле в какой-то степени все же можно увидеть значение отделения: персонаж (Клавдий) мог взять с собой кого-то из свиты, отделив от нее, но не стал этого делать. Возможно, следует, таким образом, считать, что пример все же один.

[8] Пример разбирается в Shumilin 2019: 1160. Чтение издания Момбрицио наверняка является результатом «нормализации»; de заменяет в этой фразе на ex также и Л. Зауер в своей парафразе, не опирающейся на текст Момбрицио (Sauer 1573: 603).

Примеров конструкции с de там, где следовало бы ожидать инструментального аблатива, два (второй зафиксирован хуже и в этом смысле немного менее надежен):

(2) (a) PSus 7 …quia de sacrificiis idolorum pollutum est os tuum.
«…ибо уста твои осквернены поклонением идолам».

de] *om. l*

(b) PSus 20 …liniuit eum chrismatis sacramento…
«…помазал его таинством мира…»

de chrismatis sacramento *A*

Отметим, что в обоих случаях также можно увидеть оттенок значения отделения (с первым ср. пассаж из «Страстей Назария и Цельса», BHL 6039, североитальянского текста, датируемого первой половиной V в., Lanéry 2010: 264–266, и доступного только в издании Бонино Момбрицио, Pass. Naz. Cels. p. 331.26–27: Et comprehendentes eum milites duxerunt ad simulacrum, statuentes eum ante aram, ut degustaret aliquid de coinquinatis sacrificiis eorum «И, схватив его [Назария], солдаты подвели его к статуе и поставили у алтаря, чтобы он отведал от оскверненных жертвоприношений их»).

Суммируя, можно сказать, что замещение косвенных падежей предложными конструкциями, хотя, по-видимому, и представлено в PSus, но в целом слабо. Картина в AV2 очень близка, и соответствующие конструкции представлены там даже хуже: Адамс находит только два случая конструкции с ad с глаголами речи (один раз с dico, один раз с выражением do praecepta) и в целом насчитывает 4 случая «замещения датива» и только один случай конструкции de вместо генитива, в целом «один или два случая» «замещения генитива» (Adams 1976: 49–51)[9]. Вероятно, процесс утраты падежей был действительно

[9] Адамс отмечает в AV2 более обширный арсенал предложных конструкций (но с иными предлогами, чем de), соответствующих разным функциям аблатива, и делает отсюда вывод об упадке его независимого употребления, но подсчитать значимые случаи такого рода в PSus сложно, т. к. в основном речь идет о конструкциях, которые уже в классическом языке были вполне возможными эквивалентами для аблатива. К примеру, Адамс обсуждает конструкцию cum gaudio (распространенную и в PSus: 9 примеров в моем черновом критическом тексте), однако уже в классической латыни, где эта конструкция также вполне нормальна (TLL 6.2.1716.8–11), вряд ли можно сказать просто

далек от завершения в языке, на котором говорили авторы обоих текстов; в противном случае сложно было бы объяснить, как вышло, что в текстах, рукописная традиция которых настолько пестрит неклассическими формами, эти явления представлены так плохо.

1.2. Употребление аккузатива вместо номинатива и аблатива

В значении латинских номинатива и аккузатива в романских языках в итоге стала употребляться единая форма, обычно внешне совпадающая с прежним аккузативом (с поправкой на фонологические изменения). В этом случае незавершенность процесса к концу античности (по крайней мере, на части территории империи) общепризнана, т. к. восходящий к аккузативу косвенный падеж, противопоставленный номинативу, полноценно сохранялся еще в старофранцузском и старопровансальском языках; тем не менее процесс, приведший к устранению этой оппозиции, явно шел уже в античности. Однако выявить случаи, когда корректно говорить именно об употреблении аккузатива в значении номинатива, в PSus и других подобных текстах затруднительно по той причине, что многие примеры допускают сразу несколько объяснений, не давая оснований для выбора между ними. В результате позднеантичных изменений латинских гласных вместе с отпадением классической финальной /m/ аккузатив в большинстве случаев фонетически совпал в ед.ч. с аблативом (см.: Shumilin 2020a: 650, 656), а в I склонении результат совпал и с номинативом; соответственно, запись с окончанием -am может не иметь отношения к употреблению аккузатива, а быть просто неверной (гиперкорректной) записью для номинатива или аблатива. Во втором склонении в мужском роде образовавшаяся на большей части империи общая форма аккузатива/аблатива ед.ч. на /-ǫ/ не совпала с номинативом, однако форма на -um/-o, записанная на месте ожидаемого номинатива на -us, также может указывать не на употребление аккузатива вместо номинатива, а на колебания рода у существительного (т. е. на наличие дублета среднего рода для слова

---

gaudio в точно том же значении «с радостью», «радостно». Конструкция cum gaudio действительно получает более широкое распространение в христианских текстах (TLL 6.2.1716.11–17), но, возможно, скорее из-за своей стилистически неприхотливой прямолинейности, а не из-за предложного синтаксиса. Беспредложное употребление аблатива в PSus вполне существует.

мужского рода): см. ниже раздел 2.1. Наконец, в случае аблатива, также потесненного аккузативом, употребление формы аккузатива вместо аблатива даже в тех случаях, где они не совпали[10], трудно отличить от колебаний управления конкретных глаголов и предлогов[11].

Таковы, в частности, три фиксируемых в PSus случая употребления форм аккузатива, не совпавших с аблативом, после предлогов, требующих в классической латыни аблатива:

(3) (a) PSus 17 Domine Deus, Pater Domini nostri Iesu Christi, qui omnibus ad salutem et uitam aeternam misisti Dominum nostrum Iesum Christum, ut nos erueres a tenebris mundi…

«Господи Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа, Который всем во спасение и в вечную жизнь послал Господа нашего Иисуса Христа, чтобы извлечь нас из тьмы мира…»

a tenebris *D cett. (*de tenebris α*)*: a tenebras *B*

[10] На части территории Италии сохранилась оппозиция финальных /-o/ и /-u/, этимологически соответствующих кл. лат. /-ō/ и /-ŭ/ (Loporcaro, Paciaroni 2016: 228–230 и изоглосса 6 на карте 15.1 на с. 229). В соответствии с этим существует теория, что косвенный падеж на /-o/ и аккузатив на /-u/ не совпали в раннероманском языке Италии в целом (Zamboni 2000: 113); согласно В. Форментину, в одном диалекте Лукании еще в XIV в. сохранялось противопоставление аккузативных форм определенного артикля и личного местоимения на -u аблативным на -o, употребление которых ограничено комбинациями с предлогами in и intro (Formentin 1994). Но, конечно, все эти детали картины не противоречат тому тезису, что процесс вытеснения аблатива (в т.ч. аккузативом) активно шел по всей империи уже на рубеже античности и средневековья (во всех подразумеваемых диалектах форма ед.ч. имен бывшего II склонения заканчивается на /-u/, восходящее к кл. лат. /-um/, а не на /-o/).

[11] В PSus также встречаются обороты Nominatiuus absolutus и Accusatiuus absolutus (один пример приведен в Shumilin 2019: 1166), но в научной литературе о них скорее преобладает мнение, что они не являются модификациями конструкции Ablatiuus absolutus, но скорее их происхождение связано с анаколуфами (о Nominatiuus absolutus см. библиографию в статье: Galdi 2017: 69 Anm. 7, об Accusatiuus absolutus см.: Helttula 1987, Adams 1988); судя по всему, их следует рассматривать не как функции падежей, а в более широком контексте распространенных в PSus многообразных анаколуфов (см.: Shumilin 2020a: 644).

(b) PSus 6 [= (1b)] … non introiuit cum aliquo de obsequio militantium, nisi ipse solus.

«…Он не взял с собой никого из сопровождения солдат, но вошел один».

cum aliquo] cum aliquem *AB*[1]*C*[1]*d*

(c) PSus 23 Sed tenuerunt Gabinium Presbyterum cum filia sua Susanna, et Claudium cum uxore sua uel[12] filiis…

«Но были арестованы пресвитер Габиний со своей дочерью Сусанной и Клавдий со своей женой и сыновьями…»

filiis] filios *Bd*: filio *AWhC*: filia *la*

В примере (3c) вариант filio должен быть результатом неудачной попытки «нормализовать» чтение filios, т.к. у Клавдия по сюжету два сына; очевидно, чтение filios следует восстанавливать уже для гипархетипа Ψ и, соответственно, печатать в тексте. Написание uxore также может подразумевать аккузатив.

И для предлога a, и для предлога cum аккузативное управление при этом хорошо зафиксировано в поздней античности: для первого уже, по-видимому, в I в. н.э. (TLL 1.40.20–33)[13], для второго – уже точно с I в. н.э. (Väänänen 1981: 112, TLL

[12] О uel в значении «и» (напрасно исправляемом здесь в изданиях Момбрицио, Зауера и Фарлати на et: Mombrizio 1910: 2.557, Sauer 1573: 602, Farlati 1753: 585 n. bb) см.: Blaise 1962: 838 (s.u. uel 3).

[13] Два несводимых к фонологическим изменениям эпиграфических примера I в., приводимых Э. Ломмачем в статье TLL, правда, оба несколько проблематичны: надпись CIL 6.4355, где фиксируется формулировка ab conseruas pedisequas, датируется на основании информации о том, что она входила в группу эпитафий из «захоронения членов фамилии детей Нерона Друза», однако надежность этих сведений подвергалась сомнению, и к тому же сама надпись уже ко времени издания CIL была утрачена и публиковалась только по сообщениям, которые могут быть искажены (Meloni 2012); надпись CIL 4.2155 происходит из Помпеев, что делает датировку I в. н.э. надежной, но содержащаяся в ней формулировка a puluinar может быть и просто результатом пропуска буквы по ошибке (так, в частности, трактует ее Ж. ДиБьези Сэммонс: DiBiasie Sammons 2019: 207). Из литературных текстов, цитируемых TLL, самый ранний несводимый к фонологическим изменениям пример относится к IV в. (Peregr. Eger. 25.12 a monazontes).

1.1341.61–1343.33). Возможно, следует рассматривать такие случаи отдельно от генерализации аккузатива в целом.

Употребление аккузатива в качестве подлежащего также зафиксировано в рукописях PSus. Как указывает Адамс, это явление в поздней античности ограничено специальными контекстами: в частности, когда глагол стоит в пассиве (Adams 2013: 239–245, ср. ниже примеры (4a–b)), или при личной форме глагола sum (Adams 2013: 245–249, ср. ниже пример (4c)). Примеры в PSus укладываются в эту схему.

(4) (a) PSus 2 Quid melius, eligere dignius est, quam ut generositas nostrae coniunctionis reparetur per claritatem Dominorum nostrorum Augustorum?

«Что достойнее выбрать, чем чтобы благородство наших родственных уз обновилось через славу господ наших императоров?»

generositas] generositatem W^1d

(b) PSus 3 Nos humiles unde digni sumus cognati dici maiorum?

«С чего мы, ничтожные, вдруг достойны назваться родственниками великих?»

cognati *tαmu*: cognationi $PABC^1d$: cognatione SW^1 *(ut uidetur)* C^2p^1v *Mombr.*: cognitione *F, ut uidetur*: cognatio W^x: de cognatione p^x: cognationis *r* | dici] digni *Cd*

(c) PSus 6 Si causae aliae sunt…

«Если есть другие причины…»

causae aliae] causas alia B^1: alia causa *C*

В примере 4b распределение чтений по рукописям указывает, что в архетипе должно было быть чтение cognationi; вариант cognatione, по-видимому, является попыткой адаптировать это чтение к управлению слова digni, прочие рукописные варианты также представляют собой результаты усилий по приведению текста к грамматичному облику. Чтение cognationi, вероятно, следует трактовать как запись аккузатива с опущенным <-m> и обозначением <i> для предшествующего /ę/; о значении «родня» для слова cognatio см.: TLL 3.1477.56–1478.45, оно является классическим.

В AV2 явлений, подобных описанным в настоящем разделе, по-видимому, не фиксируется вообще. В этом случае PSus резко контрастирует с ним, являясь яркой иллюстрацией тенденций, приведших к ситуации, известной по романским

языкам, и оказываясь скорее в одном ряду с такими источниками, как «Муломедицина Хирона» (IV в.), «Бамбергская физика Плиния» (V–VI в.), Устав св. Бенедикта (VI в.) или «Салернитанская хроника» (X в.)[14]. Может создаться впечатление, что примеры этого раздела недостаточно многочисленны, но нужно иметь в виду, что это только случаи, прошедшие через сразу два фильтра. Во-первых, как видно по раскладу рукописных чтений в каждом из случаев, относящиеся к настоящему разделу случаи, в отличие от относящихся к предыдущему, неизменно активно правились «нормализующими» писцами; вероятно, часть таких случаев, присутствовавших в изначальном тексте PSus, должна была быть исправлена во всей дошедшей до нас части традиции. Во-вторых, фильтром служит и омонимия форм: вполне возможно, что какие-то из встречающихся в тексте форм, выглядящих как «правильно» употребленные номинативы и аблативы, на самом деле являются неклассическим образом записанными аккузативами; мы «видим» только те случаи, когда омонимии нет. Если делать скидку на эти два фильтра, то примеры настоящего раздела, вероятно, следует считать достаточно многочисленными.

---

[14] А. Эннерфорс обращал внимание, что большинство источников в этом ряду созданы в Италии, но Адамс указывает, что вполне есть и примеры из других частей империи: Önnerfors 1975: 9, Adams 2013: 244. Ср. также в «Страстях св. Квирина» (BHL 7035), агиографическом тексте из Паннонии, изначальный вариант которого, по-видимому, относится к V в. и для которого существует основанное на полном изучении рукописной традиции критическое издание П. Кьезы, благодаря которому можно быть уверенным в тексте цитаты (Chiesa 2013), Pass. Quir. 3.2: Iniurias quas mihi minaris gloria est «Обиды, которыми ты угрожаешь мне, — это [для меня] слава». Теоретически эту фразу можно интерпретировать как случай аттракции или анаколуфа, и Д. Норберг, собравший ряд похожих примеров, трактовал их именно как аттракцию (Norberg 1943: 75–80); однако интересно, что в точно соответствующих по устройству примерах из его списка (подлежащие в аккузативе — определительное придаточное, начинающееся с относительного местоимения в аккузативе — продолжение главного предложения без анафорического местоимения, относящегося к подлежащему) сказуемое также всегда либо выражено пассивной формой глагола, либо включает в себя глагол sum. Вероятно, Норберг прав, что в ранних случаях такой конструкции следует видеть аттракцию, но она, похоже, имеет отношение и к формированию интересующего нас употребления аккузатива.

1.3. Особый случай

В двух рукописях из разных ветвей внутри семейства Ψ также присутствует один случай, который можно трактовать как употребление номинатива в значении аккузатива:

(5) PSus 3 Indutias mihi date…
«Дайте мне отсрочку…»

indutias] indutiam *C*: indutie *Wd*

Чтение рукописи *C* можно было бы объяснить вариантами античной идиомы (ср.: TLL 7.1.1277.80–82; итал. indugia восходит к форме ед.ч. indutia: REW 4388), но вариант рукописей *Wd*, видеть в котором несколько раз независимо возникшую ошибку вряд ли возможно, должен указывать, что indutie было чтением рукописи Ψ, в основном исправляемым переписчиками на indutias, но сохранившемся в гипархетипе δ (от которого зависят и *C*, и *d*) и исправленным на ед.ч. indutiam писцом рукописи *C* либо писцом какой-то рукописи, стоящей между δ и *C*. Вся группа δ состоит исключительно из созданных в Риме рукописей[15], так что в любом случае с большой вероятностью можно предположить, что этот писец был из Италии (судя по датировке рукописи *C*[16], он работал не позднее XI в.); он мог находиться под влиянием известного ему варианта народного языка.

Интереснее сам вариант indutie, выглядящий как явно более сложное чтение. Его можно соотнести с итало-романским окончанием -e, используемым для несклоняемой формы мн. ч. бывшего первого склонения, т. е. в т. ч. и в функции аккузатива. Происхождение этого окончания дискуссионно: традиционно его возводили к лат. номинативу мн.ч. на -ae (напр.: Rohlfs 1966–1969: 2.25, Migliorini 2019: 96), но сейчас популярна трактовка, предложенная после некоторых предшественников М. Мейденом (Maiden 1996), согласно которой речь идет о регулярном развитии лат. окончания -as (/-as/ > /-aj/ > /-e/, ср. староитал. ame < лат. amas, итал. noi < лат. nos: см., напр.:

[15] О рукописи *C* см.: Supino Martini 1987: 68–71, о рукописях *b* и *f* – Vircillo Franklin 2004: 536, о рукописи *d* — Vircillo Franklin 2004: 533, о рукописи *E* (антиграфе рукописи *r*, см. выше прим. 4) — Vircillo Franklin 2001: 866 n. 26. О связи легендариев римских церквей в целом см.: Vircillo Franklin 2001.

[16] См.: Supino Martini 1987: 68–71.

Faraoni 2014, Lampitelli 2014). С этим явлением также часто связывают тот факт, что и в итальянских диалектах, и в средневековых итальянских документах на месте латинского окончания -as встречается и просто окончание -a (Rohlfs 1966–1969: 2.27–30). Если верна концепция Мейдена, то данную форму в нашем тексте, если вообще связывать ее с итальянским окончанием мн. ч., следовало связывать с фонологическими изменениями и рассматривать в нашей предыдущей статье. В то же время М. Барбато указывает, что по крайней мере одна южноитальянская диалектальная форма не получает объяснения в рамках теории Мейдена (Barbato 2010); существуют и ученые, которые допускают, что два объяснения совместимы и имел место полигенез окончания -e (Tekavčič 1979: 2.52, ср. также: Alkire, Rosen 2010: 189).

Каким бы ни было объяснение, окончание <-(a)e> достаточно свободно употребляется вместо <-as> в мн. ч. I склонения в раннесредневековых латинских документах, созданных на территории Италии. Попытка выстроить хронологию для этого явления была сделана В. Фараони на основе т. н. «свободных» (т. е. не формульных) частей «Лангобардского дипломатического корпуса» и аналогичных документов для более поздних эпох; согласно нему, <-e> употребляется на равных с <-as> в документах из центральной и южной Италии и Тосканы начиная с VIII в., а в IX в. <-e> уже вытесняет <-as>; в северной Италии тот же процесс идет с запозданием на столетие (Faraoni 2014: 113). С точки зрения этих дат, однако, появление такого окончания в нашем тексте выглядит, вероятно, неправдоподобно ранним (даже если исходить из традиционного объяснения, не требующего в этом случае постулировать завершение сразу нескольких этапов фонологического процесса к VI в.). Конечно, можно найти отдельные примеры VI в., которые теоретически можно было бы считать другими ранними иллюстрациями того же самого изменения (напр., Anon. Val. II 82 synagogas, quae incendio concremauerunt «синагоги, которые сожгли пожаром», где Адамс видит фоссилизацию формы quae, употребленной в значении quas (Adams 1976: 88)[17]; с формами

[17] Возможно, скорее стоит думать о непереходном употреблении concremo в значении «сгорать»? Ср.: TLL 4.1154.44–45, где приводятся два примера на cremo в значении «сгорать» (один из трудно датируемого глоссария, другой из хронологически близкого к AV2 Венанция Фортуната).

на <-a> вместо <-as> можно было бы сопоставить форму прилагательного в тексте рукописи *B* causas alia в примере (4c) выше, которую иначе следует, вероятно, считать ошибкой, породившей и чтение рукописи *C*)[18]. Однако таких примеров явно будет мало, и аргументация в целом будет натянутой; больше похоже, что в этом случае перед нами все-таки морфологический вариант, внесенный в текст при переписывании. Сразу несколько по-видимому независимых ветвей внутри семейства Ψ полностью (δ)[19] или частично (βμ)[20] представлены итальянскими рукописями, что вместе с тем фактом, что текст был создан в Италии, заставляет предположить, что сама рукопись Ψ тоже была итальянской; если судить по датировкам входящих в семейство Ψ рукописей, ее создание вполне может относиться к VIII в.[21] Вероятно, следует считать, что чтение indutie не восходит к оригинальному тексту, но что работавший в VIII в. итальянский писец рукописи Ψ (или ее близкого по дате антиграфа)[22] записал окончание -as как -e (возможно, потому, что оно было произнесено в рамках диктовки или внутренней диктовки в соответствии с происшедшими фонологическими изменениями?). Возможно, на основании прослеженной Фараони географической дистрибуции следует сделать предположение, что эта рукопись была создана не севернее Тосканы.

---

[18] Я упустил из виду этот пример, когда писал в предшествующей статье (Shumilin 2020a: 644), что «[в] рукописях PSus… нет ни одного явного случая пропуска ожидаемой финальной буквы <-s>».

[19] См. выше прим. 15.

[20] О месте создания рукописи *W* («вероятно, северная Италия») см. Bischoff 2014: 477, о месте создания рукописи *u* (Рим или окрестности) — Dolbeau 1975: 398; издание *Mombr*. вышло в Милане. Чтение conseruas вместо respicis в PSus 15, фиксируемое из используемых мной рукописей только в *A*, было также известно жившему в Риме Чезаре Баронио (Baronio 1590: 653C), что скорее всего подразумевает, что у *A* также были какие-то близкие родственники в Италии; возможно, они еще будут обнаружены при дальнейшем изучении рукописной традиции.

[21] Если допустить, что фрагмент *V* не относится к семейству Ψ, то речь также может идти о самом начале IX в.

[22] Теоретически не исключено, что этим антиграфом был архетип всей традиции; создатель гипархетипа второго основного семейства, Φ, явно был склонен к «нормализации» и мог также исправить неклассичную форму архетипа.

2. Род

Ситуация с изучением позднеантичного развития латинской категории рода отчасти схожа с ситуацией с изучением падежной системы. Здесь в центре внимания обычно оказывается средний род, в целом отсутствующий в романских языках. С латинским средним родом часто связывают некоторые романские реликты, в особенности характерный для румынского и для диалектов Италии «обоюдный род» (к которому относятся существительные, с которыми зависимые слова согласуются по мужскому роду в ед. ч. и по женскому в мн. ч.) и распространенный в центральных и южных итальянских диалектах особый «неисчисляемый род»; в недавней монографии об этом вопросе Микеле Лопоркаро доказывает, что в средневековых вариантах романских языков практически везде какое-то время сохранялся и полноценный средний род, подобный латинскому, к которому и восходят эти реликты и который на самом деле даже выжил в диалекте г. Вербикаро в северной Калабрии, где во множественном числе противопоставляются ɪ piə̯ðə ɣruə̯ssə «большие ноги» (m), ɪ labbra ɣrɔssa/ɣrɔssə «большие губы» (n) и ɪ ma:nə ɣrɔssə «большие руки» (f) (Loporcaro 2018). Но то, что процесс перераспределения слов среднего рода по другим родам, очевидно, не был завершен к концу античности, конечно, тоже не значит, что его не было; он хорошо виден и по материалу рукописей PSus.

Лопоркаро обращает внимание, что в случае латыни следует различать собственно синтагматическое понимание рода (Corbett 1991: 1: «Родами называются классы существительных, влияющие на поведение зависимых слов») и род в чисто парадигматическом смысле, т. е. тогда, когда на него указывает морфология (т. н. «открытый род», overt gender): напр., когда латинское существительное среднего рода второго склонения оканчивается в номинативе на -us, это, очевидно, значит, что оно перешло в мужской род, даже если для этого тезиса нет синтагматических аргументов. Посвященные роду слов разделы словарных статей в TLL, к примеру, обычно игнорируют это различие. Соответственно, в следующих далее таблицах мы будем характеризовать каждый пример следующими пометками: ^{С} = синтагматически засвидетельствованный род (астериск после С указывает, что только часть зависимых от существительного слов в данном примере согласованы по аномальному роду); ^{П} = парадигматически засвидетельствованный род;

$^{С+П}$ = и синтагматически, и парадигматически засвидетельствованный род; записи вроде $^{С/С+П}$ будут обозначать колебания по этому параметру в рукописях текста.

2.1. Род существительных

Случаи неклассического рода у существительных в PSus перечислены ниже в таб. 1–3; в графе «пассажи в PSus» перечислены ссылки на примеры, приведенные списком после таблицы.

m вместо n

слово	пассажи в PSus	параллели	романские рефлексы[23]
genus	(6a–b)^{С*}	Commodianus (v)^{С*} (TLL 6.2.1885.46–47)	много слов м.р. (REW 3738)
lumen	(7a–b)^{С}	Iren. Lat. (iii/iv)^{С*}, Serm. Arian. frg. (iv/v)^{С}, Fulg. Rusp. (v/vi)^{С*}, Oribas. Lat. (vi)^{С} (TLL 7.2.2.1810.54–59), Actus Petri cum Simone 20 (iii/iv)^{С}	много слов м.р., исп. lumbre f, катал. llum f, рум. lume f, lumină f (REW 5161), логуд. luma f (Rubattu 2006: 1.47)
onus	(8)^{С}	Gesta Liberii (vi)^{С} (TLL 9.2.643.2–3)	логуд. onus m (REW 6066)
palatium	(9)$^{С+П}$	Anon. Val. II 71 (vi)^{С}, Vocabularium S. Galli (viii)^{П}	много слов м.р. (REW 6159)
signum	(10)$^{С/С+П}$	Vetus Latina (ii/iii, in cod. s. viii)^{С}, Oribas. Lat. (vi)$^{?}$ (Souter 1949: 378), Reg. Bened. (vi)$^{С+П}$ (Blaise 1962: 760), ?Actus Petri cum Simone 12, 38 (iii/iv)^{С}	много слов м.р., исп. seña f, порт. senha f, неап. senga f (REW 7908)

[23] Списки романских рефлексов «аномального» рода не претендуют на полноту, особенно в том, что касается итальянских диалектов. Также следует иметь в виду, что в литературе по итальянским диалектам часто используется упрощенная орфография.

f вместо n

слово	пассажи в PSus	параллели	романские рефлексы
chrisma	(11)^{П}	?Ps. Orig. (iv?)^{П}, Lib. pontif. (vi)^{П}, Montanus (vi?)^{П}, Isid. (vii)^{П} (TLL 3.1027.33–36), ?Caesar. Arelat. (vi)^{П} (Souter 1949: 49), Missale Gothicum (vii)^{П} (Blaise 1962: 148)	ит. cresima f, фр. chrême m, crème f (REW 1887)
gaudium	(12)$^{С+П}$	Greg. Tur. (vi)$^{П, С+П}$, ?Gloss.^{П} (TLL 6.2.1711.68–73)	много слов м.р., фр. joie f (REW 3705, ср. также REW 3704 пьем., бреш. ğola < *gaudiola)
gestum	(13)^{П}	Lib. pontif. (vi)^{П} (TLL 6.2.1948.61–62), ?Passio S. Quattuor Coronatorum (vi)^{П} (Blaise 1962: 375)	старофр. geste f, пров. gesta f (REW 3749)
obsequium	(14)^{П}	?Gloss.^{П} (TLL 9.2.180.78)[24]	—
rheuma	(15)^{П}	Isid. (vii)^{П} (Blaise 1962: 724)	фр. rhume m (во многих диалектах f: FEW 10.376–377), исп. reuma m, ит. rema f (староит. reuma m/f), пров. rauma f, порт. reuma f (REW 7288)
studium	(16)^{П}	—	много слов м.р., фр. étude f (REW 8326)
uirgultum	(17)$^{С+П}$	Peregr. Eger. (iv)^{П}, Diosc. Lat. (vi)$^{С+П}$, Oribas. Lat. (vi)^{П} (Souter 1949: 444), Greg. Tur. Glor. conf. 23 p. 313.15–16 Krusch (vi)$^{С/С+П}$, Isid. Etym. 17.7.71 (vii)^{П}	—

[24] Мн.ч. obsequiae в значении exsequiae «похороны», очевидно, следует считать отдельным словом.

m вместо f

слово	пассажи в PSus	параллели	романские рефлексы
peluis	(18)^{П}	–	–

Таб. 1–3. «Аномальный» род существительных в PSus

(6) (a) PSus 6 Nihil enim melius esse cognouimus, quam ut generatio nostra ad infulas imperii migrare festinet, et genus nostrum augeatur sublimitate praeclarum.

«Ведь не ведомо нам ничего лучшего, чем чтобы семья наша поспешила приблизиться к инфулам императорской власти и чтобы род наш возвеличился, прославлен вознесением к высотам».

praeclarum *D cett.*: praeclarus *ABC*^{1}: praeclarius *t*: praeclara *S*μ

(b) PSus 8 Hoc autem quod agere uenisti; Dominus te redimere uult per puellae petitionem, ut saluum sit genus nostrum.

«Что же до того, что ты пришел сделать, то это Господь хочет спасти тебя через сватовство к девушке, чтобы спасся род наш».

saluum] saluus *A*^{1}*SB*^{1} : saluu$^{\supset}$ (= saluuus*?*) *C*

(7) (a) PSus 11 Vidi lumen splendidius sole illuminans me.

«Я видел свет более ослепительный, чем солнце, озаривший меня».

lumen] lucem *C*^{2} | splendidius *D cett.* (splendius *Sm*^{1}): splendidiorem *B*^{1}*C*: splendidiore *A*: splendidum *dr*: splendidi *B*^{x} | inluminans *P*^{x}*Sth*^{x}μ *(*inluminan *B*^{x}*,* illuminas *l*^{2}*)*: inluminantem *P*^{1}*B*^{1}*W*α*Cr*: inluminante *A*: illuminare *d*

(b) PSus 15 …quia tu es lumen uerum in saecula saeculorum.

«…ибо Ты есть свет истинный во веки веков».

uerum *D cett.* (eternum *l*): uerus *B*^{1}

(8) PSus 8 Nullum onus peccatorum peius est quam ut idolis coinquinetur homo, quem Dominus Deus fecit.

«Нет бремени грехов худшего, чем чтобы поклонением идолам осквернял себя человек, которого создал Господь Бог».

nullum] nullus *A*^{1}*Bt* | (h)onus peccatorum *cett.*: bonus peccator *B*: honos peccatorum *W*: hominum peccatorum *Z*: tam peccatorum *t* | peius *P Bolland (sc. ex F?)*: pessimus *Bt, etiam ex numero litterarum V, qui habet …*]s *(*pessimum *C*^{1} *Mombr.)*: tam pessimus *A*^{1}: tam pessimum *A*^{x}*Srmu*: adeo pessimum *C*^{2}: plus pessimum *W*α: sic pessimum *pv*

В примере (8) верное чтение вместо peius, по-видимому, pessimus (всячески исправлявшееся в разных рукописях): о таком употреблении суперлатива в значении компаратива см.: Hofmann, Szantyr 1965: 594, Rönsch 1869: 417–418. Бессмысленное исправление bonus peccator вместо honus peccatorum в *B*, очевидно, спровоцировано мужским родом слов nullus и pessimus и указывает, что в рукописи β был тот же текст, что и изначально в *A* (но без tam).

(9) PSus 25 Non coinquinetur palatium nostrum…
«Да не будет осквернен наш дворец…»

palatium nostrum] palatius noster B^1W (palatiu noster B^x, *ut uidetur)*

(10) PSus 29 …ab eodem tempore iam tale erat signum Christianis…
«…с того времени так и стали называть это место христиане…»[25]

tale erat signum] talis erat signus B^1: talis erat signum *ACd*

(11) PSus 11 Eadem hora, B. Caius Episcopus liniuit eum chrismate…
«В тот же час блаженный епископ Гай умастил его миром…»

chrismate] chrisma $PABWhaC^1$

В примере (11) чтение chrisma (явно верное) теоретически можно истолковать как аккузатив ср. р., употребленный вместо инструментального аблатива, но параллели для именно такой формы генерализации аккузатива (употребления его вместо инструментального аблатива) найти сложно, и правдоподобнее увидеть здесь аблатив ж.р. (ср. параллели в таб. 2).

(12) PSus 6 Cognouit sanctitas uestra, pro quo gaudio uenerim ad uos.
«Ведает святость ваша, из-за какой радости я пришел к вам».

pro quo gaudio] pro qua gaudia B^1: pro qua gaudens *W*: pro qua gaudii causa *S*: pro qua causa μ: pro quo gaudens α: pro quibus gaudiis *r*

Пример (12) разбирался мной в работе Shumilin 2020a: 644–645. Судя по всему, чтение, которое объяснит все остальные как «нормализующие», — это pro qua gaudia; форму gaudia после

[25] Лапидж (Lapidge 2018: 286) переводит it had great significance for the Christians, но (даже если такое понимание слова signum вообще возможно) контекст скорее подразумевает для signus/signum значение «имя», см.: Blaise 1962: 760 (s.u. signum 4).

pro можно было бы истолковать как Acc. pl. среднего рода (ср. выше раздел 1.2 и TLL 10.2.2.1437.13–40), как, очевидно, понял переписчик, породивший нормализацию рукописи *r* pro quibus gaudiis, но местоимение qua дает понять, что речь об аблативе ед.ч. женского рода.

(13) PSus 21 …qui magis gesta sanctorum Martyrum colligens ornabat…

«…он, собирая деяния святых мучеников, возносил их похвалами…»[26]

gesta sanctorum martyrum *tha Bolland* (gesta martyrum sanctorum *DSB*^{x}*rmu Mombr.,* martyrum gesta sanctorum *C*^{x}*,* gesta sanctorum *pv)*: <u>gestas martyrum sanctorum *PAB*^{1}*W*</u> (martyrum gestas sanctorum *C*^{1}, gestas sanctorum martyrum *l*)

(14) PSus 6 [= (1b)] Qui tamen cum magna multitudine et obsequio cum uenisset…

«И хотя он пришел с большой толпой и свитой…».

obsequio] <u>obsequia *DAB*^{1}*C*</u>: obsequiis *SW*α

В тексте, следующем непосредственно за примером (14), выражение de obsequio также явно следует исправить на de obsequia: см. выше пример (1b) и комментарий к нему. Теоретически форма obsequia может быть истолкована как Acc. pl. (так, видимо, понял писец, породивший «нормализацию» obsequiis), но, если эпитет magna относится к обоим существительным, что было бы логичнее, то фраза будет менее шероховатой, если obsequia — это ед.ч., и ср. также возможную параллель в таб. 2.

(15) PSus 23 …iussit… Claudium et Praepedignam et Alexandrum et Maximum in Ostia in rheuma iactari.

«…[Диоклетиан] приказал… Клавдия, и Препедигну, и Александра, и Максима в Остии утопить в море».

reuma *cett*. (rheuma *Mombr. Bolland*, reuina *t*, rema *S*^{1}): <u>reumam *W*</u>: reumate *m*^{x}

[26] О magis в значении «очень», «очень сильно» см.: TLL 8.56.70–57.36, и ср. также PSus 22 magis confortata est «очень приободрилась».

В примере (15) <-m> в форме reumam может быть гиперкорректным, но ср. выше переход в женский род слова с тем же суффиксом в примере (11) и параллели в таб. 2.

(16) PSus 1 …et erat eruditus in omni mundanae artis studio litterarum.
«…и был он образован во всякой учености мирских наук».

studio] studia *S*[1]

(17) PSus 3 …quia iustum est, ut ex radice firma uirgultae natae non separentur…
«…ибо справедливо, чтобы поросль, происходящая от крепкого корня, не отделялась от него…»

uirgultae natae *PFABWαC*[1]*dr Mombr.*: uirgulta nata *StC*[2]*pv*: uirgulae natae *mu*

(18) PSus 11 Et respondit Claudius stans nudus super peluim ligneum…
«И Клавдий, стоя нагой в деревянной купели, отвечал…»

ligneum *DPASBWC*[1]*rv*: ligneam *tαC*[2]*dpmu Mombr.*

Почти все случаи в PSus связаны со средним родом (что касается случая (18), то, хотя он и очень хорошо зафиксирован в рукописях, его, возможно, стоит считать сомнительным: для него нет параллелей ни в античных текстах, ни в романских языках, и вполне можно представить, что на самом деле речь о механической ошибке в архетипе, порожденной сходством букв a и u в минускуле и схожих шрифтах вроде полуунциала)[27]. Адамс показывает, что та же самая тенденция хорошо видна уже для Петрония (28 случаев необычного рода из 29 связаны со средним родом, хотя сюда входит и средний род на месте ожидаемых мужского и женского), при том что она скорее не прослеживается в корпусе Плавта (Adams 2013: 392–424). При этом обычно пишут, что основным направлением перераспределения было n > m, в то время как перераспределение n > f скорее было более или менее маргинальным явлением (Nunes

[27] Традиция PSus явно должна была пройти через написанные такими шрифтами рукописи на стадии, предшествующей созданию архетипа, судя по явно верной конъектуре Л. Дюшена Thomos вместо C(h)omos в PSus 23 (Duchesne 1916: 38–39; С. Ланери и М. Лапидж игнорируют ее, см. Lanéry 2010: 149, Lapidge 2018: 283 n. 40, даже при том что первая вслед за И. Делеэ признает верной стоящую за конъектурой интерпретацию генезиса текста: Delehaye 1936: 24, Lanéry 2010: 152).

1975: 221, Polinsky, van Everbroeck 2003: 379, Coseriu 2008: 78, Loporcaro 2018: 14, 19, 232). Этот вывод, по-видимому, действительно следует из распределения слов бывшего среднего рода по родам в романских языках и также релевантен для романа Петрония (15 случаев n > m против 5 случаев n > f). Тем не менее, если смотреть на встречающиеся в PSus примеры, картина будет противоположной: случаи n > f даже несколько преобладают над случаями n > m. В этом отношении текст PSus опять схож с AV2 (хотя в последнем та же тенденция выражена не так ярко: Адамс находит в нем 5 случаев n > m против 4 случаев n > f, плюс помимо этого еще 3 случая перехода слов мужского и женского рода, во всех случаях IV склонения, в средний род: Adams 1976: 90) и также с корпусом Григория Турского (в очерке Бонне указано 16 случаев n > m против 21 случая n > f, помимо этого еще много примеров переходов m > n и f > n: Bonnet 1890: 345–354). Очевидно, на этапе процесса утраты среднего рода, соответствующем VI в., перераспределение n > f на какое-то время вышло на более заметное место.

Переход среднего рода в женский, все время мотивируемый внешней формой слова (исходом ед. ч. у греческих заимствований на -ma и мн.ч. на -a у остальных слов)[28], дает возможность парадигматического выделения смены рода по всей парадигме, очевидно, поэтому в таб. 2 преобладают такие примеры (и в PSus, и среди параллелей); переход в мужской род, при котором такие возможности более ограниченны, чаще виден по синтагматическим признакам (тоже и в PSus, и среди параллелей). Слова среднего рода третьего склонения на -us (genus, onus, ср. также в AV2 corpus, ср.: TLL 4.999.19–22, у Григория Турского uulnus, ср.: Souter 1949: 452) также, по-видимому, переходят в мужской род под влиянием внешней формы, но при этом в известных нам примерах IV–VI вв. интересным образом не меняют склонения, меняя только согласование[29].

---

[28] Последний механизм в некоторых случаях виден и в значении: так, gesta, -ae f обычно, по-видимому, значит именно «(единичный) нарратив о (множественных) деяниях (мученика)», в то время как мн. ч. gestae используется для указания на множественное число таких нарративов.

[29] Ср. итал. corpo, мн.ч. corpi, подразумевающее, что последний слог начальной формы слова был переосмыслен как окончание. При этом, как указывает TLIO s.u., в средневековых итальянских текстах распро-

2.2. Согласование по роду в отсутствие главного слова – существительного

При этом в PSus, возможно, есть примеры вытеснения среднего рода мужским в одной области, в которой античные параллели (по крайней мере, общепризнанные) найти сложно.

Лопоркаро указывает, что одной из функций латинского среднего рода, за которой имеет смысл следить при переходе к романским языкам, является, в терминологии Г. Корбетта, «резумпция/прономинализация неканонических контроллеров»; в частности, среди прочего, именно средний род используется для согласования с местоимениями в значениях «это», «что», «всё», «что бы ни» и т. п., когда они не отсылают к конкретному именному антецеденту (Loporcaro 2018: 22–24). В романских языках сохранилось некоторое количество местоимений со значением латинского среднего рода, но прилагательные обычно согласуются с ними по мужскому роду, и похоже, что два аналогичных латинских примера сохранены рукописями PSus:

(19) (a) PSus 2 [= (4a)] Quid melius, eligere dignius est, quam ut generositas nostrae coniunctionis reparetur per claritatem Dominorum nostrorum Augustorum?

«Что достойнее выбрать, чем чтобы благородство наших родственных уз обновилось через славу господ наших императоров?»

dignius est *ZB, F? (*digniusue est α*)*: <u>dignus est *SW*^{1}*C*^{1}*u*</u> (dignus *d*): dignus es *PA Mombr.*: dignum est *tC*^{x}*rm*: est *W*^{x}: dignatus est *pv*$^{x?}$: dignatus es *v*$^{1?}$

(b) PSus 18 Quidquid a Deo datur, sempiternum est.

«Что дается от Бога, то навеки».

sempiternum est] <u>sempiternus *B*^{1}</u>

Конечно, здесь следует быть осторожным. Ситуация с рукописями в примере (19a) допускает несколько трактовок. В пользу чтения издания Болланда dignius est можно привести тот довод, что оно, возможно, зафиксировано сразу и в семействе Φ, и в семействе Ψ; если это так, то оно, вероятно, должно восходить к архетипу. Правда, данные рукописей семейства Φ

странено и мн. ч. corpora, согласование с которым идет по женскому роду (а сицилийский аббат XIV в. Анджело Сенизио пишет это слово как corpore, мн. ч. corpori, мужского рода в обоих числах).

двусмысленны: рукопись *Z* зависит от *P*, дающей чтение dignus es, но добавляет к ней некоторые другие чтения, по-видимому происходящие из семейства Ψ, так что ее появление здесь малоинформативно; более уверенно можно говорить о присутствии чтения dignius est в непосредственно зависящих от гипархетипа Φ рукописях, если чтение dignius фигурировало в утраченной рукописи *F*, но вывод об этом корректен только в том случае, если примечание использовавшего рукопись *F* Я. Болланда к этому месту («*Mombr.* dignus es») устроено по принципу негативного критического аппарата. Также использовавшаяся Болландом рукопись *t* дает пропущенное в этой записи чтение dignum est, но Болланд мог опустить ее вариант как чтение второстепенной рукописи или по ошибке; тем не менее уверенным в негативности записи Болланда быть сложно, возможно, в *F* на самом деле было какое-то еще чтение. Что касается самого текста melius… dignius, то видеть в нем две однородных сравнительных степени без союза, как, судя по пунктуации, делал Болланд (за которым следует в своем переводе и Лапидж: Lapidge 2018: 273), вряд ли удачное решение, но можно также увидеть здесь плеонастическую сравнительную степень наподобие magis doctior, каковые осуждаются античными грамматиками и периодически фиксируются в позднеантичных текстах (Hofmann, Szantyr 1972: 166–167). Плеоназм мог спровоцировать независимые исправления текста со стороны писцов.

Некоторой привлекательностью обладает и по-видимому конъектуральное решение кого-то из корректоров рукописи *W* (некоторые из которых склонны к конъектурам) удалить форму прилагательного dignus из текста: ср. пример (6а) выше; dignius, если это чтение архетипа, могло быть вползшей в текст глоссой к melius.

Тем не менее единственное чтение, делающее полностью понятным происхождение всех остальных вариантов, — это, по-видимому, все же вариант dignus est, и то, что оно вместе с близкими вариантами фиксируется в целом ряде ветвей семейства Ψ наряду с рукописью *P* из семейства Φ, вполне позволяет считать, что чтением архетипа было именно оно; что dignius было несколько раз независимо исправлено на dignus, представить скорее сложно; максимум можно думать о наличии двух вариантов уже в архетипе. Вероятно, не имеющее

очевидных параллелей[30] употребление мужского рода все же не следует печатать в тексте в издании и следует оставить в аппарате, но отнестись к нему все же следует со всей серьезностью, учитывая, что таких случаев в рукописях текста два и что они в целом правдоподобны с точки зрения общих тенденций развития раннесредневековой латыни и ранних романских языков (melius dignus при этом будет эквивалентом сравнительной степени, о котором см.: Hofmann, Szantyr 1972: 166, E. Löfstedt 1956: 2.383–384; он сохранился в старофранцузском, провансальском и каталанском: Meyer-Lübke 1890–1906: 3.1.245). В романских языках, сохранивших противопоставление среднего и мужского рода в формах прилагательных (напр., старофранцузском, старопровансальском), в соответствующей функции используется средний род, но, как указывает Ф. Йенсен (Jensen 1990: 76), возможность замещения его мужским родом при этом тоже существует: ср. Chrétien de Troyes, Cligès 3214 (XII в., старофр.) Rien n'i est aigres n'amers «Нет в нем ничего резкого (m) или горького (m)», Vidas dels trobadors 38.E.31 (XIII–XIV в., старопров.) So qe·ll era ditz non era vertatz «То, что ему было сказано (m), не было правдой». Представить, что такие случаи становятся возможными уже в сохраняющей средний род, но постепенно передающей его функции мужскому (и женскому) позднеантичной латыни, вероятно, тоже можно; ситуация с использованием рода в этой функции, характерная для старофранцузского и старопровансальского, может

[30] Можно допустить, что такая параллель все-таки есть в одном пассаже из т.н. Actus Petri cum Simone, «Деяний Петра в отношении Симона» (BHL 6656), изначально написанного по-гречески апокрифа II–III вв., сохранившегося в соответствующем месте только в латинском переводе, который в свою очередь датируют III–IV вв. (Zwierlein 2009: 37–39). Латинский перевод издают по единственной известной рукописи, но эту рукопись датируют VII в., так что текст достаточно надежен. Ср. Actus Petri cum Simone 21: Oratione autem facta ab omnibus, refulsit triclinium in quo erant tamquam cum scoruscat, sed talis qualis solet in nubibus esse. Р. А. Липсиус (Lipsius, Bonnet 1891: 68) в своем аппарате предлагал вставить в заключительной фразе подлежащее <fulgor>, но М. Дёлер в новейшем издании (Döhler 2018: 106) предпочитает сохранить рукописный текст, и возможно, что его следует понимать следующим образом: «Когда же все помолились, воссиял триклиний, в котором они были, как когда бьет молния, но [это было] таково (m/f), каково (m/f) обычно бывает среди туч» (ср. перевод Дёлер: …aber so wie es in Wolken zu sein pflegt).

быть не инновацией, а общей для романских языков точкой отсчета. Для латыни это явление, по-видимому, не описано ни для поздней античности, ни для Средних веков, так что нет оснований считать, что это скорее внесенная позднейшими переписчиками «аномалия»; если она действительно есть в тексте, то она вполне может быть изначальным чтением[31].

2.3. Родовые формы относительного местоимения

Отдельно следует сказать о родовых формах относительного местоимения, развитие которых шло особым путем, приведшим в романских языках к утрате оппозиции рода для соответствующих слов. В PSus есть несколько возможных примеров, связанных с этими изменениями, правда, не все они, вероятно, надежные.

Вытеснение форм женского рода относительного местоимения формами мужского рода (вероятно, постепенно развивающего романский статус «рода по умолчанию», см. предыдущий раздел) фиксируются уже в помпейских надписях и далее встречаются в эпиграфике и распространены, напр., в рукописях Vetus Latina, Actus Petri cum Simone, Григория Турского и «Эдикта Ротари»[32]; в раннесредневековых текстах явление

---

[31] Читатель может указать на сходство настоящего раздела с разделом 1.3 выше, где, однако, делается противоположный вывод: и там, и там речь о явлении, не зафиксированном или очень плохо зафиксированном в античности, но имеющем параллели в средневековых текстах, но появление формы на -е на месте аккузатива предлагается считать неправдоподобным для VI в., а согласование причастия с местоимением среднего рода по мужскому роду — скорее правдоподобным. Однако ситуации, я полагаю, все же принципиально различаются: в разделе 1.3 речь о локальном изменении морфологии, имеющем, судя по всему, достаточно конкретную датировку, в то время как здесь мы говорим об альтернативной (дополнительной по отношению к основной) возможности построения синтаксиса, о роли которой в переходе от классической латинской модели согласования прилагательных с местоимениями к современной романской у нас в принципе мало информации.

[32] П. Ф. Моретти указывает (Moretti 2006: 97), что явление также характерно и для рукописей изданных ею «Страстей св. Анастасии» (BHL 410 + 1795 + 118 + 8093; сейчас этот текст обычно датируют V в.: Moretti 2006: 24–37, Lanéry 2010: 45, Lapidge 2018: 54), однако, в соответствии со своими представлениями о языке этого памятника, она в своем издании стандартизирует формы относительного местоимения в соответствующих местах. Возможно, имеет смысл вернуться

также известно (Rönsch 1869: 276, Bonnet 1890: 390–391, Sergievsky 1952: 117, B. Löfstedt 1961: 249, Väänänen 1981: 125, Stotz 1998: 130–131, Döhler 2018: 7, FEW 2.1465). В PSus есть несколько в разной степени вероятных примеров:

(20) (a) PSus 2 Audiens hoc Diocletianus de puella, quia et pulchritudine et sapientia esset formosa…

«Когда Диоклетиан услышал об этой девушке, что она замечательна и красотой, и мудростью…»

quia] quae *DPW*: qui et *C*[1]: qui *d*: quod *mu*: quia *cett.*

(b) PSus 19 Quia sublimitas haec… temporalis esse cognoscitur; illa autem, quam nos praedicamus, sempiterna, innoxia detinetur et amabilis.

«Ибо эта возвышенная высота… временна; ты же, которую мы проповедуем, вечна, неподвержена ущербу и любезна».

quam] quem *A* (quaem *B*[1]): quae *B*[x]

(c) PSus 28 …quae percussa intra domum suam emisit spiritum.

«…и, пораженная мечом у себя дома, она [т.е. Сусанна] испустила дух».

quae *D cett.*: qui *ABC*[1]

В примере (20a) согласие рукописей обоих семейств на менее очевидном относительном местоимении, вероятно, указывает, что верным текстом является оно, а не принимаемая большинством рукописей семейства Ψ и Болландом банализация quia. Изначальное чтение рукописи *C* и чтение рукописи *d* при этом еще подразумевает применение формы qui к персонажу женского пола (Сусанне). Теоретически чтение могло сохраниться только в этих двух рукописях, хотя смущает, что при этом в тексте *C* присутствует еще лишнее et (отсутствие которого в близкородственной *C* рукописи *d* может быть результатом исправления того же теста): вероятно, скорее все же следует видеть в чтении qui et искажение неверно прочитанного варианта quia. В примерах (20b–c) аномальные чтения при этом, по-видимому, зафиксированы достаточно надежно.

к вопросу о том, корректны ли эти представления, хотя в целом аппарат Моретти производит впечатление сильно меньшей «густоты» неклассических черт, чем в PSus, можно допустить и то, что в V в. для агиографии Рима был характерен еще значительно более «правильный» язык.

В рукописях PSus есть также один случай обратной замены (форма женского рода вместо мужского):

(21) PSus 21 …per quemdam amicum suum Thrasonem Christianissimum togatum, qui occulte assidebat publico, habens in corde suo cum reuerentia religionem Christianam, quem ante multos annos Caius Episcopus baptizauerat.

«…через некого своего друга Трасона, христианнейшего знатного мужа, который, занимая государственную должность[33], тайно почитал в своем сердце христианскую веру и которого за много лет до того крестил епископ Гай».

quem *DP*^{c} *cett*.: quam *P*^{1}*?*

Если мы верно прочитываем форму женского рода в *P* и *P* при этом сохраняет изначальное чтение текста, вероятно, следует считать это случаем гиперкоррекции. Бонне (Bonnet 1890: 395) приводит несколько примеров употребления женского рода относительного местоимения вместо мужского из рукописей Григория Турского (недвусмысленные примеры есть только в текстах, самые старые рукописи которых относятся к каролингскому времени). Уверенным в том, что перед нами не какое-то внесенное в Φ или *P* искажение (напр., мотивированное родом непосредственно предшествующего местоимению выражения religio Christiana), быть сложно.

Наконец, в одном месте в одной неплохо сохраняющей чтения гипархетипа Ψ рукописи фиксируется употребление формы среднего рода вместо женского:

[33] Формулировка occulte assidebat publico, habens не вполне понятна и может быть испорченным текстом; мой перевод основан на понимании ее как значащей occulte, adsidens publico, habebat, где adsideo = operam do, см.: TLL 2.878.54–61, a publicum = populus, см.: TLL 10.2.2.2466.48–53 (ср. также Passio Marcelli, BHL 5234, текст, датируемый Лапиджем и Ланери (Lapidge 2018: 390, Lanéry 2010: 223) первой половиной VI в., где тот же самый Трасон также является персонажем и характеризуется как uir potens «человек могущественный», Pass. Marcell. 2). Лапидж (Lapidge 2018: 281) переводит occulte assidebat publico как secretly concerned himself with the public, но тогда контекст будет требовать, чтобы слово publicum относилось конкретно к христианам, для чего, по-видимому, нет параллелей.

(22) PSus 19 [= (20b)] Quia sublimitas haec, quam uidemus, temporalis esse cognoscitur.

«Ибо эта возвышенная высота, которую мы видим, временна».

quam] quod *A*

Это также известное уже в позднеантичных текстах (особенно у Григория Турского) явление, и в романских языках общей формой для всех родов относительного местоимения (в функции подлежащего и прямого дополнения) в итоге, возможно, стала именно форма, восходящая к латинскому среднему роду (иногда ее возводят скорее к лат. quem, напр.: FEW 2.1465, но ср. в пользу этимологии от мн.ч. ср.р. quae: Väänänen 1981: 125, Stotz 1998: 132–133).

Заключение

В целом по рассмотренным параметрам текст PSus дает схожую картину с тем, что мы видели в связи с фонологией и орфографией. В ряде отношений он очень похож на близкие по времени тексты, сильно отклоняющиеся от классической латыни (и в т. ч., по-видимому, на другие образцы позднеантичной агиографии Италии, насколько можно судить при их нынешней крайне слабой текстологической изученности): сюда относятся ограниченно представленное замещение косвенных падежей предложными конструкциями, случаи смешения родовых форм относительного местоимения, широкое распространение неклассического рода у существительных, преимущественно в той или иной связи со средним родом; вероятно, сюда же можно отнести редко обсуждаемую ситуацию, когда словам среднего рода, перераспределенным в мужской, количественно не уступают (или даже преобладают над ними, как в случае PSus) слова среднего рода, перераспределенные в женский. К более необычным чертам относятся употребление аккузатива существительных в значении номинатива с пассивными глаголами и глаголом sum (для таких случаев все же вполне известны позднеантичные параллели) и особенно возможно присутствующее в тексте согласование прилагательных по мужскому роду при местоимениях среднего рода (хотя латинские параллели найти не удается или почти не удается, в контексте дальнейшего развития романских языков это явление в целом выглядит правдоподобно).

Литература

Adams, J. N. 1976: *The Text and Language of a Vulgar Latin Chronicle (Anonymus Valesianus II)*. London.

Adams, J. N. 1988: The Accusative Absolute. *Classical Review* 38, 300–303.

Adams, J. N. 2013: *Social Variation and the Latin Language*. Cambridge.

Alkire, T., Rosen, C. 2010: *Romance Languages: A Historical Introduction*. Cambridge.

Barbato, M. 2010: Il principio di dissimilazione e il plurale di I classe (con excursus sul destino di tuus suus e sull'analogia). *Zeitschrift für romanische Philologie* 126, 39–70.

Baronio, C. 1590: *Annales ecclesiastici…* T. II. Rome.

Bischoff, B. 2014: *Katalog der festländischen Handschriften des neunten Jahrhunderts (mit Ausnahme der wisigothischen).* T. III. Wiesbaden.

Blaise, A. 1962: *Dictionnaire latin-français des auteurs chrétiens*. Turnhout

Bolland, J. 1658: Acta antiqua [comitum S. Susannae], quae pars actorum S. Susannae V.M. In: Bolland, J., Henskens, G. (eds.) *Acta Sanctorum. Februarius.* T. III. Antwerp, 61–64.

Bonnet, M. 1890: *Le latin de Grégoire de Tours*. Paris.

Bourciez, E. 1952: *Osnovy romanskogo yazykoznaniya* [*Elements of Romance Linguistics*]. Moscow.
Бурсье, Э. 1952: *Основы романского языкознания*. Пер. Т. В. и Е. В. Вентцель. М.

Chiesa, P. 2013: Passio Quirini. In: Colombi, E. (ed.) *Le passioni dei martiri aquileiesi e istriani.* Vol. II*. Rome, 499–588.

Coleman, R. 1999: Vulgarism and Normalization in the Text of Regula Sancti Benedicti. In: Petersmann, H., Kettemann, R. (eds.) *Latin vulgaire – latin tardif V*. Heidelberg, 345–356.

Corbett, G. G. 1991: *Gender*. Cambridge.

Coseriu, E. 2008: *Lateinich und Romanisch. Vorlesungen und Abhandlungen zum sogenannten Vulgärlatein und zur Entstehung der romanischen Sprachen*. Tübingen.

Cuypers, W. 1735: Acta [S. Susannae] ex auctore anonymo. In: Du Sollier, J.-B., Pien, J., Cuypers, W., van der Bosch, P. (eds.) *Acta Sanctorum Augusti. T. II*. Antwerp, 631–632.

Delehaye, H. 1910: Passio SS. Quattuor Coronatorum auctore Porphyrio. In: De Smedt, C., Van Ortroy, F., Delehaye, H., Poncelet, A., Peeters, P. (eds.) *Acta Sanctorum Novembris.* T. III. Brussels, 765–779.

Delehaye, H. 1936: *Étude sur le légendier romain: Les saints de novembre et de décembre*. Brussels.

DiBiasie Sammons, J. 2019: Public in Private: The Distribution and Content of Graffiti in Pompeian domus and hospitia. In: Noreña, C.

F., Papazarkadas, N. (eds.) *From Document to History: Epigraphic Insights into the Greco-Roman World*. Leiden; Boston, 197–218.
Döhler, M. 2018: *Acta Petri: Text, Übersetzung und Kommentar zu den Actus Vercellensis*. Berlin; Boston.
Dolbeau, F. 1975: Notes sur deux collections hagiographiques conservée à Bibliothèque Vaticane. *Mélanges de l'école française de Rome. Antiquité* 87, 397–424.
Dolbeau, F. 1984: Le légendier de Sainte-Cécile-au-Trastévère retrouvé au Cap (République Sud-Africaine). *Analecta Bollandiana* 102, 302.
Duchesne, L. 1916: Les légendes de l'Alta semita. *Mélanges de l'école française de Rome* 36, 27–56.
Faraoni, V. 2014: La formazione del plurale italo-romanzo nella documentazione notarile altomedievale. In: Molinelli, P., Cuzzolin, P., Fedriani, C. (eds.) *Latin vulgaire – latin tardif* X. Bergamo, 1.99–117.
Farlati, D. 1753: *Illyrici sacri tomus secundus*. Venice.
Formentin, V. 1994: Tracce di una flessione accusativo-ablativo e altri arcaismi morfologici in un antico testo meridionale (Cod. Cass. 629). *L'Italia dialettale* 57, 99–117.
Galdi, G. 2017: Zum sogenannten Nominativus Absolutus im Lateinischen: Neue Auslegungen zu einem alten Problem. *Symbolae Osloenses* 91, 28–80.
Guyon, J. 1975: Les Quatre Couronnés et leur culte des origines au IXe siècle. *Mélanges de l'école française de Rome. Antiquité* 87, 505–561.
Helttula, A. 1987: *Studies on the Latin Accusative Absolute*. Helsinki.
Hofmann, J. B., Szantyr, A. 1972: *Lateinische Syntax und Stilistik*. Munich.
Jensen, F. 1986: *The Syntax of Medieval Occitan*. Tübingen.
Jensen, F. 1990: *Old French and Comparative Gallo-Romance Syntax*. Tübingen.
Lampitelli, N. 2014: The Romance Plural Isogloss and Linguistic Change: A Comparative Study of Romance Nouns. *Lingua* 140, 158–179.
Lanéry, C. 2010: Hagiographie d'Italie (300–550). I. Les passions latines composées en Italie. In: Philippart, G. (ed.) *Hagiographies. Vol. V*. Turnhout, 15–369.
Lapidge, M. 2018: *Roman Martyrs: Introduction, Translations, and Commentary*. Oxford.
Lipsius, R. A., Bonnet, M. 1891: *Acta apostolorum apocrypha.* Pars 1. Leipzig.
Löfstedt, E. 1956: *Syntactica: Studien und Beiträge zur historischen Syntax des Lateins*. Lund.
Löfstedt, B. 1961: *Studien über die Sprache der langobardischen Gesetze: Beiträge zur frühmittelalterlichen Latinität*. Stockholm; Göteborg; Uppsala.
Loporcaro, M. 2018: *Gender from Latin to Romance: History, Geography, Typology*. Oxford.

Loporcaro, M., Paciaroni, T. 2016: The Dialects of Central Italy. In: Ledgeway, A., Maiden, M., eds. *The Oxford Guide to the Romance Languages*. Oxford, 228–245.

Maiden, M. 1996: On the Romance Inflectional Endings -i and -e. *Romance Philology* 50, 147–182.

Meloni, S. 2012: Monumentum quod videtur fuisse familiae liberorum Neronis Drusi. Un capitoletto di CIL, VI da riconsiderare. *Archeologia classica* 63, 593–617.

Meyer-Lübke, W. 1890–1906: *Grammaire des langues romanes*. Paris.

Miglorini, B. 2019: *Storia della lingua italiana*. Florence; Milan.

Mombrizio, B. 1910: *Sanctuarium, seu Vitae Sanctorum*. Nouam hanc editionem curauerunt duo monachi Solesmenses. Paris.

Moretti, P. F. 2006: *La Passio Anastasiae: Introduzione, testo critico, traduzione*. Rome.

Norberg, D. 1943: *Syntaktische Forschungen auf dem Gebiete des Spätlateins und des frühen Mittellateins*. Uppsala; Leipzig.

Nunes, J. J. 1975: *Compêndio de gramática histórica portuguesa*. Lisbon.

Önnerfors, A. 1975: *Physica Plinii Bambergensis (Cod. Bamb. med. 2, fol. 93v–232r)*. Hildesheim; New York.

Polinsky, M., Van Everbroeck, E. 2003: Development of Gender Classifications: Modeling the Historical Change from Latin to French. *Language* 79, 356–390.

Rohlfs, G. 1966-1969: *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti*. Torino.

Rönsch, H. 1869: *Itala und Vulgata. Das Sprachidiom der urchristlichen Itala und der katholischen Vulgata unter Berücksichtigung der römischen Volkssprache durch Beispiele erläutert*. Marburg; Leipzig.

Rubattu, A. 2006: *Dizionario universale della lingua di Sardegna*. Sassari.

Salvi, G. 2011: Morphosyntactic persistence. In: Maiden, M., Smith, J. C., Ledgeway, A. (eds.) *The Cambridge History of the Romance Languages. Vol. I: Structures*. Cambridge, 318–381.

Sauer, L. 1573: *De probatis sanctorum historiis…* T. IV. Cologne.

Sergievsky, M. V. 1952: *Vvedenie v romanskoe yazykoznanie* [*Introduction to Romance Linguistics*]. Moscow.
Сергиевский, М. В. 1952: *Введение в романское языкознание*. М.

Shumilin, M. V. 2019: [Passio Susannae (BHL 7937) as a Linguistic Document: Towards the Dating of the Versions of the Text]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology [Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya]* 23, 1150–1175.

Шумилин, М. В. 2019: «Страсти св. Сусанны» (BHL 7937) как языковой памятник: к датировке версий текста. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 1150–1175.

Shumilin, M. V. 2020a: [Linguistic Peculiarities in the *Passio Susannae* (*BHL* 7937). Phonology and Orthography]. *Indo-European*

Linguistics and Classical Philology [*Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*] 24, 632–661.

Шумилин, М. В. 2020a: Особенности языка «Страстей св. Сусанны» (BHL 7937). Фонология и орфография. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24, 632–661.

Shumilin, M. V. 2020b: [Error vs Variant: The "New Philology", Latin Studies, and the "Bad Language"]. *Vox medii aevi* 1–2 (6–7), 28–75.

Шумилин, М. В. 2020b: Ошибка против варианта: «новая филология», латинистика и «плохой язык». *Vox medii aevi* 1–2 (6–7), 28–75.

Souter, A. 1949: *A Glossary of Later Latin to 600 A.D*. Oxford.

Steyn, C. 2002: *The Medieval and Renaissance Manuscripts in the Grey Collection of the National Library of South Africa, Cape Town.* Vol. 2. Salzburg.

Stotz, P. 1998: *Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Bd. 4: Formenlehre, Syntax und Stilistik*. Munich.

Supino Martini, P. 1987: *Roma e l'area grafica romanesca* (*s. X–XIII*). Alessandria.

Tekavčič, P. 1979: *Grammatica storica dell'italiano*. Bologna.

Väänänen, V. 1981: *Introduction au latin vulgaire*. Paris.

Velázquez Soriano, I. 2004: *Las pizarras visigodas* (*Entre el latín y su disgregación. La lengua hablada en Hispania, siglos VI–VIII*). Burgos.

Vircillo Franklin, C. 2001: Roman Hagiography and Roman Legendaries. In: *Roma nell'alto medioevo*. Spoleto, 857–891.

Vircillo Franklin, C. 2004: *The Latin Dossier of Anastasius the Persian: Hagiographic Translations and Transformations*. Toronto.

Zamboni, A. 2000: *Alle origini dell'italiano. Dinamiche e tipologie della transizione dal latino*. Rome.

Zwierlein, O. 2009: *Petrus in Rom. Die literarischen Zeugnisse: Mit einer kritischen Edition der Martyrien des Petrus und Paulus auf neuer handschriftlicher Auflage*. Berlin; New York.

DOI:10.30842/ielc230690152577

Э. В. Янзина (МГУ имени М. В. Ломоносова),
О. В. Корнеев (МГПУ)

О НОМИНАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ АСПЕКТАХ АНТИЧНЫХ АТЛЕТИЧЕСКИХ СОСТЯЗАНИЙ

В статье освещаются отдельные вопросы организации и проведения античных атлетических фестивалей. В первой части статьи дается общая классификация игр и указываются связанные с этой классификацией способы их номинации. Во второй части рассматриваются некоторые аспекты «реальной» стороны организации и проведения соревнований, а также относящаяся к этой сфере лексика. Целью статьи является показать указанный пласт лексики в его исконных «агонистических» контекстах и тем самым способствовать ее адекватному пониманию при переводах и комментировании античных текстов.

Ключевые слова: античная атлетика, ἀγῶνες ἱεροί/ στεφανῖται/ χρηματῖται, πρόπειρα, κρίσις, ἀπογραφή, κλῆρος

E. V. Yanzina (Lomonosov Moscow State University)
O. V. Korneev (Moscow State Pedagogical University)

Ancient athletic festivals: names, organization and procedures (lexical issues)

The purpose of this article is to explore special features of the organization and procedures at the ancient athletic festivals. Using a wide array of ancient written sources from both Greek and Roman literature as well as epigraphical evidence, the authors begin with a classification of the most important ancient games and give a brief analysis of their names. Then, certain features of the general procedures at the panhellenic competitions are explored. Special attention is paid to the interpretation of the Greek terms πρόπειρα, κρίσις, ἀπογραφή, κλῆρος etc.

Key words: ancient athletics, ἀγῶνες ἱεροί/ στεφανῖται/ χρηματῖται, πρόπειρα, κρίσις, ἀπογραφή, κλῆρος.

Цель настоящей статьи — представить лексику античных атлетических состязаний в «естественной стихии» ее бытования — в агонических контекстах и тем самым содействовать, насколько это возможно, верной ее интерпретации при переводе античных текстов на новоевропейские языки и при составлении комментариев к этим текстам, особенно если речь идет о метафорическом употреблении. Лексика эта весьма много-

образна и часто составляющие ее элементы оказываются соотносимыми друг с другом только по сфере применения. Поэтому авторы данной статьи не считают необходимым проводить подробный анализ и классификацию этих элементов, ограничиваясь контекстуальным переводом и общим указанием на их узус.

Общая классификация античных атлетических состязаний и особенности их номинации

Атлетические фестивали занимали важное место в культурной жизни Греции и Рима. Их было великое множество, начиная с местных состязаний и кончая общенародными играми, на которые съезжались зрители и атлеты со всех уголков античного мира. В данном разделе будет представлена общая классификация античных атлетических праздненств (с их кратким описанием), основанная, в первую очередь, на характере наград, вручаемых их победителям, а также будет рассмотрена лексика, связанная со способами номинации состязаний, их статусом и вручаемыми победителям наградами. Именно награда (ἆθλον) была тем, что объединяло все типы античных состязаний, начиная с самого первого момента их возникновения. Эта награда могла быть символической (победный венок) или иметь материальную ценность (ценный подарок, денежный приз и пр.) — в любом случае не стоит забывать о том, что античная атлетика была не спортом ради спорта, но была в первую очередь состязанием за награду: не случайно атлет (ἀθλητής) — это ‘тот, кто состязается за награду’, а первое значение глагола ἀθλεύω — ‘состязаться за награду’.

Среди античных атлетических фестивалей первостепенное значение имели так называемые священные игры — ἱεροὶ ἀγῶνες. К этой категории принадлежали главные общегреческие фестивали: Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры. Они никогда не воспринимались древними как сугубо спортивные мероприятия: само их основание было связано с именами греческих богов и героев: Зевса, Аполлона, Посейдона, Геры, Афины, Геракла, Пелопа и др.

Подобные соревнования назывались также στεφανῖται ‘награждающие победителя венком’, так как наградой на них был венок из листьев или ветвей священного дерева. Применительно к таким состязаниям использовались также наименования ἀγῶνες στεφανηφόροι ‘венценосные игры’ (Herod. V, 102;

Theocr. XVI, 47 и др.), ἀγῶνες φυλλίναι или φύλλινοι ‘игры, венчающие листьями’ (φυλλίναι: Poll. III, 153; Hesych.; Schol. Pind. Olymp. VIII, 101 b; φύλλινοι: Poll. III, 273; Luc. De merc. cond. 13), ἀγῶνες φυλλοφόροι ‘игры, приносящие венки из листьев’ (Pind. Olymp. VIII, 76).

Названия большинства священных игр получались посредством «двойной» субстантивации, когда к существительному τὰ ἱερά, представляющем собой по происхождению субстантивированное прилагательное, добавлялись согласованные с ним прилагательные Ὀλύμπια, Πύθια и др., а само слово ἱερά в конечном варианте названий опускалось.

Олимпийские игры (τὰ Ὀλύμπια, подразум. ἱερά), посвященные Зевсу Олимпийскому, были самыми древними из священных состязаний. Одни источники приписывают их учреждение идейскому Гераклу (Paus. V, 7, 9)[1], а другие — Гераклу из города Фив (Pind. Olymp. II, 5; X, 24–77 и др.). В историческое время датой основания Олимпийских игр принято считать 776 г. до н. э.[2] Игры проводились каждый четвертый год[3], с 11 до 15 дня

[1] Идейский Геракл входил в число Куретов, критских хранителей младенца Зевса.

[2] Именно такую дату проведения первых олимпийских игр установил софист Гиппий из Элиды, составивший и опубликовавший первый список олимпийских победителей (Plut. Numa 1).

[3] Сами греки называли Олимпийские игры пятилетними (πενταετηρικοί), так как при подсчете учитывали, по всей видимости, оба крайних года. С IV в. до н. э. они начали вести по этому циклу свое летоисчисление. Счет времени по олимпиадам сделал общепринятым историк Тимей из Тавромения (остров Сицилия) (ок. 350–254 гг. до н. э.). Это «позволяло датировать каждое событие указанием на год соответствующей олимпиады, … не прибегая к помощи других систем отсчета, как, например, списков архонтов или консулов» (Хабихт 1999: 119–120). Кроме того, известно, что Тимей был автором трактата об олимпийских победителях (Хабихт 1999: 120). Введение летоисчисления по олимпиадам приписывают также известному греческому ученому и поэту Эратосфену из Кирены (ок. 275 — ок. 195 гг. до н. э.) (Buhmann 1972: 58). Каждая олимпиада имела своего эпонима (ἐπώνυμος). Им, как правило, становился тогдашний победитель в беге на стадий (дистанция длиной примерно в 184,9 м). Тем не менее известны три случая, когда имя олимпиаде давал атлет, победивший в панкратионе (Thucyd. III, 8; V, 49. I. Magnesia № 16, 15 sqq.).

священного месяца Иеромении[4], который начинался с первого новолуния после летнего солнцестояния (июнь–июль) (Ziehen 1937: 13–14). Местом проведения праздника была Олимпия (первоначально это был священный участок Зевса (Ἄλτις) близ реки Алфей) в греческой области Элида (полуостров Пелопоннес). Главной наградой на Олимпийских играх служил венок из листьев дикой оливы — στέφανος ἐκ κοτίνου, которая произрастала в Альтисе Зевса Олимпийского, на специальном участке, называвшемся Панфейоном (τὸ Πάνθειον). Панфейон располагался справа от опистодома храма Зевса, рядом с алтарем Нимф. Олимпийская олива представляла собой особый сорт масличного дерева (Aristot. Mirab. ausc. 834 a), который, согласно преданию, привез из страны гиперборейцев фиванский Геракл (Pind. Olymp. III). Согласно другим источникам, эта олива была местного происхождения. По велению Дельфийского оракула ее выбрал из числа растущих в Олимпии деревьев Ификл (Phleg. FHG III, 604). Греки называли эту оливу Καλλιστέφανος ‘прекрасно венчающая’ (Paus. V, 15, 3; Schol. Pind. Olymp. VIII, 1 d). Предназначенные для венка ветви срезались с дерева золотым серпом. Срезать их должен был знатный мальчик, у которого были живы и отец, и мать (Schol. Pind. Olymp. III, 60)[5].

Вторым по значимости атлетическим фестивалем были Пифийские игры (τὰ Πύθια). Они справлялись в Дельфах при храме Аполлона и были посвящены этому богу. Первоначально Пифийский фестиваль включал в себя лишь состязания в исполнении пеана (гимна в честь Аполлона), сопровождаемого игрой на кифаре. После Первой священной войны (в начале VI в. до н. э.) Дельфы взяли под свой контроль амфиктионы (члены религиозного союза двенадцати греческих племен), которые прибавили к музыкальным атлетические соревнования. Павсаний относит первый такой праздник к 586 г. до н. э. (X, 7, 2). Необходимо отметить, что сначала Пифийские игры были коммерческим турниром, на котором в качестве наград вручались ценные призы (ἆθλα). Но со второй пифиады (582 г. до н. э.) эти призы были заменены на лавровый венок — στέφανος ἐκ δάφνης (Strab. IX, 3, 10; Paus. X, 7, 5), и состязания в Дельфах получили статус στεφανῖται. Кроме венка победители этих соревнований

[4] Иеромения — общее обозначение праздничного времени, независимо от его продолжительности.

[5] Точно такой же обычай существовал и на Пифийском празднике.

получали в подарок пригоршню священных яблок Аполлона — τὰ μῆλα τῶν ἱερῶν τοῦ Ἀπόλλωνος (Luc. Anach. 9; подробнее см. Robert 1949: 93 слл.). Игры справлялись каждые четыре года (в третий год олимпийского цикла) в августе месяце.

Третьим главным атлетическим турниром были Истмийские состязания (τὰ Ἴσθμια), посвященные Посейдону. Местом их проведения служил священный участок этого бога, расположенный на Истмийском перешейке, к западу от Коринфа. Существует несколько версий возникновения игр. По одной из них Истмии были организованы Гелиосом и Посейдоном в ознаменование разрешения их спора за власть над Коринфским перешейком (Dio Chrys. XXXVII, 12–13; Paus. II, 1, 6). По другой версии, эти соревнования основали Сизиф или его сын Главк в честь Меликерта-Палемона (Ps.-Apollod. Bibl. 3, 29; Paus. I, 44, 7–8; II, 1–3 и др.). Согласно третьему варианту мифа, Истмийские состязания учредил Тесей, сын Посейдона (Schol. Pind. Isthm. Hyp. b; Plut. Thes. 25). В 582 г. до н. э. игры были реорганизованы и стали устраиваться в первый и третий годы олимпийского цикла, но приходились не на лето, а на весну (апрель–май)[6]. Победитель соревнований награждался почетным венком, который сначала изготовлялся из сосновых ветвей — στέφανος ἐκ πίτυος (Plut. Quaest. conv. 675 d sq.). В классическую эпоху материалом для венка служил сушеный сельдерей — στέφανος ἐκ σελίνου ξηροῦ (Pind. Olymp. XIII, 33; Nem. IV, 88; Isthm. II, 16; VIII, 64; см. также Schol. Pind. Olymp. III, 27; Olymp. XIII, 45-56; Isthm. II, 19 b). Затем сосновые ветви снова заменили сельдерей (Plut. Quaest. conv. 676 c; Schol. Apoll. Rhod. III, 1240; Schol. Pind. Isthm. Hyp. b, d; Luc. Anach. 9; Dio Chrys. IX, 10; Paus. VIII, 48, 2).

Наименее престижным из четырех общегреческих фестивалей был Немейский (τὰ Νέμεια), посвященный Зевсу (Pind. Nem. II, 4 sq.). Одна мифологическая традиция связывает его учреждение с походом семи вождей против Фив и гибелью младенца Офельта-Архемора, в память о котором и были устроены Немейские игры (Stat. Theb. IV, 646 — VII, 104; Ps.-Apollod. Bibl. 3, 64-66; Schol. Pind. Nem. Hyp.; Clem. Alex. Protr. II, 34, 1 и др.). Согласно другой традиции, эти состязания впервые организовал Геракл после победы над немейским львом (Schol.

[6] Подробнее см. Schneider 1916: 2249. Счет по истмиадам (Ἰσθμιάδες) см. Ps.-Apollod. Bibl. 2, 141.

Pind. Nem. Hyp. a; Schol. Stat. Theb. IV, 160 и др.).[7] Игры получили статус общегреческого фестиваля в 573 г. до н. э. Праздник справлялся в долине речки Немеи в Арголиде (Южная Греция) при храме Зевса, во второй и четвертый годы олимпийского цикла в июле месяце. Устроителями и распорядителями состязаний были сначала клеоняне, а затем жители Аргоса (Hanell 1935: 2324–2325.). Наградой победителю служил венок из зеленого сельдерея — στέφανος ἐκ σελίνου χλωροῦ (Schol. Pind. Nem. Hyp. d; Plut. Timol. 26; Plin. Nat. hist. XIX, 46). Согласно другой традиции, победителей Немейских состязаний первоначально увенчивали венком из масличных ветвей, который после Персидских войн (V в. до н. э.), в честь погибших во время их, был заменен на венок из сельдерея, растения, связываемого в древности с культом умерших (Schol. Pind. Nem. Hyp. c). В одной из надписей (IG II 1320) в качестве награды упоминается венок из сосновых ветвей.

Популярность панэллинских фестивалей привела в более позднюю эпоху к возникновению игр, для наименования которых использовались «композитные» образования, полученные сложением основы прилагательного ἴσος — «равный» с названиями главных общегреческих игр: ἰσολύμπια ‘равноолимпийские’, ἰσοπύθια ‘равнопифийские’, ἰσονέμεα ‘равнонемейские’ (ἰσονέμεα).

К этой категории относились знаменитые игры, проводимые в Неаполе, полное название которых было Ἰταλικὰ Ῥωμαῖα Σεβαστὰ Ἴσολύμπια ‘Италийские римские священные равноолимпийские’. В надписях эти игры обычно именуются Σεβαστά, ἐν Νεαπόλει или Νεὰν πόλιν. Они были учреждены во 2 г. н. э. в честь императора Октавиана Августа и проводились каждые четыре года. Известно, что одно время использовался даже счет времени по италидам (Ἰταλίδες) (Moretti 1953: 175–176).

Иногда подобного рода турниры назывались просто олимпийскими. Так, например, при императоре Адриане (годы правления 117–138 гг. н. э.) в малоазийской Смирне были основаны местные олимпийские состязания — Ὀλύμπια ἐν Σμύρνῃ (или Ὀλύμπια τῆς συνόδου), которые справлялись раз в четыре года и во многом копировали систему организации своего знаменитого прототипа (Moretti 1953: 224–225).

---

[7] Подробнее обо всех версиях появления Немейских игр см. Hanell 1935: 2323–2324.

В Эфесе также были свои олимпийские игры — Ὀλύμπια ἐν Ἐφέσῳ, на которых, как и на элидском фестивале, председательствовали и осуществляли судейство элланодики — Ἑλλανοδίκαι (Moretti 1953: 182).

Примерами «равнопифийских» игр могут служить соревнования в малоазийских Траллах — Πύθια ἐν Τράλλεσι (Moretti 1953: 228) и в Анкире — Ἀσκληπίεια (Σωτήρεια) Ἰσοπύθια (Moretti 1953: 209).

«Равнонемейским» турниром были дельфийские Сотерии — Σωτήρια, которые включали в свою программу конные и атлетические соревнования и сохраняли те же награды и возрастные категории, что и Немейские игры — ἰσονέμεον ταῖς ἡλικίαις καὶ ταῖς τιμαῖς (Syll.³ 402, 10; другие примеры см. Hanell 1935: 2327).

Главные панэллинские фестивали (Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры) образовывали собой четырехлетний цикл. С течением времени для такого цикла появляется специальное обозначение — περίοδος ‘период’, а атлет, одержавший хотя бы раз в своей карьере победу на каждом из турниров четырехлетнего цикла начинает именоваться περιοδονίκης ‘победителем периода’, или ‘периодоником’. Наиболее выдающиеся атлеты, достигшие побед на главных состязаниях на протяжении одного олимпийского цикла, удостаивались почетного титула νικήσας περίοδον ἐν τῇ περιόδῳ ‘победитель периода в периоде’ (Moretti 1953: 35). Необходимо отметить, что термины περίοδος и περιοδονίκης относительно позднего происхождения. Впервые они встречаются лишь в конце III в. до н. э. в «Олимпийских победителях» (Ὀλυμπιονῖκαι) Эратосфена (frg. 8 J = Schol. Menandr. P. Oxy 409). Первое эпиграфическое свидетельство мы находим в надписи на базе олимпийской статуи кулачного бойца Эпиферса из Эритр, датируемой 180 г. до н. э. (Inscr. v. Olymp. 186; ср. Moretti 1953: № 46)[8].

В императорскую эпоху период стал также включать в себя Акцийские, Капитолийские и Аргосские соревнования[9].

Акцийские игры (τὰ Ἄκτια) — древние состязания в честь бога Аполлона, которые получили всеобщее признание лишь

---

[8] См. также Янзина, Корнеев 2020: 916.

[9] Акцийские игры (Inschr. v. Olymp. 230; Moretti 1953: № 85 = CIG 4472 = IGR III 1012). Капитолийские игры (Moretti 1953: 182). Poliakoff 1987: 168, № 26.

после их реорганизации, предпринятой императором Августом в 27 г. до н. э. Местом их проведения был эпирский город Никополь, основанный после победы Октавиана в битве при Акции (сентябрь 31 г. до н. э.). Игры устраивались раз в четыре года в сентябре месяце (Strab. VII, 7, 6; Suet. Aug. 18; Dio Cass. XLI, 1)[10]. Широкую известность этого турнира подтверждает также использование летоисчисления по акциадам (Ἀκτιάδες) (Ioseph. Bell. Iud. I, 398).

Капитолийские игры (τὰ Καπετώλια) были учреждены императором Домицианом в 86 г. н. э. в честь Юпитера Капитолийского (Censor. XVIII, 15). Турнир проводился в Риме каждые четыре года (июнь–июль). Игры были устроены на греческий лад и включали в себя конные, музыкальные и атлетические соревнования. Распоряжался на них сам император, а помогали ему жрец Юпитера и жрецы Флавиев[11]. Победитель состязаний награждался венком из листьев дуба — Capitolina quercus, или просто quercus (Stat. Silv. V, 3, 231. Iuven. VI, 387. Mart. IV, 1, 6; 54, 1; IX, 23, 5).

Престиж Акцийского и Капитолийского фестивалей был столь велик, что привел к появлению «равноакцийских» (ἰσάκτια) и равнокапитолийских» (ἰσοκαπετώλεια) соревнований.

К первой группе принадлежит турнир Адриана — Ἀδριάνης Ἡράκλειος ἰσάκτιος, организованный в Гераклее Понтийской и приуроченный к посещению провинции Вифинии императором Адрианом (Moretti 1953: 237). Другим примером являются состязания в Цезарее — ἐν Καισαρείᾳ ἰσάκτιον (IGR III 1012; ср. Moretti 1953: № 85).

Ко второй разновидности относятся игры в честь императора Коммода — Κομμόδεια Ἴσοκαπετώλια, упомянутые в надписи III в. н. э. из Дельф, начертанной на базе статуи неизвестного атлета (I. Delphes I 555; ср. Moretti 1953: № 87).

Состязания в Аргосе (полуостров Пелопоннес), посвященные Гере, первоначально назывались Ἑκατόμβοια («Стобычьи»), но, начиная с 200 г. до н. э. стали именоваться Ἥραια («Геровы»)[12]. Эти игры пользовались успехом уже в V в. до

---

[10] О дате реорганизации соревнований см. Moretti 1953: 205–206.

[11] О времени года см. Wissowa 1899: 1528. О распорядителях и программе состязаний см. Suet. Dom. 4; ср. Herodian. I, 9, 2; CIL IX, 2860.

[12] «Стобычьими» игры назывались по числу быков, приносимых в жертву (Schol. Pind. Olymp. VII, 152 и др.).

н. э.[13] Их неоднократно упоминает в своих эпиникиях Пиндар (518–438 гг. до н. э.) (Olymp. VII, 83; IX, 88; XIII, 107. Nem. X, 22). Распорядителями аргосского турнира были в разное время Филипп Македонский (ок. 382–336 гг. до н. э.) (Liv. XXVII, 30) и Деметрий Полиоркет (ок. 337–283 гг. до н. э.) (Plut. Dem. 25). Победитель игр удостаивался почетного венка из мирта — στέφανος ἐκ μυρσίνης (Schol. Pind. Olymp. VII, 152 c) и ценного подарка, которым здесь был щит (ἀσπίς). В императорскую эпоху слово «щит» — ἀσπὶς ἐξ Ἄργους 'щит из Аргоса' — стало использоваться в качестве названия самого турнира и вытеснило из употребления все прочие его наименования (Moretti 1953: 21–22).

Для получения титула периодоника атлету было достаточно одержать по одной победе на любых четырех из семи вышеназванных фестивалей (Олимпийских, Пифийских, Истмийских, Немейских, Акцийских, Капитолийских и Аргосских играх)[14].

К числу турниров, на которых, помимо венка, вручались ценные призы, относились и Великие Панафинеи — Παναθήναια τὰ μεγάλα. Этот афинский праздник в честь богини-покровительницы города был учрежден в год архонтства Гиппоклида (566 г. до н. э.) и получил дальнейшее развитие при Писистрате (550–527 гг. до н. э.) (Ziehen 1949: 459; Miller 2004: 232 sqq.). Праздник справлялся в третий год олимпийского цикла и включал в себя атлетические, конные и музыкальные состязания. Победители Панафиней награждались амфорами, наполненными оливковым маслом из священной рощи — ἀμφορεῖς Παναθηναικοί (Pind. Nem. X, 33–36; Aristot. Ath. Pol. LX, 1, 3 и др.). Самое большое их число (140) получал победитель в беге колесниц. Каждая амфора оценивалась приблизительно в 12 драхм, так что победитель мог выручить от продажи масла солидные по тем временам деньги (Gardiner 1930: 39). В отличие от главных общегреческих фестивалей награды здесь присуждались не только атлетам, занявшим первое место, но и, как бы мы сейчас сказали, «серебряным» призерам. В нашем распоряжении имеется датируемая IV до н. э. программа панафинейских состязаний с указанием наград для каждого их

---

[13] SEG XXX 489. Moretti. Iscr. № 10 = IG IV 561 (правда, здесь они называются δαμόσιοι — «общественные»).

[14] Луи Робер предлагает включить в этот список уже упоминавшийся неаполитанский праздник — Ἰταλικὰ Ῥωμαῖα Σεβαστὰ Ἰσολύμπια (Robert 1957: 57).

вида. К сожалению, в отношении атлетического турнира сохранились лишь части программы, касающиеся детской (παῖδες) и подростковой (ἀγένειοι) категорий[15]. Так, например, победители в борьбе и кулачном бою среди мальчиков получали по тридцати амфор, а занявшие второе место — по шести. Чуть выше были награды у мальчиков-панкратиастов: победитель награждался сорока амфорами, а второй участник финального состязания восемью (Syll.³ 1055). В 119 г. н. э. была проведена реформа фестиваля, в результате которой Великие Панафинеи получили статус ἀγῶνες εἰσελαστικοί ‘триумфальных игр’. Отныне победитель этих состязаний наделялся правом на триумфальный въезд в родной город (Moretti 1953: 202, № 71).[16]

Игры в Пеллене (северная часть Пелопоннеса), официально именовавшиеся Феоксении — Θεοξένια (Феоксений (Θεοξένιος) — эпитет Аполлона Пелленского), были посвящены богу Аполлону. Наградами на них служили знаменитые пелленские шерстяные плащи — Πελληνικαὶ χλαῖναι. Одним из первых упоминаний этих соревнований является надпись на памятнике неизвестного аргосского атлета, датируемая концом VI в. до н. э. (IG IV 510; Moretti 1953: № 7). Наивысшего расцвета Пелленские игры достигли в эпоху Симонида (556–468 гг. до н. э.) и Пиндара (Simon. Epigr. XIII, 19, 8. Pind. Olymp. VII, 86; IX, 146; XIII, 89. Nem. X, 44.). Но затем фестиваль стал постепенно приходить в упадок. Уже Страбон (ок. 64 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) говорит о награждении пелленскими плащами как о давно утраченной традиции (VIII, 7, 5.). А ко времени жизни Павсания (II в. н. э.) эти состязания превратились в обычный коммерческий турнир (Paus. VII, 27, 4).

Среди местных атлетических турниров также пользовались известностью Элевсинские, Ликейские, Марафонские и Фиванские игры.

По словам Аристотеля, Элевсинии (τὰ Ἐλευσίνια) были едва ли не самым древними состязаниями на территории Греции, основанными раньше Олимпийского и других панэллинских фестивалей. Учреждение этих игр приходится на правление Пандиона, пятого афинского царе после Эрихтония (Aristot. Frg. 637). Состязания были посвящены богине плодородия Деметре.

---

[15] Подробнее о возрастных категориях см. далее.

[16] Примерно в то же время этот эпитет был прибавлен и к названиям других крупных атлетических соревнований (Moretti 1953: № 69; 73 = GIBM 605; 84 = I. Sardis 79; 76 = IGR III 370 = SEG VI 609 и т.д.).

Популярность этого турнира в историческое время подтверждается неоднократными упоминаниями Элевсиний в одах Пиндара (Olymp. IX, 99; XIII, 110). Победитель этих состязаний получал в награду ячменные колосья — κριθαί (Schol. Pind. Olymp. IX, 150 b; 143–151 и др.), взращенные на Рарийской равнине (πεδίον τὸ Ῥάριον), где, по преданию, впервые были посажены злаковые культуры (Paus. I, 38, 6 и др.).

Местом проведения Ликейских игр (τὰ Λύκαια), посвященных Зевсу, была аркадская гора Ликеон. Аристотель ставит их на четвертое место по древности после Элевсиний, Панафиней и малоизвестного аргосского фестиваля, устроенного Данаем по случаю свадьбы своих дочерей (Frg. 637). По легенде, Ликейские состязания были основаны прославившимся своими злодеяниями Ликаоном, сыном Пеласга (Paus. VIII, 38, 5). Самое раннее литературное свидетельство об этих играх мы находим в одах Пиндара (Olymp. IX, 96; ср. VII, 83; XIII, 108; Nem. X, 48). В надписях Ликеи начинают упоминаться с IV в. до н. э. Одной из самых ранних является надпись из Дельф, датируемая 370–360 гг. до н. э. (CIG 1715 = Syll.³ 82; Moretti 1953: № 23). Наградой победителю этих соревнований служил бронзовый треножник — τρίπους χαλκοῦς (Schol. Pind. Olymp. VII, 153).

Состязания в Фивах и Марафоне носили имя «Геракловых» (τὰ Ἡράκλεια) и были посвящены этому древнегреческому герою[17]. Марафонские Гераклеи устраивались каждые четыре года (Aristot. Ath. Pol. 54). Их победитель награждался серебряной чашей — ἀργυρᾶ φιάλη[18]. Победитель же Фиванских состязаний получал в награду бронзовый треножник[19].

Помимо священных игр, в античном мире получили широкое распространение коммерческие турниры — ἀγῶνες χρηματῖται/ ἀργυρῖται ‘денежные игры’ или ἀγῶνες θεματῖται/ θεματικοί ‘игры, где наградой был ценный приз’. Подобные соревнования могли также именоваться ἐπ' ἄθλοις ‘за награды’,

---

[17] Фиванские игры также назывались Иолаевыми (τὰ Ἰολάεια), так как проводились неподалеку от погребального холма Иолая и Амфитриона (Schol. Pind. Olymp. VII, 153 e; IX, 148 d и др.).

[18] Schol. Pind. Olymp. IX, 134, 137; XIII, 148–156; Pyth. VIII, 112. Марафонские состязания упоминаются Пиндаром в Olymp. IX, 89; XIII, 110.

[19] Schol. Pind. Olymp. VII, 154 g; 141–159. Фиванские Гераклеи встречаются у Пиндара в Olymp. VII, 84; IX, 98–99; XIII, 107. Подробнее об этих и других состязаниях в честь Геракла см. Lenschau 1912: 439–440.

ἀθλοφόροι ‘приносящие награды’, δωρῖται ‘приносящие дары’, ταλαντιαῖοι ‘тоимостью в один талант’, ἡμιταλαντιαῖοι ‘стоимостью в полталанта’ и т. д.[20]

На таких играх в качестве награды выдавался ценный приз или значительная сумма денег. Причем в отличие от «венценосных» состязаний, здесь зачастую награждался не только победитель, но и прочие участники турнира (Buhmann 1972: 7; ср. Hom. Il. XXIII, 262 sqq.).

В эпиграфических источниках коммерческие соревнования начинают регулярно упоминаться лишь в императорскую эпоху. Одним из самых ранних свидетельств является надпись на статуе синопского кулачного бойца Марциана Руфа, датируемая временем Траяна или Адриана (II в. н. э.) (Moretti 1953: № 69).

В действительности же эта категория состязаний возникает довольно рано. К подобного рода турнирам можно причислить погребальные игры в честь Патрокла, которым посвящена большая часть XXIII песни «Илиады» Гомера. Коммерческим турниром были и Пифийские состязания в начальный период своей истории (до 582 г. до н. э.). Да и впоследствии многие атлетические турниры могли изменять свой статус, превращаясь из священных игр в коммерческие состязания и наоборот. Мы уже упоминали выше об играх в Пеллене, ставших со временем обычным коммерческим турниром. Примерами коммерческих состязаний, ставших «венценосными», могут служить соревнования, упомянутые в надписи из Сард в честь кулачного бойца и панкратиаста Марка Аврелия Дамаса (212–217 гг. н. э.) (IGR IV 1519 = I. Sardis 79; Moretti 1953: № 84).

Отсутствие ранних эпиграфических свидетельств о коммерческих турнирах, по-видимому, объясняется их низким авторитетом. По крайней мере, маловероятно, чтобы все 1400 побед знаменитого кулачного бойца и панкратиаста Феагена Фасийского (V в. до н. э.), о которых сообщает Павсаний[21], были

[20] Полный список см. Reisch 1893: 847.

[21] В античных источниках нет единого мнения относительно общего числа побед, одержанных Феагеном. Так, Плутарх, который в целом довольно скептически относится к достижениям атлета, сообщает о 1200 венках, полученных Феагеном (Praec. rei publ. ger. 811 e). В надписи, начертанной на базе дельфийской статуи спортсмена, говорится о 1300 венках (Syll.³ 36 A; Moretti 1953: № 21). И, наконец, самое большое число побед (1400) приписывает Феагену Павсаний

одержаны им на священных играх. Скорее всего, большинство их относится к местным состязаниям и призовым турнирам. Если же говорить о надписях императорской эпохи, то необходимо отметить, что и здесь атлеты обычно не вдаются в подробности и ограничиваются лишь указанием на общее число побед, достигнутых на коммерческих соревнованиях (Inschr. v. Olymp. 237, Moretti 1953: № 70; IG XIV 739 = IGR I 444, Moretti 1953: № 77; IGR IV 1519, Moretti 1953: № 84).

С III в. н. э. атлетические фестивали начинают утрачивать свое значение. Все громче звучат голоса противников спортивных состязаний, среди которые первое место занимают христианские писатели, к примеру, Тертуллиан. Атлетика объявляется занятием бесполезным и недостойным человека, который, согласно учению Церкви, являет собой образ и подобие Божие. Некоторые виды спорта, как, например, борьба, прямо называются «делом дьявола» — diaboli negotium (Tertull. Spect. 18).

Постепенно сокращается число и объем эпиграфических источников, посвященных спортивной тематике. Одной из последних крупных надписей является надпись из Афин, высеченная на базе статуи Валерия Элета, многократного победителя в состязаниях глашатаев, которая датируется 253–257 гг. н. э. (IG II–III² 3168–3170; Moretti 1953: № 90).

Самой поздней из известных нам надписей является надпись в честь борца Иоанна из Смирны, состоящая всего из четырех слов — Ἰωάνης παλαιστὴς Σμυρναῖος ἄπτωτος ‘Иоанн, кулачный боец из Смирны, не претерпевший ни одного падения’ (IG XIV 1106) и появившаяся незадолго до последнего Олимпийского фестиваля (393 г.).

В 394 году Олимпийские игры были запрещены указом императора Феодосия I. Что касается других спортивных фестивалей, то они прекратили свое существование задолго до этого запрета (Reisch 1893: 862). Окончательный удар по античной атлетике нанес в 520 году император Юстиниан, положивший конец Олимпийским играм в Антиохии (Сирия), последнему из античных спортивных фестивалей (Moretti 1953: 177). Тем не менее, как показывает изучение источников Византийского времени, живой интерес к греческой атлетике продолжает сохраняться и в эту эпоху (Kukules 1949).

(VI, 11, 5). Олимпийские победы Феагена относятся к 75-й (кулачный бой) и 76-й (панкратион) олимпиадам (480 и 476 гг. до н. э.) (Moretti 1957: № 201, 215).

Лексика, связанная с организацией и проведением античных атлетических соревнований

В данном разделе речь, в первую очередь, пойдет об Олимпийских играх, самом престижном и хорошо освещенном античными источниками фестивале. По мере возможности, будут привлекаться сведения из истории Пифийских, Истмийских и Немейских игр, относительно которых наши знания носят фрагментарный характер и не позволяют составить сколь-нибудь целостной картины о происходящем на этих состязаниях.

Известно, что участники Олимпийских игр должны были прибыть за месяц до начала фестиваля в город Элиду (столицу одноименной области на полуострове Пелопоннесс), под контролем которой находилась Олимпия и проводились Олимпийские игры. В течение этого месяца атлеты должны были оставаться в Элиде и тренироваться под присмотром местных должностных лиц — элланодиков (Paus. VI, 23–24, Philostr. Vit. Apoll. V, 43). Последние имели право отстегать атлета за непослушание или вовсе не допустить его к состязаниям.

Если атлет приезжал в Элиду позже назначенного срока и не мог оправдать свое опоздание уважительными причинами, к числу которых относились болезнь, нападение пиратов, кораблекрушение и пр., он наказывался денежным штрафом, а случае отказа выплатить его подвергался порке (Inschr. v. Olymp. 56).

Перед началом официальных соревнований их участники должны были пройти обязательную проверку, называвшуюся πρόπειρα или κρίσις[22], и регистрацию, которая обозначалась существительным ἀπογραφή или глаголом ἀπογράφεσθαι (med.)[23]. Проверка должна была удостоверить личность, правовой статус (свободное состояние) и возраст будущего участника соревнований.

Не явившихся на эту процедуру исключали из числа участников состязаний (Paus. V, 21, 12 sqq). В случае отсутствия заявлений об участии соревнование именовалось ἀγὼν ἔρημος ‘пустым состязанием’ и победный венок присуждался божеству (Inschr. v. Olymp. № 56, 16; см. также Ziehen 1937: 33).

---

[22] Ср. IG XIV 1102 = IGR I 153, Moretti 1953: № 79 (Рим, 200 г. н. э.); см. также Moretti 1953: 233 sqq.

[23] GIBM 613; ср. IG XIV 1102 (= IGR I 153, Moretti 1953: № 79); Moretti 1953: № 86 (ἀπογράψασθαι).

После регистрации атлеты уже не могли отказаться от поединков без уважительной причины (Ael. Arist. Εἰς Δία, 2: δεῖ δὴ ὥσπερ τῶν ἀθλητῶν τοὺς ἀπογράψαντας ἑαυτοὺς μὴ ἀναχωρεῖν, ἀλλ᾽ ὁμόσε ἰέναι καὶ πειρᾶσθαι τοῦ ἀγωνίσματος). По сообщению Павсания, на 201-й олимпиаде (372 г. до н. э.) александрийский панкратиаст Сарапион так испугался своих соперников, что захотел сбежать за день до начала соревнований. В результате он был наказан денежным штрафом за трусость (V, 21, 18).

Попытка в один и тот же день получить венок в кулачном бою и панкратионе оказалась неудачной для Феагена Фасийского (ол. 75 = 480 г. до н. э.), так как его настолько утомил поединок в кулачном бою, что он не смог состязаться в панкратионе. Поэтому судьи наложили на спортсмена штраф в два таланта: один талант он должен был уплатить в пользу бога, другой — побежденному им в кулачном бою Евфиму (Paus. VI, 6, 5).

Тем не менее, правило об обязательном участии в состязаниях после регистрации могло не соблюдаться, если на игры прибывал выдающийся атлет. При согласии противников победа могла быть присуждена ему без непосредственного участия в соревновании; для обозначения такого исхода состязания использовался специальный термин — ἀκονιτί, или ἀκονιτεί (букв. «без пыли»[24]) (Philostr. Gymn. 11; Q. Smyrn. IV, 318–319; Moretti 1953: № 21 — Дельфы, 370–365 гг. до н. э.).

Первое эпиграфическое упоминание о такой победе мы встречаем в олимпийской надписи 500 г. до н. э., высеченной на каменной гире, которая стала посвятительным даром пятиборца Акматида из Спарты: Ἀκματίδας | Λακεδαιμόνιος | νικῶν | ἀνέθηκε| τὰ πέντε |ἀσσκονικτεί — ‘Акматид из Лакедемона, победитель, посвятил, пентатлон, без пыли’ (Moretti 1953: № 8). Согласно литературной традиции, первым из представителей единоборств победу «без пыли» получил в Олимпии панкратиаст Дромей из Мантинеи (ол. 75 = 480 г. до н. э.). Правда, в данном случае Дромей получил победу только потому, что его предполагаемый противник Феаген, обессиленный поединком в кулачном бою, отказался от состязания в панкратионе (Paus. VI,

[24] Речь здесь идет о гимнастической пыли, или конис (κόνις), которая напоминала современный тальк и была таким же непременным атрибутом гигиены атлетов, как и масло. Перед тренировками и состязаниями атлеты умащали тело маслом и посыпали его тонким слоем конис.

11, 4). Победы «без пыли» могли также присуждаться и представителям других видов состязаний, например, бегунам (ср. IGR III 370 = SEG VI 609, Moretti 1953: № 76 — Адада (Писидия), 2 пол. II в. н. э.; Moretti 1953: № 78 — Траллы, после 180 г. н. э.).

На античных играх не существовало весовых категорий[25], но были возрастные категории, для общего обозначения которых использовалось существительное κρίσις. Слово κρίσις («разделение, различение, проверка») первоначально обозначало проверку, которой подвергали атлетов при прибытии на соревнования с целью удостоверить их личность и возраст (см. выше), и лишь затем приобрело значение «возрастная категория» (Moretti. 1953: № 72 — Афродисиада (Кария), 165 г. н. э.; CIG 4472 = IGR III 1012, Moretti 1953: № 85 — Лаодикея (Сирия), 221 г. н. э.; IG V 1, 19 — Спарта; XIV, 754 — Неаполь и др.).

На Олимпийских играх атлеты состязались в двух разрядах: взрослом — ἄνδρες (после 20 лет) и детском — παῖδες (с 12 до 20 лет)[26]. Самым юным участником Олимпийского турнира стал двенадцатилетний Дамиск из Мессении, победивший в стадии на 103-й олимпиаде (368 г. до н. э.) (Paus. VI, 2, 10)[27].

Финальная проверка для определения возрастной категории проводилась в Олимпии также перед самым началом соревнований, что приводило в ужас некоторых атлетов, которые первоначально были приписаны к категории παῖδες, но очень боялись попасть в результате итоговой проверки в категорию ἄνδρες. В «Соннике» Артемидора (II в. н. э.) есть описания таких ночных кошмаров атлетов (Artemid. Oneir. 5, 13).

На Истме, в Немее, Афинах и других местах проведения соревнований существовала также промежуточная категория

---

[25] Из всей античной литературы мы располагаем только одним свидетельством IV в. н. э., согласно которому атлеты перед состязаниями в Афинах определяли поднятием тяжестей свою принадлежность к той или иной весовой категории (Hier. In Zacch. 3, 12 (PL XXV, 1509–1510)).

[26] Diog. Laert. VIII, 47; Paus. VI, 7, 1 и др.; Plut. Quaest. conv. 639 a; Inschr. v. Olymp. 147 sq. (V в. до н. э.); 186, Moretti 1953: № 46 (180 г. до н. э.); 225, Moretti 1953: № 64 (49 г. н. э.) и пр.

[27] Ср. аналогичный случай, произошедший на Истмийский играх SGDI 4271 = Syll.³ 1067, Moretti 1953: № 50 (Кедреи, сер. II в. до н. э.).

ἀγένειοι — «безбородые», в которой выступали юноши 17–20 лет.[28]

На некоторых играх (например, на косских Асклепиях — τὰ Ἀσκλάπεια) атлеты могли подразделяться еще на две дополнительные группы: παῖδες Πυθικοί — «Пифийские дети» (12–14 лет) и παῖδες Ἰσθμικοί — «Истмийские дети» (14–17 лет)[29].

Переход из одной возрастной категории в другую обозначался в древнегреческом языке глаголом προσβαίνειν — букв. ‘подступать, входить, идти вперед’[30].

В ряде дисциплин, предполагавших парное состязание, проводилась жеребьевка, которая устраивалась в каждом круге состязаний вплоть до финала и называлась κλῆρος. В спортивной терминологии слово κλῆρος обозначало не только вытянутый атлетом жребий (ср., напр., Inschr. v. Olymp. 225, Moretti 1953: № 64, с 5–49 г. н. э.), но и каждый отдельно взятый этап соревнований (Inschr. v. Olymp. 54 = Syll.³ 1073, 28 sqq. и др.). Для обозначения перехода в следующий круг турнира в древнегреческом языке использовалось выражение κλήρους ἐκβιβάζειν ‘устранять, т. е. выигрывать туры’ (TAM II 301 = IGR III 626 (Ксанф)).

Жребии помечались буквами греческого алфавита, причем на каждую букву приходилось по два жребия. Атлеты, вытянувшие жребии с одинаковыми буквами, объединялись в одну пару.

Если число участников турнира было нечетным, то изготовляли непарный жребий. Тот, кто вытаскивал этот жребий, оставался в запасе и назывался ἔφεδρος ‘находящийся в резерве, запасной атлет’; такой атлет ждал, пока первые пары окончат борьбу, и находился в очень выгодном положении, так как в дальнейшем выступал со свежими силами против уже утомленных соперников (Luc. Herm. 39. Ср. Pind. Nem. IV, 96

---

[28] Pind. Olymp. VIII, 54; IX, 89; IG II 1301, II–III² 3125, Moretti 1953: № 22 (Афины, 370–360 гг. до н. э.); ср. IG VII 2470, Moretti 1953: № 36 (Фивы, 300–280 гг. до н. э.) и др. Ср. Klee 1918: 44 sqq.

[29] I. Cos 104 = SGDI 3660 = Syll.³ 1065 = IGR IV 1064, Moretti 1953: № 60 (Кос, 5 г. н. э.) и др.; см. также Klee 1918: 46 sqq.; ср. Moretti 1953: 158 sq.

[30] Diog. Laert. VIII, 47; Moretti 1953: № 78 (Траллы, после 180 г. н. э.); IGR IV 1519 = I. Sardis 79, Moretti 1953: № 84 c (Сарды, 212–217 гг. н. э.); ср. IG IV 428, Moretti 1953: 103–104, № 40 (Сикион, 260–220 гг. до н. э.) и др.

(ср. Aeschyl. Choeph. 866 sqq.); Eurip. Rhes. 119; Aristoph. Ran. 792; Plato. Leg. 819 b и др.). Поэтому предметом особенной гордости атлетов становилась победа, одержанная ἀνέφεδρος или χωρὶς ἐφεδρείης ‘без сидения в запасе’ (Inschr. v. Olymp. 225, Moretti 1953: № 64, b 7, c 5–6 (49 г. н. э.); ср. Inschr. v. Olymp. 54 = Syll.³ 1073, 28 sqq.; Inschr. v. Olymp. 227 = Syll.³ 1070 (89 г. н. э.); IG V 1, 680 (Спарта)).

В отдельных атлетических дисциплинах, например, в единоборствах, продолжительность поединков специально не регламентировалась, и соревнование могло затянуться до позднего вечера (ср. Inschr. v. Olymp. 54 = Syll.³ 1073). Поэтому выносливость бойца имела особенное значение. Не случайно Филон Александрийский, сравнивая двух бойцов, один из которых проявляет большую активность и при этом скорее устает, а другой спокоен и вынослив, отдает предпочтение последнему (Quod prob. 26; ср. Dio Chrys. XXVIII sq.; Sen. Dial. IV, 14, 2; II, 9, 5).

Состязания в некоторых видах программы игр (например, в борьбе, кулачном бою и панкратионе) могли иногда оканчиваться вничью, что обозначалось термином ἱερὸν (τὸν στέφανον) ποιεῖν или просто ἱερά. При подобном исходе участвовавшие в них атлеты обычно лишались награды, а победный венок, как и в случае с ἀγὼν ἔρημος (см. выше), посвящался божеству (Polyb. Hist. I, 58, 5; Gell. XVIII, 2, 5; Inschr. v. Olymp. № 54, 36–38; № 56, 16; Syll.³ 1073; 1058; Moretti 1953: № 71 = I. Magnesia 180–181, см. также Янзина, Корнеев 2020: 925). Только в императорскую эпоху венки начинают присуждаться обоим претендентам на победу; такое обоюдное присуждение называется по-гречески συστεφανοῦσθαι или συστέφεσθαι — «быть совместно увенчанным»)[31].

В данной статье были рассмотрены некоторые общие аспекты организации и проведения античных атлетических состязаний и представлены связанная с ними лексика. Однако приведенный список носит отнюдь не исчерпывающий характер: программа игр была весьма разнообразной и включала множество дисциплин, в которых соревновались атлеты, что предполагает наличие специальной терминологии для обозначения правил, используемого инвентаря, особенностей места

[31] IG XIV 1102 = IGR I 153, Moretti 1953: № 79 (Рим, 200 г. н. э.); CIG 4240 c = TAM II 586, Moretti 1953: № 83 (Тлос, после 212 г. н. э.); IGR III, 412 (Ольбаса (Писидия)); SEG II 745 (Барла (Писидия)) и др.

для проведения состязаний и прочих атрибутов каждой отдельно взятой спортивной дисциплины. Все это выходит за рамки данной статьи и может стать предметом отдельного исследования.

Литература

Aelius Aristides. Εἰς Δία, Λαλιὰ εἰς Ἀσκληπιόν, Πρὸς Πλάτωνα ὑπὲρ τῶν τεττάρων, ed. W. Dindorf, Aristides, vols. 1–2. Leipzig 1829, repr. Hildesheim 1964.

Aeschylus. Supplices, Agamemnon, Choephoroe, Eumenides, Persae, ed. G. Murray, *Aeschyli tragoediae*, 2nd edn. Oxford 1955, repr. 1960.

Anthologia Graeca, ed. H. Beckby, *Anthologia Graeca*, 4 vols., 2nd edn. Munich 1–2:1965, 3–4:1968.

(Pseudo)-Apollodorus. Bibliotheca sub nomine Apollodori, ed. R. Wagner, *Apollodori bibliotheca. Pediasimi libellus de duodecim Herculis laboribus*. Mythographi Graeci 1. Leipzig, 1894.

Aristophanes. Acharnenses, Equites, Pax, Aves, Ranae, ed. V. Coulon and M. van Daele, *Aristophane*, vols. 1–4. Paris 1:1923, repr. 1967; 2:1924, repr. 1969; 3:1928, repr. 1967; 4:1928, repr. 1967.

Aristoteles. Ἀθηναίων πολιτεία (frg. 70). Fragmenta, ed. F. Wehrli, *Dikaiarchos. Die Schule des Aristoteles*, vol. 1, 2nd edn. Basel, 1967.

Aristoteles. Fragmenta varia, ed. V. Rose, *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*. Leipzig 1886, repr. Stuttgart 1967.

Aristoteles. Mirabilium auscultationes, ed. I. Bekker, *Aristotelis opera*, vol. 2. Berlin 1831, repr. 1960.

Artemidorus. Onirocriticon, ed. R. A. Pack, *Artemidori Daldiani onirocriticon libri* V. Leipzig, 1963

Bourguet E., Colin G. et al., 1909: *Fouilles de Delphes III, Epigraphie*. Paris.

Buhmann H., 1972: *Der Sieg in Olympia und in den anderen panhellenischen Spielen*: Diss. München.

Cassius Dio. Historiae Romanae, ed. U. P. Boissevain, C*assii Dionis Cocceiani historiarum Romanarum quae supersunt*, 3 vols. Berlin 1:1895, 2:1898, 3:1901; repr. 1955.

Censorinus (L. Calpurnius Piso Censorinus Frugi). Annales, ed. H. Peter, *Historicorum Romanorum reliquiae*, vol. 1. Leipzig, 1914.

Clemens Alexandrinus. Protrepticus, ed. C. Mondésert, Clément d'Alexandrie. *Le protreptique*, 2nd edn. Sources chrétiennes 2. Paris, 1949.

Dio Chrysostomus. Orationes, ed. J. von Arnim, *Dionis Prusaensis quem vocant Chrysostomum quae exstant omnia*, vols. 1–2, 2nd edn. Berlin 1:1893, 2:1896; repr. 1962.

Diogenes Laertius. Vitae philosophorum, ed. H. S. Long, *Diogenis Laertii vitae philosophorum*, 2 vols. Oxford 1964, repr. 1966.

Dittenberger W., 1915–1924: *Sylloge inscriptionum Graecarum*, 3rd edn. IV. Lipsiae.

Dittenberger W., Purgold K., 1896: *Die Inschriften von Olympia*. Berlin.

Euripides. Rhesus, ed. J. Diggle, *Euripidis fabulae*, vol. 3. Oxford, 1994.

Gardiner E.N., 1930: *Athletics of the ancient world*. Oxford.

Habicht Chr., 1999: Afiny. *Istoria goroda v ellenisticheskuyu epohu* [*Studien zur Geschichte Athens in hellenistischer Zeit*]. Tr. by J.G. Vinogradov. Moscow.

Хабихт Х., 1999: *Афины. История города в эллинистическую эпоху*. Пер. с нем. Ю. Г. Виноградова. Москва.

Hanell K., 1935: Nemea (Νέμεα, Νέμειᾳ). In *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, 16. Bd., 32. Hbd., Stuttgart; Waldsee.

Herodianus. Ab excessu divi Marci, ed. K. Stavenhagen, *Herodiani ab excessu divi Marci libri octo*. Leipzig 1922, repr. Stuttgart 1967.

Herodotus. Historiae, ed. Ph.-E. Legrand, *Herodote. Histoires*, 9 vols. Paris 1:1932, repr. 1970; 2:1930, repr. 1963; 3:1939, repr. 1967; 4 (3rd edn.):1960; 5:1946, repr. 1968; 6:1948, repr. 1963; 7:1951, repr. 1963; 8:1953, repr. 1964; 9:1954, repr. 1968.

Hesychius. Lexicon Π–Ω, ed. M. Schmidt, *Hesychii Alexandrini lexicon*, vols. 3–4. Halle 3:1861, 4:1862; repr. Amsterdam 1965.

Homerus. Ilias, ed. Th. W. Allen, *Homeri Ilias*, vol. 3. Oxford, 1931.

Inscriptiones *Graecae ad res Romanas pertinentes*, I–III–IV. Paris, 1906 sqq.

Iosephus Flavius. De bello Judaico libri VII, ed. B. Niese, *Flavii Iosephi opera*, vol. 6. Berlin 1895, repr. 1955.

Iuvenalis. Saturae, ed. W.V. Clausen, A. Persi Flacci et D. *Iuni Iuvenalis Saturae*. Oxford, 1959.

Kern O., 1900: *Die Inschriften von Magnesia am Maeander*. Berlin.

Klee Th., 1918: *Zur Geschichte der gymnischen Agone an griechischen Festen*. Leipzig; Berlin, 1918.

Kukules Ph., 1949: Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός 3. Athens.

Lenschau, 1912: Herakleia. In *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, 8. Bd., 15. Hbd., Stuttgart; Waldsee.

T. Livius. Ab urbe condita, ed. R. S. Conway, C. F. Walters, Titi Livi *Ab urbe condita*, vol. 1. Oxford, 1914.

Lucianus. Demonax, Charon sive contemplantes, De parasito sive artem esse parasiticam, De mercede conductis potentium familiaribus, Anacharsis, Pro imaginibus, Lexiphanes, Deorum concilium, ed. A. M. Harmon, *Lucian*, vols. 1–5. Cambridge (Mass.) 1:1913, repr. 1961; 2:1915, repr. 1960; 3:1921, repr. 1969; 4:1925, repr. 1961; 5:1936, repr. 1972.

Martialis (M. Valerius Martialis). *Epigrammata*, ed. W.M. Lindsay. Oxford, 1929.

Miller S.G., 2004: *Ancient Greek athletics*. New Haven and London.

Moretti L., 1953: *Iscrizioni agonistiche greche*. Roma.

Moretti L., 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni olimpici. — Atti della Ac-cademia Nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche*, Ser. VIII, Vol. VIII, Fasc. 2. Roma.

Pausanias. Graeciae descriptio, ed. F. Spiro, Pausaniae Graeciae descriptio, 3 vols. Leipzig 1903, repr. Stuttgart 1:1967.

Philo Alexandrinus. Quod omnis probus liber sit, ed. L. Cohn and S. Reiter, *Philonis Alexandrini opera quae supersunt*, vol. 6. Berlin 1915, repr. 1962.

Philostratus. De gymnastica, Heroicus, Vita Apollonii, ed. C. L. Kayser, *Flavii Philostrati opera*, vols. 1–2. Leipzig 1:1871, 2:1870; repr. Hildesheim 1964.

Pindarus. Epinicia, ed. H. Maehler (post B. Snell), *Pindari Carmina cum fragmentis*, pars 1: Epinicia. Leipzig, 1987.

Plato. Apologia Socratis, Sophista, Parmenides, Symposium, Alcibiades 2, Amatores, Euthydemus, Protagoras, Gorgias, Respublica, Leges, ed. J. Burnet, *Platonis opera*, vols. 1–5. Oxford 1:1900, repr. 1967; 2:1901, repr. 1967; 3:1903, repr. 1968; 4:1902, repr. 1968; 5:1907, repr. 1967.

Plinius. Naturalis historia, ed. C. Mayhoff, C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII, vols. 1–5. Leipzig, 1892–1909.

Plutarchus. Aristides, Theseus, Romulus, Cato Maior, Cimon, Comparatio Cimonis et Luculli, Solon, Publicola, Pericles, Fabius Maximus, Alcibiades, Demosthenes, Timoleon, Pelopidas, Marcellus, Alexander, Caesar, Philopoemen, Marius, Agis et Cleomenes, Antonius, De musica, ed. K. Ziegler, *Plutarchi vitae parallelae*, vols. 1.1, 4th edn.; 1.2, 3rd edn.; 2.1, 2nd edn.; 2.2, 2nd edn.; 3.1, 2nd edn.; 6.3, 3rd edn. Leipzig 1.1:1969, 1.2:1964, 2.1:1964, 2.2:1968, 3.1:1971, 6.3:1966.

Plutarchus. *Lycurgus, Numa, Agesilaus, Pompeius*, ed. B. Perrin, *Plutarch's lives*, vols. 1, 5. Cambridge (Mass.) 1:1914, repr. 1967; 5:1917, repr. 1968.

Plutarchus. Praecepta gerendae reipublicae, An seni respublica gerenda sit, ed. H.N. Fowler, *Plutarch's moralia*, vol. 10. Cambridge (Mass.) 1936, repr. 1969.

Plutarchus. Quaestiones convivales, De sollertia animalium, ed. C. Hubert, *Plutarchi moralia*, vols. 4, 6.1. Leipzig 4:1938, repr. 1971; 6.1:1954, repr. 1959.

Poliakoff M.B., 1987: *Combat sports in the ancient world: competition, violence and culture*. New Haven and London.

Pollux (Iulius). Onomasticon, ed. E. Bethe, Pollucis onomasticon, 2 vols. *Lexicographi Graeci* 9.1–9.2. Leipzig 9.1:1900, 9.2:1931; repr. Stuttgart 1967.

Quintus Smyrnaeus. Posthomerica, ed. F. Vian, *Quintus de Smyrne. La suite d'Homere*, vol. 1. Paris, 1963.

Reisch E., 1893: Agones. In *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, 1. Bd., 1. Hbd.

Robert L., 1957: Bulletin épigraphique. — *Revue des etudes grecques* LXVII. Paris.

Robert L., 1949: *Hellenica. Recueil d'epigraphie, de numismatique et d'antiquites Grecques* VII. Paris.

Schneider K., 1916: Isthmia. In *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, 9. Bd., 18. Hbd., Stuttgart; Waldsee.

Scholia in Apollonii Rhodii Argonautica (scholia vetera), ed. K. Wendel, *Scholia in Apollonium Rhodium vetera*. Berlin 1935, repr. 1974.

Scholia in Pindarum (scholia vetera), ed. A. B. Drachmann, *Scholia vetera in Pindari carmina*, vol. 3. Leipzig 1927, repr. Amsterdam 1966.

Seneca Iunior. Dialogi, ed. L. D. Reynolds, *L. Annaei Senecae Dialogorum libri duodecim*. Oxford, 1977.

Statius. Silvae, ed. A. Marastoni, P. Papini Stati Silvae. Leipzig, 1970.

Statius. Thebais, ed. D. E. Hill, P. Papini Stati Thebaidos libri XII. Leiden, 1983.

Strabo. Geographica, ed. A. Meineke, *Strabonis geographica*, 3 vols. Leipzig 1877, repr. Graz 1969.

C. Suetonius Tranquillus. De vita Caesarum, ed. M. Ihm, C. S*uetoni Tranquilli opera*, vol. 1. Leipzig, 1908.

Tertullianus (Q. Septimius Tertullianus). *De spectaculis*, ed. K.-W. Weeber. Stuttgart, 1988.

Theocritus. Idyllia, ed. A. S. F. Gow, *Theocritus*, vol. 1, 2nd edn. Cambridge 1952, repr. 1965.

Thucydides. *Historiae*, ed. H. S. Jones and J. E. Powell, Thucydidis historiae, vol. 1, 1st edn. rev. Oxford 1942, repr. 1970.

Wissowa G., 1898: Capitolia. In *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, 3. Bd., 6. Hbd. Stuttgart; Waldsee.

Yanzina E.V., Korneev O. V., 2020: [Στεφανοῦσθαι, ἡττᾶσθαι, ἱερὸν ποιεῖν. To win a contest or to lose? Some features of the attitude of ancient Greeks towards athletic victories and defeats]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 24(2), 913–929.

Янзина Э. В., Корнеев О. В., 2020: Στεφανοῦσθαι, ἡττᾶσθαι, ἱερὸν ποιεῖν. О восприятии древними греками спортивных побед и поражений. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24(2), 913–929.

Ziehen L., 1939: Olympia. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, 18. Bd., 35. Hbd.. Stuttgart; Waldsee.

Ziehen L., 1949: Panathenaia. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, 18. Bd., 36. Hbd. (2-es Drittel), Stuttgart; Waldsee.

DOI:10.30842/ielc230690152578

М. В. Яценко
(СПб. гос. ун-т телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича)

МОТИВЫ СМЕРТИ И ИЗГНАНИЯ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ «ИСХОД»: ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЕМОВ ЭПИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ХРИСТИАНСКОМ ЭПОСЕ

В статье рассматриваются принципы использования мотивов тем смерти и изгнания в древнеанглийской поэме «Исход» с целью сравнения принципов реализации данных тем в героическом и христианском эпосе и описания поэтики последнего. Хотя сами темы практически не развертываются последовательно в тексте поэмы, ряд их мотивов (лишение изгнанника жизненных благ, путь в изгнание, эмоции изгнанников, предчувствие/ обнаружение близкой смерти) возникают в ключевых эпизодах поэмы: зачин, завязка (рассказ о египетских казнях), кульминация (описание устрашившихся израильтян на берегу Красного моря), развязка (гибель египтян) и мораль (рассказ о посмертном воздаянии). Проведенный анализ показывает семантическую и формальную трансформацию данных мотивов.

Ключевые слова: древнеанглийская поэма «Исход», эпическая тема, тема изгнания, тема смерти, христианский эпос.

M. V. Yatsenko
(Bonch-Bruevch St.Petersburg State University of Telecommunications)

Motifs of Death and Exile in the Old English Poem *Exodus*: Principles of the use of epic narration techniques in the Christian epic

The article deals with the problem of the use of epic narrative techniques in the Old English Christian epic. Epic themes or type-scenes traditionally believed to be the sign of oral epic are analysed in the text of Old English Christian epic poem *Exodus* that elaborates the Old Testament plot in a highly allegoric manner. The analysis of the formulaic motifs comprising the themes of death and exile shows their affinity and the change in form and meaning as compared to the texts of heroic epic (especially those viewed as typical for Old English poetry in the works by S. B.Greenfield and P .B.Taylor). The formulas for the status of exile are used not for one man as we see it in heroic poetry, but for the whole nation when it is shown in extreme conditions: coming out of Egypt, in face of the threat of Egyptians on the shore of the Red Sea. Formulas denoting the status of exile also appear in the final part of the poem, referring to all the people before Doom. The motif of way to or in exile is also used for

description of Israelites and Egyptians. Although traditional motifs of the theme of death contain the description of movement, the scene of Egyptians' death in the Red Sea waves underlines the lack of way out for them, which can be viewed as the lack of the possibility for salvation. This additional meaning of this motif can be seen in the *Bede's death song*, the text of great importance for the understanding of the Old English Christian poetry. Analysing the epic themes of death and exile in *Exodus* against the background of the Old English heroic poetry the author of the article comes to the conclusion that they were both transformed formally (as the formulaic form of their motifs was changed) and semantically as they were used for expressing ideas different from those expressed in the heroic poetry.

Keywords: Old English poem *Exodus*, epic theme, theme of exile, theme of death, Christian epic.

В исследованиях поэтики древнеанглийской поэзии пальма первенства принадлежит поэме «Беовульф» и текстам героической поэзии. Не менее значительными по объему были древнеанглийские поэмы на библейские темы (прежде всего, переложения, входящие в Кодекс Юниуса, поэмы «Бытие», «Исход», «Даниил», «Христос и Сатана»). Оригинальность композиции и трактовки библейских образов и сюжетов в этих произведениях подтверждает необходимость их изучения как самостоятельного жанра. Поэтика этого жанра требует внимательного рассмотрения, в том числе и потому, что она использует средства построения текста, типичные и для героического эпоса. В рамках «устной» теории эта особенность понималась лишь как свидетельство тождества двух традиций (Magoun 1968). При этом использование эпического стиля устным певцом, его приспособление для разной аудитории (Lord 1994: 24–32) не воспринималось как создание новой традиции, а изменению семантики стилистических средств не уделялось должного внимания. Однако анализ древнеанглийской поэзии в целом показывает невозможность ее рассмотрения в рамках только «устной» теории (Benson 1966; Kleiner 2013), а исследования произведений христианской тематики демонстрируют не только использование, но и переосмысление в них мотивов, составляющих те или иные эпические темы (Bjork 2002).

«Эпическая тема» (англ. epic theme) или «типовая сцена» (англ. type-scene) представляет собой прием построения эпизода, состоящий из набора повторяющихся в ряде произведений мотивов. Темы смерти и изгнания достаточно подробно изу-

чены в исследованиях древнеанглийской героической поэзии и элегий, а также в некоторых переложениях евангельских сюжетов[1]. Среди мотивов темы смерти в поэме «Беовульф» П. Тейлор выделил: обнаружение смерти, фатальность событий, предстоящий печальный путь, песнь смерти (Taylor 1967). К мотивам эпической темы изгнания С. Б. Гринфильд относит: описание статуса изгнанника, лишения его жизненных благ, пути в изгнание, а также эмоций изгнанника (Greenfield 1955). Обе темы, как мы видим, содержат описание пути, которое реализовывалось несколько по-разному. Обе эти темы обозначают наибольшие несчастья для человека. Близость изгнания и смерти подтверждается и историческими свидетельствами: изгнание было для германцев одной из тяжелейших форм наказания за серьезные провинности, которая в ряде случаев приравнивалась смерти. В поэме «Исход» данные темы не анализировались. Возможно, потому, что в ней используются не все, входящие в них мотивы. Однако мотивы, соотносимые этими темами, достаточно широко используются в момент завязки основного действия (рассказ о египетских казнях), кульминации (описание израильтян на берегу Красного моря) и развязки (гибель египтян в водах моря), а также в заключительном фрагменте, который представляет собой своеобразный эпилог или мораль и обращен непосредственно к аудитории. Помимо того, что мотивы данных тем возникают в моменты, значимые для развития сюжетного действия, их семантика и наполнение значительно меняются по сравнению с героическим эпосом.

Близость тем смерти и изгнания просматривается еще в зачине поэмы: «Hwæt, we feor and neah/ gefrigen hab[b]að// ofer middangeard / Moyses domas,// (wræclico wordriht,/ wera cneorissum — // in uprodor / eadigra gehwam// æfter bealusiðe/ bote lifes,// lifigendra gehwam/ langsumne ræd)// hæleðum secgan!/ Gehyre se ðe wille!//» — «Истинно, мы далеко ли, близко ли/ слыхали// в срединном мире/ о Моисея законах// (об удивительных словесных уставах/ людей поколениям — // на небе/ из блаженных каждому// после смертного путешествия/ о вознаграждении за жизнь,// из живущих каждому /о вечном совете) //

[1] В частности, в поэмах о Христе «Христос I, II, III» (Greenfield 1989)

воинам говорили!/ Да внемлет тот, кто возжаждет!//» (Ex 1–7)[2]. Здесь, описывая идею воздаяния человеку за грехи после смерти, автор называет его путь несчастным, путем страданий — bealusiðe (Ex 5), тем самым отсылая к теме смерти (ср.: Ex 5a æfter bealusiðe и формула темы смерти sorgfullne siþ Beo 512a, 1278a, 1429a, которую среди прочих приводит П. Тейлор (Taylor 1967: 271)). Словесные уставы или заветы Моисея именуются чудесными, удивительными (wræclico wordriht Ex 3a), обозначение wræclico созвучно с именованием изгнания (ср. wracu f. — suffering, exile — «страдание», «изгнание»), или изгнанника (ср. wræcmon m, fugitive, exile — «беглец», «изгнанник»), употребленными в этой же поэме[3]. Таким образом, зачин поэмы связывает с данными темами представления о посмертном воздаянии и страданиях в земной жизни.

Наиболее очевидно переосмысление семантики эпической темы просматривается при анализе использования мотивов темы изгнания. В христианской поэзии при помощи данной темы описывались герои, отторгнутые от общества: это и Грендель, и Сатана, и Адам после грехопадения и изгнания из рая, и герои элегий («Морестранник», «Скиталец»), которые по каким-то причинам лишены возможности общения с людьми, дружинных пиров и мирских радостей. Христианское осмысление мира привнесло дополнительные смыслы в данную тему за счет ассоциаций изгнанничества с отшельничеством, жизнью монахов и святых. Во многом поэтому в элегиях и в поэме «Даниил»[4] эта тема используется для описания внутреннего состояния отдельного человека, его душевных переживаний и покаяния. Семантика данного концепта испытала значительное влияние христианской традиции[5].

В «Исходе» отдельный человек оказывается объектом описания лишь в самом начале поэмы — это пророк Моисей, который жил в пустыне в момент своего призвания. Однако при

---

[2] Здесь и далее текст поэмы «Исход» приводится с переводом автора статьи по изданию (*Exodus* 1953) с указанием в круглых скобках номера строки и сокращением Ex (Exodus)

[3] Значения этих слов приведены по глоссарию Ирвинга (Irving 1953).

[4] Тема изгнания используется в поэме «Даниил» для описания сумасшествия царя Навуходоносора, о чем мы подробно писали на страницах этого издания в 2017 году.

[5] Чернисс рассматривал этот концепт как часть дохристианской картины мира англосаксов (Cherniss 1972)

изложении этого сюжета тема изгнания не развивается, напротив, жизнь пророка в пустыне описывается как счастливое общение с Богом, он получает силу и могущество для своих дальнейших подвигов. Ситуация исхода из Египта изложена с использованием разного рода топосов, обозначающих несчастья в самом общем смысле. Хотя египетские казни как таковые не описаны, указание на убийцу (Ex 37–41), гибель и трупы (Ex 41) отсылает к идее смерти. Поскольку смерть и убийство не становятся здесь объектом подробного рассказа (как это происходит в сценах сражения в «Беовульфе» или дальше в «Исходе» при изложении гибели в водах Красного моря), мотивы данной темы практически отсутствуют. Возникает лишь фраза dugoð forð gewat (Ex 41 b) — «дружина вперед пошла», которая была, видимо, стандартным обозначением смерти[6]. В «Беовульфе» схожая формула (fyrst forð gewat — «время вперед шло») обозначает движение времени. В «Исходе» она повторяется в строке Mægen forð gewat — «Войско вперед пошло» (Ex 346) — для указания начала движения армии по дну Красного моря. Таким образом, строка Ex 41 может относиться как к гибели египтян, так и к началу исхода, движения израильтян.

В этом эпизоде использованы по крайней мере два мотива темы изгнания, которые группируются в соответствии с тематической аттракцией. Традиционно используемые по отношению к одному герою-изгнаннику, в данном эпизоде эти мотивы относятся к разным героям: «alyfed laðsið/ leode gretan,// folc ferende/ (feond wæs bereafod),// hergas on helle.» — «дозволенный путь ненавистный/ народ приветствовал –// сыны странствующие./ Разорён был супостат// полчища — в преисподней» (Ex 44–46). Формула, обозначающая лишение (feond wæs bereafod (Ex 45b) ср.: golde bereafod (Beo 3018b)[7]), здесь относится к египтянам, тогда как в путь отправляются израильтяне. В обозначении пути alyfed laðsið, которое можно перевести «дозволенный/ разрешенный/ отпущенный/

[6] Э. Б. Ирвинг отмечает, что в поэме «Бытие» формула þa he forð gewat дважды (Gen 1178, 1192) употреблена в значении «когда он умер» (Irving1953)

[7] Пример из Greenfield 1955: 202.

подаренный[8] ненавистный путь», объединяются как бы разные точки зрения на данное путешествие: этот путь и ненавистен для египтян, поскольку они не хотят отпускать своих рабов, но он и разрешен, дозволен ими. В то же время, этот путь дарован Богом по обетованию израильтянам. Трудно представить, как могла воспринимать данный фрагмент англосаксонская аудитория, т. к., помимо неоднозначных обозначений пути, здесь мотивы темы изгнания соотносимы сразу и с египтянами («враг был ограблен») и с израильтянами, которые отправляются в путь.

Как изгнанник описан весь израильский народ во время его пути по пустыне. Но отнести израильтян к типичным изгнанникам достаточно сложно, поскольку народ сохраняет свою целостность и идет под предводительством вождя Моисея и под защитой огненного и облачного столпа. В данной библейской истории фактически всё то, что в глазах англосаксов связано с изгнанием, отсутствует. Поэтому древнеанглийский поэт не развивает здесь всю тему изгнания, он использует лишь мотив трудного пути: «Nearwe genyddon/ on norðwegas» — «Препятствия пересилили/ на путях северных» (Ex 68). Более развернутой тема изгнания становится в тот момент, когда описывается положение израильтян возле Красного моря: «Egsan stodan,// wælgryre weroda./ Wræcmon gebad// laðne lastweard,/ se ðe him lange ær// eðelleasum/ onnied gescraf,// wean witum fæst/» — «Страх объял (досл. страхи восстали),// ужас смерти — [всё] воинство./ Изгнанник ждал// преследователя жестокосердого,/ того, что прежде ему,// безвотчинному,/ кару ужасную предписал,// горе, напастями переполненное./» (Ex 136–140). Здесь возникает указание на статус изгнанника (wræcmon, eðelleasum), а далее следует разъяснение причин вражды между египтянами и израильтянами (Ex 138–154). Описанные эмоций (страх и ужас) в данном эпизоде не совпадают с типичными эмоциями изгнанника[9]. Страх упомянут и далее (Ex 201) при описании противостояния двух народов. Израильтяне в данном эпизоде вновь названы изгнанниками: «Hæfde nydfara/

---

[8] alyfed страдательное причастие от глагола alyfan: give leave, permit, grant — «отпускать», «позволять», «дарить» (Bosworth, Toller 1882–1898; 1964; 1955)

[9] Типичными эмоциями изгнанника были печаль, скорбь (ср. напр. gangan geomor-mod — «шел духом скорбящий» (о Каине) Gen 1050 (Greenfield 1955: 201)).

nihtlangne fyrst,// þeah ðe him on healfa gehwam/ hettend seomedon,// mægen oðde merestream;/ nahton maran hwyrft.//» — «Достались изгнаннику (досл. «странствующему по неволе)/ часы ночные,// хоть его окрест / окружили полчища вражьи,// многолюдство и море./ Не имели другого пути спасительного//» (Ex 208–210). Причем здесь они лишаются как пути и возможности спасти свою жизнь, так и надежды на обретение вотчины (далее — Ex 211).

Мотивы лишения пути и страха в сочетании с мотивами темы смерти возникают в поэме и далее при описании гибели египтян и фараона. Более или менее традиционно развивается мотив предчувствия близкой смерти как обнаружения и понимания превосходящей силы противника: «He onfond hraðe,// siððan [grund] gestah,/ Godes andsaca,// þæt wæs mihtigra/ mereflodes Weard//» — «Он быстро изведал,// на сушу ступив,/ Божий ворог,// что был сильнее/ морского потока Владыка» (Ex 502–504). Здесь глагол использован в форме единственного числа (He onfond hraðe), что, с одной стороны, объяснимо наличием аналогичных формульных моделей в героической поэзии (в частности, в «Беовульфе» (Beo 742, 748)), с другой же стороны, форма единственного числа акцентирует внимание на смерти именно фараона как воплощения дьявола. Мотив предчувствия близкой смерти по отношению к египтянам реализуется несколько иначе. При этом традиционная формульная модель не повторяется: «Wæron Egypte/ eft oncyrde,// flugon forhtigende,/ fær ongeton,// woldon herebleaðe/ hamas findan» — «Те египтяне/ вспять кинулись,// бежали в испуге,/ изведали ужас,// хотели, помертвевшие от битвы,/ воротиться в родные дома» (Ex 452–454). Ощущая близкую смерть, египтяне пытаются от нее бежать, т. е. проявляют самое постыдное для воина поведение.

Мотив фатальности, обреченности воинов реализуется дважды в тексте по отношению к египтянам (Ex 455–457, 508–514). Здесь нет формул, аналогичных используемым в «Беовульфе», где говорится о смерти как последнем пути (Taylor 1967: 255–261). Участь египтян страшнее — это бесславная гибель, о которой никто уже не сможет рассказать их сородичам. Мотив смерти как печального пути в «Исходе» несколько изменен. Для египтян возможность передвижения означала бы спасение, потому их пути описаны как ограниченные: «ac behindan beleac// wyrd mid wæge;/ þær ær wegas lagon,// mere modgode,/ mægen wæs adrenced» — «но за

спинами сомкнула// судьба волну,/ там, где прежде стези были отверсты,// море бурлило,/ полки в пучине канули» (Ex 457–459). И далее аналогичный мотив ограничения движения повторяется (Ex 469–471, 488–490).

Трансформация темы смерти в «Исходе» может быть связана как с физическими аспектами гибели египтян от потопления (они в буквальном смысле утратили возможность передвижения), так и с аллегорическими смыслами, соотносимыми с этим мотивом. Идея смерти как пути в древнеанглийской поэзии становится более понятной при ее рассмотрении в контексте одного из самых популярных (судя по количеству рукописей) текстов этой традиции — «Предсмертной песни Беды»: «For þam nedfere / næni wyrþeþ// þances snotera,/ þonne him þearf sy// to gehicgenne / ær his heonengange// hwæt his gaste/ godes oþþe yfeles// æfter deaþe heonon/ demed weorþe» (Bede's Death Song 1942) — «Никто, в дорогу/ собирающийся поневоле,// заиметь не может/ мудрость большую,// когда он думает,/ уходящий отсюда,// зло сулит/ или благо// суд над его душою,/ что свершится по смерти» (Predsmertnaia pesn' Bedy 1982). Мотив смертного пути в этом тексте соотносится с предстоящим Судом, о котором должен размышлять христианин и о котором в Послании к евреям говорится: «Страшно впасть в руки Бога живаго!» (Евр. 10:31). Для египтян и фараона как аллегории грехов и дьявола возможность спасения отсутствует, потому их смерть и описывается как утрата ими пути. Причем контекст Послания к евреям оказывается актуален не только для «Предсмертной песни Беды», но и для «Исхода»: «Если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет? Мы знаем Того, Кто сказал: у Меня отмщение. Я воздам, говорит Господь. И еще: Господь будет судить народ Свой. Страшно впасть в руки Бога живаго!» (Евр. 10:28–31). Упоминание здесь крови Христа в связи с предстоящим Судом соотносимо с описанием смерти египтян в кровавых водах. Аллегорически — это гибель человеческих грехов в водах крещения и в искупительной крови Христа. Понимание смертного пути как пути спасения в «Предсмертной песни Беды» позволяет увидеть новые смыслы в сцене описания гибели египтян и в мотиве утраты спасительного пути, который использован в «Исходе» по

отношению к израильтянам (nahton maran hwyrft Ex 210). Они обретают возможность спасения не сразу, но только когда решаются вступить в бой, который аллегорически является борьбой с грехом. Путь по дну Красного моря описывается без использования типичных для эпических тем смерти и изгнания мотивов. Однако это описание содержит ряд образов христианской эсхатологии[10]. В Книге Исход израильтяне идут по сухому дну моря, в древнеанглийской же поэме дно моря названо зеленым: «þa þæt feorðe cyn/ firmest eode,// wod on wægstream,/ wigan on heape,// ofer grenne grund,/ Iudisc feða,// on onette/ uncuð gelad//» — «Тогда род четвёртый/ вперёд других ринулся,// двинулись по топям морским/ витязи гурьбой,// по зелёному дну/ Иуды колено// поспешило/ неторной тропою//» (Ex 310–313). В Книге Премудрости Соломона дно Красного моря также названо зеленым[11]. Этот цвет в древнеанглийской поэтической традиции имел семантику спасения[12]. Подобного рода образы зеленого пути или зеленого луга как места спасения есть и в других древнеанглийских, среднеанглийских[13] и древнесаксонских[14] текстах. В поэме «Бытие» зеленой названа и очистившаяся после потопа земля (Gen 1561) и Земля Обетованная (Gen 1787 и 1921), рай назван вечнозеленым (Gen 197).

Сцена гибели в водах Красного моря разрастается до масштабов глобальной катастрофы, в которой участвуют все силы природы: вода, небо, воздух. Это уже не условная битва, в

---

[10] Обычно в связи с поэмой «Исход» упоминают следующие библейские эсхатологические образы: Откр. 16:3, Лк. 21:25, Ис. 25:12, Мф. 24:30, Мф. 24:39, Откр. 14:14–16, Ис. 14:11, Откр. 8:7, Лк. 21: 26, 1 Кор. 15:25, Иуды 13:1, 1 Фес. 5:3, Прит. 5:22, Мф. 22:13, Откр. 21:8. См. Trask 1973: 297 со ссылкой на ряд работ.

[11] «Явилось облако, осеняющее стан, а где стояла прежде вода, показалась сухая земля, из Чермного моря — беспрепятственный путь, и из бурной пучины — зеленая долина. Покрываемые Твоею рукою, они прошли по ней всем народом, видя дивные чудеса» (Прем. 19:7–8).

[12] Известно, что в древнеанглийском поэтическом переложении 141 Псалма путь спасения для человека также назван зеленым. В Пс. 141:4 цветовое обозначение отсутствует. Это пример приводится в статье (Keenan 1970: 456).

[13] Подробнее см. Keenan 1970; 1973. В древнеанглийской поэзии зеленый цвет упоминается почти исключительно в религиозной поэзии (Bochkareva 2007: 123).

[14] Так, в древнесаксонской поэме «Хелианд» зеленым лугом названа Елеонская гора и рай (Ganina 2007: 95).

сторону которой идут израильтяне. Гибель египтян и фараона осмысливалась как эсхатологическая еще в Ветхом Завете, прежде всего — в Книге пророка Аввакума[15]. Ряд образов этого текста повторяется в «Исходе». Например, это описание моря как стен, холмов, вечных волн (Авв. 3:6, 3:10–11): «Randbyrig wæron rofene,/ rodor swipode// meredeaða mæst;/ modige swulton//» — «Заслонные стены рассыпались,/ небо обрушилось,// погибель была величайшая в мире;/ могучие умирали» (Ex 463–464).

Продолжение эсхатологических мотивов встречаем и в заключительном эпизоде, описывающем сцену Страшного Суда, в которой участвуют изгнанники (wreccum (Ex 575)), лишенные вотчины (Eðellease (Ex 576)): «Þis is læne dream,//wommum awyrged,/ wreccum alyfed,// earmra anbid./ Eðellease// þysne gystsele/ gihðum healdað,// murnað on mode, / manhus witon// fæst under foldan, / þær bið fyr and wyrm,//…»– «Это — тщетная мечта,// грехами загубленная,/ странникам дарованная,// несчастных упование./ Одаля лишенные// в том пиршественном зале/ грустью овладеют,// опечалятся в душе,/ о доме зла узнают,// крепком под землей,/ где будет огнь и червь//…» (Ex 574–579). Здесь же возникает формула-обозначение лишения жизненных благ (wreccum alyfed — «странникам дарованная» (Ex 575B)), по структуре она близка устойчивым выражениям, включающим сообщения о лишении. Аналогичные формулы используются как в Беовульфе и других поэмах[16], так и в «Исходе» и обычно содержат объект и причастие от глагола с общей семантикой лишения: feond wæs bereafod — «враг был ограблен» (Ex 45), since berofene– «сокровищ лишенные» (Ex 36). Смысловое же наполнение данной формулы в строке Ex 575 («странникам дарованная») кажется абсурдным с точки зрения героических представлений об изгнании, поскольку она сообщает не о лишении радости, богатства, надежды, а о даровании, но использована она для обозначения дарования странникам суетного, быстропроходящего счастья (læne dream). Так акцентируется внимание на страданиях изгнанников. Здесь описаны также вполне типичные эмоции изгнанников — тоска, скорбь, схожая с похоронной тоской: murnað on mode– «опечалятся/ восскорбят в душе» (Ex 578).

[15] О связи ее с «Исходом» см. Breeze 1994.
[16] См. примеры в статье Greenfield 1955: 202.

В данном эпизоде идея близости Суда наиболее последовательно выражена через упоминание о скоротечности земной жизни и земного счастья. В христианском контексте эти образы дополняются еще и рассуждением о посмертной участи человека и конце времен. Повествование обретает максимальное обобщение: странники и изгнанники здесь не только израильтяне, но и все люди, обозначенные во множественном числе (wreccum (Ex 575), Eðellease (Ex 576)), поскольку они относятся, видимо, уже не только к отдельному народу (ср. употребление данных обозначений в единственном числе в строках Ex 137, 208), но ко всем людям. Использование местоимения «мы» только подтверждает, что поэт стремится придать понятию изгнания общечеловеческий характер. При этом происходит смыкание времен рассказа и слушателя. Употребление глаголов в формах настоящего времени позволяет относить его и к плану будущего: «þæt we gesne ne syn/ Godes þeodscipes,// Metodes miltsa./ He us ma onlyhð,// nu us boceras/ beteran secgað// lengran l*if*wynna./» — «что мы лишенными не будем/ Бога власти,// Господа благодатей./ Он нам больше подарит,// теперь нам ученые мужи/ [об этом] лучше расскажут// о более долгих радостях жизни/» (Ex 571–574). Противопоставление лишения и дарения также отсылает к теме изгнания (изгнанник в силу своего одиночества лишен возможности получать дары от своего господина, в роли которого здесь выступает Господь).

Каждый человек воспринимается в данном фрагменте как изгнанник в определенный момент своей жизни, а именно в преддверии смерти. О смерти говорит, как указание на бренность мира сего, так и упоминание некоего пиршественного зала. Этот образ был типичен не только для описаний застолья славных воинов в «Беовульфе», но и для элегий, где главный герой страдает от невозможности совместной трапезы с остальными дружинниками. В «Исходе». описание пиршественного зала, где оказываются изгнанники, схоже с рассказом о скинии собрания или Небесном Иерусалиме, прообразом которого, как пишет Андрей Кесарийский, она являлась (Bibleyskie kommentarii 2009: 388). Именно в скинии собрания Моисей наставлял народ. В соответствии с Апокалипсисом (Откр. 21:3–7), после смерти, пребывая в небесной скинии, люди узнают в преддверии Страшного Суда о том, что их ждет. Появляющийся здесь образ ключей обретает в конце поэмы связь не только с проблемой понимания текста Священного Писания (Господь открывает ключами сердца людей), но и обретением

Небесного Царства, ключи от которого принадлежат Богу. Образ пиршественного зала расширяет эсхатологические ассоциации. Странствие израильтян по пустыне за счет использования мотивов смерти и изгнания относится не только к реальному странствию живых людей — израильтян (описанному в основной части поэмы), но и к загробной участи каждого человека.

Таким образом, мотивы, составляющие эпические темы смерти и изгнания, трансформируются в тексте поэмы «Исход» с точки зрения их внешнего выражения: формула, обозначающая лишение жизненных благ, используется с глаголом, означающим дарование по отношению к израильтянам (изгнанникам дарованная) и с глаголом, означающим лишение по отношению к египтянам. Не менее значительна и трансформация сферы употребления данных мотивов: одинокий герой (Моисей в пустыне) не описан как изгнанник, целый народ и народы, напротив, именуются изгнанниками. Мотивы темы смерти использованы минимально (в поэме нет ни типичных мотивов песни смерти, ни обозначений фатальности событий), хотя гибель египтян описана достаточно подробно. Мотивы темы изгнания включали обозначения эмоций изгнанников, к которым, помимо скорби и печали, в «Исходе» последовательно добавляются обозначения страха, ужаса, которые приписываются обоим народам: израильтянам и египтянам. Мотив пути, используемый при описании гибели не только героев, но и чудовищ в «Беовульфе», в «Исходе употребляется по отношению к израильтянам, египтяне же описаны как лишенные пути, а их гибель как безвестная. Это позволяет говорить о трансформации семантики понятия изгнания, его употреблении по отношению ко всем кающимся грешникам. Так, мотивы изгнания и смерти вполне последовательно используются для моральной оценки участников описываемых событий и аллегорического осмысления их участи. Лишенные пути египтяне в повествовании осуждаются, в противоположность странствующим израильтянам. Использование образов, связанных с Откровением Иоанна Богослова (пиршественный зал, подобный Небесному Иерусалиму, ключи понимания Слова Божия и др.) позволяет наполнить ветхозаветный сюжет пророческими смыслами, встроить его в общечеловеческую перспективу.

В целом, проведенный анализ использования мотивов, составляющих эпические темы смерти и изгнания, в поэме «Исход» показывает, что они могут как группироваться вместе

в соответствии с тематической аттракцией, так и возникать отдельно. При этом они редко используются для последовательного построения целых эпизодов, но расширяют семантику понятия изгнания, а также представление о смерти, наполняя их христианскими смыслами.

Литература

Bede's Death Song 1942: In: *The Anglo-Saxon Poetic Records. A Collective Edition VI. The Anglo-Saxon Minor Poems. Dobbie E. van K. (ed.)* New York: Columbia University Press; London: George Routledge & Sons, 107.

Benson, L. D. 1966: The Literary Character of Anglo-Saxon Formulaic Poetry. *Publications of Modern Language Association of America* 81 (Oct), 334–341.

Bibleyskie kommentarii 2009: [Biblical Commentaries of the Church Fathers and other Authors of I–VIII cent. New Testament. Vol XII. Book of Revelation of John]. V. S. Vainrikh, D. A. Fedchuk (ed.). Tver'.

Библейские комментарии 2009: Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет. Том XII: Книга Откровения Иоанна Богослова. В. С. Вайнрих, Д. А. Федчук (ред.) Тверь.

Bjork, 2002: Sundor æt Rune: the Voluntary Exile of the Wanderer. *Old English literature. Critical essays. R. M. Liuzza* (ed.*)* Newhaven, London, 315–327.

Bochkareva, T. V. 2007: [System of Colour Words in Old English], In: *Naimenovaniia tsveta v indoevropeiskikh iazykakh. Sistemnyi i istoricheskii analiz* [*Colour Words in Indo-European Languages. Systematic and Historical Analysis*]. *Vasilevich A.P. (ed.),* Moscow: «KomKniga», 112–125.

Бочкарева Т. В. 2007: Система цветообозначений в древнеанглийском языке. В сб.: *Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. Василевич А. П. (ред.)* Москва: «КомКнига», 112–125

Bosworth, J., Toller, T. N. 1882–1898; 1964; 1955: *An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of J. Bosworth. Ed. and enlarged by T. N. Toller.* Oxford.

Breeze, A. 1994: The book of Habakkuk and Old English Exodus. *English Studies*, 75:3, 210–213.

Cherniss, M. 1972: Ingeld and Christ: Heroic Concepts and Values in Old English Christian Society. The Hague–Paris: Mouton.

Exodus 1953: Old English *Exodus*. E. B. Jr. Irving (Ed. with Intr., Notes and Glos.) New Haven

Ganina, N. A. 2007: [System of Colour Words in Old High German and Old Saxon], In: *Naimenovaniia tsveta v indoevropeiskikh iazykakh. Sistemnyi i istoricheskii analiz* [*Colour Words in Indo-European*

Languages. Systematic and Historical Analysis]. *Vasilevich A.P. (ed.),* Moscow: «KomKniga», 83–100.

Ганина, Н. А. 2007: Система цветообозначений в древневерхненемецком и древнесаксонском языках. В сб.: А. П. Василевич (ред.) *Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ.* М/: «КомКнига», 83–100

Greenfield, S. B. 1955: The Formulaic Expression of the Theme of Exile in Anglo-Saxon Poetry. *Speculum* 30 (1). 200–206

Greenfield, S. B. 1989: Hero and Exile: The Art of Old English Poetry. G. H. Brown (ed.). London: The Hambledon Press.

Irving, E. B. Jr. 1953: Notes and Glossary. In: Old English *Exodus*. E. B. Jr. Irving (Ed. with Intr., Notes and Glos.) New Haven

Keenan, H. T. 1970: Exodus 312. 'The Green Street of Paradise'. *Neuphilologische Mitteilungen,* LXXI (3), 455–460.

Keenan, H. T. 1973: Futher Notes on the Eschatological "Green Ground". *Neuphilologische Mitteilungen*, LXXIV (4), 217–219.

Kleiner, Yu. A. 2013: [Oral Tradition and the Tradition of Fixed Texts]. In: Glazyrina G. V. (ed.) *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2011 god* [*The First States of Eastern Europe 2011: Oral Tradition in a Written Text*]. Moscow, 221–246.

Клейнер Ю. А. 2013: Устная традиция и традиция фиксированных текстов. В сб.: Г. В. Глазырина (ред.) *Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: устная традиция в письменном тексте*.. М., 221–246.

Lord, A. B. 1994: [The Singer of the Tales]. Yu. A. Klejner and G. A. Levinton. (transl. and comm.). Moscow: «Vostochnaya literatura». *Лорд, А. Б.* Сказитель. Ю. А. Клейнер и Г. А. Левинтон (пер. с англ. и коммент.). М.: «Восточная литература».

Magoun, F. P. 1968: Oral Formulaic Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry. In: *The Beowulf poet: A Collection of Critical Essays. D.Fry (ed.)* New York, 83–108.

Magoun, F. P. Jr. 1955: The Theme of the Beasts of Battle in Anglo-Saxon Poetry. *Neuphilologische Mitteilungen*. LVI. 81–90

Predsmertnaia pesn' Bedy 1982: [Bede's Death Song] V. G. Tikhomirov (transl.), In: *Drevneangliiskaia poeziia* [*Old English Poetry*]. Moscow: Nauka, 27.

Предсмертная песнь Беды / Пер. В. Г. Тихомирова // *Древнеанглийская поэзия*. М.: Наука, 27.

Taylor, P. B. 1967: Themes of Death in "Beowulf", In: *Old English Poetry. Fifteen Essays. R. P. Creed (ed.)*, Providence, 249–273.

Trask, R. M. 1973: Doomsday imagery in the Old English Exodus. *Neophilologus,* 57, 295–297.

DOI:10.30842/ielc230690152579

Л. Д. Бондарь (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН),
А. В. Смирнов (Зоологический институт РАН)

СЛОВАРНЫЙ МАТЕРИАЛ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ[1]

Статья посвящена одному из направлений экспедиционных исследований Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735) в Сибири — сбору словарного материала и составлению полилингвальных естественнонаучных номенклатур народов, с которыми ученый встречался на протяжении своего путешествия. Со временем словари стали приобретать все более специальный характер: от записи *vocabula* со случайным набором единиц ученый перешел к составлению тематических *nomenclaturae*. Извлечение понятия из лексических единиц, записанных в таких номенклатурах, требует в целом ряде случаев проведения дополнительных комплексных исследований, но и это не всегда приводит к неоспоримому результату и однозначной интерпретации. Этот тезис показан на примере интерпретации материала из монгольского словника, записанного ученым весной 1725 г.

Ключевые слова: Даниэль Готлиб Мессершмидт, словники, зоологическая номенклатура, языки народов Сибири.

L. D. Bondar (SPb Branch of the Archive of the RAS),
A. V. Smirnov (Zoological Institute of the RA S)

Dictionary material in the scientific heritage of D. G. Messerschmidt and peculiarities of the interpretation of zoological vocabulary

The article is devoted to one of the aspects of Daniel Gottlieb Messerschmidt's (1685–1735) expedition research in Siberia — the collection of dictionary material and the compilation of polylingual natural-

[1] Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-011-42006.

scientific nomenclatures in the languages of the peoples he met during his journey. Over time, his dictionaries became increasingly systematic and specific, and his word-collecting work was carried out in a more purposeful way: from writing down *vocabula* with a random set of equivalents, he passed to compiling thematic *nomenclaturae*. Extracting a concept from the lexical units recorded in such nomenclatures (first of all, in the case of fixing the species name of an animal or plant) requires in a number of cases additional comprehensive research, but even this does not always lead to an indisputable result and unambiguous interpretation. This thesis is shown by the example of the interpretation of the material from the extensive Mongolian dictionary written by the scientist in the spring of 1725 and recorded in the margins of his travel diary; at present, the dictionary, which was not included in the Berlin edition of D. G. Messerschmidt's diary, is prepared for publication.

Keywords: Daniel Gottlieb Messerschmidt, dictionaries, zoological nomenclature, languages of the peoples of Siberia

Лингвистические занятия немецкого врача и путешественника, первого ученого-исследователя Сибири Даниэля Готлиба Мессершмидта (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735) стали объектом специальных исследований историков науки, пожалуй, только в конце прошлого века[2]. До этого в контексте лингвистических наблюдений в Сибири в начале XVIII в. традиционно звучало имя его единомышленника, старшего товарища и спутника по сибирскому путешествию Филиппа Иоганна Табберта, в дворянстве — фон Страленберга (*Philipp Iohan Tabbert von Strahlenberg*; 1676–1747), который благодаря данным, опубликованным им в работе 1730 г. (Strahlenberg 1730), был признан одним из пионеров сравнительного языкознания, определившим состав уральской языковой семьи (Hajdú 1985: 345)[3].

В 1997 г. вопрос о Д. Г. Мессершмидте как языковеде был поднят в статье А. Манастера Рамера и П. Сидвелла (Manaster Ramer, Sidwell 1997). Авторы показали, что Ф. И. Страленберг

[2] При этом важно помнить, что в 1904 г. С. К. Булич (Bulich 1914: 200–202) упоминал о Д. Г. Мессершмидте как о собирателе образцов лексики отдельных народов и как об авторе сравнительной таблицы 20-ти языков (о таблице см.: Bondar 2020), сведения о которой он получил из труда Ф. П. Аделунга (Adelung 1815: 8–9).

[3] Ср. упоминания о Ф. И. Страленберге как о первом исследователе удмуртского языка (Teplyashina 1965: 25–29). При этом, однако, упоминали о Д. Г. Мессершмидте как об авторе классификации народов (Mirzoev 1963: 17), которая была представлена им в IV рапорте из Тобольска от 20 июня 1720 г. (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 21: 102–108).

не был полностью самостоятельным в разработке классификации языков, представленной в его книге 1730 г. Тогда имя Д. Г. Мессершмидта в контексте лингвистических занятий не прозвучало однозначно, но чуть позднее поддержавший это мнение А. И. Терюков указал на значение Д. Г. Мессершмидта в языковых исследованиях (Teryukov 2008; ср. Bondar, Bischoff 2013). В статье А. Манастера Рамера и Л. Д. Бондарь 2018 г. было показано, что лингвистические занятия являлись одним из продуктивных направлений исследований Д. Г. Мессершмидта во время его экспедиции и следует признать участие немецкого ученого в сборе материала, опубликованного в итоге Ф. И. Страленбергом (Manaster Ramer, Bondar 2018).

Фактически одновременно с А. Манастером Рамером и П. Сидвеллом вопрос о том, что Ф. И. Страленберг не был абсолютно самостоятелен в своих лингвистических исследованиях, поднял В. В. Напольских в статье 1998 г. Автор упомянул ряд словников, записанных Д. Г. Мессершмдитом, уделяя особое внимание (в соответствии со своими исследовательскими интересами) удмуртскому словарю и подчеркивая: «Вероятно, это — первый словарь удмуртского языка, который по объему и качеству, безусловно, превосходит более поздние записи Страленберга, да и, пожалуй, Миллера и Палласа» (Napolskikh 1998). В. В. Напольских охарактеризовал эту свою статью как предварительную публикацию, и через некоторое время (Napolskikh 2001) увидело свет первое издание заключительного фрагмента последнего тома экспедиционного дневника Д. Г. Мессершмидта (за декабрь 1726 г.) с переводом на русский язык. В научный оборот были введены источниковые данные, упоминания о которых можно было встретить прежде в специальных работах (Bubrikh 1928: 82; Novlanskaya 1970: 148)[4]. Значительную часть опубликованного текста занимает

[4] Публикуя фрагмент дневника, В. В. Напольских особо подчеркнул научную значимость удмуртского материала, собранного Д. Г. Мессершмидтом: «Помимо высокого качества, тщательности фиксации, материалы Мессершмидта особенно ценны ещё и потому, что они строго документированы во временном и пространственном отношении: точно известно время сбора <…> и место <…>. Это резко отличает данные Мессершмидта от публикаций фон Штраленберга <…> и Миллера <…>. Если относительно материалов фон Штраленберга (равно как и более ранних) об удмуртах следует говорить как о первых сведениях о них, то в дневнике Мессершмидта содержится

языковой материал: в виде оригинального текста удмуртского словника из дневника, его перевода на русский язык, а также составленного В. В. Напольских на основе всех дневниковых упоминаний комментированного удмуртского словаря (Napolskikh 2001: 46–52, 92–98, 147–216).

На сегодня это единственный словник Д. Г. Мессершмидта, ставший объектом научной публикации[5]. Вместе с тем работа с языковым материалом вызывала, судя по документальным свидетельствам, живой интерес немецкого путешественника; при этом в статье 2021 г. (Bondar, Ponikarovskaya 2021) было показано, что о Д. Г. Мессершмидте следует говорить не столько как о лингвисте (даже с учетом уровня развития этой науки в начале XVIII в.), сколько как о собирателе словарного материала — именно как о собирателе, поскольку целенаправленной лексикографической работы в бумагах Д. Г. Мессершмидта не обнаруживается[6]. Между тем с записанными в дневнике словниками проводилась определенная аналитическая работа.

первое научное исследование удмуртов (соответствующее, естественно, уровню науки начала XVIII в.)» (Napolskikh 2001: 8–9).

[5] В берлинском издании путевых дневников (Messerschmidt 1962–1977) опубликованы различные записанные Д. Г. Мессершмидтом словники, однако корректность этих записей требует уточнения, а сами словники — аналитического осмысления.

[6] При этом, однако, нельзя говорить о полном отсутствии аналитической оценки получаемой Д. Г. Мессершмидтом лингвистической информации. Так, неоднократно привлекалось внимание к упомянутой выше таблице языков, являющейся приложением к IV рапорту, в которой языковой материал представлен в определенной системе, свидетельствующей о попытке типологизации языков, однако полного понимания относительно авторства этой таблицы нет (Bondar 2020). Также отдельные упоминания в экспедиционном дневнике свидетельствуют об интересе Д. Г. Мессершмидта к этимологии. Одним из многих примеров является запись в дневнике, сделанная Ф. И. Страленбергом 19 марта 1721 г.: «Когда мы здесь спрашивали об одном и другом и всегда получали в ответ *jock*, господин доктор вспомнил немецкую поговорку «*Du hast gejockt»* (т.е. солгал), думая, не происходит ли это от татарского слова *jock*, также много есть слов, про которые не ясно, откуда они происходят, например *Dorogga* в славянском языке означает «*ein Wegg*», могло бы свое происхождение иметь от еврейского слова דֶּרֶךְ *Däröch*, т. е. «*via» etc.*» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 1: 26–26 об.). В. В. Напольский в комментарии к дневнику также отмечал отдельные этимологические версии Д. Г. Мессершмидта (Napolskikh 2001: 124, 132). Несомненно, результатом язы-

Мы знаем, что полученные словарные данные в дневник заносились не синхронно; первоначально делались рабочие заметки на отдельных листах, а затем, при наличии свободного времени, переписывались начисто; при этом материал, полученный в разные дни, мог быть в дневнике записан одним блоком, если этого требовала логика представления материала (Bondar 2021). На эту же методику обращает внимание и В. В. Напольских, указывая на запись Д. Г. Мессершмидта в дневнике о том, что, как только у него появилась возможность (27 декабря 1726 г.), он сел за переписывание удмуртского словника и, только закончив работу, отправился в дальнейший путь (Napolskikh 2001: 92). При переписывании словарный материал систематизировался и представлялся семантическими блоками. К примеру, 13–15 декабря 1723 г. в дневник был записан довольно обширный бурятский словник (ок. 140 единиц), который систематизирован в соответствии с последовательно сменяющими друг друга лексическими полями: жилище, млекопитающие, птицы, рыбы, напитки, время года, время суток и названия месяцев, деревья и кустарники, астрономические понятия, стихии, металлы и минералы, предметы быта, употребляемые в пищу растения, стороны света, природные явления, обозначение родства (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 288 rev.–291 rev.). Регулярная работа по сбору словарного материала должна была привлекать внимание исследователя и к способу составления словарей, на что обратила внимание А. А. Сизова, изучившая монгольские материалы Д. Г. Мессершмидта. Д. Г. Мессершмидт дважды записывал монгольский словарный материал (осенью 1724 и весной 1725 г.); при записи второго словника отдельные лексические поля получили тематические заголовки, в чем А. А. Сизова предполагает влияние традиций восточной лексикографии того времени, о которой Д. Г. Мессершмидт мог узнать от своих консультантов (Sizova 2021a: 340).

В результате восьмилетнего путешествия по Сибири и европейской части России Д. Г. Мессершмидтом было записано множество словников разных по объему и содержанию, ценность которых не вызывает сомнений. В настоящее время в

кового анализа стала обширная подборка слов из немецкого (включая диалекты Пруссии) и русского языков, у которых Д. Г. Мессершмидт видел общую основу; это явление Д. Г. Мессершмидт назвал *Teuto-Slovonismus* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 5: 123 f.).

Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) реализуется крупный коллективный проект с участием зарубежных коллег — д-ра Вернера Лефельдта (*Werner Lehfeldt*, Геттинген) и д-ра Михаэля Кнюппеля (*Michael Knüppel*, Фельмар, Ляочэн) — по введению в научный оборот неопубликованных документов и рукописей Д. Г. Мессершмидта, в их числе — языковой материал. На сегодня подготовлены к печати два упомянутых выше монгольских словника (225 и 446 словарных статей[7]) и тибетский словник (490 словарных статей) (Sizova, Zorin, Bondar [2021])[8]. Отдельного внимания заслуживают еще несколько словарей, из которых особо выделяется «*Vocabularium polyglotton Tattaricum*»[9] (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 35), а также многоязычный словарь, ставший результатом сравнительных наблюдений над лексикой немецкого, русского и латинского языков (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 5: 123 f.).

Работа с этими словниками выявила сложности, связанные с интерпретацией естественнонаучной лексики. Особого внимания потребовала зоологическая лексика, в связи с ее большим объемом по отношению к общей численности словарных единиц[10], а также в связи с тем, что Д. Г. Мессершмидт, хорошо владея вопросами зоологии (особенно орнитологии), основательно разбирался в разнообразии видов, их особенностях и тонкостях долиннеевской зоологической номенклатуры, зачастую не узнаваемой для современного ученого. Так, употребляемому Д. Г. Мессершмидтом для птицы турпан названию *Vulpanser* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 3: 276 rev.) соответствует линнеево *Melanitta fusca*, синоним — *Anas carbo* (Pallas 1811, vol. 2: 244). Аналогична ситуация и в немецкой номенклатуре: мессершмидтово *Weihe* соответствует современному *Milan*

---

[7] Обозначаем словарные единицы как «словарные статьи», поскольку значительная их часть содержит не одну лексему, а словосочетания и даже законченные выражения.

[8] Эти словники, записанные на полях путевого дневника, не вошли в свое время в берлинское издание дневников Д. Г. Мессершмидта (Messerschmidt 1962–1977).

[9] Полное заглавие: *Vocabularium polyglotton Tattaricum adornatum â Daniele Gottlieb Messerschmidt Med. D. In itineribus per Sibiriam et circumjacentem Tattariam Magnam ab A. 1720 <нрзб.> Ann. 17* [*23*] (две последние цифры не указаны, но последние датированные записи были сделаны летом 1723 г.).

[10] Сведения о доле зоологической лексики в общем объеме различных словников см. (Bondar, Ponikarovskaya 2021: 280–283).

(коршун); *Kropfgans* (букв. «гусь с зобом») — *Pelikan* (пеликан) и т. д. (Grimm, Grimm 1873: 2401).

В связи с этим возникают трудности при установлении семантики зоологических номенов и подборе их русских эквивалентов, что стало очевидно при работе с названными выше монгольскими словниками. Поскольку ряд лексических единиц монгольских словарей, записанных средствами старомонгольской графики, вызывали сомнения в их интерпретации[11], значение слов, и, соответственно, их корректный графический облик необходимо было уточнять по латинским и немецким эквивалентам. Часто семантическое значение зоологического термина было очевидным для всех языков — прежде всего, это те случаи, когда Д. Г. Мессершмидт предлагал родовые названия: *Eqvus* — *Pferdt* [*Pferd*] (‘лошадь’), *Anas* — *Ente* (‘утка’), *Lynx* — *Luchs* (‘рысь’). Но в том случае, когда ученый записывал видовое название, могли возникать сложности. Как правило, не вызвало затруднений извлечение понятия из термина, описывающего вид млекопитающих; однако более 20 % таких терминов все же потребовали дополнительных исследований для их интерпретации. Например, монгольскому слову, транскрибированному Д. Г. Мессершмидтом как *Tòlai*, даны эквиваленты: латинский — *Cuniculus*, немецкий — *Caninichen* [*Kaninchen*], т. е. ‘кролик’. Нормативное монгольское *taulai* употребляется в значении ‘кролик’ и ‘заяц’. Сопоставление только языковых данных не позволяет точно установить, для какого вида было записано это монгольское название. Привлечение зоологических данных позволило найти соответствие с большой долей уверенности. Дело в том, что в начале XVIII в. в диком виде в Евразии кролики обитали только в Испании; в Российскую империю они были завезены из Австро-Венгрии в середине XIX в. и до 50-х гг. XX в. были распространены лишь на территории современной юго-восточной Украины. Очевидно, в данном случае у Д. Г. Мессершмидта имелся в виду заяц, описанный П. С. Палласом в 1778 г. как *Lepus tolai*[12]. Этот вид обитает в пустынях, полупустынях и горах Средней Азии,

---

[11] Об особенностях лексики и способов записи словоформ см. работы А. А. Сизовой (Sizova 2021a: 336–340; Sizova 2021b: 344–345).

[12] «Messerschmidius in *Xenio Isidis Sibir.* et in *Hodegetico MSto*, Cuniculum dauricum caudatum vel Tolai Mongolis dictum appelavit, quo etiam nomine recensetur in *Catal. Mus. Petrop. Tom 1. P. 344*» (Pallas 1778: 17).

Казахстана, Южной Сибири и Забайкалья, Монголии и Северо-Восточного Китая. В своей рукописи «Sibiria Perlustrata» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 22)[13], ставшей итогом путевых наблюдений, Д. Г. Мессершмидт описывает этот вид также под латинским названием *Cuniculus*, в качестве эквивалентов предлагает *Caninichen* [*Kaninchen*] (нем.), *Rabbet* [*Rabbit*] или *Cony* [14] (англ.), *Tolai* (монг. — «*Mongolis in Davuria*»), а в качестве мест обитания указывает район рек Аргунь и Онон (Messerschmidt 2020: 261 rev.), что хорошо совпадает с ареалом зайца-толая. Монгольское название также говорит в пользу того, что П. С. Паллас описал именно этот вид (Pallas 1811, vol. 1: 149). Таким образом, в качестве русского эквивалента с большой долей уверенности мы должны предложить ‘заяц-толай’ (нем. *Tolai-Hase*).

Работа с орнитологической лексикой вызывает больше трудностей, и обусловлено это тем, что орнитология была, судя по всему, ведущим направлением естественнонаучных исследований Д. Г. Мессершмидта. С одной стороны, этот факт упрощает работу с записанной им орнитологической лексикой, поскольку в нашем распоряжении имеются и другие документы, содержащие составленные Д. Г. Мессершмидтом полилингвальные орнитологические перечни.

Одним из первых таких списков является «Перечень птиц, наблюдаемых в Сибирской земле» («*Avium in Sibiriae Regno observatarum enumerationes*»), который был приложением к V рапорту Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую Канцелярию от 2 ноября 1720 г., отправленному из Каменского (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 20: 58–65 rev.). Эта полилингвальная номенклатура включает в себя 52 вида птиц[15], которых ученый наблюдал в Сибири; статьи перечня представляют собой следующее: «1) Ѓорéлъ[16] (*Orél*) *Russorum. Aquila Morphnos seu Clanga, Anataria dicta, & Nævia Willughb. Morphno congener Aldrov. Svecis Örn*[17].

---

[13] Факсимильное издание рукописи подготовлено в 2020 г. в СПбФ АРАН (Messerschmidt 2020).

[14] *Cony* в значении ‘кролик’ (Porter 1913).

[15] Три из них сопровождаются описанием вида: номер 31 («гагара большая безхохла схвостом, мужычекъ»), 39 («казарка») и 52 («дятель златый триперстный неправельный»).

[16] Авторская орфография сохранена полностью.

[17] Современное шведское *Öm*.

Anglis Eagle; Germanis ein kleiner Adler. Tattarica appellatione Kara-gùsch in Slavonicam transsumpta Карагушъ».

Упоминание названий вида на различных языках при его зоологическом описании не было новаторством Д. Г. Мессершмидта; это было принято во многих зоологических работах вплоть до XIX в., и немецкий ученый следовал этой традиции. Д. Г. Мессершмидт прямо указывает на своего предшественника: в подзаголовке он сообщает, что опирается на сочинение Ф. Виллоуби (*Willughbejus Ornithol. Lib. 2. p. 86*)[18], которого ряд современных историков зоологии считают одним из основоположников орнитологии как науки. Описанию птиц в названном труде Ф. Виллоуби, действительно предшествуют указания на номенклатурные различия у разных исследователей, а также на названия птиц в различных языках[19]. Описываемый перечень Д. Г. Мессершмидта организован по названиям видов на русском языке в кириллической графике; второе место в каждой статье отведено транскрипции русского слова латиницей; далее — номены на латинском[20], английском, шведском[21] и немецком; абсолютным новшеством является запись названия вида на языке местного сибирского населения[22]; в ряде случаев появляются названия на греческом, датском, французском языках, очевидно, перенятые Д. Г. Мессершмидтом из орнитологических работ предшественников.

Еще большее языковое разнообразие предлагает второй список, названный Д. Г. Мессершмидтом «Опись птиц, обнаруженных в Сибирской земле» («*Avium in Sibiriae Regno reperiundarum lustrationes*»). Этот перечень прилагался к X рапорту от 20 мая 1722 г. (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 20: 66–

---

[18] Имеется в виду английский натуралист Фрэнсис Виллоуби (*Francis Willughby*; 1635–1672) и его книга (Willughby 1676).

[19] Важно иметь в виду, что такая «лингвистическая преамбула» имеется у Ф. Виллоуби далеко не при каждом описании вида, и даже там, где есть, она значительно меньшего объема.

[20] Представлены два варианта орнитологических номенов — по Ф. Виллоуби (Willughby 1676) и Улиссу Альдрованди (*Ulisse Aldrovandi*; 1522–1605) (Aldrovandi 1599).

[21] Названия на шведском Д. Г. Мессершмидт, очевидно, получил в Тобольске от шведских коллег из школы К. Ф. фон Вреха (Cherkazyanova 2001).

[22] Здесь Д. Г. Мессершмидт называет язык просто «татарским», без уточнения региональных особенностей, которых на тот момент он не мог знать и к чему он придет позже.

81)[23], составленному более чем через год путешествия по Сибири; как значится в самом рапорте (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 21: 135), этот список стал дополнением к первому[24]. В подзаголовке нового перечня вновь имеется указание на то, что эта опись составлена по образцу работы Ф. Виллоуби («<…> *lustrationes facem præferente Willughbejo institutæ*»).

Перечень 1722 г. — это 137 видов, большая часть из которых, очевидно, была в орнитологической сибирской коллекции Д. Г. Мессершмидта к лету 1722 г.[25] Этот список является доработанным и расширенным вариантом списка 1720 г. Для сравнения первая статья нового перечня выглядит следующим образом: «1) Ѡре́лъ (*Orél*) *Russorum. Permeckis Kutsch; Tattaris Kara-kúsch, & Kara-gúsch; Bocharis et Persis Karagás; Arabibus Naessýr; Ebræis* נשר (*Næscháer*) *Ezech. I. V. 10. Græcis* Μόρφνος & Κλάγτος; *Aquila Morphnos vel Clanga, Anataria dicta et Nævia Willughbeji; Morphno congener Aldrovandi & Jonstoni; Anglis A lesser Eagle; Svecis Liten=Örn; Germanis kleiner Adler, Mooß=Weyhe; Enten=Stoßer, Jonstoni*» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 20: 66). Как видно из этого примера, за полтора года, прошедшие после составления первого перечня, Д. Г. Мессершмидт расширил свои знания об орнитологической номенклатуре, в том числе благодаря собственным языковым исследованиям в полевых условиях. Так, к имевшемуся в предыдущем перечне татарскому названию *Kara-gúsch* добавился вариант *Kara-kúsch*, который, судя по записям в «*Vocabularium polyglotton Tattaricum*», Д. Г. Мессершмидт получил в первый день путешествия — 1 марта 1721 г. (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 35: 2 rev.) Слово *Kutsch* также было получено исследователем во время путешествия и занесено в словник пермяцкого языка со значением ‘орел’ (*Adler*; *Aquila*) (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 35: 14).

Еще одним документом, содержащим номенклатурный материал, является известная неопубликованная рукопись

[23] За исключением л. 67, который был вплетен внутрь списка по ошибке.

[24] Оба эти списка, совершенно аналогичные приложениям к рапортам, оформлены также в виде отдельных тетрадок (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 24 — перечень 1720 г.; SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 25 — перечень 1722 г., большая часть первого листа утрачена).

[25] Для большинства видов из списка указан вес тушки; это Д. Г. Мессершмидт тщательно фиксировал также и в дневнике, при описании подстреленных его помощниками птиц.

Д. Г. Мессершмидта «*Ornithologicon*» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8–16). Это девять переплетенных раздельно томов[26] рукописного текста, содержащих перечень птиц с их подробным описанием, составленный в хронологии знакомства ученого с этими видами в Сибири и организованный то по латинскому, то по русскому названию вида[27]. Описание каждого вида начинается с историографически-лингвистического введения; для вида *Larus cinereus maximum*, открывающего рукопись, помимо латинского, предложены названия на английском, немецком и русском («*Russis in Sibiria*»)[28]. Последующие записи выглядят аналогично. Например: «26) *Motaccilla alba Willughbeji 171. Græcis* Σεισοπυγίς *et* Κίλλογος *Hesychio. Germanis Eine Bachsteltze. Anglis a white Water-wagtail. Russis in Siberia Плишка lege Plíschka. Svecicè Sädes=Ärla,* ***h. e. Prima veris. Tatt. Keme-Kutschkasàck***»[29] (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8: 41).

Д. Г. Месершмидт придерживался распространенного в его время однословного обозначения таксонов родов и высоких рангов и многословного для обозначения видов и разновидностей, что зачастую помогает современным исследователям при выяснении соответствия названий животных, используемых Д. Г. Мессершмидтом, современным названиям. Вместе с тем та же глубокая осведомленность в орнитологическом видо-

---

[26] Один из десяти первоначальных томов (том 8) с записями с 30 июля 1723 г. по 22 апреля 1724 г. был утерян в 1828 г. (Tunkina, Savinov 2017: 51).

[27] Несколько начальных страниц первого тома утрачены, первая статья, записанная на отдельно вложенном листочке, описывает экземпляр, полученный/описанный в Тобольске 16 июня 1720 г. — *Anas cirratus fuscus*. В первой записи фигурирует только английское, а затем русское название. Собственно рукопись «*Ornithologicon*» начинается с описания под номером 5 (*Larus cinereus maximum*), датированного 29 июня 1720 г., со страницы, имеющей авторскую нумерацию «11».

[28] Русское название передано в латинской транскрипции, позднее же было добавлено кириллическое написание. Отсутствие в первой, упомянутой выше статье немецкого эквивалента, а также позднейшей доработки, в частности, в виде дополнения кириллической записью, также является косвенным свидетельством того, что запись от 16 июня 1720 г. принадлежит другому, возможно, черновому варианту рукописи.

[29] Выделена запись, сделанная другими чернилами и добавленная, скорее всего, позднее.

вом разнообразии может стать причиной трудностей интерпретации записанного словарного материала: очевидные для ученого видовые различия могли не восприниматься информантом; кроме того, Д. Г. Мессершмидт и его информант могли поразному определять видовую принадлежность птицы, название которой записывалось.

Показательным в этом отношении является лексическая единица из первого монгольского словаря, транскрибированная как *Aldàn-chorcholdai* и соответствующая корректному *altan γurγuuldai* со значением ‘соловей’. В качестве латинского эквивалента Д. Г. Мессершмидт предложил *Galbula, Galgulus*, что авторы словарей латинского языка[30] переводят (предположительно) как ‘золотой дрозд’; возможно, такой перевод предлагается вслед за немецкими лексикографами (Georges 1912–1913: 2896) в результате буквального перевода немецкого *Goldamsel*. Именно такое немецкое соответствие дает и Д. Г. Мессершмидт: *Goldt=Amsel* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 3: 267 rev.). Между тем *Goldamsel* является синонимом современного немецкого *Pirol* — ‘иволга’ (Brehm 1882: 531).

В «*Sibiria Perlustrata*» этот вид описан как *Galgulus* с многочисленными ссылками на номенклатурные названия в орнитологических описаниях: «*Galgulus, officin*[*alis*]. *Dale; Galbula Aldrovandi, seu Picus nidum suspendens, Oriolus Alberto, Chloreus Aristotelis et Icterus Plinii Aldrovando; Willughb. p*[*er*] *Raj*[31]. *Picus nidum suspendens Aldr. et Jonst. Anglis a Witwall; Бывелга Bybhelga Russis Germanis Eine Goldt Amsel*» (Messerschmidt 2020: 237 rev.). Как видно, в номенклатуре не все однозначно. В качестве синонима появляется ‘дятел’ (*Picus nidum suspendens* — букв. ‘дятел, подвешивающий гнезда’); *Chloreus* Аристотеля И. Х. Дворецкий также предлагает переводить как ‘зеленый дятел’ — *Picus viridis*) (Dvoretsky 1958: 1777). Для устаревшего английского *witwall*, помимо значения ‘иволга’ (*Oriolus oriolus*), также дается ‘(большой) пестрый дятел’ (*Dendrocopos major*) и ‘зеленый дятел’ (*Picus viridis*) (Porter 1913).

У У. Альдрованди под наименованием *Galbula*, или *Picus nidum suspendens* описана иволга (Aldrovandi 1599: 854–861). В

[30] В частности И. Х. Дворецкий, на основе упоминания у Валерия Марциала (Dvoretsky 1976: 343).

[31] Издание цитируемого труда Ф. Виллоуби 1676 г. осуществлено английским натуралистом Джоном Реем (*John Ray*; 29 ноября 1627–1705).

пользу трактовки этого вида как иволги (*Oriolus oriolus* Linnaeus, 1758; синоним — *Coracias oriolus* Linnaeus, 1758) говорит то, что территория распространения этого вида в Сибири, описанная в «*Sibiria Perlustrata*», укладывается в современный ареал распространения иволги в Азии: «*In Sibiria circa Tomskoën, et in Thom-fluvii tractibus, in Kirgisia; In Angara et Tunguska — Jenizee Chatanga et Lena Fluviorum montanis; et in Davuria*» (Messerschmidt 2020: 237 rev.). Аргументом в пользу трактовки перевода как ‘иволга’ является и предложенное Д. Г. Мессершмидтом русское соответствие «Бывелга»[32]. К соловью *Galgulus, Galbula* относиться не может: соловей описан Д. Г. Мессершмидтом в «*Sibiria Perlustrata*» как *Luscinia* (с русским названием «Соловей, Ssolobhei») (Messerschmidt 2020: 238 rev.).

Чтобы понять, как могла возникнуть ситуация размещения в одной словарной статье наименований для разных видов, следует упомянуть о методике сбора Д. Г. Мессершмидтом орнитологической лексики; свидетельства об этом находим в путевом дневнике. Об одном из способов сообщается 15 ноября 1723 г. В тот день немецкий ученый общался с тунгусскими женщинами, а в дневнике записал: «Я показывал им мои *exuvias avium*, чтобы узнать их наименования» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 247). То есть сбор информации о местных названиях осуществлялся при помощи демонстрации Д. Г. Мессершмидтом чучел птиц из своей коллекции. Нельзя исключать и того, что информантам могли показываться изображения птиц в имевшихся у Д. Г. Мессершмидта с собою книгах. В обоих этих случаях у информантов могли возникнуть ошибки в видовом определении.

Встречаются и более сложные случаи. Так, во втором монгольском словаре записаны подряд пять лексических единиц, для которых предложен один и тот же латинский и немецкий эквивалент: *Aquila, Adler* (‘орел’); при латинских эквивалентах просто дана нумерация (*Aquila 1, Aquila 2* и т. д.) (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 4: 70 rev.–71). Какая бы то ни было видовая идентификация предложена Д. Г. Мессершмидтом только для

[32] Ср. описание этого вида с тем же перечнем наименований в списке 1722 г. (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 20: 72); для сравнения — в списке 1720 г. указан вид ‘зеленый дятел’ с латинским *Picus viridis*, немецким *Grün=Specht*, английским *Green Woodpecker, Woodspite* и т. д. (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 20: 58 rev.).

первой записи: при латинском номене стоит уточнение «*Aquila 1* (*cauda alba*)», при немецком — «*Großer Adler*». Таким образом, идентифицировать названия можно только на основе зоологического и прочего словарного материала, записанного самим Д. Г. Мессершмидтом[33].

Очевидно, что Д. Г. Мессершмидт в этом случае информанту не показывал чучела, и затруднительно с уверенностью определить, как был получен этот материал: эти наименования могли быть предложены информантом в качестве синонимов, или же Д. Г. Мессершмидт и его информант могли наблюдать птиц *de visu*. В документах обнаружены упоминания только о нескольких экземплярах орлов, полученных в коллекцию: три экземпляра описаны в перечне 1722 г., и четыре — в «*Ornithologicon*» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 12: 43–51; SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 14: 62–66, 70 rev.–75)[34]. Скорее всего при записи названий орлов в словник, Д. Г. Мессершмидт видел самих птиц в природе или получал какие-то пояснения от местных жителей.

Монгольским соответствием для *Aquila 1* (*cauda alba*) выступает *Burkùd*. Эта статья монгольского словаря находится напротив дневниковой записи за 29 марта 1724 г., однако упоминание о данном виде встречается в документах неоднократно и значительно раньше. Названия орлов встречаются в первых записях татарского словаря. 1 марта 1721 г. Д. Г. Мессершмидт записал наименования для трех видов орлов: *Ein großer Adler — Bur Kutt, dito* [*Adler*] *mittelmäßiger alba — Kutschugahn, dito kleiner* [*Adler*] — *Kara=Kusch* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 35: 2). Таким образом, *Bur Kutt* оказывается самым крупным видом орла из трех названных, крупнее *Kutschugahn*. Через несколько дней, 8 марта 1721 г., в словаре это же название (*Kutschugahn*) было интерпретировано как ‘большой орел’ (*Ein großer Adler*) (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 35: 8 rev.). 8 июня 1722 г. записан *Aquila majoris genus — Kichtsche* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 35: 17).

---

[33] Авторы благодарят сотрудницу Института восточных рукописей РАН А. А. Сизову за консультативную помощь при разработке нижеследующего материала.

[34] В дневнике упоминается также описание орла, сделанное под номером 182 в утраченном восьмом томе «*Ornithologicon*» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 144, 288 rev.).

Уже здесь находим упоминание о двух крупных орлах: *Bur Kutt* и *Kutschugahn/Kichtsche*. Никакой идентификации с имевшейся латинской номенклатурой в словаре не предлагается. Попытки идентификации крупных орлов появляются в дневниковых записях с лета 1722 г.[35], и похоже, что в этом вопросе у Д. Г. Мессершмидта долгое время не было ясности.

15 июля 1722 г. Д. Г. Мессершмидт записал в дневнике, что чуть раньше (12 и 14 июля этого года) один из его сопровождающих встретил орла, которого по представленному описанию Д. Г. Мессершмидт склонен был идентифицировать как *Aquila pygargus Willughbeji*, а татарами он назывался *Küchtschy*, однако птицу не удалось подстрелить, и гипотеза не получила развития (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 1: 177 rev.). Это и была первая (или одна из первых) идентификация *Küchtschy* с видом, описанным у Ф. Виллоуби.

11 сентября 1722 г. Д. Г. Мессершмидту самому довелось встретить на Енисее «большого коричневого орла», которого татары называют *Küchtschy* и которого он вновь предположительно идентифицировал как *Aquila pygargus* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 1: 218).

27 марта 1723 г. во время зимовки в Красноярске Д. Г. Мессершмидт записал в дневнике, что его посетил некий русский, бывший хорошим стрелком, и сообщил ему о разнице между птицами, которые в этом месте дневника названы как *Burkut-Adler* и *Küchtschy* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 50). Еще 5 января того же года Д. Г. Мессершмидту подарили крылья и хвост птицы, которую тогда назвали как *Küchtschy* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 3 rev.); однако, согласно сведениям русского охотника, это были крылья и хвост *Burkut-Adler*, так как он значительно меньше, чем *Küchtschy*, и весь серо-черный, в то время как *Küchtschy* имеет крылья и хвост с белыми перьями.

28 апреля 1723 г. Д. Г. Мессершмидт зарисовал эти крылья и хвост («насколько это было возможно в спешке»; рисунок не обнаружен), в дневнике назвал их принадлежащими *Burkutt* и описал их в «Ornithologicon» (см.: SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 13: 64–64 rev.), но под названием *Küchtschy* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 66), предположив, что местные эти виды не различают.

---

[35] Подборка упоминания в том числе этого вида в дневниковых записях за 1722 г. имеется в статье М. Валлашека (Wallaschek 2017).

7 июля 1723 г. один из спутников Д. Г. Мессершмидта добыл «красивого орла»; никто из информантов не знал, какому виду его отнести: или это *Krápzetoi*, или *Burkút*, или *Kýchtschy*, или *Kutschugán*, или крупный вид *Kara-gusch*; тунгусы называли его просто *Gusch* ‘орел’, 8 июля Д. Г. Мессершмидт описал эту птицу в «*Ornithologicon*» под номером 177 (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 14; 62–66), идентифицировав как подвид *Aquila Pygargus — melanorynchos, xanthopus, fulvo-fusca varia*; из местных названий предложил русское ‘орел’, тунгусское *Gusch*, лаак-остякское *Lims*, по-немецки охарактеризовал как орла средних размеров («*Ein mittelmäßiger Stein=Adler*»).

24 июля 1723 г. ученый встретил орла (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2; 138 rev.), которого он с уверенностью определил как *Aquila Pygargus Willughbeji* и которого под этим наименованием описал в «*Ornithologicon*» 25 июля 1723 г. под номером 179, не привязывая ни к какому местному названию и отметив вес около 1,9 кг (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 14: 70 rev.–75). Через несколько дней, 28 июля, он записал тунгусское название вида *Aquila Pygargus*: *Gusch — Adler* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 142).

31 июля 1723 г. Д. Г. Мессершмидту вновь был доставлен орел (молодой, женская особь), который, согласно информации в дневнике, был описан в восьмом, не сохранившемся томе «*Ornithologicon*» как *Aquila Pygargus melanorynchos, Xanthopus fulvo-fusca tungusica*; очевидно, к этому времени Д. Г. Мессершмидт был уже знаком с этим видом орла, так как сообщил, что взрослые особи крупнее и светлее. Сравнив с весом птицы, изученной 24 июля (вес новой был более 2 кг), и внешним видом, ученый предположил, что это разные виды *Aquila Pygargus*, для птицы 24 июля предложил определение *xanthorynchos* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 144). При записи тунгусской номенклатуры птиц (*Nomenclatura avium*) 21 августа 1723 г. не только Д. Г. Мессершмидт, но и местные жители различали эти два вида: *Aquila pygargus melanorynchos — Gusch; Aquila pygargus xanthorynchos Willughbeji — Kollodschý* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 158)[36]. Д. Г. Мессершмидт 13 декабря 1723 г. в дневнике записал бурятское название *Burgúth*,

[36] В этой же номенклатуре был записан еще один вид орла как *Aquila pygargus leucopteros maior — Kýren*; этот бурятский эквивалент П. С. Паллас дает для вида, описанного им как *pygargus* (Pallas 1811, vol. 1: 345).

идентифицировав его как *Aquila pygargus Willughbeji* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 288 об.).

18 мая 1724 г. Д. Г. Мессершмидт рассказал о посещении его тибетским ламой Кара-Банди, который, среди прочего, дал ему несколько названий птиц, в числе которых — три, помещенные позднее в тибетский словник без немецких эквивалентов (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 4: 42 rev.), а в дневнике все они по-немецки интерпретированы одинаково — как «вид орла»: «*Aquila Burkùt Mongalorum*, *an-Aquila Pygargus Willughb*[*eji*]*?*, ལྷ་ག་, *Bhlàck*, *Art Adler*; *Aquila Kychtsche Mongalorum*, སེ་, *Ssè Art Adler*; *Aquila Tarbodshe Mongalorum*, ཐེང་ནེག, *Tengnèck*, *Art Adler*; *Aquila Karaptschàr Mongalorum*, ཐང་གར་, *Tangkàr, Art Adler*» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 3: 121 rev.). В тибетский словарь эти единицы были занесены со следующей транскрипцией и латинскими эквивалентами: *Wlak — Aquila Burgut, Tangnack — Aquila Karaptschar*, *Tan'g'kar — Aquila Tarbodshe*[37].

В первом монгольском словаре, записанном осенью 1724 г., также появляется слово, транскрибируемое Д. Г. Мессершмидтом как *Burkudt*; в качестве латинского эквивалента к нему вновь дано *Aquila pygargus*; немецкий эквивалент — *Adler* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 3: 271 rev.).

Таким образом, Д. Г. Мессершмидт дает несколько вариантов написания видового названия первого из орлов в монгольском словнике в качестве названия на языке сибирских татар и бурят/монголов (в порядке появления в записях): *Bur Kut, Burkut*, *Burkudt, Burgut, Burkùd*. Этот вид близок тому, который по-татарски в записях Д. Г. Мессершмидта называется *Kutschugahn, Küchtschy, Kichtsche, Kychtsche*, однако ученый, как и его информанты, эти два вида различал; описания при этом оказываются противоречивыми. Главные два отличительные признака — размер и окрас. Лишь в одной записи (1 марта 1721 г.) *Bur Kut* назван большим орлом, а *Kutschugahn* — средним; во всех остальных упоминаниях *Küchtschy* описывается как больший по сравнению с *Burkut*; именно *Küchtschy* упоминается как имеющий частично белую окраску. Наконец 28 апреля 1723 г. Д. Г. Мессершмидт описывает их в «*Ornitho-*

[37] Во второй и третьей паре тибетские эквиваленты в словнике поменялись местами по сравнению с дневниковой записью; исходя из семантики тюркского и тибетского названия ('чернохвостый') и употребления этих слов в качестве синонимов П. С. Палласом (Pallas 1811, vol. 1: 339) запись в дневнике корректнее.

logicon» как один вид, делая предположение, что эти два вида местное население не различает (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 13: 64). В этой записи Д. Г. Мессершмидт предполагает, что речь идет о «*Chrysaëtos Aldrovandi? et Willughb*[*eji*]*?*». 13 декабря 1723 г. Д. Г. Мессершмидт определяет *Burgúth* как *Aquila pygargus*, и именно этого названия придерживается в дальнейшем. Очевидно, это объяснимо тем, что у самого Ф. Виллоуби высказаны сомнения. При описании *Pygargus, seu Albicilla* он указывал на близость одного из описываемых им экземпляров с *Chrysaëtos cauda annulo albo cincta* (Willoughby 1676: 28) и предполагал, что разница известных ему экземпляров *Pygargus* может быть связана с возрастной изменчивостью. Из описания Ф. Виллоуби трудно однозначно сказать, какой вид он имел в виду: это может быть беркут (*Aquila chrysaetos*) или орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*)[38]. Дело в том, что у этих видов велика возрастная изменчивость: молодые особи беркута и степного орла имеют белые полосы на крыльях и хвосте, в то время как взрослые полностью теряют белый окрас; у орлана-белохвоста, напротив, белый окрас хвоста появляется у взрослых особей. Можно предположить, что Д. Г. Мессершмидт, осознав возрастную изменчивость, всех крупных орлов причислял к виду *Pygargus*, выделяя его вариететы[39]. О каком кон-

[38] Отметим, что Матюрен Жак Бриссон (*Mathurin Jacques Brisson*; 1723–1806), первый орнитолог, использовавший бинарную номенклатуру, отнёс вид, описанный Ф. Виллоуби как *Pygargus, seu Albicilla, quibusdam Hinnularia* (Willoughby 1676: 31) к орлану-белохвосту, т. е. *Aquilla albicilla* (= *Haliaeetus albicilla*) (Brisson 1760: 427), а вид, описанный Ф. Виллоуби как *Chrysaëtos Aldrovandi; id est, Aquila fulva, seu aurea* (Willoughby 1676: 27), — к золотистому орлу (*L'Aigle doré*) *Chrysaetos*, seu *Aquila aurea* (Brisson 1760: 431), в современной номенклатуре *Aquila chrysaetos* (по-русски 'беркут', по-французски — *aigle royal* [*doré, fauve*], по-английски — *golden eagle*). Ф. Виллоуби *Pygargus, seu Albicilla* отличал от *Pygargus Aldrovandi* (Willoughby 1676: 31). М. Ж. Бриссон относит это описание к виду *Aquila albicilla minor* (Brisson 1760: 429).

[39] Описываемые Д. Г. Мессершмитом подвиды как «черноклювый» (*melanorynchos*) и «желтоклювый» (*xanthorynchos*), скорее всего, являются разными видами: беркутом и орланом-белохвостом. Менее вероятно, что имелась в виду возрастная изменчивость орлана-белохвоста (у беркутов клювы темные, а у орланов-белохвостов цвет клюва меняется: у молодых он темный, а с возрастом становится желтым).

кретно виде идет речь в отношении *Burkùd*, сказать сложно; сложно сказать, различали ли их информанты Д. Г. Мессершмидта. У. Блэсинг не сомневается, что *Burkut* Д. Г. Мессершмидта — это беркут (Bläsing 2008), описанный П. С. Палласом как *Aquila nobilis* (Pallas 1811, vol. 1: 338–339)[40]. В «Sibiria Perlustrata» *Búrkudt* Д. Г. Мессершмидт указывает в качестве эквивалента для *Aquila Chrysaëtos* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 22: 232 rev.)[41]. В современной номенклатуре монгольское *бүргэд* — общее название для орлов[42].

Вторая единица словника транскрибирована как *Tárbæzi*. В этом случае складывается похожая ситуация. П. С. Паллас воспринимает монгольское и тунгусское (тунгусы в Даурии) *Tarbodschi*, а также тибетское *Tang'kar*[43] как синоним татарского *Berkut/Bjürkut* (Pallas 1811, vol. 1: 339). Д. Г. Мессершмидт их различал, как различали и его информанты: в бурятском словнике за 13 декабря 1723 г., помимо *Burgúth* (=*Aquila pygargus Willughbeji*), записано *Tárbodsche* как вид орла, о котором Д. Г. Мессершмидт, видимо, знал от информантов, что он большого размера и является самостоятельным видом, что заставило его усомниться в правомерности своего прежнего отождествления *Burgúth* и *Küchtschy* и предположить, что *Tárbodsche* мог быть тем, кого татары называют *Kychtschy* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 288 rev.)[44]. В записи за 17 июля 1724 г. Д. Г. Мессершмидт сообщает, что монголо-бурятское *Burghùt* — это, очевидно, у даурских тунгусов *Kotoy*; кроме него есть еще вид большего орла, которого тунгусы называют *Tschölkáma*, буряты и тунгусы в Даурии зовут его же *Tárbodshe*, а местные русские — *Chalsán*[45]; при этом вновь предполагает, что это тот вид, который тобольские татары назвали ему *Kutschugàn* (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 3: 179 rev.). Очевидно,

---

[40] При этом сам П. С. Паллас отличает этот вид от *Aquila pygargus*, или *Aquila albicilla* (Pallas 1811, vol. 1: 335), который можно соотнести со следующим орлом из второго монгольского словника.

[41] Других монгольских орлов в «*Sibiria Perlustrata*» нет.

[42] Авторы благодарят А. А. Сизову за предоставление данных (здесь и ниже) современной монгольской номенклатуры.

[43] Эти два понятия и у Д. Г. Мессершмидта, согласно его дневниковой записи 18 мая 1724 г., относятся к одному виду.

[44] См. также выше об информации, полученной от ламы Кара-Банди 18 мая 1724 г.

[45] Согласно В. И. Далю, холзан — это беркут, *Aquila chrysaetos* (Dahl 1882, vol. 4: 554).

мы вновь имеем дело с ситуацией, когда речь идет о крупном виде орла. Тибетский эквивалент *Tang'kar* с буквальным значением ‘белохвостый’ позволяет думать, скорее всего, об орлане-белохвосте или, с меньшей долей вероятности, о молодом беркуте. В современной монгольской номенклатуре *тарважи* — это *Aquila nipalensis*, т. е. ‘степной орел’, у молодых особей которого также имеется белое оперенье в хвосте и крыльях.

Третье название орла во втором монгольском словнике транскрибировано как *Gǽchssæ*. Пятиязычный словарь предлагает в качестве эквивалента *Steppenadler*[46] (‘степной орел’) (Corff 2013: 4128.3). Возможно, под этим видом следует понимать то же, что под *Küchtschy*, т. е. еще один вид крупного орла, которым может быть и обитающий в Южной Сибири степной орел, внешний вид которого не противоречит признакам, описанными Д. Г. Мессершмидтом для *Küchtschy*: крупный коричневый орел с белым окрасом на хвосте и крыльях (белое оперенье — у молодых особей). Идентифицировать *Küchtschy* с *Gǽchssæ* позволяет запись о сведениях, полученных 18 мая 1724 г. от Кара-Банди (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 3: 121 rev.): тогда лама назвал четыре орла (см. выше) на монгольском и тибетском; все они вошли затем в тибетский словарь с теми же монгольскими эквивалентами, что были записаны в дневнике, только для тибетского *Ksser* (в дневнике *Ssè*) в качестве монгольской параллели вместо *Kychtsche* (в дневнике) записано *Gicksohe* (в словаре). Такое название для орлов в записях Д. Г. Мессершмидта не было обнаружено, что позволяет предположить искажения записи и идентифицировать *Gicksohe* с *Gǽchssæ* и, соответственно, с *Kychtsche*[47].

Четвертый орел в монгольском словнике — *Carabzàl*. Согласно дневниковой записи от 18 мая 1724 г. (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 3: 121 rev.), лама Кара-Банди в качестве самостоятельного вида выделил *Karaptschàr*, тибетское — *Tangnack* (в дневнике ошибочно — *Tangkàr*). А. В. Зорин выдвинул гипотезу об этнической принадлежности ламы, показав, что, судя по

---

[46] Это разводит семантику лексем *Gǽchssæ* и *Tárbæzi*: бурятское *тарбажа* означает ‘лесной орел’.

[47] В современной монгольской номенклатуре *хэсэг* (← kesge ← Gǽchssæ) — это *Aquila heliaca* (‘могильник’); в таком случае идентифицировать это название с орлом, имеющим белое оперенье, нельзя, поскольку у орла-могильника заметные белые пятна бывают только на плечах.

всему, он был ойратом (Zorin 2021: 320). Поэтому, если мы можем сомневаться в предлагаемом ламой тибетском материале, то с большой долей доверия должны относиться к его монгольскому, а для монгольского Кара-Банди дает эту лексическую единицу как самостоятельное название. Бурятское *харабсар* имеет значение ‘орел’. Точнее что-либо о виде сказать сложно. Тибетский эквивалент буквально означает ‘чернохвостый’, в отличие от *Tan’g’kar* — ‘белохвостый’[48].

Последнее, пятое название орла во втором монгольском словнике — *Caraguss*. Тюркское *qara quš* — ‘орел’, букв. ‘черная птица’[49]. Это название следует соотнести с первыми тремя позициями в перечне птиц 1722 г. [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 66]. Первая его позиция (как и первая позиция перечня 1720 г.) — «’Оре́лъ» — имеет в качестве татарского эквивалента *Kara-kúsch / Kara-gúsch* («пермяцкое» *Kutsch*)[50]. Важно учитывать, что со всеми видами этого перечня Д. Г. Мессершмидт был знаком *de visu*, эти экземпляры составляли часть его орнитологической коллекции: в перечне указаны места сбора и вес тушек. Этот вид (самку) ученый получил в свою коллекцию под Тобольском, в Каменском, 1 ноября 1720 г.; вес экземпляра — около 1,8 кг. Вторая и третья позиция перечня 1722 г. имеют русское название «Карагушъ», но в качестве татарского эквивалента предлагается *Tschin-Kará / Tschin-Kara-Kúsch* — для второй позиции и *Gobal-Kará / Gobal-Karagusch* — для третьей. Первый из этих экземпляров (женская особь) был добыт 10 октября 1721 г. у Абакана (вес — около 2 кг), второй (также женская особь) — 7 октября 1721 г., там же (вес —

---

[48] См. публикацию А. В. Зориным тибетского словника (Sizova, Zorin, Bndar [2021]).

[49] В дневниковой записи за 7 июля 1723 г. Д. Г. Мессершмидт рассказывает об орле, которого ему доставил помощник и которого он описал затем в «*Ornithologicon*» под номером 177 (см. выше), и о том, что никто из местных не смог назвать его вида, а тунгусы называли просто *Gusch* — ‘орел’. В этом месте Д. Г. Мессершмидт предлагает свои рассуждения относительно происхождения татарского *Kara-Gusch* и русского ‘*карагуш*’: «так что татары и русские название *Kara-Gusch*, или ‘черный орел’, кажется, переняли от тунгусов и вместо *Kungnorýn-Gusch*, которым по-тунгусски называется черный орел, именовали *Kara-Gusch* на татарский манер» (SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2: 122).

[50] Вид был идентифицирован Д. Г. Мессершмидтом как *Aquila morphnos vel Clanga vel Anataria Willughbeji* (Willughby 1676: 32).

около 1,85 кг). В. И. Даль (Dahl 1882, vol. 2: 86) и М. Р. Фасмер (Vasmer 1996, vol. 2: 191) понимают под «карагуш» некрупного орла, «татарского орла», для которого В. И. Даль предлагает латинское название *Aquila clanga*, т. е. большой подорлик[51]. Описание и ареал распространения большого подорлика (совр. *Clanga clanga*) соответствуют той информации, что мы находим у Д. Г. Мессершмидта[52].

Таким образом, при идентификации упоминаемых в монгольском словаре названий орлов мы должны исходить из того, что у Д. Г. Мессершмидта, очевидно, не было полной ясности относительно видовых признаков крупных орлов[53], при этом записанные лексемы воспринимались им как видовые (не родовые) названия. Предварительно и с большой осторожностью можно предположить следующие эквиваленты для наименований орлов во втором монгольском словнике: *Burkùd* ‘беркут?’[54], *Tárbæzi* ‘орлан-белохвост?’/‘молодой беркут?’/’молодой степной орел?’, *Gǽchssæ* ‘степной орел?’, *Carabzàl* ‘вид орла с черным хвостом’, *Caraguss* ‘большой подорлик?’. При этом необходимо считать, что в данном случае мы имеем дело, скорее всего, не с общепринятыми наименованиями и некоей устоявшейся номенклатурой, а с попыткой Д. Г. Мессершмидта упорядочения разноязычной зоологической лексики и поиска эквивалентов в известных ему языках. Важно не упускать из вида, что информанты Д. Г. Мессершмидта не обладали специальными зоологическими знаниями и, как в случае с монгольскими и тибетскими консультантами, скорее всего, не были даже охотниками, имевними возможность изучать птиц в природе. Для более уверенной и более точной интерпретации

---

[51] У Р. М. Фасмера фигурирует *Falco chrysaeïos*, что маловероятно, если под этим номеном понимается крупный вид ‘беркут’ — *Aquila chrysaetos*.

[52] Специалистам может оказать помощь в интерпретации также сделанная Р. Г. Гатауллиным и Л. А. Фатыховой подборка народного употребления названия «карагуш» в художественной литературе (Gataullin, Fatykhova 2018: 214–216).

[53] Полной ясности по этому вопросу не было и у предшественников, на труды которых опирался Д. Г. Мессершмидт, и у его информантов (по крайней мере, у части из них).

[54] Немецкий эквивалент, который Д. Г. Мессершмидт подобрал для этого названия в словаре, — *Großer Adler* — заставляет думать, во-первых, о конкретном виде орла, а во-вторых — именно о беркуте как об одном из самых крупных орлов.

необходимо дальнейшее детальное изучение орнитологических описаний Д. Г. Мессершмидта и анализ языкового материала употребляемых ученым параллелей.

В целом, работа по сбору словарного материала и составлению полилингвальных естественнонаучных номенклатур являлась неотъемлемой составляющей экспедиционных исследований Д. Г. Мессершмидта и проводилась им на протяжении всего путешествия. Со временем словари стали приобретать все более специальный характер, Д. Г. Мессершмидт целенаправленно организовывал работу по сбору определенной лексики: от записи *vocabula* со случайным набором единиц он перешел к составлению тематических *nomenclaturae*. Извлечение понятия из лексических единиц, записанных в таких номенклатурах (прежде всего, в случае фиксации видового названия животного или растения), требует в целом ряде случаев проведения дополнительных комплексных исследований, но и это не всегда приводит к неоспоримому результату и однозначной интерпретации.

Литература и источники

Adelung, F. 1815: *Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde*. SPb.: F. Drechsler.

Aldrovandi, U. 1599: *Ornithologiae hoc est de avibus historiae libri XII*. Bononiae: Apud Franciscum de Franciscis Senensem.

Bläsing, U. 2008: *Çift Başlı Rus Kartalının İmparatorluğunda 'Türkçe' bir Avcı Kuşu veya Rusça bérkut ile Türkçe bürküt sözcüklerinin tarihine ait malzemeler,* In: Türk Dilleri Araştırmaları, 18 (Festschrift in Honor of Talat Tekin), 77–134.

Bondar, L. D. 2020: «Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völcker»: o datirovke odnogo dokumenta iz arkhiva D. G. Messershmidta ["Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völcker": on the dating of a document from the archive of D. G. Messerschmidt]. In: Yarkov, A. P. (ed.): *Aus Sibirien — 2019: nauchno-informatsionnyy sbornik* [*Aus Sibirien-2019: scientific and information collection*]. Tyumen: Tyumen State University Publ., 21–24.

Бондарь, Л. Д. 2020: «Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völcker»: о датировке одного документа из архива Д. Г. Мессершмидта. В сб.: Ярков, А. П. (ред.): *Aus Sibirien — 2019: научно-информационный сборник.* Тюмень: Изд-во Тюменского гос. университета, 21–24.

Bondar, L. D. 2021: Rabochie zarisovki D. G. Messershmidta kak istoricheskiy istochnik [Working sketches of D. G. Messerschmidt as a historical source]. In: Tunkina, I. V. (ed.): *K 300-letiyu nachala*

ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir' (*1719–1727*) [*To the 300th anniversary of the beginning of the expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt to Siberia* (*1719–1727*)]. St. Peterburg: Renome, 199–213.

Бондарь, Л. Д. 2021: Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник. В сб.: Тункина, И. В. (ред.): *К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь* (*1719-1727*). СПб.: Реноме, 199–213.

Bondar, L., Bischoff, U. 2013: Die Expedition D.G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen. In: Tunkina, I. V. (ed.): *Millerovskie chteniya: K 285-letiyu Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk: Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 23–25 aprelya 2013 g.* [*Miller's Readings: To the 285th anniversary of the Archive of the Russian Academy of Sciences: A collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference on April 23–25, 2013*]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 251–256.

Bondar, L., Bischoff, U. 2013: Die Expedition D.G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen. В сб.: Тункина, И. В. (ред.): *Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г.* СПб.: Нестор–История, 251–256.

Bondar, L. D., Ponikarovskaya, M. V. 2021: Zoolog ili lingvist? Rabota D. G. Messershmidta s zoologicheskoy leksikoy [Zoologist or linguist? Work of D. G. Messerschmidt with zoological vocabulary]. In: Tunlina, I. V. (ed.): *K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir'* (*1719–1727*) [*To the 300th anniversary of the beginning of the expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt to Siberia* (*1719–1727*)]. St. Peterburg: Renome, 275–290.

Бондарь, Л. Д., Поникаровская, М. В. 2021: Зоолог или лингвист? Работа Д. Г. Мессершмидта с зоологической лексикой. В сб.: Тункина, И. В. (ред.): *К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь* (*1719–1727*). СПб.: Реноме, 275–290.

Brehm, A. E. etc. 1882: *Thierleben. Allgemeine Kunde des Thierreichs, Fünfter Band, Zweite Abtheilung: Vögel*. Leipzig: Verlag des Bibliographischen Instituts.

Brisson, M.-J. 1760 : *Ornitologie, ou Méthode contenant la division des oiseaux en ordres, sections, genres, espèces & leurs variétés.* Paris: Chez Cl. Jean-Baptiste Bauche.

Bubrikh, D. V. 1928: Finno-ugorskoe yazykoznanie v SSSR [Finno-Ugric linguistics in the USSR]. In: Oldenburg, S. F., Andreev, A. I. (ed.): *Finno-ugorskiy sbornik* [*Finno-Ugric collection*]. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 77–134.

Бубрих, Д. В. 1928: Финно-угорское языкознание в СССР. В сб.: Ольденбург, С. Ф., Андреев, А. И. (ред.): *Финно-угорский сборник*. Л.: Издательство АН СССР, 77–134.

Bulich, S. K., 1904: *Ocherk istorii yazykoznaniya v Rossii. T. 1* (*XIII v. — 1825 g.*) [*An essay on the history of linguistics in Russia. Vol. 1* (*XIII century — 1825*)]. St. Petersburg: Merkushev's printing house.

Булич, С. К. 1904: *Очерк истории языкознания в России. Т. 1* (*XIII в. — 1825 г.*). СПб.: Типография М. Меркушева.

Cherkazyanova, I. V. 2001: Shkola plennykh shvedov v Tobol'ske: Opyt kul'turnykh kontaktov Germanii i Rossii [School of the captured Swedes in Tobolsk: Experience of cultural contacts between Germany and Russia]. In: Smagina, G. I. (ed.): *Nemtsy v Rossii: Rossiysko-germanskiy dialog* [*Germans in Russia: Russo-German dialogue*]. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2001, 155–168.

Черказьянова, И. В. 2001: Школа пленных шведов в Тобольске: Опыт культурных контактов Германии и России. В сб.: Смагина, Г. И. (ред.): *Немцы в России: Российско-германский диалог.* СПб.: Дм. Буланин, 155–168.

Corff, O. etc. 2013: *Auf kaiserlichen Befehl erstelltes Wörterbuch des Manjurischen in fünf Sprachen „Fünfsprachenspiegel“*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Dahl, V. I. 1882: *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskago yazyka* [*Explanatory dictionary of the life Great Russian language*]. Vol. 1–4. 2nd ed. St. Petersburg, Moscow: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M. O. Volfa.

Даль, В. И. 1882: *Толковый словарь живаго великорускаго языка.* Т. 1–4. 2-е изд. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа.

Dvoretsky I. Kh. 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar'* [*Ancient Greek-Russian dictionary*]. Vol. 1–2. Moscow: GIS.

Дворецкий И. Х., 1958: *Древнегреческо-русский словарь*. Т. 1–2. М.: ГИС.

Dvoretsky I. Kh. 1976: *Latinsko-russkiy slovar'* [*Latin-Russian dictionary*]. 2nd ed. Moscow: Russkiy jazyk.

Дворецкий И. Х. 1976: *Латинско-русский словарь*. 2-е изд. М.: Русский язык, 1976.

Gataullin, R. G., Fatykhova, L. A. 2018: “Tsvetnye” toponimy i ikh osobennosti [“Color” toponyms and their features]. *Vestnik Bashkirskogo* universiteta [Bulletin of the Bashkir University], 23, 1, 211–220.

Гатауллин, Р. Г., Фатыхова, Л. А. 2018: «Цветные» топонимы и их особенности. *Вестник Башкирского университета*, 23, 1, 211–220.

Georges K. E. 1912–1913: *Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch*, 1. Hannover, Leipzig: Hahnsche Buchhandlung.

Grimm J., Grimm W. 1873: *Deutsches Wörterbuch,* 5. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.

Hajdú, P. 1985: *Ural'skie yazyki i narody* [*Ural languages and peoples*]. Moscow: Progress.

Хайду, П. 1985: *Уральские языки и народы.* М.: Прогресс.

Manaster Ramer A., Sidwell P. 1997: *The truth about Strahlenberg's classification of the languages of Northeastern Eurasia*. In: Journal de la Société Finno-Ougrienne, 87, 139–160.

Manaster Ramer, A., Bondar, L. D. 2018: Ob avtorstve «Harmonia linguarum», opublikovannoy F. I. Stralenbergom [About the authorship of "Harmonia linguarum", published by Ph. I. Strahlenberg]. In: Tunkina I. V. (ed.): *Millerovskie chteniya — 2018: Preemstvennost' i traditsii v sokhranenii i izuchenii dokumental'nogo akademicheskogo naslediya: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 24–26 maya 2018 g.* [*Miller's readings — 2018: Continuity and traditions in the preservation and study of documentary academic heritage: Materials of the II International Scientific Conference, May 24–26, 2018*]. St. Peterburg: Renome, 395–427.

Манастер Рамер, А., Бондарь, Л. Д. 2018: Об авторстве «Harmonia linguarum», опубликованной Ф. И. Страленбергомю В сб.: Тункина, И. В. (ред.): *Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Межд. научной конференции, 24–26 мая 2018 г.* СПб.: Реноме, 395–427.

Messerschmidt, D. G. 2020: *Sibiria Perlustrata, etc*. St. Petersburg: Kolo.

Messerschmidt, D. G. 1962–1977: *Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen*, 1–5. Berlin: Akademie Verlag.

Mirzoev, V. G. 1963: *Istoriografiya Sibiri* (*XVIII v.*) [*Historiography of Siberia* (*XVIII century*)]. Kemerovo: Book Publishing House.

Мирзоев, В. Г. 1963: *Историография Сибири* (*XVIII в.*). Кемерово: Книжное издательство, 1963.

Napolskikh, V. V. 1998: Dvazhdy zabytyy (D. G. Messershmidt — pervyy issledovatel' udmurtskogo yazyka i kul'tury) [Twice forgotten (D. G. Messerschmidt — the first researcher of the Udmurt language and culture)]. *Art: Literaturno-khudozhestvennyy zhurnal Respubliki Komi* [*Art: Literary and Artistic Journal of the Komi Republic*], 4. URL: http://www.komi.com/pole/publ/history/11.asp (date of request 24.04.2021).

Напольских, В. В. 1998: Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт — первый исследователь удмуртского языка и культуры). *Арт. Литературно-художественный журнал Республики Коми,* 4. URL: http://www.komi.com/pole/publ/history/11.asp (дата обращения 24.04.2021).

Napolskikh, V. V. 2001: *Udmurtskie materialy D. G. Messershmidta. Dnevnikovye zapisi. Dekabr' 1726 g.* [*Udmurt materials of D. G. Messerschmidt. Diary entries. December 1726*]. Izhevsk: Udmurtia.
Напольских, В. В. 2001: *Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи. Декабрь 1726 г.* Ижевск: Удмуртия.

Novlyanskaya, M. G. 1970: *Daniil Gotlib Messershmidt i ego raboty po issledovaniyu Sibiri* [*Daniil Gottlieb Messerschmidt and his works on the study of Siberia*]. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch.
Новлянская, М. Г. 1970: *Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири.* Л.: Наука, Ленинградское отделение.

Pallas, P. S. 1778: *Novae species Quadrupedum e glirium ordine, cum illustrationibus variis complurium ex hoc ordine animalium.* Erlangae: Sumtum Wolfgangi Waltheri.

Pallas, P. S. 1811: *Zoographia Rosso-Asiatica. Petropoli*. Vol. 1–2. Petropoli: In officina Caesaris Academiae Scientiarum.

Porter, N. (ed.) 1913: *Webster's revised unabridged dictionary*. Springfield, MA: C. & G. Merriam Co.

Sizova, A. A. 2021a: Svedeniya o mongol'skikh yazykakh v dnevnikakh D. G. Messershmidta [Information about the Mongolian languages in the diaries of D. G. Messerschmidt]. In: Tunkina, I. V. (ed.): *K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir'* (*1719–1727*) [*To the 300th anniversary of the beginning of the expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt to Siberia* (*1719–1727*)]. St. Peterburg: Renome, 330–342.
Сизова, А. А. 2021a: Сведения о монгольских языках в дневниках Д. Г. Мессершмидта. В сб.: Тункина, И. В. (ред.): *К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь* (*1719–1727*). СПб.: Реноме, 330–342.

Sizova, A. A. 2021b: Buryatskaya i inoyazychnaya leksika v mongol'skom slovnike D. G. Messershmidta [Buryat and foreign language vocabulary in the Mongolian dictionary of D. G. Messerschmidt]. In: Tunlina, I. V. (ed.): *K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir'* (*1719–1727*) [*To the 300th anniversary of the beginning of the expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt to Siberia* (*1719–1727*)]. St. Peterburg: Renome, 343–351.
Сизова, А. А. 2021b: Бурятская и иноязычная лексика в монгольском словнике Д. Г. Мессершмидта В сб.: Тункина, И. В. (ред.): *К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь* (*1719–1727*). СПб.: Реноме, 343–351.

Sizova, A. A., Zorin, A. V., Bondar, L. D. [2021]: *Slovarnye materialy v dokumental'nom nasledii D. G. Messershmidta: mongol'skiy i tibetskiy slovniki* [*Dictionary materials in the documentary heritage*

of D. G. Messerschmidt: Mongolian and Tibetan dictionaries.]. St. Petersburg: Renome (in print).

Сизова, А. А., Зорин, А. В., Бондарь, Л. Д. *Словарные материалы в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта: монгольский и тибетский словники.* СПб.: Реноме (в печати).

SPbB ARAS: [Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 98. L. 1. Fl. 1.

СПбФ АРАН: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1.

SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 2.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2.

SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 3.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3.

SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 5.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5.

SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 8.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8.

SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 13.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 13.

SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 14.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 14.

SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 20.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20.

SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 21.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21.

SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 22.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22.

SPbB ARAS. F. 98. L. 1. Fl. 35.

СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35.

Strahlenberg, Ph. J. 1730: *Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tartarey in sich begreiffet in einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellet, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völcker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario*. Stockholm: In Verlegung des Autoris.

Teplyashina, T I. 1965: *Pamyatniki udmurtskoy pis'mennosti XVI–II veka. Vypusk pervy* [*Monuments of Udmurt writing of the XVI–II century. Issue one*]. Moscow: Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences.

Тепляшина, Т И. 1965: *Памятники удмуртской письменности XVI–II века. Выпуск 1.* М.: Институт языкознания АН СССР.

Teryukov, A. I. 2008: U istokov sovremennogo finno-ugrovedeniya. Filipp Iogann Stralenberg [At the origins of modern Finno-Ugric studies. Philipp Johann Stralenberg]. *Art: Literaturno-khudozhestvennyy*

zhurnal Respubliki Komi [*Art: Literary and Artistic Journal of the Komi Republic*], 2, 116–125.

Терюков, А. И. 2008: У истоков современного финно-угроведения. Филипп Иоганн Страленберг. *Арт: Литературно-художественный журнал Республики Коми*, 2, 116–125.

Tunkina, I. V., Savinov, D. G. 2017: *Daniel' Gotlib Messershmidt: U istokov sibirskoy arkheologii* [*Daniel Gottlieb Messerschmidt: At the origins of Siberian Archeology*]. St. Petersburg: ElekSis.

Тункина, И. В., Савинов, Д. Г. 2017: *Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии.* СПб.: ЭлекСис.

Vasmer, M. 1996: *Etimologicheskeiy slovar' russkogo yazyka* [*Etymological dictionary of the Russian language*]. Vol. 1–4, 3d ed., ster. St. Petersburg: Terra–Azbuka.

Фасмер, М. 1996: *Этимологический словарь русского языка.* Т. 1–4. 3-е изд., стер. СПб.: Терра–Азбука.

Wallaschek, M. 2017: *Zoogeographie in Werken deutscher Russland-Forscher des 18. Jahrhunderts* (*D. G. Messerschmidt, G. W. Steller, P. S. Pallas*). In: Beiträge zur Geschichte der Zoogeographie 8. Halle (Saale), 4–60: URL: https://www.geschichte-der-biologie.de/2017/09/28/beitraege_zur_geschichte_der_zoogeographie_8/ (date of request 24.04.2021).

Willughby, F. 1676: *Ornithologiae libri tres*. Londini: Regiae Societatis Typographi.

Zorin, A. V. 2021: Tibetskiy slovnik v putevom dnevnike D. G. Messershmidta [Tibet dictionary in the travel diary of D. G. Messerschmidt]. In: Tunkina, I. V. (ed.): *K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir'* (*1719–1727*) [*To the 300th anniversary of the beginning of the expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt to Siberia* (*1719–1727*)]. St. Peterburg: Renome, 319–329.

Зорин, А. В. 2021: Тибетский словник в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта. В сб.: Тункина, И. В. (ред.): *К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь* (*1719–1727*). СПб.: Реноме, 319–329.

DOI:10.30842/ielc230690152580

Н. Д. Светозарова
(Санкт-Петербургский государственный университет)

ИСТОРИЯ «ЩЕРБОВСКИХ КАФЕДР»

Статья посвящена истории происходящих ежегодно на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета научных чтений, посвященных памяти академика Льва Владимировича Щербы. Этой традиции уже более 70 лет: первое открытое памятное заседание, организованное кафедрой фонетики, состоялось 26 декабря 1946 года, через два года после смерти ее основателя и руководителя. Программа заседания формировалась с целью суммировать и освещать идеи Щербы в тех областях языкознания, в которых он работал. Докладчиками были как известные ученые, коллеги и друзья Щербы, так и его молодые ученики и последователи. Важной составной частью этих ежегодных научных собраний был отчет ведущего о том, что было сделано за прошедший год для увековечения памяти о Щербе, для распространения его идей, публикации его трудов. Изучение содержания сохранившихся в архиве кафедры фонетики пригласительных билетов, текстов вступительных слов ведущих, М. И. Матусевич и Л. Р. Зиндера, конспектов отдельных докладов, воспоминания об атмосфере этих декабрьских встреч позволяет составить представление не только о личности Л. В. Щербы и широте его научных интересов, но и о путях развития отечественной лингвистики на протяжении 70-летнего периода «после Щербы».

Ключевые слова: Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндер, история лингвистики, общее языкознание, грамматика, лексикология, фонетика.

N. D. Svetozarova
(St. Petersburg State University)

On the history of the “Shcherba memorial conferences”

The article is devoted to the history of conferences that take place annually at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University, dedicated to the memory of Lev Vladimirovich Shcherba. This tradition is more than 70 years old: the first open commemorative meeting, organized by the Department of Phonetics, took place on December 26, 1946, two years after the death of its founder and leader. The program of the meeting was formed in order to summarize and highlight Shcherba’s ideas in those areas of linguistics in which he worked. Among the speakers were both famous linguists, Shcherba’s colleagues and friends, and his young students and followers. An important part of these annual meetings was the chair’s report on what had been done during the past year to perpetuate the

memory of Shcherba, disseminate his ideas, and publish his works. The analysis of the invitations preserved in the archive of the Department of Phonetics, the texts of the chairs' (M. I. Matusevich's and L. R. Zinder's) introductory speeches, abstracts of papers, memories of the atmosphere of these December meetings gives one an idea not only of L. V. Shcherba's personality and the breadth of his interests, but also of the ways of development of Russian linguistics during the 70 years of the post-Shcherbian period.

Keywords: Lev Shcherba, M. I. Matusevich, L. R. Zinder, history of linguistics, grammar, lexicology, phonetics

Рубен Иванович Аванесов, Лев Рафаилович Зиндер и Маргарита Ивановна Матусевич на заседании памяти Л. В. Щербы (1975).

Ruben Ivanovich Avanesov, Lev Rafailovych Zinder and Margarita Ivanovna Matusevich at the meeting in memory of L. V. Shcherba (1975).

Лев Владимирович Щерба скончался 26 декабря 1944 года в Москве после короткой тяжелой болезни и операции. Для всех, кто его знал и любил, и, конечно, для коллектива основанной им в Ленинградском университете кафедры фонетики, это был страшный удар. Хотя с сентября 1943 года Щерба жил в Москве, будучи избранным действительным членом Академии

Наук СССР и действительным членом Академии педагогических наук РСФСР, и начал заведовать кафедрой общего языкознания в Московском университете, он был полон творческих планов и серьезно думал о возвращении в Ленинград. Через год, в день его кончины, под руководством ученицы Щербы, Маргариты Ивановны Матусевич, взявшей на себя руководство кафедрой с самого начала войны, состоялось заседание, посвященное личности, жизни и трудам Щербы, а еще через год было принято решение проводить памятные чтения ежегодно. С тех пор эта традиция не прерывалась ни разу.

Довольно быстро сложился особый формат заседаний. Они были открытыми, а с 1950 года и «выездными», поскольку проходили не в помещении кафедры фонетики, а в одной из самых больших аудиторий филологического факультета Ленинградского университета, которая называлась тогда «Малым актовым залом». Традиционной была и структура заседания — вступительное слово заведующего кафедрой и два (позднее иногда три) научных доклада, посвященных самому Льву Владимировичу и тем аспектам лингвистики, которыми он занимался. Чтения имели постоянную дату — 26 декабря. В этот зимний вечер из года в год, несмотря на темноту, холод и непростое время окончания учебного семестра, в аудитории номер 12 (позднее она стала 25-ой) собирались друзья, ученики, последователи и единомышленники Щербы.

Программа заседания формировалась с целью суммировать и освещать идеи Льва Владимировича в той или иной изучавшийся им области языкознания и их развитие. Эта мысль М. И. Матусевич осуществлялась в виде больших докладов с последующей дискуссией. Первыми приглашенными докладчиками 1947 г. были С. Г. Бархударов, выступивший на тему «Л. В. Щерба — о русском правописании» и Б. А. Ларин, рассказавший «О записях русского языка иностранцами в XVI–XVII вв.». И далее, в каждом своем вступительном слове М. И. Матусевич отмечает, каким именно сторонам деятельности Щербы посвящен тот или иной доклад. В 1948 г. это были грамматические идеи Щербы, освещенные в докладе Е. С. Истриной «Грамматические идеи Щербы и задачи русской грамматики», и проблемы исторической фонологии — в докладе В. И. Цинциус «О роли историко-сравнительных изысканий при установлении фонем». В дальнейшем заглавия многих выступлений имели форму: «Щерба о …» или «Щерба и…».

Начиная с 1948 г. в проведении декабрьских заседаний появляется еще один аспект — информация о положении дел с публикацией трудов Щербы, отчет о том, что было сделано за прошедший год для увековечения памяти о нем и распространения его идей. Принимается решение об издании двух сборников избранных работ Льва Владимировича, многие из которых стали к этому времени уже библиографической редкостью, обсуждается ход работы по составлению сборника статей памяти Щербы. Заседание 1951 года Маргарита Ивановна открывает радостным сообщением о выходе в свет долгожданного сборника: «Прежде всего, я считаю своим приятным долгом сообщить собранию, что сборник памяти Льва Владимировича[1], очень давно уже подготовленный к печати, но задержавшийся в результате марровского аракчеевского режима, наконец, увидел свет».

В следующем, 1952 году Маргарита Ивановна сообщает о выходе в свет изданной Академией Наук «Грамматики русского языка» и напоминает, что Введение в ней написано в основном Щербой, а также и часть раздела фонетики. Из скромности М. И. не упоминает, что раздел «Фонетика» в академической грамматике был дописан и отредактирован ею. Она говорит: «Я уверена, что все, кто общался со Львом Владимировичем, с чувством глубокого удовлетворения находят в этой книге его мысли, такие глубокие и вместе с тем ясные и простые. Я надеюсь, что и впредь мы еще не раз увидим новые книги с его именем, и многие его лингвистические идеи еще долго будут жить и будить творческие мысли наших языковедов».

Издание и переиздание трудов Щербы продолжались и в последующие годы. Результатом этой огромной работы, проделанной Л. Р. Зиндером, М. И. Матусевич и Л. В. Бондарко, было именно то, о чем мечтала Маргарита Ивановна. Более того, без их усилий, без глубоких вводных статей и подробных комментариев к работам Щербы следующие поколения исследователей многого из его идей просто не узнали бы и не поняли.

Еще одной уникальной составной частью памятных заседаний с самого начала были воспоминания о Щербе его современников — друзей, коллег, учеников. Они звучали как во вступи-

---

[1] Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944). Сборник статей. Редкол.: Б. А. Ларин, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1951. 324 с.

тельных словах Маргариты Ивановны Матусевич и сменившего ее в роли ведущего Льва Рафаиловича Зиндера, так и позднее в отдельных «мемориальных» докладах.

Сложившийся еще в первые годы после смерти Щербы, формат чтений сохранялся в основном все последующие годы. И это делает историю этой традиции интереснейшим источником сведений о личности Щербы, публикации его наследия, разработке и развитии его идей в работах учеников, последователей и учеников его учеников. Поэтому восстановление истории «щербовских кафедр», как эти собрания обычно назывались, всегда казалось мне необычайно важной задачей. Я чувствовала, что если описать содержание и характер этих ежегодных встреч выдающихся языковедов, или хотя бы перечислить имена докладчиков и темы их выступлений то получится своеобразная летопись более чем 70-летнего периода в истории отечественной науки.

Основным материалом такой реконструкции мне изначально служили сохранившиеся у меня пригласительные билеты[2] и собственные воспоминания о заседаниях памяти Щербы. Будучи студенткой филфака, а затем преподавателем кафедры фонетики, я посещала их с середины 60-х годов. В памяти остался особый дух этих собраний — торжественный, строгий и теплый одновременно. С трепетом слушала я современников «нашего» Щербы, удивлялась широте его лингвистических интересов, далеко выходящих за пределы фонетики. Кроме приглашений сохранились у меня и краткие конспекты нескольких докладов.

Огромным подспорьем для описания начального этапа традиционных заседаний памяти Щербы стала найденная в личном архиве М. И. Матусевич подборка пригласительных билетов с 1947 по 1978 гг. и рукописей текстов ее вступительных слов[3]. В них М. И. анонсирует доклады, обращая особое внимание на их связь с идеями и работами Щербы. Так, например, представляя на заседании 1955 г. доклады Б. А. Ильиша (о служебных словах) и А. А. Холодовича (о второстепенных членах предложения), она высказывает предположение о том, что оба докладчика, возможно, будут в чем-то спорить с положениями Щербы. А в 1958 г. о докладе В. Г. Адмони об одночленных и

[2] Всего мне удалось восстановить программы 68 заседаний из 75.

[3] Они полностью напечатаны в сборнике: «Памяти Маргариты Ивановны Матусевич (1895–1979). К 120-летию со дня рождения. Под ред. Н. Д. Светозаровой. СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та., 2017. С. 67–91.

двучленных предложениях в трактовке Щербы говорит, что ожидает его с большим интересом, так как сам Щерба «только наметил эту проблему и она не получила до сих пор развития в нашем языкознании, во всяком случае в печатных работах»[4].

Изучение содержания сохранившихся в архиве кафедры фонетики пригласительных билетов, текстов вступительных слов ведущих, М. И. Матусевич и Л. Р. Зиндера, конспектов отдельных докладов, воспоминания об атмосфере этих декабрьских встреч позволяет составить представление не только о личности Л. В. Щербы и широте его научных интересов, но и о путях развития отечественной лингвистики на протяжении 70-летнего периода «после Щербы».

Интересно отметить, что хотя организатором чтений была кафедра фонетики, долгое время докладов по фонетике на мемориальных заседаниях было очень мало. Количественно явно преобладали различные проблемы грамматики и лексикологии. Думаю, что в этом сказалось желание организатора заседаний показать многогранность Щербы как ученого. А те доклады по фонетике, с которыми в этот ранний период выступали члены кафедры и приглашенные докладчики, носили общий характер и были тесно связаны с историей языка и грамматикой. Этот общеязыковедческий характер выступлений сохранялся и после 1966 года, когда заведовать кафедрой стал Лев Рафаилович Зиндер.

После смерти в 1995 году Л. Р. Зиндера по инициативе нового заведующего кафедрой — Лии Васильевны Бондарко — было изменено название традиционных декабрьских заседаний: в 1997 г. гости получили приглашение на «Фонетические чтения памяти учителей — Л. В. Щербы и Л. Р. Зиндера». Позднее список покинувших нас учителей удлинился, как увеличился и ряд портретов в той аудитории, где заседания проходили: в 2007 г. не стало Л. В. Бондарко, в 2018 — М. В. Гординой, в 2019 — Л. А Вербицкой.

Существенно изменилась и тематика заседаний. Постепенно обязательными становятся выступления в качестве докладчиков членов кафедры, хотя сохраняется и традиция приглашать кого-то «со стороны». Вступительное слово ведущего постепенно превращается в своеобразный годовой отчет о

[4] Подробнее см. в статье Н. Д. Светозаровой «М. И. Матусевич — организатор заседаний, посвященных памяти Л. В. Щербы» в том же сборнике (с. 60–66).

работе кафедры. Но надо сказать, что ориентация на фонетику не отпугнула посетителей чтений: 26 декабря 25-я аудитория по-прежнему всегда была полной.

Впрочем, еще при жизни М. И. Матусевич было одно заседание, когда фонетисты, и при том не только Ленинграда, но всей страны, представили на заседании памяти Щербы настоящий отчет о проделанной после его смерти работе. Это была двойная памятная дата: зимой 1964 исполнилось 20 лет после смерти Щербы, а весной 1965 отмечалось 85-летие со дня его рождения. Поэтому в январе 1965 г. было проведено юбилейное трехдневное заседание, на котором было зачитано 11 докладов. Это был единственный случай изменения привычной даты. В первый день, на заседании Ученого совета филологического факультета в актовом зале факультета, был доклад академика В. В. Виноградова «Роль Л. В. Щербы в развитии теории лексикографии». Второй день как обычно проходил в ауд. № 12 и включал 4 доклада на разные темы. На третий день в Лаборатории экспериментальной фонетики имени Щербы ведущие фонетисты страны представили отчеты о работе шести отечественных лабораторий экспериментальной фонетики: ленинградской (Лев Рафаилович Зиндер); киевской (ученица Щербы Ирина Петровна Сунцова); московской (Сергей Сергеевич Высотский); казанской, колыбели русской экспериментальной фонетики (Любовь Владимировна Златоустова); вильнюсской (Валерия Вайткявичюте) и таллиннской (Георг Лийв).

Декабрьское заседание юбилейного 1980 года, было отмечено тремя докладами, полностью посвященными Щербе. Но еще в начале года, 27–28 февраля, на филологическом факультете ЛГУ состоялась организованная Ленинградским университетом совместно с Институтом русского языка АН СССР и Ленинградским отделением Института языкознания АН СССР двухдневная всесоюзная конференция «Теория языка. Методы его изучения и преподавания» (Теория языка 1981), посвященная 100-летию со дня рождения Щербы. Она была самым тесным образом связана с темой данной статьи именами ее организаторов и докладчиков. Это было поистине большое событие. Кроме двух пленарных заседаний работали 4 секции, отражавшие круг интересов Щербы: секция общего языкознания и грамматики, секция фонетики и фонологии, секция лексикологии и лексикографии, секция методики. Открывалась конференция двумя докладами, характеризующими Щербу как ученого и общественного деятеля (Р. И. Аванесов) и общего

языковеда (Л. Р. Зиндер). В названиях многих докладов доминировали знакомые нам обороты: «Щерба и…» и «Щерба о…»:

Л. В. Щерба и проблемы современной фонетики (Л. В. Бондарко),
Л. В. Щерба и современное русское литературное произношение (Л. А. Вербицкая),
Л. В. Щерба и современное понимание языкознания (И. П. Сусов),
Л. В. Щерба и грамматическая теория (Ю. С. Маслов),
Л. В. Щерба и вопросы двуязычной лексикографии (В. П. Берков),
Л. В. Щерба и проблема конвергенции языков (В. Ю. Розенцвейг),
Л. В. Щерба и тунгусоманчжуроведение (В. И. Цинциус)
Л. В. Щерба об истории языка и диалектологии (В. В. Колесов).

Всего было заявлено 52 доклада.

В 1981 году вышла в свет книга под названием, почти точно повторяющим название конференции (Теория языка 1981). Интересно, что количество статей в ней почти равно количеству докладов на юбилейной конференции (57), однако полностью совпадают по названию лишь несколько; из числа докладчиков конференции в сборнике участвовали 30 авторов, многие с текстами на иную, хотя и тоже близкую Щербе тему. Это говорит о том, как широк был круг последователей и поклонников Льва Владимировича и как разнообразны темы исследований, так или иначе связанных с его идеями и трудами.

Основные направления этих исследований хорошо представлены в упомянутой выше программе юбилейной конференции, поэтому я буду далее придерживаться ее. Особняком стоит большая группа докладов, в разные годы звучавших на заседаниях памяти Щербы, которые можно назвать **биографическими**. Это рассказы о личности Льва Владимировича, о его жизни, о встречах с ним, об индивидуальных чертах его стиля. К этой группе можно отнести и два доклада о «глокой куздре», поскольку она (куздра) факт столь же научный, сколь и биографический. Вот они в хронологической последовательности:

1970 В. В. Колесов «Из архивных материалов о молодом Щербе»,
1972 Р. И. Аванесов. «Встречи с Л. В. Щербой»,
1974 Л. В. Успенский. Воспоминания о Л. В. Щербе,
1975 М. И. Стеблин-Каменский «Как я сдавал экзамен Л. В. Щербе»,
1978 А. В. Федоров «Индивидуальный стиль ученого (из наблюдений над языком трудов Л. В. Щербы)».
1980 А. И. Моисеев. «Глокая куздра», Н. А. Мещерский. «Из воспоминаний о Л. В. Щербе»,

1998 Г. А. Лилич «Разбор текста на экзамене у И. А. Бодуэна де Куртене и Л. В. Щербы»,
1999 А. И. Зайцев «К генеалогии “Глокой куздры”»,
2011 Н. Д. Светозарова «Воспоминания любимого ученика: Лев Рафаилович Зиндер о Льве Владимировиче Щербе».

Два доклада из этого списка были опубликованы: один — самим Р. И. Аванесовым в упомянутом сборнике (Теория языка 1981), другой был найден в рукописи и опубликован в 2008 г. в книге «М. И. Стеблин-Каменский Из записных книжек (1938–1981)». Размер статьи не позволяет рассказать о поисках в печатных изданиях следов других докладов. Это особая тема. Но очевидно, что тематика и материал многих из них получили дальнейшее развитие, а часто представляют собой начальный этап новых направлений или подведение итогов.

К биографическим докладам примыкают рассказы об **истории кафедры фонетики**, жизни и трудах ее сотрудников, а также два доклада автора данной статьи об истории «щербовских кафедр»:

1997 Л. В. Бондарко «65 лет кафедре фонетики»,
2007 М. В. Гордина «Из истории кафедры фонетики»,
2013 Н. А. Любимова «Научное наследие профессора Маргариты Ивановны Матусевич»,
2015 П. А. Скрелин «Экспериментально-фонетические исследования на кафедре фонетики: второе десятилетие XXI века»,
2017 У. Е. Кочеткова, П. А. Скрелин «Ожившая история: коллекция камертонов Л. В. Щербы в современном экспериментально-фонетическом исследовании»,
2018 Н. Д. Светозарова «Гордина».

Богато представлены в реконструированном списке наиболее важные проблемы **общего языкознания:**

1967 М. И. Стеблин-Каменский «Возможно ли планирование языкового развития?»,
1968 С. Д. Кацнельсон «О понятии речевой деятельности»,
1971 А. А. Леонтьев «Щерба и некоторые вопросы языковой типологии»,
1996 Т. В. Черниговская «Языкознание и нейронауки»,
2009 В. Б. Касевич «Парадоксы семантики»,
2014 К. А. Рогова. «О речевой системности Л. В. Щербы».

Чрезвычайно интересной оказалась растянувшаяся на полвека большая **«грамматическая секция»:**

1965 А. М. Мухин «Л. В. Щерба и проблемы синтаксиса»,
1968 В. Ф. Иванова «Слово ТЫСЯЧА как часть речи в русском языке»,
1969 А. А. Холодович «Залог»,
1970 Е. А. Реферовская «Синтаксическая структура присоединения (на материале современного французского языка)»,
1972 С. Е. Яхонтов «Механизм аморфного языка (грамматика китайских стихов)»,
1973 Ю. С. Маслов «Вопросы глагольного вида в сопоставительной грамматике»,
1974 Т. М. Николаева «Понятие синтагмы (по Щербе) и теория высказывания»,
1975 С. Г. Ильенко «Сложное предложение и контекст»,
1983 Г. Н. Акимова «Второстепенные члены предложения сегодня»,
1984 В. М. Павлов «К проблеме соотношений синтаксиса и словообразования»,
1987 С. И. Богданов «Структура русской словоформы на уровне конечных составляющих»,
1988 Ю. С. Маслов «Синтетосемемы и синтетоморфемы»,
1991 М. К. Сабанеева «О содержании понятия “глагольное наклонение”»,
1992 Г. Н. Акимова «Форма слова или словоформа?», Л. В. Сахарный «Сколько грамматик в языке?»,
2000 В. С. Храковский «Дуалис в русском императиве (об одной теоретической мифологеме)»,
2001 А. П Володин. «Об “изъятии всякой призмы” в грамматических описаниях»,
2008 А. С. Герд «О сегментации текста на морфологическом уровне».

На протяжении всего периода выступали **лексикологи и лексикографы**, звучали доклады по **этимологии и фразеологии:**

1970 Т. А. Иванова «История поговорки “Попал как кур во щи”»,
1976 А. В. Десницкая «О месте турцизмов в лексической системе албанского языка»,
1976 К. С. Горбачевич «Принципы нормализации языка в современной русской лексикографии»,

1977 А. С. Герд «Предмет и задачи научно-технической лексикографии»,
1983 В. А. Михайлов «Соположение антонимов как средство сложения смыслов»,
1985 В. П. Берков «Двуязычная лексикография и теория перевода»,
1989 Ю. В. Откупщиков «Из истории собачьего имени Барбос»,
2002 А. И. Молотков «Фразеологическая единица как особая единица языка».

Конечно, не была забыта и **теория письма**, чему были посвящены всего три, но чрезвычайно важных доклада:

1965 А. И. Моисеев «Алфавит, графика и орфография (применительно к русскому языку)»,
1980 Л. Р. Зиндер. «Из неопубликованной части “Теории русского письма” Л. В. Щербы»,
1984 В. Ф. Иванова «Теория русского письма Л. В. Щербы и современность».

Невозможно представить себе педагогическую деятельность Щербы без его знаменитых семинаров по медленному чтению и **анализу художественного текста**. И это нашло отражение в заседаниях его памяти:

1987 В. Г. Адмони «Дневники поэтов — глазами лингвиста»,
1991 Т. Л. Пашевская «Методические аспекты анализа текста»,
1997 А. И. Моисеев. «”Свеча горела на столе…” или опыт формального анализа текста»,
1999 К. А. Рогова «Когнитивный фон при анализе художественного текста»,
2004 К. А. Филиппов «Лингвистические традиции Санкт-Петербургского университета и современные теории текста».

Неоднократно обсуждались на описываемых заседаниях столь важные для Щербы **проблемы языковых контактов и двуязычия** и тесно связанные с ними вопросы **методики** преподавания иностранных языков:

1966 В. Ю. Розенцвейг «Л. В. Щерба и проблема языковых контактов»,
1982 В. М. Мокиенко «Интерференция при обучении близкородственному языку»,
1983 А. Е. Супрун «О полабско-немецких контактах по данным полабского языка»,

1986 Л. В. Банкевич «Традиции и новое в методике обучения иностранным языкам»,
1998 Л. А. Вербицкая «Л. В. Щерба и Л. Р. Зиндер о значении филологического образования».

Больше всего докладов было **по фонетике** в самом широком понимании этой важнейшей составляющей языка. Поэтому мне придется отказаться от приведения списков, остановлюсь лишь на некоторых докладах с целью выделить основные темы и направления исследований на разных этапах рассматриваемого отрезка времени. В огромном списке особенно хорошо представлена та особенность описываемых заседаний, которая позволяет мне назвать их своеобразной летописью. Здесь интересны как представленность аспектов самой фонетики и ее методов, так и изменение тематики и интересов.

Классическая фонетика и фонология и примыкающая к ней русская фонетика и орфоэпия присутствуют в моем списке на протяжении всего периода. Среди докладчиков как члены кафедры, так и гости. В русле общего направления щербовских заседаний находится доклад Л. В. Бондарко 1969 года (года защиты ее докторской диссертации) «Щербовская фонология и современная фонетика». Характерно, что часто предметом выступления являются наиболее сложные и спорные вопросы фонетики и фонологии. В 1966 и 1977 гг. Л. Р. Зиндер говорит о спорных проблемах русской фонетики (проблема «ы» и долгих шипящих), в 1978 году В. Б. Касевич обсуждает аспекты моносиллабизма, в 1989 Ю. К. Кузьменко — проблему контакта в германских языках, М. В. Гордина (1998) — о минимальных парах в фонологических доказательствах, Н. Д. Светозарова (1999) — вопрос о дополнительных критериях в фонологии. О том, что фонология себя не исчерпала, и что не все ее проблемы решены, свидетельствуют доклады самого последнего времени: Ю. А. Клейнер «Правило Гординой» (2018), В. Б. Касевич «Фонетика vs. Фонология: закрытая тема?» (2019). Прекрасной иллюстрацией динамики фонетических явлений, отраженных в самом названии, был доклад Л. А. Вербицкой «Русская произносительная норма: вчера, сегодня, завтра» (2012).

Проблемы фразовой интонации, которые всегда находились в круге интересов Щербы и его кафедры, также нашли отражение в заседаниях, начиная с 1975 года: это доклады автора данной статьи и Н. Б. Вольской. В новейшее время видно расширение материала (в сторону спонтанной речи) и методов

исследования. Последнее показано, например, в докладе Д. А. Кочарова и П. А. Скрелина «Автоматическая обработка и интерпретация мелодического контура» (2010) и «Автоматическое распознавание границ синтагм в чтении и спонтанной речи» (те же авторы и Т. Качковская, 2016). Появление в работе кафедры новых методов исследования хорошо видно и по другим докладам 2000-х годов. Так, в 2012 г. группа молодых исследователей кафедры О. Н. Глотова, К. В. Евграфова, Д. А. Кочаров, Т. В. Чукаева сделала сообщение «Новые возможности инструментальных исследований речевой деятельности».

По всему временному диапазону распределяются доклады по восприятию речи — от сообщения Л. В. Бондарко «Лингвистические аспекты проблемы исследования восприятия речевых единиц» в 1974 г., определившего направление работы кафедры на многие годы, до демонстрации результатов новых перцептивных, психолингвистических и нейролингвистических исследований в докладах 2000-х гг.

Таковы основные темы докладов, воплотивших на протяжении 75 лет замечательную идею Маргариты Ивановны Матусевич: встречаться каждый год и рассказывать об идеях и проблемах, занимавших и волновавших ее великого учителя, и об их развитии на новых этапах науки о языке. Примечательно, что все аспекты и темы, справедливо считающиеся «щербовскими», оставались актуальными на протяжении XX века и остаются ими и в XXI, а значит, есть смысл продолжать встречи и рассказывать о делах и замыслах учителей и идти дальше.

Литература

Pamyati Margarity Ivanovny Matusevich (1895–1979). K 120-letiyu so dnya rozhdeniya. Pod red. N. D. Svetozarovoy. SPb.: Izd. S.-Peterb. un-ta, 2017.

Памяти Маргариты Ивановны Матусевич (1895–1979). К 120-летию со дня рождения. Под ред. Н. Д. Светозаровой. СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2017.

Teoriya yazyka. Metody yego issledovaniya i prepodavaniya: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya L'va Vladimirovicha Shcherby. Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1981.

Теория языка. Методы его исследования и преподавания: к 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981.

DOI:10.30842/ielc230690152581

Е. Г. Панкратова
(Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ 1930-х г. В СССР (по материалам архивно-следственного дела Г. И. Боровки)[1]

Основная сложность в изучении 1920–1930-х гг. в истории отечественной археологии заключается в том, что из-за усиления идеологического контроля и репрессивной политики государства, огромное количество архивных документов было уничтожено, децентрализовано и засекречено. После того, как массив архивно-следственных дел стал доступен для исследователей, стало очевидным, что эти документы важны не только для составления мемориальных баз данных, но и представляют собой уникальный источник для восполнения пробелов в истории отечественной науки. В частности, работа со следственным делом археолога и скифолога Г. И. Боровки, позволила уточнить институциональные особенности развития античной археологии в столицах, впервые позволила установить этапы организации Таманской экспедиции ГАИМК и получить важную, ранее не опубликованную, информацию о проведении самих археологических раскопок на территории Гермонассы и Фанагории.

Ключевые слова: Григорий Иосифович Боровка (1894–1942), античная археология в СССР (1920–1930-е гг.), Таманская экспедиция Гос. Акад. истории материальной культуры (ГАИМК) и изучение Боспорского царства.

E. G. Pankratova
(St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences)

On the history of the development of Ancient archeology in the 1930s in the USSR (based on the materials of the investigative case of Grigory Borovka)

The main difficulty in studying the 1920s and 1930s in the history of Russian archaeology is that, due to the strengthening of ideological control and the repressive policy of the state, a huge number of archival documents were destroyed, decentralized and classified. After the opening of the access to these documents, it became clear that they are not only important

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20–09–00180А «А. А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)».

not only for compiling memorial databases, but also represent a unique source for learning the history of Russian science. In particular, the work with the investigative case of the archaeologist and scythologist Grigory Borovka allowed us to clarify the institutional features of the development of ancient archeology in the capitals, for the first time allowed us to establish the stages of the organization of the Taman expedition of the GAIMK and to obtain important, previously unpublished, information about the conduct of the archaeological excavations on the territory of Hermonassa and Phanagoria.

Key words: Grigory J. Borovka (1894–1942), archaeology in the Soviet Union in 1920–1930-th, Taman expedition of the GAIMK and the investigation of the Bosporan kingdom.

Конец 1920-х–1930-е гг. по-прежнему остаются наименее изученным этапом в истории отечественной археологии. Основная сложность в исследовании данного периода заключается в том, что ввиду репрессивной политики и идеологического контроля государства, которые начали нарастать с 1929 г., огромное количество архивных документов было уничтожено, децентрализовано и засекречено. В частности, вплоть до начала 1990-х гг. исследователи не могли получить доступ к большому массиву архивно-следственных дел, хранившихся в архивах КГБ СССР. После того, как следственные материалы стали открыты для представителей общественных организаций и ученых, история отечественной науки пополнилась многочисленным публикациям, посвященным отечественным историкам, археологам, этнографам и лингвистам, ставшим жертвами политических репрессий 1930-х гг. (Anshin, Alpatov: 1994; Artizov: 1994; Sultanbekov: 2002; Люди и судьбы: 2003; Tunkina: 2000). Изучение этого важнейшего комплекса архивных материалов несет в себе не только морально-этический и мемориальный аспекты, но позволяет восполнить существенные пробелы в истории гуманитарных наук, в частности, античной археологии, в первой половине 1930-х гг.

В Архиве Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО) в ходе работы с архивно-следственным делом археолога и скифолога Григория Осиповича (Иосифовича) Боровки (П-74160), был выявлен документ, благодаря которому были получены новые данные об общих тенденциях развития античной археологии в 1928–1931 г., а также об организации и работе Таманской экспедиции ГАИМК (1930–1931 г.) (Vino-

gradov, Medvedeva, Pankratova 2020)[2]. «Следственное дело № 918–31 по обвинению Боровко Григория Осиповича» (П-74160) включает в себя фрагменты показаний А. М. Мерварта, ставшими основанием для ареста Г. И. Боровки; стенограмм допросов, записанных следователем от руки (23 сентября, 25 октября, 2 декабря 1930 г., 9 июня 1931 г.); личных показаний Г. И. Боровки, записанных им, судя по всему, во время продолжительных допросов; следственных материалов ОГПУ (протоколов обыска и задержания, анкеты арестованного, постановления к привлечению в качестве обвиняемого и предъявлении обвинения, обвинительного заключения, справок о пересылке в Ухт-Печерский лагерь и др.), а также отзывов о работе в Монгольской экспедиции АН СССР и «Отзыв А. А. Миллера о работах научного сотрудника Таманской экспедиции ГАИМК – Г. И. Боровки» (Pankratova 2019: 154–166). Отзыв А. А. Миллера датирован 30 апреля 1931 г. и был запрошен ОГПУ спустя 7 месяцев заключения Г. И. Боровки во внутренней тюрьме ОГПУ на Шпалерной, 25 (П-74160. Л. 51–56).

Г. И. Боровка был арестован 20 сентября 1930 г., после возвращения из Таманской экспедиции, по обвинению в членстве в контрреволюционной монархической организации. 3 сентября 1930 г., состоялся первый допрос Г. И. Боровки, после которого 25 октября 1930 г. в «Постановлении о привлечении в качестве обвиняемого», ему было предъявлено обвинение по пунктам 4,6 и 11 статьи 58 УК СССР (шпионаж, антисоветская агитация). На очередном допросе, 2 декабря 1930 г., Г. И. Боровка допрашивался на предмет своей «шпионской деятельности» (П-74160. Л. 40). Как подтверждение шпионажа следствие вменяло ему сделанные им в экспедициях фотографии, о чем в протоколе допроса, со слов Г. И. Боровки, было внесено следующее: «должен еще признаться, что в экспедициях делал незаконные снимки в Монголии и Крыму. На Тамани [снимал] виды берега Тузлы и два снимка берега у станицы Таманской, кроме того я снимал виды курганов у Сенной и использовал их в своем докладе в ГАИМК. В Керчи снимал вид Керченской бухты с горы Митридат и вид курганов Юз-Обы. Последние снимки

[2] Таманская экспедиция (1930–1931 г.) одна из наименее изученных экспедиций ГАИМК. В настоящее время проводится комплексная работа по выявлению и публикации всего комплекса архивного и археологического материала. Предварительные итоги см.: Vinogradov, Medvedeva, Pankratova 2020; 2021.

остались не проявленными, так как по приезде был сразу арестован. Делал я эти снимки не сознательно, хотя понимал, что совершаю преступление» (П-74160. Л. 45). Примечательно, что в дело подшит конверт с надписью «Вещдок. Вид с горы Митридат на Керченскую бухту», в котором содержится 5 фотографий, о которых и шла речь на допросе (рис. 1–5) (П-74160. б/н).

Не вызывает сомнения, что для подтверждения шпионской деятельности были запрошены и отзывы о деятельности Г. И. Боровки в Монгольской экспедиции АН СССР и Таманской экспедиции ГАИМК. И если отзыв о работе в Монгольской экспедиции составлен достаточно формально (П-74160. Л. 57), то отзыв о работе в Таманской экспедиции, составленный ее руководителем А. А. Миллером[3], содержит не только сведения о работе Г. И. Боровки, но представляет собой общую характеристику развития античной археологии и ее организационных основ перед важным для науки рубежом — 1928–1930 г.

Во вступительной части документа А. А. Миллер приводит краткую характеристику археолого-топографических работ на Тамани проводимых до 1928 г., отмечая их низкий уровень в сочетании с личными разногласиями между московскими исследователями, принявшими характер «грубого столкновения с взаимными обвинениями»[4] (П-74160. Л. 51). Далее он отмечает заинтересованность Г. И. Боровки в изучении археологической топографии Таманского полуострова, но вместе с тем подчеркивает свое несогласие с Г. И. Боровкой в области изучения исключительно античного периода (П-74160. Л. 52). Затем А. А. Миллер крайне подробно описывает заседание при Музейном отделе Главнауки, состоявшееся в ноябре в 1929 г., на котором утверждался список археологических экспедиций

[3] Миллер Александр Александрович (1875–1935), археолог, кавказовед, этнограф, палеоэтнолог. Директор (1917–1921), руководитель этнографического отдела Русского музея (1908–1932). Арестован 7 сентября 1933 г. по делу «Российской национальной партии», обвинен по ст. 58–6 и 58–10 УК РСФСР. Приговорен к пяти годам ИТЛ, с заменой на высылку через ПП ОГПУ в Казахстан на тот же срок, считая с 09.10.1933. Умер в Карлаге 12 января 1935 г. Реабилитирован 28 ноября 1996 г. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695).

[4] В данном случае А. А. Миллер имел ввиду несогласованность действий в отношении исследования Фанагории между сотрудником РАНИОН А. С. Башкировым и научным сотрудником МИИ Л. П. Харко – *Е. П.*

на 1930 г., в частности раскопки Фанагории и Гермонассы.[5] Отмечалось, что от ГАИМК на заседании присутствовали председатель ГАИМК Н. Я. Марр и его заместитель Ф. В. Кипарисов, от ГМИИ — директор В. П. Полонский и Л. П. Харко, А. А. Миллер представлял Русский музей. Н. Я. Марр и Ф. В. Кипарисов заявили, что все вопросы о проведении археологических раскопок на Таманском полуострове берет на себя ГАИМК, что явилось для А. А. Миллера «полной неожиданностью» (П-74160. Л. 53). Уже позже, в личном разговоре, Ф. В. Кипарисов сказал, что руководство экспедицией будет возложено на А. А. Миллера и попросил его включить в состав экспедиции Г. И. Боровку для того, чтобы тот мог «серьезно заняться усвоением методики полевых археологических исследований». А. А. Миллер отмечал, что он вполне разделял эти мотивы и не возражал против включения Боровки в состав экспедиции (П-74160. Л. 53). Особо А. А. Миллер подчеркивал наличие у экспедиции всех необходимых разрешений для проведения археологических работ: «в пограничном отделе ГПУ мне было разрешено производить исследования в приграничной полосе, причем об этом было дано письменное извещение уполномоченного ГПУ в Анапе для оповещения местных агентов на Таманском полуострове» (П-74160. Л. 54).

Вся работа, которую Г. И. Боровка выполнял в составе экспедиции, подробно описана А. А. Миллером, как и даты всех его перемещений: «Боровка участвовал в работах отряда по исследованию территории от Панагии до Бугаза и Кизилташа, а также в разведочных подчистках в городище у станции Сенной и территориальных обследованиях в направлении так называемого Киммерийского вала с выходом к Азовскому побережью у Пересыпи, а также в обследовании берегов бывшего протока от Шимарданской бухты» и пр. (П-74160. Л. 54). А. А. Миллер подчеркивает, что вынужден был уехать на время и оставил руководство Фанагорийским отрядом за Г. И. Боровкой[6]. Касательно сделанных Г. И. Боровкой фотографий, А. А. Миллер

---

[5] Несмотря на то, что в фонде Главнауки (ГАРФ. А-2307) содержится прямое указание на данное заседание, состоявшееся в ноябре 1929 г. (ГАРФ. А-2307. Оп. 14. Д. 29. Л. 42), соответствующий протокол в составе фонда до сих пор не выявлен.

[6] Подробную информацию о раскопках Фанагорийского отряда Таманской экспедиции ГАИМК см.: Виноградов, Медведева, Панкратова 2021 (в печати).

сообщил следующее: «мне известно, что у него был небольшой фотоаппарат, его снимки я видел и раньше и находил их неудовлетворительными в техническом отношении. Вследствие этого для ответственных фотоснимков мною был командирован фотограф А. А. Гречкин, которым были сделаны нужные снимки и сданы мне в Ленинграде полностью… Приехав в Ленинград в октябре, я узнал, что Боровка арестован, но что касается расчисток в обнажениях Сенного городища, то все чертежи слоев находятся в материалах экспедиции, но никаких сведений об его территориальном обследовании до Пересыпи я не имею, как не имею и тех фотоснимков, которые были сделаны Боровкой на полуострове» (П-74160. Л.55). Подводя итог, А. А. Миллер заключает, что никаких положительных результатов от участия Г. И. Боровки в экспедиции он отметить не может, но «в частных обсуждениях Боровка обнаруживал книжную подготовленность, а также владел хорошим знанием вещевого материала в Эрмитаже, но формально-типологический метод, которым пользуется при работе Боровка при современных установках советской науки считается отжившим» (П-74160. Л. 56). В составе Научного архива ИИМК РАН данный отзыв отсутствует, что лишний раз подтверждает его «следственный» статус.

21 июля 1931 г., после почти года заключения, было подготовлено обвинительное заключение, в котором «археолог Боровко» обличался как «агент германской разведки, пользующийся своим служебными положением и пребыванием в археологических экспедициях ГАИМК и АН СССР для ведения систематического и политического шпионажа» (П-74160. Л. 72). Отмечалось, что «после упорного запирательства Боровка сознался в незаконном детальном фотографировании Керченской бухты, проливов и других стратегических местностей (П-74160. Л. 73). Каким образом происходило дознание, свидетельствует почерк Г. И. Боровки в первые месяцы заключения (рис. 6) и спустя десять месяцев нахождения в ДПЗ (рис. 7). Важно отметить, что по сравнению со второй половиной 1930-х гг., на допросах широко не применялись физические пытки, основными мерами давления было лишение сна, угрозы членам семьи и иные меры психологического воздействия (Anshin, Alpatov 1994: 53).

В итоге «ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе, рассмотрев следственное дело Г. И. Боровки, постановило ходатайствовать перед Коллегией ОГПУ о применении в качестве

меры социальной защиты … заключение в концлагерь сроком на 10 лет» (П-74160. Л. 80).

15 ноября Г. И. Боровка был этапирован из Ленинграда и находился в перевалочном лагере в г. Вологде, после чего был направлен в поселок Чибью (с 1939 г. — Ухта). В Ухт-Печерском лагере он продолжал заниматься любой доступной ему научной деятельностью: читал лекции на геологических курсах, собрал в районе р. Ухты большую археологическую коллекцию, занимался палеонтологией. Часть срока провел в лагерных больницах, по истечении заключения, 21 сентября 1940 г. освобожден из лагеря, но по-прежнему работал в качестве вольнонаемного в Ухто-Ижемском лагере. Судя по материалам второго следственного дела Г. И. Боровки в составе ГАРФ, он был арестован вторично, скорее всего по доносу одного из коллег по обвинению во враждебных настроениях к советской власти, высказывании пораженческих настроений в отношении Советского союза и «клеветнических измышлениях на условия жизни трудящихся» (ГАРФ. Ф. 428. Оп. 4. Д. 2215. Л. 2). Во время вторичного заключения содержался вместе с тремя другими арестованными[7] по этому же делу в следственном изоляторе Ухто-Ижемского лагеря. 4 апреля 1942 г. состоялось заседание Верховного суда Коми АССР, на котором все обвиняемые были приговорены к ВМН. На это решение Г. И. Боровкой и другими заключенными была подана жалоба в Верховный суд РСФСР. 24 апреля 1942 г. состоялось заседание судебной коллегии по гражданским делами Верховного суда РСФСР, в судебном решении которой было указано, что «осужденный Боровко признал себя виновным и пояснил суду, что все осужденные вместе с ним по данному делу как во время работы, так и на квартире у него систематически высказывали пораженческие настроения в отношении СССР и клеветали на советскую власть», поэтому «преступление совершенное осужденными является дока-

[7] Известно, что одним из них был Пантелеймон Львович Низковский (1883–?), геолог. Арестован в г. Саратове 7 июня 1936 г. по ст. 58–10 УК РСФСР, был приговорен к 5 годам заключения в ИТЛ. Срок отбывал в Севжелдорлаге (1936–1940) и Ухто-Ижемском лагере (1940–1941), был освобожден 7 июня 1941 г. Повторно арестован в декабре 1942 г., приговорен к ВМН с заменой на 10 лет лишения свободы. Освобожден 22 марта 1944 г. (Жертвы политического террора в СССР. Книга памяти Республики Коми. Т. 9, ч. 2)

занным, квалифицированно правильно и мера наказания по отношению к Боровке соответствует содеянному. Что касается …[*других осужденных*] то суд без достаточных к тому оснований применил к ним ВМН. Поэтому суд считает возможным заменить ВМН на лишение свободы» (ГАРФ. Ф. 428. Оп. 4. Д. 2215. Л. 3). По какой причине вина именно Г. И. Боровки являлась «доказанной» крайне сложно сказать, возможно было взято во внимание немецкое происхождении и проживание в Германии его семьи. 29 июня 1942 г. состоялся расстрел ученого с полной конфискацией имущества. 11 сентября 1989 г. Г. И. Боровка был реабилитирован.

Изучение этого крайне тяжелого для восприятия вида архивных источников крайне важно как для современного гражданского общества, так и для науки. И если общество нуждается в доступных и объективных научных исследованиях, которые бы актуализировали необходимость сохранения исторической памяти о безвинно осужденных жертвах политических репрессий, то для науки значима работа с новыми данными, расширение источниковой базы и постановка новых исследовательских целей и задач. Благодаря научной работе с делом Г. И. Боровки в Архиве УФСБ стало возможным уточнить институциональные особенности развития античной археологии в Москве и Ленинграде, определить организационные этапы создания Таманской экспедиции и формирование ее научного состава, крайне важным стало получение ранее не опубликованной и не известной информации о проведении археологических раскопок в 1930–1931 гг. на территории Гермонассы и Фанагории. Безусловно, этот крайне показательный эпизод вселяет определенную надежду на открытие новых фактов в истории науки на столь трагичном отрезке ее пути.

Литература

Архив УФСБ по СПб и ЛО — Архив Управления федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

ГАРФ — Государственный архив РФ.

П-74160 — номер дела из Архива УФСБ по СПб и ЛО.

Anshin, F. D., Alpatov, V. M. 1994: *«Delo slavistov»: 30-e gody*. [*«The Case of the Slavists»: the 30s*.]. Moscow. Аншин, Ф. Д., Алпатов, В. М. 1994: *«Дело славистов»: 30-е годы*. М.

Artizov, A. N. 1994: [The fate of historians of the school of M. N. Pokrovsky (mid-1930s)]. *Voprosy istorii*. 7, 34–48.

Артизов, А. Н. 1994: Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х гг.). *Вопросы истории* 7, 34–48.

Lyudi i sud'by — Vasil'kov Ya. V., Sorokina M. Yu. 2003: *Lyudi i sud'by / Biobibliograficheskij slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskij period* (*1917–1991*). [*People and destinies. Biobibliographical Dictionary of orientalists-victims of political terror in the Soviet period* (*1917–1991*)]. Peterburgskoe vostokovedenie.

Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. 2003: *Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период* (*1917–1991*). Петербургское востоковедение.

Pankratova (Zastrozhnova), E. G. 2019: [«I do not believe that everything will end badly, it would be too unfair...»: to the biography of the archaeologist G. I. Borovka (based on the materials of the investigative case)]. *Rossiyskaya arkheologiya* 2, 154–166.

Панкратова (Застрожнова), Е. Г. 2019: «Я не верю что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо…»: к биографии археолога Г. И. Боровки (по материалам следственного дела). *Российская археология* 2, 154–166.

Sultanbekov, B. F. 2002: [Shot as a terrorist...(according to the pages of the investigative case of the historian Mikhail Khudyakov)]. *Ekho vekov — Gasyrlar avazy* 1–2, 107–125.

Султанбеков, Б. Ф. 2002: Расстрелян как террорист…(по страницам следственного дела историка Михаила Худякова). *Эхо веков — Гасырлар авазы* 1–2, 107–125.

Tunkina, I. V. 2000: [«The case» of Academician Zhebelev]. *Drevnij mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* 2, 116–161.

Тункина, И. В. 2000: «Дело» академика Жебелева. *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России* 2, 116–161.

Vinogradov, Yu. A., Medvedeva, M. V., Pankratova, E. G. 2020: [The Taman expedition of the GAIMK: to the history of creation]. *Arkheologicheskie vesti* 30, 312–329.

Виноградов, Ю. А., Медведева, М. В., Панкратова, Е. Г. 2021: Таманская экспедиция ГАИМК: к истории создания. *Археологические вести* 30, 312–329.

Vinogradov, Yu. A., Medvedeva, M. V., Pankratova, E. G. 2021 (in print): Tamanskaya e`kspediciya GAIMK i issledovaniya Fanagorii. [The Taman expedition of the GAIMK and the exploration of Phanagoria]. *Bosporskie issledovania*.

Виноградов, Ю. А., Медведева, М. В., Застрожнова, Е. Г. 2021 (в печати): Таманская экспедиция ГАИМК и исследования Фанагории. *Боспорские исследования* 2021.

Рис. 1. Вид на часовню И. А. Стемпковского с вершины горы Митридат. Фото Г. И. Боровки. Копия. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. б/н.
Fig. 1. View of the Stempkovsky's chapel from Mount Mithridat, Crimea. Photo by G. Borovka. Taman expedition.

Рис. 2. Вид с горы Митридат на Керченский залив. Фото Г. И. Боровки. Копия. УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. б/н.
Fig. 2. View from Mount Mithridat to the Kerch Bay, Crimea. Photo by G. Borovka. Taman expedition.

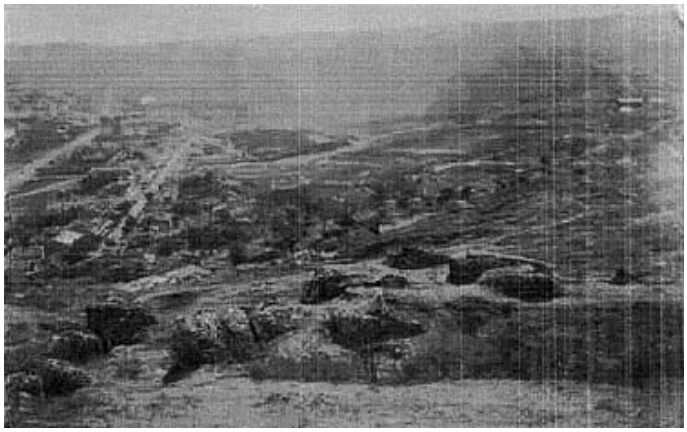

Рис. 3. Вид на городище Пантикапей. Фото Г. И. Боровки. Копия. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. б/н.
Fig. 3. View of the ancient settlement Panticapaeum, Crimea. Photo by G. Borovka. Taman expedition.

Рис. 4. Вид с горы Митридат на Керченский залив. Фото Г. И. Боровки. Копия. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. б/н.
Fig. 4. View from Mount Mithridat to the Kerch Bay. Photo by G. Borovka. Taman expedition.

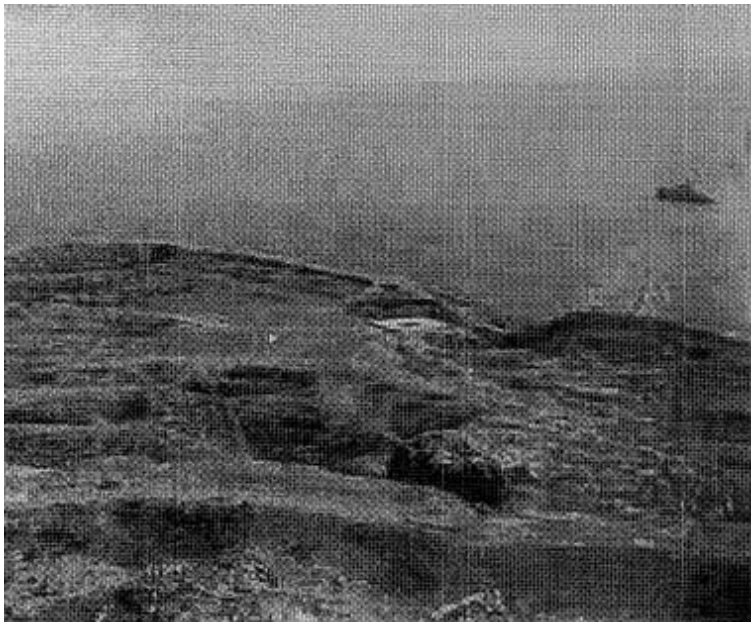

Рис. 5. Вид на Керченский залив и городище Пантикапей. Фото Г. И. Боровки. Копия. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. б/н.
Fig. 5. View of the Kerch Bay and the ancient settlement of Panticapaeum. Photo by G. Borovka. Taman expedition.

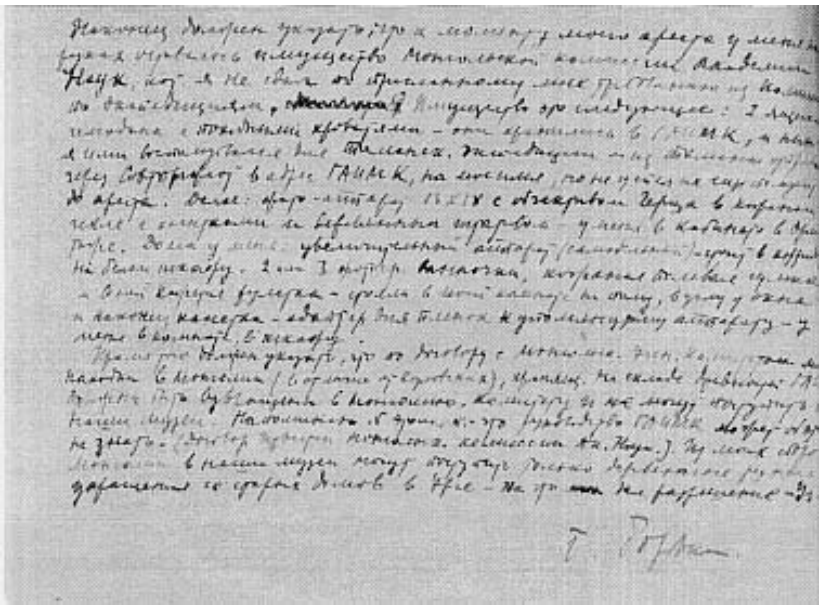

Рис. 6. Показания Г. И. Боровки, записанные им на допросе в октябре 1930 г. Автограф. Копия. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. л. 13 об.
Fig. 6. Testimony of G. Borovka, whritten by him during interrogation in October 1930.

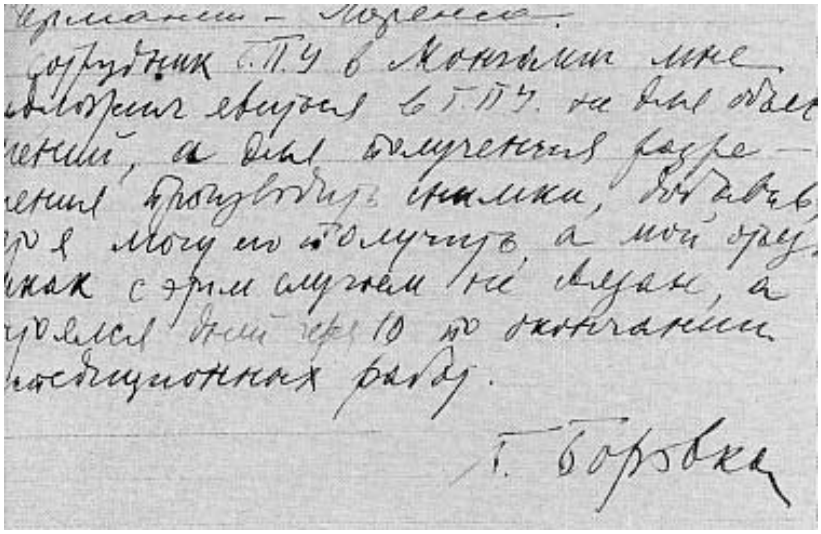

Рис. 7. Показания Г. И. Боровки, записанные во время последнего допроса, спустя десять месяцев заключения во внутренней тюрьме ОГПУ (июнь 1931 г). Автограф. Копия. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. Л. 40.
Fig.7. Testimony of G. Borovka, whritten by him during the last interrogation after 9 months in prison (June 1931).

DOI:10.30842/ielc230690152582

А. В. Андронов (Санкт-Петербургский гос. университет)
Н. В. Супрунчук (Минский гос. лингвистический университет)

ИЗ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Е. Д. ПОЛИВАНОВА: СТАТЬЯ «К общефонетическому вопросу о функциях ударения» (1931)

К 130-летию Е. Д. Поливанова публикуется рукопись его общетеоретической работы по акцентологии, ранее печатавшейся лишь в значительно сокращённом варианте. Последовательно проводя различие между явлениями «словоударения» и «слогоударения», использующими сходные просодические характеристики, Поливанов рассматривает комплекс вопросов их описания. Исследуется богатый материал разноструктурных языков с привлечением диалектных данных (китайского, японского, узбекского, французского и др.), комментируется вопрос о двухполюсности ударения в алтайских языках (тюркских, монгольском, корейском), характеризуется акцентологическая специфика эрзянского языка. Публикацию предваряет историко-текстологическая справка, текст рукописи снабжён комментариями.

Ключевые слова: Е. Д. Поливанов, акцентология, ударение, тон, история лингвистики, китайский язык, японский язык, узбекский язык, французский язык, эрзянский язык, алтайские языки.

A. Andronov (St. Petersburg State University)
M. Suprunchuk (Minsk State Linguistic University)

From Evgenij Polivanov's accentological heritage: "The functions of accent as a problem of general phonetics" (1931)

The manuscript of Evgenij Polivanov's study devoted to problems of accentological theory, up to now accessible only in the form of a considerably abridged publication, is published in its entirety to commemorate the 130th anniversary of the author. In spite of the similarity of phonetic realization, Polivanov consistently distinguishes items of word- and syllable-accent. The problems of the bipolarity of Altaic stress (Turkic, Mongol, Korean) and accentological peculiarity of the Erzya language are discussed vis-à-vis a considerable amount of data from structurally different languages and dialects (Chinese, Japanese, Uzbek, French, etc.). The publication includes a historical and textological introduction and commentaries.

Keywords: Evgenij Polivanov, accentology, stress, tone, history of linguistics, Chinese, Japanese, Uzbek, French, Erzya, Altaic languages.

Работу «К общефонетическому вопросу о функциях ударения», написанную в Самарканде в 1931 г., Е. Д. Поливанов направил С. И. Карцевскому в качестве доклада на I международном конгрессе фонетических наук в Амстердаме (3–8 июля 1932 г.). Там её сокращённый вариант «Le rôle sémantique de l'accentuation» был зачитан Р. О. Якобсоном (Proceedings... 1933: 262), а позже, в переводе на немецкий язык, включён в 6-й том трудов Пражского лингвистического кружка, посвящённый IV международному конгрессу лингвистов 1936 года в Копенгагене (Polivanov 1936: 75 сн.). В 1971 г. А. А. Леонтьев опубликовал обратный перевод этого текста на русский язык (Леонтьев 1971: 231; Поливанов 1936/1971). Оригинал доклада сохранился в фонде Якобсона в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (раздел «Rukopisy cizí: Články, stati, recenze, přednášky, studie», папка [12][1]), он в четыре раза превышает объём опубликованного текста.

В редакции Якобсона сохранены основные теоретические положения Поливанова, но сокращены их обоснования, не включены многие частные (но чрезвычайно интересные) наблюдения над разнообразным языковым материалом, привлекавшимся автором для иллюстрации своих идей; выпущено развёрнутое обсуждение фактов японского и китайского языков (часть их, правда, освещалась Поливановым в других работах[2]); сделаны некоторые композиционные изменения. Текст руко-

[1] Папки с документами фонда Якобсона не пронумерованы, номер соответствует порядку их перечисления под фамилией Поливанова в описи фонда (Dandová 1995: 4–5).

[2] Многие имеющиеся в работах Поливанова повторы связаны со стремлением опального учёного так или иначе донести до читателя то, что ему не позволяли публиковать в Москве и Ленинграде — ср. характерные слова в этой же рукописи, адресованные С. И. Карцевскому: «У меня вообще много разных мелочей и крупных вещей, которые я не имею возможности печатать, и чтобы они не пропали — как пропали сотни (буквально!) других моих работ в рукописях — я счёл за лучшее (— не прибавляя никаких претензий и ничего не ожидая в смысле напечатания) посылать их Р. Якобсону и — если Вы тоже не будете против — и Вам» (л. 2об.). Составление предметного указателя к трудам Поливанова является крайне трудоёмкой задачей, которая не может быть решена до полной публикации его научного наследия. В комментариях нам пришлось ограничиться ссылками лишь на те работы, привлечение которых потребовалось для подготовки к изданию данной рукописи.

писи позволяет также обратиться к оригинальным формулировкам Поливанова, которые иногда оказывались недостаточно чёткими в немецком варианте и могли ещё больше удалиться от исходного вида в русском переводе Леонтьева (ср. рукопись, с. 3: «и различия в моментах высоты голосового тона, и различия в силе между слогами одной и той же фразы, и те и другие, идут на потребу коммуникации», немецкая версия Якобсона: «Wir sehen auch, dass die Betonung immer phonologisch ausgenützt wird» (Polivanov 1936: 75), перевод Леонтьева: «Можно видеть также, что ударение всегда используется фонологически» (Поливанов 1936/1971: 190) — Поливанов говорит здесь о просодических характеристиках, что может быть по-немецки передано словом «Betonung», но в русском тексте должно называться не «ударением», а «выделением»).

Статья написана на листах разного формата с обеих сторон. На первой странице дан заголовок «К общефонетическому вопросу о функциях ударения», но ниже следует обведённая Поливановым в рамку заметка «Средне- и северно-хорезмское узбекское *baʁa-łar* ‘дети’», занимающая два листа (4 страницы) и сопровождающаяся пояснением: «В обведённом чертой месте — особая маленькая заметка» (не публиковалась).

На обороте третьего листа помета рукой Поливанова:

Заказная (рукопись для доклада на Лингв. конгрессе)
Адрес:
Швейцария Женева
Genève
11, Rue Emile-Young, 11
Institut d’Études Slaves de Genève
M. Professeur Serge Karcevskiy
Адр. отправителя: Самарканд, Зирабулакская 4
УзГНИИ
Профессор Евг. Дм. Поливанов

Текст статьи об ударении начинается с четвёртого листа, имеет авторскую нумерацию страниц, отражаемую в настоящем издании (подстрочные индексы в угловых скобках, отмечающие начало соответствующей страницы). При публикации раскрыты сокращения, исправлены описки, используется современная орфография и пунктуация (но сохранён характерный для Поливанова знак тире после скобки: «...(— ...)...»), подчёркивания, отмечающие в рукописи логическое выделение, заменены разрядкой. При необходимости сохранены технические пояснения Поливанова о структуре текста (печатаются мелким

шрифтом), пояснения издателей заключены в угловые скобки. Ввиду сложной структуры рукописи (в частности, из-за наличия обширных авторских постраничных сносок) публикуемый текст композиционно организован близко к оригиналу: сокращённые самим Поливановым фрагменты не переносятся в сноски, а даются на своих местах (разумеется, с соответствующими оговорками в угловых скобках). Комментарии к содержанию рукописи приводятся в концевых сносках (их номера, в отличие от постраничных сносок самого Поливанова, также заключены в угловые скобки); после комментариев помещён общий список литературы.

Е. Поливанов
К общефонетическому вопросу о функциях ударения

Почему, несмотря на все наличные различия между фонологическими системами различных языков, есть явления типичные и до известной степени нормальные с общефонетической точки зрения, то есть повторяющиеся в чрезвычайно большом количестве (и, вероятно, в абсолютном большинстве) языков? (К таким явлениям могут быть отнесены, например, наиболее частые типы гласных (*a*, *e*, *i*, *o*, *u*) и согласных (напр., *n*, *m*; или же хотя бы такой, напр., факт, как участие в фонологической системе по крайней мере одного из так называемых «плавных» согласных: *l*, *r*)). На этот вопрос априорный ответ, естественно, может быть такой: существуют объективные — физико-физиологические — условия, делающие лёгким (т. е. требующим относительно небольших затрат произносительной энергии) и удобным (т. е. достигающим цели: хорошо слышимым и хорошо узнаваемым, т. е. дифференцируемым) определённый артикуляторно-акустический тип, т. е. определённый звук языка (и так как мы можем игнорировать — поскольку это нам действительно позволяют факты — расовые различия в физиологии органов речи и слуха, то условия эти, в общем, оказываются едиными для всего человечества); а с другой стороны, существует и некое, — конечно, весьма относительное, — единообразие тех требований, которые предъявляются семантикой (в широком смысле) к составу фонологической системы: иными словами, число потребных (для выражения идей, т. е. для дифференциации слов и форм) фон. символов[<1>] может колебаться от языка к языку — лишь в известных пределах (допустим, напр., в пределах

20–80[3], а не в таких, напр., масштабах как 2–1500), а потому, ввиду потребности приблизительно в одинаковых (во всяком случае соизмеримых) количествах символов, многие языки выбирают приблизительно одно и то же (или соизмеримое) количество из совокупности объективно лёгких и удобных артикуляторно-акустических типов (звуков языка).

В отношении же акцентуации есть ещё более удобная почва говорить о наличии объективно-предопределённых общефонетически-нормальных явлений, которые потому <c. 2> и оказываются присущими большинству языков или многим языкам. Конечно, тут надо быть очень осторожным и, говоря о наличии общих моментов (в различных языках), основываться лишь на конкретных (и проверенных) фактах, не забывая, с другой стороны, всех тех различий — как в характере и составе акцентуационных систем, так и функциях акцентуации, — которые характеризуют отдельные — хотя бы и не многие — языки (ср.

[3] Конечно, здесь я беру произвольные цифры — исключительно для пояснения моей общей мысли. Но можно утверждать, что апостериорно, то есть на основании изучения состава фонологических систем очень большого числа языков, эти цифры можно было бы сделать и точными. Само собою разумеется, что в таком подсчёте нужно обязательно учитывать все единицы всех категорий фон. символов, т. е. не одни, напр., гласные и согласные фонемы, но и акцентуационные типы слов (поскольку, конечно, в данном <c. 2> языке акцентуация способна дифференцировать слова), так как общеизвестно, что сокращение состава одной из данных категорий (вокализма, консонантизма, акцентуации) сопровождается обычно ростом и даже гипертрофией другой: напр., число фон. символов (способных дифференцировать слова) аинского языка не должно ещё казаться таким незначительным, как об этом можно было бы сделать вывод на основании подсчёта фонем его элементарного вокализма и очень простого (по числу фонем) консонантизма (без принципиального различения глухих и звонких), ибо эта бедность фонем до известной степени компенсируется наличием музыкального Wortakzent'a<2>; другой пример — абхазский язык: его чрезвычайная, исключительная бедность вокализма (если мы примем во внимание основной слой абхазского языка — без заимствованных слов) компенсируется гипертрофией согласных (которые по функциональной своей нагрузке никак уж не будут соизмеримы с единицами русского, напр., консонантизма, почему даже и практический вопрос абхазской графики может быть решаем принципиально иначе, чем для большинства других языков: не по формуле «на одну фонему одна графема»), а с другой стороны — и наличием свободного ударения (ср. словоразличения вроде *áła* — *ałá* <'глаз' — 'собака'>).

ниже то, что я говорю о функции ударения в эрзя-мордовском, о характере ударения в японских и китайских говорах). Тем не менее я решаюсь говорить об общих для всех языков моментах, являющихся предпосылками для существования акцентуации, и это общее представляется мне следующим. При наличии полисиллабических фраз (а это условие можно считать, конечно, общим для всех языков мира) на практике неизбежно р а з л и ч н о е осуществление (хотя некоторых) слогов в составе данной многосложной фразы в отношении силы и высоты их голосового тона; иначе говоря, практически неизбежно, чтобы в составе фразы из n слогов один слог обладал несколько иной силой или иной высотой голосового тона, чем другой (или другие). И я думаю, что можно было бы — совершенно независимо от психологии и семантики — дать мотивировку (и доказатель<с. 3>ство) только что высказанного положения на основании ф и з и о л о г и ч е с к и х данных.

А если это так — если различия и в силе, и в моментах высоты голосового тона н о р м а л ь н о существуют между разными слогами фразы и — будучи зависимы от определённых факторов (может быть, чисто физиологических, а отчасти, может быть, и от психологических в связи с семантикой отдельных членов данной фразы) — п о в т о р я ю т с я в более или менее одинаковом виде при различных повторениях этой самой фразы, то для языка, ищущего экономически выгодных (т. е. не требующих чрезвычайной затраты энергии) символов для выражения наличных в коммуницируемом идей, было бы просто грешно не воспользоваться этими потенциальными средствами смысловой дифференциации, поскольку они — как вытекает из вышевысказанного положения — сами, так сказать, идут в руки языковому мышлению. Отсюда и получается вывод, который можно считать общефонетической нормой: и различия в моментах высоты голосового тона, и различия в силе между слогами одной и той же фразы, и те и другие, идут на потребу коммуникации.

Но далее возможно уже значительное разнообразие, т. е. выбор различных возможностей (при чем нам можно <= мы можем>, по крайней мере в известных пределах, указать, от каких индивидуальных условий зависит выбор той или другой из этих возможностей):

1° Возможно, что фраза содержит в себе полисиллабические (двухсложные и т. д.) слова. В этих случаях данные акцентуа-

ционные (в широком смысле) особенности отдельных слов могут стать уже признаками слога в составе слова, т. е. в итоге может выработаться словоударение; при этом, в свою очередь, возможны два случая:

а) акцентуационный момент служит общим признаком единицы слова вообще, а не данного индивидуального слова — что имеет место в языках с постоянным ударением. О том, к чему сводится «полезность» этой роли акцентуации, мне придётся говорить потом — в связи с турецким ударением;

б) акцентуационный момент может входить в индивидуальное представление данного слова, служа, следовательно, потенциальным признаком дифференциации слов — так же, как и составляющие это слово гласные и согласные. Пример — русское ударение. Конечно, возможно и дальнейшее деление — в зависимости от того, семасиологизуется ли или же морфологизуется (по крайней мере по преимуществу) ударение в данном языке, но <с. 4> здесь мы на этом не будем задерживаться<3>.

2° Различия слогов по моменту высоты и по силе существуют во всяком языке. Можно утверждать, что они и используются, и те и другие, во всяком языке. Но неизбежно то или иное размежевание их по различным функциям (а неизбежно оно потому, что во всякой фонации нет одной определённой и постоянной связанности этих моментов: т. е. нигде нет такого положения дела, чтобы момент высоты вполне определялся бы моментом силы данного слова, или, наоборот, — чтобы момент силы вполне определялся моментом высоты). И это размежевание бывает различным в разных языках (вопроса о причинах того или другого вида этого размежевания мы здесь вовсе не будем касаться, — хотя некоторые мысли по этому поводу и могли бы быть высказаны, — ибо этот вопрос в целом — один из серьёзнейших вопросов общей лингвистики и мог бы быть предметом целой монографии). Именно:

а) может быть так, что для роли признака слова (как слова вообще или же индивидуальных слов — см. выше) избирается силовой признак слога. Мелодические же моменты, характеризующие слог, утилизируются для других целей — для выражения фразовых значений (логических[4] и эмоциональных: напр.,

[4] И тут возможно, конечно, громадное разнообразие. Напомню, напр., что в языке ботокудов ответ согласован мелодически с вопросом посредством определённого интервала (квинты). У цивилизованных

для выражения вопроса или, наоборот, суждения, для выражения всевозможных чувств и т. п.). Но это вовсе не исключает возможность того, что в известной степени мелодический момент будет подчинён — в том или другом взаимоотношении — силовому моменту: напр., повышение может, в качестве преобладающей нормы, сопровождать экспираторно-ударенный слог (как в русском или эстонском); но может быть и зависимость обратного порядка (примером можно было бы взять норвежский, где экспираторно-ударенный слог ниже неударенного, — если бы норвежский не пришлось относить к другой категории языков, где музыкальный момент тоже участвует в характеристике слова на правах самостоятельного фон. символа);

б) может быть для Wortdifferenzierung избран мелодический момент (как в японском языке (Киото, Тоса, Токио, Нагасаки, Аомори, Тоса <повтор> и почти все мои образцы японских говоров)). Тогда, естественно, вторая функция мелодики — в роли фразовой интонации — <с. 5> будет уже значительно суженной (и мы действительно видим её сужение в японском (а с другой стороны, и в китайском) по сравнению, напр., с русским и т. п. языками; с другой стороны, можно показать, что те значения — логического и эмфатического характера, которые в русском и т. п. языках обычно выражаются фразовой интонацией, в японском получают выражение посредством символов из совсем другой — уже не-акцентуационной — категории: обозначаются особыми морфемами; примеры: вопросительный «синтаксический суффикс» *-ka*, «синтаксический суффикс» вопроса с предполагаемым утвердительным ответом: ток. *-ne* || киотоск. *-ˈna˛:*, падеж логического подлежащего (на *-wa* ← **-pa*) в противоположность именительному, выражающему грамматическое подлежащее равное логическому сказуемому или части его; суффикс *-koso* в классическом японском языке || *-du* в рюкюском, который обозначает, что грамматическое подлежащее — логическое сказуемое[5] <вычеркнуто: и потому

ботокудов эта «мелодика диалога» исчезает<4>. С другой стороны, возьмите русскую фразовую интонацию и её различия по диалектам (напр., в Семиречье).

[5] Конечно, учитывая эти отличия от русского и т. п. языков, не надо забывать, что можно указать ещё на второй фактор в их объяснении: на постоянный (в принципе) порядок слов (мешающий выразить логический характер грамматического подлежащего посредством переста-

требует глаголы в атрибутивной форме>, наконец, вопросительные формы глагола в рюкюском[6] и многое другое). Тут мы опять-таки можем констатировать возможность некоторой увязки принудительно-важного (в роли Wortakzent'а) мелодического момента с моментом силы, который в известных пределах подчиняется ему: так в токиоском говоре усиление обычно сопутствует повышению (хотя разница от русских фактов — где повышение сопутствует усилению — вполне несомненна и может быть доказана посредством лёгкого психофонетического эксперимента). Можно, пожалуй, подыскать и некоторые формы зависимости между определёнными типами музыкальной акцентуации (полиакцент, моноакцент, нисходящее повышение в *asâ* <'утро'> и т. п.) и моментом силы и для киотоского, и вообще западнояпонских говоров. Но основной вывод, который из фактов этого языка придётся сделать, — это то, что характеристика данной зависимости составляет индивидуальную черту данного языка, resp. диалекта. Иначе говоря, несмотря на наличие общечеловеческих физиологических предпосылок для известного параллелизма явлений высоты и силы (предпосылок, которые хорошо известны каждому фонетику), индивидуальному языку здесь предоставлен большой выбор конкретных возможностей (т. е. разнообразное оформление зависимостей между музыкальным ударением слога и его силовой стороной). И наконец, не надо забывать, что силовой момент может иметь (и фактически имеет) своё специальное назначение — для фразовой <с. 6> характеристики (и вообще для значений, не входящих в значения отдельных слов): для так называемого логического ударения и т. п.

3° Возможен и такой случай, когда ни мелодический, ни силовой момент не будет использован в роли Wortakzent'а (ни для отметки единицы слова вообще, как в языках с постоянным ударением, ни для дифференциации индивидуальных слов). И тогда оба эти момента будут в распоряжении фразовой фонетики.

новки слов, как в русском и т. п.). Но это не устраняет и зависимости от вышеуказанного момента (т. е. от того, что мелодика имеет уже свою большую нагрузку — именно роль Wortakzent'а).

[6] Которые, кстати, совсем неверно этимологизированы Chamberlain'ом (Trans. As. Soc. Jap. Vol. XXX <= XXIII> Supplement) <Chamberlain 1895: 41–42, 85–87><5>.

Случай этот, без сомнения, не типичен. Можно было бы и a priori указать, что, поскольку есть определённая потребность (в Wortakzent'е — в чём она реально состоит, будет сказано ниже при вопросе о турецком ударении) и предоставляются — на основании того положения, с которого я начал, — <средства> удовлетворить эту потребность, нормальным будет её удовлетворение и ненормальным неудовлетворение. Но достаточно и эмпирических данных: я знаю только один конкретный случай такого языка (языка без Wortakzent'а (в обоих возможных смыслах этого термина)): эрзя-мордовский, т. е. эрзянское наречие мордовского языка, в котором действительно нет ни постоянного ударения, ни дифференциации слов посредством ударения (и любое слово может получать ударение на любом слоге, а может произноситься и без акцентуационного выделения какого-либо из слогов[7]). Конечно, этот исключительный случай должен найти себе объяснение, т. е. при обследовании его должны быть обнаружены специальные факторы, отличные от факторов генезиса акцентуации других языков. Ниже я изложу свою попытку объяснить это — единственное в своём роде — явление из особенностей исторического развития эрзя-мордовского наречия.

4° До сих пор мы имели дело с языками, допускающими полисиллабические слова. Но ведь могут быть (или, по крайней мере, могли быть) языки, в которых слова были односложными или исключительно, или по крайней мере в виде доминирующей нормы. <с. 7> Во всяком случае допустить существование моносиллабического языка, в котором принцип моносиллабизма был бы применим и к слову, а не только к морфеме, как в современном китайском живом языке, мы имеем основания. (За это говорит нам уже письменный китайский язык <далее до конца абзаца вычеркнуто с пояснением: «Пропускаю, чтобы не втягивать в новую проблему, которую кратко рассказать нельзя. Е. П.»> — например, язык «Пятикнижия», язык Мэн-цзы и Конфуция,

[7] Беру пример из моей и А. Рябова работы об эрзя-мордовском языке<6>. Ребёнок может позвать свою мать «Мама, мама» на следующие акцентуационные лады: 1) *ávaj ávaj*, 2) *avá́j avá́j*, 3) *ávaj avá́j* (и, кроме того, возможно, конечно, ровное или безударное произношение слова). Но сказать *avá́j ávaj* он не может, ибо тут был бы нарушен закон фразовой акцентуации, согласно которой два ударения не могут приходиться рядом (на смежных слогах).

относительно которого мы вправе думать, что состав фразы фиксировался на письме полностью (этого нельзя утверждать относительно текстов хэнаньских надписей, где, очевидно, писались не все слова-морфемы произносимой фразы); и к этому времени была уже ликвидирована, без сомнения, домоносиллабическая стадия, обладавшая двусложными комплексами в соответствии известным нынешним моносиллабам-морфемам).

Для подобного же типа языков естественным являлось уже иное использование силового и мелодического моментов слова. Силовое ударение, понимаемое в виде силового преобладания одного слога (в целом, а не части внутри слога) над другим или другими слогами той же фразы, должно было отойти в область фразовой фонетики. Мелодический же момент мог быть использован для словоразличения, но по другой линии, чем в вышерассмотренных случаях (в частности, в японском): данный слог должен был специфицироваться не по отношению к своему соседу, т. е. не в составе двусложного и т. д. слова, а в изоляции, т. е. во внутреннем масштабе данного слога-слова. Следовательно, должны были получить значимость не соотношения по высоте между двумя и более соседними словами <= слогами>, а соотношения по высоте между частями (или последовательными периодами) самого данного слога, и притом, разумеется, внутри звонкой его части. Иначе говоря, характерными для акцентуации стали моменты движения высоты внутри слога (как и отсутствие этого движения, т. е. ровность голосового тона в пределах этого слога). А в этом и состоит наиболее существенная (и присущая всем китайским диалектам) часть характеристики китайских «тонов».

В японском же языке подобного рода явления (различения мелодии внутри слогов) фигурируют лишь окказионально (основным является противоположение одного слога как высокого, другому — низкому); сюда относятся <с. 8>

1) нисходящее повышение (ˆ) на последнем слоге (главным образом двусложных) основ в киотоском <вычеркнуто: и хе̄госком> говоре (в говоре Тоса уже утраченное), напр. киот. *asâ* •ᑭ ‘утро’ в отличие от *aˈsa* ᒥ ‘конопля’ (восходит это ˆ к утрате носовых: ср. корейск. *ačˈam* ‘утро’);

2) различие мелодий (напр., ровной, восходящей, нисходящей; в Токио же — только двух мелодий) в долгих, т. е. двухморных слогах. Но поскольку эти мелодии исчерпывают акцентуационную характеристику слова, т. е. поскольку речь идёт об односложных двухморных слогах (напр., в Тоса *ˈto˛:* ‘пагода’,

k'o˹: ‘сутра’, *˹ho:˺* ‘закон’; в Киото присоединяется редкий 4-й тип: *ho:̂* ˹˺ ‘щека’), это явление нужно признать для японского языка исключительным (в известной мере аномальным) и в значительной мере наносным (т. е. имеющим место главным образом в принесённых из китайского языка словах): число односложных слов (даже из двух мор) в японском языке невелико, и громадный процент из них составляют именно китаизмы. Поскольку же мелодия двухморного долгого слога фигурирует как часть мелодической характеристики многосложного слова, она уже не составляет ничего особо отличного от нормальных явлений японской акцентуации (т. е. от таких мелодических фигур, как ˹˹˹, ˹˹˹, ˹˹˹, ˹˹˹ и т. п., где каждое <= каждая нота> соответствует одноморному слогу): тут только будет вместо двух одноморных слогов подставлена равновеликая величина в виде одного двухморного слога (т. е. ˹˹˹ вместо ˹˹˹, ˹˹˹ вместо ˹˹˹ и т. д.);

3) различение односложных слов (одноморных и двухморных) в Нагасаки и, с другой стороны, своеобразное различение односложных слов (без дифференциации по долготе) в северо-восточных <говорах>. Но как было уже указано, односложные слова — аномалия (и в большинстве случаев — китайские заимствования <вычеркнуто: а для данных говоров в особенности — по сравнению, напр., с Киото>).

Итак, представление мелодии внутри слога в японском языке окказионально (и в значительной мере приходится за счёт китаизации японского языка), в китайском же языке это норма и закон[8]. <с. 9>

Остаётся указать, однако, что в некоторых (южных) китайских говорах к представлению движения (или отсутствия движения — ровности) голосового тона в слоге прибавляется ещё абсолютная характеристика данного тона — в качестве низкого, высокого и т. д. Иначе говоря, данная мелодическая фигура выполняется или отправляясь от низкого, или от высокого начала. И при желании в этом можно было бы найти параллель к японской характеристике слога в качестве высокого или низкого по тону. Но это было бы, конечно, педантизмом. То обстоятельство, что этот второй признак южнокитайских «тонов»

[8] А кроме того, ведь мелодия внутри слога в односложных японских словах, с точки зрения самого японского языка, есть не что иное, как частный (и притом) редкий случай Musikalischer Wortakzent’а опять-таки.

осуществляется лишь вместе с первым, говорит лишь о значительной сложности данного «Musikalischer Silbenakzent'a»[<7>], но никак не делает из него «Musikalischer Wortakzent'a». Подобное же осложнение (или привесок) китайская тональность получила и в виде так называемого 5-го тона (осуществляемого в виде «имплозивной гамзы» в исходе гласного: *V*ˀ ← **Vp*, *Vt*, *Vk*, напр., в южномандаринском), и с исторической точки зрения дифференциация тонов по признакам «высокий — низкий» должна рассматриваться именно как надбавка к той системе «тонов», которая исчерпывалась именно моментами движения (или отсутствия движения) высоты в слоге (различение «высокий ~ низкий тон» заместило собою различение категорий начальных согласных «глухой ~ звонкий согласный»).

Что же касается силового ударения, то по мере перехода от языка моносиллабических слов к дисиллабизму (и полисиллабизму) современного китайского языка (который остаётся моносиллабическим лишь в смысле моносиллабизма морфемы), функция фразового (или логического) ударения естественно должна была частично перейти в морфологизацию. В итоге и оказывается, что силовое ударение (Expiratorischer Wortakzent) является в современном китайском языке морфологизованным, а «тональность» (Musikalischer Sylbenakzent) — исключительно семасиологизованной[<3>]. К этому прибавить нужно ещё специфическую увязку обеих этих категорий акцентуационных символов: «тон» (Musikalischer Sylbenakzent) нивелируется в неударенном слоге, т. е. музыкально-акцентуационный признак данного слога-морфемы оказывается факультативным и обязательно осуществляется лишь при экспираторной ударенности данного слога.

Примечание. Говоря о естественной связи между моносиллабизмом и «тональным», т. е. внутрислоговым характером музыкального ударения, я отнюдь ещё <с. 10> не затрагивал историко-фонетического вопроса о первоначальном генезисе китайских (или, вернее, «тибето-китайских» = по терминологии других: «индо-китайских») тонов. Как произошёл этот отбор удобных для моносиллабического состояния фонетических представлений (первоначальных «тонов») — это вопрос другой; мне же здесь важно было указать, что он вообще должен был произойти при наличии принципа моносиллабизма слов. Если же здесь допустимо затронуть вопрос об историко-фонетическом генезисе «тонов», то я не считаю возможным отрицать здесь допустимость такого же превращения мелодии

комплекса слогов в слоговую мелодию (какое мы видим в конкретной истории отдельных японских слов, ставших из дисиллабов моносиллабами (напр., **popô* •⟳ → киот. *hoː̂* •⟳ или •⟳, или же гораздо более чистые случаи: ˹*CV*˻(*C*)*V* → ˹*CV*˻:, *CV*˹(*C*)*V* → *CV*˹:, и т. д.). По мере перехода из домоносиллабической стадии в моносиллабическую подобная же метаморфоза «Wortakzent → Sylbenakzent» в принципе допустима и в предке китайского языка.

<Приписка Поливанова:> С<ергей> К<арцевский> и Р<оман> Я<кобсон>. Все выпуски, сокращения, изменения и проч., конечно, предоставляются Вам ad libitum — в этом отношении всё ئختېار سزگ <узб. ixtiyor s(i)zg(a) ‘воля вам’>, то есть Вам полная carte-blanche предоставляется автором. Евг. Поливанов <с. 11>

5°. В области явлений акцентуации, как и в других категориях языковых явлений, мы можем встретиться с фактами пережитков или реликтовыми чертами, состоящими в том, что определённое акцентуационное явление, созданное чрезвычайно давно — в эпоху иной ещё морфологически-фонетической структуры в предке данного языка, продолжает своё существование (в силу традиции, т. е. по закону исторической инерции), несмотря на то, что нормально-сопутствующие (и генетически-связанные с ним) черты языкового строя уже давно отмерли. К таким явлениям могут быть, может быть, отнесены некоторые черты латышской акцентуации, напр. мелодические признаки неударных (долгих) гласных (тогда как в большинстве прочих индоевропейских языков вообще исчезли музыкальные моменты Wortakzent’а), а с другой стороны — и так называемое «прерывистое» ударение (напр., латышск. *neʔe* ‘нет’), тоже исчезнувшее в других языках[9]. Вопрос о том, почему эти архаические черты уцелели именно в данном языке или в данной группе языков, мне кажется, можно решить исходя из общего положения, что чем меньше гибридизационных примесей (и сдвигов) пережила история данного языка, тем более в ней предоставлено места традиции (исторической инерции) и тем более, следовательно, данных для подобных «пережитков» (балтийская же семья языков мне представляется «наиболее индоевропейской» с только что указанной точки зрения).

[9] Его наличие в ливском (который, конечно, к индоевропейским языкам не принадлежит) я склонен объяснять за счёт латышского влияния.

6°. Особую фонологическую проблему составляет соотношение различных акцентуационных явлений с количеством (долготой resp. краткостью) гласных (а также, в известных, по крайней мере, языках — напр., в эстонском — и согласных). Весьма ценные обобщения в этой области сделаны Р. Якобсоном в его книге «Remarques...» <Jakobson 1929/2002: 22–23><8>. Бесспорно правильное наблюдение, что наличие музыкального ударения благоприятствует существованию различений «долгий ~ краткий» гласный, могло бы, мне кажется, найти и известную априорную (общефонетическую) мотивировку.

Однако относящиеся сюда факты различных конкретных языков иногда бывают чрезвычайно разнообразны. Можно, например, указать на северо-восточные говоры японского языка (с музыкальным Wortakzent'ом), в которых отсутствует принципиальное различение долгих и кратких гласных («нормаль-<с. 12>но-японские» — напр., имеющиеся в токиоском, киотоском, тосаском, а также нагасакском и т. д. — долгие (возникшие из стяжения двух слогов) гласные совпали в данных говорах с краткими[10]); и тем не менее эти (северо-восточные) говоры могут быть привлечены — косвенно — для показания в пользу вышеуказанного обобщения (что «наличие музыкального ударения благоприятствует существованию — здесь: образованию — различий „долгий ~ краткий гласный“»): в зависимости от различных типов музыкальной акцентуации в них развились (хотя ещё и не стали независимыми различениями) новые количественные различия гласных (напр., в *hana*·<9> ‘нос’ в отличие <от> *haʿnă* ‘цветок’ (беру пример из диалекта, где **pa* дало уже *ha*, как в токиоском, а не *φa*; поэтому и пишу *hana*, но не *φana*)).

По другому из относящихся к данной общей проблеме («Акцент и количество») вопросов — об увязках между акцентом и (зависимой от акцента) степенью длительности ударного гласного, — в свою очередь, обнаруживаются сильнейшие расхождения между отдельными языками. Упомяну про два только случая: русский и эстонский. В русском, как известно, ударенный гласный длительнее неударенного; в эстонском — наоборот: по крайней мере в двусложных словах из двух принципиально кратких слогов (напр., *pime* ‘темно’) первый, ударенный,

[10] Параллельно с сокращением и других видов долгот (стяжением геминированных, или долгих, согласных; даже в таком, между прочим, виде, как *m̥ma* → сев.-вост. *ma* ‘лошадь’; *m̥me* → сев.-вост. *mi* ‘слива’).

гласный (*i*) произносится — обычно — с меньшей длительностью, чем второй — неударенный (*е*) и имеющий при этом более низкий голосовой тон (при изолированном произношении слова).

На первый взгляд казалось бы, что физиологические данные должны были бы предопределить некоторую общую норму таких увязок (между акцентом и количеством гласного), т. е. один и тот же вид зависимости (между акцентом и зависимым от него количеством ударенного гласного в отличие от неударенных). Но на самом деле этого нет: на практике дело обстоит гораздо сложнее. Да мы и должны будем согласиться с тем, что так именно и должно быть (т. е. что должна иметь место значительная сложность и разнообразие этих явлений, а не одна общая и обязательная для всех языков формула): потому что физиологически-увязываемыми оказываются фактически не 2, а целых 3 момента: сила, высота голосового тона и количество (долгота resp. краткость) гласного.

<Пояснение Поливанова:> И тут конец главы (½ работы) <с. 13>

<Пояснение Поливанова:> Копия 13-й страницы <13-я страница представлена, таким образом, дважды: начисто переписанная и черновик.>

* * *

Как видно из сказанного, общими для всех или для громадного количества языков (эрзянский — особо!) положениями в отношении акцентуации являются только следующие.

1. Язык не может не утилизовать силовые и мелодические моменты слога.

2. Утилизуя их, язык разграничивает сферу функций силовых и мелодических моментов[11] (а с другой стороны, и вырабатывает известные нормы увязки и относительного параллелизма между этими моментами). Выполнение этого разграничения (и выработка норм «увязки») составляет индивидуальную особенность отдельных языков.

3. Во всех случаях, кроме одного (— эрзя-мордовского), все известные мне языки используют акцентуацию для характеристики слова — притом в двух различных формах (— 1) в виде постоянного ударения и 2) как средство для дифференциации слов).

[11] Думаю, что это разграничение функций доказуемо и в отношении эрзя-мордовского (хотя и в пределах фразовой фонетики только).

Остаётся спросить, в чём же состоит эта последняя функция (и мы вправе сказать — основная функция акцентуации) и прежде всего именно в чём состоит то, что оказывается общим для обеих данных её форм?

Общая черта здесь, конечно, имеется (несмотря на все различия в прочем): она состоит в обозначении (символизации) единства слова (комплекса, являющегося словом) посредством единства приходящегося на данный комплекс акцентуационного момента.

Действительно, если мы постараемся сделать обобщение из самых различных систем словоударения (таких, напр., различных, как турецкая, монгольская, корейская, французская, польская, эстонская, норвежская, шведская, вотская[<10>], мокша-мордовская, немецкая, английская, русская, японские — в различных говорах, китайская (беру для примера северно-китайский)), то вывод будет именно таким: на каждый комплекс, фигурирующий в данном языке как слово (и как акцентуационное слово в частности), приходится одно, и только одно <с. 14> «ударение», — чем бы ни являлось «ударение» в данном языке и на каком бы участке данного слова оно ни было локализовано.

Относительно большинства из упомянутых языков (напр., русского, немецкого, английского, норвежского, шведского, эстонского и т. п.) то положение, что единство ударения (силового или же — если оно есть, как в шведском, — и единство музыкального ударения) соответствует единице слова, не нуждается, по моему мнению, в особых доказательствах. Некоторые оговорки (разъяснения) уместны, пожалуй, лишь в отношении 1) разных японских говоров, 2) в отношении китайского языка, 3) французского языка и 4) «алтайских» языков, и именно: турецких, монгольских, а также корейского (который, по моей гипотезе, тоже относится к «алтайским»).

Принцип «на одно слово — одно музыкальное (обычно сопутствуемое — в токиоском — в то же время некоторым усилением) ударение» ясен в отношении такого японского говора, как токиоский. Здесь оговорка нужна главным образом по поводу так называемых факультативно-безударных слов («дзэнхэев» [зеŋhe:][<11>], напр. *kodomo* ‘ребёнок’, Nom. *kodomiŋa*, *ĥana* ‘нос’, Nom. *ĥanaŋa* и т. п.). Это слова, квалифицируемые музыкальным ударением на последнем слоге (или последней море), а потому, на основании закона о факультативности конечного

ударения, способные утрачивать (нивелировать) своё ударение (повышение и усиление[12] последней моры) в определённых произносительных условиях. Иначе говоря, здесь дело обстоит так же, как в аттическом говоре древнегреческого языка (конечное *τό* → *τὸ* в определённых позиционных условиях данного слова).

Разумеется, это «мнимое исключение» нисколько не препятствует признанию закона «на одно слово одно ударение» для токиоского говора, ибо здесь речь идёт не о факультативности самого акцентуационного признака (т. е. не о том, что некоторые слова не имеют, дескать, акцентуационного признака), а лишь о факультативности осуществления этого признака в определённых произносительных условиях для определённого класса слов. <c. 14a>

Кроме вопроса о «дзэнхеях», следовало бы здесь упомянуть и о безударности некоторых определённых форм verbi finiti (в токиоском) — вроде *arimas* 有マス <‘имеется’> и т. п. Но описание относящихся сюда фактов довольно сложное, и потому целиком разобрать их (чтобы сделать конечный вывод, — что и эти факты не препятствуют признанию общего принципа «на одно слово одно ударение» для токиоского) мне здесь не удастся. Во всяком случае формы вроде *arimas* не являются «дзэнхеями» — по крайней мере с исторической точки зрения (в противном случае форма **arimasu* имела бы факультативное ударение на слоге *su*, и конечное *u* (выпадающее, как и *i*, в постспирантной, resp. постаффрикатной позиции при условии неударяемости!) не исчезало бы; а между тем оно окончательно исчезает именно в формах на **-masu* → токиоск. *-mas* (как и в суффиксе именного сказуемого **-desu* → токиоск. *-des*) — в связи с морфологической нулизацией признака Praesentis — морфемы *-u* в составе данных суффиксаций). Носителем ударения в *arimas* и т. п. следует считать комплекс *ma*, хотя в связи с синтаксической позицией данных форм (ср. безударность verbi finiti в ведаическом санскрите и, по-видимому, в индоевропейском праязыке (где типичной позицией verbi finiti, как и в японском, был конец фразы); ср. также отголосок этой безударности и.-е. verbi finiti в аттической акцентуации

[12] Впрочем, это даже не окончательная утрата ударения: так, гласные *u*, *i* (краткие) на конце «дзэнхэев» не способны оглушаться и редуцироваться, как в настоящих неударенных слогах при прочих равных условиях.

глагола) это ударение обычно и не осуществляется или — может быть, вернее будет сказать — весьма слабо осуществляется: мой объект наблюдения и учитель токиоского диалекта (прекрасно образованный г. Ходзуми) высказался по поводу акцентуации *arimas* и т. п. так: «Если в этих глаголах (глагольных формах) вообще имеется ударение, то оно, конечно, приходится на *ma*». Во всяком случае *a* третьего слога (в *arimas*) осуществляется (при условии более или менее ровного голосового тона всех трёх слогов) с известным преимуществом в отношении силы (т. е. в отношении динамического момента акцентуации) по сравнению с прочими двумя гласными этого слова; это отмечается и русским обывательским слухом — токиоское *arimas* русскими воспринимается обычно именно как ударенное на третьем слоге.

Таким образом, здесь мы опять-таки (как и в отношении токиоск. «дзэнхэев») имеем дело не с отсутствием самого акцентуационного признака (Wortakcent'а) в составе представления слова, а лишь с комбинаторно-факультативной минимализацией физического осуществления этого признака, притом в таких же, в общем, условиях, в каких наблюдалось исчезновение музыкального ударения в древнейших индоевропейских языках. <с. 15>

Несколько иначе обстоит дело в западнояпонских говорах (примерами которых у меня будут служить Киото и Тоса). Здесь приходится оговорить уже 4 момента: 1) наличие «полиакцента» — напр., киот. *˹mame˺˻na* 'здоровый'; тосаск. *˹nama˺˻du* 'сом', *o˹sagi˺* 'заяц'; киот. и тосаск. *˹kodomo˺˻mo* 'ребёнок тоже, дети тоже' — Additiv от *˹kodomo˺*); 2) тип слов «тайра» (киот. и тосаск. *˹hana˺* 'нос', *˹kodomo˺* 'ребёнок'); 3) факультативную (сандхическую) возможность «низких тайра» вместо киотоских окситонных — в киот. говоре (например, *˻haśiŋa˼ ˹sarani˺*<12> вместо *haśi˹ŋa* + *˹sarani˺* 箸が皿に 'палочки для еды на тарелке'); 4) наличие второго — эмфатического — ударения в киотоском (*˹a˻bura˹wa...* вместо *˹a˻burawa* (— Cas. Subject. от *˹a˻bura* 'масло' в начале прерванной фразы, перед паузой)).

1) Наличие полиакцента, то есть примеров высокого голосового тона, занимающих более одной моры (2, 3, 4, 5, 6 и т. д. мор или слогов; а иногда — в типе «тайра» — охватывающих даже весь состав, т. е. всё число мор, данного слова: *˹hana˺*, *˹kodomo˺*, Instrum. *˹hanade˺*, *˹kodomode˺*) нисколько не противоречит принципу «на одно слово одно ударение».

Только тут само понятие «ударения» нуждается в комментировании, будучи более широким, чем в токиоском (или, напр., в русском, немецком и т. д.): западнояпонское ударение есть один период высокого голосового тона, который может быть количественно различным: может занимать <сверху надписано: охватывать> и 1 мору[13], и 2, и 3, и 4, и 5, и 6 и т. д. мор или слогов, а иногда и всё число слогов (или мор) данного слова. Но как к моноакценту, так и к полиакценту применимо правило: <с. 16> «в одном слове высокий период голосового тона может и должен быть только один»: два периода высокого тона (т. е. два ударения) в состав фонетического представления слова входить не могут (т. е. не может быть таких акцентуационных т и п о в слов, как ˚꜔꜔꜔꜔, ˚꜔꜔꜔꜔, ꜔꜔꜔꜔꜔꜔ и т. п.). Этому, конечно, нисколько не противоречит то, что некоторые Neocomposita могут произноситься то с одним, то с двумя ударениями: это значит, что в первом случае они фигурируют у ж е как одно слово, а во втором случае — е щ ё как два разных акцентуационных слова[14]. Равным образом не противоречит и такое, аналогичное же явление: четырёхсложные редупликационные onomatopoētica, обычно произносимые с ударением на первом слоге (напр., *ˈpi˛kapika*, *ˈgu˛ruguru*, *ˈbu˛rabura* и т. д., и т. д.) м о г у т иметь повышения на 1-м и на 3-м слогах (*ˈpi˛kaˈpi˛ka*, *ˈgu˛ruˈgu˛ru* и т. д.); но это означает только, что в последнем случае они будут произносимы как два акцентуационных слова (напомню, что за известную самостоятельность второго <с. 17> повтора в этих onomatopoētica говорит и признак *g*/-*ŋ* (в киот., ток. и т. п.) в анлауте — инлауте: вопреки ожиданиям *guruguru*, *gизugизи* и т. п. имеют во второй своей части не *ŋ*, но *g* — т. е. и с точки зрения этого признака вторая часть может рассматриваться как самостоятельное (хотя бы факультативно!) слово)[<13>].

2) Тип «тайра» — это вовсе не безударные слова: наоборот, они целиком состоят из высокого периода. И, конечно, этот высокий период — только один.

---

[13] А при «нисходящем повышении» (ˆ) в киот. даже половину моры: *asâ* ꜔꜕.

[14] Подобные п е р е х о д н ы е явления между одним сложным словом и комплексом из двух слов должны иметь место во всяком языке и во всякую его эпоху, ибо процесс универбации определённых (ранее из двух слов состоявших) комплексов имеет место всегда и всюду. И в любом языке мы можем натолкнуться на различные стадии этого процесса.

3) В факультативных «низких тайра» (в Киот.), представляющих собою сандхический дублет (вариант) киотоских окситонных (˛*haśiŋa*˛ ˹*sarani* вместо *haśi*˹*ŋa* + ˹*sarani*˺) — перед высоким началом следующего слова (и при условии отсутствия паузы между этими словами), — мы, действительно, встречаемся с безударным (— без высокого периода) произношением слова. Но это опять-таки (как и в токиоских «дзэнхэях») не отсутствие акцентуационного признака в представлении слова, а лишь факультативность о с у щ е с т в л е н и я акцентуационного признака (— именно конечного моноакцента) в определённых сандхических условиях.

4) Наконец в таких случаях, как киот. ˹*a*˛*bura*˹*wa*... вместо ˹*a*˛*burawa*, мы имеем дело не со 2-м ударением (высоким периодом) в составе фонетического представления слова, а с привхождением совсем особого <с. 18> (инородного) фактора: фразового ударения. В произношении ˹*a*˛*bura*˹*wa*... к Wortakzent'у (т. е. к акцентуационной характеристике слова как такового) относится только первое повышение, второе же (повышение и усиление на -*wa*) — это фразовое ударение.

Равным образом нетрудно убедиться, что и в прочих акцентуационных системах японских диалектов (в том числе, напр., и в нагасакской дуалистической системе — из баритонного и окситонного типов слов) мы опять-таки встречаем ясно выраженный принцип: «одно ударение (повышение) на одно слово». (Для нагасакского можно было бы сказать и так: «Один maximum высоты голосового тона (с сопровождающими его и зависимыми от него мелодическими явлениями в смежных слогах) на одно слово».)

И тем более — уже без всяких оговорок — применим вышеуказанный общий принцип («на одно слово одно ударение») к экспираторно-ударяемым словам рюкюского языка (говора Нāфа [na:φa]).

К современному китайскому (в частности, северно-мандаринскому) языку принцип «на одно слово одно ударение» применим в двояком отношении: и в отношении силового ударения (Wortakzent'а), которое приходится на один лишь слог многосложного (в элементарных случаях — двусложного) слова, и в отношении музыкального Sylbenakzent'а (— «тона»), который с ясностью осуществляется именно лишь в экспираторно-ударенном слоге и нивелируется, в виде общего правила, в прочих слогах.

По поводу первого (— силового Wortakzent'а) нужно указать, <с. 19> прежде всего, что нормой современного китайского языка является полисиллабическое (в элементарном виде — дисиллабическое) сочетание и именно (если мы оставим в стороне менее частые случаи дисиллабов типа «лексическая морфема + аффикс») Compositum из двух (и более) лексических морфем, каждая из которых составляет слог. Морфологическая же характеристика этих ди- и полисиллабов (а вместе с ней и логическое соотношение составляющих их морфем) указывается: 1) порядком сочетания данных морфем-слогов в Composito, 2) местом силового ударения — на том или другом из этих слогов.

Уже из сказанного можно сделать вывод, что современное китайское слово, в виде нормы, неадекватно в семантическом отношении единице слова в русском и т. п. языках; но, как бы то ни было, в акцентуационном отношении словом является именно это дисиллабическое или полисиллабическое сочетание (а не часть его — морфема-слог), и потому в вопросе об ударении в современном китайском языке мы должны иметь дело именно с этой величиной (или с равновеликой ему, т. е. опять-таки многосложной величиной «лексическая морфема (resp. лексические морфемы) + аффикс»). И вот тут-то, принимая во внимание вышеуказанную морфологическую функцию силового ударения, мы можем сделать вывод: «одно слово имеет одно силовое ударение». Этому, конечно, не противоречит существование известного числа односложных слов (они есть ведь и в русском языке), ни наличие разных <с. 20> переходных случаев между комплексом из двух слов и одним «словом» — с вышеуказанной, т. е. современно-китайской — точки зрения.

Наличие же нивелировки «тона» (музыкального Sylbenakzent'а) в неударенных слогах дисиллабического и полисиллабического слова (— в слогах аффиксов, или в тех слогах — лексических морфемах, на которые не падает силовое ударение) позволяет нам устанавливать закон «одно ударение на одно слово» и в отношении музыкального ударения (musikalischer Sylbenakzent'а). Правда, тут есть многое, что пришлось бы оговаривать, напр., не говоря уже о переходных (между 2 словами и 1 словом) случаях, следовало бы упомянуть о том, что музыкальная характеристика неударенной морфемы-слога всё же существует (по крайней мере известна в мышлении говорящего (— уже потому, что данная морфема в других — другого морфологического типа — Compositis встречается в ударенной

позиции), а в силу этого при определённых произносительных условиях — при особо внятном и раздельном произношении — осуществляется и в составе данного слова (ср. «прояснение» неударенных субститутов русских гласных в «настоящие гласные» при чеканной фонации русских слов, когда мы каждый слог произносим как ударенный)[<14>]. И с исторической точки зрения эта факультативность тоноосуществления в неударенной морфеме становится легко понятной, если мы примем во внимание переход от древнекитайского «моносиллабизма слов» (где каждый <с. 21> моносиллаб-слово, хотя бы и логически (т. е. фразово) неударенный, обладал мелодической характеристикой: музыкальным Sylbenakzent'ом) к современному полисиллабическому языку. Но как бы то ни было, каковы бы ни были эти отголоски прежнего состояния, вышеуказанное явление — утраты (или нивелировки) «тона» в неударенных слогах — может утверждаться в качестве нормы без всяких сомнений (оно отмечается[15] и всеми современными грамматиками китайского языка). А следовательно, в качестве нормы приемлемо и правило: «на одно (многосложное, а само собою разумеется — и односложное) слово — одно музыкальное слогоударение».

По поводу французского языка подлежит разъяснению лишь то понимание «акцентуационного слова», которое я считаю возможным применить к этому языку и которым считаю возможным руководствоваться при делении французских фраз на слова. Дело в том, что по вопросу «какие именно комплексы являются словами во французском языке?» мне пришлось констатировать значительные расхождения у различных лингвистов (в частности, между мною и некоторыми лингвистами Москвы). <с. 22>

---

[15] Хотя и не всегда с достаточной ясностью. Напр., в японских (да и в некоторых европейских) грамматиках современного китайского языка говорится, что тон неударенного слога переходит в «первый тон» (первым же тоном в пекинском диалекте считается ровный тон). Это, конечно, нужно понимать именно как утрату мелодической характеристики — ибо отсутствие определённой мелодической характеристики (повышения, или понижения, resp. сложной мелодии: понижения + повышения) для представителя иноязычного мышления оказывается сходным с «ровностью» голосового тона, т. е. с тем, что составляет принципиальную особенность так называемого «первого тона» (в пекинском).

Прежде всего, я считаю нужным, разумеется, откинуть какую-либо необходимость исходить в данном вопросе от графики, т. е. от единицы «письменного слова» в письменном французском языке (такие комплексы, как *je dis*, *il n'a pas*, *ma tante* и т. п., будут для меня, бесспорно, едиными словами). Во-вторых, при решении вопроса «что является словом?» считаю возможным применить общий критерий «изолируемости слова»: «Слово — потенциальный minimum фразы; т. е. — такой отрезок речи, который может быть изолирован и произносим в этом изолированном виде в качестве единственного состава фразы (напр., в диалоге: при вопросах, переспросах и ответах)». С этой точки зрения я считаю, что франц. *je te le dit* [žœt(œ)lœdi], *je te l'ai dit* [žœt(œ)ledi] и т. п. являются не сочетаниями слов, а едиными словами, поскольку элементы *je*, *te*, *le*, *ai* не могут быть изолированы (т. е. не может быть фразы, состоящей из «*je*» (будет сказано: «*Moi*»), *te* и т. д. И если мне заметят, что последний элемент этих комплексов — *dit* [di] может быть фразой, точнее: является гомонимичным с [di], которое может быть фразой, то это нисколько не препятствует моему утверждению, что *je te le dit* (или *je te l'ai dit*) — это единые слова (а не сочетания двух слов): фраза должна делиться на слова сполна, и если *je te le* (или *je te l'ai*) с данным своим морфологическим значением не являются словом, то <с. 23> и часть *dit* [di] из данных комплексов тоже не будет словом, а будет лишь частью слова; словом же будет только весь данный комплекс полностью.

В-третьих, акцентуационный признак во французском языке именно подтверждает вышеизложенную точку зрения: *je te le dit*, *je te l'ai dit* произносятся с единым ударением, и именно — согласно закону о конечном ударении во французском слове — на последнем слоге этих комплексов. Отсюда я позволю себе в дальнейшем — в аналогичных комплексах — руководствоваться уже самим акцентуационным признаком: уже на основании ударения я имею, напр., право утверждать, что комплексы *je ne dis pas*, *je ne te dis pas*, *je ne te le dis pas* и т. п. будут тоже едиными словами, ибо ударение приходится на их последний слог — *pas*.

Таким образом, по-моему, в значительной мере подлежит пересмотру обычная формулировка, что во французском языке ударение выделяет наиболее важное (почему оно важное? и почему, если оно важное, оно непременно оказывается последним?) слово из группы коротких слов, в которой прочие

слова остаются, таким образом, неударенными. Вместо группы слов в значительном числе случаев нужно говорить просто о слове, которое и ударяется, согласно обычной норме, на своём последнем слоге. Этим я вовсе не хочу устранить вопрос о фразовом ударении во французском языке (которого здесь я не касаюсь), но в отношении словоударения считаю, на основании вышесказанного, возможным и французский язык подвести под норму «на одно слово одно ударение».

Однако именно по поводу французского (как с другой стороны и по по<c. 24>воду южнояпонского — с его большим количеством Neocompositorum) уместно сказать несколько слов по общему вопросу о возможности расхождения между «акцентуационным словом» и «словом» с точки зрения других критериев (напр., с точки зрения признаков ан- и инлаута, с точки зрения морфологических норм и т. д. (в турецких языках, напр., с точки зрения сингармонизма) и т. д.).

Несмотря на то, что в основе своей закон «на одно слово одно ударение» рассчитывает именно на принципиальное тожество между «акцентуационным словом» (т. е. комплексом, определяемым как слово по акцентуационному моменту и именно на основании наличия одного ударения) и словом с других точек зрения, на практике вполне возможны (а в некоторых языках и особо часты) случаи расхождения этих величин: весьма нередко акцентуационным словом оказывается комплекс, который по всем другим признакам следовало бы квалифицировать как словосочетание. Из японских говоров это явление я отметил во всех говорах, но наиболее частым оно было именно в южнояпонском (нагасакская префектура). Целые придаточные предложения (напр., вроде такого: *karaŋkuninotatemonnogoˈto* (= *kara-ŋ-kuni-no-tate|mon-no-goto*) <Китай-GEN-страна-GEN-здание-GEN-дело; под вертикальной чертой в слове *tatemon*(*o*) ‘здание’ (ср. *tateru* ‘строить’ + *mono* ‘вещь’) подписано пояснение: граница морфем Compositi> ‘наподобие здания китайской страны’ — с окситонным музыкальным ударением (...*nogoˈto*) потому, что первая морфема — *kaˈra* ‘Китай’ — есть окситонное слово) весьма часто произносятся как одно акцентуационное слово, хотя не теряют возможности (при другом темпе речи) быть разбитыми <c. 25> на два или более акцентуационных слова (напр., *karaŋkuniˈno tatemonnogoˈto*). Общелингвистическое объяснение этому может быть дано такое: процесс универбации (стяжения в одно слово) словосочетаний из двух и более слов идёт всегда и всюду, т. е. во всех

языках, и диктуется определёнными психологическими моментами (куда относятся 1) семантические условия, позволяющие <= способствующие> психологическому объединению значений данных словосочетаний, и 2) тенденция к экономии языковой энергии). И вот застрельщиком в этом процессе — из числа внешних обнаружений единства этого универбируемого комплекса — является именно акцентуационный момент, тогда как прочие признаки (напр., морфологические) способны эволюционировать гораздо медленнее (напр., для морфологического перехода из древнекитайского словосочетания в современное китайское слово понадобилась коренная перестройка всего семантического строя языка, — как, равным образом, для перехода латинского словосочетания *ille habet* во французское слово *il a* [ila]; и даже для отдельных словарных случаев (напр., рус. *правоучение* ← *право учения*) нужна морфологическая метаморфоза, которая осуществляется значительно более медленным темпом, чем сдвиги акцентуационного порядка «два словоударения → одно словоударение»).

Остаётся несколько замечаний по поводу турецкого, монгольского и корейского ударений, и именно в связи с остатками (или пережитками «двухполюсности ударений», которую я считаю возможным — в той или иной форме предполагать для «общеалтайского» состояния).

В турецких языках ударение (по крайней мере в большинстве турецких языков) на последнем слоге; но тем не менее в не<c. 26>которых случаях (напр., в verbum finitum или в вокативных предложениях) встречается и депласация ударения — на первый слог; напр., в казакском или узбекском глаголе (Praeteritum 3-го л.) *kéttı*[<15>] вместо *kettí* ‘ушёл’ (или — беру наиболее типичную форму узбекского вокативного предложения: префикс *ɔ́j-*, *ǽj*, *-éj* и т. д. + имя лица: *ešɔŋqul ɔ́j-ešɔŋqul* <‘Эшонкул, а Эшонкул!’> (слог *ɔj* получает сильнейшее ударение))[<16>].

В монгольском, напр. калмыцком, ударение, наоборот, на первом слоге; но в особых случаях (эмфаз[<17>], вопрос...) возможна депласация именно на последний слог. А иногда возможно наблюдать и настоящую двухполюсность такого рода: первый слог ударен в силовом отношении, а maximum высоты приходится на последний слог.

И, наконец, в корейском я нахожу явления, наиболее близкие к предполагаемой мною «общеалтайской двухполюсности

ударения»: каждое многосложное слово бывает ударено или на первом, или на последнем слоге в зависимости от своей позиции во фразе: внутри фразы слово имеет конечное ударение, в конце фразы (а также в изолированном (так сказать в «словарном») произношении) — начальное — на первом слоге.

Компаративный вывод, который отсюда, может быть, можно было бы, при желании, сделать — это, что общеалтайское многосложное слово имело два ударения: на первом и на последнем слоге. И в этом своём виде этот вывод, конечно, противоречит принципу «на одно слово одно ударение». Но на самом деле ни один из вышеуказанных фактов живых языков не заставляет предполагать, что некогда действительно произносились оба ударения вместе. Наоборот, современные факты говорят в пользу того, что осуществлялось или начальное, или конечное ударение, т. е. что существо<с. 27>вало чередование начального и конечного ударений — наподобие того, как это сейчас имеет место в корейском.

Итак, нет никаких оснований думать, что «общеалтайская двухполюсность» противоречила принципу «на одно слово одно ударение», как нет никаких и оснований утверждать, что современные факты «алтайских» языков противоречат этому принципу.

Установив же, что общей чертой для всех Wortakzent'ных языков служит закон «на одно слово одно ударение», мы постараемся перейти к определению сущности этого закона, иначе говоря — к вопросу о том, в чём состоит функция ударения — и именно словоударения. A. W. de Groot в своём докладе на международной фонологической конференции в Праге 1930 г. говорит по этому <с. 28> общему вопросу о функции ударения следующее (Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 4, Réunion Phonologique Internationale (18–21/XII 1930), Prague, 1931. «Phonologie und Phonetik als Funktionswissenschaften», страница 126): «Die Funktion des Wortakzents muss aber in allen Sprachen wohl dieselbe sein, und auf irgendeine Weise mit der Wortbedeutung, mit dem Symbolwert der Wortgestalt, zusammenhängen. Es handelt sich offenbar, wie öfters gesagt wurde, um eine „Gruppenbildung"; diese Tatsache hilft uns aber nicht weiter, wenn nicht gesagt wird, was die Funktion der betreffenden Gruppen ist.

Wenn ich richtig sehe, ist die Funktion der betreffenden Gruppen die Konzentration der Aufmerksamkeit. Die Gestalt einer Silbenreihe, <с. 29> welche Symbolwert hat, ist vorzugsweise eine

solche, dass sie <У Поливанова случайно выпущен фрагмент: unwillkürlich als eine motorisch-akustische Einheit wahrgenommen wird, um auf diese Weise die Aufmerksamkeit> unwillkürlich ein Moment auf den Symbolwert dieser Silbenreihe konzentrieren zu können» <Groot 1931: 126>.

Я вполне согласен с этим определением общей функции Wortakzent'а и ниже хочу только уточнить определение de Groot'а: в каких случаях и для чего по преимуществу нужно обращение внимания на единицу слова.

Несомненно, уделение одного акцента одному слову привлекает внимание к слову как к единице речи, т. е. играет ту же облегчающую роль, что и приём графического раздела (пустот) между письменными словами — в наших европейских и многих других письменностях[16]. И вот, поскольку мы не можем не признать полезным (облегчающим процесс чтения и понимания) этот последний — графический — приём, постольку мы можем признать соот<с. 30>ветствующую же полезность фонационного признака единства слова — в виде единого акцента на одном слове[17]. Но так как относительно графического словораздела мы можем, без сомнения, утверждать, что наибольшая полезность этого приёма ощущается начинающими (учащимися) читать, то позволительна подобная же аналогия и в отношении словообозначительной функции акцента. Иначе говоря, я полагаю, что Wortakzent помогает ребёнку, усваивающему родной язык, делить фразу на слова — делить даже в том случае, если некоторые (а может быть, и все) слова в этой фразе ещё неизвестны ему.

И с этой точки зрения более выгодна, конечно, функция турецкого и т. д. акцента, т. е. Wortakzent'а языков с постоянным местом ударения, — в отличие от русского и т. п. Wortakzent'а. Ибо в первом случае акцент не только указывает на число слов <с. 31> во фразе, но и на раздел между словами. Во втором же случае — напр., в русском языке — эта последняя функция (указание раздела между словами) уже не может выполняться — поскольку на Wortakzent легла уже новая обязанность: Wortdifferenzierung.

---

[16] Иногда вместо пустот фигурируют — с той же функцией словораздела — особые знаки: напр., в орхонско-турецкой или в древнеперсидской клинообразной письменности.

[17] Конечно, возможно, что эту роль — в известных языках — будут выполнять, наряду с Wortakzent'ом, и другие фонетические средства: напр., сингармонизм в большинстве турецких языков.

Я считаю возможным подтвердить выше высказанное — относительно полезной функции Wortakzent'а в турецких и т. п. языках — между прочим следующим частным фактом: возможностью депласации акцента в турецком verbum finitum, который обычно занимает — согласно норме порядка слов — последнее место во фразе.

Выше мне приходилось уже упоминать, что verbum finitum в турецких языках (напр., 3-е л. Praeteriti *kettı* <'ушёл'> в казакском и узбекском языках) может получать начальное (на 1-м слоге) ударение[18] вместо конечного. <с. 32>

Для объяснения позволю себе взять пример фразы (беру из узбекского ташкентского диалекта, хотя исторически правильнее было бы взять из древнетурецкого, но в данном случае это неважно):

ɔtæbugunšæhærgækettı

Расставим акценты (допуская, что verbum finitum имеет конечное ударение):

ɔtǽbugúnšæhærgǽkettí

Слыша эту фразу с данными 4 ударениями, ребёнок (даже и не понимающий, допустим, слов) может уже не только сделать вывод, что тут 4 слова, но и провести границы между ними:

ɔtǽ bugún šæhærgǽ kettí ('Отец сегодня в город ушёл') <с. 33>

Но нужно ли ему (ребёнку) для решения этой задачи (раздела между словами) наличие на последнем слоге четвёртого, т. е. последнего (принадлежащего последнему слову фразы) ударения? Первые три (в словах *ɔtǽ*, *bugún*, *šæhærgǽ*) нужны безусловно — именно на данных своих местах; но в последнем слове (*kettı*) конечное ударение вовсе не нужно (именно на последнем слоге: *tı*) для того, чтобы ребёнок узнал, что тут кончается данное слово: он знает про это уже по тому, что тут кончилась фраза (и дальше уже нет ни одного слога). Следовательно, в последнем слоге фразы соблюдение конечного ударения — для данной функции — не нужно. А отсюда открывается позволительность депласации конечного ударения

[18] Сюда не относятся, конечно, такие чередования <с. 32> ударения, как в узб. *bɔrǽmǽn* / *bɔrǽmæn* (Praesens, здесь 1-е л. <'пойду'>) (здесь не первый, а второй слог может быть ударен). Это — явление совсем особое и объясняющееся из истории этих форм (Praesentis): так 1-е л. Praesentis — узб.-ташк. *bɔrǽmæn* // неиранизов. узб. *baraman* — происходит из стяжения двух слов: **bar-a* + *men* 'я'; отсюда и 2 возможных акцентуации (*barǽman* → ташк. *bɔrǽmæn* и *baramǽn* → ташк. *bɔrǽmǽn*), т. е. 2 дублета (с некоторым отличием логических их значений).

(на 1-й слог) именно в <c. 34> verbum finitum (т. е. *kéttı* вместо *kettí*, *bɔ́rdı* вместо *bɔrdí* <‘(он) пошёл’> и т. д., и т. д.), так как согласно нормам турецкого синтаксиса (как, между прочим, и во многих других языках) последняя в фразе позиция типична и характерна именно для verbum finitum[19].

Примечание. Из сказанного вытекает, однако, лишь допустимость депласации на некий другой слог, кроме последнего, но не самый факт осуществления депласации и именно на первый слог (ибо в трёхсложных формах Praeteriti, напр. *soradı* <‘(он) спросил’>, ударение будет, опять-таки, на первом (если не на последнем) слоге). Но тут нужно указать уже на другие факторы: именно на «общеалтайскую двухполюсность» ударения. Общефонетическим же свойством перенос именно на первый <c. 35> слог считать нельзя. Например, в южнояпонском (нагасакском) конечное музыкальное ударение (в окситонных словах) при эмфазе — в Imperativ’ах, Vocativ’ах... — переносится не на первый, а на последний слог (и можно отчасти мотивировать этот выбор). Если же во французском депласация опять-таки (как и в турецком) происходит на первый слог, то здесь возможно видеть опять-таки сходную историческую причину: может быть, это пережиток древнелатинского начального ударения (именно в факультативно-депласационных случаях и уцелевший до современного французского языка)?

Мне остаётся сказать теперь о языке без Wortakzent’а — об эрзя-мордовском языке, ибо я обещал дать гипотезу исторического объяснения этой диковинной особенности.

Начать нужно с указания на наличие поразительных сходств в составе консонантизма и вокализма между эрзя-мордовским и русским. Сходства эти таковы, что случайностью их объяснять невозможно: они в совокупности своей могут быть объяснены только влиянием: или русского на мордовский (и особенно на эрзя-мордовский), или обратно: мордовского на русский.

Отсюда мы вправе предполагать, что и современная эрзянская акцентуация (без Wortakzent’а) выработалась в условиях русского языкового влияния.

---

[19] Конечно, в связи с этим возможно было бы пролить свет и на соответствующие индоевропейские (праязыковые и более поздние в некоторых языках) факты: ср. безударность ведаического verbum finitum, акцентуационную особенность др.-греческого verbum finitum (— акцент подальше от конца в пределах Dreisylbengesetz’а). Но они требуют, конечно, специального изложения.

Полагаю, что процесс мог быть следующим. <с. 36>

До русского влияния существовала некая система постоянного ударения (вероятно, на 1-м слоге, как в мокша-мордовском, т. е. уже не общефинская акцентуация). Но с появлением русского влияния (и частичной двуязычности) и массы русских заимствований с разнообразными позициями Wortakzent'а возникло противоречие между единообразием исконных своих и многообразием русских акцентуационных явлений. Это противоречие могло быть разрешено трояко:

1) или довлением своей мордовской нормы: постоянного места ударения (как в мокша-мордовском); это могло быть при сравнительно слабом влиянии русского языка (т. е. при таком, какому подвергалась мокша);

2) усвоение русского многообразия и, следовательно, запоминание русских заимствований с их русскими ударениями (в одном определённом слове на 1-м слоге, в другом — на 2-м, в 3-м — на 3-м слоге и т. д.); это могло быть при полной руссизации вглубь эрзянских коллективов (т. е. при их коллективной двуязычности полностью или около того); но до этого дело, повидимому, не доходило;

3) оставался третий путь: синтез. Усвоение допустимости разнообразия ударений, но без запоминания отдельных Wortakzent'ов (т. е. мест ударений) в индивидуальных словах. Это и есть то решение данной задачи, к которому пришёл эрзянский диалект (находившийся в условиях бóльшей, по сравне<с. 37>нию с мокшанским, гибридизации (— русификации), но недостаточно всё-таки охваченный двуязычием для того, чтобы русские Wortakzent'ы индивидуальных слов могли быть усвоены массовым языковым мышлением).

Иначе говоря, благодаря наличию таких, напр., типов русских слов, как *гóнчая* или *нóги*, *задáча* или *ногá*, *головá* (т. е. на 1-м, на 2-м, на 3-м слоге) массовое эрзянское мышление усвоило допустимость ударения и на первом, и на втором, и на третьем и т. д. слогах, но без принципиальной принадлежности этих различных мест ударения определённым словам, а значит, допустило варианты произношения каждого слова по любому из данных (возможных для данного числа слогов) акцентуационных вариантов: *гóнчая — гончáя — гончаý*, *задáча — зáдача — задачá*, *головá — гóлова — голóва*[20] и т. п. — и то же

[20] Напомню кстати, что слог (— русский) в моей «Грамматике русского языка в сопоставлении с узбекским языком» я называю

самое, конечно, в области своих мордовских слов: *áłaša*, *aláša*, *ałašá* <‘лошадь’>). А с другой стороны, поскольку такое принципиальное допущенное разнообразие означало сведение на нет акцента в качестве словоразличительного принципа, могло (и, как мы сейчас увидим, должно было) быть допущенным и безударное произношение любого слова (*ałaša*, *ałašaftomo* <абессив: ‘без лошади’>, *vet’t’eme* <абессив: ‘без воды’> и т. п.): надо принять во внимание, что <с. 38> такое безударное произношение является отличным средством фальсификации, т. е. подделки под русскую (и особенно — именно русскую «окающую») речь — для втягиваемого в двуязычие эрзянца. Ровное (безударное) произношение (русских многосложных слов) не кажется неправильным — во всяком случае, относительно, т. е. по сравнению с таким произношением, которое ставило бы ударение не на своём месте (*гончáя*, *зáдача*, *голóва*...), — для русского (и именно, главным образом, для русского «окающего» слуха): слушая ровное произношение данных слов (*гончая*, *задача*, *голова*...), русское мышление слышит, т. е. воспринимает, или иллюзионирует себе ту их акцентуацию, которая для данного (— русского) языкового сознания оказывается привычной, т. е. естественной, а потому и ожидаемой.

В итоге получилось полное освобождение характеристики слова от признака Wortakzent’a, и тем самым силовое ударение было предоставлено для фразово-акцентуационных функций[21]. <с. 39>

Как используются эти, освобождённые от роли Wortakzent’a, фонетические средства на службе фразовой акцентуации — как и в каких условиях употребляется «ровное» (без ударения) произношение слогосочетания и сменяющая его — особенно в длинных отрезках речи — ритмическая акцентуация фраз (— в виде правильного чередования двусложных, трёхсложных, четырёхсложных и т. п. стоп: хорея или ямба, дактиля или анапеста[22] и т. д., и т. д.)? — на эти вопросы[23] мне

«потенциальным носителем ударения»<18> (это не утрачивает значения и для эрзянского, где только ударение — фразовое).

[21] При чём для функций фразовой акцентуации (хотя уже и несколько иных) продолжала служить и мелодика (интонация).

[22] <Текста сноски нет.>

[23] Как и на вопросы об увязке экспираторно-силовых моментов данного фразового ударения с музыкальными (напр., в какой мере ритмическое фразовое ударение сопровождается повышением голосового тона?).

здесь нет надобности давать ответы: они относятся к статическому описанию эрзянских явлений фразовой мелодии, а я говорю в настоящем случае (в данной статье) о Wortakzent'е. И потому единственное, что необходимо отметить относительно указанных явлений (— ритмической акцентуации и «ровного» произношения), это то, что они ни в коей мере не связаны с фонетическим представлением слова, т. е. не относятся к Wortakzent'у. Действительно, факты ритмической акцентуации фразы таковы, что отнюдь не обнаруживают принципа «на одно слово одно ударение». Наоборот, при определённом (напр., анапестическом или дактилическом, а тем более четырёхсложном) ритме (а всякая фраза может быть произнесена по любому из этих ритмов) весьма часто слово (двухсложное, напр.) оказы<c. 40>вается вовсе не имеющим ударенного (в смысле фразовой акцентуации, конечно) слога; и ещё чаще, конечно, наблюдаются случаи, когда одно (трёхсложное[24], resp. четырёх-,

[24] Двусложное же слово (при ритмической акцентуации фразы) не может, конечно, иметь двух ударений: они пришлись бы на рядом стоящие (смежные) слоги, а это противоречит тому закону эрзянской фразовой акцентуации, о котором я уже упоминал выше (— в связи с примером *ávaj ávaj*, *aváj aváj*, *ávaj aváj* (но не **aváj ávaj*!)). Как сам этот закон (о недопустимости двух смежных ударений), так и общий принцип ритмичности акцентов могут, по моему мнению, найти известную исходную мотивировку в физиологических предпосылках речи, обусловливающих известную экономию (или нормировку) силы выдыха (а следовательно, и голосового тона) в пределах короткого — в частности, двусложного — слогокомплекса («если один из двух смежных слогов отличается силой выдыха, то другой из них будет менее сильным — согласно тенденции к экономии произносительной энергии и выдыхаемого воздуха). Но, конечно, это только исходный пункт в мотивировке наличных фактов; конкретное же объ<c. 41>яснение того, почему однажды избрана была одна ритмическая акцентуация фразы (напр., ямбическая), а в другой раз — и может быть для той же самой фразы — другая ритмическая акцентуация (напр., дактилическая или т. п.)? — представляет для нас вполне ещё не разрешённую проблему. Можно только привести аналогию, иллюстрирующую трудность (сложность) решения подобных вопросов: как мотивировать то, что я (или другой русский, допустим, индивидуум) начал произношение данной своей фразы (в определённый календарный момент) с данной именно высоты голосового тона (— разумеется, в пределах регистра, которым обладает голос данного индивидуума), напр. с re малой октавы? Ответ на подобный вопрос (— вопрос в отношении русского индивидуума) представляет, конечно,

пяти-, шестисложное и т. д.) слово включает, в данном своём произношении (т. е. в результате определённого ритма ударений) два и более ударений (в трёхсложном и четырёхсложном словах возможно, разумеется, совмещение лишь двух таких ударений, в пятисложном же возможно совмещение двух или трёх ударений, в шестисложных — тоже, т. е. maximum трёх ударений и т. д.).

значительную сложность для лингвиста, ибо в ответе на него неизбежно пришлось бы руководиться не одними лишь словарно-семантическими данными (— наличием определённых слов и определённого логического содержания фразы), но также — и даже главным образом — фактами совершенно иного — физиологического (в широком смысле, или физиологически-психологического) — порядка (относившимися притом к данному календарному моменту).

<Пояснение Поливанова: > Отсюда до конца лучше пропустить. Это неофициальные соображения. Intime.

Но можно думать, что для некоторого другого языка (напр., языка ботокудов, притом ботокудов нецивилизованных — см. выше) ответ на подобный вопрос (— «почему данная фраза, произнесённая в известный календарный момент — т. е. при определённой социальной и психологической ситуации — начата была с данной именно высоты голосового тона?») был бы несколько менее сложен, т. е. содержал бы, в числе подлежащих учёту факторов, больше «лингвистических» или «л и н г в и с т и ч е с к и д а н н ы х» моментов: вспомним выше говорившееся о «диалогической мелодике» ботокудов, согласно которой ответ (и именно начало ответной фразы) <с. 42> характеризуется определённым интервалом (квинтой) по отношению к голосовому тону конца вопросной фразы. (Основываюсь на сообщениях, проверенных (в Южной Америке) Г. Г. Манизером[<4>]. Само собою разумеется, что ботокудский пример нужен мне здесь лишь в качестве звена общей аналогии.) И вот можно допустить, что между эрзянцем в отношении первого и русским в отношении второго из вышепоставленных вопросов (— 1) «почему данная фраза была произнесена эрзянцем с данным ритмом, то есть распределением ударений, напр. ямбическим?», 2) «почему данная фраза была начата русским с определённой ноты, напр. re малой октавы?») будет такое же, приблизительно, соотношение, как между русским и ботокудом в отношении второго из этих вопросов: для русского распределение ударений в конкретной фразе — «лингвистически дано» (ибо зависит от составляющих эту фразу слов), для эрзянца же — наоборот, зависит от привходящих условий; равным образом и для ботокуда голосовой тон начала — ответной, допустим — фразы тоже «лингвистически дан» (поскольку он определяется квинтой по отношению к вопросной фразе); наоборот, для русского этот вопрос решается главным образом на основании «привходящих моментов» данного случая говорения.

Итак, феноменальный эрзя-мордовский случай — случай языковой системы без Wortakzent'a, который действительно оказывается (единственным мне известным) исключением из вышерассматривавшейся общей нормы «на одно слово одно ударение», исторически объясняется, согласно моей гипотезе, как синтез двух противоположных акцентуационных систем, вступивших в скрещение благодаря гибридизации. <с. 41>

<Пояснение Поливанова:> Это примечание (до конца) тоже лучше (к а к н а В а ш в з г л я д ?) пропустить. Это тоже Intime, т. е. для Вас (С<ергей> К<арцевский>) и Р<омана> Я<кобсона>. Гипотеза не пояснена.

Примечание. Насколько можно считать существующее в эрзя-мордовском положение («свободную фразовую акцентуацию» — без Wortakzent'a) исторически-устойчивым? На этот вопрос я не решусь дать никакого ответа (ибо общеаналогические соображения, основанные на исключительности этого явления (— по сравнению с прочими языками), хотя и говорят в пользу предположительной (!) исторической неустойчивости, никоим образом не являются вескими доводами). Во всяком случае, можно указать, что поскольку историческая причина, вызывавшая это исключительное состояние (а таковой причиной я считаю симбиоз <с. 42> и гибридизацию эрзянского и русского коллективов), не исчезла и не подверглась в достаточной мере качественной метаморфозе, есть априорные основания думать о продолжении влияния этой причины (т. е. о том, что соприкосновение с русским языком, если оно продолжает носить те же размеры, будет содей<с. 43>ствовать консервации «свободного фразового ударения»). Однако, поскольку допустимо предположить элиминацию этого фактора, я позволил бы себе высказать гипотезу, что эрзянское «свободное фразовое ударение» эволюционирует в одну из «нормальных» акцентуационных систем, и именно — систему постоянного силового словоударения на предпоследнем слоге (основания, по которым я склонен высказать именно эту гипотезу, здесь не оговариваются). Будущее покажет (если эрзянский язык к тому времени не исчезнет или если вообще окажется возможным сдвиг с «мёртвой точки» свободного фразового ударения), в какой мере основательна эта гипотеза, которую я позволяю себе высказать здесь в качестве известного прогноза акцентуационной эволюции.

<Пояснение Поливанова внизу с. 42:> NB Конец подстрочного примечания (со стр. 41) и вверху — 41 стр. след. до конца («Приме-

чание» не подстрочное) я считаю лучшим пропустить: это легковесно (особенно конец подстрочного примечания), а прогноз (→ предпоследний слог, постоянное ударение) без пояснений. Потому предоставляю Вашему усмотрению, вообще писал это в с ё я главным образом в рассчёте на двух читателей: Вас и Р<омана> Я<кобсона>. Если же не поздно сделать какое-либо употребление из этих разрозненных общих мыслей об ударении, то, может быть, Вы будете добры и найдёте возможность сделать с этим что-либо на Конгрессе. Кроме того (это уже совсем особое дело), если бы кто из издателей взял (без гонорара — это всё равно) книжку об акценте (в разных языках, с общефонетической точки зрения), я бы с удовольствием такую книжку (листов на 9) написал бы на французском языке в быстрое, очень быстрое время.

<Вверху с. 43 пояснение:> последняя — необязательная страница.

Е. Поливанов
Адрес: Самарканд, Ходжа-Ахрарская часть,
Ляб-и-гор 59. Проф-ру Евг. Дмитр. Поливанову
(سمرقند لب‌غار 59)
Или: Самарканд, Гос. Банк. Преподавателю
узбекского языка профессору Е. Д. Поливанову
سمرقند دولت بانکه سی)
ئوزبیك تیلینڭ مؤعه للمی گه
(پالۋان ئوغلی غا

Комментарии

<1> Сочетание «фон. символ» встречается в статье только с сокращением первого слова, которое поэтому трудно однозначно раскрыть (фонологический или фонетический?).

<2> В работах об ударении Поливанов часто использует немецкую терминологию (или дублирует ею русскую), следуя Г. Хирту, чью книгу «Der indogermanische Akzent» он включил в список литературы к своей статье «Акцентуация», опубликованной в «Литературной энциклопедии» (Поливанов 1929/1991: 331), ср.: «Unter dem Namen ‘Akzent’ oder ‘Betonung’ fasst die Wissenschaft die verschiedensten Arten von Abstufung der Sprache nach Höhe und Stärke zusammen, und je nachdem wir einen Teil oder das ganze der Rede vor uns haben, sprechen wir von S i l b e n -, W o r t - und S a t z a k z e n t» (Hirt 1895: 8). Необходимость различения просодических средств в зависимости от оформляемых ими языковых единиц систематически подчёркивалась Поливановым, ср.: «В системах муз. ударения следует различать системы «музыкального слогоударения» (Musikalischer Silbenakzent) и «музыкального словоударения» (Musikalischer Wortakzent)» (Поливанов 1928: 118); см. также ниже в данной статье.

<3> Ср.: «Признак ударения ассоциируется у нас весьма часто как со словоразличениями семасиологического, так и особенно морфологического порядка... Иначе говоря, в русском языке ударение не только семасиологизуется (*росá* — *páса*), но и морфологизуется, играя существенную роль в общей морфологической системе» (Поливанов 1935–37/1991: 330).

<4> Основным источником сведений по ботокудскому языку для Поливанова служили экспедиционные материалы Г. Г. Манизера, также учившегося у Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы (Шпринцин 1961: 101) и, по-видимому, лично знакомого Поливанову: в своих работах он приводит некоторые факты, не нашедшие отражения в немногочисленные публикациях, которые Манизер успел издать при жизни — см. Манизер 1916: 126ff; 1918: 336ff; ср. Поливанов 1916/1968: 297; 1928: 151, 215; 1929/1991: 552; в полном объёме письма и дневник Манизера опубликованы Е. С. Соболевой (2016).

<5> В работах Поливанова не удалось найти сведений о его точке зрения на этимологию вопросительных форм глагола в рюкюском.

<6> Имеется в виду грамматика, готовившаяся Поливановым совместно с А. П. Рябовым (1894–1938) — одним из ведущих деятелей языкового строительства в Мордовии (см. (Кистанова 1994)). До наших дней дошли лишь два фрагмента этой работы (оба в фонде Р. О. Якобсона в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге): «Две главы из систематической описательной грамматики эрзянского языка (по говору деревни Лобаски Нижегородской губернии и Кученяевскому говору)» (папка 2, не публиковалась; именно здесь приводимый Поливановым пример *avaj avaj*) и «Историческая мотивировка своеобразной акцентуации эрзя-мордовского языка» (папка 7, опубликована Т. А. Исаевой: (Поливанов 1967)).

<7> Обычно в своих работах Поливанов пользуется «„учёной“, грецизирующей орфографией» (Поливанов 1991: 427) и пишет «Sylbe», собственно немецкое написание Silbe встречается лишь в данном месте публикуемого текста.

<8> Ср. рецензию Поливанова на книгу Р. О. Якобсона (Поливанов 1932/1968: 140–141).

<9> Одной точкой Поливанов обозначает комбинаторную долготу — см. (Поливанов 1928: 202).

<10> Вотским Поливанов называет удмуртский язык (от старого названия удмуртов — вотяки) (Поливанов 1928: 169).

<11> В обозначении аффрикат Поливанов следует предложенной Л. В. Щербой версии МФА: «*с* — я присваиваю значение обыкновенного русского *ц* или немецкого *z*; *з* — соответствующий звонкий, который до сих пор обозначали через *dz*» (Щерба 1911: 174; Поливанов 1928: 182).

<12> В изданиях работ Поливанова обозначение японского дорсального глухого щелевого не всегда последовательно. В соответствии

с принятой Поливановым системой Щербы (и начертанием в публикуемой рукописи) диакритический знак должен быть вертикальным («*ṡ ż* (знак обязательно отвесный и над буквой) — дорсальные *ш* и *ж*, которые могут быть твёрдыми и мягкими» (Щерба 1911: 173; Поливанов 1928: 180)), справа к нему может добавляться знак палатализации — минута (′) или апостроф (’). Однако сам Поливанов допускал использование и более привычного знака *ś* — см. (Поливанов 1914: 175) и др.

<13> Подробнее о таких редуплицированных японских ономатопоэтиках см. (Поливанов 1916/1968: 300–302).

<14> Ср.: «Мы будем называть оттенки гласных, осуществляемые при обычном произношении в неударенных слогах, по отношению к имеющимся при этом в намерении представлениям звуков, т. е. к фонемам, — субститутами этих фонем. Таким образом, в слове *голова* первый и второй гласные являются субститутами фонемы [а]» (Поливанов 1923: 64–64); «Громадное количество вариантов, причисляемых нами к комбинаторным, является, в сущности, факультативно-комбинаторными (или комбинаторно-факультативными): это значит, что при известном темпе и характере произношения (медленном и отчетливом) данный комбинаторный вариант может и отсутствовать (т. е. заменяться идеальным осуществлением произносительного намерения: типовым вариантом данной фонемы)» (Поливанов 1928: 218).

<15> В рукописи имеются варианты написания данной словоформы — с конченым *ı* или *i*; при публикации они унифицированы, основываясь на «Краткой грамматике узбекского языка» Поливанова (1926–II: 6–14). Ср. также: «Звукопредставление *ı*... в большинстве случаев осуществляется как открытое *i* („и“), или звук средний между „и“ и „ы“, но более близкий к „и“» (Поливанов 1926–I: 41).

<16> В других работах Поливанов также обращал внимание на подобный перенос ударения, правда в пределах слова, а не на предшествующее междометие (Поливанов 1927/1968: 158–159; 1928: 116).

<17> Поливанов в своих работах последовательно употребляет этот термин в мужском роде вместо более привычного «эмфаза» (Поливанов 1928: 132, 133; Поливанов 1935–37/1991: 453, 454).

<18> Во время написания статьи грамматика ещё не была опубликована, она вышла через два года — см. (Поливанов 1933: 19).

Литература

Chamberlain, B. H. 1895: *Essay in aid of a grammar and dictionary of the Luchuan language*. Tōkyō. (Transactions of the Asiatic Society of Japan. XXIII. Supplement.)

Dandová, M. 1995: *Roman Osipovič Jakobson* (*1896–1982*): Soupis osobního fondu / Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze. Praha.

Groot, A. W. de 1931: Phonologie und Phonetik als Funktionswissenschaften. In: *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* 4. Réunion Phonologique Internationale (18–21/XII 1930). Prague, 116–147.

Hirt, H. 1895: *Der indogermanische Akzent*. Strassburg.

Jakobson, R. 1929/2002: Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929. (Travaux du Cercle Linguistique de Prague 2.) (= R. Jakobson. Selected writings. Vol. I: Phonological studies. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002, 7–116.)

Kistanova, T. V. 1994 (coll.): *Anatolij Pavlovich Ryabov* (1894–1938): Bibliograficheskij ukazatel' [Anatolij Pavlovich Ryabov (1894–1938): Bibliographic index]. Saransk.

Кистанова, Т. В. 1994 (сост.): *Анатолий Павлович Рябов* (1894–1938): Библиографический указатель. Саранск.

Leont'ev, A. A. 1971: [Unpublished papers by E. D. Polivanov on general phonetics and phonology]. In: Leont'ev A. A. & Samujlova N. I. (eds). *Teoreticheskie problemy fonetiki i obuchenie proiznosheniyu [Theoretical problems of phonetics and pronunciation training]*. Moscow: Moscow University Press, 188, 231–232.

Леонтьев, А. А. 1971: Неизданные работы Е. Д. Поливанова по общей фонетике и фонологии. В сб.: Леонтьев А. А., Самуйлова Н. И. (ред.). *Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению*. Москва: Издательство Московского университета, 188, 231–232.

Manizer, G. G. 1916: [The Aimoré according to observations during our stay among them in 1915]. In: *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshhestva pri imperatorskom Petrogradskom universitete [The Yearbook of the Russian Anthropological Society at Imperial Petrograd University]* VI, 83–130.

Манизер, Г. Г. 1916: Ботокуды (борун[ы]) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г. В сб.: *Ежегодник Русского антропологического общества при императорском Петроградском университете* VI, 83–130.

Manizer, G. G. 1918: [Music and musical instruments of some tribes of Brazil (1. Kadiweu. 2. Terena. 3. Faya. 4. Kaingang. 5. Guarani. 6. Aimoré)]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of articles of the Museum of Anthropology and Ethnography]* V/1, 319–350.

Манизер, Г. Г. 1918: Музыка и музыкальные инструменты некоторых племён Бразилии (1. Кадиувео. 2. Терено. 3. Файя. 4. Каинганг. 5. Гуарани. 6. Ботокудо). В сб.: *Сборник Музея антропологии и этнографии* V/1, 319–350.

Polivanov, E. D. 1914: [Comparative phonetic outline of the Japanese and Ryukyu languages]. In: *Zapiski vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arxeologicheskogo obshhestva)* [*Proceeding of the*

Oriental Studies Department of the Imperial Russian Archaeological Society] XXII/I–II, 173–190.
Поливанов, Е. Д. 1914: Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков. В сб.: *Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества* XXII/I–II, 173–190.

Polivanov, E. D. 1916/1968: [About the "sound gestures" of the Japanese language]. In: *Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka [Collections of articles on the theory of poetic language]* 1. Petrograd, 31–41. (Reprinted in: Poetika. Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka [Poetics. Collections of articles on the theory of poetic language]. Petrograd, 1919, 27–36; quoted from: E. D. Polivanov. Izbrannye raboty. Stat'i po obshchemu yazykoznaniyu [Selected writings. Articles on general linguistics]. Moscow: Nauka, 1968, 295–305.)
Поливанов, Е. Д. 1916/1968: По поводу «звуковых жестов» японского языка. В сб.: *Сборники по теории поэтического языка* 1, 31–41. (Перепечатано в: Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Петроград, 1919, 27–36; цит. по: Е. Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. Москва: Наука, 1968, 295–305.)

Polivanov, E. D. 1926: *Kratkaya grammatika uzbekskogo yazyka [Short grammar of the Uzbek language]*. Part I–II. Tashkent; Moscow.
Поливанов 1926 — Е. Д. Поливанов. *Краткая грамматика узбекского языка*. Ч. I–II. Ташкент; Москва.

Polivanov, E. D. 1927/1968: [On the question of the kinship relations of the Korean and "Altaic" languages]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR [Proceedings of the USSR Academy of Sciences]*. Seriya VI. XXI/15–17, 1195–1204. (Quoted from: E. D. Polivanov. Izbrannye raboty. Stat'i po obshchemu yazykoznaniyu [Selected writings. Articles on general linguistics]. Moscow: Nauka, 1968, 156–164.)
Поливанов, Е. Д. 1927/1968: К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков. В сб.: *Известия Академии наук СССР*. Серия VI. XXI/15–17, 1195–1204. (Цит. по: Е. Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. Москва: Наука, 1968, 156–164.)

Polivanov, E. D. 1928: *Vvedenie v yazykoznanie dlya vostokovednyh vuzov* [Introduction to Linguistics for oriental universities]. Leningrad. (Republication: E. D. Polivanov. Izbrannye raboty. Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniyu [Selected writings. Works on oriental and general linguistics]. Moscow: Nauka, 1991, 9–235.)
Поливанов, Е. Д. 1928: *Введение в языкознание для востоковедных вузов*. Ленинград. (Переиздание: Е. Д. Поливанов. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию. Москва: Наука, 1991, 9–235.)

Polivanov, E. D. 1929/1991: [Program and methodological insight]. In: E. D. Polivanov. *Izbrannye raboty. Trudy po vostochnomu*

i obshchemu yazykoznaniyu [*Selected writings. Works on oriental and general linguistics*]. Moscow: Nauka, 1991, 552–561.
Поливанов, 1929/1991: [Программно-методологический экскурс]. В сб.: Е. Д. Поливанов. *Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию*. Москва: Наука, 1991, 552–561.

Polivanov, E. D. 1929/1991: Accentuation. In: *Literaturnaya entsiklopediya* [*Encyclopedia of literature*]. Vol. 1. Moscow, 1929, 85–88. (Quoted from: E. D. Polivanov. Izbrannye raboty. Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniyu [Selected writings. Works on oriental and general linguistics]. Moscow: Nauka, 1991, 328–331.)
Поливанов, Е. Д. 1929/1991: Акцентуация. В кн.: *Литературная энциклопедия*. Т. 1. М., 1929. Стб. 85–88. (Переиздание: Е. Д. Поливанов. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991. С. 328–331.)

Polivanov, E. D. 1932/1968: [Review of the book:] R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Travaux du Cercle Linguistique de Prague. I <= 2>. Prague, 1929. 118 p. In: *Slavia* XI/1, 141–146. (Quoted from: E. D. Polivanov. Izbrannye raboty. Stat'i po obshchemu yazykoznaniyu [Selected writings. Articles on general linguistics]. Moscow: Nauka, 1968, 135–142.)
Поливанов, Е. Д. 1932/1968: [Рец. на кн.:] R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Travaux du Cercle Linguistique de Prague. I <= 2>. Prague, 1929. 118 p. В сб.: *Slavia* XI/1, 141–146. (Цит. по: Е. Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. Москва: Наука, 1968, 135–142.)

Polivanov, E. D. 1933: *Russkaya grammatika v sopostavlenii s uzbekskim yazykom* [*Russian grammar in comparison with the Uzbek language*]. Tashkent.
Поливанов, Е. Д. 1933: *Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком*. Ташкент.

Polivanov, E. D. 1935–37/1991: [Explanatory terminological dictionary of Linguistics]. In: E. D. Polivanov. *Izbrannye raboty. Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniyu* [*Selected writings. Works on oriental and general linguistics*]. Moscow: Nauka, 1991, 318–506.
Поливанов, Е. Д. 1935–37/1991: Толковый терминологический словарь по лингвистике. В сб.: Е. Д. Поливанов. *Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию*. Москва: Наука, 1991, 318–506.

Polivanov, E. 1936: Zur Frage der Betonungsfunktionen. In: *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* 6. Prague, 75–81.

Polivanov, E. D. 1936/1971: [On the question of stress functions]. Leont'ev A. A. & Samujlova N. I. (eds). *Teoreticheskie problemy fonetiki i obuchenie proiznosheniyu* [*Theoretical problems of phonetics and*

pronunciation training]. Moscow: Moscow University Press, 1971, 189–197.

Поливанов, Е. Д. 1936/1971: К вопросу о функциях ударения. В сб.: Леонтьев А. А., Самуйлова Н. И. (ред.). *Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению*. Москва: Издательство Московского университета, 1991, 189–197.

Polivanov, E. D. 1967: [Historical motivation of the peculiar accentuation of the Erzya-Mordovian language]. In: Kalinin I. A. (ed.). *Voprosy yazyka i stilya* [Language and style issues]. Gor'kij, 181–183. (Gor'kovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. M. Gor'kogo. Uchenye zapiski. Seriya filologicheskih nauk [Gorky State Pedagogical Institute named after M. Gorky. Proceedings. Philological Sciences Series] 68.)

Поливанов, Е. Д. 1967: Историческая мотивировка своеобразной акцентуации эрзя-мордовского языка. В сб.: Калинин И. А. (ред.). *Вопросы языка и стиля*. Горький, 181–183. (Горьковский государственный педагогический институт им. М. Горького. Учёные записки. Серия филологических наук 68.)

Proceedings... 1933: Proceedings of the International congress of phonetic sciences. First meeting of the Internationale Arbeitsgemeinschaft für Phonologie, Amsterdam, 3–8 July 1932. In: *Archives néerlandaises de phonétique expérimentale*. VIII–IX, 92–312.

Shprincin, N. G. 1961: [From materials on the Aimoré language]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [*Issues in Linguistics*] 6, 101–107.

Шпринцин, Н. Г. 1961: Из материалов по языку ботокудов. В сб.: *Вопросы языкознания*. 6, 101–107.

Soboleva, E. S. 2016: *G. G. Manizer — uchastnik vtoroj russkoj ekspedicii v Yuzhnuyu Ameriku 1914–1915 gg.*: *Brazil'skij dnevnik* [*G. G. Manizer as a participant of the second Russian expedition to South America 1914–1915*: *Brazilian Diary*]. Saint Petersburg.

Соболева, Е. С. 2016: *Г. Г. Манизер — участник второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг.*: Бразильский дневник. Санкт-Петербург.

DOI:10.30842/ielc230690152583

Я. Л. Забудская
(МГУ им. М. В. Ломоносова -ППИ)

ФУНКЦИИ ТРАГИЧЕСКИХ ЦИТАТ В «СРАВНИТЕЛЬНЫХ ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ» ПЛУТАРХА

В данной работе рассматриваются функции цитат из трагедии на материале «Сравнительных жизнеописаний»: декоративная (украшение фразы), информационная (сообщение или подтверждение факта), аналогия (характеристика персонажа или ситуации), логическая (аргументация). Интерпретация цитаты в контексте жизнеописания, как правило, отличается от смысла фразы в оригинальном контексте. Обращение Плутарха с текстами трагедий — это одновременно и художественная, и своего рода ученая рецепция. Но здесь и проявляется различие: аналогия и «вынужденное» цитирование оказываются функциями «художественными» и служат для создания специфического биографического нарратива, в то время как пересекающиеся с «Моралиями» функции украшения и аргументации оказываются в смысловом отношении «вне» повествования.

Ключевые слова: цитата, трагедия, функция, нарратив

Y. L. Zabudskaya
(Lomonosov Moscow State University /MSU-BIT)

Functions of tragic quotations in Plutarch's *Lives*

The paper examines the functions of quotations from the tragedy in Plutarch's *Lives*: decorative, informational (message or proof of a fact), analogy (characterization), logical (argumentation). It is significant that the analysis of the text at the level of quotations (as well as the analysis at the compositional level) does not confirm the conclusions about Plutarch's negative attitude to tragedy, in contrast to the analysis at the lexical (negative connotations of words associated with theater and tragedy) and ideological (direct utterances and theatrical imagery in the depiction of negative characters) level. Besides, the interpretation of a quotation in the context of a biography differs very often from the meaning of the phrase in its original context. Plutarch's treatment of tragic texts is both an artistic and a kind of scholarly reception, but we can also see the difference: analogy and 'forced' citation (a phrase pronounced by one of the personages) turn out to fulfil 'artistic' functions and serve to create a specific biographical narrative, while the decorative and argumentative functions, which overlap with the *Moralia*, turn out to be semantically 'beyond' the narrative.

Key words: quotation, tragedy, function, narrative

Цитата — это материальное воплощение того «интеллектуального мира», который сейчас является едва ли не основным объектом исследования, когда речь идет о Плутархе (Mossman 1997; Beck 2014; Schmidt 2020). Рассмотрение работ Плутарха в контексте «пайдейи» и принадлежности его к кругу πεπαιδευμένοι включает, в том числе, и изучение используемых им текстов, начатое компендиумом цитат (Helmbold, O'Neil 1959) и продолженное работами, посвященными различным аспектам цитирования у Плутарха: цитатам из Еврипида (Mitchell 1968; Di Gregorio 1980), Эсхила и Софокла (Di Gregorio 1979), Гомера и лириков (Wet 1988), Фукидида (Romilly 1988), разнице в цитировании в «Моралиях» и биографиях (Bowie 2008).

Как правило, рассмотрение цитат у Плутарха сводится к сопоставлению с источником и констатации неточностей (от изменения отдельных форм до контаминации из нескольких фрагментов, иногда даже разных авторов) и их объяснению: опора на память без обращения к тексту либо использование вторичных источников — сборников «мудрых мыслей» (Плутарх очевидно опирался на сборники эксцерптов — Wet 1988: 15; Mitchell 1968: 12–16).

Объяснение причин «вольного» обращения с источниками можно обнаружить у самого Плутарха: в De aud. poet. (28b) он доказывает необходимость критического отношения к поэтическим высказываниям: поэтам не следует подчиняться, не обдумав смысла их высказывания τοῖς δὲ ποιηταῖς οὐ πειστέον …, ἂν μὴ λόγον ἔχῃ τὸ ὑποκείμενον. ἕξει δέ, ἅνπερ χρηστὸν ἂν δὲ μοχθηρόν, ὀφθήσεται κενὸν καὶ μάταιον. В качестве примера противопоставляются цитаты из Гомера («Илиада», IV, 306) и «Ипполита» (424) Еврипида (последняя — как пример цитаты, воспринимаемой некритически (ἀβασανίστως).

Эта литературная антитеза весьма показательна. Гомер — самый цитируемый автор у Плутарха: цитируется каждая книга обеих поэм (Wet 1988: 15), а в некоторых случаях Плутарх даже отпускает замечания по критике текста (указывает на то, что Писистрат внес добавления в Некийю («Тезей» 20), а Солон корректировал список кораблей («Солон» 10). Трагедия у Плутарха часто предстает как синоним обмана (De Lacy 1952: 161) — часто, но не всегда. Цитата из трагедии, хотя и является в приведенном выше примере иллюстрацией утверждения

«неверного», в ином контексте и с иным содержанием может играть и совсем иную роль. В данной работе мы попытаемся охарактеризовать эту роль и рецепцию Плутархом — в форме цитат — текстов трагедии, причем принципы цитирования трагедии Плутархом рассматриваются на материале «Сравнительных жизнеописаний». Хотя «Моралии» статистически дают гораздо больше примеров цитирования, мы исходим из принципиально иной природы текста (Bowie 2008: 143): для жизнеописаний «художественность» важнее «учености», для «Моралий» — наоборот, хотя риторика не исключена в обоих случаях.

Объем материала велик: в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарх прибегает к цитированию трагедии около 50 раз (по нашим подсчетам прямых цитат 56, но некоторые исследователи включают в перечни цитат парафразы и аллюзии, поэтому цифры могут разниться). Попытка классификации приводится в работе Д'Ипполито (D'Ippolito 2000), однако содержательные аспекты (апологетический или полемический) объединены здесь с формальными, т. е. характеристиками способов цитирования (прямая или опосредованная цитата, дословная или перефразированная). В диссертации Митчелл все цитаты Еврипида делятся на прямые, аллюзии и парафразы (Mitchell 1968: 21). Мы же предполагаем рассмотреть именно роль, которую цитата играет в тексте.

Самой распространенной функцией цитирования можно назвать **декоративную** («Тезей» 2 Эсхил, «Алкивиад» 1 Еврипид, «Солон» 1 Еврипид, Софокл, 22 Еврипид, «Александр» 7 Софокл, «Агид» 1 Софокл, «Тимолеонт» 32 Еврипид, 36 Софокл, «Пелопид» 3 Еврипид, «Лисандр» 20 Еврипид, «Катон» 52 Еврипид, «Марцелл» 33 Еврипид, «Эмилий Павел» 1 Софокл, «Тиберий и Гай Гракхи» 10 Еврипид). Это цитата, которая не предполагает никаких дополнительных смыслов, и лишь художественно оформляет мысль автора, демонстрируя его эрудицию. С такой цитаты начинаются «Сравнительные жизнеописания»: сопоставление Тезея и Ромула вводится через слова Эсхила

τοιῷδε φωτὶ τίς ξυμβήσεται;
τίν᾽ ἀντιτάξω τῷδε; τίς φερέγγυος;
С подобным мужем выйдет кто на бой?
Кого послать? Кто с ним сравнится силой?

(перевод С. Маркиша)

С точки зрения формы это пример сложной, «составной» (composite) (Ehorn 2016) и при этом адаптированной цитаты, в которой объединяются две строки из «Семерых против Фив», причем в каждой присутствуют изменения: в строке 435 Плутарх меняет глагол συνίστημι «противостоять» на συμβαίνω «соответствовать», а в 395 меняется лицо — второе, в обращении вестника к Этеоклу, в тексте Плутарха оказывается неуместным. Также скорее парафразу, чем цитату, представляет собой отсылка к высказыванию Еврипида в «Марцелле» 33 (comparatio 3) — но остальные цитаты буквальны и сохраняют ямбическую форму (как правило) при «вплетении» в прозаический текст[1].

Цитаты из трагедий с **информативной** функцией появляются нечасто — мифологическая основа сюжетов позволяет привлечь трагедию только в «Тезее», для подчеркивания благородного происхождения героя (Еврипид, назвав Ипполита «воспитанником благочестивого Питфея», показал общее мнение о нем (3) ὁ δ᾽ Εὐριπίδης, τὸν Ἱππόλυτον ἁγνοῦ Πιτθέως παίδευμα προσειπών, ἐμφαίνει τὴν περὶ τὸν Πιτθέα δόξαν), а также для передачи заведомо нереалистичной информации — описания Минотавра (15). Также в «Фемистокле» 14 «Персы» Эсхила выступают историческим источником для подсчета персидских кораблей, а в «Нуме» (25) цитаты из Софокла и Еврипида служат для описания слишком вольных нарядов спартанок. Заметим, что, в силу жанровой природы, источником информации часто выступает другой драматический жанр — Древняя Комедия (свидетельства Кратина, Евполида, Аристофана о Перикле и Алкивиаде).

Еще один вид цитат, также выполняющих информативную функцию, но с иным смысловым наполнением — это цитаты, которые можно назвать «вынужденными», то есть привлеченные не по воле автора, а обусловленные самим рассказом. Это, например, эпизод из «Аристида» 3, в котором фраза из «Семе-

[1] Способы введения цитаты в текст у Плутарха разнообразны: «вплетение» в авторскую фразу без указания на автора и произведение; указание на цитирование посредством λέγεται, но опять же без имени автора и название произведения без уточнений; цитата с указанием имени поэта или названия произведения. В изданиях цитирование отображается отступом или курсивом, но может и не отличаться от основного прозаического текста (Kharlamova 2020: 326).

рых против Фив» Эсхила, характеризующая Амфиарая (Aesch. Sept. 592 οὐ γὰρ δοκεῖν δίκαιος, ἀλλ᾽ εἶναι θέλει, *он хочет быть справедливым, а не казаться*...), заставила всех присутствующих в театре взглянуть на Аристида; цитата из Софокла, которую произносит Помпей перед гибелью («Помпей» 78) и цитата из Еврипида, произнесенная Брутом («Брут» 51); известный эпизод исполнения неким фокейцем фрагмента хора из «Электры» — что спасло Афины от уничтожения после поражения в Пелопоннесской войне («Лисандр» 15); строка из «Медеи», которой Александр отвечает на жалобы Павсания, и строка из «Андромахи», оказавшаяся роковой для Клита, а также цитаты, которые Александр использует в разговорах с Каллисфеном («Александр» 10, 51, 53); жалобы Деметрия на судьбу и насмешки над ним («Деметрий» 35, 45); примеры язвительного остроумия Цицерона («Цицерон» 27); декламация актера Ясона, разыгравшего эпизод из «Вакханок» с головой убитого Красса («Красс» 33). В последнем примере степень достоверности весьма спорная: Дион Кассий описывает гибель Красса иначе, рассказывая о расплавленном золоте, которое парфяне влили (ἐνέτηξαν) убитому Крассу в рот, но не об отсечении головы (Cassius Dio, 40, 27). Таким образом, сцена, воспроизводящая эпизод из «Вакханок», появляется именно у Плутарха. Можно лишь предполагать, выбрал ли ее автор среди прочих версий из неизвестного нам источника, или придумал сам для драматизации действия. Последнее маловероятно, хотя в этом рассказе отсутствует указание на источник или даже безличное λέγουσι: Плутарх, как мы помним, порицал выдумки «драматических» историографов.

Впрочем, в большинстве случаев у нас также нет других источников, подтверждающих достоверность цитирования. При этом ни одна цитата не может быть отнесена к «декоративным» — все несут смысловую нагрузку: характеризуют персонажа («Аристид», «Помпей», а в случае с Александром его ответ оказывается подтверждением, хотя и косвенным, его вины в гибели Филиппа), оттеняют ситуацию — Лисандр (цитата из Электры, указывающая на переменчивость судьбы, приведшей царскую дочь в сельский дом, коррелирует с предложением фиванцев срыть Афины и превратить в сельскую местность).

К этому типу довольно тесно примыкает следующий — **аналогия**, характеристика персонажа или ситуации посредст-

вом цитаты из трагедии («Алкивиад» 4 и «Пелопид» 29 — Фриних, «Помпей» 1 Софокл, «Помпей» 73 Еврипид, «Марцелл» 21 Еврипид, «Пирр» 9 Еврипид, 14 Еврипид, «Антоний» 24 Софокл, 90 (comparatio 3) Еврипид, «Кимон» 4 Еврипид, «Деметрий» 45 Софокл, «Никий» 5, 9 Еврипид, «Фабий Максим» 27 Софокл, «Агесилай» 15 Еврипид).

Как правило, Плутарх ограничивается при цитировании 1–2 строками. Яркий в своей исключительности пример — 8 строк из несохранившейся трагедии Софокла: описание переменчивой судьбы Менелая применяется к судьбе Деметрия («Деметрий» 45). Впрочем, исключительность тут только в объеме цитаты: «Деметрий» насыщен трагическими цитатами, аллюзиями и контекстами, и театрально-драматический дискурс становится в этой биографии принципом организации нарратива (Zabudskaya 2019: 70–71).

В качестве еще одного примера характеристики персонажа можно привести повторяющуюся цитату (дважды использованную в биографиях («Алкивиад» 4, «Пелопид» 29) и один раз в «Моралиях» (Amatorius 762 E), аттрибутируемую Фриниху (Bowie 2008: 148): Алкивиад перед Сократом, а тиран Александр перед Эпаминондом (ἕπτηξ᾽ ἀλέκτωρ δοῦλος ὡς κλίνας πτερόν в переводе С. П. Маркиша *И крылья опустил петух, как жалкий раб*). В «Моралиях» так же ведет себя влюбленный перед предметом своей страсти. И если контекст из «Алкивиада» может быть соотнесен с контекстом «Моралий», то в «Пелопиде» все излагаемые Плутархом обстоятельства указывают лишь на моральное превосходство Эпаминонда. Таким образом, одна и та же цитата может иметь разные оттенки, хотя смысл в целом остается неизменным: смирение гордеца и моральное превосходство его визави.

Пример характеристики ситуации посредством цитаты из трагедии — еще одна повторяющаяся цитата, на этот раз из Софокла («Царь Эдип» 16). Четыре раза Плутарх приводит эту фразу в «Моралиях» для иллюстрации душевного раскола, вызванного противоречивыми мыслями и чувствами (De virt. mor. 445 D, De amic. mult. 95 C, De superst. 169 D, Quaest. conv. 623 C-D), — и, наконец, в «Антонии» 24 для описания Азии в момент появления там Антония: *Вся Азия, точно город в знаменитых стихах Софокла, была полна / Курений сладких, песнопений, стонов, слез.* [3] ἡ γὰρ Ἀσία πᾶσα, καθάπερ ἡ

Σοφόκλειος ἐκείνη πόλις, ὁμοῦ μὲν θυμιαμάτων ἔγεμεν, (изменена форма глагола γέμει) / ὁμοῦ δὲ παιάνων τε καὶ στεναγμάτων. На первый взгляд эта цитата может показаться чисто декоративной и не совсем подходящей по контексту — Софокл описывает страдания города от чумы, а Плутарх — роскошества пребывания Антония в Азии. Но, видимо, Плутарх хотел уподобить чуме «наглость и бесстыдство» (λαμυρίᾳ καὶ βωμολοχίᾳ) окружения Антония, а также, если выйти за пределы эпизода, провести аналогию с трагической судьбой героя.

Наконец, наиболее приближенный к научному принцип привлечения цитат как средства **аргументации** («Ромул» 9, «Фабий Максим» 17, «Сулла» 4, «Красс» (comparatio 4), «Артаксеркс» 28, «Фокион» 1). На примере цитат Софокла из «Артаксеркса» и «Фокиона» можно проследить отмеченную Д'Ипполито дихотомию (цитаты апологетической/полемической): в первом случае высказывание Софокла справедливо (καθόλου μὲν οὖν ἴσως), во втором — его слушать не стоит (οὐ γὰρ Σοφοκλεῖ γε προσεκτέον). Надо признать, что в первом случае цитата ταχεῖα πειθὼ τῶν κακῶν ὁδοιπορεῖ (*быстрый совет направляет ко злу*, в переводе С. Маркиша *совет поспешный нас ведет дорогой зла*) балансирует между логикой и украшением: из контекста следует, что Дария долго настраивают против брата — при чем же здесь поспешный совет? Да и комментарий Плутарха λεία γάρ τις ἡ πορεία καὶ κατάντης ἐπὶ τὸ βουλόμενον… βούλονται δὲ οἱ πλεῖστοι τὰ φαῦλα δι᾽ ἀπειρίαν τῶν καλῶν καὶ ἄγνοιαν (*путь к желаемому легок … ведь большинство стремится к дурному из-за отсутствия опыта и знания о благе*) не разъясняет мысли Софокла. Из-за отсутствия контекста (источник цитаты неизвестен) это разъяснение затруднено и для нас, но, возможно, цитату следует понимать и переводить несколько иначе: πειθώ — это, прежде всего, 'совет' и 'убеждение', но также и их следствие — 'послушание'; тогда, получается, ко злу ведет 'быстрое (легкомысленное, необдуманное) решение' (можно даже предположить, что для Плутарха πειθώ в целом десемантизируется и вся фраза имеет значение вроде «*легко идти дорогой зла*»). Запутанной предстает и логика привлечения цитаты в начале биографии Фокиона: объясняя, что тяжкие обстоятельства, в которых оказалась Греция, омрачили славу Фокиона, Плутарх приводит цитату из «Антигоны» как поэтическую иллюстрацию неверной

по сути мысли о том, что доблесть слаба (ἀσθενῆ ποιοῦντι τὴν ἀρετὴν). Однако приведенные слова Исмены обусловлены контекстом и являются не обобщающей сентенцией-поучением, а скорее окказиональным аргументом: Исмена отвечает на упрек Креонта о безумии обеих сестер, и никакой «доблести» здесь не подразумевается. Таким образом, цитата, помещенная в совсем иной контекст, меняет и свой смысл — но именно этот новый смысл и опровергается Плутархом. Показательно, что цитата появляется в самом начале, во вступлении, и используется здесь в функции, которая более привычна для «Моралий».

Пример цитаты, использованной в функции риторического убеждения (заметим, аргумент — не самого Плутарха, а вложен в уста героя) — эпизод из «Деметрия» (14), в котором Антигон, «*как говорят*» (λέγεται), убедил сына жениться с помощью искаженной цитаты Еврипида ὅπου τὸ κέρδος, παρὰ φύσιν γαμητέον (*если выгодно, следует жениться против воли* — ср. Phoen. 395 ἀλλ᾽ ἐς τὸ κέρδος παρὰ φύσιν δουλευτέον *но ради выгоды следует и против воли быть рабом*). Другую фразу из «Финикиянок» εἴπερ γὰρ ἀδικεῖν χρή (*если нужно поступать несправедливо*) уже ради собственной, авторской аргументации Плутарх подвергает значительной смысловой переделке: Этеокл у Еврипида утверждает, что несправедливые поступки оправданы стремлением к власти (εἴπερ γὰρ ἀδικεῖν χρή, τυραννίδος πέρι / κάλλιστον ἀδικεῖν), Плутарх, сравнивая деяния Никия и Красса в пользу последнего, предлагает испытывать некоторое почтение к беззаконным деяниям (ἀλλὰ πολλοῦ τιμητέον τὸ ἀδικεῖν) и совершать их по важным поводам, избегая мелких злодейств (ὥς τι φαῦλον ἢ μικρὸν).

Как уже говорилось, рассмотрение цитат у Плутарха сводится чаще всего к констатации и их объяснению (опора на память либо использование вторичных источников), однако объяснением может быть и адаптация используемого стиха к контексту — не грамматическая, а меняющая смысл высказывания. Получается, что такого рода цитаты — это все-таки прежде всего украшение, не только потому, что такая функция преобладает статистически, но и потому, что и в случае использования цитаты как аргумента она искажается и по форме, и по смыслу, то есть ее ценность не определяется содержанием напрямую. Это можно объяснить незнанием контекста — о распространенности сборников «крылатых выражений» в эпоху

II софистики сказано много (Mitchell 1968: 12–14), — но, возможно, это следствие позднеэллинистической пайдейи, более осознанное, чем нам может показаться: цитата нужна автору для демонстрации учености, но ценность ее (цитаты) определяется лишь тем контекстом, в который она включается (но не тем, из которого она берется): интерпретация превыше всего. Этот принцип схож с принципом использования трагиками мифологических сюжетов. Видоизменяя и интерпретируя ямбические триметры (надо сказать, что чаще привлекаются именно они, а не лирические фрагменты) Плутарх выступает как литературный критик[2] (Papadi 2007: 10), а его обращение с текстами трагедий — это одновременно и художественная, и своего рода ученая рецепция. Но здесь и проявляется различие: аналогия и «вынужденное» цитирование оказываются функциями «художественными» и служат для создания специфического биографического нарратива, в то время как пересекающиеся с «Моралиями» функции украшения и аргументации (Bowie 2008: 156), служащие для иллюстрации учености, оказываются в смысловом отношении вне повествования.

Показательно, что анализ текста на уровне цитат не подтверждает выводы о негативном отношении Плутарха к трагедии, как не подтверждает их и анализ на уровне композиционном — а вот на уровне лексическом (отрицательные коннотации слов, связанных с театром и трагедией — Zabudskaya 2018: 519–521) и идейно-образном (прямые высказывания и театральная образность в изображении отрицательных персонажей — Zabudskaya 2019: 66, 71) это отношение проявляется, хотя и не всегда.

Неточное цитирование у Плутарха не является чем-то исключительным — принцип цитирования, предполагающий адаптацию используемого стиха к контексту, представлял собой в то время общую практику (Mitchell 1968: 24). Конечно, к эпохе позднего эллинизма некоторая манера цитирования уже сложилась, как в грекоязычных, так и в латиноязычных текстах. Манера Плутарха — где-то между аккуратностью Цицерона и Диона Хризостома и несдержанностью Афинея (the indis-

[2] А возможно, и как критик текста — Диотима Папади сравнивает его изменения (правда, на примере «Моралий») с интерполяциями и эмендациями александрийцев (Papadi 2007: 37).

criminate mania — Mitchell 1968: 11). И хотя практика существовала и раньше, именно у Плутарха цитата становится художественным приемом, элементом нарратива — как часть более общего «трагического» дискурса. В рассказе Плутарха цитата становится способом пересечения трагедии и реальной жизни — точнее, точкой соприкосновения литературы и истории (дискуссии о том, насколько метод Плутарха является историческим, мы постараемся здесь избежать).

Литература

Beck, M. (ed.) 2014: *A Companion to Plutarch.* Blackwell companions to the ancient world, 98. Wiley-Blackwell, Chichester.

Bowie, E. 2008: Plutarch's Habits of Citation: Aspects of Difference. In: A. G. Nikolaidis, ed., *The Unity of Plutarch's Work: 'Moralia' Themes in the 'Lives', Features of the 'Lives' in the 'Moralia'.* Berlin and New York, 143–57.

D'Ippolito, G. 2000: Plutarco e la retorica della intertestualità. In: *Rhetorical Theory and Praxis in Plutarch*, L. Van der Stockt (ed.), *Acta of the IVth International Congress of the International Plutarch Society*, Leuven, July 3-6, 1996. Éditions Peeters, Société Des Études Classiques, Louvain, Namur, 543–562.

De Lacy, P. 1952: Biography and Tragedy in Plutarch. *The American Journal of Philology*, Vol. 73, No. 2, 159–172.

Di Gregorio, L. 1979: Lettura diretta e utilizzazioni di fonti intermedia nelle citazioni plutarchee dei tre grandi tragici: I. *Aevum*. Anno 53, fasc. 1 (gennaio-aprile), 11–50.

Di Gregorio, L. 1980: Lettura diretta e utilizzazioni di fonti intermedia nelle citazioni plutarchee dei tre grandi tragici: II. *Aevum*. Anno 54, fasc. 1 (gennaio-aprile), 46–79.

Ehorn, *S. M.* 2015*:* Composite Citations in Plutarch. In: Composite Citations in Antiquity: Jewish, Graeco-Roman, and Early Christian Uses (LNTS, 525; London, Bloomsbury T&T Clark,), 35–56

Helmbold, W. C., O'Neil E. 1959: Plutarch's quotations, Philol. monogr. XIX, A. Ph. Ass.

Kharlamova S.A. 2020: [Some Notes on the Translation of *De liberis educandis* made by S. I. Pisarev]. *Philologia Classica*, 15 (2), 322–330.

Харламова С. А. 2020: De liberis educandis Плутарха в переводе С. И. Писарева: проблема источника. *Philologia Classica*, 15 (2), 322–330.

Mitchell, G. 1968: An Analysis of Plutarch's Quotations from Euripides. Ph.D. diss Univ. Of Southern California.

Mossman J. (ed.) 1997: *Plutarch and his intellectual world: essays on Plutarch*. London: Duckworth in association with The Classical Press of Wales.

Papadi D. 2007: Tragedy and theatricality in Plutarch. Doctoral thesis, University of London.

Romilly, J. de 1988: Plutarch and Thucydides or the Free Use of Quotations. *Phoenix* 42.1, 22–34.

Schmidt T. S., Vamvouri M., Hirsch-Luipold R. (eds.) 2020: *The Dynamics of Intertextuality in Plutarch.* Brill's Plutarch Studies, Volume: 5. Leiden; Boston.

Wet B.X. de 1988: Plutarch's use of the poets. *Acta Classica* Vol. 31, 13–25.

Zabudskaya Y.L. 2018: [«Tragic» vocabulary in Plutarch's Lives]. *Indoevropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XXII* [*Indo-European linguistics and classical philology — XII*]. Saint Petersburg. 518–527.

Забудская, Я. Л. 2018: «Трагедийная» лексика в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха. *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXII*. СПб., 2018. 518–527.

Zabudskaya, Y. L. 2019: [Life as acting on stage: dramatic allusions in Plutarch's Lives]. *Aristej. Aristeas: Vestnik klassicheskoj filologii i antichnoj istorii.* [*Aristeas: Philologia classica et historia antiqua*] XX, 63–77.

Забудская, Я. Л. 2019: Жизнь как сценическая игра: драматические аллюзии в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха. *Аристей. Aristeas: Вестник классической филологии и античной истории*. XX, 63–77.

СПИСОК АВТОРОВ
второго полутома

Андронов Алексей Викторович — канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания имени Л. А. Вербицкой Санкт-Петербургского государственного университета. baltistica@gmail.com

Бондарь Лариса Дмитриевна — канд. ист. наук, зам. директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. L007@list.ru

Забудская Яна Леонидовна — канд. филол. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова; МГУ-ППИ (КНР). yanazabud@mail.ru

Корнеев Олег Валентинович — старший преподаватель кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ; kov108@hotmail.com

Либерт Екатерина Александровна — н. с. Института филологии СО РАН, Новосибирск. azzuro@rambler.ru

Mavrogiannis Theodoros — Professor of Ancient History, Department of History and Archaeology, University of Cyprus. theomav@ucy.ac.cy

Матвеев Евгений Михайлович — канд. филол. наук, доцент СПбГУ, ст. науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН. ematveev@list.ru

Межерицкая Светлана Игоревна – канд. филол. наук, доцент факультета Свободных искусств и наук СПбГУ. mezh@mail.ru

Миролюбов Иван Андреевич – канд. ист. наук, н. с. Московского гос. объединенного музея-заповедника. peter-herzog@yandex.ru

Мусбахова Виктория Талгатовна — канд. филол. наук, Фессалоники, Греция.

Найдич Лариса Эриховна (Naiditsch L.) — канд. филол. наук, Professor emeritus, the Hebrew University of Jerusalem. larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

Николаев Александр Сергеевич – канд. филол. наук, Assistant Professor of Classical Studies and Linguistics, Boston University. email: nikol@bu.edu

Никольский Борис Михайлович — доктор филол. наук, профессор, Ин-т мировой литературы РАН, РАНХиГС, ВШЭ. borisnikolsky@gmail.com

Новичкова Ольга А. — аспирантка кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова. novichko.miledi21veka@yandex.com

Осипова Ольга Владимировна — канд. филол. наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. ospv@mail.ru

Панкратова Евгения Григорьевна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Пантелеев Алексей Дмитриевич — канд. ист. наук, доцент, Санкт- Петербургский гос. университет, Институт истории. a.panteleev@spbu.ru

Петросян Армен Егишевич — доктор филол. наук, гл. науч. сотр. Института археологии и этнографии НАН Республики Армения. alpehist@gmail.com

Поникаровская Марина Владимировна – канд. ист. наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. poni-marina@yandex.ru

Попова Инна Дмитриевна – аспирантка ИЛИ РАН. innadpopova@gmail.com

Приходько Елена Владимировна — канд. филол. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова; aristonica@list.ru

Рождественская Татьяна Всеволодовна — д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ. tat.rozhd@gmail.com

Салбиев Тамерлан Казбекович — канд. филол. наук, доцент, и.о. завотделом «Центра скифо-аланских исследований», Владикавказский научный центр РАН, г. Владикавказ, РФ, galabu054@gmail.com

Сафронов Александр Владимирович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры древнего Востока ФГБУН «Институт востоковедения РАН». safronov1477@yandex.ru

Светозарова Наталия Дмитриевна — доктор филол. наук, профессор кафедры фонетики филологического факультета Санкт-Петербургского гос. университета, ndsvetozar@gmail.com

Сидельцев Андрей Владимирович — доктор филол. наук, Институт языкознания РАН, зам. директора, зав. сектором анатолийских и кельтских языков, внс, РГГУ, и.о. зав кафедрой теоретической и прикладной лингвистики. acidelcev@gmail.com.

Смирнов Алексей Владимирович — канд. билол. наук, старший научный сотрудник, Зоологический институт РАН. sav_11@inbox.ru

Смирнова Анна Сергеевна — канд. филол. наук, науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. asmirnova@iling.spb.ru

Солопов Алексей Иванович — доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой классической филологии МГУ имени М. В. Ломоносова. scatebr@mail.ru

Супрунчук Никита Викторович — канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета. ms@philology.by

Топорова Татьяна Владимировна — доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН. t1960@list. ru.

Фалилеев Александр Игоревич — доктор филол. наук, ведущий науч. сотр. ИЛИ РАН. a.falileyev@gmail.com

Хорьков Михаил Львович – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. ИФ РАН. mkhorkov@mail.ru

Хорькова Ирина Валентиновна — канд. ист. наук, доцент кафедры классической филологии МГЛУ. stauross@yandex.ru

Черноглазов Дмитрий Александрович – канд. филол. наук, доцент СПбГУ. d.chernoglazov@spbu.ru

Черняк Александр Борисович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, abchernyak@mail.ru

Шарихина Миляуша Габдрауфовна — канд. филол. наук, науч. сотр. СПбГУ, ИЛИ РАН. justmilya@yandex.ru

Шацков Андрей Владимирович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. andrey.shatskov@gmail.com

Шляхтер Майя Евгеньевна — науч. сотр. ИЛИ РАН. mayyash9@gmail.com

Шумилин Михаил Владимирович – канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, доцент кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ. mvshumilin@mail.ru

Янзина Эвелина Вячеславовна – канд. филол. наук, доц. каф. классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова; lepusravus@hotmail.com

Яценко Мария Вадимовна – канд. филол. наук, доц. кафедры иностранных и русского языков, СПб гос. ун-тет телекоммуникаций им. профессора М. А. Бонч-Бруевича. yatsenm@mail.ru, maria.yatsenko1@yandex.ru

Научное издание

Индоевропейское языкознание и классическая филология XXV(2) (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 21–23 июня 2021 г. / Гл. редактор Н. Н. Казанский. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2021. — 570 с.
(= Индоевропейское языкознание и классическая филология, 25(2), 2021).

Indo-European linguistics and classical philology XXV(2) (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 21–23 June, 2021 / edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2021. — 570 p.
(= Indo-European linguistics and classical philology, vol. 25(2), 2021).

ISSN 2306-9015 Indoevropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
ISSN 2658-6452 (электронная версия)
DOI: 10.30842/ielcp2306901525

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 15 мая 2021. Формат 60x88 1/16
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 613.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Тел. (812) 328-16-12
e-mail: iliran@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13
9450922@gmail.com

Подписка осуществляется по интернет-каталогу «Книга-сервис»
http://www.akc.ru/goods/1558086950
Материалы доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
https://iling.spb.ru/journals.html.ru